

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет исторических и политических наук

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕГОДНЯ: НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ ПРОШЛОЕ, НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ

**Сборник материалов XVI Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 21–23 апреля 2021 г.)**

Выпуск 16

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

УДК 93/99 + 327(082)

ББК 63 + 66

В74

Рецензенты:

д-р ист. наук *М.К. Чуркин*;
канд. ист. наук *В.В. Журавлев*

Редакционная коллегия

д-р ист. наук, зав. каф. Д.Н. Шевелев, д-р ист. наук, проф. Е.Е. Дутчак, д-р ист. наук, зав. каф. В.П. Румянцев, д-р ист. наук, проф. Н.В. Трубникова, д-р ист. наук, зав. каф. М.П. Чёрная, канд. ист. наук, зав. каф. О.В. Зайцева, канд. ист. наук, доц. С.Н. Мирошников, канд. ист. наук, доц. Е.А. Осташова, канд. полит. наук, доц. Е.В. Попова, канд. ист. наук, ст. преп. И.А. Дунбинский, ст. преп. И.П. Глызин, ст. преп. И.А. Кочев, асс. А.Ю. Красноперов, магистрант П.А. Домбровский, студентка Ю.В. Лобанова, студентка И.С. Сметанина, студентка А.Е. Чабина

Социальные и гуманитарные исследования сегодня:

В74 **непредсказуемое прошлое, неопределенное будущее** : сборник материалов XVI Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 21–23 апреля 2021 г.) / отв. ред. Д.Н. Шевелев, И.А. Дунбинский. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. – Вып. 16. – 614 с.

ISBN 978-5-907442-29-0

Представлены материалы XVI Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, прошедшей на факультете исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета 21–23 апреля 2021 г. Исследуются малоизученные и актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории, методологии истории, теории и практики современных международных отношений, археологии и краеведения, социальной антропологии и документоведения.

Для студентов и преподавателей исторических факультетов вузов и всех интересующихся проблемами исторических и политических наук.

УДК 93/99 + 327(082)

ББК 63 + 66

ISBN 978-5-907442-29-0

© Авторы статей, 2021

© Томский государственный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ I. ЛОКАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

<i>Артамонов М.Д.</i> Поправки в конституцию РФ 2020: изменение роли Федерального собрания. Теория и практика	10
<i>Карелина В.В.</i> Влияние присоединения Крыма к России на Российско-Японские отношения по вопросу Курильских островов	15
<i>Келлер Л.И.</i> Краеведческое движение конца XX – начала XXI вв. в современных исследованиях (локальный аспект).....	20
<i>Колеватова Ю.С.</i> Российские СМИ в условиях глобализации: информационная политика и ключевые вопросы.....	27
<i>Кулеш С.А.</i> Освещение российских региональных протестов в западных СМИ	32
<i>Лькова А.А., Скоробогач Н.И.</i> Роль национальных конгрессов в формировании политической повестки в регионах Южной Сибири в конце XX – начале XXI вв.	37
<i>Огнев Д.А.</i> Дискуссия о марксизме в диссертационных советах по историческим наукам при Томском университете	43
<i>Терлецкий В.А.</i> Появление идеологии неонацизма в современной России: специфика и способы профилактики.....	50

СЕКЦИЯ II. ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

<i>Васильева А.К.</i> Спорт как инструмент политики.....	57
<i>Вишнякова Е.Г., Смачных В.Е.</i> Институты Конфуция как инструмент «Мягкой силы» в РФ.....	62
<i>Гадельшин Р.Р.</i> Политический SMM: технология ближайшего будущего	67
<i>Гуревич Д.И.</i> Government Relations: проблемы определения и роль государства.....	74

<i>Кориневский Ю.А.</i> Политическое противостояние кандидатов в президенты многонационального государства Боливия на выборах в 2020 г.....	81
<i>Корнилов К.Е.</i> Политика министерства экономики, торговли и промышленности Японии по отношению к атомной энергетике в ответ на аварию АЭС «Фукусима Дайити».....	87
<i>Македонов Д.А.</i> Политическое лидерство на примере главных агрессоров Европы	94
<i>Марцев Н.П.</i> Национализм в эпоху постмодерна	101
<i>Михайленко Е.И.</i> Концепция элиты как методологический инструмент для изучения сибирского чиновничества	107
<i>Падалко С.С.</i> Концепция «Долгого мира» С. Пинкера и её оппоненты: история интеллектуального диспута	113
<i>Савина Е.В.</i> Ключевые тенденции политической коммуникации партий с гражданами в современной России.....	120
<i>Сафарметова Н.А.</i> Берлинский конгресс в истории внешней политики России	125
<i>Сюй Ц.</i> «Мягкая сила» Китая в Центральной Азии в 2010–2020 гг.	130
<i>Янга М.М.</i> Популизм в дискурсе президента Эквадора Рафаэля Корреа ...	136

**СЕКЦИЯ III. АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ «ПОЛЕ»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ**

<i>Глинкин В.С.</i> Представление Чжуан в фотографических атласах (на примере иллюстрированной энциклопедии «Все народы КНР»).....	143
<i>Дуэрдун Ц.</i> Небольшой тувинский отряд «Ак Орук»: записи полевых исследований.....	150
<i>Леонтьева А.С.</i> «Возвращение в поле» или видеоинтервью как метод проведения удалённых социальных исследований.....	156
<i>Малютин А.О.</i> «Время мое проходило обыкновенно таким образом...»: экспедиционная повседневность в письмах А.В. Потаниной (1884–1886 гг.)	161

<i>Пискунова А.Е.</i> «Обычные» герои и ностальгия по будущему: историческая память о советской космонавтике в современном российском кино	167
<i>Целева П.И.</i> Этнографическое описание домашних практик родовспоможения	174
<i>Устюжанцева О.В.</i> ЭТнография во времена пандемии: цифровое поле и цифровые инструменты	182
СЕКЦИЯ IV. ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ: ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ, КОНТЕКСТЫ, ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ	
<i>Афанасьева Д.А.</i> Женщины как участницы Североирландского конфликта (1969–1998 гг.) в мемориальной культуре Белфаста	191
<i>Бугреева К.И.</i> Образ Наполеона Бонапарта и его значение для российской исторической памяти	197
<i>Васильев А.Н.</i> Способы легитимации власти правителя в период крещения Скандинавии	204
<i>Геворкян А.А.</i> Рекламные приёмы в томских газетах конца XIX – начала XX вв.	211
<i>Герасимов М.В.</i> «Красные или трёхцветные?»: трансформация городского политического пространства власти в первые постсоветские годы (на примере Томска)	218
<i>Дудина В.А.</i> Сохранение исторической памяти о репрессиях в Красноярском крае	224
<i>Игнатьев Д.В.</i> «Православная вера» И «Святая гора» как «Места памяти» в оправдательных стратегиях Максима Грека	230
<i>Мананникова А.Г.</i> Концепция историописания Поля Рикёра как ресурс развития современной исторической эпистемологии	236
<i>Михайлицина Е.А.</i> Историческая педология в изучении сибирской ссылки в современной англо-американской научной периодике	243
<i>Сметанина И.С.</i> Увековечим подвиг предков в веках: история поискового отряда «Фрегат» (2013–2019)	249
<i>Таскаев Н.М.</i> Коммеморативные нарративы участников антибольшевистского движения в Сибири как часть мемориальной политики побеждённых	257

<i>Ястребова У.В.</i> Религиозные праздники Сицилии как памятник культуры: региональный аспект.....	262
---	-----

**СЕКЦИЯ V. ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАСТОЯЩЕГО И ПРОШЛОГО:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

<i>Варгач М.А.</i> Цифровизация российского школьного образования: беда или прорыв в будущее	272
<i>Дубынина Ю.М., Щербатых М.И.</i> Система социального кредита Китая: преимущества, недостатки и перспективы	279
<i>Кулигин Г.А.</i> Интерпретация концепта «Дигитоцен» в российском и зарубежном дискурсе	286
<i>Сорокин Н.Ю.</i> Проблемы цифровизации прошлого и изучения исторической памяти	292
<i>Шейбак В.В.</i> Цифровая трансформация общества в период пандемии COVID-19: положительные и отрицательные стороны	297

**СЕКЦИЯ VI. ВОСТОЧНЫЕ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ:
ДЕМИСТИФИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА**

<i>Александров С.Н.</i> Американское экономическое присутствие как пример реализации Казахстаном стратегии многовекторной внешней политики (1991–2001 гг.).....	306
<i>Бабынцева Е.М.</i> формирование системы переработки мусора в Китае: 1990-е гг. – 2020 г.	312
<i>Белозерцева Н.С.</i> Отражение исторической памяти индийцев в экранизациях Махабхараты	318
<i>Домбровский П.А.</i> Проблема политического реформирования Египта в контексте событий «Арабской весны».....	325
<i>Зайцев А.А.</i> Реформы Раджива Ганди как переходный этап экономической модернизации постколониальной Индии.....	332
<i>Ожогина С.М.</i> Актуализация древнеиндийского культурного архетипа в эпоху Гупт	338
<i>Самбук Д.С.</i> Японо-Российские отношения в области науки и образования в условиях принятия «8 пунктов» С. Абэ. Промежуточные итоги и перспективы.....	345

<i>Сурков М.Ю.</i> Мохаммад Нахшаб и «Движение поклоняющихся Богу социалистов»: первые шаги исламского социализма на политической арене Ирана.....	350
<i>Цацына А.В.</i> «Тысяча и одна ночь»: образ магрибского торговца.....	356
<i>Чернолуцкая А.И.</i> Шэньчжэнь: история развития успеха.....	363

СЕКЦИЯ VII. ЗАПАД НА ПЕРЕПУТЬЕ: АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

<i>Базайкина О.К.</i> Ключевые образы движения Соппротивления в Италии в итальянском кинематографе (1945–2017).....	370
<i>Белкина П.Ю.</i> Феномен Вишеградского сотрудничества.....	376
<i>Дементьев Д.В.</i> Взаимодействие России и Германии в деле урегулирования украинского конфликта.....	381
<i>Ефремов А.В.</i> Эволюция Австрийской партии свободы на рубеже XX–XXI вв.	387
<i>Котович К.А.</i> Исламофобия во Франции: трудности определения.....	393
<i>Менщикова Ю.В.</i> Джон Мэйджор и проблема идентичности ЕС в Великобритании в 1990–1997 гг.....	399
<i>Минор Э.Э.</i> Развитие возобновляемых источников энергии в Европе и будущее «Северного потока – 2».....	404
<i>Михайлова О.А.</i> Англо-Бурская война 1899–1902 гг. как переломный момент в истории британской дипломатии.....	411
<i>Мокрецова Е.Н.</i> Пророки прошлого: Л.Н. Толстой и Дж. Рескин. Традиционное общество как общественный идеал.....	417
<i>Папян А.В.</i> Проблема путей развития Орегонской методистской миссии среди миссионеров (1834–1844 гг.).....	424
<i>Патрик А.В.</i> Скандинавские страны – общества победившего феминизма?.....	431
<i>Попов Ю.П.</i> Место США в концепции «Европейского мирного порядка» В. Брандта.....	437
<i>Стыценко А.С.</i> Новый образ Германии в советской прессе после Потсдамской конференции.....	444

<i>Тодыков Е.С.</i> Место ФРГ в политике США по нераспространению ядерного оружия	449
<i>Шевелев А.И.</i> Генри Солли и деятельность Союза рабочих клубов и институтов Великобритании в 60-е гг. XIX века	456
<i>Ядренкина А.Е.</i> Система Д'Ондта в Европейском парламенте: вынужденная мера или «Темная сторона» демократии	462

СЕКЦИЯ VIII. ГОРОДСКАЯ И СЕЛЬСКАЯ ИСТОРИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

<i>Алехина Л.Э.</i> Социальная общность жителей закрытых городов Урала в 1990-е годы (на примере закрытых административно-территориальных образований атомной промышленности)	469
<i>Баранова И.В.</i> Благотворительность немцев в Санкт-Петербурге – ориентация на опыт организации благотворительной деятельности в германских государствах	474
<i>Дунаевская М.М.</i> «Трудились во имя Победы!»: студенчество Томского университета и город в годы Великой Отечественной войны	480
<i>Дуплякин М.Н.</i> Правовое обеспечение сибирской ссылки до выхода Устава о ссыльных 1822 г.	487
<i>Карпачев М.К.</i> Жилищные реквизиции в Томске в 1918–1919 годах как фактор трансформации образа Чехословацкого корпуса	493
<i>Криницына Т.С.</i> Градостроительная история Советского Выборга: трансформация подходов и практик	498
<i>Мастрюкова А.А.</i> формирование публичного образа главы администрации Томской области В.М. Кресса в 1991–1996 гг. (по материалам томской газетной периодики)	503
<i>Пастухов К.С.</i> Хозяйственные практики сельских старообрядцев Тувы на рубеже 1950–1960-х гг.	509
<i>Полугородний М.С.</i> Студенчество Томского государственного университета накануне Великой Отечественной войны	515
<i>Строкольский В.А.</i> Образ эсера-террориста в «Московских ведомостях» и «Русских ведомостях» на примере покушения на Великого князя Сергея Александровича (4 февраля 1905 г.)	524

<i>Ткачев В.В.</i> Деятельность городского общества в процессе формирования художественной жизни Иркутска второй половины XIX – начала XX вв.....	531
<i>Халимочкин В.С.</i> Продовольственный кризис в Ленинграде в годы перестройки.....	537
<i>Чабина А.Е.</i> «Дешевая» студенческая столовая в городском ландшафте Томска.....	543
СЕКЦИЯ IX. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ: ОТ ИСТОЧНИКА К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	
<i>Гладуценко А.В.</i> Охрана памятников археологии в Советской России в период 1917–1941 гг.....	550
<i>Голев И.А., Лобанова Ю.В.</i> Коллекция мемориальных предметов Г.Э. Иоганзена в Музее истории Томского государственного университета.....	556
<i>Дунаев Д.Б.</i> Работа Сыктывкарской пристани Северного пароходства в годы ВОВ.....	562
<i>Жуков В.В.</i> К истории исследований русских городов Сибири: от первоначальных знаний к археологическим открытиям.....	568
<i>Ковалева А.В.</i> Погребальный обряд курганной культуры Юго-Восточной Прибалтики в бронзовом и раннем железном веках.....	573
<i>Кондратенко Г.А.</i> Типы стен русских городов и острогов Сибири конца XVI – XVIII вв.....	580
<i>Смердова В.А.</i> Находки ткани и кожи в погребениях Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевска (по материалам раскопок 2019–2020 гг.).....	586
<i>Чутин М.Ю.</i> «Жутко вам на пороге Азии!»: ориенталистские и эволюционистские представления чиновника Переселенческого управления В.Л. Кигна (Дедлова).....	593
Сведения об авторах	600

СЕКЦИЯ I. ЛОКАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 321.015

М.Д. Артамонов

ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ РФ 2020: ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В январе 2020 года В.В. Путин выступил с обращением к Федеральному Собранию РФ. Данное выступление стало провозглашением преобразований Конституции. Важным аспектом был вопрос об изменении роли парламента в структуре государственной власти. Суть статьи – сравнение послания В.В. Путина и принятые поправки о роли Парламента и Президента, а также соотнесение российской практики изменений в Конституцию с практиками других государств.

Ключевые слова: изменения в Конституцию РФ, поправки, послание Федеральному собранию, Федеральное собрание, Президент

Проблема изменений в Конституцию РФ 2020 года в политических и юридических науках главным образом исследовалась с позиции институционального анализа. Центральными вопросами, поднимавшимися в отечественной научной литературе, были: «Как изменился институциональный дизайн государственной власти? В чем особенности процесса принятия поправок?» Эти проблемы не могут быть не затронуты и в данной статье, однако логика анализа строится на двух этапах:

1. Выявление принципов, касающихся изменения роли Федерального собрания, заявленных Президентом в ходе речи.
2. Практическое воплощение их в пакете изменений в Конституцию РФ.

Цель данной работы – определить соответствие итогового проекта принципам, заложенным Президентом в речи.

При анализе первого необходимо учитывать, в том числе, и общий характер того, что излагал Президент в речи. В начале речи было сказано, что *«сегодня в нашем обществе чётко обозначился запрос на перемены»* [1]. В этой логике обосновывались и последующие темы. Касаемо роли Федерального Собрания была объявлена необходимость повышения ответственности за формирование Правительства и бóльшую ответственность за его политику. Предложенные меры, которые были реализованы в пакете поправок, должны были повысить роль и значение парламента, сделать взаимодействие ветвей власти более эффективным и улучшить баланс между ними. Учитывая приведенные автором положения о задачах сменяемости и гибкости, эти принципы провозглашали курс на серьезные перемены в политическом дизайне страны. В целом это было и подтверждено личной оценкой В.В. Путина.

Действительно, характеризуя российскую систему центральной власти, отмечают некоторые институциональные ограничения для эффективной и самостоятельной деятельности Федерального собрания, а главным образом Государственной думы. Например, возможность роспуска Президентом Государственной Думы с точки зрения процедуры значительно проще, нежели отрешение Президента от должности Федеральным собранием с учетом порядка формирования Совета Федерации в том числе.

Правомерно стоило полагать, что послание Президента Федеральному собранию может стать катализатором процесса повышения политической самостоятельности Федерального собрания. В итоговом законопроекте статус Государственной Думы действительно претерпел ряд некоторых изменений.

Во-первых, принцип повышения роли Государственной думы в процессе формирования Правительства был реализован в Статье 112. Теперь нижняя палата парламента утверждает кандида-

туры министров и заместителей Председателя, однако за Президентом остается монопольное право назначать министров силового блока [2. Ст. 112. П. 2]. В статье подчеркивается, что Президент не вправе отклонить кандидатуры, утвержденные Государственной Думой. Однако при возникновении конфликтных ситуаций между Президентом и нижней палатой (что сложно представить в данной политической ситуации) сомнительно полагать, что полномочий Госдумы будет больше, чем у Президента. С одной стороны, это связано с тем, что после троекатного отклонения кандидатур Президент имеет право назначить их самостоятельно. С другой стороны, несмотря на формальное положение Президента «над ветвями власти», связь его фигуры с исполнительной властью прослеживается ввиду новой редакции п. «б» Статьи 83 Конституции Российской Федерации: *«осуществляет общее руководство Правительством Российской Федерации»* [2. Ст. 83. П. "б"]. Так, Президент имеет рычаги влияния на все процессы формирования Правительства. Кроме того, его полномочия по роспуску Думы и самостоятельному назначению министров не оказывают серьезного влияния на усиление роли парламента в госаппарате.

Во-вторых, были расширены консультативные полномочия Совета Федерации [2. Ст. 102]. Суть данного пункта заключается в консультациях Президента по поводу фигуры Генерального прокурора РФ, а также «силовых министров». Консультации, безусловно, важнейший элемент взаимодействия между ветвями власти, однако такой формат не накладывает столько-либо обязательств на Президента в вопросе назначения министров.

В-третьих, Президент РФ, сложивший свои полномочия, получил возможность быть сенатором пожизненно [2. Ст. 95. П. "б"].

В-четвертых, увеличилось число «представителей Российской Федерации» до 30. Семь из них могут быть сенаторами пожизненно [2. Ст. 95. П. "в"]. Этот и предыдущий пункт можно отне-

сти как способы решения задачи придания стабильности системе, нежели гибкости и сменяемости. Данные поправки не были оглашены Президентом в послании Федеральному собранию.

Обозначенные в данной работе принципы, которые провозгласил В. В. Путин, выделены путем цитирования президентской речи и были выражены весьма очевидно. Характер российской политической системы, обновленной после принятия поправок, практически не вызвал научных дебатов. Так, Уильям Парлетт считает, что *«фактические изменения не уравнивают конституционную систему России путём каких-либо ограничений президентской власти»* [2. С. 44]. Ю.Г. Ершов также отмечает несостоятельный характер усиления роли Государственной думы: *Расширение полномочий Госдумы по утверждению премьер-министра оставляет открытыми вопросы о праве инициативы парламента на выдвижение собственной кандидатуры, в том числе вопреки воле президента и его совместимости с правом президента «отстранять от должности председателя правительства, его замов и федеральных министров в случае ненадлежащего исполнения обязанностей или в связи с утратой доверия»* [4. С. 44]. Оптимистичный взгляд был представлен в работе В.А. Ильина и М.В. Морева, которые ставят роль личности Президента как весомый фактор исторического развития страны. Это вытекает из логики, что В.В. Путин мог утратить доверие к действующим институтам политической власти, ввиду чего конституционно был закреплен, например, Государственный Совет. Авторы не отрицают повышенной роли Президента в «новом» институциональном дизайне, но видят в нем положительные стороны: результат есть *«проявление им политической воли – как человека, взявшего на себя персональную ответственность за национальную безопасность России, и как личности, планомерно достигающей своей цели по строительству новой, «постсоветской» государственности»* [5. Т. 13. С. 30].

Выводы

Заявление Президента об усилении роли Федерального собрания, укреплении баланса сил между ветвями власти не было реализовано в итоговом пакете поправок. Ряд исследователей отмечают обратный эффект: поправки укрепили институт президентской власти. Таким образом, данный феномен создает опасный прецедент, когда не личность должна соответствовать существующему институту власти, а когда институт трансформируется и становится средством в руках личности.

Несоответствие принципов и итогового пакета поправок может говорить о том, что высказывания во время речи Президента имели скорее политико-коммуникативный характер, нежели программный. То есть был упрощенным посланием для российских граждан как ответ на необходимость перемен, в то время как законопроект об изменениях в Конституцию констатировал другие ценности.

Федеральное собрание не претерпело существенных изменений в системе государственной власти Российской Федерации, его положение лишь ухудшилось относительно института Президента.

Фактически пакет изменений в Конституцию РФ стал фактором повышения роли В.В. Путина как действующего Президента России через усиление государственных институтов, на формирование которых он имеет возможность оказывать непосредственное влияние. Данный аспект в отечественной науке рассматривается как с положительной, так и с отрицательной точки зрения.

У. Партлетт сопоставляет конституционные изменения в России с процессами, происходящими в Латинской Америке, когда один политической субъект трансформирует конституцию в своих политических целях [3. С. 61]. Институциональные возможности Президента РФ также позволяют ему играть важную роль в конституционном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента Федеральному собранию // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582> (дата обращения: 15.04.2021).
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : (с изменениями от 01 июля 2020 г.) // Консультант-Плюс : надежная правовая поддержка. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.04.2021).
3. Партлетт У. Поправки к Конституции России 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3 (136). С. 51–62.
4. Ершов Ю.Г. К вопросу о поправках в Конституцию Российской Федерации // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 41–49.
5. Ильин В.А., Морев М.В. Еще один шаг на пути к «долгому государству» В. Путина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 1. С. 9–33.

УДК 94

В.В. Карелина

ВЛИЯНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ НА РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПО ВОПРОСУ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

В статье приведена краткая история вопроса территориальной принадлежности Курильских островов после Второй мировой войны и описаны основные проблемы подписания мирного договора между Российской Федерацией и Японией. Также проведен анализ влияния присоединения Крыма к России в марте 2014 года на российско-японский политический диалог по подписанию мирного договора.

Ключевые слова: политический диалог, присоединение Крыма, территориальная проблема, российско-японские отношения, мирный договор

Проблема принадлежности некоторых территорий Курильских островов существует издавна. Курильские острова вошли в состав Советского Союза после Второй мировой войны, но пра-

во собственности на некоторые острова оспаривается Японией. Это создает проблемы при подписании мирного договора между Россией и Японией. Россия считает весь Сахалин и Курилы своей территорией, а Япония, в свою очередь, считает, что Южные Курилы принадлежат ей, а Северные Курилы и Сахалин – территориями Российской Федерации. На Ялтинской конференции после Второй мировой войны, когда президент США Франклин Делано Рузвельт призвал Советский Союз участвовать в войне с Японией, через три месяца после капитуляции Германии Советский Союз войдет на территорию Японии, а Курилы и Сахалин станут советскими территориями. Правительство Японии приняло Потсдамскую декларацию, безоговорочно капитулировало перед союзниками и подписало акт о капитуляции 2 сентября 1945 года [1.Т.11]. Согласно ст. 8 Потсдамской декларации, территория Японии была ограничена четырьмя крупными островами (Хоккайдо, Хонсю, Кюсю, Сикоку) и небольшими островами, обозначенными союзниками. Курильские острова были оккупированы Советским Союзом, в соответствии со статьей 7 Потсдамской декларации порядка 1 (б) [2].

В 2013 году между правительствами России и Японии произошли плодотворные встречи, которые вывели российско-японские отношения на новый уровень. Были и встречи формата «2+2», то есть, по два представителя от каждой страны. 8 февраля 2014 года на церемонии открытия XXII Олимпийских зимних игр встретились президент Российской Федерации Владимир Путин и премьер-министр Японии Синдзо Абэ, где договорились о новой встрече на саммите «Большой восьмерки» (G8), но эта встреча так и не состоялась [3].

Так что же произошло в 2014 году? Что испортило отношения между странами? Из-за чего ввели санкции против России?

Причиной тому стал украинский кризис. После присоединения Крыма к России 18 марта 2014 года японо-российские от-

ношения ухудшились. «Присоединение было нарушением суверенитета и территориальной целостности Украины» – заявил генеральный секретарь Кабинета министров Японии Ёсихидэ Суга на пресс-конференции [4]. Россия попала под санкции, в том числе и японские, но это не разрушило российско-японские политические отношения. Россия, по сути, была исключена из «Большой восьмерки» (G8). Поэтому саммит был проведен в Брюсселе, а не в Сочи, как планировалось ранее, и без участия России [5].

На момент присоединения Крыма к России японцы предполагали, что на территории России будет процветать национализм, что, в свою очередь, приведет к ужесточению переговоров по Северным территориям (термин японской стороны). Но получилось наоборот: Россия заняла более гибкую позицию в переговорах по Курильским островам, именно так проблема озвучивается со стороны России. Было предложено решение, по которому Москва уступит Японии острова Хабомаи и Шикотан. Но если все-таки это произойдет, то начнутся вопросы и о возвращении Крыма, иными словами, цепная реакция [6].

Курильские острова имеют большое военно-стратегическое значение для России и влияют на национальную безопасность. Благодаря этим островам Россия считает Охотское море своими внутренними водами. Кроме того, Южные Курилы имеют мощные системы противовоздушной обороны и радиолокационные комплексы, а также топливные склады для заправки самолетов. Курильские острова и прилегающие к ним районы – единственная экосистема, которая, в первую очередь, богата биологическими ресурсами. Прибрежные воды Южных Курильских островов и Малой Курильской гряды являются основными средами обитания ценных видов рыб и морепродуктов, а их добыча и переработка составляют основу экономики Курильских островов.

Их потеря ослабит обороноспособность Российской Федерации. После потери Кунашира и Итурупа Охотское море не будет являться внутренним морем России. Россия должна пройти через множество споров и разногласий, чтобы решить эту проблему, но единственный ключ к взаимопониманию между двумя странами – это создание климата доверия и взаимовыгодное сотрудничество в различных областях политики, экономики и культуры. Только в таких условиях Россия и Япония могут найти взаимовыгодные решения этой проблемы [7.С.82–87].

Положительные моменты передачи спорных территорий для России: новый уровень в отношениях России и Японии, отношения подлинного доверия и партнерства. Но на самом деле, позитивных факторов в этом практически нет. Безусловно, большое количество плюсов для Японии, а для России сплошные минусы.

В случае, если Япония все-таки получит Южные Курилы, она сможет приобрести:

а. По мнению Токио: значительный рост международной известности Японии поспособствует согласованию глобального положения страны с ее экономической мощью.

б. Экономическая зона, прилегающая к Южным Курилам, имеет большую ценность по запасам рыбной продукции (экспедиция на Южные Курилы обеспечивает половину добычи всех российских рыбодобывающих компаний на Дальнем Востоке) и запасов полезных ископаемых, что очень важно для экономики Японии.

в. Владение островами Южно-Курильского хребта дает японским и американским военно-морским силам свободный доступ к Охотскому морю и контроль над стратегически важными проливами, что препятствует военному развертыванию сил Тихоокеанского флота России.

Самый большой недостаток возвращения островов – нужно принимать жителей (русских) такими, какие они есть. Затраты

на образование, включая обучение жителей японскому языку и затраты на безопасное существование немалые. Кроме того, вполне предсказуемо, что они покинут северные территории и переедут на материковую часть Японии в поисках лучшей жизни сразу после получения японского гражданства, отчего возникнут различные проблемы (такие как обеспечение безопасности). Это то же самое, что принять сразу большое количество иммигрантов.

У многих стран существует стереотипное мнение, что отношения между Российской Федерацией и Японией сейчас находятся в состоянии застоя, хотя это совершенно не так. Состояние отношений между Россией и Японией сегодня можно охарактеризовать как самое благоприятное за всю историю общения двух стран. Лидеры обеих государств понимают, что очень важно и необходимо дальнейшее улучшение отношений, сближение сторон, чтобы заключить мирный договор.

Японская сторона не ставит под сомнение важность развития всеобъемлющих отношений с Россией, но отношения всегда находятся в напряженной ситуации, особенно когда не удастся решить вопрос о согласовании российско-японской государственной границы.

Чтобы качественно развивать отношения между Японией и Россией, нужно разрешить территориальный спор и заключить мирный договор. Для заключения необходимы дополнительные усилия, а для этого необходимо дальнейшее углубление взаимопонимания между японским и российским народами. Это возможно, в том числе, за счет развития отношений между странами в культурном, экономическом, социальном и других аспектах. Вполне возможно, что подписание мирного договора затянется еще на несколько лет, причиной тому станет не что иное, как принадлежность спорных территорий Курильских островов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая российская энциклопедия : в 35 т. Т. 11 / гл. ред. Ю.С. Осипов. М. : Большая российская энциклопедия, 2008. 767 с.
2. Заявление глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая (1945) // ХРОНОС. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1945spotsdam.php (дата обращения: 09.04.2021).
3. Казаков О.И. Российско-японские отношения в 2014 году // Ежегодник «Япония». 2015. № 44. С. 20–35.
4. Правительство Японии не признает присоединения Крыма к России // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20150313/1052326908.html> (дата обращения: 09.04.2021).
5. Куримиа хэйго:-то-ва нан датта-но-ка? Кё:тэндочи-но дзикэн-о сай-ко:суру (Присоединение Крыма – что это было? Повторно рассмотрим поразительный прецедент) // GLOBE+: The Asahi Shimbun. URL: <https://globe.asahi.com/article/11767238> (дата обращения: 09.04.2021).
6. Куримиа-го – кокуруцу коккай тосёкан дэзитару корэкусён (После Крыма – цифровая коллекция парламентской библиотеки). URL: https://dl.ndl.go.jp/view/download/digidepo_8689380_po_076102.pdf?contentNo=1&alternativeNo= (дата обращения: 09.04.2021).
7. Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе: рабочая тетрадь № 50/2019 / А.Н. Панов, Д.В. Стрельцов, А.А. Киреева, В.В. Нелидов ; гл. ред. И.С. Иванов. М. : НП РСМД, 2019. 44 с.

УДК 908

Л.И. Келлер

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ. В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (ЛОКАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Рассматривается локальный аспект изучения истории современного сибирского краеведения. Приведены его характеристики, выделяемые учеными. Определены группы историографических источников по изучению истории омского краеведения, отмечены издания, направленные на актуализацию наследия исследователей родного края.

Ключевые слова: Омск, историография краеведения, сибирское краеведение, омское краеведение, рубеж XX–XXI вв.

Конец XX – начало XXI вв. — это новый этап в развитии отечественного краеведческого движения, содержание которого ученые называют «краеведческим бумом». В современной исторической науке можно констатировать увеличение интереса ученых к местной истории, феномену «краеведения» и самой личности «краеведа». При этом исследователи чаще обращают внимание на зарождение краеведческого движения в России и его развитие в советский период. А современный этап остается недостаточно изученным.

Обращаясь к российскому краеведению конца XX – начала XXI вв., исследователи определяли причины его подъема в конце 1980-х гг., сущность понятия краеведения, его методологические основания. В статьях и докладах С.О. Шмидта, В.Ф. Козлова, М.П. Мохначевой, А.Г. Смирновой освещены основные тенденции современного краеведения, центры и деятельность созданного в 1990 г. Союза краеведов России, формы краеведческой работы в столице и регионах.

Цель данного доклада – выявить основные направления изучения истории современного краеведения на примере г. Омска и Омской области. Основные группы историографических источников составили тексты докладов на конференциях и семинарах, научные статьи, опубликованные в журналах и сборниках. Современное состояние краеведения, деятельность краеведов затрагивается в источниках социально-ориентированного историописания – работах по истории города, предназначенных для широкого круга читателей.

Омское краеведение – часть более масштабного сибирского краеведения. Характерные черты его современного этапа освещены в статьях В.Г. Рыженко [1, 2], М.В. Шиловского [3]. Авторы обращают внимание на тенденцию «персонификации» истории, что проявляется в увеличении именных конференций и статей, посвященных подвижникам краеведения, расширение тема-

тики исследований. Одной из главных характеристик является увеличение количества краеведческих сборников, альманахов и журналов, издаваемых архивами, музеями, высшими учебными заведениями. В.Г. Рыженко в качестве отличительных черт современного этапа называет его «научность» и разработку теоретических и методологических вопросов. Историография краеведения данного региона приведена в статье «Краеведение» в «Исторической энциклопедии Сибири». Её автор, О.Н. Шелегина, конец 1980 – начало 1990-х гг. обозначила как период краеведческого «ренессанса», являющегося следствием живого интереса к непростой судьбе отечества. Исследователь предложила рассматривать краеведение начала XXI в. «как синтез наук, раскрывающих историю, культуру, экономику, природные особенности какой-либо единицы местности, объединенных рядом специфических методов познания, поиска, распространения знания и чувством причастности к судьбе изучаемого объекта» [4, с. 165].

История омского краеведения ранее освещалась в трудах А.В. Ремизова, Н.А. Седельниковой, но хронологические рамки основной части этих исследований не затрагивали конец XX – начало XXI вв. А.В. Ремезов в книге «Омское краеведение 1930–1960-х гг.» [5] сделал акцент на кадровом составе краеведческого движения, описал главные направления работы краеведов, опираясь на архивные материалы личных фондов. Во введении к книге обозначены некоторые тенденции краеведения в 1980–1990-е гг. в России и в Омске. Н.А. Седельникова в кандидатской диссертации [6] проследила изменения в составе и направлениях деятельности местных сообществ краеведов в 1930–1980-е гг. в контексте персональной истории и трансформаций социокультурной ситуации.

Обращение к омскому краеведению на современном этапе можно отметить уже в годы «перестройки». На конференции «Памятники истории и культуры Омской области» (1989 г.)

наряду с докладами о подвижниках краеведения было озвучено выступление Ф.К. Нады и Н.А. Томилова о краеведческой деятельности совета «Память» Омского отделения Фонда культуры, созданного в 1988 г.

Важным историографическим источником обобщающего характера для нас является «Омский историко-краеведческий словарь» (1994 г.) под авторством П.П. Вибе., А.П. Михеева, Н.М. Пугачевой [7]. В словарных статьях приведена деятельность краеведческих организаций, биографические сведения о краеведах города Омска и Омской области. К обобщающим статьям можно отнести работы П.П. Вибе [8] и А.П. Сорокина [9], в которых отмечены учреждения, занимающиеся изучением местной истории. Как часть культурной жизни города краеведческое движение освещено во втором томе «Очерков истории Омска» (2005 г.) и первом томе «Энциклопедии города Омска» (2009 г.). К новым формам историографических источников следует отнести «Антологию омского краеведения», два тома были выпущены в 2013 и 2015 г. Цель данного совместного проекта Министерства культуры Омской области, Омского государственного историко-краеведческого музея и Омского регионального отделения Союза краеведов России – показать научную и культурную значимость наследия известных омских краеведов, как опубликованного, так и хранящегося в музейных и архивных фондах, частных коллекциях. Первый том [10] состоит из трех основных блоков: научно-исследовательские статьи о жизненном и творческом пути подвижника омского краеведения А.Ф. Палашенкова, тексты его работ с комментариями, приложения с перечнем музейных предметов, связанных с его биографией, и списком публикаций. Второй том [11] включает труды П.П. Вибе за 1989–2015 гг. Издание открывает статья В.Г. Рыженко и Н.А. Томилова «Ученый, краевед, хранитель исторической памяти: к юбилею П.П. Вибе», в заключительном

блоке приводится полная библиография трудов историка, позволяющая более полно представить читателю широкий круг его научных интересов и познакомиться с работами, не вошедшими во второй том «Антологии». В 2020 г. состоялась презентация третьего тома, в который вошли публикации дореволюционных авторов XVIII – начала XX вв., к изданию готовится четвертый, посвященный краоведам Омской области XX – начала XXI вв.

Среди имеющихся на сегодняшний день публикаций можно выделить группу работ, посвященных краеведческой деятельности государственных и общественных организаций: музеев, школ, архивов, Совета краеведения Омского отделения Советского фонда культуры, Омского отделения ВООПИиК. К другой группе относятся статьи о краоведах. Значительную часть среди этих работ составляют юбилейные публикации в честь ныне здравствующих исследователей истории края (П.П. Вибе, Т.М. Назарцевой, В.Г. Рыженко, А.В. Ремизова и др.) либо в память об ушедших коллегах (И.Ф. Петрове, М.Е. Бударине, А.Д. Колесникове и др.), размещенные в изданиях «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея», «Знаменательные и памятные даты Омского Прииртышья». С 2014 г. Омской государственной областной научной библиотекой им. А.С. Пушкина издается серия указателей «Биобиблиографика. Исследователи Омского края». Каждый указатель включает биографию краоведа, список трудов и литературу о нем [12, с. 172]. Комплекс таких статей, изданий подтверждает вывод о «персонификации» истории, местной в том числе. В.Г. Рыженко интерес ученых к человеку в современной исторической науке и краеведении объясняет стремлением «воздать должное их беззаветным и бескорыстным служителям» [2, с. 74]. Также возникновению подобных биографических исследований способствует внимание к личности краоведа (и его наследию) как представителю провинциальной интеллигенции.

Анализируя тематическую направленность литературы об истории омского краеведения, стоит отметить, что его зарождение и история в советский период освещены достаточно полно в рамках монографических и диссертационных исследований. Работы, освещающие его современное состояние, носят фрагментарный характер. Об этом говорит источниковая база исследования: наличие докладов, статей, посвященных персоналиям и организациям, занимающимся исследованием края. Таким образом, основной блок работ основан на антропологическом и институциональном подходах. Однако, такая тенденция характерна и для других регионов, где в качестве центров краеведения выступают вузы, библиотеки (областные и районные), архивы, музеи, общественные организации. Но, как и в Омской области, присутствует тенденция к обобщению истории современного краеведения. Такой вывод позволяет сделать содержание сборников докладов участников Всероссийских краеведческих чтений. Обращению к истории краеведения способствует тот факт, что подобные исследования являются частью более широкого направления – изучения истории культуры российской провинции. Также данная тематика присутствует в проблемном поле интеллигентоведения, провинциологии, интеллектуальной истории.

Анализ авторского состава работ по истории омского краеведения, в котором в большинстве присутствуют профессиональные историки, показывает, что на рубеже XX–XXI вв. оно имеет сильный кадровый и научный потенциал для своего дальнейшего развития и обобщения накопленного материала в единую историю конца XIX – начала XXI вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыженко В.Г. Современные историко-краеведческие исследования: признаки и перспективы развития // Проблемы сохранения исторического наследия Тарского Прииртышья : материалы исторической-краеведческой конфе-

ренции, посвященной памяти А.В. Ваганова, Тара, 26–27 марта 2002 г. Омск, 2003. С. 11–14.

2. Рыженко В.Г. Современное краеведение: общие проблемы и региональный опыт рубежа XX–XXI веков // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития : материалы Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине – источник любви к Отчизне», Зарайск, 30 января 2004 г. М.: АНО ИЦ «Москвоведение», 2004. С. 72–82.

3. Шиловский М.В. Актуальные вопросы истории и современной практики исторического краеведения в Сибири // Земля тюменская. 2004. Вып. 17. С. 32–42.

4. Шелегина О.Н. Краеведение // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Т. 2: К–Р. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2010. С. 161–165.

5. Ремизов А.В. Омское краеведение 1930–1960-х годов. Очерки истории : монография. 2-е изд., испр. и доп. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2010. 248 с.

6. Седельникова Н.А. Областное краеведение как социокультурный феномен (на материалах Среднего Прииртышья 1930–1980-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. 28 с.

7. Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М. : Отечество, 1994. 318 с.

8. Вибе П.П. Краеведение в Омском Прииртышье // Омский краевед. 2003. № 1. С. 5–7.

9. Сорокин А.П. Омск, 300-летие: краеведческое сообщество Омского региона на современном этапе // Проблемы краеведческой деятельности библиотек: материалы XVIII Всероссийского научно-практического семинара, Омск, 3–6 октября 2018 г. СПб., 2018. С. 21–30.

10. Палашенков А.Ф. Избранные труды // Антология омского краеведения. Т. 1. Омск : Омскбланкиздат, 2013. 742 с.

11. Вибе П.П. Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках // Антология омского краеведения. Т. 2. Омск : Омскбланкиздат, 2015. 790 с.

12. Ремизов А.В., Сорокин А.П. Жизнь и творчество омских краеведов в серии «Библиографика» ОГОНБ имени А.С. Пушкина // Пятое Ядринцевские чтения : материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 30–31 октября 2019 г. Омск : ОГИК музеев, 2019. С. 170–175.

Ю.С. Колеватова

РОССИЙСКИЕ СМИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ

В предлагаемой статье автор оперирует понятиями «глобализация» и «информационный империализм». Во временном промежутке с конца XX века до настоящего времени выделяются основные тенденции развития российской медиасферы. Также автор затрагивает проблему чрезмерного заимствования российскими СМИ зарубежных моделей формирования информационных повесток дня, теории подачи информации и построения системы масс-медиа в отдельно взятом государстве.

Ключевые слова: глобализация, информационная повестка дня, медиапространство, политический плюрализм, локализация, социальный институт

В современных исследованиях ученые тесно связывают понятие СМИ с глобализацией. Авторы современной теории медиажурналистики М.М. Лукина и И.Д. Фомичёва считают, что этот процесс сыграл значительную роль в истории развития телевидения, прессы и радио [1. С. 8]. Ученый К.А. Панцерев видит в нем негативные последствия: массовую истерию – эпидемия, которая поражает массы, и в результате человек теряет способность к нормальному восприятию происходящего, и информационный империализм – распространение культурно-информационной продукции, которая эффективно рекламирует и насаждает западные ценности, стандарты и образ жизни [2. С. 355].

Ряд исследователей опасается глобализации, так как, по их мнению, данному процессу, свойственна однотипная реклама в разных странах и на разных языках, сделанные под копирку телешоу и программы, идентичная подача новостей на разных телеканалах мира. Сфера масс-медиа меняется, и сложно одно-

значно ответить плохо это или хорошо. Проанализировав развитие СМИ с конца XX века до настоящего времени, можно дать оценку процессам глобализации и степени их влияния на российское медиапространство. Также следует отметить, что глобализация – процесс динамический, а, значит, трансформация системы масс-медиа происходит в настоящий момент времени, и имеет свои особенности.

Социально значимые процессы предшествовали процессам глобализации в СМИ: перестройка, утверждение принципа гласности и ведение открытой государственной политики. В новых условиях появляется возможность для импорта в Россию медиапродуктов и технологий из развитых стран мира (США, Германии, Франции). Первоочередным становится вопрос о формировании информационной политики СМИ. На данном этапе заимствование опыта западных коллег приводит к противоречию: выбору в пользу открытого медиарынка, политического и культурного плюрализма, или ставки на силу национальных традиций, подчинение государственным структурам власти. Также СМИ делают осознанный выбор между коммерческим и открытым общественным типом издания, что влияет на целевую аудиторию и дальнейшее развитие информационного канала.

Возникает проблема зависимости медиасистем от традиций Запада, которая до сих пор не потеряла своей актуальности. Ученый К.А. Панцеров в числе первых дает определение термину «информационный империализм». Он утверждает, что это процесс, когда культурно-информационная продукция наиболее эффективно рекламирует и насаждает западные ценности, стандарты и образ жизни, что способствует росту зависимости развивающихся государств «третьего мира» от развитых стран Запада [2. С. 356]. По мнению К.А. Панцерева, в России глобализация непропорциональная: в условиях не развитой медиэкономике на телевидение вводили дешевые форматы программ, зарубежную

рекламу. Лишь в конце 1990-х годов российские СМИ адаптируют иностранные медиапродукты и внедряют в них национальные элементы: дублируются фильмы, запускается производство уникальных рекламных роликов, западные развлекательные программы адаптируются под российскую аудиторию [2. С. 358].

Важнейший фактор глобализации – проникновение профессиональных «западных» стандартов в работу журналистов. В отечественных СМИ в конце XX – начале XXI века «лиды» и «тело текста» строятся по принципу «перевернутой пирамиды», когда самая ценная и важная информация помещается в начало статьи, по мере продвижения к ее концу, уменьшается и важность, а также насыщенность [3. С. 85]. Верстка, заголовки, стиль заимствуются у британских или американских изданий. Журналистские материалы подразделяются на новостные и аналитические, трансформируется система жанров, исчезает принцип «чистоты» жанра – журналист использует в одном материале несколько жанров. В итоге качество и содержательность материалов значительно снижаются, появляется «желтая» пресса, и, как результат, падает рейтинг доверия к СМИ.

В рамках глобализации также происходит процесс локализации СМИ. Локализация – это языковая и культурная адаптация информации под регион, в котором он будет реализован. Это необходимо для того, чтобы аудитория одного региона смогла правильно понять то, что было создано в другом регионе [3. С. 247].

Газеты и информационные площадки адаптируют медиапродукт под интересы и потребности аудиторию конкретного региона, также местная культура используется для продвижения товара, вводится понятие «национального бренда», вызывающее устойчивую положительную ассоциацию у читателя. Показательно, что именно журнальный рынок стал наиболее восприимчивым к процессам локализации. К примеру, издательский дом «Бурда» создал серию адаптированных для русского рынка

журналов. Успех был обеспечен за счет их творческой локализации [4. С. 246]. Позднее крупные издания открывают офисы в регионах и адаптируют новости, меняют информационную повестку дня, изучают особенности национальной политики конкретного субъекта, менталитет населения (например, «Московский комсомолец», РИА Новости, ТАСС).

В части телевидения Россия установила собственные правила игры. В странах Запада развито эфирное, кабельное и спутниковое телевидение, которое имеет собственное информационное и развлекательное программирование. В наше время кабельные и спутниковые каналы на Западе транслируют развлекательные программы, которые делятся на специализированные каналы, посвященные кино, музыке, спорту. К кабельному телевидению относятся видеотелевизионные журналы, у которых целевая аудитория масштабнее.

В России же развитого кабельного ТВ в полном смысле этого явления нет. Это, прежде всего, связано с отсутствием программных компаний, которые качественно обслуживали бы кабельные сети. Но в тоже время телеканалы остаются частью общероссийского информационного пространства.

Российское телевидение подразделяется на эфирное федеральное вещание, региональные эфиры и локальные кабельные программы. Федеральные СМИ создают контент в интересах национальной аудитории и постоянно освещают события внутри страны. Однако удаленность «федералов» дает возможность успешно развиваться региональным телекомпаниям [1. С. 9]. Не маловажен и тот факт, что в России нет общественно-правового телевидения, хотя в названии телеканала ОТР (общественное телевидение России) и содержится прилагательное «общественное», но на 51% канал принадлежит государству, а на 49% – частным лицам. То есть ОТР – государственно-частный канал.

Таким образом, важнейшие перемены в нашей стране в сфере СМИ связаны с процессом глобализации. СМИ переживают непростой период: происходит смена системы жанров, устанавливается новая модель телевидения, меняется отношение к прессе и журналистике. Однако этот процесс не приводит к полной свободе СМИ: всё также функционируют ангажированные, сервильные медиаканалы, а «независимая» пресса ограничена в правах и возможностях. Кроме того, выявляется новая функция СМИ – манипулятивная. Глобальные потоки информации становятся инструментом управления массовым сознанием, а в период глобализации возникает понятие медиаполитики, в рамках которой СМИ используют в политической сфере для трансляции имиджа кандидатов, создания положительного образа политической элиты. СМИ – инструмент манипуляции в сфере экономики, политики, даже в религиозной сфере. Информационный империализм превалирует в российском пространстве. Происходит копирование тенденций, техник, методов и информационных пространств с минимальной адаптацией, что сказывается на качестве российского медиарынка и отношении потребителя информационного продукта.

Российские СМИ, будучи социальным институтом, не избежали влияния процесса глобализации, который имеет положительные и отрицательные стороны для национальной политики. С помощью новых медиа распространяются позитивные и негативные мнения относительно ситуации в стране, что порождает полемику. Негативен тот факт, что моральные качества и устои в обществе подвергаются информационному давлению посредством СМИ.

Одно из позитивных последствий глобализации – влияние англо-американских форматов на современные масс-медиа. Широкое распространение западные традиции получили в теле- и радиопродукции, что улучшило качество СМИ и расширило

информационное поле. Однако этот процесс привел к копированию формата и содержания, мощной волне заимствований в российских медиатекстах. Однако глобализация и увеличила конкуренцию между изданиями, а новая электронная коммуникация распространилась на все сферы жизни общества. Медиа-компании активно включились в процесс глобализации, который продолжается и, к примеру, И.Д. Фомичёвой рассматривается источником экономического благополучия, орудием укрепления влияния и символом современности и прогресса [1. С. 12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фомичёва И.Д. Система средств массовой информации России: журналистика и медиарынок // Вестник московского университета. 2003. № 5. С. 8–12.
2. Панцеров К.А. Информационный империализм: препятствие на пути стран Тропической Африки к независимому развитию // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2021. № 94. С. 355–362.
3. Виниченко В.М. Рождение «перевернутой пирамиды»: пять ответов на один вопрос // Вестник Московского университета. 2006. № 5. С. 85–90.
4. Сапожникова И.А. Глобализация и средства массовой информации // Омский научный вестник. 2008. № 5. С. 246–259.

УДК 32.019.51

С.А. Кулеш

ОСВЕЩЕНИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОТЕСТОВ В ЗАПАДНЫХ СМИ

В статье представлен результат контент-анализа материалов зарубежных СМИ. Автор рассматривает освещение политических процессов и явлений России прошлых двух лет в зарубежных СМИ. Был проанализирован характер публикаций.

Ключевые слова: образ России за рубежом, протесты в России, СМИ, Хабаровск, Шиес, Екатеринбург, Куштау

Актуальность вопроса усугубляется в контексте событий прошедших лет на мировой арене, которые привлекли внимание мировых СМИ к внешней политике РФ. Средства массовой информации играют огромную роль в жизни каждого человека. Постоянно расширяя свою аудиторию, завоёвывают авторитет в обществе, вовлекают граждан в общие социологические процессы и способствуют осознанию своей принадлежности к государству и миру политики. Большинство публикаций посвящено роли России в международных отношениях. Однако не менее интересно мнение зарубежных СМИ о внутренних процессах, происходящих в России. На сегодняшний день можно наблюдать жесткое противостояние между РФ и странами Запада в информационном поле. Всё чаще в иностранных СМИ видно критику в освещении внешней политики России, предпринимаются попытки исказить, показать часть правды. Любые действия России показываются, как агрессивные и угрожающие, что создаёт в сознании аудитории образ агрессора. Плюс ко всему, все события, происходящие внутри России, освещаются искажённо также для усиления негативного образа РФ.

Гипотеза: события, происходящие в России, освещаются искажённо для усиления негативного образа России.

Цель исследования: рассмотреть публикации, освещающие российские региональные протесты, выходящие в западных СМИ. Необходимо изучить для оценки приёмов, используемых западными журналистами, чтобы обеспечить своё видение внутривластных процессов, происходящих в России.

Для этого необходимо рассмотреть характер освещения западными СМИ крупных российских региональных протестов за последние три года: против строительства мусорного полигона вблизи железнодорожной станции Шиес в Архангельской области, против разработки шихана Куштау в Башкирии, протесты против строительства храма в сквере в Екатеринбурге, митинги

в Хабаровске в поддержку арестованного губернатора края Сергея Фургала.

В качестве метода исследования выбран контент-анализ, как приемлемый инструмент изучения содержания публикаций СМИ Великобритании, Германии и Соединённых Штатов Америки. Источниками исследования послужили такие средства массовой информации как BBC, Deutsche Welle, The Guardian, New York Times и Washington Post, являющиеся популярными и влиятельными зарубежными журналами [1]. Предполагается изучить публикации, посвященные региональным протестам в России, вышедших в западной периодике на момент с 2018 по 2020 гг.

Рассмотрев освещение протестов против строительства мусорного полигона вблизи железнодорожной станции Шиес в Архангельской области (шедшие с 2018 года и завершившиеся успехом в 2020 году), событий, связанных с началом разработки «Башкирской содовой компанией» шихана Куштау в августе 2020 года, и протестов против строительства храма в сквере Екатеринбурга 2019 года в западных СМИ, можно сделать вывод, что последние больше заинтересованы в политических акциях протеста в России, нежели в экологических или локальных протестах ввиду того, что на них не формулируются политические требования, а решаются вопросы исключительно местного характера.

В результате протестов создаются согласительные комиссии с представителями общественности, протестующих и властей, на которых все стороны приходят к удовлетворяющим договорённостям. В них нет политического протеста, в связи с этим невозможно показать своей аудитории сюжеты борьбы российского общества с федеральной властью. Но и при освещении подобных протестов западные журналисты отмечают, что протестующие выступили против власти, которая в современной России очень редко прислушивается к требованиям со стороны

населения, и одержали в противостоянии с ней уверенную победу [2].

Значительный объём публикаций на тему региональных протестов в России посвящён Хабаровску. Здесь, в отличие от других рассматриваемых в этой работе протестов, были заявлены политические требования. Основной целью протеста является освобождение Сергея Фургала. В дальнейшем к требованиям протестующих добавилось отстранение Михаила Дегтярёва от должности врио губернатора Хабаровского края и отстранение Владимира Путина от должности президента России. Лозунги в адрес президента особенно заинтересовали зарубежные СМИ. В публикациях содержится мысль о том, что люди выходят на протест в большей мере не против ареста губернатора, а против политики президента Путина в отношении регионов. Основная тема статей – дальневосточный город Хабаровск становится символом сопротивления Кремлю. Для драматизации события в них пытаются разыграть сюжет о противостоянии мятежного края с президентом Путиным.

Для усиления эффекта показывается быт одного из участников протеста среди разваливающихся бараков на окраине города, в которых нет водопровода и канализации. Это выдаётся за общую закономерность, и преподносится таким образом, что все жители Хабаровска живут в таких домах, хотя на самом деле, понятно, что это не так. Для комментариев на тему хабаровского протеста приглашались эксперты по российской внутренней политике и российские оппозиционеры [3].

Протестам против московского мусора в Архангельской области, за сохранение городского сквера в Екатеринбурге и протестам в Башкирии, начавшиеся во время хабаровского протеста, было уделено мало внимания. Неполитическая повестка не заинтересовала западные СМИ, поскольку это локальный уровень и там нет как таковой критики федеральной власти. Лозун-

ги против Путина были вторичны, так как лозунги были в духе регионального патриотизма, но западные СМИ выводят лозунги против президента на первое место. Личность Путина преподносится в качестве зла против населения страны, замученного коррупцией, бедностью и его правлением.

Очевидно, что антироссийские настроения преобладают во всех западных СМИ. Хотя и большинство публикаций посвящено внешней политике Москвы. Информация о выходящем на улицы в «авторитарной» России населении создаёт в умах их аудитории представление о том, что поддержка президента Путина населением может быть более хрупкой, чем показывают опросы.

Для достижения своих целей, в противостоянии на информационном поле западные медиа начинают пользоваться внутренней политикой России. Все чаще в своих статьях западные СМИ поддерживают протестующих, называя их борцами за демократические права и свободы. В лучшем случае, идет нейтральное изложение событий, без какого-либо осуждения в отношении них.

В освещении протестов СМИ подходят односторонне, приглашая в качестве экспертов для обсуждения вопроса российских протестов только представителей оппозиции к действующим федеральным властям, любые события сводятся к теме смены власти, борьбы за демократию, нарушений прав человека, агрессивной реакции властей и жертвах этой агрессии. Что создает у западной аудитории искаженный образ России и событий, происходящих в ней.

Основная масса западных СМИ принадлежит мощным политическим партиям, которые не заинтересованы в улучшении отношения к России. В связи с этим информация подаётся в нужном им направлении. Из-за международного статуса английского языка аудитория таких изданий очень велика и имеет большое влияние. Это самое большое преимущество Запада в информационном противостоянии с Россией. И здесь должен под-

ниматься вопрос об эффективности современного российского инновационного вещания, действующее в качестве противовеса западным медиа для объективного и качественного освещения событий в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самые влиятельные газеты и журналы мира // Selection: Отборная информация. URL: <https://infoselection.ru/infokatalog/novosti-smi/smi/item/357-sa-mye-vliyatelnye-gazety-i-zhurnaly-mira> (дата обращения: 31.03.2021).
2. Opinion: Russians show they can resist Putin's war on dissent // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/russians-show-they-can-resist-putins-war-on-dissent/2019/05/29/9a77d9da-7cbd-11e9-8bb7-0fc796cf2ec0_story.html (access date: 31.03.2021).
3. Opinion: Russia's Far East stands up to the Kremlin – and shows Putin slipping // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/08/03/russias-far-east-stands-up-kremlin-shows-putin-slipping/> (access date: 31.03.2021).

УДК 32.019.5

А.А. Лыкова, Н.И. Скоробогач

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНГРЕССОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ В РЕГИОНАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

В статье исследуются особенности становления региональных общественных организаций этнического характера и их влияния на политический процесс в национальных республиках. Рассматриваются причины создания подобных организаций, а также их цели. Сходство и различия развития региональных общественных движений, выражающих интересы национального населения. Степень влияния таких организаций на региональный политический процесс.

Ключевые слова: национальное самосознание, общественные движения, региональный политический процесс, Республика Алтай, Республика Хакассия

Последовавший за исчезновением Советского Союза отказ от ментальных установок, которые последние 70 лет преобладали на территории страны, стал катализатором кризиса идентичности во всех постсоветских республиках. К концу XX века обострение национального вопроса, послужило причиной появления различных этнических общественных объединений. Такого рода объединения, с помощью представителей этнической интеллигенции разрастались в национальные движения (курултай, хуралы или съезды и др.). Они же в середине 90-х годов и стали значимыми игроками на политическом поле национальных республик.

Проблема национальной идентичности до сих пор не является решенной, в связи с чем усиливается внимание к национальным организациям, влияющим на региональный политический процесс. В связи с этим интересным представляется анализ общественных движений этнического характера в регионах со схожими процессами становления и развития новой политической системы. Республика Алтай и Республика Хакасия два соседствующих региона. Оба субъекта являются национальными республиками, имеют схожую политическую систему, одним из участников которой являются национальные организации. В исследовании с помощью компаративного анализа двух таких организаций – Съезд хакасского народа и Курултай алтайского народа – проследим эволюцию организаций этнического характера в политическом пространстве регионов.

Большое количество ученых, в первую очередь сибирских, занимались исследованием данного вопроса: И.В. Октябрьская и Е.В. Самушкина [1, 2], В.Н. Тугужекова [3], Л.И. Шерстова [6], Н.Я. Артамонова [5], Л.В. Анжиганова [6] и др. Исследователи внесли существенный вклад в изучение общественных организаций национального характера в современной России. Вместе с тем степень влияния этнических организаций на политическую жизнь регионов, механизмы взаимодействия с региональными

отделениями политических партий и республиканскими органами государственной власти изучены недостаточно.

Первый Съезд Хакасского народа состоялся в 1990 году. До 2002 года руководящим органом СХН был Чон Чобі, который, позднее в первую очередь из-за конфликта руководства Чон Чобі с представителями органов власти Республики Хакасия был заменен на более контролируемый Республиканский Совет старейшин хакасского народа.

С самого начала Съезд самопровозгласил себя как верховный орган управления хакасов. Ни одна национальная организация или движение Республики так и не смогли добиться такого влияния на политический процесс в регионе, как это сделал Съезд. Руководство правления Чон Чобі состояло из представителей хакасской творческой и научной интеллигенции. Основными целями Съезда стали вопросы возрождения хакасского народа, его языка, культуры, а также представление национальных интересов на политическом поле региона и страны в целом.

На основе анализа архивных данных, а также данных периодической печати, можно выделить три этапа деятельности Съезда. Начальный характеризуется активной деятельностью Съезда. В этот период благодаря его действиям регионом был получен Республиканский статус субъекта. СХН начал проявлять себя как значимый актор политического процесса.

Второй этап характеризуется законодательным оформлением деятельности Съезда. Появляется Закон республики Хакасия, который закрепляет статус Съезда, как консультационного органа при Парламенте Республики Хакасия. Отмечается конфронтация данного объединения и официальной власти.

На третьем этапе меняются основные приоритеты СХН. Вся политическая деятельность прекращается. Основными направлениями работы становится культурно-просветительская деятельность.

1990-е гг. в Республике Алтай характеризуются ростом числа общественных организаций этнического характера. Среди таких организаций можно выделить «Курултай алтайского народа», «Эне Тил», Ассоциация малочисленных коренных народов.

«Эне Тил» стала одним из первых объединений, занимающихся вопросами сохранения и развития алтайского языка. Это одна из крупнейших организаций консолидированного тюркоязычного населения.

«Ассоциация малочисленных, коренных народов – организация куда вошли представители кумандинцев, челканцев, тубаларов, телеутов и теленгитов. Основные положения программы Ассоциации – возрождение культурно-экологического климата этносов через создание национальных школ, прекращение уничтожения природных ресурсов в районах расселения малых народов» [2].

Более подробно следует рассмотреть «Курултай алтайского народа». В 1997 г. по инициативе Зайсаната и лидеров организации «Эне-Тил» было создано общественное движение «Курултай алтайского народа». В 1997 г., на первом съезде, было принято решение о том, что Курултай является высшей формой самоуправления. Выражающей национальные интересы алтайцев. Таким образом курултай является исторически организационным представительством алтайских этнических элит. Целями организации были выдвинуты сохранение и защита обычаев и традиций алтайцев, развитие диалектов алтайского языка, консолидация алтайских народов.

Для понимания развития организации необходимо понимание её структуры. Руководство осуществлялось правлением – Тёс Тёрго, во главе которого находился Эл-Бышчи т.е. Глава народа. Тёс Тёрго избиралось из числа Зайсанов, которые являются избранными главами родов. С 1997–2011 г. наблюдалось развитие организации. Росло не только влияние организации на

политические процессы в регионе, но и структура. К 2010 г. Курултай имел отделения во всех районах республики.

2011 г. стал кризисным для Курултая алтайского народа. Образовалось двоевластие. Было избрано два «Эл Башчы». На «официальном» или «чрезвычайном» съезде был образован «Конгресс алтайского народа», учредители которого заявили о том, что основными целями общественного движения станет не политика, а развитие науки, культуры и связи с аналогичными объединениями других регионов. С другой стороны, «альтернативный» курултай создали организацию «Алтай курултай». В 2013 г. начинается новый этап развития организации. «Алтай курултай» регистрируется как региональное общественное движение и объединяет представителей всех родов.

Среди людей, имевших наибольшее влияние в «официальном» курултае можно выделить Бронтоя Бедюрова, Юрия Антараданова, а также Геннадия Суммина. Последние отличились конфликтом с «Единой Россией» на муниципальных выборах 2013 г. Ю. Антараданов имел огромное влияние в Усть-Коксинском и Онгудайском районах республики, что объясняется его отношением к алтайскому роду «тодош», наиболее многочисленному в указанных районах. Благодаря этому, на выборах главы Усть-Коксинского района победил Г. Пильтин, поддерживаемый Ю. Антарадановым, а не представитель «Единой России» Л. Маиков. После инцидента Ю. Антараданов и Г. Суммин возглавили региональное отделение партии «Патриоты России». Благодаря роли Ю. Антараданова в Курултае алтайского народа, «Патриоты России» смогли войти в региональный парламент на выборах 2014 г.

Альтернативный курултай также влиял на политическую повестку региона. Перед выборами 2014 г. «Алтай курултай» стал центром консолидации протестного голосования. Представители различных партий – депутаты Госсобрания (КПРФ, РПР-

Парнас, Родина) подписали коллективное письмо В. Путину с просьбой назначить на пост врио главы региона А. Петрова. Накануне выборов депутатов Госсовета – Эл Курултай 2021 г. (официальный представительный орган Республики Алтай) «Алтай курултай» призывает голосовать за любую партию, кроме «Единой России», надеясь повторить опыт протестного голосования 2014 г.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «Съезд Хакасского народа» и «Курултай алтайского народа» имея одинаковые причины зарождения и цели, развивались по-разному.

Очевидно, что этапы развития организаций проходили разным путем. Можно утверждать, что мы наблюдаем деградацию политической активности СХН. Изначально активно участвуя во всех крупных политических событиях региона, Съезд теряет свою значимость к началу 2000-х гг. Это обусловлено несколькими факторами: достижение основных поставленных целей организацией, конфликт Съезда с действующей региональной властью, в том числе с Главой Республики (А.И. Лебедем), что в итоге и привело к ликвидации политической активности Съезда.

В отличие от Съезда «Курултай алтайского народа» добивается своих целей на протяжении всего существования. Он и сегодня является активным участником регионального политического процесса. Даже кризисные явления можно оценивать, как реакцию на политическую повестку региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самушкин Е.В., Октябрьская И.В. Этнокультурный ренессанс в современной Сибири: общая характеристика и региональный опыт (на примере Республики Алтай и Республики Хакасия) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4. С. 73–79.

2. Октябрьская И.В., Самушкина Е.В. Общественное движение в Республике Алтай: традиционализм и проблема мобилизации этничности (конец XX – начало XXI века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5,

№ 3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-dvizhenie-v-respublike-altay-traditsionalizm-i-problema-mobilizatsii-etnichnosti-konets-xx-nachalo-xxi-veka> (дата обращения: 08.03.2021).

3. Тугужекова В.Н. Развитие национальных отношений, национальных культур в Хакасии // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы : материалы третьей республиканской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Республики Хакасия. Абакан, 2001. С. 18–21.

4. Шерстова Л.И. «Новые» идентичности современных тюркоязычных народов Сибири // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2016. № 1. С. 62–73.

5. Артамонова Н.Я. Хакасские ученые о роли национальной интеллигенции в этнополитических процессах Республики Хакасия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. Вып. 12, ч. 3. С. 24–27.

6. Анжиганова Л.В. Родовое движение хакасов как фактор возрождения и развития этноса // Культура и социум : материалы межвузовской научно-практической конференции. «Котожековские чтения, посвященные 60-летию со дня рождения Г.Г. Котожекова». Абакан, 2002. С. 124–127.

7. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив». Отдел документов новейшей истории (ГКУ РХ «Национальный архив» ОДНИ). Ф. 884. Оп. 1–46.

8. Хакасия: ежедневная республиканская общественно-политическая газета. Абакан, 1992–2018.

УДК 930.2

Д.А. Огнев

ДИСКУССИЯ О МАРКСИЗМЕ В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В докладе на примере работы диссертационных советов по историческим наукам при ТГУ в 1995–2005 гг. рассматривается дискуссия о применении марксистской методологии в исторических исследованиях. Показан переход от резкого неприятия марксизма, вызванного де-

идеологизацией науки, к его реабилитации и признанию наряду с другими методами. Отмечена роль томских историков, членов диссертационных советов, в сохранении преемственности между советской и постсоветской генерациями историков.

Ключевые слова: марксизм, методология, деидеологизация науки, диссертация, диссертационный совет

Распад социалистической системы существенным образом повлиял на отечественную историческую науку. Следствием эмансипации от идеологии стало, с одной стороны, свободное, не ограниченное текущей политической конъюнктурой развитие исторической науки, с другой – утрата ценностного ядра, которым являлся марксизм. Между «советской» и «постсоветской» наукой образовался методологический «железный занавес». Рассмотрим, как осуществлялся пересмотр взглядов в отношении марксизма в исторической науке постсоветского периода на примере дискуссий в диссертационных советах при Томском государственном университете Д 063.53.01 и Д 212.267.03.

Уже через год после распада СССР из названий кафедр исторического факультета исчезли слова «советский», «СССР» и «КПСС». Однако смена названий вовсе не означала мгновенную смену академической ментальности – «постсоветские» историки оставались теми же историками, что и «советские». Ю.В. Курперт считал, что «марксистская парадигма живёт, иногда даже благоденствует. <...> Парадигма, которая существовала, действовала, была ведущей на протяжении десятилетий, не может рухнуть сразу, поскольку живёт ещё в мозгах историков и в их методологическом инструментарии» [1. Л. 14–15].

Фактически первым «постсоветским» годом для диссертационного совета Д 063.53.01 стал 1995 – когда была защищена последняя диссертация по истории КПСС. Дискуссия по поводу позиций марксизма возникла на защите кандидатской диссертации А.М. Изергина «"Глобальная история" Фернана Броделя.

Вопросы методологии» (21 декабря 1995 г.). По мнению соискателя, «сегодня, вернее, уже вчера, в 80-х гг., эта [марксистская – Д. О.] парадигма потерпела крах, хотя кризис её нарастал уже в 70-х гг.» [1. Л. 7]. С данным тезисом категорически не согласился Ю.В. Куперт, но поддержала Л.Г. Сухотина. «Уязвимость марксистской парадигмы как единственно верной» [1. Л. 17] Л.Г. Сухотина обосновывала вызванной ею отсталостью российской исторической науки. Ю.В. Куперт, 25 лет проработавший на кафедре истории КПСС, и Л.Г. Сухотина (оба они были членами КПСС) в этой дискуссии выражали две противоположные точки зрения по поводу марксистской методологии.

Имело место и противоположное восприятие: в докторской диссертации И.Ф. Медведева «Социально-экономическое и культурное развитие села национальных образований Сибири (1960–1985 гг.)» (19 сентября 1997 г.) была осуществлена попытка «реабилитации» марксизма. По мнению И.Ф. Медведева, ошибкой советского партийного руководства было считать марксизмом «набор догм, базировавшихся на произвольно выхваченных цитатах или ими самими придуманных» [2. Л. 8], тогда как собственно научные выводы Маркса, Энгельса и Ленина были отброшены: «Село приходило в упадок, но происходило это не потому, что коммунисты действовали по Марксу, а наоборот, из-за того, что они не знали Маркса, или знали, но сознательно игнорировали его идеи» [2. Л. 22]. И.Ф. Медведев не отрицал будущего за марксистскими идеями. Подобная апология марксизма вызвала критическую реакцию со стороны Л.Г. Сухотиной, однако дискуссия в связи с необходимостью перерыва была приостановлена Б.Г. Могильницким.

В докторской диссертации Ю.В. Галактионова (с 2000 г. – члена диссертационного совета Д 212.267.03) «Отечественная историография германского фашизма (20-е годы – первая половина 90-х годов)» (11 декабря 1997 г.) также была дана взве-

шенная оценка марксистской методологии. «Я на протяжении трёхсот с лишним страниц диссертации как раз попытался непредвзято [показать] как достоинства марксистской методологии <...>, так и её ограниченность» [3. Л. 21], – говорил соискатель. Им в целом положительно были оценены достижения советской историографии: «Отставание от исторической науки Запада было относительным. <...> те сюжеты, которые привлекали в наибольшей степени зарубежных учёных, достаточно плодотворно исследовались и в нашей историографии» [3. Л. 10].

Консенсус по поводу марксизма начинает складываться в 1998–1999 гг. Стремление найти баланс между полярно противоположными точками зрения на советскую историческую науку и её методологию, уйти от «непрекращающихся попыток огульной дискредитации всего этого [советского. – Д.О.] периода и, в частности, изображения всей советской историографии как “фабрики сплошной фальсификации истории”» [4. Л. 1] проявилось в кандидатской диссертации Ю.В. Шаляевой «Советская историография истории раннего христианства» (22 января 1998 г.)). По мнению Ю.В. Шаляевой, «марксистская историография просто не получила возможности адаптироваться к новым условиям» [5. Л. 9–10]. Она признавала «жизнеспособность» концепций советских историков, у которых просто «не было возможности продемонстрировать себя вне идеологического контекста» [5. Л. 9]. В.С. Гурьев по этому поводу несколько иронически заметил: «Мне кажется, что эту историографическую работу есть резон возложить на плечи новой генерации, <...> потому что они, в отличие от нас, с нашим темпераментом – покаянием, иконоборчеством, разрыванием рубах – гораздо более спокойно относятся ко всему этому. Для них это – наука, это – факт, с которым они очень спокойно работают – в меру отпущенных сил и способностей» [5. Л. 18].

О.А. Харусь положительно отзывалась о модернизации методологического аппарата отечественной историографии, указы-

вая, однако, что этот процесс «нередко сопровождается проявлениями инверсионной логики мышления исследователей и субъективизма в оценочных суждениях» [6. Л. 3]. Нейтральной была позиция, высказанная Л.И. Шерстовой на защите своей докторской диссертации «Этнополитическая история тюрков Южной Сибири. XVII – начало XX вв.» (3 декабря 1999 г.): «Я ни в коей мере не отрицаю его [марксизма – Д.О.] научности и тем более не подвергаю сомнению его права на существование и использование» [7. Л. 41–42].

В целом после 1999 г. дискуссия о марксистской методологии начала сходиться на нет. Её применение или неприменение уже в большей степени объяснялось конкретными задачами, которые ставил перед собой исследователь, а основной задачей историка было объективное изучение истории. Критика же марксизма, став общим местом, наносила серьёзный вред объективности исследователей, вследствие чего на заседаниях совета звучали комментарии вроде «Провозглашая антимарксистские, антикоммунистические позиции с точки зрения методологического подхода, сам диссертант подходит к проблемам с позиций чистого марксистского фундаментализма» (Ю.В. Куперт) [8. Л. 26], «Когда надо, так и Ленин у вас прав!» (Б.Г. Могильницкий) [9. Л. 22] и пр.

Точка в дискуссии о марксизме, развернувшейся в диссертационных советах по историческим наукам при ТГУ, на наш взгляд, была поставлена к 2005 г., уже в период работы совета Д 212.267.03. «Реабилитация» Маркса была отмечена Б.Г. Могильницким на защите диссертации Ю.В. Мельниковой «История и миф в антиковедных трудах А.Ф. Лосева» (11 марта 2005 г.): «Сегодня мы далеко ушли от начала 90-х с их «ату, Маркс» и всё больше признаём место и значение Маркса в развитии мировой исторической мысли» [10. Л. 20]. Одной из причин завершения дискуссии было состояние, которое можно условно

назвать «обратной деполитизацией»: в начале 2000-х гг. в академической среде окончательно схлынул какой-либо энтузиазм, связанный с постсоветскими политическими преобразованиями, который во многом и подстёгивал резко критическое отношение к советскому прошлому. Как заметил Д.Я. Резун, «вся беда России заключается в том, что мы, учёные, всегда идём вслед за политиками» [10. Л. 21].

Другой причиной, способствовавшей нейтрализации отношения к марксизму, было вызванное в том числе методологическим кризисом снижение качества диссертаций. Так, К.Н. Широко объяснял это тем, что «критерии научности, выработанные в предыдущий период, оказались поставлены под сомнение, а новые так и не были выработаны ввиду отсутствия общепринятых методологических позиций» [11. С. 1].

Позиция историков, членов диссертационных советов по историческим наукам при ТГУ, в отношении марксизма была в большинстве случаев консервативной (резко критическим отношением к марксизму было только у Л.Г. Сухотиной) и в определённом смысле охранительной. «Новое историческое мышление действительно требует по-новому взглянуть на целый ряд вопросов» [12. Л. 1], – писал Л.И. Боженко. Но «новое историческое мышление» не означало категорического разрыва с советским прошлым исторической науки, и члены совета придерживались корректности при обсуждении опыта предшественников. Л.И. Боженко писал: «Нынешняя яростная и огульная критика некоторыми публицистами и историками Ленина, и как политика, и как теоретика, не снимает теоретико-методологического значения его трудов» [13. Л. 5]. Не одобрял, не скрывая этого, сколько-нибудь неуважительного отношения к предшественникам и критики их как «псевдоисториков» и С.Ф. Фоминых [14. Л. 22]. «Это наше прошлое. И отряхнуть его прах с наших ног мы никак не можем» [15. Л. 27], – указывал Б.Г. Могильницкий.

Задача исторической науки, как её видели члены совета, говоря словами Б.Г. Могильницкого, заключалась в том, чтобы «пытаться понять прошлое, а, следовательно, и самих себя. Такое понимание должно уходить от оценочных критериев и моментов. Оно должно основываться на стремлении понять людей того времени, их действия» [15. Л. 44].

Значимость такого рода локальных дискуссий, разворачивавшихся в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в рамках работы конкретных диссертационных советов, заключается в том, что на уровне микросоциума обсуждались и решались глобальные проблемы постсоветской исторической науки. Именно дискуссия о марксизме подспудно направляла развитие её методологии, став причиной «спора о методе» – непрерывных поисков, по сути, новой универсальной методологии истории. И томским историкам, членам диссертационных советов, избегавшим крайностей и категорически осуждавшим попытки шельмования советского научного наследия (отчасти потому, что их собственное становление как учёных проходило под эгидой марксизма), принадлежит заслуга сохранения преемственности между двумя генерациями историков – советских и постсоветских.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диссертационный совет Д 063.53.01. Стенограмма № 30. 21.12.1995.
2. Диссертационный совет Д 063.53.01. Стенограмма № 50. 19.09.1997.
3. Диссертационный совет Д 063.53.01. Стенограмма № 57. 11.12.1997.
4. Диссертационный совет Д 063.53.01. Выписка из протокола № 3 заседания каф. ист. древнего мира и ср. веков Томск. гос. ун-та. 20.11.1997.
5. Диссертационный совет Д 063.53.01. Стенограмма № 60. 22.01.1998.
6. Диссертационный совет Д 063.53.01. Стенограмма № 62. 26.05.1998.
7. Диссертационный совет Д 063.53.01. Стенограмма № 86. 03.12.1999.
8. Диссертационный совет Д 063.53.01. Стенограмма № 46. 03.12.1999.
9. Диссертационный совет Д 212.267.03. Стенограмма № 4. 28.09.2001.
10. Диссертационный совет Д 212.267.03. Стенограмма № 59. 11.03.2001.

11. Отзыв К.Н. Широ на автореферат диссертации канд. ист. наук. Сайнакова Н.А. «Личность царя в контексте опричного времени: историографические и методологические аспекты исследования»: 07.00.09.

12. Отзыв Л.И. Боженко на диссертацию канд. ист. наук Коголь Т.Н. «Русская православная церковь и государство 1917–1927 гг. (на материалах Западной Сибири)»: 07.00.02.

13. Отзыв Л.И. Боженко на диссертацию канд. ист. наук Смолкина О.А. «Реформирование местных органов власти и управления в 1953–1964 гг. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей)»: 07.00.02.

14. Диссертационный совет Д 063.53.01. Стенограмма № 47. 03.12.1999.

15. Диссертационный совет Д 212.267.03. Стенограмма № 39. 26.09.1996.

УДК 323 (470)

В.А. Терлецкий

ПОЯВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ НЕОНАЦИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СПЕЦИФИКА И СПОСОБЫ ПРОФИЛАКТИКИ

Статья посвящена изучению идеологии неонацизма в Европе и современной России. В работе рассмотрены теоретические основания возникновения неонацизма, фашизма, национализма и их принципиальные отличия. Обозначены условия и перспективы локализации неонацизма в России на современном этапе развития.

Ключевые слова: идеология неонацизма, фашизм, национализм, праворадикальные движения, Адольф Гитлер, Бенито Муссолини

Последние события, происходящие в России и мире, показывают, что национальный вопрос остается актуальным. К общемировым событиям, делающим актуальной рассматриваемую проблему, относится приток беженцев в Европейский Союз из стран Ближнего Востока. При этом меры, которые принимают правительства европейских стран с целью поддержки мигрантов, неоднозначно воспринимаются населением.

Экстремизм в наши дни остается одной из самых серьезных социально-экономических угроз, поэтому усилия по выявлению и сдерживанию таких проявлений не должны быть подорваны. В то же время ресурсы должны распределяться эффективно, поэтому более глубокие знания о том, как формируются и функционируют неонацистские взгляды, могут быть очень полезны для их дестабилизации, иначе говоря, предотвращения противоправных актов. Хотя неонацизм стал общемировым явлением, до сих пор не достигнуто единого мнения относительно того, как именно можно определить неонацизм.

Особой важностью, по моему мнению, становятся дискуссии о феноменах нацизма, национализма и фашизма, а также их роли в общественном сознании современного человека, поскольку в представлениях людей существует, как правило, ошибочное понимание указанных выше явлений, что влечет за собой и в корне неверные суждения о роли и значении каждого из них. Безусловно, зачастую фашизм отождествляют с нацизмом, а национализм остается чем-то неясным, но сугубо отрицательным. Важно определить каждое из данных понятий: «национализм», «фашизм» и «нацизм», необходимо указать на их различия и сходства во избежание ошибочных выводов о природе и значении явления «неонацизм».

Следует понимать, что существуют также крайне левые идеологии, которые не менее опасны для общества, например, анархия. Нацизм и фашизм – это крайние правые идеологии, которые часто путают между собой. Необходимо осознавать, что в основном их путают в СНГ. Жители остального мира четко отличают эти понятия друг от друга. Скорее всего, эта «путаница» пошла в годы Великой Отечественной войны, когда все страны, воевавшие против СССР, были названы «фашистскими» для упрощения [1. Т. 1. С. 20]. Однако фашистской была только Италия, Германия была нацистской, а Япония – милитаристской.

В то время как межвоенный фашизм мог развить основные политические движения, послевоенные идеологии чаще всего встречаются на периферии общества. Барьеры на пути к успеху фашизма и нацизма стали намного выше после поражения нацистского режима, и неонацизм всех разновидностей стал более маргинальным. Это требует более глубокого изучения того, как послевоенный нацизм трансформировался в субкультуры, где упорные протагонисты, люди, часто «кипящие» революционными амбициями, обнаружили, что у них почти нет возможности реализовать свои дикие видения социальных изменений.

Начать необходимо с такого явления, как «фашизм». Фашизм появился в Италии в 20-е годы XX века, идеологом фашизма является Бенито Муссолини. В фашизме нет расовых национальных теорий, первичным принципом является государство. Всё общество живет и функционирует ради функционирования государства, некой «машины», которая признается абсолютным благом [2. Т. 1. С. 53].

В тесной связи с фашизмом находится и национал-социализм. Нацизм появился в Германии в 20–30-е годы XX века, идеологом нацизма является Адольф Гитлер. Одна национальность в нацизме признается господствующей над другими. Нацизм основан на теории расового превосходства одной нации над другими, которая была представлена учеными Третьего рейха как научная. Расовая теория была идеологической основой национал-социализма в Германии, в то время как фашизм существовал без привязки к конкретной нации и не провозглашал расового неравенства. Именно по идеологическим причинам ксенофобия и антисемитизм получили широкое распространение в Третьем рейхе [3. Т. 1. С. 34].

Концепция неонацизма фокусируется на нескольких важных характеристиках, в том числе на том, как такие маргинальные культуры порождают чувство внутренней миссии и позволяют

своим верующим думать, что у них есть доступ к раскрытому или более высокому набору истин, которые основное общество не понимает. Это приводит к такому явлению, как «накопительный экстремизм». Для движения, погруженного в мифическое понимание своего прошлого, его важно учитывать. Термин позволяет идентифицировать способы, которые неонацисты закладывают в основы мифологии, заимствованной из нацистской эпохи. Очевидно, что национал-социалистическое движение бросает вызов демократии и угрожает ей, если не на конституционном уровне, то, по крайней мере, на местном или региональном, разрушая доверительные отношения между отдельными людьми, группами и институтами общества.

Основная суть термина «неонацистское движение» заключается в том, что среда, в которой живут неонацисты, по их мнению, так или иначе уходит корнями в ранние предвоенные национал-социалистические и фашистские организации и идеологические традиции. Следует понимать, что значительные фракции в этой среде больше не будут называть себя национал-социалистами, а само национал-социалистическое движение слилось с обществом, приняв аспекты социальной эстетики, чтобы донести основные идеи крайне правых идеологий до основного общества, веру в расовую идеологию. Расовая идеология также менялась на протяжении всей долгой истории движения, однако все важные компоненты, которые всегда были частью этой расовой идеологической позиции, сохранились.

Национализм – умеренная правая идеология и направление политики, базовым принципом которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства и ее первичности в государствообразующем процессе [4. Т. 1. С. 23]. Национализм в том смысле, в каком это определение используется в социальных науках, не является синонимом расизма, фашизма, шовинизма и даже созвучного по произношению

«нацизма», и никак не родственен им. Однако в современных дискуссиях существует постоянное непонимание этого термина.

То есть национализм – это политическая идеология, провозглашающая поддержку и защиту национальных интересов, национальной культуры, национальных традиций и институтов. Народные традиции понимаются не как традиция «жарить барана» или «бегать в цветной рубашке», а как исторически сложившаяся совокупность социального опыта.

Национализм также подразумевает различие всех народов, то есть индивидуальность каждого из них. Различие наций трактуется с точки зрения их уникальности, различий в менталитете, культуре. Национализм отчасти используется в государственном управлении России, потому что наши национальные республики, такие как Бурятия, Татарстан и другие, формируются на национальной основе, где поддержка народной культуры осуществляется на уровне органов власти. Национализм не является политическим режимом, но он может служить основой для создания режима.

Заметная часть молодого поколения примкнула к радикальной оппозиции по отношению к органам государственной власти, чтобы утвердиться и установить политический режим, который будет отвечать их интересам, и это, безусловно, является крайней мерой [5. Т. 1. С. 31]. По результатам опроса, проведенного в сентябре 2019 года, 21% россиян выбирает наиболее приемлемым будущим для себя иммиграцию в страны с наиболее высоким уровнем жизни, где более стабильная политическая и социально-экономическая система. Такие факторы, как «тренд бегства» от нарастающей ответственности и меры наблюдения за жизнью населения, отсутствие перспектив к развитию и профессиональному росту, безрезультатная государственная политика в определенных отраслях общественной жизни, приводят к желанию покинуть нашу страну мобильную, трудоспособную молодежь [6].

Молодое поколение предпочитает бороться с современным государственным строем с помощью радикальных мер (террор, экстремистская деятельность, создание экстремистских организаций), которые, согласно их мнению, будут эффективны и отвечать их требованиям и убеждениям. Подобные действия привлекают внимание наиболее молодого и активного пассионария, который видит деятельность этих групп как позитивную и начинает стремиться к мгновенным и безальтернативным переменам, влияющим на государство.

Курс, который проложила государственная молодежная политика нашей страны, состоит из важных пунктов: сформировать систему ценностей, учитывая многонациональную основу нашего государства и гражданских ценностей; создать возможные условия для осуществления целей молодежи в социально-экономической сфере; сформировать информационное поле, в котором молодежь будет развиваться [7]. Однако сегодня именно эти пункты являются проблемными. Указанные выше факты демонстрируют глубокий идеологический и социально-политический кризис в России, а именно – несостоятельность и неэффективность осуществления некоторых пунктов, провозглашенных и принятых на их основе нормативных документов.

Множество факторов приводит к парадоксальной, по моему мнению, ситуации в правовой сфере: основной блок федеральных законов, который непосредственно препятствует появлению новых сторонников экстремистских идеологий в Российской Федерации, укрепился, что привело к осуществимой возможности противостоять экстремизму всем ветвям российской власти. Однако, с другой стороны, толкование этих законов не определено общим правилом соответствующей терминологии, что в дальнейшем приводит к заметным проблемам с применением законодательного акта.

Подводя итог, следует понимать, что включение «механизма» государственного противодействия возможно с помощью введения системы мер, которые направлены на обеспечение национальной безопасности России, и использования «доступной» и «корректной» трактовки терминологии. В комплексе это способствует видимому результату избавления от проблемы распространения неонацистской идеологии в деятельности правых и праворадикальных организаций современной России. Система мер в данном тексте означает целенаправленную деятельность, осуществляемую государственными и общественными институтами и гражданами, которые связали свою жизнь с деятельностью по предупреждению, выявлению и противодействию опасности личности, общества и государства как безусловное и непереносимое условие сохранения национальных интересов Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология, политика. М. : Высшая школа, 1985. 279 с.
2. Белоусов Л.С. Муссолини: диктатура и демагогия. М. : Машиностроение, 2016. 368 с.
3. Буханов В.А. Гитлеровский «новый» порядок в Европе и его крах (1933–1945). М. : Юрайт, 1991. 467 с.
4. Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. Нации и национализм / под ред. Л.Е. Переяславцевой. М. : Праксис, 2002. 416 с.
5. Опалев А.В. Причины радикализма в молодежной среде современного российского общества // Вестник экономической безопасности. 2015. № 6. С. 31–34.
6. Эмиграционные настроения // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 05.02.2021).
7. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации : Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90356/> (дата обращения: 15.04.2021).

СЕКЦИЯ II. ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

УДК 327.83

А.К. Васильева

СПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается взаимодействие политики и спорта. Характеризуется современное положение большого спорта в международной политике государств. Приводятся ряд примеров, доказывающих актуальность проблемы. Приведены возможные варианты дальнейшего развития событий, связанных с положением России в международном спорте.

Ключевые слова: спорт, политика, Россия, допинг, Олимпийские игры

На сегодняшний день ни для кого не секрет, что спорт и политика тесно связаны между собой. Спорт стал неотъемлемой частью политики любого государства, несмотря на заявления о том, что он стоит вне её. В современном мире статус страны на мировой арене напрямую зависит от её спортивных достижений. Крупные спортивные события превращаются в площадку для противостояний между государствами. Создаются двойные стандарты по допуску спортсменов к соревнованиям.

Началом активного использования спорта в качестве инструмента политики, принято считать период «Холодной войны» между США и СССР. В этот период лидеры стран откровенно говорили о том, что спортивные победы приравниваются к политическим. Например, сборная США бойкотировала летние олимпийские игры 1980 года в Москве. Основной причиной послужило введение

СССР войск в Афганистан в декабре 1989 года, но эта причина была не единственной. Изначально Москва выступала единственным кандидатом на проведение летних Олимпийских игр, но в последний момент, США подали заявку на проведение олимпиады в Лос-Анджелесе. После того, как большинством голосов Москва одержала победу, США заявили о протесте на участие в соревнованиях и введении экономических санкций против СССР. Именно в это время Дж. Най формулирует свою концепцию «мягкой силы», которая предполагает достижение государством своих целей без применения оружия [1]. Таким образом, во второй половине 20 века получает научное обоснование теория «спорт – инструмент внешней политики».

Основными причинами формирования такой политики в современной России стало:

1. Стремление доказать превосходство страны на мировой арене.
2. Стремление продемонстрировать благополучие государства, его идеологии.
3. Формирование положительного образа России на мировой арене.

На данный момент ярким примером данного положения являются отношения России с другими европейскими странами. Например, противостояние России и США. Отправной точкой является «Мюнхенская речь» президента Российской Федерации В.В. Путина, в которой глава государства говорит о формировании однополярного мира и размышляет о роли и месте России на мировой арене [2]. С этого момента начинается новое противостояние между Россией и Западом, частью которого является и политизация спорта.

Олимпийские Игры 2014 года в Сочи стали первым крупным спортивным мероприятием, на котором было ярко выражено противостояние Россия–Запад. Европейские СМИ всячески пы-

тались дискредитировать Россию в коррупции и неготовности к олимпиаде. Так, например, британский журнал «The Economist» утверждал, что фактические затраты на проведение олимпиады являются рекордными за всю историю Олимпийских Игр. Также сообщалось о том, что эта сумма не соответствует реальным затратам, зафиксированных в смете.

Для Российской сборной олимпийские игры в Сочи были одними из самых успешных. Россия заняла первое место в общекомандном медальном зачёте, завоевав 30 медалей. Но, триумф после олимпиады был не долгим. Почти сразу после закрытия Олимпийских игр начались Крымские события. Это вызвало усиление противоречий и новому этапу напряженности. Американские сенаторы обратились в «FIFA» с требованием запретить России проводить Чемпионат Мира по футболу в 2018 году [3]. Позднее к США присоединится Великобритания, но запрос будет отклонён.

Следующим событием, подтверждающим неразрывную связь политики и спорта, стало отстранение Всероссийской Федерации лёгкой атлетики от участия в международных соревнованиях из-за нарушений, выявленных Всемирным антидопинговым агентством «WADA». Всё это переросло в допинговый скандал, известный как «дело Родченкова». Бывший глава московской антидопинговой лаборатории утверждал, что некоторые спортсмены, получившие медали на Олимпийских Играх в Сочи, использовали допинг [4]. Важно заметить, что инициатором проведения расследования в отношении российских спортсменов выступили Соединённые Штаты Америки. Именно США выступали за ужесточение наказания в адрес России. После этого многие российские спортсмены были отстранены от участия в соревнованиях, а паралимпийская сборная полностью дисквалифицирована. «Допинговый скандал» оказал серьёзное влияние на российский спорт [5]. Международный олимпийский комитет продолжил оказывать давление на российских спортсменов.

Зимние Олимпийские Игры 2018 года в Южной Корее прошли для России без Государственной символики. Россия принимала участие в качестве Олимпийских атлетов из России. Состав сборной был сокращён с 500 до 389 участников. На сегодняшний день ситуация продолжает накаляться. В декабре 2020 года Спортивный арбитражный суд вынес решение о дисквалификации Российской сборной от участия в соревнованиях за фальсификацию данных Московской антидопинговой лаборатории. Эта дисквалификация подразумевает под собой лишение Россией возможности участвовать в Олимпийских, паралимпийских играх и Чемпионатах мира под собственным флагом и с использованием собственного гимна. При этом, запрещено все, что так или иначе ассоциируется с Россией. Таким образом, можно сделать вывод, что постепенно спорт все больше и больше оказывает влияние на политику государств. Спорт становится инструментом давления и манипулирования между странами. Очевиден тот факт, что «допинговый скандал» против России с каждым годом занимает всё более весомое место в рамках международной политики европейских государств, особенно США. Можно легко проследить, как с каждым годом данная политика становится все жёстче.

Таким образом, возникает вопрос, к чему может привести дальнейшее развитие ситуации?

Существует несколько различных взглядов на данную проблему, но, по моему мнению, наиболее реальным на сегодняшний день является данный прогноз. Вероятнее всего, российские спортсмены будут отстранены от всех международных соревнований, даже в качестве Олимпийских атлетов, а Россия утратит возможность проводить крупные спортивные мероприятия. При таком развитии событий, возникнет кризис спорта и внутри страны, так как спортсмены будут лишены мотивации в достижении успеха. При этом, важно отметить, что существует веро-

ятность того, что, заблокировав России участие в соревнованиях, со стороны европейских стран будут усилены санкции в экономической и политической сферах. Так как спорт является одним из направлений санкционной политики со стороны европейских государств.

Существует и другой взгляд на эту проблему. В рамках данной концепции рассматривается возможность отстранения сборной США от участия в международных соревнованиях из-за коррупции. При подобных событиях две сильнейшие мировые державы, США и Россия, будут вынуждены принимать участие в международных соревнованиях в качестве олимпийских атлетов. Это позволит пересмотреть структуру допуска спортсменов к соревнованиям, снизить противостояние между США и Россией и снизить американское влияние на мировой спорт. Это может послужить началом новой эпохи мирового спорта.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день спорт и политика существуют в непосредственной близости друг от друга. Спорт выступает одним из основных инструментов внутренней и внешней политики, становится способом оказания давления на государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М. : Тренд, 2006. 397с.
2. Выступление В.В. Путина и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 11.03.2021).
3. Британский вице-премьер призвал лишить Россию ЧМ – 2018 // BBC News: Русская служба. URL: https://www.bbc.com/russian/rolling_news/2014/07/140726_rn_mh17_clegg_wc2018 (дата обращения: 12.03.2021).
4. Rebecca R. Ruiz, Michael Scwartz. Russian Insider Says State-Run Doping Fueled Olympic Gold // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2016/05/13/sports/russia-doping-sochi-olympics-2014.html> (access date: 15.03.2021)

5. Допинговый скандал: что установила комиссия WADA // BBC News.
URL: https://www.bbc.com/russian/sport/2015/11/151106_doping_scandal_points
(дата обращения: 12.03.2021).

УДК 327

Е.Г. Вишнякова, В.Е. Смачных

ИНСТИТУТЫ КОНФУЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РФ

Политика многих государств XXI в. характеризуется термином «softpower». Страны осознают, что их «внешняя оболочка» является важнейшем стратегическим ресурсом в международных отношениях. В этом отношении КНР не является исключением. Китай, будучи одним из главных игроков на международной арене, не раз предпринимал попытки внедрить инструменты «мягкой силы» для укрепления своего влияния. В данной работе мы рассмотрели Институт Конфуция как инструмент «мягкой силы» КНР.

Ключевые слова: Китай, Россия, «мягкая сила», Институт Конфуция, политическое влияние

На сегодняшнее время Китай является объектом изучения многих экономических и политических экспертов. Страна за довольно короткое время смогла составить конкуренцию не только сильным странам Азии, но и сверхдержавам. В XXI веке Китай зарекомендовал себя как новый мировой лидер, который может серьезно влиять как на региональные решения, так и на глобальные. Лидирующая роль Китая в различных отраслях одновременно изумляет и приводит в ужас: китайский феномен используется для подкрепления самых различных замыслов и парадигм. Каждый год интерес к КНР возрастает в интернете и прессе, это доказывает возрастающее значение этого государства в мире.

Целью данной работы является рассмотрение того, как правительство Китая с помощью Института Конфуция (как инстру-

мента «мягкой силы») влияет на Россию и зарабатывает имидж государства-лидера.

Китай конкурирует с США за право называться мировым лидером, и у него есть все шансы добиться этого. Быстрый рост китайской экономики, политически спокойная и стабильная ситуация в стране, развитая военная мощь, применение новых технологий и многое другое помогает КНР добиться цели по лидерству в мире. С помощью этих рычагов Китай имеет большое влияние на многие государства. КНР вносит свой вклад на международную арену, в ООН, заняла лидирующие позиции в ведущих региональных организациях Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), имеет положение лидера среди «процветающих» государств, в Африке и Латинской Америке. Китай нацелен действовать тактично, стараясь не допускать конфликтов, и договариваться со своими партнерами.

Бесспорным является тот факт, что, чтобы не потерять авторитет, не нужно прибегать к использованию военной силы и давлению, а применять возможности «мягкой силы».

Сегодня определение «мягкая сила» стало все чаще использоваться в сводках новостей, а также в исследованиях множества экспертов в области политологии и международных отношений. Термин «мягкая сила» или «softpower» впервые был использован американским политологом Джозефом Найем в девяностых годах прошлого века в своей книге [1. Р. 1–33]. Он был убежден, что мягкая сила в политике является одним из главных аспектов современной внешней политики ведущих мировых держав.

Китай один из немногих использует все имеющиеся ресурсы «мягкой силы», а не «жесткую силу» для достижений своих целей. КНР применяет «мягкую силу» с помощью различных методов. Публичная дипломатия – это один из наиболее действенных способов. Она может осуществляться по официальным ка-

налам, к ним относятся выступления официальных лиц в средствах массовой информации, проведение пресс-конференций дипломатическими представительствами и министерствами иностранных дел и т.д. Кроме того, в век цифровизации важным является ведение политиками социальных сетей. К неофициальным же каналам воздействия можно отнести деятельность СМИ, университетов, массовой культуры и т.п.

Тысячелетняя история и бесконечные войны служат доказательством того, что именно неформальные каналы осуществления «мягкой силы» являются наисильнейшим путем влияния любого государства. И одним из таких инструментов неофициального канала КНР является интернационализация Институтов Конфуция.

Институт Конфуция, который был создан Министерством образования КНР совместно китайскими центрами в других странах, является международным культурно-образовательным учреждением [2]. Его интеграция проходит с целью привлечения иностранных студентов. Суть их деятельности заключается в обучении китайскому языку, прежде всего, проведение курсов по изучению языка и официальных экзаменов по китайскому языку (HSK), содействие культурному обмену, организация стажировок. Кроме того, через данные учреждения издается учебная и научная литература для студентов, изучающих китайский язык.

Многие источники указывают на то, что первый Институт Конфуция был создан в 2004 г. в Южной Корее в г. Сеуле, однако первый пилотный проект был запущен ранее в том же году в Узбекистане в г. Ташкенте [3]. В последующие 13 лет число данных учреждений достигло 525 в 146 странах [2].

В 2006 г. в Российской Федерации впервые открылся Институт Конфуция во Владивостоке. На сегодняшний момент существует 19 Институтов и 4 Школы Конфуция по всей России: в

Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Волгограде и др. [4. С. 58–59].

Ежегодно растет интерес к китайскому языку среди российского населения. Некоторыми из причин являются интерес к культуре, так как для многих людей Китай ассоциируется с центром восточноазиатской цивилизации, которая насыщена разнообразием древних традиций; также в силу нарастающего сотрудничества между Россией и КНР в различных сферах владение китайским языком необходимо для работы.

Последнее исследование, сделанное в 2017 году, показывает стремительный рост количества граждан РФ, изучающих китайский язык. В 1997 г. их количество составило 5 тыс. человек, а в 2017 их число увеличилось до 56 тыс. [5].

Более того, лето 2019 г. запомнилось тем, что впервые можно было сдавать ЕГЭ по китайскому языку. Около 300 ребят попробовали свои силы. Кроме того, есть человек, который сумел набрать 100 баллов [6]. Данное событие является доказательством того, что в России молодое поколение всё больше заинтересовано в изучении китайского языка.

По причине возросшего числа российских граждан, желающих изучать китайский язык и развиваться в востоковедении, Институт Конфуция на регулярной основе проводит квалификационные тесты (HSK), которые позволяют официально подтвердить уровень. Результат экзамена имеет международное признание и также ряд положительных моментов: он позволяет людям претендовать на получение грантов, тем, кто собирается на стажировку или тем, кто собирается поступать в университет в Китай.

Институты Конфуция являются одним из самых сильных инструментов «мягкой силы» Китая. Через них Пекин пытается зарабатывать имидж дружелюбной страны. И это работает. Тысячи студентов Института Конфуция, даже после окончания, продолжают изучать китайский язык. Те ученики, которые по-

лучили гранты и стипендии от китайских вузов, уезжают учиться в Китай. И многие из них остаются в стране для продолжения учебы или нахождения трудоустройства.

В России, как и в других государствах, эксперты начинают все больше проявлять скептицизм к утверждению, что миссия данных учреждений лишь гуманитарная. Вот почему в настоящий момент поднимается вопрос об освобождении от идеологии и устранении влияния политических факторов на работу Институтов Конфуция. Из-за того, что Институты и Классы Конфуция открываются при элитных зарубежных вузах, общество предполагает, что это возможность добыть доступ к технологиям и важной информации этих стран. Но вопреки такому устойчивому мнению, увеличивается не только количество учащихся, но и увеличивается число учреждений [7].

Таким образом, с одной стороны, Институт Конфуция является важным звеном во взаимодействии между Россией и КНР, который позволяет расширять культурный обмен между ними, помогает установить дружеские политические отношения Россия-Китай. Но, с другой стороны, многие эксперты считают, что данное учебное учреждение, также является важным ресурсом «мягкой силы» Китая, так как одной из важных целей Института является предоставление и реализация учебных возможностей для привлечения иностранных студентов, вследствие чего происходит усиление влияния КНР на внешнеполитической арене.

Важно понимать, что правительство КНР использует данный инструмент «мягкой силы» в качестве долгосрочной перспективы, поскольку он рассчитан на молодую аудиторию [7]. И, соответственно, молодое поколение проявляет интерес к Китаю, и не считает его угрозой миру. Кроме приобретения имиджа хорошей и дружелюбной страны, КНР получает трудоспособную молодежь, которая работает на благо государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nye S.J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. NY : Public Affairs, 2004. 192 p.
2. Confucius Institutes. Nations Involved: People's Republic of China; involving 146 countries around the world // NATO. Strategic. Communications. Centre of Excellence. URL: <https://stratcomcoe.org/download/file/fid/80771> (access date: 27.03.2020).
3. Ради общения между людьми. Как институты Конфуция в Узбекистане стали важнейшим местом для изучения китайского языка и культуры // Подробно.uz. URL: <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/radi-obshcheniya-mezhdu-lyudmi-kak-instituty-konfutsiya-v-uzbekistane-stali-vazhneyshim-mestom-dlya-#:~:text=Первый%20Институт%20Конфуция%2C%20если%20оттalkingаться,Институтом%20имени%20Конфуция%20в%20мире> (дата обращения: 27.03.2020).
4. Леонтьева Э.О., Белокопытова М.С. Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР // Регионалистика. 2016. № 5. С. 51–58.
5. Китайский язык становится популярным в России // Russian.china.org.cn. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-07/29/content_41309901.htm (дата обращения: 27.03.2020).
6. Школьника из Москвы набрала 100 баллов на ЕГЭ по китайскому языку // Russian.china.org.cn. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2019-07/06/content_74958929.htm (дата обращения: 27.03.2020).
7. Соловьев С.С. Социологический анализ вызовов роста популярности китайского языка в России // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. № 794. С. 255–275.

УДК 32.019.5:323.2

Р.Р. Гадельшин

ПОЛИТИЧЕСКИЙ SMM: ТЕХНОЛОГИЯ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

Технология «Политический SMM» активно начала развиваться в период пандемии коронавируса. По большей части это вынужденная мера, но стоит отметить, что эта «мера» действительно может быть достаточно эффективным инструментом при продвижении канди-

дата на всем его политическом пути. Естественно, речь идет только про грамотное использование технологии. Пока что это новшество находится на стадии разработки, но уже начинает активно применяться субъектами политических процессов.

Ключевые слова: политология, политический SMM, политический маркетинг, политические технологии, социальные сети

В научной литературе существует точка зрения, согласно которой поведение избирателя в момент принятия решения о голосовании за тех или иные политическую партию или кандидата подобно поведению рядового потребителя, выбирающего продукты в магазине [1. С. 24]. Благодаря такому объяснению появилось понятие «политический рынок».

Условным «покупателем» на таком рынке будет являться избиратель, который производит символический выбор «товара» и его «покупку», но в этот момент он принимает важное решение и голосует за своих представителей в органах власти. «Денежной единицей» будет выступать голос избирателя, а главным «товаром» – политические партии, политические деятели, кандидаты и все те, кто участвует на выборах и в политическом процессе. Вся эта сущность получила название политический маркетинг.

Политический маркетинг – это совокупность теорий и практических методов, которыми пользуются политические институты и структуры власти с целью повлиять на поведение электората [2. С. 32]. Также он включает в себя изучение мнения общественности, на основе которого строится принцип избирательной кампании. Технология маркетинга в принципе направлена на создание нового продукта, который будет соответствовать ожиданиям избирателей. Как показывает практика, продукт на политическом рынке чаще всего есть, и так сложилось, что в политике не всегда спрос рождает предложение, а наоборот.

Концепция политического маркетинга используется в рамках политических технологий. Политические технологии – это совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и

способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного актора при решении той или иной политической проблемы [3. С. 424]. Решение конкретной проблемы означает не только понимание человеком целей и средств их достижения, но и разработку конкретных способов их воплощения на практике. Изначально необходимо учитывать, что при использовании целевой функции, которая направлена на создание оптимальных условий при достижении максимального эффекта на выборах, нужно акцентировать внимание на маркетинговой деятельности при проведении избирательной кампании. Следующее, о чем необходимо сказать, это то, что при всем разнообразии различных типов избирательных кампаний, основа их проектирования и проведения является единой, потому что при проведении выборов обычно используют одинаковые технологии.

Как подчеркивают Е. Малкин и Е. Сучков есть случаи, когда при проведении избирательной кампании, построении стратегии и тактики поведения могут иметь свои индивидуальные особенности, в результате чего электоральные технологии могут существенно меняться [4. С. 61].

Политтехнологи учитывают такую особенность избирательного процесса как выбор гражданина, который свободен в своем волеизъявлении, и, чтобы голос был отдан за нужных кандидата или партию, необходимо выстроить технологию воздействия на электорат. Такой технологией может являться информационное воздействие, которое содержит в себе два типа механизмов: маркетинговые (предпочтение потребителей ориентировано на их удовлетворение более эффективным путем) и немаркетинговые (игнорирует потребности получателя информации) [5. С. 26].

Обе технологии применялись на выборах разного уровня в Российской Федерации, но с недавних времен, а конкретнее – с 2004 года (важные политические реформы), институт выборов в

России в большей степени потерял свое значение. В течение 90-х годов итогов любых выборов граждане ждали очень сильно, так как результатом борьбы было конкретное, осязаемое будущее страны, региона или города. За власть тогда боролись самые разные группировки и политические партии, каждая из которых предлагала построить свое хорошее будущее для всех. Во времена 90-х политические технологи изобретали головокружительные комбинации по возвышению или дискредитации политических деятелей. Сейчас же общество запрашивает новый политический продукт на рынке, новые способы потребления информации, которая будет удовлетворять их. Для того, чтобы появился этот продукт, необходимо использовать новые технологии. К такой технологии будет относиться политический SMM.

SMM (Social media marketing) – это комплекс мероприятий по использованию социальных медиа в качестве каналов для продвижения компаний или бренда. Слово «marketing» в аббревиатуре не очень точное, так как под ним подразумевается продвижение, а оно входит в комплекс маркетинга. Коммуникация с будущим потребителем происходит через социальные сети.

Упор в такой коммуникации делается на создании «message», который люди будут распространять через социальные сети самостоятельно. Продвижение в социальных сетях позволяет точно воздействовать на целевую аудиторию, выбирать площадки, где аудитория в большей степени представлена, а также позволяет не затрагивать аудиторию, которая не заинтересована в этой рекламе.

Инструментами SMM являются ведение блога в социальных сетях, информационные сообщения в различных сообществах, общение в комментариях, работа с форумами, скрытый и вирусный маркетинг.

Как мы уже выяснили, SMM создавался для продвижения товара и услуг на рынке, но в последнее время такую технологию

стали использовать и в сфере политической. Она стала необходима из-за запроса об открытости власти к избирателям, поэтому стало необходимо не только транслировать свою деятельность, но и грамотно продвигать себя на политическом рынке. Сейчас политические деятели в социальных сетях создают персональный бренд, работают с блогосферой и стараются выдерживать репутационный менеджмент. Так как SMM процесс очень динамичный, необходимо постоянно мониторить интересы и запросы аудитории, реагировать на них и своевременно использовать тренды.

На данный момент существуют такие стратегии:

1. Работа по построению сообщества вокруг персонального бренда.

2. Использование рекламных инструментов и посевов на площадках.

3. Комбинированная стратегия продвижения.

Классическая стратегия в политическом SMM выглядит так:

1. Определение цели и задач;

2. Анализ нынешнего положения в социальных сетях и конкурентов;

3. Анализ целевой аудитории и сегментирование её по социальным сетям;

4. Выбор ключевых площадок;

5. Визуализация;

6. Стратегия продвижения и использование платных инструментов;

7. KPI.

Появление политических деятелей или партий в социальных сетях соответствует нынешнему запросу избирателей на диалог и открытость. Двусторонняя коммуникация позволяет работать с аудиторией, вызывать симпатию и конвертировать её в голоса «ЗА» себя. При грамотном ведении социальных сетей и демон-

стрировании, что именно политический деятель «ведет» самостоятельно свои странички вызывает доверие и простоту взаимоотношений. В данный момент SMM-специалистом может быть и один человек, который имеет необходимый перечень навыков, но для грамотного продвижения политического бренда, все-таки, лучше иметь несколько узконаправленных менеджеров, которые будут качественно выполнять свою работу: проектный менеджер, контент-менеджер, копирайтер, дизайнер, модератор, таргетолог, фотограф или видеграф (может быть и один человек, а может и два) и менеджер по управлению репутацией.

К аккаунтам политиков в социальных сетях изначально будет приковано большое внимание, и пользователи по умолчанию предъявляют высокие требования к оформлению, визуальной составляющей, процессу ведения и т.д. С самого начала может быть наплыв аудитории из-за интереса к личности (не обращаем внимание на админресурс) и, возможно, высказывание негатива в его адрес. После «хайпа» в социальных сетях, интерес аудитории стихает и его перестают читать из-за «официоза», «чиновничего языка», «соц. сети для галочки» и т.д. Это и есть основная проблематика ведения социальных сетей. Картинка должна совпадать с текстом, канцеляризм также необходимо убрать (никому неинтересно читать нагромождение слов). Важно донести эмоцию и информацию для пользователей очень легко и понятно, чтобы не терять её.

Социальные сети помогают следить за работой губернатора, мэра или депутата, ведь больше критики исходит от молодой аудитории, а это, кстати, возможность таким образом влиять на неё и разрушать стереотипы. Также такие платформы дают не только лояльность аудитории, но и продвижение своего бренда, который может быть использован в предвыборной кампании. То есть, социальные сети стали площадкой для оценки деятельно-

сти служащих, повышения уровня лояльности и возможностью оперативно реагировать на запросы, вызовы и проблемы.

Личный аккаунт губернатора, мэра или депутата будет являться лицом власти и важно, чтобы страница вызывала, как минимум, доверие, искренность и персонализацию. При такой ситуации компонент «персонализация» будет играть важную роль, потому что активная деятельность, которая будет транслироваться на Интернет-платформах, должна преподноситься под знаком «индивидуальности». Под ней понимается образ, который выстроится в глазах людей. Пользователь должен понять «кто Вы», «чем занимаетесь» и «как с Вами связаться». SMM-менеджеры рекомендуют полностью заполнять информацию (биография), унифицированные фото профиля, деловой стиль и способ связи. Виртуальное общение через социальные сети очень важный момент для выстраивания отношения, поэтому «игнорировать» пользователей ни в коем случае нельзя. Коммуникация дает аудитории понять, что политический деятель готов общаться, делиться и выслушивать, чтобы улучшить регион, город или округ. В таком процессе важно соблюдать следующие правила: больше личного, больше человеческого и пропуск проблемы через себя.

Подписчики в социальных сетях являются главным медийным капиталом и важно не только использовать админресурс для первого продвижения аккаунта, но и пытаться привлечь абсолютно новую аудиторию. Ни в коем случае нельзя использовать накрутку, ботов и покупку аудитории.

Таким образом, политический SMM – это совершенно новая технология влияния на аудиторию. Пандемия Covid-19 в 2020 году дала большой толчок развитию online общения. Общество перестроилось и в медиа перешел не только бизнес, но и общение политиков с избирателем, что должно только способствовать прозрачности и открытости. Несистемная оппозиция смогла

пойти в ногу со временем, что показало большую пропасть между нынешней властью и избирателями. На данном этапе власть пытается обуздать эту технологию. Примером является Дума города Томска. Почти все депутаты имеют социальные сети, общаются через прямые эфиры и чаты, транслируют заседание Думы и многое другое. Постепенно начинают вести социальные сети и депутаты Законодательной Думы Томской области. Поэтому поддержка депутатов от партии власти начинает возрастать, а совершенно новые люди приоткрывают завесу тайны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуев С.В. Политический менеджмент. Коммуникативные технологии : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020. 244 с.
2. Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR : учеб. пособие. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 624 с.
3. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов. 2-е изд., перер. и доп. М. : Аспект Пресс, 2012. 575 с.
4. Малкин Е.Б., Сучков Е.Б. Политические технологии : [избирательные технологии, партийное строительство, политические проекты]. 5-е (10-е) изд., стереотип. М. : Русская панорама, 2017. 668 с.
5. Гринберг Т.Э. Политические технологии : PR и реклама : учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., испр. М. : Аспект Пресс, 2012. 317 с.

УДК 323.22/28

Д.И. Гуревич

GOVERNMENT RELATIONS: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

В статье представлены основания для разграничения понятий «government relations» и «public relations», а также «government relations» и «лоббизм». Раскрывается роль государства в GR на приме-

ре общественно-государственного и государственно-частного партнёрства. Сделан вывод о том, что необходимо уделять большее внимание активной деятельности государства при изучении government relations.

Ключевые слова: government relations, public relations, лоббизм, государство, государственно-частное партнёрство, общественно-государственное партнёрство.

GR-коммуникация рассматривается в рамках теории групповой политики, так как взаимодействие государства с негосударственными институтами вызвано необходимостью вовлечения общественных групп в процесс разработки политических решений для формирования сбалансированной государственной политики. В целом, «явления государственного управления есть явления групп, давящих друг на друга, образующих друг друга и выделяющих новые группы и групповых представителей (органы или агентства представительства) для посредничества в общественном соглашении» [1. Р. 269]. GR как взаимодействие общества и государства – один из способов повышения эффективности государственной политики.

Субъектами GR-коммуникации выступают заинтересованные коммерческие и некоммерческие организации. Объектами GR-коммуникации выступают мотивированные представители государства, то есть представители органов государственной власти, заинтересованные в результатах GR-деятельности.

GR как отдельная сфера политической коммуникации не настолько подробно изучена, как, например, PR. Отчасти это обусловлено тем, что сегодня, несмотря на активное изучение GR российским научным сообществом с середины 2000-х гг., не сложилось единого мнения относительно разграничения понятий GR и PR. На наш взгляд, необходимо разделять указанные понятия, так как между ними существуют довольно значимые отличия.

Объектом коммуникации в GR выступают государственные органы. В PR объектом коммуникации является обществен-

ность. В системе GR-коммуникации взаимодействие акторов происходит на равных (например, в GG-коммуникации) или снизу-вверх (взаимодействие негосударственной структуры с представителями государственной власти). В PR взаимодействие осуществляется сверху вниз.

GG-коммуникация является ещё одним отличием GR от PR и представляет «совокупность формальных и неформальных процессов передачи информации между разными структурами государственной власти; правила общения внутри власти» [2. С. 261]. Эффективность GR-коммуникации напрямую зависит от GG, так как GR находится под прямым давлением политической системы.

Специфической чертой системы GR-связей являются фрактальные связи (множество политических субъектов, повторяющихся в различном масштабе с идентичным содержанием) и сетевые интегративные связи (интеграция различных политических систем). PR пользуется иерархическими и единичными сетевыми связями.

Цель GR – «хорошо налаженные отношения бизнеса (либо некоммерческой организации) с органами власти» [3. С. 18], достижение корпоративных целей. Целью PR является «формирование эффективной системы коммуникаций социального субъекта с его общественностью, обеспечивающей оптимизацию социальных взаимодействий...» [4. С. 7], которое включает в себя выстраивание отношений организации с общественностью, создание позитивного образа компании.

Одна из задач GR, которой нет у PR – принятие «нужных» решений. Также, в GR-коммуникации, в отличие от PR, используется авторитет лидера организации, личные связи и лоббистская деятельность.

Существует проблема соотношения понятий «GR» и «лоббизм». В связи с этим имеются представления о теневом характере GR. Нельзя однозначно сказать, что government relations в

современной России имеют теневой характер, так как, например, во многих крупных коммерческих организациях открыто существуют и закреплены в структуре организации должности специалистов в области связей с госструктурами. В России действуют ряд объединений, одна из основных целей которых – осуществление GR-деятельности в интересах членов этих объединений: Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), Ассоциация российских банков (АРБ), «Деловая Россия» и пр.

Во взаимоотношениях с представителями государственных органов лоббисты действуют для достижения конкретных коммерческих целей организаций. GR-специалисты не преследуют конкретных коммерческих целей, а создают положительный имидж организации у объекта воздействия. Компании в настоящее время уделяют много внимания участию в выборах и приходу к власти их представителей, получению самостоятельного мандата. «...поначалу и на региональном уровне это было скорее элементом джиара – выстраивание крупными корпорациями в их базовых регионах отношений с властью, [...] позднее и особенно на муниципальном уровне представители среднего бизнеса пошли во власть, исходя из общекорпоративных [...] и общегражданских интересов» [5. С. 194], то есть перешли от GR-технологий к лоббизму.

Говоря о роли государства в GR, стоит отметить, что сегодня государство представляет собой скорее институт управления, то есть, регулирования социально-политических и экономических процессов, а не институт власти. Именно поэтому основа эффективной государственной политики – взаимодействие представителей государственной власти с негосударственными организациями.

В российском политическом пространстве можно выделить несколько секторов, субъекты которых взаимодействуют между

собой в процессе государственной жизнедеятельности: государственный, коммерческий (частный бизнес-сектор), некоммерческий (непроизводственная сфера).

В настоящее время отмечается тенденция усиления роли гражданского общества. «Наблюдается переход к модели партнёрства при решении наиболее социально чувствительных проблем, активное привлечение государством структур гражданского общества к выработке и согласованию государственных решений» [6]. С увеличением влияния гражданского общества на жизнедеятельность государства, возрастает значение компетенций государственных служащих во взаимоотношениях с гражданским обществом. Ни один из механизмов взаимодействия общественно-государственного межсекторного партнёрства не может эффективно функционировать, если одна из сторон не обладает сведениями об особенностях, проблемах деятельности другой стороны. Другим важным фактором межсекторного взаимодействия является подтверждение целесообразности такого взаимодействия со стороны его ключевых фигур, к которым можно отнести лидеров общественного мнения, глав некоммерческих организаций, а также политических лидеров.

Существует сектор государственно-частного партнёрства – система взаимодействия государства и бизнеса. Многие трудности государственно-частного взаимодействия решает GR-коммуникация. Несмотря на определение GR как деятельности негосударственных структур, направленной на государственные органы, государству отводится также роль инициатора GR-коммуникации. Существует несколько стадий GR, на первой из которых «инициативы или идеи формулируются государством, затем частный бизнес выражает своё отношение к ним и вносит соответствующие предложения по их реализации» [2. С. 99]. Для того, чтобы какая-либо форма государственно-частного взаимодействия была реализована, необходимо выстроить диа-

лог представителей бизнеса с представителями государства, так как одно из наиболее важных условий достижения совместных целей – наличие максимального количества доступной информации.

GR-коммуникация может быть эффективной при условии открытости органов государственной власти, подразумевающей открытость механизмов принятия государственных решений. Эта открытость закреплена законодательно, например, в федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», в котором среди принципов обеспечения доступа к информации о деятельности государства указаны открытость и доступность информации, достоверность, свобода поиска, получения, передачи. Открытость государственных органов включает в себя также поддержание условий и создание площадок для диалога власти с представителями негосударственных организаций.

Дополнительно к этому государство активно развивает средства, при помощи которых информация доводится до её потребителя. Примером такого средства является «электронное правительство» («E-government», «eGov»). Его целью в момент разработки концепции было «качественное повышение эффективности механизма госуправления на базе общей инфраструктуры, построенной на основе единых информационных технологий и программно-аппаратного обеспечения» [7. С. 245]. Одними из структурных элементов электронного правительства должны были стать системы, обеспечивающие взаимодействие между государством и обществом. Одной из задач электронного Правительства России являлось совершенствование культуры GR-менеджмента государственных органов. В результате реализации концепции «eGov» были созданы сайты органов власти и управления различных уровней, предоставлена возможность взаимодействия с государственными органами через эти пло-

щадки. Таким образом, можно сказать, что в настоящее время существуют реальные средства выстраивания межсекторного взаимодействия, создаваемые государством.

Большинство современных исследователей при изучении GR-коммуникации уделяют большее внимание субъекту коммуникации – негосударственным структурам, забывая об объекте коммуникации – государственных органах. На наш взгляд, представители государства в GR-коммуникации выступают не просто пассивным объектом, на который направлено воздействие бизнеса или некоммерческих организаций, но объектом, который самостоятельно может инициировать взаимодействие с субъектом, вынося на совместное обсуждение значимые вопросы государственной жизни, демонстрируя готовность к совместной разработке и реализации решений в векторе государственного развития. Недостаточное внимание государственной стороне GR-взаимодействия приводит к тому, что деятельность представителей государства в рамках GR отождествляют с государственным PR.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bentley A. The Process of Government: A Study of Social Pressures. Cambridge : Harvard University Press, 1967. 526 p.
2. GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством / Л.В. Сморгунев [и др.] ; под ред. Л.В. Сморгунева, Л.Н. Тимофеева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 407 с.
3. GR и лоббизм: теория и технологии: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В.А. Ачкасова [и др.] ; под ред. В.А. Ачкасовой, И.Е. Минтусова, О.Г. Филаговой. М. : Юрайт, 2015. 315 с.
4. Лукиева Е.Б. Теория и практика связей с общественностью. Ч. 1: Основы PR. Томск : Изд-во ТПУ, 2006. 156 с.
5. Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник / под ред. Н. Петрова, А. Титкова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 439 с.

6. Диалог гражданского общества и власти: смена парадигмы : доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год // Общественная палата Российской Федерации. URL: <https://report2020.oprf.ru/1/index.html> (дата обращения: 20.01.2021).

7. Боброва И.И., Зимин В.А. Чёрный PR? Белый GR! Цветной IR: менеджмент информационной культуры. М. : Вершина, 2006. 461 с.

УДК 324

Ю.А. Кориневский

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА БОЛИВИЯ НА ВЫБОРАХ В 2020 г.

В статье предпринята попытка анализа возможных причин победы боливийской партии MAS-IPSP на всеобщих выборах 2020 года, через год после своего фактического отстранения от власти в результате массовых протестов в 2019 году, которые прошли в стране по итогам выборов Президента Многонационального Государства Боливия.

Ключевые слова: Боливия, всеобщие выборы, президентские выборы, протесты, левый поворот

20 октября 2019 года в Боливии прошли всеобщие выборы, победу на которых одержала левая партия MAS-IPSP, а в первом туре президентских выборов победил председатель партии и действующий глава государства Эво Моралес. Оппозиция посчитала президентские выборы сфальсифицированными, в стране начались массовые протесты. 10 ноября президент Моралес сложил с себя полномочия и вылетел в Мексику, где запросил политическое убежище. Вслед за ним в отставку ушли председатель правительства, министры и главы обеих палат парламента. 12 ноября исполняющим обязанности президента до проведения новых выборов стала поддержанная всеми оппозицион-

ными партиями сенатор от правой партии РРВ-CN Жанин Аньес Чавес. Однако год спустя на всеобщих выборах 18 октября MAS снова смогла получить большинство в обеих палатах парламента, а кандидат MAS Луис Альберто Арсе Катакора выиграл президентские выборы в первом туре, получив 55,10% голосов [1]. Таким образом, лишенная реальной политической власти в ходе протестов партия спустя год смогла полностью восстановить контроль над законодательной и исполнительной ветвями власти.

Цель работы – выявить причины победы кандидата от партии MAS-IPSP на президентских выборах 2020 года.

Задачи: проанализировать результаты социологических опросов об итогах выборов, заявления кандидатов в президенты, деятельность временного правительства.

Актуальность: Боливия является участником региональных политических и экономических процессов. Кардинальные изменения в политике страны, несомненно, окажут влияние на политику и экономику стран региона. Кроме того, рассматриваемый пример кратковременной утраты и восстановления политической власти на выборах левых сил подтверждает, что так называемый «левый поворот» Латинской Америки ещё не завершился.

Введение. Новые выборы после прихода к власти исполняющего обязанности президента страны должны были состояться 3 мая 2020 года, но в связи с пандемией несколько раз переносились и в итоге прошли 18 октября. В ходе предвыборной гонки определилось 4 основных кандидата. Для полного понимания ситуации необходимо рассмотреть отдельно деятельность каждого кандидата и его партии на протяжении предвыборной кампании.

Жанин Аньес Чавес. Стоит отметить, что изначально Аньес заявляла, что не будет выдвигаться на пост президента или поддерживать какого-либо кандидата [2]. Однако, 24 января 2020 года она официально объявила о своём желании баллотировать-

ся. Согласно опросам, только 1/3 респондентов посчитала это решение правильным [3].

Правление Аньес подверглось критике практически с самого начала. После окончания протестов оппозиции в стране усилились протесты сторонников MAS и Эво Моралеса. Полиция при поддержке армии начала жёстко подавлять акции протеста, а 17 ноября Аньес издала указ, освобождающий полицейских и военных от уголовной ответственности при подавлении протестов. Однако после критики со стороны населения и мирового сообщества Аньес вынуждена была отменить данный указ. Всего же за время протестов погибли более 30 человек. Кроме того, в стране начали распространяться слухи о репрессиях против партии MAS [4].

Одновременно с этим подвергся критике состав временного правительства, поскольку в нём не было ни одного представителя индейского меньшинства, хотя порядка 40% населения Боливии относятся к той или иной группе коренного населения, зато были включены предприниматели [5]. Впоследствии в состав все же были включены представители коренного населения Боливии.

Во время своего правления Аньес много внимания уделяла вопросу насилия над женщинами и детьми. 8 марта президент выделила \$100 млн на борьбу с насилием в отношении женщин, а 2020 г. был объявлен годом борьбы с убийством женщин и детей [6].

Экономическая политика Аньес носила правый характер. 2020 год стал первым за 15 лет, когда в стране не был проиндексирован МРОТ [7]. Кроме того, правительство сократило налоги для частных корпораций, что привело к подъёму процентных ставок в банках. Также правительство пыталось приватизировать ранее национализированную компанию Elfes, но из-за сопротивления членов MAS в парламенте так и не смогло этого

сделать. В июне правительство начало выделение государственных земель агроэкспортному сектору и под предлогом борьбы с COVID-19 передало \$600 млн для погашения долгов крупных частных компаний [8].

Главной проблемой для Аньес оказалась пандемия COVID-19. С самого начала эпидемии правительство ввело жёсткие меры, из-за которых весной даже граждане Боливии не могли вернуться на родину. 20 мая 2020 года министр здравоохранения Марсело Навакас был арестован полицией по подозрению в закупке аппаратов ИВЛ у испанской компании по завышенной в 4 раза цене [9]. На этом фоне рейтинг Аньес начал падать, поднять его не смогли даже выплаты социальных пособий. После того, как поддержка Аньес как кандидата в президенты упала до уровня 7%, она снял свою кандидатуру.

Луис Фернандо Камачо. Третьим по популярности кандидатом был представитель правого альянса *Стеетос* Луис Камачо. В основе программы альянса была идея расширения сотрудничества государства с частным сектором, привлечение инвестиций, децентрализация систем здравоохранения и образования [10]. В ходе предвыборной гонки Камачо призывал к борьбе с партией MAS, а волонтеры его политической платформы помогали людям по всей стране в период пандемии. Также Камачо призывал правительство увеличить расходы на здравоохранение. Можно отметить, что повышение рейтинга Камачо совпало с понижением рейтинга Аньес, что может говорить о едином электоральном поле данных политиков [11].

Карлос Диего Меса Хисберт. Вторым по популярности кандидатом по результатам выборов был кандидат от левоцентристской платформы *Comunidad Ciudadana* Карлос Диего Меса Хисберт, бывший президентом Боливии с 2003 по 2005 год, но покинувший пост из-за массовых протестов. Меса критиковал политическую систему за её непрозрачность, коррупцию и авто-

ритарность. В программе СС обещалось оптимизировать госрасходы, бороться с коррупцией, улучшить экологическую обстановку в соответствии с Парижским соглашением, а также сделать экономику более открытой для инвестиций [12]. В течение предвыборной гонки Меса делал ставку на более интенсивную агитацию в различных СМИ, чем его оппоненты, а также на критику временного правительства за малые расходы на здравоохранение и помощь людям [13].

Луис Альберто Арсе Катагора. Луис Арсе был министром экономики при Моралесе. Программа Арсе была, по сути, обязательством продолжения курса Моралеса с учётом ошибок предшественника. Арсе делал упор на встречи с профсоюзами и общинами коренного населения, а также говорил о внешнем вмешательстве в дела Боливии в ходе протестов 2019 года [14]. Данный тезис укрепился после неосторожного высказывания американского миллиардера Илона Маска. В ответ на замечание одного из пользователей Twitter о причастности США к свержению Моралеса ради получения доступа к литиевым залежам страны, Маск ответил: «Мы свергнем любого, кого захотим! Смириться с этим» [15]. Также MAS, как бойкотировавшая назначение Аньес партия, имела больше возможностей для критики действующей власти. В процессе предвыборной кампании Арсе избегал резких высказываний, признавал ошибки предыдущих лет и положительно высказывался о роли СМИ, которых его предшественник называл «врагом номер один». Стоит также отметить, что партия поддержала закон, запретивший выдвигаться Моралесу на новых выборах, отдалившись от его образа.

Выводы. Согласно опросам, Арсе лидировал на протяжении всей предвыборной гонки с небольшим отрывом [16]. Стоит также отметить большой процент людей, не определившихся с выбором во время проведения опросов. Можно предположить, что некоторые сторонники MAS не желали до выборов говорить

о своём решении из-за слухов о давлении на сторонников данной партии.

Главным фактором в пользу победы MAS стала спорная и во многом провальная политика Аньес, которая усугубилась пандемией и экономическим кризисом. Данный фактор, скорее всего, отразился на всех оппонентах MAS, поскольку все они в ноябре 2019 года поддержали назначение Аньес исполняющей обязанности президента, а значит, в глазах народа, несли ответственность за её ошибки. Также можно отметить непопулярность правых идей в Боливии: согласно опросам, только 31% населения положительно относится к приватизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Resultados Elecciones Nacionales 2020 // OEP: Organo Electoral Plurinacional. URL: <https://computo.oep.org.bo/> (fecha de recurso: 11.04.2021).
2. Jeanine Áñez no postulará a la Presidencia de Bolivia, según el Gobierno interino // RPP: Noticias. URL: <https://rpp.pe/mundo/latinoamerica/bolivia-jeanine-anez-no-postulara-a-la-presidencia-segun-el-gobierno-interino-noticia-1233337> (fecha de recurso: 11.04.2021).
3. Clima Preelectoral Bolivia // Celag.org. URL: <https://www.celag.org/wp-content/uploads/2020/03/clima-preelectoral-bolivia-marzo-2020.pdf> (fecha de recurso: 11.04.2021).
4. Crisis en Bolivia: la Defensoría del Pueblo elevó a 32 los muertos por la violencia en el país // La Nacion. URL: <https://www.lanacion.com.ar/el-mundo/crisis-bolivia-defensoria-del-pueblo-elevo-32-nid2308334> (fecha de recurso: 11.04.2021).
5. Bolivia president's initial indigenous-free cabinet heightens polarization // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/14/bolivia-president-jeanine-anez-cabinet-indigenous> (access date: 11.04.2021).
6. Violencia: Añez lanza plan con una inversión de \$us 100 millones // Página Siete. URL: <https://www.paginasiete.bo/sociedad/2020/3/10/violencia-anez-lanza-plan-con-una-inversion-de-us-100-millones-249125.html> (fecha de recurso: 11.04.2021).
7. Salario mínimo nacional // Instituto Nacional de Estadística. URL: <https://www.ine.gob.bo/index.php/estadisticas-economicas/salario-minimo-nacional-introduccion/> (fecha de recurso: 11.04.2021).

8. Elections en Bolivie: l'enjeu de la démocratie // Libération. URL: https://www.liberation.fr/debats/2020/10/16/elections-en-bolivie-l-enjeu-de-la-democratie_1802542 (date de la requête: 11.04.2021).

9. Bolivia's health minister has been arrested on corruption in Ventilator contracts // Business Insider. URL: <https://www.businessinsider.com/bolivia-health-minister-arrested-over-ventilators-marcelo-navajas-2020-5?r=US&IR=T> (fecha de recurso: 11.04.2021).

10. Plan de gobierno // Creemos. URL: <https://creemos.org/wp-content/uploads/2020/03/PLAN-DE-GOBIERNO-CREEMOS-2020-2025-HIPERVINCULOS.pdf> (fecha de recurso: 11.04.2021).

11. Creemos // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/CreemosBolivia/> (access date: 11.04.2021).

12. Programa de Gobierno // Comunidad Ciudadana. URL: <https://comunidadciudadanabo.com/wp-content/uploads/2015/10/PROGRAMA-CC-2.pdf> (fecha de recurso: 11.04.2021).

13. Carlos D. Mesa Gisbert // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/carlosdmesag/> (access date: 11.04.2021).

14. Luis Arce Catacora (Lucho Arce) // Twitter. URL: <https://twitter.com/luchoxbolivia> (access date: 11.04.2021).

15. Илон Маск косвенно признал свою причастность к «литиевому» перевороту в Бولیвиі // РИАФАН. URL: <https://riafan.ru/1297322-ilon-mask-kosvenno-priznal-svoyu-prichastnost-k-litievomu-perevorotu-v-bolivii> (дата обращения: 11.04.2021).

16. Añez baja, Camacho sube y ambos empatan con el 8% // Página Siete. URL: <https://www.paginasiete.bo/nacional/2020/9/15/anez-baja-camacho-sube-ambos-empatan-con-el-8-268138.html> (fecha de recurso: 11.04.2021).

УДК 323

К.Е. Корнилов

ПОЛИТИКА МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИКИ, ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЯПОНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ В ОТВЕТ НА АВАРИЮ АЭС «ФУКУСИМА ДАЙТИ»

В статье анализируются планы, изданные японским правительством, а именно: какие меры выработало и предприняло министерство экономики, торговли и промышленности Японии в отношении атомной

энергетической отрасли после аварии на АЭС «Фукусима Дайити» с 2012 по 2018 год. Посредством анализа в данной статье определяются задачи, поставленные для решения последствий аварии, выдвинутые министерством экономики, торговли и промышленности Японии.

Ключевые слова: Фукусима, Япония, атомная энергетика, АЭС, энергетический баланс

Авария на атомной электростанции «Фукусима Дайити» оказала влияние на структуру энергетического баланса Японии. Более того, оставила психологическую травму, подорвав доверие к атомной энергетике в глазах общественности. После трагедии перед правительством Японии стояли вопросы, затрагивающие дальнейшую целесообразность существования атомных электростанций на территории Японии [1. С. 1]. Таким образом, авария на АЭС послужила катализатором для нового этапа в политике японского государства в отношении атомной энергетике и дальнейшему пересмотру ее роли в энергетическом балансе страны [2. С. 9].

Прежде всего необходимо изучить значение аварии для энергетического комплекса Японии, а также влияние происшествия на иные сферы жизни общества. Так как меры, определяющие дальнейший подход министерства к атомной энергии, во многом вытекают из информации, полученной министерством в первые годы после аварии.

Уровень обеспокоенности японского правительства отражен в нескольких отчетных документах. Наиболее информативным источником в сравнении с источниками за 2011 и последующие годы является документ «Белая книга по энергетике за 2012 год», выпускаемый министерством экономики, торговли и промышленности Японии. В данном отчете подчеркивается, что происшествие на атомной электростанции в Фукусиме нанесло урон имиджу атомной энергетике, более того негативным образом сказалось на системе энергообеспечения страны, что выявило уязвимость этой системы, ее зависимость от углеродных источников энергии [1. С. 1].

В данном отчете выявлен ряд направлений, в рамках которых необходимо принять меры в ответ на происшествие на АЭС, вызванного «Великим Японским Землетрясением». Первостепенными мерами, подчеркиваемыми в данном документе, являются меры, направленные на обеспечение стабильного доступа к электричеству, а именно – определяется необходимость увеличения запаса электромощностей. Вместе с этим была установлена гибкая система взаимодополнения источников энергии в случае возникшей необходимости, при которой, если потребуется приостановить использование того или иного источника, другие источники смогут заполнить образовавшуюся нехватку энергии. Среди мер, отраженных в вышеупомянутом документе, есть меры, позволяющие начать работу некоторым ранее выведенным из эксплуатации атомным электростанциям [1. С. 1].

В отчете также указаны меры, которые напрямую или косвенно касаются разрешения последствий на АЭС «Фукусима Дайити». А именно: было произведено расследование, в ходе которого были изучены причин аварии комитетом по расследованию аварий на АЭС «Фукусима Дайити». В отчете были сформулированы 7 целей, направленные на уменьшение последствий аварии. Было принято решение о создании органа по ядерному регулированию. Целью создания данного органа являлась унификация управления вопросами регулирования ядерной безопасности [1. С. 1].

Были сделаны усилия по выводу из эксплуатации 4 блоков от АЭС «Фукусима Дайити», пострадавшим от аварии компенсировали ущерб. Указывается, что вышеупомянутое происшествие со всеми указанными последствиями стало причиной пересмотра «Стратегического Энергетического Плана» от 2010 года, в который оперативно были внесены некоторые коррективы, учитывающие произошедшее [1. С. 1].

Схожее мнение и беспокойность выражена в пятом научно-технологическом плане Японии от 2016 года, опубликованного

Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий. В научно-технологическом плане Японии несколько страниц посвящены развитию японской атомной энергетики, подчеркивается утрата доверия не только к атому, как к энергетической отрасли, но и к исследованиям в области атомной энергетики [3. С. 20]. Более того, как и в «Четвертом Стратегическом Энергетическом Плане» Японии от 2014 года, в пятом научно-технологическом плане Японии поднимается вопрос, затрагивающий энергетическую уязвимость, вызванную аварией, произошедшей по вине «Великого Японского Землетрясения» и последующую зависимость от углеводородных источников энергии [3. С. 60].

Учитывая проделанный анализ отчетных документов и стратегических планов министерств Японии, можно говорить о том, что авария на АЭС «Фукусима Дайити» оказала негативное воздействие не только на систему энергообеспечения Японии, выявив уязвимость энергетического баланса страны, так например на 2012 год доля атомной энергетики в Японии составляла 6 процентов, а доля зависимости от поставляемых углеродных источников энергии увеличилась с 60 до 90 процентов после аварии [4. С. 9], но также данное происшествие, ввиду объема ущерба, причинённого данной катастрофой, подорвало доверие со стороны общества к атомной энергетике, как к безопасному и надежному источнику энергии. Стоит добавить, что на 2014 год, около 110 тысяч людей не могли проживать в зоне, пострадавшей из-за аварии на АЭС в Фукусиме [2. С. 1]. Исходя из данного контекста министерство экономики, торговли и промышленности скорректировала дальнейшую политику в отношении атомной энергетики, учитывая вышесказанное.

Японское правительство в декларируемых задачах основывалось на мнении научных кругов, в которых возникли споры касательно будущего атомной энергетики, что поставило властей в

сложное положение. Необходимо было выбрать верный вектор развития атомной энергетики. На 2014 года преобладали следующие мнения:

1. Использование ядерной энергии должно быть немедленно остановлено.

2. Производство ядерной энергии должно быть прекращено в будущем.

3. Атомная энергетика в Японии не должна иметь главенствующую роль в японской системе энергобаланса.

4. В случае дальнейшего использования атомной энергетики необходимо свести ее долю до минимума.

5. Атомная энергетика вернет объемы в системе энергообеспечения Японии, предшествующие трагедии на АЭС.

Согласно среднесрочному и долгосрочному плану энергетического обеспечения Японии от июля 2015 года, был принят ряд мер в отношении будущего японской энергетики. Так были поставлены задачи: усилить безопасность на атомных электростанциях [4. С. 2], а также уменьшить потенциальную зависимость от импортируемых источников энергии, основываясь на опыте, полученным благодаря приостановлению работы атомных электростанций на территории Японии [4. С. 3]. Вместе с тем правительство Японии в лице министерства экономики торговли и промышленности, учитывая борьбу мнений среди научного сообщества, приняло решение о снижении доли атомной энергии в системе обеспечения японской энергетики. Подобная возможность снижения доли атомной энергетики должна быть обеспечена за счет введения новых возобновляемых источников энергии, способных работать в разных условиях [4. С. 6], а также более эффективного использования ископаемых источников энергии [4. С. 4]. Подобная стратегия с уклоном на возобновляемые источники энергии имеет связь с Европейским и Американским опытом [6. С. 7]. Далее указывается, что подобные ме-

ры, исходя из горизонта на 2030 год, смогут сократить долю использования атомной энергии приблизительно до 22 процентов, в отличие от примерно 30 процентов до происшествия на АЭС [4. С. 7]. Подобная доля в атомной энергетике сохраняется в «Пятом Стратегическом Энергетическом Плане» и в среднесрочном и долгосрочном плане на 2030 год.

Согласно «Четвертому Стратегическому Энергетическому Плану» для того, чтобы соблюсти необходимый энергобаланс, указывается потребность в создании комфортной среды для электрических корпораций, которая позволит данным корпорациям более плавно осуществить процесс вывода реакторов из эксплуатации [4. С. 11].

Однако оговариваются негативные последствия от подобной политики, так из-за импорта энергии увеличивается торговый дефицит Японии [2. С. 5]. Всего Япония потратит 3.6 триллиона йен путем импорта других источников для восполнения дефицита энергии, вызванного отказом Японии от сохранения прежней доли атомной энергетике [2. С. 10]. Таким образом, министерство экономики, торговли и промышленности в «Четвертом Стратегическом Энергетическом Плане» указывает о необходимости снижения доли атомной энергетике относительно уровня до аварии на АЭС, однако министерство полагает, что атомная энергия, учитывая низкие издержки, стабильность в производстве энергии, низкий уровень выбросов парникового газа, при более совершенных технологиях, направленных на обеспечение безопасности, остается одним из базовых источников энергии [2. С. 24]. Помимо определения предполагаемой доли атомной энергетике в будущем энергобалансе, министерство ставит следующие задачи:

1. Повысить имидж атомной энергетике в глазах общественности [2. С. 55].
2. Оказать содействие нераспространению ядерного оружия в мире [2. С. 55].

3. Интегрировать инновационные идеи для эффективного потребления источников энергии, в том числе энергии атома [2. С. 77].

4. Установить сотрудничество между странами в области атомной энергетики [2. С. 82].

5. Применять научно-технологический сектор для совершенствования безопасного использования атомной энергетики [2. С. 85].

6. Держать под контролем риски, исходящие из атомной энергетики [2. С. 89].

7. Использовать атомный топливный цикл более эффективно [2. С. 53].

8. Повысить квалификацию сотрудников, работающих на атомных электростанциях [2. С. 50].

9. Принять меры по обновлению и восстановлению АЭС «Фукусима Дайити» [2. С. 48].

10. Создать среду для комфортного участия бизнеса в области атомной энергетики [2. С. 11].

Таким образом японское правительство, представленное в лице министерства экономики, торговли и промышленности, не отказывается от использования атомной энергии полностью, но при этом декларирует необходимость снижения доли атомной энергетики относительно уровня перед катастрофой на Фукусиме. Подобное заявление во многом обусловлено социальными и политическими последствиями, вызванными страхом перед атомной энергетикой, как ненадежной силой. Учитывая акцент, который делает министерство, на развитие более безопасных технологий посредством научно-технологического комплекса Японии, а также ввиду больших затрат на импортируемые энергоносители, можно ожидать плавный поворот в сторону увеличения доли атомной энергетики в энергобалансе Японии, особенно учитывая тот факт, что проблема страха перед «Фукусимой» будет постепенно снижаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Outline of the Annual Report on Energy for FY 2011 (Energy White Paper 2012) // Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. URL: https://www.meti.go.jp/english/report/downloadfiles/2012_outline.pdf (access date: 10.04.2021).
2. 4th Strategic Energy Plan 2014 // Agency of Natural Resources and Energy of Japan. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/pdf/4th_strategic_energy_plan.pdf (access date: 02.04.2021).
3. The 5th Science and Technology Basic Plan 2015 // Cabinet Office. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/5basicplan_en.pdf (access date: 04.04.2021)
4. Long-term Energy Supply and Demand Outlook 2015 // Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2015/pdf/0716_01a.pdf (access date: 02.04.2021).

УДК 32

Д.А. Македонов

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО НА ПРИМЕРЕ ГЛАВНЫХ АГРЕССОРОВ ЕВРОПЫ

Данный доклад посвящен актуальной проблеме политического лидерства в мире на примере главных агрессоров XX века. Содержание доклада включает в себя факты биографий главных диктаторов Европы, в последствии повлиявших на их деятельность и мировоззрение. Задача доклада – найти и объяснить механизмы действий данных личностей, чтобы знать для себя какие лидеры современности создают опасность для нормальной жизни и функционирования не только общества, над которым они господствуют, но и для мирового сообщества в целом.

Ключевые слова: лидер, диктатор, агрессор, Гитлер, Муссолини.

В данной статье нам бы хотелось дать анализ двух главных агрессоров Европы: Гитлера и Муссолини. Поднимается главный вопрос: какими лидерскими чертами обладали эти лидеры и почему за ними так уверенно пошли их народы?

Также следует сказать об актуальности данной темы. Как мы считаем, история, воплощение которой мы можем увидеть на главных личностях эпохи, дает нам уроки, как мы должны вести себя в современной политике. Поэтому на систематизации и анализе таких лидеров, как Гитлер и Муссолини мы можем сделать выводы о том, как в наше время не допустить подобных лидеров ко власти и как избежать повторения войн прошлого столетия.

Что же касается степени изученности, то, как мы считаем, именно в российской историографии очень мало говорится о механизмах, использовавшихся этими лидерами, благодаря которым они смогли добраться до абсолютной власти и завоевать к себе расположение большей части населения. Эта тема изучена не так хорошо, а научный подход по отношению к проигравшей стороне найти трудно.

Стоит также добавить, что в контексте изучения данных лидеров необходимо начинать анализ с их детства, так как это дает нам понять особенности их правления в зрелом возрасте.

Муссолини. Начнем с анализа личности человека, который начал правление раньше – с Бенито Муссолини. Его отец, не имевший образования активно интересовался политической жизнью, был сторонником левых взглядов. Он познакомил сына с анархо-синдикалистскими идеями. Благодаря ему, Муссолини узнал о социализме и стал проникаться левыми идеями. Но отец придерживался и националистических идей, что впоследствии тоже скажется на взглядах Муссолини. Как показала школа, Муссолини отличался импульсивностью и агрессивным поведением. Он был злопамятен и жесток, начинал проявлять лидерские качества, пытаясь руководить товарищами. В 1900 году Муссолини вступил в социалистическую партию, начал писать статьи для социалистических газет. В подтверждение можно добавить, что, будучи совершеннолетним его не привлекали ни

либерализм, ни католицизм, а образцом были анархисты и социалисты [1. С. 121].

Таким образом можно сделать вывод, что детство Муссолини в бедной провинциальной семье очень сказалось на нем. Очевидно, видя социальную несправедливость и испытывая влияние отца, Муссолини проникся левыми социалистическими идеями, но не только – он перенял националистические взгляды, которые по итогу приведут к его отрешению от социалистической партии.

Исходя из вышесказанного возникает вопрос: почему Муссолини отпрянул от левых социалистов и ушел в крайне правый уклон? Это можно объяснить, оговариваясь: от социалистических идей он так и не отказался и, по мнению бывшего профессора по Новой и Новейшей истории Италии Вольфганга Шидера, Муссолини прославился как основатель и непререкаемый вождь «право-революционного движения фашизма» [2. С. 27].

Всё изменилось с началом Мировой войны, когда Муссолини выступил за начало войны с Австро-Венгрией, желая возвращения Тироля к Италии. После статьи о войне его выгнали из газеты, а затем исключили из партии. По окончании войны Муссолини пришёл к выводу, что социализм, как доктрина, потерпел крах. Здесь следует добавить, что Муссолини после войны начал влиять на бывших военных, апеллируя к чувствам ветеранов, которые понимали его и верили ему. По мнению профессора истории Валлуари, в университете Муссолини воспринимали как человека, способного навести в стране дисциплину, что не могло не нравиться бывшим военным.

В октябре 1923 года произошел марш чернорубашечников – многотысячная демонстрация фашистов к Риму, приведшая к тому, что Муссолини стал премьер-министром страны мирным путем, но через нелегальные методы.

Теперь, прояснив кем был Муссолини, можно перейти к тому, как он добивался поддержки народа в период своего правле-

ния, имея вес среди военных кругов населения. Конечно, Муссолини, как и любой диктатор, сформировал лояльное правительство, сфальсифицировал выборы и устранил самых видных оппозиционеров. Но абсолютной власти он добился и посредством других механизмов. Перечислим основные из них.

Во-первых, уменьшил число безработных в три раза; инициировал «Программу комплексной мелиорации земель», благодаря чему за 10 лет страна получила более 7700 тыс. гектаров новых пахотных земель, на которых поселились 78 тыс. беднейших крестьян; были высушены болота, бывшие источниками малярии, где поселились бедные люди; уменьшил налоги и коммунальную плату. Обеспечил досуг населения по программе «После работы», организовал для населения курорты и санатории.

Во-вторых, привел в порядок итальянские железные дороги; благодаря инициативе «Золото для родины» огромное число золотых слитков было перераспределено между банками страны; установил регуляторные заработную плату и цены.

В-третьих, решил Римский вопрос между Папой Римским и правительством. По итогу соглашения религиозные круги встали за Муссолини.

Таким образом, можно сделать вывод, что, став левым социалистом, а потом фашистом, Муссолини сумел найти точки соприкосновения с населением и добиться его поддержки особенно среди малоимущих крестьян. Он добился решения многих социально-экономических и политических вопросов страны, что повысило его авторитет и на международном уровне. Также стоит добавить, что Муссолини умел влиять на население через пропаганду и пламенные речи, которая усиливала реальную деятельность. Также следует сказать, что по классификации М. Вебера Муссолини являлся примером харизматического лидера, завоевавшего легитимность и даже создав образ законного прихода к власти путём совершенно легального его назначения премьер-министром.

Гитлер. Затем в Европе пришел к власти новый диктатор – Адольф Гитлер. Начнем вновь с описания его личности до того, как его имя услышал весь мир.

Был четвертым ребёнком в семье, но трое умерли – отсюда идет мнение фюрера о себе, как о мессии. Отец был вспыльчив и часто прибегал к насилию. Также отец Гитлера навязывал ему чиновничество. Поэтому, перейдя в другую школу, Гитлер стал плохим учеником в нежелании становиться чиновником. Шел против своих учителей, был вспыльчив и неуправляем. Его одноклассники свидетельствуют, что он относился с ненавистью практически ко всему, поэтому существует мнение, что ненависть к евреям стала сфокусированной формой ненависти к людям в целом. После школы пытался поступать в академию художеств, но провалил экзамены. В ту пору впервые заинтересовался политикой, из-за взглядов на которую не пошел в австрийскую армию, не желая служить среди чехов.

Таким образом, можно сделать вывод, что с раннего детства в Гитлере стал формироваться грубый, жестокий взгляд на мир и людей. Вкупе с ярко выраженным характером холерика это перешло в ненависть ко всему окружающему, которую он сумел направить по отношению к евреям. В нем выделялись в начальной школе ораторские способности – он умел создать вокруг себя компанию слушателей, а после того, как он начал самообразовываться это вышло на уровень профессиональной риторики.

Далее перейдем к анализу деятельности Гитлера на посту рейхсканцлера. На момент прихода Гитлера к власти Германия переживала тяжелейший кризис: страна была скована репарациями; безработица достигала 10 млн. человек, т.е. половина всех наемных рабочих страны [3. С. 82]; банковская система рухнула; марка переживала гиперинфляцию. Именно в таких условиях Гитлер пришел к власти, взяв всю её полноту вопреки конститу-

ции и устранив любых противников. Что же предпринял рейхсканцлер?

Во-первых, увеличилось вмешательство государства в экономику, что привело к росту субсидий в промышленные предприятия.

Во-вторых, под руководством Гитлера была резко сокращена безработица. Развернулись широкомасштабные акции по гуманитарной помощи нуждающемуся населению. Поощрялись массовые культурные и спортивные празднества.

В-третьих, стабилизировал банковскую систему и установил твердую валюту.

Таким образом, можно сделать вывод, что Гитлер пришел к абсолютной власти нелегально, но был выгоден народу. Гитлер начал активную деятельность по уменьшению безработицы, преодолению кризиса и восстановлению промышленного и банковского сектора. Гитлер повернул к себе большую часть населения от беднейших крестьян до банковских магнатов, в чем ему помогали сила характера, напористость и умение обещать, а что ещё главнее – выполнять обещания. Конечно, параллельно с положительной деятельностью развивалась и преступная, в том числе и лишение гражданских прав евреев, и создание первых концентрационных лагерей. По классификации М. Вебера Гитлер – харизматический лидер, легален не в полной мере – на посту рейхсканцлера, после пожара в Рейхстаге, добился чрезвычайных полномочий, – но легитимен.

Таким образом мы бы хотели подвести итог всему докладу и обобщить какими лидерами были главные агрессоры Европы и что они из себя представляли:

Во-первых, были ультраправыми лидерами – считали себя и свой народ выше других и уничтожали любого, кто скажет что-то против, хотя массовых репрессий против народа никто из них не производил.

Во-вторых, данным лидерам была присуща популистская риторика, которая часто сопровождалась обещаниями о «великой стране», «великой расе или народе», прибавляя к этой риторике реальную деятельность.

В-третьих, их власть держалась на военных в той или иной степени – кто-то непосредственно опирался на военных (Муссолини), а кто-то поддерживал их (Гитлер).

В-четвертых, эти лидеры были ориентированы на политику реваншизма, ярчайшим представителем которого являлся Гитлер (восстановил и модернизировал армию и флот в кратчайший срок); Муссолини тоже считал, что Италию обделили в землях и надо историческую справедливость восстановить.

Подводя финальную черту, мы можем сказать, что оба пробрались ко власти, играя на чувствительных точках народа и элиты – они уничтожали безработицу и обогащали аристократию; заявляли об исторической справедливости и реванше; они любых думающих людей, понимавших, к чему приведут их действия, нещадно уничтожали. Значит, нам, современным людям, нужно быть внимательнее, смотря на лидеров, диктующих популистские нереализуемые лозунги, особенно касающихся восстановления исторической справедливости. Необходимо бороться с безработицей и кризисами в зачатке, стимулировать социальную среду и бороться с ультраправыми (и ультралевыми) популистами всеми законными методами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воллер Х. Муссолини. Первый фашист. Биография // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 2018. № 1. С. 120–128.
2. Шидер В. Бенито Муссолини // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 2017. № 2. С. 131–139.
3. Муравьева Л.А. Германия в 30-е годы XX века // Финансы и кредит. 2003. № 17. С. 82–91.

Н.П. Марцев

НАЦИОНАЛИЗМ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

В данной статье рассматривается влияние эпохи постмодерна на идеологию национализма, а также на тесно связанное с ней государство-нацию; показывается развитие «нового» национализма и угасание «старого»; подчеркиваются факторы, непосредственно влияющие на переконфигурацию и деконструкцию идеи национализма.

Ключевые слова: национализм, государство-нация, национал-сепаратизм, микронационализм, постмодерн, постсовременность, глобализация

Что происходит с идеологией национализма в современном мире? Глобальные изменения в обществе, такие как внедрение и дальнейшее развитие средств коммуникации, развитие транснациональных компаний, а также усиление процесса миграции, по мнению многих людей, вытесняют национализм. Казалось бы, эта идеология под натиском вышеперечисленных явлений будет уничтожена, придёт так называемый «конец истории», а на глобальном уровне установятся ценности либеральной демократии. Конечно, в процессе глобализации многие элементы и черты национализма претерпевают качественные изменения и деконструкцию, но несмотря на это, идея национализма все ещё актуальна и даже продолжает развиваться.

Государство-нация в эпоху постмодерна. Процесс глобализации, тесно связанный с эпохой постмодерна, оказывает разрушающее влияние на классическое государство-нацию. При этом его можно разделить на три основополагающих потока, которые и подразумевают стремительную детерриториализацию и ослабление контроля государства над определенным физическим и духовным пространством.

Первым фактором, оказывающим огромное влияние на всю современную политику, а также и на государство-нацию, явля-

ется так называемый «мировой информационный порядок» [1. С. 235]. В связи с массовым распространением и совершенствованием технологий передачи информации и системы связи формируется глобальная культура, которая постепенно вытесняет национальные культуры государств. Все мы являемся наблюдателями тенденции «макдональдизации» или «вестернизации» культуры: на рынке фильмов доминирует продукция Голливуда, в информационных программах ведущим является стиль вещания CNN, повсюду наблюдается тенденция на англоязычность и т.д.

Огромнейшее влияние оказывает информация, передающаяся по каналам международных средств массовой коммуникации. Она может с легкостью воздействовать на политические процессы внутри определенного государства, вызвать кризисы или волнения в обществе, которые никак не смогут остановить национальные правительства. Если же мы предположим добровольную информационную изоляцию государства-нации, то это приведет к ещё большим проблемам: к стагнации культуры и творческого потенциала населения, к непониманию внутренней политики государства правительствами других стран, что может обернуться наложением определенных санкций на изолировавшееся государство и его жителей, а также к экономическим спадам и к подрыву отношений между государством и его гражданами.

Вторым фактором, оказывающим разрушительное влияние на государство-нацию, являются глобальные финансово-экономические и ресурсные потоки. Развитие средств коммуникации и транспорта привело к тому, что продукты производства могут с легкостью пересекать границы национальных государств и выводить из «рыночной игры» более слабых соперников, представленных на национальном уровне. Государство не может избавить отечественных товаропроизводителей от гнета транснациональных корпораций, так как это приведет к отказу от участия в процессе экономической глобализации, что в свою очередь при-

ведет к стагнации в развитии государства, а именно к «инновационному барьеру», к невозможности привлечь свободно циркулирующие финансовые ресурсы на мировом рынке и т.д.

Разрушению подвергается также и эмиссионная политика государств-наций, так как большинство операций на мировом рынке совершается не в национальных валютах, а в долларах США. Если государство хочет процветания и развития, то ему придется осуществлять политику «открытых дверей», т. е. открыть свой национальный рынок для привлечения транснациональных корпораций и капитала, создать «зоны офшорного капитализма»¹ и благоприятный климат для привлечения инвестиций извне, что, в свою очередь, приведет к сжатию экономического суверенитета национального государства.

И третьим фактором является массовая неконтролируемая иммиграция населения из стран «третьего мира», которая оказывает сильное влияние на культуру национальных государств, что ведет к утрате ее гомогенного состояния. Вопреки кажущейся плюрализации и взаимной инфильтрации, т. е. перемешивания элементов культур, происходит совершенно другое явление: в национальных государствах начинают выделяться инокультурные анклавы иммигрантов. Из-за иностранцев начинают появляться целые кварталы, районы, которые полностью заселены только представителями какой-либо одной национальности, где господствуют привычные им культурные нормы, традиции и образ жизни, т. е. создается некий прообраз «культурного гетто».

Таким образом, наряду с размыванием прежней этнодемографической структуры национального государства происходит и территориально-культурная дифференциация, возникает такая культурная политика как мультикультурализм, который, в свою

¹ Офшорная зона – это территория, властные органы которой освобождают от налогов или устанавливают крайне облегченный режим налогообложения для юридически зарегистрированных в ней фирм.

очередь, подрывает возможности традиционного политического дискурса и ведет к ослаблению национальной культуры государств.

Национал-сепаратизм как попытка дальнейшего развития идеи национальных государств. С начала эпохи постмодерна наметились тенденции многих этнических и территориальных группировок к отделению от центра и борьбе за свою независимость. Все это лучшим образом проявилось в 1980-х и 1990-х годах во время распада СССР. В это время во многих бывших социалистических странах произошло большое количество конфликтов на этнической и национальной почве, многие из которых впоследствии перерастали в войны (например, Чеченская война, Косовская война и другие). Основной причиной таких событий является желание обрести независимость, а также идея создания национального государства. Многие исследователи отождествляют национал-сепаратизм и микронационализм, но в своей работе, я не буду этого делать и очерчу линию между этими двумя понятиями.

Национал-сепаратизм — это движение этнической или национальной группы людей за независимость от страны, из-за которой она была пропущена через «плавильный культурный котел». В настоящее время такой вид национализма распространен в Китае в лице островного государства Тайвань, которое всеми силами пытается отделиться от КНР, а не так давно была официально подтверждена новость о том, что Тайвань массово закупает оружие и боеприпасы у США.

Таким образом, мы видим, что идея национальных государств, несмотря на тот факт, что большинство классических «старых» государств постепенно теряют свой суверенитет, еще актуальна и до сих пор продолжает развиваться.

Микронационализм как новый виток развития национализма. В связи с тенденциями глобализации и постепенного

ослабления национальных государств, всё большую силу приобретает микронационализм или региональный национализм. Его суть заключается в том, что этнокультурные общности, заключенные на территории национальных государств, начинают постепенно оживляться и восстанавливать традиционные элементы своей культуры, постепенно удаляясь от норм и правил, установленных национальным государством. Философ Герман Люббе сформулировал понятие регионализма так: «Регионализм – это национализм маленьких наций, которые должны утвердить в своем сопротивлении давление больших наций» [1. С. 254]. Регионалисты дружелюбно относятся к идее объединения Европы, так как считают, что от этого они получают поддержку в борьбе против централизации в своем собственном национальном государстве. Эрнест Геллнер также выдвинул свою точку зрения о том, что регионализм или культурный локализм для многих людей является «средством своего рода психологической компенсации в условиях нарастающего социального отчуждения и обезличивания человеческих отношений». Многие исследователи (например, Джей Р. Мэндл, Поль К. Хирст и другие) не соглашались с точкой зрения Э. Геллнера, так как понимают под глобализацией тотальную стандартизацию и унификацию мира, но в тоже время они не учитывают того факта, что социокультурные и психологические проявления глобализации характеризуются нарастающей плюрализацией и фрагментацией социокультурной среды, построенной в эпоху модерна.

Микронационализм в эпоху постмодерна приобретает форму не только регионализма или культурного локализма, но также и так называемой «игры в нацию». Такая «форма национализма» зародилась в развитых странах Запада, а ее суть заключается в том, что взрослые люди объявляют собственные маленькие островки или какие-либо участки земли своей территорией юрисдикции. Там они устанавливают собственные законы, денежные

единицы, гражданство, суверенитет и другие атрибуты государств. В большинстве случаев население такого государства состоит из нескольких человек, но иногда может достигать и до нескольких сотен. Становление такой формы микронационализма тесно связано с наступившей эпохой постмодерна и его культурой, так как именно она предполагает плюрализацию мнений.

Таким образом, мы с вами можем сделать однозначные выводы о том, что идея национализма в эпоху постмодерна не теряет своей значимости, хотя многие элементы и его проявления, такие как национальное государство теряют свое доминирующее положение под гнетом глобализации, идея о создании национального государства все еще присутствует в современном мире и находит свое отражение в странах Востока. Помимо этого, развиваются и новые формы национализма, такие как микронационализм и «игра в нацию», что, в свою очередь, является неопровержимым доказательством жизнеспособности и адаптивности идей национализма к быстро меняющемуся миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидорина Т.Ю., Поляников Т.Л. Национализм: теории и политическая история. М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2006. 356 с.
2. Не бояться смерти: Китай готовится к войне // Газета.гу: новости, статьи, политика, блоги. 2020. 28 нояб.
3. Защита от Китая: зачем США вооружают Тайвань // Газета.гу: новости, статьи, политика, блоги. 2020. 10 июля.

Е.И. Михайленко

КОНЦЕПЦИЯ ЭЛИТЫ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СИБИРСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20–39–90024.

В статье анализируются основные концепции элиты с точки зрения возможности применения методологии элитологии для изучения сибирского чиновничества в исторической науке. Теории Г. Моска, В. Парето, Г. Михельса и М. Вебера анализируются как возможные инструменты для определения характеристик и возможностей «управленческой элиты» чиновничества Западной Сибири. Выявление дополнительных характеристик, кроме формально-юридического аспекта определения элиты осуществляется через анализ различных аспектов теорий элит. В результате приводится описание параметров «управленческой элиты», применимой для изучения сибирского чиновничества.

Ключевые слова: элита, Главное управление Западной Сибири, сибирский чиновник, управленческая элита

Изучение системы управления государством или отдельно взятой территории, а также «акторов» этого процесса (чиновников) практически невозможно без представления определенного уровня стратификации. В процессе исследования мы выделяем из всего массива государственных служащих те категории, которые необходимы для понимания процесса осуществления власти или управления территорией. Методология определения таких категорий выбирается каждым исследователем самостоятельно, однако чаще всего объектами изучения становятся высшие слои чиновников. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, наличие большего количества источников для исторического анализа. Во-вторых, возможностью увидеть системную концепцию управления Сибирью или её часть.

Получается, что объектом исторических исследований является элита чиновничества. Но что мы подразумеваем под элитой? По каким характеристикам можно выделять элиту в государственном управлении, и кто является частью управленческой элиты? На эти вопросы мы ответим в данной статье с помощью применения концепций и инструментов элитологии.

Элитология как самостоятельная дисциплина появляется в поле гуманитарных наук на территории России в 90-е годы XX века в связи с освобождением гуманитарного знания от диктата политической идеологии. Первый российский ученый, сформулировавший идею элитологии – Геннадий Константинович Ашин. В своих трудах он определяет элитологию как «науку об элитах, о высшем слое в системе социально-политической стратификации» [1. С. 12]. Причем «особая роль элиты обуславливается важностью управленческой деятельности» [1. С. 13]. Можно ли тогда считать всех чиновников, принимающих управленческие решения в рамках сибирского региона, элитой, или есть иные критерии данной классификации?

Несмотря на то, что элитология как отдельная научная дисциплина появилась недавно, теории элит существовали еще с времен Древней Греции. Одним из первых ученых, определивших элиту, был Платон. В своём труде «Государство» в жанре диалога он видит идею справедливости в аристократическом типе элиты, лучшими представителями которого выступают философы – «люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе» [2. Т.3. С. 472]. Философам открыты высшая истина и высшая форма души, которая является критерием определения элиты. Идеи Платона близки современному направлению антропологической элитологии, в которой главным является не элита как терминологическая категория, а элитность, подразумевающая «изучение природы человеческой уникальности, т.е. избранности» [3. С. 4]. В контексте антропологического поворота исторической науки и смещения

фокуса внимания на роль человека как личности в истории государственных учреждений, антропологическая элитология может представить для исторических исследований определенный спектр методологических инструментов. Однако стратификация в этой отрасли элитологии основана на психической, духовной и интеллектуальной дифференциации, которая не позволяет определить категорию «управленческой элиты». Кроме того, для изучения истории государственного управления более необходимо разобраться в критериях элиты «без морализаторства и этических комментариев» [4. С. 24].

Концепции определения и функционирования элит появлялись на протяжении развития гуманитарного знания, причем чаще всего исследователей интересовала именно политическая элита и её взаимодействие с обществом. В основном, выделяют трех авторов теории элит: Г. Моска, В. Парето, Р. Михельса. Все они появились в конце XIX – начале XX века.

Гаэтано Моска, итальянский юрист и социолог, определял неизбежным деление общества на «класс правящих и класс управляемых» [5. С. 186]. Правящий класс Моска отождествлял с политической элитой. Причина властного могущества элиты – «высокая степень внутренней организованности и сплоченности данной группы» [6. С. 69], в противовес массе управляемых.

Основные критерии элиты: «способности к управлению людьми, подкрепленные материальным и интеллектуальным превосходством» [1. С. 87]. Это включает в себя, в том числе, ценностное понимание отличия элиты, хотя сам Моска подтверждает, что «личная власть сдерживается властью общественной, власть имущие, как правило, богаче, а быть богатым – значит быть могущественным» [5. С. 189].

В отношении сибирского чиновничества XIX века, как и российской бюрократии в принципе, сложно применять принцип богатства, т.к. многие чиновники даже высших рангов имели

только жалование, а имущества, тем более в Сибири, у них не было. Организованность и сплоченность сибирской бюрократии можно отметить с точки зрения формально-юридического признака. Но с позиции организованности как единого коллектива, этот признак не всегда присутствовал. Так, например, генерал-губернатор, присылаемый из Санкт-Петербурга, не всегда находил контакт с местным чиновничеством и ему приходилось, как Казнакову Н.Г., собирать свою команду для того, чтобы управляющее меньшинство было организовано и отвечало единым моральным и интеллектуальным требованиям.

Вильфред Парето, другой итальянский экономист и социолог позитивизма, под элитой подразумевает «совокупность людей, каждый из которых получил в своей области деятельности самую высокую оценку» [1. С. 92]. Наличие элиты объясняется неравенством индивидуальных способностей людей. Причем элита подразделяется на правящую и неправящую.

В рамках теории Парето можно говорить о взаимодействии правящей и неправящей элиты и влиянии, которое вторая могла оказывать. Например, в Главном управлении Западной Сибири имелась такая должность – чиновник по особым поручениям. В 1870-е годы одним из таких чиновников являлся Николай Михайлович Ядринцев, известный ученый и писатель, которого вполне можно отнести к неправящей элите. Управленческих решений чиновники по особым поручениям не принимали, но, занимаясь научной деятельностью, влияли на решения правящей элиты. Н.М. Ядринцев занимался по приказу генерал-губернатора вопросами поземельного устройства государственных крестьян Западной Сибири, разрабатывая программу устройства крестьян. В выполнении этого поручения он применял свои научные исследования по землеустройству в Сибири.

Р. Михельс, немецкий ученый, продолжает идеи Моска и Парето. Он отмечает, что «руководящая группа становится всё бо-

лее изолированной и замкнутой, защищает, прежде всего, свои привилегии и превращается в интегральную часть правящей элиты» [1. С. 104]. Данную характеристику в принципе можно отнести к чиновничеству Российской империи в XIX веке, когда оформляется бюрократия как отдельная сословная группа, обладающая определенными законом привилегиями и правами.

Одной из самых интересных для изучения чиновничества является концепция Макса Вебера, изложенная в его труде «Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии». Концепция рациональной бюрократии, предложенная Вебером, предполагает позитивную организацию коллективной деятельности, характеризующаяся «специализацией квалифицированного управленческого аппарата и формальным разделением обязанностей; иерархической системой контроля и подчинения должностных лиц; безличностными отношениями». Вебер противопоставляет аристократическую и волюнтаристскую власть организованной дисциплинированной власти бюрократии. Бюрократическая элита подразумевает управление, свободное от субъективизма. При этом рационализм в бюрократической элите, по Веберу, это господство закона, но не людей, а средство господства – знание и профессионализм. Карьера чиновника у Вебера связывается напрямую с его компетентностью: вышестоящий чиновник более компетентен, чем нижестоящий [1. С. 162].

В контексте изучения российского чиновничества власть сибирских генерал-губернаторов далеко не всегда можно назвать свободной от субъективизма. Знание и профессионализм, если рассматривать этот параметр через призму наличия необходимого уровня образования на основании анализа формулярных списков чиновников Главного управления Западной Сибири, увеличивается в пореформенный период. Так, в 1864 г. законченное военное, светское или духовное образование имели только 48% чиновников, а к 1881 году этот показатель увели-

чился до 62,5%¹ [2]. Чиновников, получивших хоть какое-то образование (оконченное и неоконченное) в 1864 г. было 68%, а в 1881 г. – 85%. Наличие образования было условием получения чина и должности для государственных служащих. Кроме образования, о профессионализме может говорить и срок службы в Сибири как показатель знакомства с регионом. От 6 до 19 лет – такой срок службы в Сибири имели 68% всех чиновников в 1864 г. и 61% в 1881 г. Оценивая данные параметры, можно говорить о том, что сибирские чиновники обладали должной степенью образования и профессионализма.

Методологический инструмент элитологии для исторических исследований предоставляет новые возможности применения концепций в контексте изучения сибирского чиновничества Российской империи. Концепции – явление скорее теоретическое, созданное для объяснения устройства общества. В практическом отношении для изучения чиновничества стоит применять совокупность различных элементов, конструируя образ управленческой элиты. В целом, можно говорить о том, что «управленческая элита» сибирского чиновничества может обладать следующими признаками:

– группа чиновников, обладающих необходимым уровнем образования и профессионализма;

– группа чиновников, организованная в единый коллектив не только по формально-юридическим признакам, но и по содержательным действиям в осуществлении власти (т.е. отсутствие внутренних конфликтов элиты, препятствующих законности и отсутствию субъективизма);

– группа чиновников, способная на взаимодействие и обмен с «неправящей» элитой;

¹ Данные представлены согласно анализу 120 формулярных списков чиновников Главного управления Западной Сибири, хранящихся в Государственном историческом архиве Омской области по 2 реперным точкам: 1864 г. и 1881 г. [7,8,9].

– группа чиновников, принимающая управленческие решения (однако данный критерий значительно сужает размеры группы до уровня генерал-губернатора и высших чинов Главного управления Западной Сибири).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М. : МГИМО-Университет, 2010. 600 с.
2. Платон. Государство // Платон. Сочинения : в 3 т. Т. 3, ч. 1. М. : Мысль, 1971. 685 с.
3. Карабущенко П.Л. Антропологическая элитология. Москва ; Астрахань : АстрФ МОСУ (АСИ), 1999. 231 с.
4. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. 384 с.
5. Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.
6. Очирова В.М. Понятие «политическая элита» в контексте научного знания // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 6 (63). С. 68–73.
7. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 3. Оп. 7. Д. 1056.
8. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7272.
9. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15871.

УДК 008.2

С.С. Падалко

КОНЦЕПЦИЯ «ДОЛГОГО МИРА» С. ПИНКЕРА И ЕЁ ОППОНЕНТЫ: ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИСПУТА

В статье рассматривается история интеллектуального диспута, в основе которого лежит спор автора концепции «Долгого мира» Стивена Пинкера и его основного оппонента Нассима Талеба. Внимание уделяется как хронологии событий, так и основным положениям идей противоборствующих сторон.

Ключевые слова: Долгий мир, Черный лебедь, Стивен Пинкер, Насим Талеб, насилие в мире, военные конфликты, безопасность, война

В течение последних десяти лет в англоговорящей части света среди ученых, журналистов и философов разворачивается дискуссия вокруг одной из наиболее трепетных тем, которая так или иначе крадывается в головы, как специалистов по данной области, так и обычных обывателей, а именно вопрос о возможности (или же о невозможности) предстоящей глобальной, общемировой войны. Конечно, данная тема сама по себе не нова, и этот вопрос стоял на повестке дня очень давно, как во время Холодной войны, так и с момента ее завершения. Однако в 2011 году данную проблему удалось вынести на совершенно иной качественный уровень. Произошло это благодаря публикации книги Стивена Пинкера «The Better angels of our nature. Why violence has declined» [1], в русском переводе, получившей название «Лучшее в нас: Почему насилия стало меньше» [2]. В этой книге, автор, опираясь на результаты социологических и исторических исследований [3], выводит мировую тенденцию спада насилия в мире. И итог его размышлений сводится к идее, что войн с конца Второй мировой войны становится всё меньше и меньше, а уровень преступности во всех районах планеты неуклонно падает, что установился «Долгий мир», и что все эти изменения неизбежно говорят о том, что мировой войны больше не будет никогда.

Стивен Артур Пинкер (род. 1954онреаль, Канада) специалист в области экспериментальной психологии, психолингвистики, когнитивных наук, антрополог, популяризатор науки, профессор Гарвардского университета [4].

Для обоснования своей гипотезы автор приводит следующие аргументы. Во-первых, роль в снижении уровня насилия он видит в сдерживающей силе института государства и отсылает к

теории «Левиафана» Томаса Гоббса. Так, в эпоху охотников и собирателей, процент насильственных смертей мог доходить до 60% – эти данные он берет у археолога Лоуренса Кили. По Гоббсу «Левиафан» берет на себя функцию государственного насилия, тем самым он регулирует взаимоотношения между людьми. Выводится формула: чем более централизовано государство, тем меньше уровень убийств.

Во-вторых, причина спада насилия видится в повышении цены жизни. Когда продолжительность жизни была короткой, то и восприятие смерти и страданий было иным. Когда технологии и экономическая эффективность делают жизнь более продолжительной и приятной, то стоимость жизни становится более высокой – это аргумент политолога Джеймса Пейна.

В-третьих, Стивен Пинкер опирается на концепцию «игры с ненулевой суммой» Роберта Райта, которая заключается в том, что при сотрудничестве двух сторон, например, в торговле, когда обе стороны торгуют излишками друг с другом, то они обе получают выгоду от этого, и им не надо браться за оружие. Соответственно и тратиться на это оружие не имеет смысла, что ведет к большей экономической выгоде для обеих сторон.

Четвертый аргумент С. Пинкера основывается на книге философа Питера Сингера, который считает, что эволюция наделила людей эмпатией, способностью относиться к интересам других людей, как к своим собственным [5].

Первой статьей, критикующей Пинкера, стала рецензия под названием «Мир в наше время» журналистки Элизабет Колберт, опубликованная в издании «The New Yorker» от 3 октября 2011 года. В ней автор подвергает сомнению тезис о спаде насилия, приводя в аргумент события, только что произошедшие, а именно теракты, совершенные в Норвегии. Также автор обращает внимание, что большинство статистических данных, которые приводит Пинкер, основываются на Западной Европе, и в тоже

время мало уделено внимания другим регионам мира. Плюс ко всему журналистка пытается обвинить автора в расизме [6].

Американский философ Джон Грей в колонке «The Guardian» приравнивает Пинкера к Фукуяме, считая, что они утописты современного мира, поскольку идеи являются несбыточными и строятся на вере людей в них. Д. Грэй также обвиняет автора в опоре лишь на данные по Западной Европе. Говоря о современных войнах, он считает, что войны между странами заменились контртеррористическими операциями, в которых и принимают участие эти страны, применяя свою военную мощь на территории третьих. Вдобавок к этому философ считает, что, если изменились моральные нравы людей, как это считает С. Пинкер, то вместе с процессом развития таким же образом изменился вид войн и способ их ведения, а это означает, что насилие в мире остается на прежнем уровне [7].

Защищая свою точку зрения, С. Пинкер публикует несколько статей, тем самым отвечая на критику своих оппонентов. В своих статьях он подчеркивает, что современные события, происходящие в мире, а именно война в Сирии, Ираке, Украине являются лишь красочными информационными картинками, которыми успешно манипулируют средства массовой информации. Он утверждает, что реакция людей на эти события являются прямым доказательством его гипотезы вследствие изменения представления о моральном допустимом и повышения ценности человеческой жизни. Поскольку люди стали больше сострадать тем, кто гибнет и страдает от насилия. Это новый исторический этап развития общества, так как в иные эпохи люди не задумывались о жертвах насилия и о насилии, как таковом. В то же время количество реальных жертв в этих конфликтах значительно ниже, чем в подобных конфликтах двадцатого столетия, что также подтверждает автор, приводя новые графики и данные [8].

Главным оппонентом гипотезы Стивена Пинкера выступил Нассим Николас Талеб (род. 1960 г.), американец ливанского происхождения, математик, окончивший Парижский университет, профессиональный брокер, автор книги «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости», в которой обосновывает концепцию влияния случайных и непредсказуемых событий на мировую экономику и биржевую торговлю.

Нассим Талеб совместно с Паскалем Сирилло, профессором Делфтского технического университета публикуют в 2015 году статью под названием «Каковы возможности третьей мировой войны» [9].

В своей статье они используют теорию экстремальных значений. Это вид статистического анализа, предназначенный специально для оценки вероятности редких, но чрезвычайно значимых событий, к категории которых они относят мировые войны. Н. Талеб и П. Сирилло делают вывод, что теория Пинкера ошибочна. Так согласно их анализу, крупные конфликты с крупным числом пострадавших, от десяти миллионов человек и более происходят раз в столетие, а «длительный мир» охватывает промежуток в 70 лет. Это может означать, что снижение конфликтов за этот период времени, лишь промежуток между крупными войнами. Следовательно, такая война не только неизбежна, но и произойдет в ближайшие тридцать лет, если верить математическим расчетам.

Отвечая на этот доклад, Стивен Пинкер пишет открытую публикацию, адресованную Н. Талебу, в которой говорится, что глобальный тренд снижения насилия подтверждается не только падением количества войн, количеством жертв в этих войнах, но и другими статистическими данными. Например, падением уровня насильственных преступлений. С. Пинкер объясняет тенденцию спада насилия такими показателями, как увеличение уровня грамотности, рост благосостояния населения, увеличение в мире числа демократических государств [10].

Сторонник С. Пинкера, Давид Рудман, считает, что выводы Н. Таллеба и П. Сирилло не могут быть правильными, так как примененный ими метод теории экстремальных значений используется для прогнозирования природных аномалий (таких, как геомагнитная буря), и применение такого анализа по отношению к мировым войнам может быть ошибочным, ввиду специфичности метода [11].

Одним из результатов интеллектуального спора можно считать специально приуроченный 161 Нобелевский симпозиум «Причины мира», посвященный проблеме мировой войны, прошедший в июне 2016 года в Бергене, Норвегия. Его инициатором стал Директор Нобелевского института, секретарь Нобелевского комитета по присуждению премии мира, профессор истории Нйолстад. С. Пинкер, был приглашен не него, но не смог приехать, а вот Н. Таллеб выступил с уже известным докладом, его выводы также поддержал профессор политологии Университета Огайо – Бэар Браумюллер.

Рассмотренный нами интеллектуальный диспут, развернувшийся вокруг одной книги, является лишь свидетельством того, что проблема сохранения мира на планете, является одной из наиболее приоритетных задач для всех государств мира. Мыслители современности могут и дальше предлагать, свои прогнозы на будущее, однако хочется верить, что концепция «Долгого мира» будет более жизнеспособна и осуществима в реальной жизни, а оппоненты концепции окажутся неправы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pinker S. The better angels of our nature: Why violence has declined. New York : Penguin Books, 2011. 832 p.
2. Пинкер С. Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше / пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 952 с.

3. The Visual History of Decreasing War and Violence // Our World in Data. URL: <https://slides.ourworldindata.org/war-and-violence/#/title-slide> (access date: 24.01.2021).
4. Steven Pinker // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Steven-Pinker> (access date: 24.01.2021).
5. The surprising decline in violence // TED. URL: https://www.ted.com/talks/steven_pinker_on_the_myth_of_violence/transcript (access date: 24.01.2021).
6. Kolbert E. Peace in our time // The New Yorker. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2011/10/03/peace-in-our-time-elizabeth-kolbert> (access date: 21.01.2021).
7. Gray J. Steven Pinker wrong violence war declining // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/mar/13/john-gray-steven-pinker-wrong-violence-war-declining> (access date: 24.01.2021).
8. Pinker S. Has the Decline of Violence Reversed since The Better Angels of Our Nature was Written? // About Steven Pinker. URL: http://stevenpinker.com/files/pinker/files/has_the_decline_of_violence_reversed_since_the_better_angels_of_our_nature_was_written.pdf (access date: 24.01.2021).
9. Taleb N., Cirillo P. What are the chances of a third world war? // Real world risk institute working paper series. URL: <http://www.fooledbyrandomness.com/longpeace.pdf> (access date: 24.01.2021).
10. Pinker S. Fooled by Belligerence: Comments on Nassim Taleb's «The Long Peace is a Statistical Illusion» // About Steven Pinker. URL: https://stevenpinker.com/files/pinker/files/comments_on_taleb_by_s_pinker_1.pdf (access date: 24.01.2021).
11. Roodman D. Little greek letters become weapons in war of words over trend in violence // David Roodman. URL: <https://davidroodman.com/blog/2015/05/19/little-greek-letters-become-weapons-in-war-of-words-over-trend-in-violence/> (access date: 24.01.2021).

Е.В. Савина

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПАРТИЙ С ГРАЖДАНАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье описаны тенденции политической коммуникации партий с гражданами в современной России. Проанализирован уровень социального доверия российским партиям. Описан процесс массовизации поведения и политического сознания граждан, а также его влияние на специфику партийно-политической коммуникации. Обусловлены тенденции повышения роли личности в процессе политической коммуникации, а также персонификации, технологизации и деидеологизации восприятия института политических партий.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политические партии, политико-коммуникативный диалог, технологии политической коммуникации, политическое доверие, избирательные кампании

В настоящее время трансформация процесса политической коммуникации партий с гражданами в современной России требует дальнейшего анализа ключевых тенденций.

На сегодняшний день предмет исследования указанной проблемы в условиях развития информационного общества находится на этапе становления. Результаты научных исследований показывают, что ключевое влияние на эффективность процесса политической коммуникации оказывают множество факторов, в том числе:

- условия, при которых осуществляется партийная политическая коммуникация;
- характеристики аудитории (социально-демографические, специфика восприятия, уровень политического участия и так далее);
- характер влияния на аудиторию;
- уровень скорости процесса распространения информации в социуме (диффузия идей);

- содержание и качество информации;
- мобильность, гомогенность и объем информации [1].

В связи с этим можно предположить, что учет указанных факторов способен привести политические партии к «эффекту синергии», заключающемуся в суммировании эффекта взаимодействия указанных выше факторов, действия которых превосходят эффект каждого компонента в отдельности в форме их суммы (эмерджентность). При этом воздействие комплекса разнообразных, но эффективно согласованных друг с другом действий может значительно увеличить эффективность процесса политической коммуникации партий с гражданами.

Ключевое значение для определения характера процесса политической коммуникации имеет качество информационного пространства, которое в современных российских реалиях отличается весьма противоречивыми характеристиками. С одной стороны, следует отметить насыщенность и разнородность информационного пространства, а с другой стороны – его раздробленность, в рамках которой традиционные каналы политической коммуникации не в полной мере играют роль информационно-коммуникационных «скреп» [2].

В настоящее время политические партии способны оказывать влияние на коммуникативные предпочтения граждан, в том числе посредством формируемых образцов социально-политических взаимодействий. При этом могут складываться обстоятельства, затрудняющие процесс политической коммуникации. Примером может послужить изменение масштабов и усложнение общественной жизни, а также изменение технологий политических коммуникаций с усилением движения потоков по направлению «от лидеров к гражданам, но не наоборот» [3. С. 51].

Эффективность политической коммуникации в рамках настоящей научной статьи можно связывать с категорией «доверие», выступающей в качестве одного из ключевых показате-

лей авторитета конкретной политической партии. Следует отметить, что доверие – это готовность граждан оказать поддержку политической партии в различных формах (открытой или латентной). В рамках политической науки доверие измеряется итогами выборов или результатами социально-политических исследований.

Обращаясь к специфике избирательной кампании 2020 года, нельзя не отметить тенденцию дальнейшего системного ослабления партий как политического института. Указанная тенденция выражается в минимизации применения пропорциональной избирательной системы на выборах, то есть, сокращение доли депутатов, избираемых по партийным спискам на выборах в региональные представительные органы власти, а также всё более частая отмена применения партийных списков на муниципальных выборах. Данные процессы вызваны конъюнктурными соображениями, которые связаны со снижением рейтингов «Единой России», поскольку доля «побед» «партии власти» по мажоритарным округам значительно выше доли мест, получаемых ею по партийным спискам [4].

В целях анализа эффективности политической коммуникации партий с гражданами автором были проанализированы данные ведущих российских социологических центров, касающиеся уровня доверия указанному политическому институту в 2018, 2019 и 2020 годах (таблица).

Исследования ведущих российских социологических центров однозначно демонстрируют снижение доверия парламентским политическим партиям. Можно предположить, что развитие данной тенденции является следствием специфики политико-коммуникативного взаимодействия между партиями и гражданами.

Ключевой тенденцией процесса политической коммуникации партий с гражданами в современной России является «малоэф-

фективность» обратной связи. В целях решения указанной проблемы партиям рекомендуется проводить регулярный систематический мониторинг потребностей социума, что, возможно, сформирует целостные представления о партийных симпатиях и об их доминирующих настроениях [5].

**Уровень доверия граждан российским парламентским
политическим партиям (в % от общего числа опрошенных)**

Партия	ВЦИОМ			Левада-Центр			ФОМ		
	Год								
	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020
«Единая Россия»	37	33	31	28	29	29	34	34	30
КПРФ	15	14	13	9	9	7	14	12	12
ЛДПР	11	13	12	11	8	11	11	12	10
«Справедливая Россия»	6	6	6	3	2	5	4	4	6

Также ключевой тенденцией политической коммуникации партий с современным российским обществом является процесс массовизации поведения и политического сознания граждан. Важными атрибутами массы, усиливающими указанный процесс, являются массовые настроения, преобладание подданнического типа политической культуры, а также недостаточное развитие институтов гражданского общества [6. С. 186]. В связи с этим контекст политических коммуникаций можно измерять социально-политической «температурой» общества, сигнализирующей отчуждение большинства российских граждан от партийной деятельности.

Трансформация и динамичность политических процессов неизбежно обуславливают повышение роли личности в процессе политической коммуникации партий с гражданами, что приводит к развитию тенденций персонификации, технологизации и деидеологизации восприятия института политических партий [7. С. 55]. В современных российских реалиях указанные тенденции активно используются политическими партиями для осуществления манипуляции общественным сознанием в целях достижения собственных политических целей.

Таким образом, в настоящее время российские политические партии и граждане не смогли установить взаимный политико-коммуникационный диалог и сформировать эффективные партнерские взаимоотношения. Активно используя подход «хватай всех», политические партии все чаще используют манипулятивные технологии, такие как использование визуальных средств, замалчивание фактов, применение ярких лексических образов, использование приемов «усеченной правды» и иные.

Также следует отметить, что с учетом специфики политического режима современная российская партийная система подконтрольна государству, в связи с чем наблюдается тенденция предопределенности результатов выборов в пользу «партии власти» и иных системных сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимин М.В. Эффективность медиатизированной массовой коммуникации в избирательном процессе: теоретические модели и электоральная практика // Научный журнал КубГАУ. 2006. № 20. С. 1–20.
2. Сухомлинова Т.П. Контекст политической коммуникации: особенности современного состояния // Теория и практика общественно-научной информации. 2004. № 19. С. 127–132.
3. Батанина И.А., Лаврикова А.А., Шумилова О.Е. Политическая компетентность россиян как фактор политического участия // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1 (31). С. 50–56.

4. Продолжение новой департизации и карантинный электоральный авторитаризм в условиях пандемии: общие политические и правовые особенности выборов 13 сентября 2020 года. Мониторинг региональных и местных выборов : доклад № 1 / отв. за вып. М. Ледовский. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2020. 64 с.

5. Балтовский А.А. Политическая коммуникация и ее значимость в деятельности российских политических партий в прошлом и настоящем // Наука. Общество. Оборона. 2017. № 4 (13). URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshchestvo-oborona/2017-4-13/article-0125/> (дата обращения: 15.03.2021).

6. Соловьев А.И. Массовое сознание и государственная политика: точки пересечения и проблемы взаимодействия // Политическая наука. 2017. № 1. С. 186–197.

7. Казаков М.А. Персонификация как тенденция современного политического лидерства: особенности проявления и восприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1 (49). С. 54–61.

УДК 94

Н.А. Сафарметова

БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС В ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Исследовательская работа посвящена истории Берлинского конгресса и его последствиям для внешней политики России. В статье рассматриваются последующие события, а именно нанесенный Берлинским конгрессом удар по международному положению России как на международной арене, так и на Балканах, изменение внешнеполитического курса страны после этого события.

Ключевые слова: Берлинский конгресс, Россия, внешняя политика, Англия, Франция, балканский вопрос

«Восточный вопрос» – один из важнейших международных аспектов XIX в. Россия не оставалась в стороне от участия в его решении, о чем свидетельствует череда русско-турецких войн при трех правителях подряд. Точку в споре ведущих европейских дер-

жав вокруг слабеющей Турции могли поставить русско-турецкая война 1877–1878 гг. и завершивший ее Сан-Стефанский мирный договор, но этого не случилось. В диалоге, приведенном в теме работе, поставлена проблема ослабление позиций России по итогам Берлинского конгресса. Цель статьи – выяснить, действительно ли Берлинский конгресс нанес удар по международному положению России в целом и на Балканах в частности, изменился ли внешнеполитический курс страны после этого события.

Берлинский конгресс был созван для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора в июне 1878 года. Несмотря на то, что Сан-Стефанский мир был прелиминарным, многие страны были недовольны его условиями. Например, английская и австро-венгерская дипломатии отнеслись к этому договору резко отрицательно, поэтому они и стали инициаторами нового конгресса. Англия и Австро-Венгрия поддерживали Турцию, т.к. не хотели усиления России на Балканах. Они опасались, что, «включив Болгарию в сферу своего влияния, Россия фактически станет средиземноморской державой» [1. Т. 2. С. 126], что дало бы ей стратегический перевес и удобный плацдарм для будущих войн. Помимо этого, Россия нарушала условия нескольких соглашений, подписанных ранее. Например, это касалось Болгарии. По Сан-Стефанскому миру Болгария получала статус автономного княжества: «Болгария образует самоуправляющееся, платящее дань, Княжество с христианским правительством и земским войском» [2. С. 330], также в договоре признавалась независимость Черногории, Румынии и Сербии. Это противоречило Рейхштадскому договору и Будапештской конвенции, заключенным между Россией и Австро-Венгрией в 1876 году. В этих документах содержалось условие о недопущении создания большого славянского государства на Балканах. Также это условие было подтверждено в Константинополе в 1877 г. Болгария должна была быть разделена на две части, при этом Запад-

ная Болгария должна находиться под контролем Австро-Венгрии [3. С. 205]. Подписание Сан-Стефанского мира сводило это влияние практически к нулю. Таким образом участием Австро-Венгрии в организации Берлинского конгресса объясняют нарушение со стороны России прежних соглашений.

На конгрессе сторону Австро-Венгрии и Англии заняла и Франция, которая надеялась на «подачки со стороны последней на колониальном поприще и на сотрудничество в предстоящем урегулировании турецких долговых обязательств».

Учитывая события начала 1870-х гг. Россия могла рассчитывать на поддержку Пруссии, но этого не произошло. Бисмарк лишь советовал России согласиться на переговоры. Позже Бисмарк оценил роль Германии в Берлинском конгрессе как роль посредника: «...Наша роль скромнее – я мыслю её как посредничество честного маклера...» [4. С. 323].

Не увенчались успехом попытки России путем тайной дипломатии изменить расклад сил на Берлинском конгрессе. Таким образом, против России выступили сразу несколько держав, столкновение с которыми было крайне невыгодно.

Работа Берлинского конгресса проходила в течение месяца с 13 июня по 13 июля 1878 года. В конференции принимали участие министры иностранных дел и премьер-министры: Горчаков от России и посол Шувалов, лорд Биконсфильд от Англии, Андраши от Австро-Венгрии, Бисмарк от Германии, Ваддингтон от Франции. Также на конгрессе присутствовали представители Греции, Румынии, Черногории и Сербии.

Работа на конгрессе проводилась посредством участия представителей в заседаниях, открывались дебаты по каким-либо вопросам, а в случае разногласий, спорный вопрос обсуждался в частном порядке между заинтересованными делегациями.

Вопрос о территориях, которые будут под политической и военной властью султана, вызывал большое количество споров.

В результате переговоров Болгария разделялась на две части: автономное княжество Болгарии (от Дуная до Балкан) в составе с Софией и Варной и автономная провинция Турции – Восточная Румелия. Временное управление княжества Болгарии сроком в 9 месяцев будет находиться под руководством России, войска Порты не имели права туда вступать, но княжество ежегодно выплачивало дань туркам. Австро-Венгрия добилась временной оккупации Боснии и Герцеговины, а также она заполучила военный контроль над побережьем Черногории. Англия получила Кипр. Россия получила Карс, Батум и Ардаган, но Батум был портом коммерческим. Признавались по Сан-Стефанскому договору и присоединение Бессарабии к России, независимость Черногории, Сербии, Румынии, но территории их урезались. Турции возвращена Македония и побережья Эгейского моря, но султан должен был провести реформы, уравнивающие в правах мусульман и не мусульман. 13 июля конгресс подписал Берлинский трактат, который почти полностью изменил условия Сан-Стефанского договора.

Итоги Берлинского конгресса имели следующие последствия для России:

1. Дипломатическое положение России на Балканах ухудшилось: балканские народы были недовольны, так как не смогли получить желаемого – освобождение от турецкой власти.

2. Ухудшились отношения с Румынией, так как последнюю не устраивало присоединение к России Бессарабии, которая по Парижскому миру 1856 г отходила к ней.

3. В скором времени Сербия, Болгария и Румыния пошли на экономическое сближение с Германией и Австро-Венгрией в ущерб российским интересам в этом регионе.

4. Усилилось позиции на Балканах и Австро-Венгрии, так как она оккупировала Боснию и Герцеговину.

На фоне ряда неудач достижением России выглядит то, что ей всё-таки удалось вернуть Южную Бессарабию, потерянную

по итогам Крымской войны, и почти в полной мере удалось отстоять свои завоевания на Кавказе – Батум, Карс и Ардаган. Единственным союзником России на Балканах оставалась Черногория.

Последующие события подтверждают негативные оценки как современников, так и самого Горчакова, потому что в ближайшие годы для России вновь возникла угроза оказаться в международной изоляции: её не допускали к участию в работе комиссий, созданных для исполнения постановлений Берлинского трактата, нарастало недоверие между Россией и Германией, что спустя почти 10 лет выразилось не только в политическом действии (отсутствие продления «договора о перестраховке»), но и в экономическом («таможенная война»). Обострились и русско-английские отношения в Средней Азии. Британская эскадра стояла в Мраморном море и в любой момент могла переплыть в Черное море, что угрожало русскому югу и черноморской торговле. В сложившихся условиях Россия была вынуждена искать новых союзников. Таким стала Франция, с которой до начала 1880-х гг. на протяжении всего XIX века отношения были напряженными. В июле 1891 г. начались русско-французские переговоры и в этом же и следующем годах были подписаны политическое соглашение и военная конвенция о совместных действиях на случай, если одной из сторон будет угрожать нападение Германии или Австро-Венгрии.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что внешнеполитический курс России изменился – постепенно охладились отношения с Германией и налаживались отношения с Францией, на 10 лет прекратились дипломатические отношения с Болгарией из-за ее сближения с Германией и Австро-Венгрией. В то же время Россия не отказалась от идеи усиления на Балканах и получения контроля через проливы, что станет одной из причин Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. История дипломатии России : в 2 т. Т. 1: IX – начало XX века / под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. М. : Аспект Пресс, 2019. 352 с.
2. Хрестоматия по отечественной истории с древнейших времен до наших дней. М., 1999. С. 330–332.
3. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е.А. Адамова. М. : Госполитиздат, 1952. 470 с.
4. Згурская М.П., Курсун А.Н. Балканские события и «честный маклер» Бисмарк // Загадки истории. Серые кардиналы. Харьков : ФОЛІО, 2011. 380 с.
5. Школьная энциклопедия «Руссика». История России. 18–19 вв. М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. 734 с.

УДК 327.7

Ц. Сюй

«МЯГКАЯ СИЛА» КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 2010–2020 гг.

Центральная Азия является важным звеном для реализации китайского сухопутного маршрута «Экономический пояс Шелкового пути», в том числе потому, что имеет общую границу с КНР. Одним из механизмов, посредством которых Китай проводит и корректирует политику в регионе, является так называемая политика «мягкой силы». Таким образом, в представленной статье анализируется феномен «мягкой силы» Китая в Центральной Азии 2010–2020 гг. Выделяется пять основных составляющих и сложности при реализации более крупных региональных инициатив.

Ключевые слова: Мягкая сила Китая, Центральная Азия, Экономический пояс Шелкового пути, инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП)

Актуальность работы обусловлена тем, что Китай с момента принятия новой инициативы ОПОП начал расширять все виды связей с государствами Центральной Азии, увеличились товарооборот и ранее не наблюдавшееся присутствие в медийном про-

странстве региона. Как отмечают китайские авторы Ма Цян и Сяо Бинь, растущая экономическая мощь Китая не вполне соответствует «мягкой силе» страны в Центральной Азии и существенно ограничивает развитие экономики. В данном случае будут рассмотрены понятие «мягкой силы» Китая, его суть и примеры в Центральной Азии.

1. Предъявление развития «мягкой силой» Китая. За более чем 40 лет со времени начала реформ и открытости Китай добился успехов в «жесткой силе», став второй по величине экономикой в мире [1. С. 33]. По сравнению с «жесткой силой» Китая «мягкая сила» развивается относительно медленно. В ноябре 2007 г. в отчете Семнадцатого созыва Всекитайского Собрания Народных Представителей Председатель КНР Ху Цзиньтао выдвинул требование «улучшения национальной культурной мягкой силы» [2]. В данном случае впервые в истории Китая «мягкая сила» была отнесена к одному из важных средств проведения внешней политики. С этого периода Правительство КНР начало обращать внимание на применение «мягкой силы» в международных делах и увеличило интенсивность гуманитарных обменов и сотрудничества с другими странами [3. С. 32].

2. Формирование «мягкой силы» КНР в Центральной Азии. Как отмечают китайские авторы Ма Цян [4. С. 127–128] и Сяо Бинь [5. С. 25], «мягкую силу» Китая в Центральной Азии можно разделить на 5 категорий:

(1) Внешняя помощь

На первом этапе после образования пяти независимых государств Центральной Азии Китай оказывал сравнительно небольшую помощь, в основном она касалась финансовых средств и товарных поставок. Однако, начиная с 2013 года, когда в КНР была принята инициатива ОПОП, инвестиции и внешняя помощь Китая странам Центральной Азии начали значительно увеличиваться в объемах [6. С. 93].

Основными формами внешней помощи Китая в Центральной Азии являются кредиты и прямое финансирование крупных и средних проектов, а его источниками финансирования в основном являются государственные учреждения или государственные предприятия.

(2) Культурный обмен:

Важным элементом «мягкой силы» Китая в регионе являются Институты Конфуция. С 2010 по 2019 год в Центральной Азии было создано 7 Институтов Конфуция. Количество Институтов Конфуция и даты их основания указаны в таблице.

Институты Конфуция в Центральной Азии¹ [3]

Страна	Казах-стан	Кыргыз-стан	Таджики-стан	Узбеки-стан	Туркмени-стан
Количество институтов Конфуция	3	2	1	1	0
Год основания	2011, 2012, 2017	2013, 2016	2015	2014	–

Китай также активно создает центры китайского языка для содействия обучению китайскому языку [7. С. 12]. С 2009 г. Китай ежегодно проводит в Центральной Азии мероприятия «Счастливый китайский Новый год». Посольством Китая в странах Центральной Азии регулярно проводятся художественные выставки, концерты и другие культурные мероприятия.

¹ Составлено по: Штаб-квартира Института Конфуция. URL: http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm

В целом, культурные обмены и проекты сотрудничества углубляют взаимопонимание между народами Китая и Центральной Азии.

(3) Дипломатия: визиты национальных лидеров

Обмен визитами между национальными лидерами принес возможности для сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии. Китайские лидеры подписали несколько заказов во время посещения стран Центральной Азии.

(4) Шанхайская организация сотрудничества

С развитием процессов глобализации в мире, а также для решения проблем экономического развития и безопасности Китай предпринял усилия для создания региональной организации, которой стала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). С момента создания ШОС Китай активно боролся с так называемыми «тремя злами», выступая против терроризма, национального сепаратизма и политического экстремизма. В настоящее время при развитии ШОС, имеются все возможности для развития сотрудничества в сферах культуры и образования, что отвечает задачам развития «мягкой силы» Китая в региональном аспекте.

В этом направлении Китай активно предлагает осуществление различных проектов.

(5) Политические ценности: Инициатива ОПОП

В сентябре 2013 года Председатель КНР Си Цзиньпин предложил государствам Центральной и Восточной Азии совместно построить «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», что в итоге стало инициативой «Один пояс, один путь» [8].

Строительство инициативы принесло удобство и шанс людям в сферах торговли, культуры, образования и туризма [9. С. 9]. Согласно проекту развития сотрудничества, Китай будет ежегодно предоставлять 10 тысяч государственных стипендий стра-

нам, расположенным в ОПОП. Данного рода инициатива позволяла привлекать в Китай большое количество иностранных студентов для изучения китайского языка и культуры. С момента начала реализации инициативы ОПОП, Китай и страны, участвующие в ней, совместно провели 20 мероприятий по культурному обмену, таких как «Национальный год культуры», подписали 43 межправительственных соглашения о сотрудничестве, включая планы осуществления культурного обмена.

Таким образом, инициатива ОПОП – это китайский план содействия глобальному миру, сотрудничеству и общему развитию. В отличие от других государств, для Китая новые международные инициативы становятся частью мирного подъема, а базой являются общие ценности: взаимная выгода, общее развитие, мораль. В итоге на этой основе формируется «мягкая сила» Китая в Центральной Азии.

3. Трудности с дипломатией «мягкой силой» в Центральной Азии. Китай имеет определенные преимущества для проведения дипломатии «мягкой силы» в Центральной Азии, однако также имеет некоторые трудности:

(1) «Три зла» и миф о китайской угрозе

Несмотря на несомненные достижения в борьбе с «тремя злами» в региональном аспекте, они по-прежнему являются угрозой для стабильности и безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также влияют на дипломатические и культурные мероприятия, проводимые Китаем в Центральной Азии.

(2) «Мягкая сила» крупных держав в Центральной Азии

Традиционно Россия имеет глубокие культурные связи и определенное влияние на страны и руководство государств Центральной Азии. Кроме России, США, Европейский Союз, Турция тоже активно осуществляют дипломатию «мягкой силы» в Центральной Азии. В итоге сформировался сложный клубок

противоречий и различных практик, которые применяют внерегиональные страны для достижения собственных внешнеполитических целей.

(3) Проблема «активность сверху, пассивность снизу»

Проблема может быть представлена следующим образом. На высшем уровне и на уровне межгосударственных соглашений Китай и государства Центральной Азии заключили большое количество соглашений, проводятся ежегодные встречи, визиты, саммиты. Однако, на низовом уровне, уровне «простого народа» контакты недостаточно развиты, стороны мало знают друг о друге. Такие лакуны зачастую и становятся источниками страхов, недопониманий и проблем в двусторонних отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Ц. Сравнение всеобъемлющей экономической устойчивости Китая и США в условиях новой нормы – на основе анализа валового внутреннего продукта // Мэйго яньцзю. 2015. № 5. С. 31–49.
2. Доклад Ху Цзиньтао на 17-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая (胡锦涛在党的十七大上的报告) // Всекитайское собрание народных представителей (中国人大网). URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zggcddsbcqgdbh/2012-11/06/content_1742192.htm (дата обращения: 20.12.2020).
3. Ли Ч. Исследование китайской дипломатии мягкой силы в Центральной Азии : дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 180 с.
4. Ма Ц. Сравнительный анализ политики «мягкой силы» ведущих держав в Центральной Азии // Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. 2019. № 9 (54). С. 120–134.
5. Сяо Б. Сравнение мягкой силы Китая и России в региональной политике // Элосы, Дун Оучжуо, Чжунъя яньцзю. 2015. №.1. С. 23–31.
6. Лю Ф. Помощь Китая в Центральной Азии с точки зрения совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути»: цели, трудности и выбор пути // Синьцзян дасюэ сюэбао. 2016. № 44 (03). С. 93–97.
7. Шарифхан М. Анализ культурной дипломатии Китая в Центральной Азии на фоне экономического пояса Шелкового пути : маг. дис. Синьцзян, 2019. 42 с.

8. Официальный сайт инициативы «Один пояс, один путь» (中国一带一路网). URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/info/iList.jsp?tm_id=540 (дата обращения: 20.12.2020).

9. Чжан Ю. Строительство «Один пояс, один путь» в рамках большой стратегии // Взгляд эксперта. 2015. С. 9–10.

УДК 321

М.М. Янга

ПОПУЛИЗМ В ДИСКУРСЕ ПРЕЗИДЕНТА ЭКВАДОРА РАФАЭЛЯ КОРРЕА

Автором рассматриваются вопросы происхождения и развития популизма в Эквадоре на примере режима Р. Корреа. Выделяются возможные причины и условия укрепления популистского режима. Описаны особенности популизма в Эквадоре, в частности, сочетание популизма и технократизма. Уделено внимание отрицательным и положительным последствиям популистского режима в Эквадоре, что позволяет сделать вывод о том, что популистский режим нельзя трактовать однозначно отрицательно.

Ключевые слова: Эквадор, популизм, политика, идеология, демократия, авторитаризм, политический лидер

В современном обществе базовой ценностью выступает демократия. Демократизация, по мнению Р. Даля, требует ряда условий: политической конкуренции, возможности критиковать правительство, предлагая альтернативные точки зрения, а также способствуя участию и включению граждан [1. С. 24]. Используя два измерения полиархии Даля, многие исследователи утверждают, что популизм «увеличивает участие путем включения маргинальных групп в общество, но ограничивает возможности конкуренции» [2. Р. 20]. Концепция популизма имеет долгую и противоречивую историю в Латинской Америке и особенно – в Эквадоре. При этом некоторые ученые до сих пор

отождествляют популизм с иррациональностью. Они утверждают, что популизм основан на непродуманной экономической политике и/или манипулировании демагогами иррациональными массами. Но сейчас популизм требует глубокого переосмысления как политической стратегии, используемой харизматическими лидерами для достижения власти и управления.

Внимание популизму в политике уделялось в трудах К. Крауча, Я.В. Мюллера, Д. Альбертацци, Р. Боуэна, В. Бретона, Б. Моффита, В. Силвы и др. Исследования политологов фокусируются на нескольких аспектах: на угрозе популизма для демократии, риторике популизма как коммуникационного акта, технологии агитации и привлечения сторонников лидерами-популистами, а также на существенной разнице между популизмом и идеологией. Но особо необходимо выделить теорию дискурса Э. Лаклау и особенности популистских политических коммуникаций, выделенных этим исследователем.

Популизм является правилом в эквадорской политике. Он возник в ответ на углубившийся неолиберальный империализм и возрождающуюся земельную олигархию, когда крестьянство, вопреки всем ожиданиям и прогнозам его гибели, восстало. Землевладение и распределение земли в Эквадоре было крайне концентрированным и неравномерным, поскольку большая часть крестьянства не имела достаточного доступа к земле для удовлетворения потребностей семьи в течение всего года, не говоря уже о том, чтобы генерировать излишки для потенциальной продажи.

Начиная с 1990-х гг. в Эквадоре распространились сельские протестные движения, выступающие за восстановление доступа к земле посредством массовых оккупаций (среди прочих тактик). При этом экологическая проблема стала одним из их приоритетов. Им удалось добиться определенной политической власти, но реализация механизма «власти» крестьянства была возможна только через хрупкие союзы с возникающей, субгегемо-

нистской, национальной и антиимпериалистической буржуазией, которая основывалась на популизме. Это создало электоральное пространство для роста популизма Р. Корреа в 2000-х гг., чему способствовали в финансовом отношении китайское внимание к ископаемому топливу, сельхозпродукции и т.д.

Когда Корреа пришел к власти, партийная система рухнула. Его администрация изменила неолиберальную политику на государственническую и перераспределительную модель развития. Он находился в конфликте с большинством общественных движений. Несмотря на риторику правительства в пользу политического участия, никаких институтов, способствующих этому, создано не было. Участие при Корреа в основном сводилось к голосованию на выборах. После того, как народ проголосует, роль лидера заключается в разработке политики в интересах бедных, но без привлечения их к участию. Технократическая элита и президент, который также является экспертом, знают дорогу, которая приведет их страну к другой модели развития и демократии. Они описывают защитную реакцию социальных движений на потерю автономии и с трудом завоеванных прав и привилегий как доказательство того, что их универсалистскому проекту государственного строительства противостоит множество групп, которые стремятся только к своей партикуляристской прерогативе, а не к благополучию всех.

Корреа был избран, когда движение коренных народов вошло в кризис, временно потеряв способность участвовать в устойчивых коллективных действиях. Эквадорская оппозиция не располагала ресурсами для участия в актах коллективного неповиновения администрации Корреа. В сочетании с технократическим стилем руководства его правительство не организовывало подчиненных после выборов и не продвигало механизмы демократии участия на местном и общинном уровнях, то есть было основано на чистом популизме.

Корреа сочетал в себе популиста и технократа [3], что представляется весьма интересной комбинацией. Популистский лидер и технократы разделяют взгляд на общество как на пустое пространство, где они могут создавать совершенно новые институты и практики. Таким образом, все существующие институциональные механизмы считаются коррумпированными и нуждаются в обновлении. Защитная реакция различных общественных движений и организаций гражданского общества на проникновение и посягательство государства, такой лидер укрепляет их представления о том, что их проекту искупления противостоит широкий круг эгоистичных врагов. Предполагая, что они придерживаются единственной истины, которая исходит из знаний экспертов и из единого голоса народа, они не ценят диалог. Инакомыслие трактуется как измена.

Исходя из этого, популизм может быть охарактеризован, как симптом неадекватности либеральной демократии, которая не имеет прочной основы для процветания в эквадорском обществе из-за истории расизма, неравенства и социальной изоляции в стране. Так считает Дж. Боуэн [4. Р. 18], признавая, что результаты этих процессов неопределенны и случайны, и поднимает возможность того, что более демократическое общество может возникнуть из государственного и партийного строительства эпохи Корреа. В 2007–2017 гг. популистский режим Корреа в Эквадоре четко формулирует эти дискурсы и использует широко распространенные анти-неолиберальные настроения для создания альянсов с группами, объединенными риторикой антиколониализма и принципами возрождения коренных народов и обеспечения средств к существованию [3. Р. 351].

Приведем несколько примеров. Так, в 2012–2017 гг. технократический популистский режим во главе с президентом Корреа пообещал вернуть «народу» национальные нефтяные ресурсы и открыть «постнеолиберальную» эру суверенного нефтяно-

го развития. Выполнение этого обещания за счет увеличения государственных расходов зависело от международных цен на нефть. При этом государственные акторы утверждали, что успешно играют на волатильных рынках от имени нации. Такие заявления принимали форму петропопулистских дискурсов и коммуникативных практик.

Взаимодействие между сильным популистским правительством в Эквадоре и слабой, разделенной и неэффективной внутренней оппозицией в контексте слабых либеральных институтов может привести к тому, что Г. О’Доннелл назвал «медленной смертью демократии» [5]. Прошедшее десятилетие демонстрирует пределы политической централизации и популистской стратегии политического разделения. После десяти лет руководства Корреа примирительный стиль Ленина Морено был первоначально одобрен эквадорцами. Обвинения в коррупции, выдвинутые против некоторых членов бывшего правительства Корреа, несомненно, способствовали разочарованию в предыдущем правительстве и руководстве Корреа. Но результаты референдума 2018 г. показали, что, несмотря на популярность Морено, Корреа сохраняет сильную поддержку своего более левого проекта, причем 35 % избирателей выступают против того, чтобы заблокировать переизбрание, которое позволило бы Корреа снова баллотироваться в будущем [6].

Динамика Эквадора весьма противоречива как «политически», так и «экологически». Эквадор смог поддержать программы социального обеспечения и развития инфраструктуры только за счет добычи ресурсов, в значительной степени подпитываемых китайским сырьевым бумом. Но в Эквадоре неохотно создают устойчивые системы производства продовольствия и средств к существованию, основанные на перераспределении земель. Режим Корреа в значительной степени полагался на поддержку крестьян и коренных народов для обеспечения успе-

ха на выборах и включил положения о продовольственном суверенитете в конституцию. Но шаги по реализации этих положений не оправдали ожиданий.

Эквадор сегодня сильно отличается от той страны, какой он был до прихода Корреа к власти. В значительной степени на его текущем положении и политике отразились политические последствия популистского режима. При этом нельзя сказать, что популистский режим привел лишь к отрицательным последствиям. Из-за продолжающейся оппозиционной деятельности со стороны укореившейся земельной олигархии и явной готовности их правительств не обращать на это внимания в поисках экспортных поступлений, относительно небольшой прогресс был достигнут в отношении перераспределения земли в пользу полупролетариата и безземельных. Кроме того, значительный процент доходов от добычи первичных ресурсов Эквадора был перенаправлен на социальные программы для умиротворения полупролетариата и городского пролетариата, что привело к непростому компромиссу, воплощенному в этом популистском режиме, между низшими классами, национально ориентированной буржуазией и сохраняющейся властью земельной олигархии. В результате стало очевидным нарастание напряженности между прежними группами поддержки популистского режима, а также среди коренных групп и полупролетарского и безземельного крестьянства. Речь идет о вызревании «социального разлома» вследствие усиления неравенства в обществе и разрыва между элитами и ущемленным большинством. Это свидетельствует и о кризисе политических коммуникаций, реализуемых через популистские практики. Прошедшее под популистским режимом Корреа десятилетие демонстрирует пределы политической централизации и популистской стратегии политического разделения в Эквадоре.

Итак, в 1990-е гг. широко распространился анти-неолиберальный аграрный протест, имевший сильную местную

поддержку. Популистский режим Корреа, пришедший к власти в Эквадоре на этой волне, показывает мрачную картину демократизации. Популистский дискурс превращает демократических соперников во врагов. Конструирование врагов поляризует общество на два полюса – «за» и «против». Действуя в соответствии с тем, что они считают «истинными» интересами народа, популистский режим избирательно игнорирует верховенство закона, разделение властей и институциональные механизмы, гарантирующие плюрализм и подотчетность. Популистский режим в Эквадоре является примером этой тенденции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль Р. Демократия и ее критики / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2003. 576 с.
2. Mudde C., Kaltwasser C. Vox populi or vox masculini? Populism and gender in Northern Europe and South America // *Patterns of Prejudice*. 2015. Vol. 49, № 1–2. P. 16–36.
3. Merkel W., Scholl F. Illiberalism, populism and democracy in East and West // *Politologický časopis-Czech Journal of Political Science*. 2018. T. 25, № 1. P. 28–44.
4. Clark P. Neo-developmentalism and a «*vía campesina*» for rural development: Unreconciled projects in Ecuador's Citizen's Revolution // *Journal of Agrarian Change*. 2017. Vol. 17, № 2. P. 348–364.
5. Bowen R., Chan J., Dube O. Reform cycles and populist cycles // *Working Paper*. 2015. P. 1–31.
6. О'Доннелл Г. Делегативная демократия // *Пределы власти*. 1994. № 2–3. С. 52–69.
7. Arsel M. Poverty, Nature, and Post-Neoliberal Developmentalism: Political Economy of the Foretold Demise of Ecuador's Yasuni-ITT Initiative // *American Association of Geographers Annual Meeting, San Francisco, March 29 – April 2. San Francisco, 2016. Vol. 29.*

СЕКЦИЯ III. АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ «ПОЛЕ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

УДК 39:304.44

В.С. Глинкин

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЧЖУАН В ФОТОГРАФИЧЕСКИХ АТЛАСАХ (НА ПРИМЕРЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ВСЕ НАРОДЫ КНР»)

В статье рассматриваются чжуаны, крупнейшее национальное меньшинство КНР, и исследуются особенности их репрезентации в иллюстрированной энциклопедии народов Китая. Исследуется связь материала, изложенного в энциклопедии с принятой в стране трактовкой этноса и национальной политикой. Делается вывод о некоторых особенностях визуального и текстового описания этноса, создающего образ чжуан как «членов семьи» народов Китая, обладающих определёнными чертами, отличающими их от ханьцев.

Ключевые слова: чжуаны, туризм, национальное меньшинство, визуальная антропология, полевые исследования

55 народов, представляющих собой национальные меньшинства Китая, составляют около 6–8% населения КНР, или более 100 млн. чел. Единицы национальной автономии занимают до 64% площади территории страны [1]. Национальные меньшинства проживают в КНР в пограничных районах, районах богатых разнообразными природными ресурсами, приморских территориях и на других критически важных для национальной стабильности территориях.

Это обуславливает важность национального вопроса для правительства страны. Помимо юридического закрепления прав и свобод меньшинств в Конституции и законах, тема этнического богатства страны раскрывается в экономической, культурной и

других сферах жизни общества. Важной формой существования этнической культуры страны в обществе является её визуальное представление. Представители меньшинств в красочных костюмах участвуют в телепередачах разного характера, массовыми тиражами издаются энциклопедии, об этническом разнообразии говорится в школьных и студенческих учебниках.

Поскольку антропологическая наука основана на концепте «поля», а «визуальная антропология делает предметом анализа материальное воплощение визуальной культуры изучаемого общества» [2. С. 138], представляется возможным рассматривать в качестве объекта изучения, «поля», образцы визуального представления национальных меньшинств.

Целью данной статьи является рассмотрение представления национальных меньшинств в научно-популярной литературе. Для этого в качестве объекта исследования взята иллюстрированная энциклопедия народов КНР, а предметом исследования является изображение чжуанского этноса в ней.

Энциклопедия национальных меньшинств КНР. Энциклопедия народов Китая¹ [3] представляет собой качественно выполненное цветное издание на китайском и английском языках, снабжённое большим количеством иллюстраций. Текст расположен параграфами, сначала даётся абзац китайского текста, а ниже – его перевод на английский. В книге отсутствует какое-либо предисловие, и нет прямых пояснений, для кого она предназначена. Однако её исполнение, наличие двуязычного текста, яркие привлекательные фотографии и простые описания дают основания полагать, что основными читателями её должны быть китайские и иностранные туристы, у которых эта книга должна

¹ Энциклопедия выпущена как двуязычное (на англ. и кит. яз.) издание в едином переплёте. В оригинале называется 中国各民族 (China's Ethnic Groups) . Переводы на русский язык выполнены автором.

создать нужное впечатление о национальном составе и решении национального вопроса в Китае.

Первые 44 страницы издания посвящены общей характеристике народов Китая, описанию государственных органов, ответственных за работу по национальному вопросу, описанию направлений и принципов этой работы.

В качестве особенных черт нацменьшинств КНР указываются следующие:

- широкая территория расселения и небольшая плотность;
- богатство природных ресурсов и большие различия в уровне экономического развития разных этносов;
- давность истории и богатство культуры этносов;
- разнообразие культуры и связь с религией;
- горячая любовь к Родине (Китаю) и стремление к единству [3. С. 8–11].

В качестве органа, ответственного за проведение национальной политики в стране, указан Комитет по делам национальностей при Госсовете КНР.

В книге указаны следующие принципы, на которых осуществляется национальная политика в стране:

- принцип равенства, единства и совместного процветания всех народов страны;
- осуществление национально-территориальной автономии, организация автономных единиц нацменьшинств на разных уровнях административного устройства Китая;
- подготовка управленческих кадров из состава национальных меньшинств и их вовлечение в работу;
- стимулирование экономического развития в местах проживания нацменьшинств;
- стимулирование развития культуры нацменьшинств;
- стимулирование развития образования и научно-технического прогресса на территориях проживания нацменьшинств;

- развитие здравоохранения и традиционных образцов физической культуры и спорта;
- политика уважения языков и письменности национальных меньшинств;
- политика уважения религии национальных меньшинств;
- политика уважения традиций и обычаев национальных меньшинств [3. С. 14–29].

Указанные принципы соответствуют таковым в законодательстве КНР. Например, в Конституции КНР [4] ст. 4, говорится о равенстве народов, а в ст. 30 – о территориальном устройстве страны, включая единицы автономии.

Далее описанию ханьского этноса отведено 10 страниц, описаниям остальных этносов – по 8. Описания всех этносов построены по одному принципу. Прежде всего, даётся краткое введение, описывающее какой-либо показательный для этноса предмет или легенду. Схематическое изображение описываемого явления или объекта приводится тут же. Затем даётся информация о месте проживания и количестве населения. Далее приводятся данные об этногенезе, этнониме и языке этноса. После этого даётся информация о традиционном жилище, одежде и украшениях, некоторых традиционных блюдах, отдельных праздниках и/или традициях. Сопровождающие тексты не отличаются большим объёмом: обычно пояснения к каждой части статьи составляют около 150 слов. Все статьи сопровождаются большим количеством ярких и красочных фотографий, представляющих людей обязательно в национальных костюмах танцующими, поющими или во время занятий традиционными ремёслами.

Представление чжуанского этноса дано в аналогичном ключе. В качестве вводной иллюстрации выбран бронзовый барабан (отметим, что символика барабана очень широко используется в Гуанси в дизайне городских пространств и интерьеров, сувенирной продукции и др.). Затем даны сведения по населению и

территории проживания, жилищу (деревянные дома на сваях с нависающим вторым этажом), национальной одежде, пище (т.н. «цветные яйца» и «цветной рис»). Далее кратко описано искусство пения, праздник «Саньюэсань»¹ и ремёсла: искусство отливки из бронзы и наскальная живопись.

Приведены фотографии: мужчина в традиционной одежде, девушка в традиционной одежде за ткацким станком, традиционный деревянный дом на сваях, «мост под крышей»², девушки в традиционной одежде, человек в костюме из соломы в традиционном танце, образец чжуанской вышивки и группа поющих молодых людей в традиционных костюмах.

Говоря об анализе такого представления чжуанского этноса (и, в целом, всех других народов в данной книге), необходимо обратиться к принятому в китайской этнологической литературе определению этноса. Этнос – *«это исторически сложившаяся общность людей, характеризующаяся общностью происхождения, языка, территории, экономического уклада, психического склада, проявляющейся в общности культуры»* [5. С. 7].

Представляется, что содержание статей по каждому этносу находится в тесной связи с этим определением: посредством представленной информации выделяется единая территория проживания, единое происхождение, единство языка, культуры (через рассказ о единых для всех чжуан образцах материальной и духовной культуры) и т.д., и таким образом усиливается (или создаётся) впечатление о чжуанах как о едином этносе³.

¹ Традиционный чжуанский праздник, отмечаемый в третий день третьего месяца по лунному календарю.

² Вид моста с навесом, в котором можно было укрыться от дождя.

³ При этом чжуан насчитывается ок. 17 млн. чел. и этот крупнейший в КНР после ханьцев народ отличается огромным разнообразием во всех указанных в определении этноса признаках, о чём данная энциклопедия не говорит.

Следующей особенностью является упор на древность этноса. Например, чжуанам бесспорно приписывается авторство указанных наскальных рисунков, хотя китайские авторы в научных изданиях указывают, что рисунки относятся ко временам *сиюу* и *лоюэ*. [6. С. 28]. Эти этнические общности (существовавшие с XVI в. до н. э. примерно до начала н. э.) отождествлять с современными чжуанами представляется очень большим допущением. Помимо этого, во всей книге не представлено ни одной фотографии людей в современной одежде или выполняющих современную работу. Это, на наш взгляд, связано как с необходимостью показывать, как можно более отличающиеся от современной жизни фотографии, так и с необходимостью показывать этносы по возможности более древними и «традиционными». Упор на древность прежде всего помогает развивать туристическую отрасль в местах проживания этносов: интерес у туристов вызывают образцы древней культуры.

Указанные в книге образцы культуры чжуан прочно вошли в туристический бизнес Гуанси¹: например, бронзовые барабаны используются в дизайне городского пространства [7. С. 168]; стилизованные изображения вышивки встречаются в сувенирах, украшениях; коллективы традиционной чжуанской песни и танца гастролируют по стране и выступают на телевидении. Возможное негативное влияние подобной коммерциализации культуры остаётся вне рамок данной статьи.

Выводы. Представление чжуанского этноса в популярной литературе на примере этнографической энциклопедии находится всецело в русле принятой в государстве национальной политики. В книге прямо указываются её направления и достижения, акцентируется идея о совместном процветании всех

¹ Гуанси – краткое название Гуанси-Чжуанского Автономного Района КНР, территории национальной автономии чжуан.

народов страны. Чжуаны в статье изображены в соответствии с принятым в китайской науке определением этноса, и представлены с максимально привлекательной для туриста точки зрения: как древний народ, максимально полно сохранивший культурные особенности, отличающие его от современных ханьцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная политика Китая и общее процветание и развитие всех национальностей // Посольство КНР в Москве. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289.htm (дата обращения: 02.04.2020).

2. Копцева Н.П., Ильбейкина М.И. Визуальная антропология как актуальная область культурных исследований // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 133–155.

3. Тавакулэ В.Т. Чжунго гэ миньцзу [塔瓦库勒、王铁志。中国各民族]. Народы Китая. Пекин : Миньцзу Чубаньшэ, 2004. 484 с.

4. Конституционные акты Китая : хрестоматия / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск : Благовещенск. гос. пед. ун-т, 2014. 190 с.

5. Сталин И.В. Марксизм и национальная политика: сборник статей. Тула, 1920. 116 с.

6. Фань Х. Чжуанцзу лиши юй вэньхуа [范宏贵、顾有识。壮族历史与文化]. История и культура чжуан / Х. Фань, Ю. Гу [и др.]. Наньнин : Гуанси миньцзу чубаньшэ, 1997. 356 с. (на кит. яз.)

7. Юй Ц. Чжуанцзу тунгу вэньши цзици цзай сяньдай пинмянь шэцзижундэ юньюн [喻计耀。壮族铜鼓纹饰及其在现代平面设计中的运用]. Орнаменты на чжуанских бронзовых барабанах и их применение в современном графическом дизайне // Гуанси цзяюй. 2016. № 43. С. 167–168.

Ц. Дуэрдун

НЕБОЛЬШОЙ ТУВИНСКИЙ ОТРЯД «АК ОРУК»: ЗАПИСИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данной статье исследуется обряд «Ак орук, распространенный в культуре тувинского шаманизма. Когда люди отправляются в путешествие, они обычно приглашают шамана для совершения этого обряда. На примере материалов, заснятых на видео во время полевых исследований в Республике Тыва, описан и проанализирован весь обрядовый процесс. На основании имеющихся в научной литературе исследований других шаманских обрядов были выделены общие элементы в обрядовых процессах тувинского шаманизма.

Ключевые слова: шаманизм, обряд, оваа, Тува, духовная культура

Летом 2019 года я проводила полевые работы в Республике Тыва. На следующий день после моего прибытия, шаманка Ондар Татьяна Шаннаевна провела обряд у оваа¹, во время которого она призвала горного духа, предлагала ему жертвенную пищу и благословила меня на оставшуюся часть путешествия. Этот вид небольшого обряда широко распространен в жизни тувинцев, но мало кто его изучал. В ходе интервью выяснилось, что этот обряд назывался «Ак орук» (белая дорога).

Цель работы: Используя методы полевых исследований: интервью, наблюдение и видеосъемку, а также анализ научной литературы, обобщить полученную информацию и выявить, в какой мере обряд «Ак орук» распространен в жизни тувинцев.

¹ Оваа – жертвенный курган (груда камней на высоком месте, где проводился религиозный обряд в честь духа горы).

Шаманский обряд является основным в деятельности шамана и включают в себя погружение в транс, общение с миром духов и исцеление. Также этот термин включает в себя сопровождение души у мертвых в другой мир.

Шаман не только борется со злыми духами, но и обращается к духам с просьбой о счастье и удаче. Функция обряда «Ак орук» – призывать богов, приносить жертвы духам, общаться с духами и молиться, чтобы духи благословили на счастливую дорогу. В Республике Тыва каждый человек, будь то прохождение горного перевала или священной вершины (на тув. «ыдыктыг даг»), должен поднести духу-хозяину местности жертву (угостить духа-хозяина горы белой пищей, чаем с молоком, побрызгать араку, повесить различные ленточки на кустарники или деревья), тем самым попросить у него «белой дороги» [1. С. 8]. Если при прохождении горного перевала или священной горы, вас сопровождает шаман, то проводится обряд «Ак орук».

24 июня 2019 года мы (целая экспедиция) поехали на знаменитое озеро Азас в Республике Тыва. По дороге мы проезжали перевал, на котором был оваа, шаманка Ондар Татьяна Шаннаевна решила провести там обряд, чтобы благословить нашу следующую поездку в Туву. Когда в тот день мы добрались до перевала, был сильный туман, видимость на дороге была плохая, и многие деревья вокруг были затемнены. Так что было очевидно, что на горе не так давно был пожар. Шаманка носила с собой несколько сухих поленьев специально для строительства костра. После того, как она надела шаманский костюм и головной убор, она начала разводить костер, а сопровождающие ей помогали. Конструкция костра представляла собой колодец, который состоит из расположенных на небольшом расстоянии параллельно друг другу двух длинных поленьев, поперек которых сверху кладутся еще два полена. Шаманка положила на это несколько кусочков картона (используемых для поддержки горения), а за-

тем поверх картона немного жертвенной пищи Жертвенная пища включает боорзак¹, талкан², печенье, масло и др. Затем более длинные поленья складываются под наклоном с четырех сторон от "колодца". Шаманка также вложила артыш³ в щель между поленьями и начала кропить молоком несколько раз в сторону Неба, потом в сторону оваа с ложкой тос карак – «девять глаз»⁴.

Зажигая огонь, шаманка добавляла тараа⁵ и сидела перед огнем с объединенными руками в молитве. Через некоторое время она прикоснулась обеими руками к земле, затем снова сложила руки в молитве. Сразу же после этого наклонилась, чтобы поклониться огню, одной рукой коснулась земли, затем прикоснулась этой рукой к своей собственной голове, и наконец, села прямо и закончила эту часть молитвы.

Затем шаманка взяла в руки бубен и, прежде чем ударить по нему, окурила его дымом от костра. После этого она стала бить в бубен, и началась основная часть обряда. Эта часть обряда относительно проста: шаманка бьет в бубен, поет алгыши⁶, звонит в колокольчик и несколько раз кропит молоком в сторону Неба с артышом.

Обряд прошел не очень гладко. По словам шаманки, дух горы оказался злым из-за предыдущего пожара и не хотел с ней общаться. В конце концов, благодаря усилиям шаманки, дух горы принял наш подарок (жертвенную пищу), пожелав нам

¹ Боорзак – печенье в виде жаренных в масле кусочков теста.

² Талкан – это измельченные практически в крупную муку обжаренные зерновые.

³ Артыш – священное растение (можжевельник), прорастающее в горно-таежных районах Тувы.

⁴ Тос-карак (девятиглазка) – длинная деревянная ложка для разбрызгивания молока, молочного чая и родниковой воды "аржан", в которой, как и в названии, имеется девять отверстий.

⁵ Тараа – очищенного от шелухи и поджаренного проса.

⁶ Алгыш – это тувинская шаманская обрядовая устная поэзия, гимны тувинских шаманов.

благополучного путешествия. Трудность обрядового процесса на самом деле можно было понять по действиям шаманки. Во время обряда она постоянно меняла свое место, много раз кропила молоком, а в конце, ударяя в бубен, она повесила колокольчик на руки, чтобы колокольчик и бубен звенели в унисон. Когда бубен шаманки перестал звучать, это означало, что обряд закончился. После того, как все закончилось, шаманка дала каждому из нас разные цветные ленточки – чалама, чтобы привязать их к дереву рядом с Оваа. Жертвенный костер она облила оставшимся молоком.

Можно сказать, что весь обряд от стадии подготовки до финального конца очень прост, но по информации, имеющейся в литературе, можно сказать, что некоторые элементы этого обряда похожи на другие тувинские обряды.

М.Б. Кенин-Лопсан писал о шагах по приготовлению курильницы: «На плоском камне рассыпали золу и горячие угли, туда же клали горсть сушеного можжевельника (артыш). Если курильница сразу начинала дымить, значит, она оживала. Тогда добавляли еще немного муки, тараа, масла и сала» [2. С. 22]. Согласно моим полевым наблюдениям, в любом обряде часть жертвенной пищи помещается в костер перед зажиганием огня, а часть добавляется после разжигания огня, особенно тараа.

В статье М.Б. Кенин-Лосана об обряде освящения родника, порядок приготовления костра такой же, как и описанный выше данного статьи. Вначале на верхний «настил» жертвенного костра кладут грудинку козла-кастрата серге. Вокруг грудинки укладывают принесенную жертвенную пищу. По бокам образовавшейся «горки» укладывают ветки можжевельника. Костер поджигает старейшина, либо приглашенный шаман [3. С. 63].

В описании, связанном с подготовкой костра в обряде освящения огня, написано следующее: «Обряд освящения огня по-монгольски и по-тувински проводят в осеннее время. Очищают

печку, посередине печки сначала ставят (эдир-чаа) плоское сало, на этом сале ставят козел, сделанный из долгана (тувинская мука из жареного овса или пшеницы), тош (грудинка), саржаг (топленое масло), сладости, молоко, боорзак Потом чистые аккуратно рубленные дрова ставят вокруг подготовленных посередине печи продуктов. Дрова ставят в виде юрты». «...Обязательно кладут в костер можжевельник артыш...» [4. С. 371].

Из содержания вышеприведенной литературы, а также из наблюдений и записей, сделанных в ходе моей полевой работы, видно, что процесс приготовления костра и виды жертвенной пищи, используемые в тувинских шаманских обрядах, одинаковы. В основном используются масло, боорзак, талкан, тараа.

Артыш (можжевельник) также является неотъемлемым компонентом тувинских шаманских обрядов. В тувинском шаманизме любой обряд, любое лечение и гадание начинается с обряда окуривания – очищения от нечисти. Подготовка к большинству тувинских шаманских обрядов одинакова. Сначала зажигают курильницу или артыш, чтобы очистить воздух. В обрядах очень важно молоко. В приведенном выше описании обрядового процесса можно увидеть, что шаманка использовала молоко от этапа подготовки обряда до того момента, когда обряд совершается, а затем и после него. Как и многие другие кочевые народы, тувинцы придает молочным продуктам священное значение. Считаются, что в небе и каждой стороне света живут божества, которым предлагались высшие части «белой пищи» – молоко или молочный чай [5. С. 236]. Поэтому в любом обряде шаман будет использовать молоко. Также в конце приведенного выше описании обряда шаманка использовала молоко для гашения костра. Шаманка сказала, что, поскольку костер священен, его не нужно гасить по желанию, и нужно использовать молоко как самую чистую пищу.

Еще один важный элемент – чалама. Чалама – лоскутки-ленточки шириной 3–5 см, длиной 1–1,5 м, означают жизнен-

ную дорогу. Поэтому чем длиннее чалама, тем лучше. Чалама бывают белого, синего, красного, зеленого цветов, и имеют большое значение при обрядовых действиях: их завязывают на специальные шесты, на нижних ветках деревьев, кустарников, вблизи аржаанов – минеральных источников, а также на перевалах оваа.

В 1914 году Ф.Я. Кон писал в своих научных трудах, что чалама развешивались на двух шестах над дверью юрты с целью отпугивания злых духов и для оберега хозяев. Цвет чалама имеет особое значение: белая лента символизирует чистоту поступков и мыслей, красная – символ солнца, тепла и процветания, синяя – чистое небо, связь с космосом, с «верхним миром». Они связывают чалама с требованием здоровья, благополучия [6].

Можно сказать, что обряд «Ак орук» имеет сходство с другими обрядами тувинского шаманизма: существует определенный порядок приготовления ритуального костра, основная жертвенная пища аналогична, и в обряде обязательно должны присутствовать артыш и молоко. Еще обряд «Ак орук» обычно проводится у оваа и в других святых местах. Процедура обряда относительно проста. В качестве жертвоприношения используется очень простая пища, такая как молоко, талкан, масло, печенье и др. Самая важная часть обряда связана с действиями шамана. Он бьет в бубен, призывая духов священного места и общаясь с ними. Взывая к духам, шаман не только бьет в бубен, но и трясет колокольчиком, поет алгыш и кропит молоком в сторону Неба.

В тувинской шаманской культуре существует множество небольших обрядов, сходных с описанным выше, но ученые чаще сосредотачивают свое внимание на крупномасштабных обрядах и реже обращают внимание на сравнительно небольшие обряды. Но они также достойны изучения, поскольку выявляют тесную связь между шаманской культурой и жизнью простых тувинцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айыжы Е.В., Базырчап А.-Х.О. История изучения культа природы у тувинцев в дореволюционный период // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2014. № 1 (81). С. 3–11.
2. Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск, 1987. 162 с.
3. Кенин-Лопсан М.Б. Тувинские шаманы. М. : ИПЦ «Маска», 2009 С. 63.
4. Сарыглар Ч.Ш. Культ семейного очага у тувинцев-номадов // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 1 (44). С. 370–371.
5. Донгак С.Ч., Ондар А.У. Сакральные аспекты «белой пищи» у тувинских кочевников // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9, № 2А. С. 233–239.
6. Акция «Чалама» // Официальный сайт органов местного самоуправления города Кызыла. URL: <http://mkyzyl.ru/about/info/news/11647/> (дата обращения: 30.03.2021).

УДК 303.628

А.С. Леонтьева

«ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПОЛЕ» ИЛИ ВИДЕОИНТЕРВЬЮ КАК МЕТОД ПРОВЕДЕНИЯ УДАЛЁННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается видеointервью в качестве метода качественных социальных исследований. Проводится сравнение видеointервью с «классическим» интервью лицом к лицу с информантом. Автор демонстрирует достоинства и недостатки данного метода исследований.

Ключевые слова: видеointервью, интервью, качественный метод исследования, цифровая этнография

В 2020 году пандемия внесла свои коррективы в полевые исследования социальных ученых. В результате принятия властями ряда ограничительных мер стало почти невозможным интервью лицом к лицу с информантом. Эта ситуация актуализировала вопрос о взаимозаменяемости «традиционных» и технически

опосредованных интервью. В данной работе я рассмотрю проблему того, насколько видеоинтервью способно заменить собой обычное интервью.

Для начала нам следует определиться с тем, что мы будем понимать под интервью. Согласно С. Квале, качественное исследовательское интервью – это беседа, которая имеет структуру и цель, она характеризуется тщательным расспрашиванием и выслушиванием для получения проверенного знания. Его целью становится описание жизненного мира информанта и интерпретация описываемых феноменов [1. С. 15].

Виды интервью могут быть классифицированы по самым разным основаниям. В данной работе меня интересует классификация по характеру общения. На этом основании выделяют интервью очные и интервью, опосредованные техникой [2. С. 289]. Существует множество видов интервью, выделяемых за счёт опосредующих их технологий. Термином «онлайн-интервью» обозначают достаточно широкую группу различных видов интервью, в неё входят интервью через email, чаты, мессенджеры и программы для видеосвязи. Последние принято называть «skype-интервью» или «видеоинтервью» [3. С. 419]. В данной работе рассматривается видеоинтервью в силу его наибольшей близости (одновременная передача аудио и видео) к «традиционному» исследовательскому интервью.

В полевом сезоне 2020–2021 гг. я, как и многие другие социальные исследователи, столкнулась с невозможностью проведения очных интервью. В связи с этим, было принято решение перенести свое исследование в онлайн-формат. За этот период было проведено 4 полуформализованных видеоинтервью. Сравнив свой опыт проведения «традиционных» полуформализованных интервью и видеоинтервью, я выделила достоинства и недостатки данного метода.

Важным преимуществом всех виртуальных методов исследований является более быстрый процесс погружения в контекст исследования и в проблемы исследуемого сообщества, а также упрощение поиска как рядовых информантов, так и гейткиперов [4. С. 133]. В своём исследовании экологического бизнеса Томска я планировала найти клиентов компании по переработке вторичного сырья с помощью уличного опроса у контейнеров данной компании. Поскольку такой вариант стал невозможен из-за карантинных ограничений, я использовала преимущество онлайн-исследования, описанное выше. В сообществе экологических волонтеров Томска в социальной сети «ВКонтакте» я нашла публикацию с опросом участников о том, готовы ли они лично привозить своё вторсырьё в офис компании, если контейнеры уберут с улиц. Переходя на страницы людей, которые ответили на этот вопрос положительно, я смогла найти крайне лояльных к этой компании клиентов и договориться с двумя из них на проведение видеопереговора.

Ещё одним большим преимуществом видеопереговора является экономия времени. Для проведения очного интервью требуется время на прибытие к месту его проведения, что в некоторых случаях может быть весомым минусом (например, интервью с респондентами из другого города или страны). Тогда как время, потраченное на видеопереговор – это фактически чистое время беседы с респондентом. Значимость этого аспекта заключается ещё и в том, что данный метод экономит время не только самого исследователя, но и респондента, что может также повлиять на количество согласий на интервью. Во многом из прошлого пункта вытекает и экономия денежных средств, что может быть особенно важно для масштабных исследовательских проектов, особенно в случае каких-либо международных проектов.

С помощью видеопереговора можно глубже проникнуть в частное пространство информанта, чем через телефонное или

даже традиционное интервью [5. С. 108]. Это может быть значительным плюсом для исследований в феноменологической традиции. Несмотря на это, этот вид интервью остаётся достаточно комфортным для самих респондентов, т.к. многие из них предпочитают находиться во время интервью у себя дома, а не в публичном пространстве [5. С. 114].

Весомым недостатком видеointerview для качественного социального исследования может стать его большая формализованность. Исследования показывают, что в ситуации телефонного интервью интервьюеры менее склонны к неформальным формам общения, шуткам и другим отхождениям от своих планов интервью [6. Р. 90], что является достаточно важным для построения доверительных отношений с респондентом и влияет на эффективность качественного исследования. Поскольку и телефонное, и видеointerview являются технически опосредованными форматами разговора они имеют похожую специфику. На основе своего полевого опыта, я так же могу отметить, что при видеointerview беседа с респондентом действительно становится более принуждённой. Можно предположить, что это связано с большей удалённостью от информанта и отсутствием разделяемого общего пространства.

Ещё одним значительным недостатком видеointerview, которое оно разделяет с телефонным интервью, является затруднение использования при работе с респондентами таких стимулов, как, например, одобрительные или заинтересованные возгласы. Так, в работе исследователей из университета Йорка на основе количественных данных было выяснено, что в обычном интервью такие возгласы применялись интервьюером каждые 3–5 секунд, а в телефонном только каждые 6–9 секунд [6. Р. 98]. Данная особенность прослеживалась мной и во время проведения собственных видеointerview. С точки зрения интервьюера, я могу объяснить такую особенность тем, что из-за боязни возможных технических

неполадок с громкостью или качеством аудио появляется опасение подобным возгласом прервать респондента.

Возможность технических неполадок – это один из главных минусов видеointerview. В связи с тем, что результативная коммуникация требует исправной работы техники и качественного интернет-соединения как со стороны интервьюера, так и со стороны информанта, видеointerview иногда становится сложно осуществимым, а в работе с некоторыми группами населения даже практически невозможным.

Обобщив перечисленные выше достоинства и недостатки видеointerview, можно сделать вывод, что данный метод не только способен заменить собой «традиционное» интервью, но и имеет значительные преимущества перед ним в некоторых ситуациях. Однако метод имеет и серьёзные недостатки, требующие от интервьюера большего уровня вовлечённости для поддержания коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Квале С. Исследовательское интервью. М. : Смысл, 2003. 301 с.
2. Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики : учеб. пособие. Самара: Самарский университет, 2002. 424 с.
3. Колозариди П.В. Проблема способа проведения качественных интервью: скайп, онлайн, лицом к лицу // Онлайн-исследования в России тенденции и перспективы. М. : Изд-во МИК, 2016. С. 417–432.
4. Ваньке А.В., Полухина Е.В., Стрельникова А.В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 256 с.
5. Колозариди П.В. Видеointerview с помощью онлайн-приложений: методический опыт // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 96–127.
6. Irvine A., Drew P., Sainsbury R. «Am I not Answering Your Questions Properly?» Clarification, Adequacy and Responsiveness in Semi-structured Telephone and Face-to-face Interviews // Qualitative Research. 2013. Vol. 13. P. 87–106.

А.О. Малютин

**«ВРЕМЯ МОЕ ПРОХОДИЛО ОБЫКНОВЕННО
ТАКИМ ОБРАЗОМ...»: ЭКСПЕДИЦИОННАЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ПИСЬМАХ
А.В. ПОТАНИНОЙ (1884–1886 гг.)**

На основе официального отчета и ранее не публиковавшихся писем А.В. Потаниной автор исследует повседневность в Китайско-Тибетской (Ганьсуйской) экспедиции Г.Н. Потанина 1884–1886 гг. В статье рассмотрены быт и условия жизни участников экспедиции, психологический климат и проблемы, которые вынуждены были решать ученые; сделан вывод о сходных чертах полевых исследований прошлого и настоящего.

Ключевые слова: экспедиционная повседневность, женщина в экспедиции, Китайско-Тибетская (Ганьсуйская) экспедиция 1884–1886, Г.Н. Потанин, А.В. Потанина, письма А.В. Потаниной

Исследование экспедиционной повседневности – одно из относительно новых направлений в исторической антропологии и антропологии академической жизни. В России это направление развивается с середины 2000-х годов, и исследователи в массе своей опираются на микроисторический подход. В рамках данного подхода главная роль в исследовании повседневности отводится эго-документам – дневникам, письмам, автобиографиям. Это дает возможность по-новому взглянуть на уже известные явления и события, в том числе на географические, этнографические и иные научные экспедиции прошлого.

Во второй половине XIX в. Русское Географическое общество снарядило ряд экспедиций в Центральную Азию, что было связано как с научными, так и с геополитическими интересами. Важных результатов достигла Китайско-Тибетская (Ганьсуйская) экспедиция 1884–1886 гг. под руководством Григория Ни-

колаевича Потанина, в которой участвовала супруга ученого Александра Викторовна Потанина, геодезист Август Иванович Скасси и натуралист-зоолог Михаил Михайлович Березовский [1. С. 7]. Экспедиция продолжалась с апреля 1884 г. по 22 октября 1886 г. Маршрут начинался в Пекине, пролегал через китайские провинции Хэбэй и Шаньси, Внутреннюю Монголию (по равнине Хэтао – северной части плато Ордос) к китайской провинции Ганьсу и северной части провинции Сычуань, затем экспедиция двинулась на север по восточной части Тибета, преодолела монгольскую пустыню Гоби и через центральную Монголию вышла к границе с Россией (г. Кяхта) [1. С. 8].

Исследование повседневности участников Китайско-Тибетской (Ганьсуйской) экспедиции Г.Н. Потанина строится на основе отчета об экспедиции, изданного в 1893 г. [2], корпуса опубликованных писем Г.Н. Потанина [3], [4] и пяти не публиковавшихся ранее писем А.В. Потаниной, освещающих период с октября 1885 г. по сентябрь 1886 г. В частности, в письме М.Я. Писареву от 13 (25) октября 1885 г. [5] говорится о посещении местности Ксернцо и расположенных там кумирен, также даются некоторые данные о пути экспедиции летом 1885 г. В письмах М.Я. Писареву от 28 ноября – 8 декабря (10–20 декабря) 1885 г. [6] и родным от 6 (18) марта 1886 г. [7] в подробностях рассказывается о зимовке экспедиции в тибетском монастыре Гумбум. В письме родным от 5 (17) июня 1886 г. [8] кратко описывается переход через горную систему Наньшань. А в письме родным от 5 (17) сентября 1886 г. [9] – путь на север от озера Кукунор через Монголию и пустыню Гоби.

Сравнение содержания писем с официальной отчетной документацией позволяет рассмотреть различные аспекты экспедиционной повседневности: быт и условия жизни ученых, психологический климат, эмоции и переживания людей, различные угрозы и проблемы, с которыми столкнулась экспедиция, и т.д.

Быт и условия жизни участников экспедиции в той или иной степени отражены в каждом письме А.В. Потаниной. Люди столкнулись со всеми тяготами экспедиций: длительные переходы, в том числе горные [8. Л. 2 об.], жизнь в тесных палатках [9. Л. 6], скудная еда, недостаток сна, утомительная работа. Продолжительные стоянки Г.Н. Потанин предпочитал делать в поселениях, однако это доставляло неудобства из-за назойливого внимания к русским со стороны местных жителей [5. Л. 2].

Наиболее подробно быт ученых представлен во время зимовки в Гумбуме. Обычный распорядок дня А.В. Потаниной выглядел следующим образом: подъем около 8 часов утра, чай на завтрак, перевод с английского до полудня, перерыв на чай и отдых, вязание или какая-либо другая работа до обеда (до трех часов дня), снова повседневные дела. По вечерам – чтение книг, в том числе и на английском языке со словарем [7. Л. 2–2 об.].

Не обходилось и без бытовых проблем: обязанности повара и мелкую работу по дому выполнял лама, которого стали подозревать в утаивании припасов, но к нему уже все привыкли выгнать его «не хватает духу» [7. Л. 2 об.].

Серьезной проблемой для ученых стали погодные неурядицы, особенно холода. Дома в Гумбуме оказались плохо приспособленными к морозам, а от сжигаемого в печи угля люди постоянно угорают [6. Л. 1 об.]. В январе 1886 г. холода оказывали настолько угнетающее действие, что не хотелось жить и работать («<...> все это время как будто не жили, делать ничего не хотелось <...>»), постоянно приходилось согреваться, бегая по двору [7. Л. 1 об.]. Мерзли участники экспедиции и позже, уже на пути в Россию, людям приходилось спать под шубами и спасаться от холодов всеми доступными способами [9. Л. 4 об.].

О психологическом климате в экспедиции и взаимоотношениях между ее участниками можно судить по нескольким эпизодам. В частности, переход через Наньшань омрачался посто-

янными ссорами и жалобами нанятых рабочих (сангуанцев и монголов-халха). При этом А. В. Потанина требовала выгнать одного из халха с неуживчивым нравом, А. И. Скасси предлагал выгнать сангуанцев, и только Г. Н. Потанин пытался умиротворить всех, стремясь сохранить рабочие руки. Но ученый не слишком вдавался в хозяйственные дела, поэтому просто обвинил в ссорах супругу, чем обидел ее [8. Л. 1–1 об.]. Ссоры по разным причинам периодически возникали и между участниками экспедиции [9. Л. 1].

Сама А.В. Потанина переживает из-за ухудшения психологического климата на последних этапах экспедиции. Особенно ее огорчало, что в дрязгах пришлось провести страстную неделю и Пасху, причем частично в этом она винит себя [8. Л. 1 об.].

На финальных этапах экспедиции нарастает тоска по родине и желание поскорее вернуться в Россию. По словам А. В. Потаниной, в последние месяцы путешествия никаких тем для разговоров, кроме как об этом, уже нет [9. Л. 7].

Однако подробные описания и рефлексия редки, чаще встречаются короткие замечания по различным поводам: о красотах природы, которыми не удается полюбоваться из-за спешки [5. Л. 3, 6], чувстве страха и опасностях во время некоторых переходов [5. Л. 1 об., 4], о страхе за других участников экспедиции [5. Л. 7 об.], негативных эмоциях из-за гибели животных [8. Л. 1 об.], небольших развлечениях на реке [5. Л. 3 об.], преимуществах жизни в Гоби [8. Л. 1 об.] и т.д.

Проблемы экспедиции. Серьезным испытанием для людей стал переход через Монголию летом 1886 г., так как экспедиция столкнулась с недостатком припасов. Через 15 дней после выезда из Донкыра провизию рабочим пришлось выдавать мерой из-за их неумения правильно распоряжаться запасами. А хлеб удалось добыть у тангутов только благодаря содействию двоих китайских чиновников сининского амбана [8. Л. 1]. Позднее при-

шлось еще сократить суточную порцию, так как нигде на пути не удалось запастись мукой [9. Л. 4]. Положение усугубляли слабость выючных животных (верблюдов, яков) при переходе по горным районам и потери овец из-за плохой погоды, неумелого обращения и нападения волков [8].

Интересен эпизод конокрадства, имевшего место в ночь с 8 на 9 (20 на 21) сентября 1886 г. Это происшествие кратко описано в отчете [1. С. 506], однако А.В. Потанина раскрывает его подробности. Выяснилось, что ограбление планировалось заранее и о нем знали: еще днем 8 (20) сентября кто-то из местных заглянул в палатку к А.В. Потаниной и сказал, что здесь есть воры. Грабители проникли в лагерь около 3 часов ночи и угнали лошадей, а рабочие и участники экспедиции не смогли ничего сделать [9. Л. 4 об. – 5]. Найти лошадей и воров так и не удалось.

Александра Викторовна Потанина о себе пишет немного, предпочитая освещать жизнь экспедиции в целом, используя местоимения «мы», «нас», «наше» и т.д. О повседневности женщины в экспедиции можно судить по рассказу о распорядке дня в Гумбуме и несколькими незначительными эпизодами. В то же время А. В. Потанина охотно делится своими эмоциями, переживаниями, мыслями, сбывшимися и несбывшимися надеждами. Женщина часто выражает неуверенность в своих силах и способностях. Например, в Гумбуме Г.Н. Потанин советовал супруге заняться обработкой сделанных ею заметок, но она замечает, что пишет скучно и не знает, как может оживить свои рассказы [6. Л. 2].

Тяготы жизни женщины в экспедиции особенно ярко переданы в описании одного из переходов через пустыню Гоби. Переход дался А.В. Потаниной тяжело, женщину одолевала усталость, она проваливалась в сон буквально на ходу, а в какой-то момент чрезмерное утомление вызвало галлюцинации. Инте-

ресно, что в дороге ее поддерживал А.И. Скасси, но об отношениях с супругом не сказано ни слова.

Таким образом, исследование повседневности Китайско-Тибетской (Ганьсуйской) экспедиции 1884–1886 гг. дает возможность за сухими отчетами увидеть мысли, желания и поступки живых людей – русского ученого Г.Н. Потанина и его верной спутницы А.В. Потаниной, а также почти забытых сегодня А.И. Скасси и М.М. Березовского. В то же время становится очевидным, что за последние полтора столетия повседневность ученого, работающего «в поле», не изменилась. Как в прошлом, так и сегодня исследователь вынужден мириться с бытовой неустроенностью, отсутствием комфорта, тяжелым трудом, погодными неурядицами. А нередко – решать проблемы экономического, социального и даже политического характера, связанные с пребыванием в другой стране и контактом с народами других культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия. М. : Государственное издательство географической литературы, 1950. 651 с.
2. Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: путешествие Г.Н. Потанина, 1884–1886. Т. 1 / пред. П.П. Семенова. СПб. : Изд-ние Имп. Рус. геогр. о-ва, 1893. XVIII, 567, XVIII с.
3. Письма Г.Н. Потанина. Т. 3 / гл. ред. Ю.П. Козлов. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1989. 293 с.
4. Письма Г.Н. Потанина. Т. 4 / отв. ред. Н.А. Логачев, Ю.П. Козлов. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1990. 423 с.
5. НБ ТГУ ОРКП. Письмо А.В. Потаниной – М.Я. Писареву. Китай. 1885. 13 (25) окт.
6. НБ ТГУ ОРКП. Письмо А.В. Потаниной – М.Я. Писареву. Монастырь Гумбум. 1885. 28 нояб. – 8 дек. (10–20 дек.).
7. НБ ТГУ ОРКП. Письмо А.В. Потаниной – родным. Монастырь Гумбум. 1886. 6 (18) марта.

8. НБ ТГУ ОРКП. Письмо А.В. Потаниной – родным. Китай. 1886. 5 (17) июня.

9. НБ ТГУ ОРКП. Письмо А.В. Потаниной – родным. Китай. 1886. 5 (17) сент.

10. Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю : сборник статей. М. : Издание географического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1895.

11. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1947. 290 с.

УДК 316.773.4

А.Е. Пискунова

«ОБЫЧНЫЕ» ГЕРОИ И НОСТАЛЬГИЯ ПО БУДУЩЕМУ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОЙ КОСМОНАВТИКЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНО

Цель данной работы состоит в том, чтобы предложить некоторые предварительные соображения о содержании исторического сознания, которое конститутивно зрительской рецепции постсоветских космических образов. На материале российских художественных исторических кинофильмов о советской космонавтике 2010-х гг. автор описывает ключевые мифы и дискурсивно-риторические стратегии постсоветских (ре)презентаций.

Ключевые слова: советская космонавтика, постсоветские кинорепрезентации, историческая память, космос, космонавт

После нескольких десятилетий существования на периферии общественного внимания космос и *космическое* в последние годы становятся неизменным сюжетом не только медиа, но и социального воображения. День космонавтики, отмечаемый 12 апреля, как и другой значимый праздник, интенсивно и концентрированно актуализирует прошлое и задаёт способы его

сохранения в коллективной памяти. Так, в 2010-х гг. ко Дню космонавтики на экран вышли несколько фильмов, посвященных событиям и героям в истории советского освоения космоса. Поскольку сегодня одним из основных средств конструирования представлений о прошлом является массовый кинематограф [1], в фокусе данной работы находятся постсоветские кинорепрезентации советского космического прошлого, которые рассматриваются как сложное пересечение условий и требований кинематографа с конкретно-исторической идеологической рамкой. В исследовании ставятся вопросы о том, *что* фильм рассказывает зрителю о событиях в истории советской космонавтики и *как* специфическая формула исторического фильма (вос)создает образы советской (космической) действительности.

Такая постановка проблемы аналитически расположена в пространстве исследований астрокультуры и астросоциологии. Разработка понятия астрокультуры возникает в рамках культурной истории и антропологии космоса и предполагает, по мысли А. Гепперта, автора данной, «зонтичной», концепции, изучение разнородного массива образов, артефактов и практик, которые стремятся приписать значение космическому пространству, одновременно возбуждая как индивидуальное, так и коллективное воображение [2]. Астросоциология, предложенная Джимом Пасом, стремится к изучению астросоциальных явлений, определяемых как социальные, культурные и поведенческие паттерны, связанные с космическим пространством [3].

При этом примем в качестве постулата мысль Андрея Рогачевского о медиальности, присущей данной области человеческого опыта: не столько само космическое путешествие, сколько то, как оно представлено в медиа, формирует восприятие людей [4]. Иина Кохонен в своей работе по визуальной истории советской космической программы также отмечает, что покорение космоса, укрощение его как места происходило с помощью фо-

тографий и картографии [5]. СМИ помогли закрепить в Советском Союзе абстрактные политические и интеллектуальные концепции будущего и модернизации, семантически индуцируемые космической темой.

Поскольку в центре внимания работы находятся российские кинематографические репрезентации событий из истории советского освоения космоса, то актуализация образов и космической мифологии в постсоветском дискурсе поднимает критические вопросы памяти и идентичности. Слава Герович, исследуя образы и мифологии советской космической эпохи, обращается к практикам публичной памяти и отмечает, что по мере того, как различные культуры *вспоминают* космическую эру, она постоянно меняется, приобретает новые символические значения благодаря систематическим усилиям различных агентов по созданию и распространению космических мифов, подавлению контрпамяти и частному культивированию контрмифов [6]. Кроме того, историк Асиф Сиддики выделил четыре «тропа», структурирующих основные нарративы освоения космоса в разных странах, среди которых отмечается, что каждая национальная космическая программа также формулируется – в настоящее время и в ретроспективе – как выражение национальной идентичности [7]. Другими словами, дискуссии об освоении космоса в разных национальных контекстах почти всегда включают в себя, имплицитно или эксплицитно, идею, что в национальном характере есть нечто фундаментальное, что придает силу стремлению исследовать космос.

Контекстуализация образов советской космической эпохи в различных – темпоральных, культурно-исторических, идеологических – контекстах предполагает особое видение объекта исследования. Кинофильм, как специфический исторический источник [8], рассматривается в данной работе не в контексте ответственности исторической правде, а как культурный текст, обра-

щающийся к прошлому не столько в его собственных терминах, сколько в его отношении к настоящему как к локусу современных проекций, смещений и символизации – другими словами, как к симптому современной культуры, аффективный заряд которой выдает актуальность лежащей в ее основе проблемы.

Материалом исследования служат российские художественные фильмы, посвященные советской космонавтике и выпущенные в интересующий нас период: «Гагарин. Первый в космосе» (2013, реж. П. Пархоменко), «Главный» (2015, реж. Ю. Кара), «Салют-7» (2017, реж. К. Шипенко), «Время первых» (2017, реж. Д. Киселёв).

Осмысление того, как советская космонавтика была увидена современным российским кинематографом, производится с позиций семиотического и дискурсивного подходов, которые обеспечивают релевантную аналитическую перспективу для реконструкции тех культурных ресурсов, к которым обращаются производители кинофильмов для придания смысла космическому как специфическому социальному опыту.

Итак, в постсоветских кинематографических репрезентациях советская космическая программа предстает как технологическая утопия, художественная эстетизация которой реализована в панорамах конструкторского бюро и покрасневших от заката стартовых площадках с ракетами. Именно актуализация модернистского дискурса, который изображает огромные строительные проекты, монументальные технологические конструкции, а не визуальный захват космического пространства может быть описан понятием «возвышенного». Космос в российском кино является влиятельной эмблемой научно-технического оптимизма. Имитируя соцреалистический канон, в котором советская пропагандистская машина красноречиво смешивала космический утопизм с патриотическими настроениями, современные (ре)презентации тем не менее «оставляют за скобками» одну из

основных его идей – восприятие природы как бескрайней и пассивной сокровищницы, которая должна быть завоевана, преодолена и преобразована в культуру. Колониальные и имперские модальности «освоения и завоевания» космоса оставлены в пользу риторики научных открытий и героических нарративов о человеческом преодолении и совершенствовании. Глубокий фокус на человеческой стороне технологических свершений советской космонавтики состоит в предпочтении духовных улучшений практическими и мирскими; удивление и мечтание превзошли холодные и рациональные выгоды.

Такой ценностно-мировоззренческий фон фильмов обеспечивает основу для формирования специфических образов героев космической программы Советского Союза. С. Королев изображается как «отец-основатель» советской космонавтики, и этот культурный троп оказывается доминирующим в российском культурном восприятии эпохи космического энтузиазма. Его эпическая биография затмевает упоминания о многих других личностях. Имя Королева олицетворяет целостность, нестигаемую волю, бескомпромиссную приверженность безопасности и сопротивление административному давлению. Его историческая личность приобрела мифологический характер. Мифологический Королев поднялся над всеми человеческими слабостями и стал провидцем. В фильмах он предстает как титаническая фигура, в одиночку сражающаяся с системой для реализации своего видения освоения космоса. При этом легендарный «главный конструктор» изображен безупречным героем: умным, храбрым человеком, образцовым мужем и отцом.

Миф о космонавтах в постсоветском кинематографе построен из многих тех же элементов, что и старый пропагандистский дискурс: он опирается на устоявшийся канон, образность и ритуал стахановщины, миф об авиаторе [9] и северный/сибирский миф сталинской эпохи. Образ космонавта сочетает «героиче-

ское» и «обычное». Он служил примером как морально, так и физически совершенного человека, ставшему благодаря бесстрашию и позитивному жизнеутверждающему настрою символом безграничного человеческого потенциала. При этом космонавт показан в повседневной жизни как *обычный* человек и примерный семьянин. Рассматривая фильм как мифологический сюжет, семиотически значимыми в образе космонавта оказываются два атрибута – скафандр, особенно шлем, и улыбка (прототипически связанная с личными качествами Ю. Гагарина). Образцовая мужественность космонавта была представлена поврежденным телом: он принимает боль и страдания в рамках повышения ритуального статуса. Испытание является существенной частью повествовательной формулы: оно может быть рассмотрено не только в рамках репрезентации советского общественного контроля, но и в более широкой антропологической перспективе. Требования крайней дисциплины, пассивность и смирение имманентно присущи лиминальным пространствам, физическим и социальным, в которых оказываются космонавты.

В целом, постсоветские кинорепрезентации советского космического прошлого воплощены в семиотически-самореферентных эстетически притягательных конструкциях, в которых отсутствие «достойных» антагонистов безукоризненным (даже в своих ошибках) «обычным» героям советского космоса сообщает об утопическом опыте. При этом, обратившись к механизмам, с помощью которых кино позиционирует зрителя относительно кинематографического зрелища, главная задача постсоциалистической поэтики ностальгических клише обнаруживается как стремление к желанию желаний, тоска по желаниям, которые когда-то были возможны в прошлом, но теперь уже неосуществимы или нереалистичны. Содержание зрительской рецепции российского космического кино фокусируется на особой «но-

стальгии по будущему», по тому времени, когда будущее было еще впереди. В конечном счете кинофильм о космосе в пространстве постсоветской культуры реализуется как проект исторического восстановления, который существует на грани между тем, что произошло и было потеряно, и тем, чего никогда не было, но было (вос)создано.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысова Н.А. Репрезентация образа прошлого в современных отечественных игровых исторических фильмах // *Философия и культура*. 2020. № 2. С. 12–26.
2. Geppert A.C. European Astrofuturism, Cosmic Provincialism: Historicizing the Space Age // *Imagining Outer Space: European Astroculture in the Twentieth Century*. Basingstoke, UK : Palgrave Macmillan, 2012. P. 3–28.
3. Pass J., Hearsey C., Caroti S. Refining the Definition of Astrosociology: Utilizing Three Perspectives // *SSRN Electronic Journal*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1695566 (access date: 29.03.2021).
4. Rogatchevski A. Space Exploration in Russian and Western Popular Culture: Wishful Thinking, Conspiracy Theories and Other Related Issues // *Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies* / ed. by E. Maurer, J. Richers, M. Rüthers, C. Scheide. Basingstoke, N.Y. : Palgrave Macmillan, 2011. P. 251–265.
5. Kohonen I. *Picturing the Cosmos: A Visual History of Early Soviet Space Endeavor*. Bristol : Intellect, 2017. 205 p.
6. Gerovitch S. *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity*. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2015. 232 p.
7. Siddiqi A.A. *Spaceflight in the National Imagination* // *Remembering the Space Age*. Washington, DC : NASA, 2008. P. 17–35.
8. Волков Е.В., Пономарева Е.В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. 2012. № 10 (269). С. 22–26.
9. Мароши В.В. Дионисийские мотивы в литературной неомифологии авиатора // *Культура и текст*. 2005. Т. 1. С. 16–33.

П.И. Целева

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДОМАШНИХ ПРАКТИК РОДОВСПОМОЖЕНИЯ

В статье дается этнографическое описание домашних практик родовспоможения. В их число входят соло-роды, роды в воду, роды с акушеркой/доулой, парные роды за пределами больницы. За основу взяты рассказы женщин, выложенные в YouTube, об опыте домашних родов. На основе эмпирического материала был описан родовой обряд, а также была предпринята попытка описать «портрет» этих женщин.

Ключевые слова: естественные роды, домашние роды, «сознательное родительство», домашняя акушерка, доула, «другой»

Статья посвящена описанию такого неоднозначного явления как домашние практики родовспоможения. Неоднозначного, потому что сегодня о родах существуют ряд стереотипов, например, роды в больнице считаются «правильными», а «домашние роды» – «неправильными». Но данная практика имеет место быть во всём мире.

Несмотря на то, что процент женщин, выбирающих домашние роды, во всём мире невысок (около 5%), такие понятия, как «духовное акушерство», «сознательное родительство» – представляется значимым для современной культуры. Это – декларация нового отношения к медицине, вопросам здравоохранения, телесности. В рамках этого движения преодолеваются традиционные взаимоотношения пациента и врача, когда беременная возлагает на врача всю ответственность за благополучный исход родов. Важнейшим понятием стало «осознанность», самостоятельное принятие решений. Это не только свобода выбора сценария родов, но и способность контролировать функционирование своего организма [1. С. 64].

В большинстве стран считают, что внебольничные роды – опасны. Хотя есть такие примеры, как Голландия, где свыше 70% всех родов происходит в присутствии духовных акушеров, а 40% всех родов являются домашними родами [1. С. 65]. Практика домашних родов в Голландии является национальным достоянием, но в последнее время она становится менее популярной.

Домашнее акушерство было легализовано во многих странах Запада. Теперь акушерки могут принимать роды в больнице или осуществлять помощь в родах на дому на основе государственной лицензии. В ряде стран появились государственные программы, целью которых является распространение акушерской модели родовспоможения, позволяющей сэкономить бюджетные средства [2. С. 30].

В России оказание помощи в родах на дому квалифицируется как «незаконное занятие частной медицинской практикой» [3], поскольку лицензирование акушерской деятельности вне медицинских учреждений не осуществляется. Домашние роды относятся к неформальным практикам, «не регулируются законами, не фиксируются статистикой и не оформляются контрактами» [4]. Ситуация получается двоякая: с одной стороны, данная практика является нелегальной, но она не запрещена.

Тем не менее женщины не перестают выбирать домашние роды, игнорируя современную систему здравоохранения и рекомендации по ведению беременности и родов. Что привлекательного в домашних практиках? Чем отличается родильный обряд, происходивший дома, от родов в больнице?

Среди трудов об альтернативных практиках родовспоможения стоит отметить работы Е.А. Белоусовой. Она придерживалась ритуалистского подхода ванн Геннепа [5] и доказала существование модифицированного обряда перехода (родильного обряда) в современном российском роддоме [6]. Она же иссле-

дует домашние роды и футуристическое движение «водородчиков», иные традиции домашнего родовспоможения.

А.А. Ожиганова изучает специфику российской перинатальной культуры и альтернативные целительные субкультуры с собственными взглядами на деторождение и родовспоможение. Исследователь развивает тему уникальных практик специалистов постсоветского альтернативного родовспоможения [7. С. 175].

Цель данного исследования состоит в этнографическом описании домашних практик родовспоможения. Благодаря этому можно узнать, что самое важное в родах для женщины, чего ей не хватало во время родов в больнице (если первые роды были там).

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. Выделить виды домашних практик родовспоможения.
2. Описать основные этапы родового процесса во время домашних родов.
3. Составить «портрет» женщины, решившей родить дома.
4. Сравнить домашние практики родовспоможения в России и в мире.

За основу были взяты рассказы 20 женщин, выложенные на YouTube-пространстве в промежутке с 2016г. по сегодняшний день. Среди информантов 10 женщин – русские, 10 – представительницы зарубежных стран (американки, украинки и др).

В данной работе используется метод цифровой этнографии, точнее, цифровая этнография как инструмент (обращение к цифровым средствам коммуникации) и как поле (анализ видео). Фокус ориентирован на то, что говорят женщины об опыте домашних родов, как они это говорят, визуальный ряд (фон), поведение женщины в кадре (что человек делает в цифровом поле).

Для описания домашних практик родовспоможения был составлен протокол описания (см. приложение А).

Строгой классификации домашних практик нет, но условно можно выделить:

1. Роды с акушеркой (с женщиной находится профессиональная акушерка, готовая физически и морально помочь);

2. Роды с доулой¹;

3. Парные роды (с роженицей находится кто-то из её близких, как правило, это супруг);

4. Роды Лебоера («мягкие роды», без применения силы; во время родового процесса звучит мягкая музыка, либо звуки живой природы, роженица находится в помещении с приглушенным светом. Происходит плавный переход ребенка из одной среды в другую, для него готовят ванну с теплой водой);

5. Роды в воду (женщина рождает непосредственно в воду (бассейн, ванна, джакузи);

6. Соло-роды (женщина рождает сама, без помощи врачей, акушерки).

По рассказам женщин, в каждой истории присутствовали все вышеуказанные элементы. Практически всегда присутствовала акушерка или доула (могла быть весь процесс родов, либо её звали в какой-то определённый момент). Почти у всех женщин мужа принимали участие в родах (приносили попить, массировали поясницу, набирали бассейн, просто успокаивали). Иногда были и другие члены семьи, например, матери рожениц, и даже дети. Практически всегда присутствовал детский надувной бассейн с тёплой водой (вода облегчала боль). Роженицы и их окружение старались создать комфортную и благоприятную ат-

¹ Доула – помощница в родах; оказывает информационную, физическую и психологическую поддержку женщине во время беременности, родов и в ранний послеродовой период. Не обладает компетенциями и правом оказывать медицинскую помощь и проводить медицинские манипуляции [8].

мосферу, для достижения которой и подходят техники «мягких родов Лебоера».

Саму родовую практику можно поделить на 3 этапа:

I. Период «до родов», или «начало родового процесса».

Женщины рассказывали, что происходило за несколько часов до начала родов.

II. Родовой процесс (разделён на 3 фазы, каждая из которой соответствует физиологическому этапу родов):

a. Начальная фаза:

i. Латентная фаза: шейка матки только начинает открываться, схватки либо не ощущались, либо женщины не понимали, что с ними происходит;

ii. Активная фаза: схватки становятся регулярными, болезненными.

b. Вторая фаза: схватки с момента раскрытия шейки матки до рождения ребёнка.

c. Третья фаза: время между рождением ребёнка и рождением «последа» – плаценты и плодных бочек.

III. Послеродовой период: что было в первые несколько часов после рождения малыша и «последа». Этот этап очень важен, поскольку в выборку попали женщины, которые рожали дома не по своей воле (поздно вызвали скорую, скорая опоздала) или у кого возникли осложнения. Послеродовой период (а у некоторых и сами роды) пришлось проводить в больнице.

Далее попробуем ответить на вопрос о том, кто такая женщина, решившая рожать дома? Для описания «портрета» женщины был подготовлен протокол (см. приложение Б). Очевидный вывод, который можно сделать, эта женщина – «другая», потому что, в большинстве своём, она является последователем определённых духовных практик, которые, как правило, исключают обращение к традиционной медицине. Акцент делается на «возвращение к природе», «естественности», вегетарианстве.

Кто такие «другие»? Как их понять? Слово «другой» часто возникает во многих сферах и пространствах (культурном, политическом). Это слово, или концепт, используется для описания меньшинств, т.е. определённых групп, чьё достоинство умоляется, чьи представители дискриминируются и дискредитируются и чьи образы плохо представлены в культуре и в медиа. Так как все эти действия не считаются чем-то «допустимыми», то всё чаще утверждается максима заботы о «другом» и одновременно предубеждение, поскольку опыт «другого» «не представим» для меня, то мне необходимо заботиться о «другом» и нужно помнить, что нельзя узурпировать право голоса, нельзя говорить за другого. В какой-то степени это означает, что нужно очень аккуратно с «другими» взаимодействовать, помнить, что нельзя давить своим доминантным взглядом на статус-кво и нельзя заменять собой и своим мнением позицию «другого».

Существует много теорий на то, как понять «другого». Для понимания «другого», в рамках данного исследования, применим концепт «диалога». Очень важно, что «диалог» – это живая форма общения двух субъектов, которые разными способами включаются в единое поле высказываний. «Вступающие» в диалог уже понимают или обладают желанием понять «другого». Если мы находимся в ситуации диалога, и мы сталкиваемся с «другим» человеком, то это не просто «другой» человек объективно. Мы осознаем, что у этого персонажа могут быть «другой» опыт (в нашем случае, иной взгляд на роды). Если мы в диалоге, если мы априори этого человека уважаем, то мы понимаем, как выстроить так диалог, чтобы не обидеть, чтобы производить уважительные интонации, чтобы диалог был построен даже в том случае, если мы осознаем, что наши опыты не идентичны и мы не находимся на «одной волне».

Из вышеперечисленного можно сделать вывод: для того, чтобы понять женщин, испытавших опыт домашних практик,

нужно вступить с ними в диалог. В нашем случае такая возможность представляется в виде нарративного интервью, которые вероятны в последующем углублении и расширении данной темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожиганова А.А. Современные перинатальные культуры: традиционная и альтернативная модели // Полевые исследования ИЭА РАН. 2008. С. 63–83.
2. Ожиганова А.А. Официальное (биомедицинское) и альтернативное (домашнее) акушерство. Практики формализованного и неформализованного взаимодействия // Экономическая социология. 2019. Т. 20, № 5. С. 28–52.
3. Статья 235. Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью // Уголовный кодекс Российской Федерации с комментариями. URL: <http://www.ukrf.net/s235.html> (дата обращения: 28.03.2021).
4. Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М. : Изд. дом ВШЭ, 2015. 215 с.
5. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М. : Восточная литература РАН, 1999. 198 с.
6. Белоусова Е.А. Современный родильный обряд // Библиотека электронной литературы в формате fb2. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/belousova-e-a/sovremennij-rodilnij-obryad> (дата обращения: 28.03.2021).
7. Кукса Т.В. Теоретические подходы к исследованию практик родовспоможения и текстов о родах // Медицинская антропология и биоэтика. 2019. № 1 (17). С. 168–200.
8. Кто такая доула? // Ассоциация профессиональных доул. URL: <http://doularussia.ru/kto-takaya-doula> (дата обращения: 28.03.2021).

Приложение А Протокол описания

БЛОК		ОПИСАНИЕ
ТИП ПОВЕСТВОВАНИЯ		
ПРОСТРАНСТВО (физическое местоположение)		

АКТОРЫ (люди, участвующие в происходящем)		
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (совокупность взаимосвязанных действий, совершаемых людьми)		
ОБЪЕКТ (наличествующие физические предметы)		
АКТ (отдельные действия, совершаемые людьми)		
ВРЕМЯ (временное упорядочивание происходящего)		
ЦЕЛЬ (то, чего люди стремятся достичь)		
ЧУВСТВА (ощущаемые и выражаемые эмоции)		
ФИЗИОЛОГИЯ		
ПОВЕДЕНИЕ (что человек делает в цифровом поле)		
ФОН		
КОММЕНТАРИИ (отношение других людей)		
РЕГИСТРАЦИЯ РЕБЁНКА		
ДОПОЛНИТЕЛЬНО		

Приложение Б
Протокол описания «портрета»

Возраст	
Образование /специальность	
Место жительства	
Семейное положение	
Внешний вид	
Личностные установки	
Опыт родов	
Отношение к медицине	

УДК 316

О.В. Устюжанцева

**ЭТНОГРАФИЯ ВО ВРЕМЕНА ПАНДЕМИИ:
ЦИФРОВОЕ ПОЛЕ И ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ**

Пандемия COVID-19 оказала влияние на все стороны жизни людей, влияя также на исследовательскую деятельность социальных антропологов, для которых осуществление полевых исследований стало сильно ограниченным, а иногда и просто невозможным. В докладе представлен метод цифровой этнографии как один из возможных и довольно эффективных инструментов реализации этнографических исследований в условиях ограничений.

Ключевые слова: цифровая этнография, пандемия, антропология

Глобальный кризис здравоохранения, вызванный COVID-19, затронул социальных исследователей, и, в частности, социальных антропологов множеством способов. Этнография (и в некоторых случаях включенное наблюдение) является неперенным условием проведения качественных исследований в этих двух дисциплинах социальных наук. Этнография включает в себя погруженное исследование посредством «записи и анализа культуры или общества, обычно основанных на включенном наблюдении и приводящих к письменному отчету о людях, месте или организации» [1]. Многие исследователи сегодня сталкиваются с препятствиями в проведении полевых работ в связи с различными ограничениями по передвижению или из-за других установленных государством правил безопасности. Для исследователей, которые не испытывают таких административных ограничений, сильно отличающихся в разных регионах и странах, угроза заражения COVID-19 представляет все же большую опасность как для самих исследователей, так и для их информантов. Проблема становится еще более серьезной для молодых исследователей на ранних этапах карьеры, находящихся в рамках «политической экономии знаний» [2], когда сроки их исследований, как и финансирование ограничены по времени.

Сегодня перед многими учеными стоит задача проводить свои академические исследования, несмотря на то, что они не могут регулярно физически получать доступ к «полю». Поскольку пандемия препятствует их планам полевых исследований, перспективы продолжения этнографических исследований кажутся неопределенными. Все большее число медицинских экспертов и наблюдателей считают, что мы, возможно, никогда не вернемся к «нормальному». Некоторые социальные антропологи склонны считать, что долгосрочные «традиционные» полевые исследования могут стать невозможными в ближайшие годы [3]. Исследователи вынуждены прибегать к методам, кото-

рые помогут преодолеть ограничения, связанные с пандемией и среди них – цифровая этнография [4]. В условиях «новой нормальности» потребность в исследованиях, основанных на цифровой этнографии, становится актуальной как никогда ранее. Хотя сама по себе цифровая этнография существует уже несколько десятилетий и является предметом обсуждения и поиска вариантов ее «встраивания» в этнографические методы и процессы [5].

Лаптон [6] выделяет четыре типа практик, которые можно осуществлять в цифровом поле с использованием цифровых медиа:

- 1) использование цифровых инструментов для создания сетей и установления контактов;
- 2) изучение того, как люди используют цифровые медиа, технологии и инструменты;
- 3) проведение анализа с помощью цифровых инструментов;
- 4) участие в критическом анализе использования и последствий цифровых медиа.

Эти практики являются определенным вызовом существующим концептуальным и аналитическим категориям. В то же время, они имеют право на существование, поскольку «отношения между социальной жизнью и ее анализом меняются в контексте оцифровки» [7]. Цифровые исследования предлагают нам адаптации к этим изменениям.

Специфика проведения этнографического исследования накладывает определенные ограничения и приносит существенную неопределенность в дизайн и процесс исследования. В отличие от традиционной этнографии, цифровая этнография включает анализ социальных конструкций культурной жизни через виртуальные миры онлайн [8]. В случае цифровой этнографии характер контактов этнографа с исследуемыми скорее опосредованный, чем прямой [9]. При этом важно понимать, что

цифровая этнография не является исследовательским «методом» или техникой, которая ограничена, строго формализована, имеет четкое начало и конец [9]. Это скорее процесс, который заставляет нас понять, что этнографическое погружение возможно даже тогда, когда пространство взаимодействия не имеет конкретной физической основы [10].

В случае традиционных этнографий существует явный разрыв между «полем» и «домом», где поле ограничено пространством и временем. Уход с поля означал прекращение контакта с собеседниками [11]. Однако в случае цифровых исследований у этнографов есть возможность поддерживать отношения на расстоянии и не совсем понятно, где проходит временная и пространственная черта полевого исследования.

Сегодня для значительной части людей их устройства (телефоны / компьютеры) являются неотъемлемой частью их самих, многие пользуются ими постоянно – в транспорте, дома, на работе. В связи с этим становится сложно, если вообще возможно, определить, когда полевое исследование начинается, а когда заканчивается. С другой стороны, цифровую этнографию можно использовать для проведения углубленных исследований путем длительных и продолжительных разговоров с собеседниками в виртуальном чате и на платформах для видеозвонков. Такие платформы предоставляют эксклюзивное пространство как для исследователя, так и для собеседника, чтобы выразить свои мысли, не опасаясь внешнего вмешательства. Такие обсуждения также позволяют исследователям преодолевать проблемы поездок на большие расстояния и облегчают им разговор с разными информантами, которые могут находиться в разных и довольно удаленных от исследователя, местах.

Другим существенным ограничением цифровой этнографии является особенность поведения людей в онлайн среде, это эффект Хоторна [12], когда собеседник ведет себя не как обычно,

зная, что его наблюдают в онлайн-пространстве. Это влечет за собой также вопрос о том, нужно ли участником исследуемой группы сообщать о проведении научного исследования или умолчать об этом, чтобы не вызывать эффект Хоторна. Готовых ответов здесь нет и решение подобной этической дилеммы остается в зоне личной ответственности исследователя.

Пандемия ограничивает передвижение значительной части людей, которые вынуждены практически постоянно находиться в своих домах. Такие ограничения в перемещении помогают исследователям и собеседникам наладить более тесные связи в течение более длительного периода. Однако для исследователя важно проявлять сочувствие к собеседникам, которые сами могут испытывать стресс / давление из-за пандемии. Поэтому выполнение цифровой этнографии во время пандемии требует от исследователя быть чрезвычайно внимательным, саморефлексивным и чувствительным.

Цифровая этнография также бросает вызов самой идее о том, что этнографы «идут навстречу радикально неизвестному... делая его понятным, действительно вероятным» [13. Р. 18]. Скорее, поскольку цифровая этнография часто бывает многосторонней, она помогает исследователям проводить исследования в нескольких связанных между собой местах [14]. Онлайн-этнография рассматривает поле как сеть взаимосвязанных мест (сайтов) [15], исследует запутанные сети онлайн взаимосвязей в онлайн пространствах [9] и участвует во множественных фреймах смыслообразования [16]. В то время как некоторые ученые считают цифровую этнографию отходом от традиционной этнографической традиции, другие считают, что цифровые полевые исследования представляют собой преемственность, а не разрыв с предыдущей этнографической практикой [5].

Несмотря на общую «нестабильность» метода цифровой этнографии, уже сейчас есть попытки определить ключевые прин-

ципы проведения цифрового этнографического исследования. Пинк и ее коллеги [9] выделяют пять таких принципов:

1) Многообразие: существует несколько способов взаимодействия с цифровыми технологиями, и все они оказывают явное влияние на исследование, собеседников и исследователя.

2) Не-диджитал-центричность: следует помнить, что даже когда исследования проводятся в Интернете, исследование не должно полностью фокусироваться на цифровом аспекте; фокус цифровой этнографии должен быть не на технологиях, а не опыте людей или групп людей, который стоит за ними.

3) Открытость: открытость и гибкость – основные характеристики дизайна цифровых исследований. Исследовательских дизайн формируется в зависимости от конкретных вопросов исследования, институционального контекста и способов, которыми участники исследования взаимодействуют с ним, но в то же время он достаточно открыт для адаптации к быстро меняющейся цифровой среде и технологиям.

4) Рефлексивность: это ключевой элемент любого социально-антропологического исследования, и цифровая этнография не исключение. Цифровые этнографы теоретизируют и воспринимают мир как цифровую, материально-сенсорную среду и должны рефлексивно задаваться вопросом о том, как они производят знания.

5) Неортодоксальность: цифровая этнография признает и ищет способы развития знаний о социальных реалиях, которые в противном случае, в случае игнорирования самого наличия цифровой среды, могли бы быть невидимыми и непредвиденными.

Таким образом, цифровой этнографический подход позволяет нам выйти за рамки академических кругов, дисциплин и стандартных письменных форм академической науки.

Если говорить о том, как проводить цифровое этнографическое исследование, то Кок [17] предлагает реализовывать его следующим образом:

1. Ответить на вопрос «где», то есть определиться с местом, где исследователь хочет собирать данные;

2. Ответить на вопрос «как» – определиться с выбором исследуемой группы, определить доступные инструменты исследования и выработать модель исследования. Все это должно быть связано с задачами исследования;

3. Ответить на вопрос «кто» – исследователь должен определиться с информантами, сообщить им о целях исследования и, таким образом, решить вопросы этики и ответственности.

Кок утверждает, что определение маршрутов и мест (где), инструментов и модели исследования (как) и ключевых субъектов исследования (кто), имеют первостепенное значение для проведения цифрового этнографического исследования.

Сегодня наше цифровое присутствие стало образом жизни; это не просто способ общения, но способ представить наше воплощенное «я» другим людям. Это инфраструктура нашего социального существования, и она часто воспринимается как данность [10]. Важно помнить, что, хотя цифровая этнография не может полностью противодействовать всем вызовам, предъявляемым к этнографической практике «дома», она может помочь нам в дальнейших исследованиях глобальных структур и местоположений власти, культурных практик и социальных явлений [18. Р. 50]. Сегодня этнографические практики реконструируются и пересматриваются, поскольку «стол провалился в поле» [19. Р. 937] из-за пандемии. В такие времена цифровые этнографические методы могут стать жизнеспособным вариантом для проведения плотных (насыщенных) аналитических и описательных исследований [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Simpson B., Coleman S. Ethnography. Glossary of terms. Royal anthropological institute // Discover Anthropology. URL: <https://www.discoveran->

[thropology.org.uk/about-anthropology/glossaryofterms.html](http://anthropology.org.uk/about-anthropology/glossaryofterms.html) (accessed date: 22.03.2021).

2. Nagar R. *Muddying the waters: Co-authoring feminism across scholarship and activism*. Chicago : University of Illinois Press, 2014. 240 p.

3. Gunel G., Varma S., Watanabe C. *Manifesto for patchwork ethnography* // Society for cultural anthropology. URL: <https://culanth.org/fieldsights/a-manifesto-for-patchwork-ethnography> (accessed date: 22.03.2021).

4. Miller D. *How to conduct an ethnography during social isolation* // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NSiTrYB-0so&t=2s> (accessed date: 22.03.2021).

5. Hjorth L., Horst H.A., Galloway A., Bell G. *Routledge Companion to Digital Ethnography*. New York : Routledge, 2017. 521 p.

6. Lupton D. *Digital sociology*. Abingdon : Routledge, 2015. 236 p.

7. Marres N. *What is Digital Sociology* // CISP Online: Blog of the centre for invention and social process, Goldsmiths. URL: <http://www.csisonline.net/2013/01/21/what-is-digital-sociology/> (accessed date: 22.03.2021).

8. Boellstorff T. *Ethnography and virtual worlds: a handbook of method*. Princeton : Princeton University Press, 2012. 264 p.

9. Pink S., Horst H.A., Postil J., Hjorth L. *Ethnography in a Digital World*. In *Digital Ethnography: Principles and Practices*. London : Sage, 2016. 20 p.

10. Hine C.M. *Virtual Ethnography*. London : Sage Publications Ltd, 2000. 192 p.

11. Miller. D. *Digital Anthropology* // *The Cambridge Encyclopaedia of Anthropology*. URL: <https://www.anthroencyclopedia.com/entry/digital-anthropology> (accessed date: 22.03.2021).

12. Gillespie R. *Manufacturing knowledge: a history of the Hawthorne experiments*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. 304 p.

13. Howell S. *Two or three things I love about ethnography* // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2017. № 7 (1). P. 15–20.

14. Marcus G. *Ethnography in/of the world system: the emergence of multi-sited fieldwork* // *Annual review of Anthropology*. 1995. № 24. P. 95–117.

15. Burrell J. *The Field Site as a Network: A Strategy for Locating Ethnographic Research* // *Field Methods*. 2009. № 21(2). P. 181–199.

16. Varis P. *Digital Ethnography* // *Tilburg papers in cultural studies*. 2014. № 104. 23 p.

17. Cocq C. *The Where, How and Who of Digital Ethnography* // *Folklore Fellows*. 2019. № 53. P. 3–6.

18. Góralaska M. *Anthropology from Home: Advice on Digital Ethnography for the Pandemic Times* // *Anthropology in Action*. 2020. № 27 (1). P. 46–52.

19. Mosse D. Auto-Social Anthropology? Objectivity, Objection, and the Ethnography of Public Policy and Professional Communities // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2006. № 12(4). P. 935–956.

20. Beneito-Montagut R., Begueria A., Cassián N. Doing digital team ethnography: being there together and digital social data // *Qualitative Research*. 2017. № 17 (6). P. 664–682.

СЕКЦИЯ IV. ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ: ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ, КОНТЕКСТЫ, ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

УДК 94 (416)

Д.А. Афанасьева

ЖЕНЩИНЫ КАК УЧАСТНИЦЫ СЕВЕРОИРЛАНДСКОГО КОНФЛИКТА (1969–1998 гг.) В МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛФАСТА

В статье рассматривается взаимосвязь между идеологическими установками радикальных групп и гендерной нормативностью в североирландском обществе в период конфликта 1969–1998 годов. Автор исследует эту проблему анализируя материалы источников, которыми выступают мемориальные объекты г. Белфаст. Он приходит к выводу о существовании прямой связи между транслируемой юнионистскими и республиканскими организациями идеологией и представлениями масс о допустимых гендерных ролях.

Ключевые слова: Ольстерский конфликт, мемориальная культура, городское пространство, гендерная нормативность, положение женщин

Активная фаза Ольстерского конфликта формально была завершена в 1998 г. подписанием Соглашения Страстной пятницы всеми противодействующими сторонами. Тем не менее, отголоски противостояния юнионистов и республиканцев продолжают по сей день оказывать влияние на жизнь населения Северной Ирландии.

Одной из причин подобной ситуации, помимо общей нерешенности ирландского вопроса, является постоянная актуализа-

ция исторической памяти жителей шести графств Ольстера. К основным агентам формирования и сохранения исторической памяти в Северной Ирландии можно отнести материальные памятники мемориальной культуры – надгробия (и кенотафы), памятные доски и муралы.

Особенно существенной представляется роль городских коммеморативных практик и соответствующих материальных объектов. В первую очередь это связано с тем, что мемориальные объекты, посвященные событиям 1969–1998 гг., содержат тексты и сюжеты, прямо указывающие на вину той или иной стороны в конфликте или оправдывающие «триумфализм» какой-либо из противоборствующих сил. В постиндустриальную эпоху, которая характеризуется общим улучшением качества и продолжительности жизни населения, в особенности в странах Европы, массовые смерти человеком воспринимаются как нечто неестественное и особенно травмирующее явление, что приводит к вытеснению чувства скорби ненавистью и желанием найти и наказать виновных [1. С. 31–32]. Очевидно, что мемориальная культура становилась одним из средств пропаганды для юнионистских и республиканских групп, в том числе для укрепления гендерно-нормативных аспектов идеологии. Это можно проследить на примере взаимосвязи изменения политики проводимой радикальными группами и репрезентации женщин в сюжетах памятников мемориального характера.

По причине начала вооруженного конфликта между католической и протестантской общинами, а также в связи с пропагандой, производимой радикальными юнионистскими и республиканскими группами, в 1970-х годах в Северной Ирландии возникла ситуация безраздельного господства патриархальной системы и милитаризованной маскулинности, которая стала гендерно-нормативной [2. С. 78; 3. Р. 126; 4. Р. 202]. Это способствовало «одомашниванию» женщин, исключению их из поли-

тической и экономической жизни. Женщины делали большую часть неоплачиваемой домашней работы, а их социальная роль сводилась к рождению и воспитанию детей, «обслуживанию» мужей, отцов, братьев [2. С. 63–64]. Определение транслируемой радикальными группами националистической идеологии женщин как потенциальных продолжателей нации, этноса, рода, причисление их к категории «наивысших общих ценностей», ставило женское население в уязвимое положение. Изнасилование, убийство «чужих» женщин становилось идеологически одним из наиболее эффективных способов прорыва обороны врага, разрушения моральных оснований его общины, прекращения его рода.

Это отражалось в способах репрезентации женщин в сюжетах городских мемориальных объектов. Тексты и изображения, помещаемые на памятных досках, кенотафах, надгробиях и муралях изображали женщину, прежде всего, как мать (человека или персонифицированную страну, нацию), скорбящую и нуждающуюся в защите. Кроме того, подразумевалось, что если женщина погибает, то не как боец, участник вооруженной или политической борьбы, а как жертва «коварного врага». При этом ее опыт оказывался вторичным, женщина являлась объектом защиты, она была в рамках символической системы несамостоятельной, зависимой от мужчин. Ввиду помещения сюжетов памятников мемориального характера в эпический дискурс, а также тесной их связи с категориями травмы и скорби, подобные сюжеты являлись важными элементами пропаганды, средствами мобилизации мужского населения Северной Ирландии. Кроме того, они укрепляли ситуацию господства жесткой патриархальной системы, актуализировали военизированную маскулинность.

Описанная ситуация начала меняться с конца 80-х годов. Это было связано как с усилением влияния и ростом числа женских

организаций, в том числе и миротворческих [2. С. 69–70], так и с сокращением количества мужчин, способных и готовых участвовать в деятельности радикальных организаций – многие сторонники юнионизма или республиканизма к указанному времени были заключены в тюрьмы, или же убиты. Последнее обстоятельство вынуждало вооруженные группировки обращаться к средствам, направленным на мобилизацию женского населения Северной Ирландии, а также на склонение к сотрудничеству набравших политический вес женских организаций. Одним из таких средств стало публичное признание женщин полноправными участниками межобщинной конфронтации, смещение их образа из категории «пострадавших» в категорию «героев». В связи с этим, в указанный период в городском пространстве Белфаста стали появляться памятники, изображающие женщин активными деятелями в рамках конфликта.

Использование героического образа женщин особенно характерно для республиканских памятников времен Ольстерского конфликта, начиная с 1980-х годов. Например, в 1981 г., по заказу Шинн Фейн, на Фоллс-роуд был создан мураль, изображающий представителей женского сопротивления. В центре композиции находятся три женщины [5]. Первая из них, стоящая на фоне флага Республики Ирландии, держит штурмовую винтовку, вторая читает книгу, а третья что-то кричит, вскидывая вверх кулак. Очевидно, что фигуры представляют собой собирательные образы бойцов ИРА и политических активистов, причем вооруженное сопротивление символически представлено наиболее важным: лишь девушка с оружием изображена в полный рост, ее черты тщательно прописаны, а светлая одежда выделяет ее на фоне черной стены. Мураль содержит надпись: «Сопротивление. Мы должны быть жестче, не теряя нашей чуткости».

Для юнионистской мемориальной традиции вторичная героизация женщин была характерна в меньшей степени. Несмотря на

изменения в социальной и политической сфере, в протестантских кварталах так и не было создано ни одного крупного памятника, посвященного непосредственно женскому участию в вооруженной борьбе. Если женщины изображались как боевые единицы, рядом с ними всегда находился боец-мужчина. Примером может служить мураль, расположенный на улице Редклифф Парейд, посвященный теме преемственности в деятельности охранительных лоялистских организаций [6]. В нижней части мурала изображены мужчины – бойцы из числа Ольстерских Добровольцев, один из них символизирует указанное движение в период Первой Мировой войны, а второй – в период Североирландского конфликта. По обе стороны от них находятся изображения женщин, стоящих с оружием в руках. Они одеты в гражданскую одежду – пышные юбки и платья, их длинные волосы распущены. Композиция сопровождается надписями: «Чем измерить свободу? Только силами, затраченными на ее сохранение» и «Брошена! Что ж, я могу постоять за себя!». Второй лозунг, учитывая контекст изображения, обращен одновременно к Великобритании, которая, по мнению ряда юнионистских организаций, не оказывала им достаточно помощи в борьбе с ирландским национализмом, а также к мужчинам, остающимся в стороне от вооруженных конфликтов. Образ женщины в гражданской, подчеркнута фемининной одежде, явно непригодной для вооруженной борьбы, но при этом, держащая в руках винтовку, призван была мобилизовать протестантские силы.

В 1980-х годах репрезентацию в контексте городских памятников получили также женщины из числа политических активисток. В особенности это утверждение справедливо для республиканского движения. К примеру, в указанный период в католических кварталах появились настенные изображения, посвященные деятельности Бернадетт Дэвлин – одного из лидеров борьбы за гражданские права для католического населения Северной

Ирландии. Одним из наиболее известных памятников подобного рода является мураль, размещенный на улице Лекки-роуд в Дерри. Он содержит портрет Бернадетт Дэвелин с мегафоном в руках, активистка изображена на фоне дыма и бегущих фигур, символизирующих один из моментов схватки за Богсайд. Важно, что ни один элемент композиции не намекает на «слабость» или «вторичность» изображенной персоналии как борца за идеалы республиканизма.

Получили символическую поддержку и женщины из числа политических заключенных, причем создавались памятники как посвященные конкретным персоналиям – например, стороннице ИРА Рошин Макэлски [7], так и обобщенные. Несмотря на то, что репрезентация мужчин-заключенных оставалась более широкой, рост внимания к женскому опыту в 1980-е гг. представляется очевидным.

Таким образом, в ситуации открытого межобщинного конфликта, усилившего позиции патриархальной системы, ценность женщины провозглашалась в ее роли продолжательницы рода. Ее опыт оказывался вторичным, подчеркивалась присущая ей «слабость» и незащитность перед лицом угрозы со стороны агрессивно настроенных идеологических противников. Соответствующая репрезентация женщин в городских объектах мемориальной культуры, связанных с категориями травмы и эпическим дискурсом символически укрепляла и поддерживала существующую систему. Значение подобных памятников для деятельности радикальных организаций мыслилось юнионистами и республиканцами настолько важным, что в конце 1980-х годов, когда в качестве самостоятельной значительной силы оформились женские движения, началось создание объектов, переосмысливающих опыт и роль женщин в конфликте. Героизация женщин, признание их полноценными боевыми единицами, репрезентация их как активистов и политических заключенных

призвана была привлечь женские организации на сторону противоборствующих юнионистских и республиканских сил, и в то же время снизить уровень военизированной маскулинности, этому препятствующей. Подобные практики подтверждают тесную связь между мемориальной культурой и гендерно-нормативными установками в Североирландском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мохов С. История смерти. Как мы боремся и принимаем. М. : Individuum, 2020. 231 с.
2. Кокберн С. Пространство между нами. Обсуждение гендерных и национальных идентичностей в конфликтах. М. : Идея-Пресс, 2002. 256 с.
3. Bairner A. Masculinity, Violence and the Irish Peace Process // Capital and Class. 1999. Vol. 23, is. 3. P. 125–144.
4. Sales R. Women divided. Gender, religion and politics in Northern Ireland. London : Routledge, 1997. 256 p.
5. We Must Grow Tough // Peter Moloney Collection. Murals. URL: <https://petermoloneycollection.wordpress.com/1981/02/19/we-must-grow-tough/> (дата обращения: 08.03.2021).
6. How is freedom measured // Peter Moloney Collection. Murals. URL: <https://petermoloneycollection.wordpress.com/1989/01/10/how-is-freedom-measured/> (дата обращения: 08.03.2021).
7. Don't Let Roisin McAliskey Die In Jail // Peter Moloney Collection. Murals. URL: <https://petermoloneycollection.wordpress.com/1997/01/25/dont-let-roisin-mcaliskey-die-in-jail/> (дата обращения: 08.03.2021).

УДК 930

К.И. Бугреева

ОБРАЗ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье рассмотрены ряд аспектов историографического образа Наполеона Бонапарта, связанного с рождением и эволюцией «золотой легенды» о нем. Научная проблема исследования состоит в том, что

при кажущейся цельности исторического имиджа «маленького капрала» традиция наполеоноведения изобилует логически противоречивыми утверждениями в различных национальных и социально-политических контекстах. Уделяется внимание не только неоднозначному характеру легендарного имиджа Наполеона в исторической памяти европейцев, но и специфике ее российского восприятия.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт, образ, «золотая легенда», Отечественная война 1812 года, наполеоноведение, историческая память, историография

Что думает человек при упоминании имени Наполеона? Что для него имя прославленного французского военачальника? Для француза – это император, полководец, гений, узурпатор, национальная гордость. Для русского – это захватчик, злодей, агрессор. Но все эти ассоциации формировались в сознании людей с течением долгого времени, подстраиваясь под интересы политической системы и пропаганды, инструментом которой зачастую является история. В историографии с момента восхода политической фортуны Наполеона до текущего времени сложилась полновесная традиция наполеоноведения. Здесь мы не ставим целью охватить все нюансы бытования «наполеоновской легенды»¹, но остановимся на наиболее общих и стереотипных моментах восприятия образа Наполеона Бонапарта в массовом сознании.

Цель исследования – проследить основные вехи формирования традиции историографической рефлексии о Наполеоне, а также перипетий трансформации его легендарного образа в массовом сознании, как французов, так и россиян. Научная проблема исследования состоит в том, что при кажущейся цельности исторического имиджа «маленького капрала» традиция напо-

¹ Наполеон формировал свой образ, то, как он хотел видеть себя в глазах потомков. Естественно, что этот образ был далек от истины, но не все утверждения «легенды» являются мифами. Наполеоновская «легенда» представляет собой реальные события, но им приписывают нереальные намерения.

леоноведения изобилует логически противоречивыми утверждениями в различных национальных и социально-политических контекстах.

Начать нужно с того, что формирование «золотой легенды» о Наполеоне является результатом умелой политической пропаганды, которая преследовала целью положительное восприятие его образа сначала – в умах нации, а затем и в границах вассальных государств Франции. Формированию своего общественного имиджа Наполеон способствовал лично, стремясь к максимальным карьерным высотам. В период взлета его славы, относящегося к Итальянской кампании, в действующей армии издавались сразу две газеты – «Курьер Итальянской армии» и «Франция глазами армии», на редакторов которых Наполеон, несомненно, имел влияние. Газеты распространили о генерале славу защитника завоеваний революции и охранителя мира.

Как и любой художественный образ, легендарный образ Наполеона формировался постепенно, наполняясь эпичностью, пафосом, качествами героя народа и государства. Сам Наполеон, по версии одной из газет («*La France vue de l'armée d'Italie*»), так говорил о себе: *«Передо мной трепетали цари, в моих сундуках могли бы храниться пятьдесят миллионов, я мог бы притязать на все, что угодно, но я – гражданин Франции, я – первый генерал Великой Нации, и я знаю, что грядущие поколения воздадут мне по заслугам»* [1. С. 73].

Так обретает постоянство легендарный образ Наполеона – самоотверженный генерал, гражданин, преданный своей стране, уверенный, что умы будущего будут помнить его в веках. Современник Наполеона историк Шатобриан писал об императоре так: *«Ныне Бонапарт уже не реальное лицо, но персонаж легенды, плод поэтических выдумок, солдатских преданий и народных сказок; это Карл Великий и Александр, какими изображали их средневековые эпосы. Этот фантастический герой затмнит*

всех прочих и пребудет единственно реальным» [2. С. 324]. И опять звучит уверенность в светлом будущем славы Наполеона, его легенды, демонстрируя, насколько сильным был отклик в обществе, в искусстве, в политике на деяния человека, который долгий XIX век будет считаться то «гением», то «диктатором», то «героем», то «поработителем».

Таким образом, героический характер образа Бонапарта, которому в немалой степени поспособствовал он сам, был подкреплен трудами писателей и историков разных стран: Р. де Шатобриана, В. Скотта, Ф. Стендаля, затем А. Тьера, Л.Н. Толстого, Е.В. Тарле, А.З. Манфреда, Ж. Тюлара и др. При этом совсем не обязательно, чтобы авторы относились к нему положительно, восхваляли его: тот же Шатобриан и породил противоположную «черную» наполеоновскую легенду¹ [18], а Толстой писал об императоре, как о «самонадеянном ничтожестве». Но вышесказанное не умаляет масштабности охвата наполеоновской легенды, ведь любая слава – «золотая» или «Чёрная», в конечном итоге, приводит к закреплению в виде некоего «мемориального канона» общественного сознания, которое весьма избирательно относится к символам прошлого.

Отношение к Наполеону менялось с каждым новым политическим режимом во Франции, имеющим различные идеологические цели. Но зачем апеллировать к личности, времена которой уже прошли, а слава противоречива? *«Наполеон – прообраз «спасителей», которыми, как вехами, отмечена история Франции XIX–XX веков»* – полагает Жан Тюлар, указывая на «архетип спасителя и героя», носителем которого Наполеон был в течение долго времени в памяти французов XIX века. То есть, каждое последующее поколение, исходя из текущих политических це-

¹ В противоположность «золотой» легенде о Наполеоне, «Чёрная» способствовала развенчанию славы императора, критикуя его политику.

лей и нужд социальной памяти, заостряло свои нюансы многогранного собирательного образа Наполеона: императора, тирана, гения, реформатора и пр. Ракурсы меняются, меняются подходы и жанры у историков и писателей: у Ж. Тюлара, к примеру, востребован социологический метод, у Э. Людвиг – психологический, у Д.С. Мережковского – философский, и этим не исчерпывается многообразие подходов к исследованию биографии этой масштабной личности.

Наши соотечественники не отходят от европейских традиций жизнеописания французского генерала – у Е.В. Тарле и А.З. Манфреда биография Наполеона Бонапарта излагается столь же последовательно и ясно. Он рождается, добивается успехов, достигает зенита славы, терпит сокрушительное фиаско и т.д. Но есть у российских авторов и несколько существенных отличий. *«Человек, биографию и характеристику которого я должен дать в предлагаемой книге, представляет собой одно из удивительнейших явлений мировой истории»* [3. С. 4] – так начинает Тарле свой труд, опираясь на достижения наполеоновской историографии. Работа Тарле обладает всеми достоинствами исторического жанра: она сбалансирована, выдержана в определенной гармонии и имеет четкую основу. Трудно здесь не заметить восхищения фигурой Бонапарта, его славой и свершениями, неуждого и классикам марксизма.

А.З. Манфред следует заветам Тарле, он продолжает жизнеописание Бонапарта, но выводит его на новый уровень, привлекая дополнительно множество источников личного содержания, Манфред заканчивает свою книгу словами: *«Великий полководец, знаменитый государственный деятель, человек необыкновенной судьбы Наполеон Бонапарт...»* [4. С. 419]. Отличительной чертой у обоих советских историков является исследование связей Наполеона с идеями революций: старт карьеры будущего императора начинается в годы Революции, но империя, которая

в дальнейшем устанавливается во Франции, рушится, как и любой империалистический режим, по мнению историков.

Фигура Бонапарта обладает внушительной славой и величием в веках. Между тем характер русской исторической памяти формировался во многом под влиянием нашей литературной традиции, чего не отрицают ни Тарле, ни Манфред. Их умы были воспитаны с оглядкой на славное прошлое нашего народа, успехи и победы которого пестовались и советским правительством, пусть и выборочно.

Отечественная война 1812 года всегда возбуждала в умах наших соотечественников чувство гордости и патриотизма. Гордость рождает в человеке желание исследовать свою победу, свое величие. Что же чувствует человек, когда он одерживает победу над столь великой силой, как Наполеон? И Тарле, и Манфред нисколько не умаляют заслуг императора: они оба отмечают тот страх, что внушала фигура Бонапарта на пике своего могущества, ту силу его гения, которая орлом развевалась над Европой. Это не слепое восхищение, но признание заслуг личности, чья слава охватывала весь XIX век и до сих пор не перестает удивлять человечество, превращаясь из национального в интернациональное достояние.

В традициях русского человека есть тенденция превозносить победу в 1812 году. Начиная с момента вторжения в Российскую империю, Наполеон был под пристальным вниманием всех дворов Европы и императорского дома России. Образ врага нашего Отечества, «исчадия сущего ада», сопровождал его весь период военной экспансии сквозь просторы нашей страны до Москвы, но с изгнанием Наполеона из русских границ, бывший император превращается в фигуру манипуляций исторической памятью: победа Российской империи подкреплялась значимостью побежденной фигуры. Наполеон Бонапарт и его великая армия побеждены русскими войсками, но фигура его не преда-

ется забвению, а наоборот остается в памяти человека как доказательство величия триумфа русского национального духа. И вот проходит почти два века с момента славы 1812 года, но забылась ли «легенда Наполеона»? Память русского человека хранит следы Бородинского сражения, Березины, народного партизанского движения. А в исторической памяти мы наблюдаем сохранение образа человека, чья противоречивая слава для русского человека неоспорима: нам бы в пору, казалось, не восхищаться Наполеоном, но ненавидеть. Но нет, ведь в восхищении победой 1812 года есть и восхищение образом Наполеона, как значимой фигуры нашего величия и силы духа. Величие императора Франции по инерции передается славной победе русского оружия над великой армией. Наполеон создал огромную армию, силу и единство которой поддерживал благодаря своему авторитету. Великая армия несла в Европу гордость французской нации, при этом, не внушая ненависть к другим народам и странам. Наполеон пришел к власти после Великой французской революции, но целью его правления не было восстановление величия французов, он создавал свою империю и усиливал влияние. Напав на Россию, император стремился к экономически выгодным для него условиям, не преследуя никаких идеологических соображений о захвате страны. Пусть Наполеон и являлся агрессором, вторгшимся в Российскую империю, но целей уничтожить наше государство он не преследовал. Победа свершилась не над идеологическим врагом, а над военным генералом.

Основной вывод исследования состоит в том, что образ Наполеона Бонапарта остается действующим «местом памяти» общественного сознания, как в Европе, так и России. Наполеон сам стремился к увековечиванию собственной памяти, и его образ «post mortem» обрастал все новыми противоречивыми коннотациями, которые всегда чувствительны к текущими политиче-

ским событиям. Компаративный аспект темы позволяет выявить значимость образа Наполеона не только для французской, но и для российской исторической памяти: в последней образ великого, но поверженного врага подкрепляет национальное чувство гордости за победу в Отечественной войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». М. : Молодая гвардия, 1997. 384 с.
2. Шатобриан Ф.Р. Замогильные записки. М. : Издательство им. Сабашниковых, 1995. 736 с.
3. Тарле Е.В. Наполеон. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 352 с.
4. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М. : Мысль, 1987. 735 с.
5. Таньшина Н.П. Наполеон Бонапарт в исторической памяти: между мифом, брендом и легендой // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 146–166.

УДК 94(368)

А.Н. Васильев

СПОСОБЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЯ В ПЕРИОД КРЕЩЕНИЯ СКАНДИНАВИИ

В статье рассматриваются способы легитимации правителя раннего государства в Скандинавии в период распространения христианства. Проанализированы используемые правителями практики, их распространённость и региональная представленность. Рассмотрена роль военных походов и сакральных представлений о правителе как источнике удачи. Представлен вывод о возможности отнесения правителей скандинавских политий периода христианизации к правителям ранних государств.

Ключевые слова: Скандинавия, христианизация, эпоха викингов, легитимация власти, раннее государство

В настоящее время в исторической науке основательно утвердился взгляд, связывающий создание государств в Северной и Восточной Европе с периодом христианизации [1. Р. 2–6]. В определении сущности понятия «государство» и государственности в последние десятилетия значительную популярность приобрели понятия политической антропологии – «вождество» и «раннее государство» [2. С. 22; 3. С. 198–199]. Среди признаков раннего государства Дж. Х. Классеном был выделен институт верховной власти и в частности – способы легитимации власти [4. С. 37–38]. Возможно ли говорить о скандинавских конунгах эпохи христианизации как о правителях раннегосударственных политий и какую роль сыграла христианизация в установлении способов легитимации их власти?

Обращаясь к данным вопросам, стоит заметить, что традиционная легитимация власти правителя на протяжении всей эпохи викингов, на которую пришлась христианизация Скандинавии, основывалась на военном предводительстве [5. Т. 2. С. 111–112]. Военные походы служили быстрым и эффективным источником для получения предметов элитного потребления. Для определения конкретных механизмов влияния этого и других факторов на власть правителя при проведении христианизации стоит рассмотреть конкретные примеры инструментов, на которые опирались конунги, распространявшие новую веру.

Креститель Норвегии Олаф Трюгвассон, согласно королевской саге из «Круга земного», активно занимался разбоем и ходил в набеги по побережью Северного моря, ещё не будучи конунгом [6. С. 115–117]. После провозглашения Олафа королём всей Норвегии он занялся приведением всей страны к христианству. Сага об Олафе Трюгвассоне сообщает, что Олаф опирался на местную элиту, убеждая влиятельных людей на тингах [6. С. 133]. Конунг использовал для убеждения различные методы: обещания сделать «большими и могучими людьми», угрозы и

насилие – «тех, кто противился, он подвергал жестоким наказаниям, некоторых убивал, других велел покалечить, а ещё других изгонял из страны», пока «весь народ не принял христианство» [6. С. 133–134]. Среди других методов: заключение брака с сестрой местных вождей [6. С. 135] и жалование земельных владений лояльным представителям знати, проходившее параллельно с отъёмом собственности у нелояльных конунгу людей [6. С. 136, 147]. Принуждение креститься имело не только религиозный смысл – бонды требовали от Олафа участия в жертвоприношениях, апеллируя к примеру Хакона Доброго, при котором они сохраняли значительную независимость – Олаф же брал заложников из числа родственников местных вождей как залог личной лояльности последних ему [6. С. 141–142].

Ари Торгильссон в «Книге об исландцах» приводит интересное свидетельство, отражающее мотив для принятия христианства в Исландии на альтингге, связанный с легитимностью применения правовых норм: Торгейр со Светлого озера обосновывал необходимость крещения невозможностью согласованной политики в обществе христиан и язычников: «дела запутаются безнадежно, если здесь в стране не будет одних законов для всех» [7. С. 285].

Помимо этого, Олаф также основал город Нидарос, ставший важным торговым пунктом и клерикальным центром, что стало предпосылкой для образования постоянной столицы [6. С. 142]. Влияние Олафа, помимо Норвегии, простёрлось далеко за море – христианство приняли независимые политически, но тесно связанные с Норвегией экономически Исландия и Гренландия [6. С. 150]. Вероятно, некоторое усиление связей Норвегии и Руси отражает легендарный сюжет участия Олафа в крещении Владимира Святославича, изложенный в версии Саги об Олафе Трюгвассоне монаха Одда Сноррасона [8. С. 104–105].

Итогом политики Олафа стала централизация норвежских земель в рамках вновь образованного им королевства. Однако

после достижения объединения страны Олаф продолжил организовывать военные походы: по сообщению Адама Бременского, конунг попытался захватить принадлежавшие его жене владения в Земле вендов, однако был застигнут врасплох Свеном Вилобородым при поддержке ярла Эйрика Хаконссона и Олафа Шётконунга, погибнув в битве при Свольдере в 1000 г. [9. С. 350–351]. Хотя, как считал Адам, Олаф не был последовательным христианином, практикуя гадания, при нём христианство смогло широко распространиться в Норвегии [9. С. 350].

Успех христианизации в Норвегии при Олафе Трюгвассоне в литературе однозначно связывается с его военной политикой, силовом навязывании веры [10. Р. 82–83]. Н. Бернед было отмечено, что, хотя пришедшие к власти в Норвегии после смерти Олафа ярлы Эйрик и Свен были христианами, подвижек в распространении новой веры при них не происходило из-за обострения внутривластной борьбы, которую те не сумели прекратить военными методами [1. Р. 136]. Г. С. Лебедев, рассматривая обращение в христианство Скандинавии, признавал решающую роль военной силы, говоря о «типично викингском» способе приобщения к новой вере [11. С. 390–391].

Внутренние обстоятельства проведения массового крещения в Дании и Швеции гораздо менее известны по источникам, однако значительная роль военной политики может быть установлена достаточно определённо. В Дании Свен Вилобородый, став христианином, начал войну с Англией, завершившуюся изгнанием короля Этельреда и занятием данами всего королевства [9. С. 356]. Согласно Англосаксонской хронике, завоевание Англии происходило чрезвычайно успешно, после занятия викингами множества земель англам регулярно приходилось откупаться от войска Свена тысячами фунтов серебра [12. С. 105–107]. Сведения об отправке Свеном английских священников в Данию дали М. Х. Гелтинг и Н. Бернед основания считать, что конунг хотел

снизить с их помощью растущее влияние Гамбург-Бременского архиепископства и потенциальной зависимости от Оттоновской Германии [1. Р. 83]. Это привело к расширению церковной сети Дании: новым религиозно-политическим центром стал Йеллинге, королевская резиденция Кнютлингов [1. Р. 81–82].

Хотя обстоятельства христианизации Швеции известны по письменным источникам чрезвычайно слабо, Олаф Шётконунг, первый достоверно правитель-христианин, добился значительных расширений своих территорий после совместной со Свенном Вилобородым победы над Олафом Трюгвассоном: четыре фьюлька в Грандхейме, оба Мёра, Раумсдаль, Ранрики от Гаут-Эльва до Свинасунда [6. С. 166]. При Олафе в стране было положено начало церковной администрации: «король вскоре основал церковь Божию в Западной Готии, которая соседствует с областями данов и норманнов. Этой [кафедрой] является большой город Скара» [9. С. 359].

Таким образом, легитимация правителя и его роль в период христианизации Скандинавии в целом укладывается в рассматриваемые Х. Дж. Классеном характеристики правителя раннего государства: правитель участвует в перераспределении ресурсов и наделении ими в качестве дара за службу и лояльность (случай Норвегии), имеет важную связь с установлением законодательства (случаи Норвегии, Дании, Швеции, опосредованно – Исландии), использует брак для закрепления власти (случай Норвегии). Однако наиболее важной, широко представленной во всех примерах составляющей института верховной власти в период христианизации стало военное предводительство. Активная военная политика конунгов-крестителей, при всей социально-экономической подоплёке, при таких обстоятельствах вряд ли может рассматриваться как продиктованная исключительно прагматичными соображениями. Концепт удачи (и в первую очередь – удачи в войне) в Скандинавии был обязательным ат-

рибутом «идеальной» личности [13. Р. 276]; отдельно стоит заметить, что «конунговой удачей» правитель мог поделиться со своими соратниками через службу ему [14. С. 57]. А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенским была исследована связь концепта щедрости правителя с его военной удачей [15. С. 28–29, 43–45]. В этом свете война в период христианизации не может быть отнесена к только практическим способам обогащения правителя и его окружения – представляется возможным предположить, что в условиях смены религии и значительной опоре на аппарат насильственного принуждения, конунги-христиане должны были искать возможности легитимации своей власти и через сакральный аспект – источника военной удачи, что проявлялось в организации крупномасштабных военных кампаний.

Таким образом, преобразование политий-вожеств в ранние государства, на которое пришлось распространение в Скандинавии христианства, заставило правителей искать возможности легитимации собственной власти в новых религиозных и политических условиях на основе старых методов, которыми выступили не только военно-силовое принуждение и перераспределение благ, но и задействование традиционных представлений о сакральной фигуре правителя и его связи с военной удачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berend N. Christianization and the rise of Christian monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' p. 900–1200. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 445 p.
2. Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древняя Русь и Скандинавия: избранные труды. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2011. С. 15–34.
3. Грот Л.П. Ранние формы политической организации в истории Скандинавских стран в освещении шведской историографии // Ранние формы политических систем. СПб. : Наука, 2012. С. 189–235.

4. Классен Х.Дж.М. Раннее государство: структурный подход // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год: Древняя Русь и Средневековая Европа: возникновение государств / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 8–90.
5. Семенов Ю.И. Война и мир в ранней истории человечества : в 2 т. Т. 2: Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах. М. : ИЭИА, 1994. 247 с.
6. Снорри Стурлусон. Круг Земной / отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М. : Наука, 1980. 687 с.
7. Тороп В. Книга об исландцах // Норманны на Руси : в 4 кн. Кн. 3: Ингвар Путешественник. Быково : Императорское Русское историческое общество, 2015. С. 276–293, 294–455.
8. Сага об Олафе Трюгвассоне монаха Одда Сноррасона // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. V: Древнескандинавские источники / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинова. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 101–105.
9. Бременский А. Деяния архиепископов гамбургской церкви // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий / пер. И.М. Дьяконова, В.В. Рыбакова. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 297–449.
10. Sanmark A. Power and Conversion – A comparative study of christianization in Scandinavia. Uppsala : Universitetsstryckeriet, 2004. 332 p.
11. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб. : Евразия, 2005. 640 с.
12. Англосаксонская хроника / пер. с англ. З.Ю. Метлицкой. СПб. : Евразия, 2010. 288 с.
13. Sommer B.S. The Norse Concept of Luck // Scandinavian Studies. 2007. Vol. 79, № 3. P. 275–294.
14. Гуревич А.Я. История и сага. М. : Наука, 1972. 198 с.
15. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контурсы русско-варяжского культурного взаимодействия. 2-е изд., испр. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 192 с.

А.А. Геворкян

РЕКЛАМНЫЕ ПРИЁМЫ В ТОМСКИХ ГАЗЕТАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В конце XIX – начале XX вв. рекламная политика в периодической печати активно развивалась, вместе с чем развивались и рекламные приёмы. В работе проведен анализ и сравнение особенностей рекламных приемов двух газет – «Сибирский вестник» и «Сибирская газета» – одних из самых популярных частных периодических изданий, выходивших в Томске. Автор приходит к выводу, что благодаря рекламным объявлениям развивалась экономика, а люди получили возможность быстро узнавать об актуальной информации.

Ключевые слова: реклама, газета, рекламные приёмы, рекламные объявления, периодическая печать

Реклама в периодической печати является зеркалом повседневной жизни, она отражает общественные отношения, раскрывая их с разных сторон. Взаимобратным процессом является тот, в котором на развитие рекламы оказывают влияние технологии, спрос, рождающий потребности в какой-либо сфере, при том, что реклама также оказывает своё влияние на человека, на его образ мыслей, тем самым навязывая ему определенную продукцию [1].

Историографическая база по теме периодической печати не составляет большого количества литературы. Лишь в постсоветский период постепенно появляются исследования о рекламе именно в сибирской периодической печати XIX–XX вв. [2]. В современности же существует не мало исследований по данной тематике, однако практически нет исследований, посвящённых изучению специфики рекламной политики периодической печати Томской губернии [3. С. 310]. Таким образом, целью данного исследования является изучение особенностей реклам-

ной политики в Томской губернии в XIX–XX вв., а точнее – используемым рекламным приёмам.

В Томской губернии периодическая печать развивалась с разной скоростью, а лидером среди городов был Томск, губернский центр. Именно в Томске с 1857 по 1916 г. издавалось около 40 газет и журналов разных типов [4]. Из этого следует, что и реклама в Томске развивалась быстрее, чем в остальных городах губернии. Со временем реклама стала промежуточным элементом между владельцами средств информации с промышленным капиталом и его интересами.

Газета «Сибирский вестник» выпускалась в Томске еженедельно с 1885 по 1906 г. Помимо этого, она выпускалась в таких городах, как Санкт-Петербург, Омск и Иркутск. Тот факт, что она выпускалась не только в Томске подтверждается тем, что в газете есть информация о продажах в других сибирских городах (например, в Омске).

В «Сибирском вестнике» публиковались статьи о политике, литературе и общественной жизни Томской губернии и, конечно же, в газете с течением времени довольно часто встречались рекламные объявления. А точнее, они находились на первой и последней страницах газет; чаще на последней, что наталкивает на предположение о том, что, вероятно, публикация рекламы на первой странице была в той или иной степени дороже.

С первых выпусков 1885 г. «Сибирского вестника» рекламные объявления выделяют рамками, которые со временем становятся всё ярче и сразу бросаются в глаза. Появляются небольшие рисунки (домики) рядом с соответствующими объявлениями, а также появляется всё больше различий между оформлением рамок объявлений. Далее происходит изменение в шрифтах (наклоны), каждое объявление приобретает индивидуальные черты, – это приём изобразительного контраста, ведь гербы, рамки, дизайн в целом создают некий контраст в перио-

дической печати. С 1886 г. газета делилась уже не на 3, а на 5 колонок, что усложнило задачу дизайнерам, ведь нужно было приложить больше усилий для того, чтобы объявления были заметны и выделялись на фоне остальных, таким образом, всё чаще стали использоваться рисунки, а также различные звенья (цепи) в оформлении рамок. Также с 1886 г. количество газетных страниц уменьшилось до четырех (в 1885 г. их было 14), из которых реклама занимала 1–2 страницы (первую и последнюю); относительно этого количества страниц количество и значение рекламы выросли.

Глядя на меняющееся оформление газет, следует отметить, что дизайнеры успешно справились со своей задачей (с 1888 г. появляются объемные изображения, а сами изображения в принципе увеличиваются). Объявления становятся всё более приятными для визуального восприятия, что, безусловно, манит покупателя к рассмотрению товара или услуги.

Здесь прослеживается и приём «скрытой рекламы», а именно product placement. Например, уже с начала осени 1885 г. в газетах размещают информацию о том, что открыта подписка на следующий год, а также о том, что журнал в будущем году выйдет 104 раза.

Другим рекламным приёмом считается приём эстетического оформления фирменного знака. Сюда относятся гербы, а также в целом фирменные знаки определенных магазинов. Такие приёмы встречаются недостаточно часто, однако на данный момент достаточно проблематично оценивать этот фактор, ведь нельзя это проверить, посмотрев, например, на вывески в магазинах XIX в.

Необходимо выделить такую категорию, как некорректную рекламу, под которой подразумевается вид рекламы продуктов (чаще всего лекарственных и косметических средств), применение которых может привести к отрицательным последствиям [5].

Так, например, в выпуске № 48 1887 г. говорится о чудодейственном средстве под названием «Березовый бальзам», которым, согласно инструкции, нужно по вечерам смачивать кожу лица и, в таком случае, от кожи отделяются некие чешуйки, что сделает её невероятно нежной и придаст ослепительную белизну.

Постепенно происходило внедрение премиальной торговли, которая характеризуется чёткой систематизацией объявлений. Так, с 1889 г. похожие категории объявлений стали структурировать и размещать в одну колонку (например, объявления из категории «продаётся»). В 1890 г. появилась классификация по алфавиту (например, в выпуске № 42 по алфавиту составили список лиц, имеющих телефонные аппараты, которые доступны томской сети).

Следующим источником с рекламными объявлениями в данной работе является «Сибирская газета» – первое частное периодическое издание Западной Сибири, которое выходило в Томске с 1881 по 1887 г. еженедельно, в 1888 г. – 2 раза в неделю. В газете публиковалась информация об актуальной политике, литературе и общественной жизни.

В первом номере за 1881 г. реклама присутствует только на последней из восемнадцати страниц, при этом там уже содержится герб, что говорит читателю об использовании приёма изобразительного контраста или же эстетического оформления фирменного знака. Также с первых выпусков можно заметить различие в шрифтах и наличие различных рамок в рекламных объявлениях, из-за чего та или иная публикация сразу бросается в глаза.

Со временем реклама занимает всё больше места на бумаге, размещается на нескольких страницах. В четвертом выпуске газеты (1881 г.) в рекламном объявлении о магазине обуви изображены указательные пальцы с двух сторон, указывающие на слово «обуви», написанное заглавными буквами. Такие же ука-

зательные пальцы изображены в объявлении о продаже письменного стола в издании «Сибирский вестник» в выпуске № 8 за 1885 г. И в дальнейшем, подобные картинки будут встречаться читателю. Из этого нужно сделать вывод о том, что данный приём относится к изобразительным средствам рекламы, а именно к симметрии.

Некоторые афиши дублировались из выпуска в выпуск, из-за чего читатель их мог невольно запомнить, так было и с газетой «Сибирский вестник». С течением времени в газете «Сибирская газета» объявления начинают публиковать и на первой странице.

В газетах нашел применение рекламный приём, при котором называя общеизвестных лиц автор текста пытается привлечь внимание клиента, так, например, в выпуске № 19 за 1881 г. в одном из объявлений крупным шрифтом выделено имя императора Александра III; в выпуске № 30 за 1882 г. выделено имя Э.Г. Фелзенмайера, судя по объявлению, известного публике своим магазином. В выпуске № 37 за 1881 г. задействован приём использования цифр, когда ярко выделенная цифра должна привлечь внимание читателя, а далее он прочитает объявление.

Уже в последнем выпуске газеты за 1881 г. (№ 43) реклама занимает шесть последних страниц и часть первой, из двадцати четырех страниц в целом. А в выпуске № 1 за 1882 г. количество страниц сокращается до двенадцати, из которых реклама размещена на двух последних и на части первой страницы. В этом выпуске использован приём привлекательного термина, в данном случае это некий «пульсометръ», как уточняется уже мелким шрифтом, это паровой насос.

В выпуске № 38 за 1884 г. крупным шрифтом говорится о компании «Зингеръ» в Нью-Йорке, которая, должно быть, является общеизвестной местному населению. Таким образом, в данном случае использован приём добавления к рекламе перечня солидных партнеров, ведь если компания сотрудничает с из-

вестными партнёрами, это привлечёт внимание публики, а возможно и вызовет доверие.

Объявления становятся всё ярче, каждое выделяется по-своему так, что у читателя порой разбегаются глаза, всё чаще дизайнеры прибегают к яркому художественному оформлению. Реклама занимает всё больше места как на страницах периодических изданий, так и в жизни людей, хотя, возможно, иногда они этого до конца не осознают. Газета делилась на два столбца, но с 1888 г. было разделение на три колонки; реклама же сначала публиковалась чётко по колонкам, а в дальнейшем занимала все больше места, не обязательно попадая под разделение.

Сравнивая «Сибирский вестник» и «Сибирскую газету», необходимо указать, что, наблюдая за развитием каждой из них, читатель может проследить, как росли роль и количество рекламы. В газетах становилось всё больше визуальных образов товаров, росли также и их масштабы. В выпуске газеты «Сибирский вестник», в частности, было четыре страницы, из которых рекламные объявления занимали до половины выпуска. В «Сибирской газете» же количество страниц в одном выпуске варьировалось от двенадцати до двадцати четырёх, и, в зависимости от количества страниц, публиковалась реклама (например, в газете с двадцатью четырьмя страницами, реклама занимала семь). В обеих газетах использовались такие приёмы, как приём изобразительного контраста, эстетического оформления знака. Но были и приёмы, которые встречались лишь в «Сибирской газете», например, приём использования цифр. Зачастую в газетах рекламные приёмы были схожи, ведь они выпускались в один период, соответственно, рекламная политика периодической печати того периода совпадала. Помимо этого, в данных газетах могли встречаться и одинаковые объявления (например, объявление о роялях К.М. Шредера («Сибирский вестник» – выпуск № 35, 1887 г., «Сибирская газета» – выпуск № 16, 1887 г.).

Рекламные объявления были основным, а иногда даже единственным источником доходов газет, из-за чего объёмы соответствующих текстов росли [1]. Вместе с объёмами менялось и содержание публикаций: они становились красочнее, формулировки – точнее, и использовались всё более действенные рекламные приёмы, направленные на привлечение внимания потребителей. Таким образом, рекламные объявления прессы рубежа XIX–XX вв. позволяют сформировать представление о развивающейся экономике, а также об общественной жизни в томской губернии (встречаются как объявления о продажах, о помощи от студентов, т.е. репетиторстве, так и о различных концертах, включая программу).

ЛИТЕРАТУРА

1. Коротеева Л.М. Развитие рекламы в российских печатных периодических изданиях в XIX–XX веках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 4 (17). С. 108–113.
2. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.): указатель газет и журналов. Томск : Ветер, 2009. 144 с.
3. Жилиякова Н.В. Сибирская газета // Томск от А до Я : краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 440 с.
4. Жилиякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания : учеб. пособие. Т. 1. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 292 с.
5. Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы. СПб. : Питер, 2002. 304 с.

М.В. Герасимов

**«КРАСНЫЕ ИЛИ ТРЁХЦВЕТНЫЕ?»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВЛАСТИ
В ПЕРВЫЕ ПОСТСОВЕТСКИЕ ГОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ ТОМСКА)**

В работе рассматривается процесс легитимации новых властных структур в Томске через формирование властной топографии в переломную для страны эпоху. Отмечается, что одним из механизмов реализации нового властного дискурса являлось использование городских мест памяти, потерявшие своё прямое функциональное назначение и ставшие частью актуальной политической жизни в городе.

Ключевые слова: постсоветские годы, Томск, городское пространство, «Мемориал», места памяти

Процесс распада советских политических и идеологических структур в 1991 г. катализировал деятельность различных социальных субъектов и институтов, репрезентирующих различный спектр установок в отношении недавнего прошлого. В данном контексте важным и одним из наиболее обсуждаемых вопросов стала тема советского символического наследия, сосредоточенного в городском пространстве новой власти. Данное пространство следует рассматривать как поле упорядоченных и выстроенных в соответствии с некоторым замыслом политических репрезентаций в виде устоявшихся символических элементов (топонимика, праздники, мемориальные места). В реалиях первых постсоветских лет представители новых политических структур не только применяли акты символического действия, но и вовлекали значимые места городского пространства в реализацию властного дискурса с целью собственной легитимации [1. С. 266].

Цель работы – определить основные векторы формирования постсоветского политического пространства города Томска. Основным источником выступили материалы региональных периодических изданий, активно использовавшиеся в качестве средств агитации и идеологической борьбы различными субъектами в политическом пространстве постсоветского времени. Например, газеты «Красное знамя» и «Народная трибуна» придерживались левоцентристских позиций и отражали интересы бывших руководителей промышленных государственных предприятий и партийных лидеров. В свою очередь, газета «Томский вестник», учрежденная представителями томского горсовета, придерживалась правоцентристских позиций и поддерживалась демократическими организациями и депутатами. Соответственно, сами материалы периодической печати могут выступать в качестве особого идеологического поля, на котором разворачивалась символическая борьба различных общественно-политических сил.

Процесс острой политической борьбы в 1990–1992 гг. обуславливал представителей властвующей элиты участвовать в использовании и интерпретации коллективного прошлого [2. С. 182]. В пространстве Томска одним из ключевых агентов в области работы с недавней советской историей выступило созданное 10 декабря 1988 г. историко-просветительское общество «Мемориал». Его руководители во-многом определяли контуры публичного пространства, оказывавшего существенное влияние на символические стратегии томских политиков. В частности, уже в июне 1989 г. в сквере напротив здания горисполкома был заложен закладной «Камень Скорби» в память о жертвах сталинизма, после чего по решению облисполкома был объявлен конкурс на составление проекта будущего мемориального комплекса. «Открывая траурный митинг, – писали в газете «Красное знамя», – первый секретарь Томского горкома КПСС В.М. Ке-

тов сказал, что в расположенном рядом здании бывшего НКВД творились беззакония. От этих фактов истории отвернуться нельзя, об этом надо помнить всегда» [3. Л. 2].

Пространство сквера напротив здания городской администрации оказалось вовлечено в реализацию властного символического дискурса, связанного не только с тотальным отрицанием советского прошлого, но и с обращением к «золотому веку» дореволюционного времени. В частности, это проявлялось при обсуждении того, какие архитектурные объекты оформят будущей мемориальный комплекс. Так, в 1990 г. в Томске был проведен открытый конкурс на проект памятника жертвам политических репрессий, среди представленных 20 проектов, общественное жюри выбрало проект памятника в виде православной часовни, который, в свою очередь, не удалось реализовать из-за протеста мусульманской общины Томска и финансовых проблем в городе. В конечном счёте, основой памятника жертвам политических репрессий стал закладной камень, над которым возвышалась мраморная арка. Данный проект архитектора В.Ф. Косоногова был открыт и освящен 25 октября 1992 г. в присутствии городских жителей и представителей властных структур, подписавшие акт о принятии памятника на баланс городской администрации [4. Л. 1].

«Открытие памятника происходит в тяжёлое для нас время, – говорил в своей вступительной речи при открытии памятника сопредседатель «Мемориала» Н.В. Кандыба, – но, давайте, сегодня отвлечёмся от наших жгучих проблем, постоим здесь и вспомним наше трагическое прошлое, а вместе с этим всех тех, кто стал жертвой большевистского террора и не только на нашей томской земле» [5. Л. 2].

Городское пространство возле здания бывшего горотдела НКВД в Томске оказалось примером места памяти, участвовавшего в формировании коллективной постсоветской идентично-

сти, причем мемориальная функция этого места теряла своё прямое функциональное значение, становясь частью реализации дискурса власти и оказывая влияние на различные символические практики новых властных структур. Важным днём для их реализации стало 7 ноября 1991 г., когда различные общественно-политические силы определяли тактики празднования 74-й годовщины Октябрьской революции, ставшего последним для советского государства. В этом контексте сквер памяти стал местом притяжения антикоммунистических сил, проводившие траурную трёхчасовую вахту у Камня скорби. «Перемены укореняются в нашей жизни, и походит на то, что дата 7 ноября навсегда поменяет красный цвет на черный, – писали об этом событии в газете «Томский вестник», – у подножья Камня скорби по традиции горели свечи, затепленные в память о жертвах большевистской власти, рядом появился импровизированный стенд с кратким экскурсом в глубины истории советского государства» [6. Л. 3].

Политическая репрезентация последователей социалистической власти в городском пространстве также была оформлена в день празднования Октябрьской революции. Представители бывших районных комитетов, областного и городского Совета ветеранов организовали шествие от площади Ленина до площади Революции, где возложили цветы у памятников. Примечательно, что сама городская власть не выработала четкой стратегии по отношению к празднованию дня Октябрьской революции. Об этом свидетельствует тот факт, что члены исполкома городского совета не могли определиться с выбором необходимой праздничной атрибутики [7. Л. 1].

Показательно, что сами участники этих мероприятий подчеркивали наличие негласной символической борьбы в городском пространстве. «Был один из годов, когда мемориальцы, бывшие политзаключенные стояли в Сквере памяти небольшой колон-

ной, а рядом люди с красными флагами... И сложилось такое, почти немое противостояние» – вспоминал один из членов общества «Мемориал» [8].

Стоит отметить, что в редких случаях городским властям удавалось обеспечивать компромиссные решения на поле символической борьбы. Так, 9 мая 1992 г., при проведении вечера, посвященного ветеранам войны, у входа в здание военной кафедры ТГУ развевались два флага – российский и красный советский. «Может быть, вешать такой флаг теперь и «не положено», – писали корреспонденты университетской газеты «Alma Mater», – но нельзя забывать, что именно с ним шли солдаты в бой, его спасали, нередко ценою жизни, от фашистских захватчиков». [9. Л. 1]. В данном контексте нельзя не согласиться с О.Ю. Малиновой, отмечавшая, что символическое значение Великой Отечественной войны в постсоветское время никем не ставится под сомнение, тогда как «Октябрьская революция вследствие реинтерпретации в медийном дискурсе стала предметом идеологической конфронтации» [2. С. 188].

Наряду с этим, новые властные структуры и общественные активисты начинали активный процесс реабилитации выдающихся деятелей дореволюционной эпохи, ставшие жертвами репрессий. Так, днём того же 7 ноября 1991 г. символическое позиционирование сторонников демократического движения продолжилось возле дома на углу пер. Нахановича и ул. Гагарина, где несколько десятков томичей при содействии местных ученых, работников музея и сотрудников «Мемориала» наблюдало за открытием мемориальной доски А.В. Андрианову – этнографу, археологу и главному редактору газеты «Сибирская жизнь» в 1917–1919 гг. Инициаторы этой акции рассчитывали на то, что подобные мемориальные практики станут первым шагом на пути к масштабному разрыву с ключевыми советскими символами в городском пространстве. «На очереди – назвать

именем Адрианова одну из улиц города, – писали местные краеведы, – с этой целью, думается, следует убрать из числа томских топонимов одиозное имя Дзержинского» [10. С. 20].

В конечном счёте, начальный этап трансформации городского политического пространства завершился в сентябре 1992 г., когда под предлогом «плановой реконструкции площади» [11. Л. 1] был разрушен крупнейший томский памятник В.И. Ленину на площади Революции, воспринимавшийся как символическое ядро, вокруг которого складывалась топография советской власти в Томске.

Подводя итоги, отметим, что в начале 1990-х гг. на уровне репрезентации власти разрыв с советским дискурсом был обозначен исключительно резко и выражался в стремлении избавиться от советской образности, обратиться к «золотому веку» дореволюционного прошлого, в частности, путём символической реабилитации жертв сталинских репрессий. Подобную идеологическую установку представители демократического движения в городских органах власти определяли в качестве доминирующей с целью маргинализировать любые коммунистические интерпретации социальной реальности. Немаловажно, что активную роль в процессе легитимации новой власти играли неполитические субъекты – учёные, работники культурной сферы, объединённые под крылом общества «Мемориал». В этом контексте на уровне властной топографии Томска начало организовываться новое пространство власти, в котором позиции маркировались необходимой мемориальной атрибутикой (мемориальные доски, красные/трёхцветные флаги, свечи, плакаты) и становились упорядоченными вокруг необходимых мест памяти, создавая, тем самым, политическую карту постсоветского Томска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болтунова Е.М. Рецепция имперского / царского пространства власти в России 1990-х – 2010-х гг. // *Ab Imperio*. 2016. № 2. С. 261–308.
2. Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // *ПОЛИТЭКС*. 2012. Т. 8, № 4. С. 179–204.
3. Эти скорбные и светлые минуты... // *Красное знамя* (Томск). 1989. 17 июня.
4. Кашеев Н. Над камнем скорби – мраморная арка // *Томский вестник* (Томск). 1992. 28 окт.
5. Вступительное слово сопредседателя Томского об-ва «Мемориал» Н.В. Кандыбы при открытии памятника // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: <https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/Pamatniki/KamenSkorbiTOMSK/Vstupitelnoe-slovo-pri-otkrytii-pamyatnika.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
6. В этот чёрный день России // *Томский вестник* (Томск). 1991. 12 нояб.
7. Красные или трёхцветные? // *Томский вестник* (Томск). 1991. 7 нояб.
8. Интервью автора.
9. 47 лет спустя // *Alma Mater* (Томск). 1992. 14 мая.
10. Пойзнер Б. Столь позднее признание // *Томская старина* (Томск). 1991. № 2.
11. Уход // *Томский вестник* (Томск). 1992. 25 сент.

УДК 316.7

В.А. Дудина

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О РЕПРЕССИЯХ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

В статье представлена сравнительная характеристика результатов социологического опроса, посвященного исторической памяти о политических репрессиях у респондентов Красноярского края в возрасте от 18 до 25 лет и от 40 до 60 лет. В результате исследования было выявлено, что старшая группа респондентов имеет более глубокие и полные представления о политических репрессиях, зачастую затрагивающих историю семьи, чем молодое поколение.

Ключевые слова: сохранение исторической памяти, репрессии, Красноярский край, сравнительный анализ поколений, передача знаний между поколениями

Прошлое, настоящее и будущее неразрывно связано между собой. Каждое событие настоящего является следствием прошлого и причиной будущего. Тысячи событий прошлого могут отражаться на современном поколении, передаваясь с помощью историй отдельных людей, которые стали участниками, жертвами или очевидцами событий, затронувших большое количество человек. В результате таких событий появляется историческая память, которая становится связующей нитью между поколениями. Это касается и репрессий, которые затронули огромное количество людей. И хотя большинство участников этих событий умерли, тем не менее, память об их судьбе живёт и в современном поколении, что делает данную тему актуальной для исследования.

Так Бадмаев В. Н. в своей работе говорит о том, что актуальность исторической памяти обосновывается тем, что она может оценивать настоящее, будущее и прошлое и при этом она существует в настоящем [1. С. 78–84]. Так же такие исследователи, как Положенцева И.В., Кашенко Т.Л. пишут в своей работе о том, что историческая память у каждого своя, так как даже если люди были участниками или очевидцами одних событий, то понимали и ощущали происходящее они по-разному [2. С. 42–46]. Кроме того, доказывая важность сохранения исторической памяти, учёные пишут об исторической памяти как о средстве формирования идентичности [3. С. 114–123].

Исследование основано на социологическом опросе 110 человек и направлено на анализ сохранения исторической памяти у разных поколений. При этом респонденты были разного пола и возраста, а также имели разные профессии и уровень образования: 68 % женщин и 32% мужчин; в возрасте от 18 до 60 лет.

Опрос состоял из нескольких блоков вопросов: вопросы о персональных данных респондентов; вопросы, выявляющие наличие знаний о влиянии репрессивной политики на историю семьи; вопросы, устанавливающие особенности психологического восприятия репрессий респондентами; а также вопросы о механизмах сохранения и передачи исторической памяти внутри семьи.

Территориальные рамки данного исследования охватывают населённые пункты Красноярского края: деревня Тальцы Новоселовского района, село Новая Солянка Рыбинского района, посёлок Красная Сопка Назаровского района, город Красноярск, Назарово и Канск, Енисейск, Ачинск, Железногорск, Бородино, Зеленогорск.

В результате, при сравнении опросов двух поколений, первое 18–25 лет и второе 40–60 лет, мы увидели, что респонденты от 18 до 25 лет только на 26% точно знают о том, что их родственники были репрессированы, а 64% не могут точно сказать, был ли кто-то из родственников репрессирован.

При этом люди от 18 до 25, неуверенные в том, были ли их родственники репрессированы объясняют это тем, что они никогда не интересовались данной темой. В меньшем количестве присутствуют и другие объяснения: нет живых родственников, есть те, кто спрашивал, но им либо вообще ничего не отвечали, либо отвечали, что сами не знают, а кто-то просто не может получить доступ к сведениям, которые хранятся в архиве.

У поколения людей в возрасте от 40 до 60 лет статистика показывает совершенно другую картину. Они достаточно много знают об истории своей семьи, поэтому может чётко сказать, был ли кто-то репрессирован или нет. Так статистика показала, что у 67 % людей из старшего поколения были репрессированные родственники, а у остальных таких родственников не было.

Кроме того, даже анализируя осведомлённость респондентов о фамилии, имени и отчестве репрессированного, а также степе-

ни родства с репрессированным родственником, можно заметить разницу у поколений. Так если среди людей от 40 до 60 лет фамилию, имя и отчество и степень родства репрессированного родственника знают 40%. А ещё 15% знают только степень родства.

Среди людей от 18 до 25 только 23% знают степень и имя репрессированного. При этом 11% респондентов данного возраста знают только степень родства с репрессированным родственником.

Различия в сохранности исторической памяти у разных поколений можно увидеть и при анализе того насколько подробно они знают судьбу репрессированного родственника, то есть знают ли они по какой причине был репрессирован родственник, как и в каких условиях он пережил репрессии, повлияло ли это на его дальнейшую судьбу после реабилитации. Так среди людей от 18 до 25 лет подробно знают только 19%, остальные же – 81% только основные моменты. А среди старшего поколения наоборот подробно знают большинство респондентов.

Естественно, что разница прослеживается и в том, как они получали информацию о своих репрессированных родственниках. Респонденты в возрасте от 18 до 25 знакомились с судьбой репрессированного родственника только на 8% через рассказы непосредственно репрессированного, причём иногда с раннего детства, а на 34% от более молодых родственников. Респонденты же от 40 до 60 лет в большей степени смогли получить информацию лично от репрессированного – 14%, а остальные 86% от других родственников.

Если более подробно рассматривать возраст, когда респонденты узнали о судьбе репрессированного родственника или им начали про это рассказывать, то можно увидеть, что среди людей в возрасте от 40 до 60 большинство узнавали в промежутке 20–30 лет. А среди респондентов в возрасте от 18 до 25, большинство узнавали в 10–15 лет. При этом среди респондентов обоих поколений есть те, кто узнавал в более раннем возрасте.

Так самым ранним возрастом, когда человек узнал о влиянии репрессий на семью оказалось 5 лет.

Однако независимо от возраста, все респонденты восприняли информацию о репрессированных родственниках по-разному. Поэтому нельзя выделить четкого процентного соотношения. Кто-то ничего не почувствовал, кто-то почувствовал возмущение, шок, злость, печаль и даже ненависть.

Отличается и отношение респондентов к репрессиям, после того как, они узнали о судьбе родственника. Среди более старших респондентов большинство относятся к репрессиям и их влиянию на судьбы людей крайне негативно, так как, по их мнению, репрессии проводились неоправданно, бездоказательно, без суда и следствия, бесчеловечно и считали их трагической историей народа и каждой семьи. Но при этом есть и менее популярное мнение среди более старших респондентов, о том, что к репрессиям надо относиться объективно и с пониманием существовавшего тогда положения вещей и крайней необходимости решений, порой кажущихся сегодня слишком жёсткими.

Большинство респондентов в возрасте от 18 до 25 лет считают репрессии историческим фактом, при рассмотрении которого нельзя руководствоваться чувствами. Но 40% респондентов в этом возрасте отрицательно оценивают репрессии.

После того, как респонденты узнали о судьбе репрессированного родственника, они стали сомневаться в решениях, которые принимало советское правительство. Среди респондентов в возрасте от 18 до 25 лет – 40%, а среди респондентов в возрасте от 40–60 лет – 52%. Но это никак не отразилось на отношении к репрессированному родственнику. Наоборот, несколько респондентов стали гордиться своими родственниками, за то, что они смогли преодолеть такие тяжёлые испытания.

Кроме того, респонденты 40–60 лет отмечают, что после того, как они узнали о судьбе репрессированного родственника, то

они поняли, что необходимо оставаться сильным и храбрым, несмотря на судьбу и не все наказания справедливы. Также они увидели влияние данной информации и на их дальнейшую жизнь. Одни решили заняться исследованиями данной темы, чтобы узнать правду. Другие стать полицейским, для того, чтобы охранять закон. Многие стали серьезней относиться к принятию решений, так как не всегда то, что кажется на первый взгляд, на самом деле является таковым.

Несмотря на разницу поколений, среди респондентов, как в возрасте 18–25, так и 40–60 лет 70% стали ли вы больше ценить свою жизнь, семью, друзей.

Рассматривая отношения респондентов и их семей к сохранению памяти о репрессированных для будущих поколений, можно заметить, что старшее поколение респондентов больше настроено на сохранение памяти, так как 37% до сих пор хранят личные вещи, фото или дневники репрессированных родственников. В то же время среди более молодого поколения респондентов можно заметить обратное, так как среди них только 17% хранят вещи репрессированного. И при этом более 40% среди респондентов от 18 до 25 лет точно не могут ответить, хранятся ли что-то в их семье, так как или не спрашивали об этом, или спрашивали, но им не отвечали.

Но с другой стороны, анализируя, продолжают ли респонденты интересоваться темой репрессий, в том числе читать журналы, книги или искать новые сведения о репрессированных родственниках, то картина складывается противоположная, так как среди респондентов 18–25 лет – 26%, а среди респондентов 40–60 лет – 21%.

При этом обе группы респондентов считают, что необходимо сохранять воспоминания, чтобы это не повторилось в будущем и понимания ценности жизни. Кроме того, они говорят о том, что в этой теме ещё очень много белых пятен, а посредством

сбора таких исторических источников, можно получить больше достоверной информации о тех событиях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что историческая память о репрессиях лучше сохранилась у респондентов в возрасте от 40 до 60 лет, так как они лучше осведомлены о влиянии репрессий на судьбу их семьи. При этом они не просто продолжают помнить влияние репрессий, но и сохранять и передавать следующим поколениям эти знания. Среди же респондентов 18–25 лет знают о влиянии репрессий на судьбу родственников гораздо меньше опрошенных. Кроме того, они в большинстве не стремятся об этом узнать от родственников или через изучение доступной информации в СМИ, интернете и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадмаев В.Н. Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 1 (13). С. 78–84.
2. Положенцева И.В., Кащенко Т.Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 42–46.
3. Грак Е.А. Память о депортации как фактор этнической идентичности (на примере немцев красноярского края) // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2019. № 2. С. 114–123.

УДК 930.2

Д.В. Игнатьев

«ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА» И «СВЯТАЯ ГОРА» КАК «МЕСТА ПАМЯТИ» В ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ МАКСИМА ГРЕКА

В статье рассматривается вопрос об эвристическом потенциале методологии memory studies при анализе творчества Максима Грека. Поднимается вопрос о специфике самоидентификации писателя с помощью конституирующих «мест памяти». Приведены примеры ис-

*пользования «мест памяти» московским писателем в своих трудах. Делается вывод о причастности Максима Грека к *memoria ecclesiae*.*

Ключевые слова: Максим Грек, «места памяти», идентичность, церковная память, Святая гора

Выдающийся русский писатель XVI в. греческого происхождения Максим Грек – исключительное явление для русского средневековья. Рождённый в 1470 г. в греческом городе Арте, Михаил Триволис (мирское имя Максима Грека) прошёл нелёгкий путь, оказавшись к концу своей жизни (1556 г.) причастным, по замечанию И. Шевченко, к четырём мирам: греческому, западному, молдавлахийскому и московскому [1]. Византийский интеллигент был склонен идентифицировать себя с окружающими его духовным и физическим пространствами [2. С. 12], что ставит вопрос об использовании методологии «мест памяти» при изучении его сочинений «московского периода». Данная работа призвана подтвердить её верифицируемость на материалах сочинений московского писателя.

Под «местом памяти» здесь следует понимать, как конкретные географические локусы, явления, процессы, события, укоренившиеся в памяти конкретного человека, так и комплекс различных элементов, способствовавших самоидентификации, в том числе в том числе – топосы и дискурсы, складывающиеся в некотором обществе. Рабочую схему возникновения «мест памяти» и признания их в качестве таковых предложил Л. Штайндорфф [3. С. 17]. Схема состоит из трёх блоков. Во-первых, нужно обозначить то, «что необходимо помнить» посредством конкретного «места памяти» (его этническую, региональную, конфессиональную принадлежность). Во-вторых, показать, «что определяет конкретное «место памяти»». В-третьих, охарактеризовать тех, «кто признаёт это место памяти». В качестве «акцептирующего субъекта» «мест памяти» автор предлагает рассматривать как общество, так и конкретные институции, и индивидуумов.

Именно таким «индивидуумом» и актором «горячей» функции памяти, присущей, как полагает Я. Ассман, формирующимся идентичностям [4. С. 72], святогорский монах выступил в годы своего пребывания в России.

Прибыв в Москву в 1518 г., афонский инок постепенно стал консолидирующей фигурой для кружка лиц, объединившего его московских помощников и учеников. Эта «Московская академия Максима Грека» [5. С. 166] руководствовалась задачами, поставленными перед Святогорцем великим князем Василием III – переводом и исправлением священных текстов. Единая идея – просвещение православного мира – объединяла Максима Грека и его единомышленников, и «священные книги» и их переводы в соответствии с ней становились неотъемлемым «местом» «церковной памяти», которое признавала «академия».

Перевод Бесед св. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, выполненный русским книжником Селиваном под руководством Максима Грека, сопровождался «*Посланием россиянам, сербам и болгарам о переводе Бесед св. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея*» (составлено около 1524 г. [6. С. 60]). В «Послании» Максим Грек, называющий себя «святогорцем из священной обители Ватопедской», обращается народам православной ойкумены, скреплённым пространством *memoria ecclesiae* [7]. Все ещё осознавая себя Святогорцем, несмотря на оставшееся без ответа прошение великому князю Василию III (1522 г.) отпустить его назад к Святой горе [2. С. 141], инок продолжает делать переводы в соответствии с монашеским послушанием.

Новым этапом в жизни Максима Грека станут его вовлечение в политические и идеологические конфликты московского общества, обвинение его «академии» в ереси (суды 1525 и 1531 гг.) и заточение инока сначала в Иосифо-Волоколамском и позднее Тверском монастырях.

К этому периоду относится одно из важнейших произведений старца, написанных после соборных осуждений 1525 и 1531 гг., – «Исповедание православной веры Максима инока из Святыя горы, им же извещает о Христе Иисусе всякого православного священника же и князя, что по всему истиннейши есть православен ино, всю православную веру соблюдая целу и непременну и непорочну» [8. С. 51]. Примерное время написания этого сочинения – после 1538 г., а его целью стало доказательство иноком чистоты своей веры и отсутствия «еретического порока» перед московскими церковными и светскими властями, судами и судьями [2. С. 186, 190].

Перечисляя обвинения властей, осуждённый инок выделяет, во-первых, обвинение в ереси («еретика мене неповинна чело-века называти не страшатся»), во-вторых, обвинение в государственной измене («и врага и изменника богохранимыя дрежавы Руская»). Следом за этим Максим Грек идентифицирует себя как православного христианина и «доброхотного» и «прилежнейшего» богомольца Русской державы («яко благодатию истиннаго Бога нашего Иисуса Христа и правоверен христиань есмь по всему и богохранимыя дрежавы Руская доброхотень и прилежниши богомолец»). Проблема этнической самоидентификации для Максима Грека тесно связана с попыткой инока разграничить юрисдикции вселенского патриархата и московской митрополии (фактически инок прибегает к «божественнымъ правиломъ» и «уставом святых Собор», которые являются составляющими *memoria ecclesiae* [7. С. 35]). Апеллируя к своей греческой родине («грек бо азъ и въ Гречестей земли и родився и въспитанъ и постригся въ инокы»), Максим Грек заявляет, что он «повинень есмь» только Вселенскому Патриарху.

Обратим внимание на следующие «места памяти» «Исповедания», сохраняя внутреннюю последовательность их упоминаний в тексте этого творения – «православная вера», «Святая го-

ра», «держава Русская». Это даёт основание считать, что, во-первых, «православная вера», признаваемая и опальным иноком, и «московскими властями», выступает как консолидирующее «место памяти»; во-вторых, «Святая гора» – остаётся значимее Русского государства. Иначе говоря, [над]региональная идентичность Максима Грека как афонского старца стояла выше идентичности подданного русского государя.

Именно во время пребывания на Святой горе, как замечает Н.В. Синицына, «был заложен фундамент личности, воздвигнуты опоры, позволившие выдержать удары судьбы, испытания, с терпением нести свой крест, груз несправедливых обвинений, клеветы, но также и непрерывавшееся ученое служение» [2. С. 90]. О том, что Святая гора являлась несомненным «местом памяти», признаваемым афонским иноком и остальным православным миром, свидетельствуют неоднократные обращения к Ивану IV как самого Максима Грека [9. С. 8], так и некоторых иерархов. В грамоте 1545 г. александрийский патриарх Иоаким просил освободить Максима и «дать ему волю итти, куда захочет, а прежде всего к месту его пострижения» [2. С. 194]. Максим Грек был назван «учителем православной веры». В 1546 г. константинопольский патриарх Дионисий II просит освободить узника Московской державы не только от своего имени, но от лица иерусалимского патриарха и всего Собора [2. С. 194].

Своеобразную «сумму» своего жизненного пути теперь уже московский писатель и старец подводит в письме к Макробию (1552 г.), где с некоторой долей иронии он называет себя некогда бывшим «жителем Эллады», который «ныне стал Гипербореицем» и именует Россию «святейшей» [10. С. 240]. Так недружелюбная Россия, пленником которой оказался Святогорец, окончательно утверждается Максимом Греком как часть православного мира, тождественная, вероятно, Святой горе. Региональная же самоидентификация отходит на второй план, «грече-

ский писатель» стал «московским книжником», но остался православным иноком, духовным индикатором родины которого является прежде всего «святость» этой самой родины.

Подводя итог исследования, можно утверждать, что методология «мест памяти» может быть использована при анализе наследия Максима Грека. Представляется, что инок, на протяжении всей жизни идентифицировавший себя со «Святой горой» (выражение прежде всего конфессиональной идентичности, сакрального пространства, и лишь потом региональной идентификации), в момент своего прибытия в Москву и создания там первых переводов, был вынужден, прибегая к «православной вере» как к «месту памяти», доказывать свою причастность к коллективной «церковной» памяти. Эта «церковная память», *memoria ecclesiae*, по выражению М. Гардзанити [7. С. 35], будучи признаваемой и Максимом Греком, и русским обществом, оказалась наиболее плодотворным полем для построения диалога между опальным иноком и московскими книжниками. Максим Грек сам был создателем «мест памяти». Удавалось ему это делать не только с помощью составления единых собраний своих сочинений, но и поведения, которое воспринималось его современниками как «подвижничество». О последнем говорит почитание Святогорца, начавшееся ещё при жизни, а также сложившиеся к концу XVI в. сказания об иноке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко И. Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / отв. ред. Р.М. Шукуров. М. : Индрик, 2009. С. 477–492.
2. Синицына Н.В. Максим Грек. М. : Молодая гвардия, 2008. 236 с.
3. Шгайндорфф Л. «Синописис» как «место памяти» Руси // «Места памяти» Руси конца XV – середины XVIII в. / отв. ред. А.В. Доронин. М. : Политическая энциклопедия, 2019. С. 14–24.

4. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
5. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М. : Аспект Пресс, 1996. 368 с.
6. Грек Максим. Непрочитанное / пер. с церк.-славян. И.М. Грицевской; пер. с греч. Д. М. Буланина, Б.Л. Фонкич. СПб. : Дмитрий Буланин, 2021. 288 с.
7. Гардзанини М. Библиейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // Труды Отдела древней литературы. 2007. Т. LVIII. С. 28–41.
8. Максим Грек. Сочинения. Т. 2 / отв. ред. Н.В. Синицына. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 432 с.
9. Журова Л.И. «Гот, кто был элладцем, сегодня стал гиперборейцем...». К 500-летию прибытия Максима Грека в Россию // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17: Журналистика. С. 7–14.
10. Максим Грек. «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на еллинскую прелесть» (перевод Д. М. Буланина) // Труды Отдела древней литературы. 1993. Т. 47. С. 215–228.

УДК 930.1

А.Г. Мананникова

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИОПИСАНИЯ ПОЛЯ РИКЁРА КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Цель работы – конкретизировать идейный вклад раннего Поля Рикёра в дискуссию о проблемах объективности и специфике научной рациональности в истории. В статье рассматриваются основные положения концепции исторической науки, предложенной Полем Рикёром в научном труде «Время и рассказ», во многом предопределившем основные теоретические поиски исторической науки на рубеже XX–XXI веков, показаны характерные для раннего Рикёра способы соотношения проблематики времени и нарративной формы истории, позволяющие историкам формулировать рациональные аргументы для участия в современных методологических дискуссиях.

Ключевые слова: эпистемология истории, «Время и рассказ» Поль Рикёр, нарративная концепция, философия науки

В ходе интервью данного в 1998 году в связи с выходом в России перевода труда «История и истина» Поль Рикёр отметил, что ему «довелось жить долго, и благодаря этому [он] стал современником многочисленных философских течений XX века» [1. С. 11]. Действительно, рассматривая труды этого классика гуманитарной мысли, мы не можем не отметить эту особенность его интеллектуальной биографии: Поль Рикёр прошел долгий путь, он стал современником многочисленных течений, прорывов и поворотов гуманитарного знания. Авторы, изучающие философское наследие Поля Рикёра не раз отмечали, что особенностью его подхода к науке является поразительное чутье, благодаря которому во всей пестроте философских тенденций, зародившихся еще в начале XX века, ему удавалось выявлять те направления, которые в последующем становились классическими течениями философской мысли. Поль Рикёр создал свою эпистемологию, стал классиком мировой гуманитарной мысли, внеся огромный вклад в развитие не только философии, но и смежных с ней областей знания. Особый интерес представляет созданная исследователем эпистемология истории, сумевшая вобрать в себя основные течения исторической мысли, разработанные предшественниками автора.

Для рассмотрения эпистемологии истории, которая трактуется нами как сравнительно новое поле исследований, направленное на рассмотрение специфики исторического знания, созданной Полем Рикёром¹, обратимся к самому крупному и одному из наиболее значимых в карьере философа произведений – монографии «Время и Рассказ». В ходе работы над ним автор поставил перед собой задачу: выявить парадигмы, характерные для всей западной культуры и проследить их развитие в области гу-

¹ В философии науки под исторической эпистемологией понимается история эпистем и их трансформаций.

манитарной мысли. Именно широта предметно-дисциплинарного пространства, охваченного повествованием труда «Время и Рассказ» и привлекает наше внимание.

В основу своих рассуждений о сущности истории как науки Поль Рикёр выносит два тезиса: во-первых, он говорит об «исключительно повествовательном характере истории» [3. С. 108], уточняя, что не в коей мере не считает себя защитником нарративной концепции; во-вторых, указывает, что, «если бы история порвала всякую связь с базовой компетентностью, необходимой для [её] прослеживания, ...она утратила бы свое отличие от прочих социальных наук: она перестала бы быть историчной» [3. С. 109] – на анализе этой связи и будет построено дальнейшее рассуждение автора.

По мнению философа, история, даже наиболее удаленная от повествовательной формы, преемственна нарративному пониманию, однако эта преемственность не устанавливает прямой связи между историей и рассказом. Именно «научные устремления» истории позволяют ей притязать на объяснение, путем описания каждого события и помещения его в исторический контекст, то есть методом единичного причиноменения, а не номотетическим объяснением. Таким образом, история предстает перед нами как «интерпретирующий рассказ», который при помощи постановки гипотез, служащих ориентирами, ограничивающими и направляющими исследование, создает реконструкции, позволяющие не столько познать, сколько понять прошлое: «историческое понимание сводится к тому, чтобы «понять сложное событие, постигая вместе события в целостном и синоптическом суждении, которого не может заменить никакая аналитическая техника» [3. С. 181].

Опираясь на позицию Л.О. Минка, Поль Рикёр привлекает внимание читателей к специфике интеллигибельности¹ истории,

¹ Понятие в философии, обозначающее познание окружающего мира посредством интеллекта.

ретроспективной по своей сути. Историк, по словам Рикёра, вынужден продвигаться в обратном направлении, а значит перед ним представлена полная картина произошедшего, анализируя которую он выстраивает единый рассказ, повествующий о прошлом. Важной особенностью обратного направления исторического исследования является отношение истории к случайностям: «Ее [истории] задача – не подчеркивание случайностей, а сокращение их числа» [3. С. 182], не прибегая, однако, к выведению законов.

Еще одной специфической чертой истории как науки является ее близость к вымыслу, то есть литературным формам представления реальности, обоснованная ее нарративной структурой. Хотя с эпистемологической точки зрения вымышленный и исторический рассказ не могут быть объединены, единство их структуры говорит о том, что история может быть рассмотрена как литературное произведение, ввиду используемых ею средств артикуляции. Отчасти именно неразрывность истории и литературы приводит автора к мысли о том, что история «слишком «подлунная» наука, что быть объяснимой посредством законов» [3. С. 195], напротив, она призывает на объяснение посредством описания.

Как мы видим, связь истории с литературой не вызывает сомнения, но каково место истории в ряду других наук? По мнению Поля Рикёра, современная история не просто находится на одном уровне с науками естественной и математической областей, но и активно заимствует понятийный и методологический аппарат этих наук, создавая новые направления исторического знания, такие как количественная история или история большой длительности.

Возвращаясь к вопросу о дифференциации исторического и вымышленного в повествовательной истории, Поль Рикёр, вслед за М. Вебером, не отрицает использования историками литературных приемов, более того, указывает, что исследователи часто

прибегают к перенесению в «нереальное», чтобы определить роль события в историческом процессе и суметь охватить весь его контекстуальный шлейф. Историография, как бы она не была близка по форме к литературному творчеству, имеет существенное отличие, позволяющее ей претендовать на научность, – историческая интенциональность имеет своим объектом события, действительно имевшие место в прошлом.

В связи с выделением истории как повествовательного по форме, но научного по сути поля, особое внимание автор уделяет временному компоненту исторического рассказа, он задается вопросом: «каким образом можно перейти от временности, которой столь безраздельно завладело бытие-к-смерти, <...> к публичному времени, в котором нуждается историография?» [З. С. 105] Ответом на этот вопрос служит убежденность автора в том, что историк сам конструирует временные параметры, соответствующие его исследованию. Повествуя о событиях прошлого, такое время удовлетворяет запросам метода исследования, сосредотачивая внимание на трех временных точках: «позиция описываемого события, позиция события, по отношению к которому описывается первое событие, позиция нарратора» [З. С. 169], при этом, если временные позиции событий являются предметом исследования, наполняют его содержание, то последняя влияет исключительно на форму текста, так как представляет собой репрезентацию эпистемы автора исследования. Также Рикёр акцентирует внимание читателей на эпистемологической импликации, порождаемой ретроспективной направленностью взгляда историка, называемой парадокс причинности и заключающейся в наделении предыдущего события причинностью по отношению к последующим событиям, что часто может не соответствовать реальности. Автор отмечает, что история не является простым перечислением событий благодаря существующей в ней квази-интриге, организовывающей ее в целое.

В связи с исследованием вопроса о возможности выведения общих законов в истории автор обращается к рассмотрению номологической модели. Поль Рикёр, ссылаясь на исследования У. Дрея, критически подходит к рассмотрению модели подведения под общее (*covering-law model*), суть которой состоит в объяснении события через охват его законом и выделении его antecedентов как причин самого события, а важная особенность – в идеи регулярности, которая позволяет рассматривать как значимые лишь события, имеющие повторяющуюся природу. Критикуя приверженцев модели нежелающих признавать эпистемологическую ценность методов, «которые опираются на эмпатию, понимание или интерпретацию» [3. С. 135], Поль Рикёр говорит о том, что историк акцентирует внимание на уникальном событии, осмысляя его, помещая в широкий контекст и тем самым объясняя. Пере-жить, ре-актуализировать, пере-осмыслить событие – вот задача, которую ставит перед собой исследователь реальности прошлого.

В противовес номологической модели Поль Рикёр приводит нарративистскую концепцию истории. Ссылаясь на труды А.С. Данто и У.Б. Гэлли, он описывает эту модель как лишь частично удовлетворяющую запросу современной исторической науки. Данная модель основывается на повествовательных предложениях – теории дескрипций, приложенной к антропогенным изменениям реальности, помещенным в широкий исторический контекст. Важным для понимания этой модели является понятие прослеживаемости (*followability*) истории, по которой исследователь понимает возможность воспринимать события как единое целое, имеющее направление или развитие, указывая на важность дополнения общего понимания истории её объяснением.

Рассмотрев эпистемологические вопросы истории в широком контексте западной интеллектуальной традиции, теорий и концепций наиболее плодотворных исследователей истории, Поль

Рикёр не только демонстрирует в своей работе глубокое понимание процесса исторического познания, но и излагает свое видение теоретических основ исторической науки. В труде «Время и рассказ» Поль Рикёр создает концепцию эпистемологии истории, которая, несмотря на значительный интерес к философскому наследию автора, остается недостаточно изученной. Отчасти это можно объяснить большим интересом историков к работе «Память. История. Забвение», в которой изложены более поздние и имеющие большую проработанность идеи автора, и которая, как представляется, имеет большую историческую обусловленность, так как в исследовании нашло отражение знакомство автора с материалами семинаров и трудами профессиональных историков. Однако осмысление интеллектуального наследия Поля Рикёра даже в контексте его более раннего творчества важно для понимания роли истории и сущности исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рикёр П. История и истина / пер. с франц. СПб. : Алетей, 2002. 400 с.
2. Мотрошилова Н.В., Апресян Р.Г., Вдовина И.С., Блауберг И.И. Поль Рикёр: истина истории и цивилизация // Поль Рикёр: человек – общество – цивилизация. М. : Канон+, 2015. С. 6–31.
3. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. СПб. : Университетская книга, 1998. 313 с.
4. Mink L.O. Historical Understanding. London : Cornell University Press, 1987. 294 p.
5. Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Избранные произведения / пер. с нем; общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990. С. 416–494.
6. Dray W.H. Laws and Explanation in History. Praeger; Revised ed. Edition, 1979. 174 p.
7. Collingwood R.G. An Essay on Metaphysics. Oxford : Clarendon Press, 1948. 354 p.
8. Данто А. Аналитическая философия истории. М. : ИдеяПресс, 2002. 292 с.

9. Gallie W.B. Philosophy and the Historical Understanding. ACLS Humanities E-Book, 2009. 238 p.

10. Поль Рикёр философ диалога / под ред. И.И. Блауберг. М. : ИФРАН, 2008. 143 с.

11. Аникина А.Б. Концепция истории в трудах Поля Рикера : дис. ... канд. философ. наук. Новосибирск, 2016. 156 с.

УДК 930.2

Е.А. Михайлицина

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕНОЛОГИЯ В ИЗУЧЕНИИ СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ

В статье рассматривается историческая пенология как методологический подход в рамках интеллектуальной истории и новой социальной истории на материалах журнала «Сибирика», посвященных исследованиям сибирской ссылки. Автор полагает, что изучение пенитенциарных систем с использованием современной исследовательской методологии позволяет рассмотреть изучаемые явления во всем многообразии их социальных, культурных, экономических и прочих контекстов.

Ключевые слова: историческая пенология, интеллектуальная история, новая социальная история, сибирская ссылка, англо-американская историография

Историческая пенология (penology – англ. «пенология», учение об исполнении наказания), зародившаяся в русле интеллектуальной истории и новой социальной истории, как исследовательское направление находит отражение в работах современных зарубежных исследователей, посвященных сибирской ссылке. Историческая пенология изучает пенологические доктрины и их эффективность, исследует эволюцию этих доктрин и созданных на их основе пенитенциарных систем [1. С. 3].

Отечественные исследования в области исторической пенологии считаются достаточно скудными, опирающимися в ос-

новном на государственно-правовой или нормативистский подход в оценках развития и характера реформ правосудия и системы наказания [2. С. 27]. Более того, отечественная и особенно советская историография исторической пенологии испытывала на себе значительное влияние марксистской идеологии, которая объясняла переход от наказания в виде смертной казни к использованию принудительного труда заключенных сугубо экономическими потребностями общества и его классовым расслоением.

В зарубежной историографии историческая пенология рассматривалась с помощью разнообразных исследовательских методологий и связана с различными историографическими школами XX в. Например, приверженцы ревизионизма рассматривают процесс перехода к пенитенциарным учреждениям как результат изменения социальной природы наказания (от наказания физического тела к наказанию «юридического лица, обладающего правом на жизнь») [2. С. 29]. Согласно теории «социального контроля», возникшей в русле ревизионистского подхода и связанной с именем американского исследователя Д. Ротмана, тюрьма являлась элементом социальной программы по контролю над девиациями в обществе. Однако контр-ревизионизм 1980-х гг. подверг ревизионистов критике за исключительное внимание к роли государства в пенитенциарной системе, за утилитаризм в понятийном аппарате, а также за использование положений марксистской теории, объяснявшей переход к использованию принудительного труда заключенных развитием капитализма. Наконец, в 1970-х гг. в условиях «культурного поворота» произошло смещение исторических исследований в междисциплинарное пространство, сближение истории с антропологией, психологией, социологией, наметился переход к «новой, антропологически ориентированной, событийной истории» (Ж. Ле Гофф) [2. С. 32].

Таким образом, историческая пенология стала рассматриваться с позиций новой социальной истории и сфокусировалась

на целом спектре микро-историй: истории тюремной администрации, истории женщин в системе исполнения наказаний и т. д. Данный подход позволил также использовать в исследовании пенитенциарных систем не только формальные, нормативные источники, но и другие, «интеллектуальные источники», созданные непосредственными участниками или свидетелями событий. Этот вид источника хоть и требует интерпретации со стороны историка, все же дает некоторое представление о взглядах, господствовавших в то время в обществе, об отношении непосредственных участников событий к описываемым явлениям. Сочетание нормативных, формальных, а также «интеллектуальных источников», которое широко практикуется в рассматриваемых ниже зарубежных исторических исследованиях пенитенциарных систем, позволяет выйти за рамки нормативистского подхода и рассмотреть эти системы в более широких политических, экономических, социальных и культурных контекстах. При этом последние – социальные и культурные – представляют собой обширную лакуну в отечественной историографии пенитенциарной истории, пренебрегавшей миром социальной истории.

Примерами таких исследований являются статьи Эндрю Джентиса, опубликованные в междисциплинарном научном журнале «Сибирика», являющимся специализированным изданием для представления международному научному сообществу работ по сибирской проблематике. Помимо Джентиса сибирская ссылка как пенитенциарная система изучалась в работах Д. Коллинза («Sexual imbalance in frontier communities: Siberia and New France to 1760» / «Половое неравенство в пограничных сообществах: Сибирь и Новая Франция к 1760»), В.Л. Моута («Stalin's railway to nowhere: 'the Dead Road' (1947–1953)» / «Сталинская дорога в никуда: “Мертвая дорога” (1947–1953)»), Гуннар Торвальдсен («Swedes in Siberian Diaspora» / «Шведы в сибирской диаспоре») и других [3–5].

В статьях Э. Джентиса, посвященных исследованию сибирской ссылки, рассматриваются такие проблемы, как: роль женщин в становлении системы сибирской ссылки на раннем этапе; влияние ссылки на десятки тысяч детей, выросших в неблагоприятных условиях и возможные последствия этого для поздней истории имперской России; а также вся совокупность антигуманных условий сибирской ссылки, просуществовавшей несколько веков, по отношению к инвалидам и другим незащищенным категориям населения.

В статье “Licentious girls and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th century” («Распутницы и хранительницы очага в условиях фронта: женщины и сибирская ссылка с конца XVI в. до начала XIX в.») автор утверждает, что условия жизни ссыльных женщин, проживавших в сельской местности в Сибири, и обращение с ними препятствовали созданию здорового общества в этой части России [6. С. 17]. В своем исследовании автор обращается как к архивным источникам, статистическим данным, указам, уставам и законам, то есть ко всему тому, что можно отнести к нормативным источникам, так и к эпистолярному источнику – статье, опубликованной в 1878 г. в журнале «Русская старина», где описывался пример жизни людей на каторге. Автор данной статьи вспоминает свой визит в 1818 г. в Охотск, где обнаруживает ссыльных, работавших на соляном месторождении. Несмотря на стилистические преувеличения, статья позволяет Э. Джентису сделать выводы об опасностях, с которыми сталкивались женщины во всех криминальных сообществах в условиях сибирской ссылки. Эксплуатация женщин в Охотске и других местах, по мнению автора, просто кристаллизовала ширококомасштабную экономическую и сексуальную эксплуатацию женщин царизмом через механизмы изгнания. Вместо того, чтобы защищать этих женщин, чиновники содействовали их эксплуатации и участвовали в ней.

В другой статье “Towards a demography of children in the Tsarist Siberian exile system” («К вопросу демографии детей в царской системе сибирской ссылки») Э. Джентис вновь обращается к разнообразным источникам, чтобы отразить более широкий социальный и политико-экономический контекст при описании сибирской пенитенциарной системы. Среди источников можно обнаружить как нормативные данные – статистику Казанского попечительского тюремного комитета, Тобольского Приказа о ссыльных, демографические показания из первого издания «Сибири как колонии» Н.М. Ядринцева, административные отчеты чиновников (директора Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Враского, министра юстиции Д.А. Дрилы, генерал-губернатора С.М. Духовского, так и «интеллектуальные источники» – записи историков, этнографов, путешественников, политических заключенных и прочее.

Джентис пишет, что дети ссыльных, потерявшие родителей, часто страдали от недоедания, болезней или преждевременно умирали. Исследователь цитирует слова сотрудника министерства юстиции Д.А. Дрилы, который записал рассказ врача о детях ссыльных, сиротах, живущих во временном приюте в Забайкалье: «Почти все... бледные, их кожа тонкая, с просвечивающими кровеносными сосудами; лимфоузлы шеи и суставов сильно увеличены. Их золотуха и плохие зубы... приводят ко всевозможным катарам слизистых оболочек и нарушению работы пищеварительно-кишечного тракта». С помощью другого источника Э. Джентис описывает совершенно иную ситуацию с детьми политических ссыльных. «С учетом их обстоятельств дети некоторых женщин-заключенных находят защиту, живя в тюрьме. Политзаключенная И.К. Каховская вспоминала, что дети в ее коммунальной камере на Мальцевке, женской тюрьме в Нерчинске, «одним словом, проводили время в здоровой и счастливой обстановке». Суровые зимы вынуждали их оставаться

ся дома; тем не менее, они играли в игры в палатах и коридорах, а взрослые устраивали для них спектакли. Однако дети ссыльных, не являвшихся политическими, не вели такой беззаботной жизни» [7. С. 11].

Анализ всех этих источников (как нормативных, так и «интеллектуальных») привел Э. Джентиса к следующим выводам в исследовании детской демографии в ссыльной системе царской России: «Небрежность по отношению к детям ссыльных была не просто симптомом патерналистской автократии, которая фактически оставила их сиротами, но также, что более существенно, отражала более широкий феномен родительского пренебрежения. Учитывая, что 1917 год и его последствия были связаны с восстанием молодежи и женщин против отцовского авторитета в его различных формах, возможно, что жестокое обращение с детьми в ссылке было важным фактором, который советские историки упустили, когда устанавливали связи между сибирской ссылкой и революцией. Тем не менее, можно сказать, что 1917 год стал поворотным моментом в положении детей в российском обществе» [7. С. 21].

Таким образом, добавление к арсеналу нормативных источников, широко используемых Джентисом, таких «интеллектуальных», «дневниковых» или мемуарных источников открывает новую грань в восприятии исторической действительности, создает представление о сибирской ссылке и ссыльных с точки зрения их бытия, их социальной действительности. Исследования пенитенциарных систем, проведенные в русле исторической пенологии и новой социальной и культурной истории, позволяют историкам реконструировать широкий социальный, экономический, правовой, культурный контекст, выявляющий многообразные взаимосвязи исследуемых явлений, а также пересмотреть устоявшиеся представления о пенитенциарной истории, перевести фокус с рассмотрения истории законов, норм, санк-

ций и постановлений на повседневную жизнедеятельность его исторических акторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева С.А., Эрлихсон И.М. «Новая культурная история» (о перспективах методологии «Интеллектуальной истории» и «Истории социальных практик» в междисциплинарных историко-пенологических исследованиях) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 48–56.
2. Эрлихсон И.М., Васильева С.А. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века: очерки интеллектуальной истории. СПб. : Алетейя, 2020. 484 с.
3. Collins D. Sexual imbalance in frontier communities: Siberia and New France to 1760 // Sibirica. 2004. Vol. 4, № 2. P. 162–185.
4. Mote V.L. Stalin's railway to nowhere: «the Dead Road» (1947–1953) // Sibirica. 2003. Vol. 3, № 1. P. 48–63.
5. Thorvaldsen G. Swedes in Siberian Diaspora // Sibirica. 2008. Vol. 7, № 2. P. 47–66.
6. Gentes A.A. «Licentious girls» and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries // Sibirica. 2003. Vol. 3, № 1. P. 3–20.
7. Gentes A.A. Towards a Demography of Children in the Tsarist Siberian Exile System // Sibirica. 2006. Vol. 5, № 1. P. 1–23.

УДК 37.035.6:355.48"1941–1945"

И.С. Сметанина

УВЕКОВЕЧИМ ПОДВИГ ПРЕДКОВ В ВЕКАХ: ИСТОРИЯ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА «ФРЕГАТ» (2013–2019)

В статье на основании источников личного происхождения и музейных материалов, рассматривается история создания и деятельности поискового отряда «Фрегат», организованного на базе «Чистогорской СОШ» Кемеровской области. В работе исследуется вклад поискового

отряда «Фрегат» в процесс сохранения истории и увековечивания памяти о событиях и героях Великой Отечественной войны, изучается особенности их деятельности, а также дается оценка его деятельности за 7 лет своего существования.

Ключевые слова: Поисковое Движение России, Вахта Памяти, Карелия, Великая Отечественная война, поисковый отряд

Поисковая деятельность на текущий момент насчитывает порядка 30 лет и является одним из важных элементов патриотического воспитания молодежи, а также увековечивания памяти о павших героях, однако исследований по этой теме крайне мало. В основном они посвящены поисковому движению центральных районов России (Саратовская, Нижегородская, Курская обл.) на основе которых рассматривают базовые теоретические основы топографии, археологии. Периферия же освящена лишь в отдельных статьях (Е.А. Мельникова, Л.И. Брежнева, А.И. Топилин). В настоящее время исследованием истории, деятельности, а также сущности вклада поисковых отрядов Кузбасса и в целом Сибири практически никто не занимается, поэтому обратимся к истории поиска.

История поискового движения берет свое начало с людей-энтузиастов, которым была не безразлична судьба солдат, отдавших свою жизнь, выполняя патриотический долг во имя страны, чьи тела остались лежать на поле боя по сегодняшний день.

«Предтечей» поиска можно считать движение красных следопытов, сформировавшееся в 1957 г. Следопыты продолжали свое существование вплоть до конца 1980-х гг. В рамках этого движения проводились походы по местам сражений, шел поиск родственников погибших солдат. Добровольцы и бывшие фронтовики самостоятельно собирали материалы, создавали комнаты боевой славы на предприятиях и школьных музеях, участвовали в написании Книг Памяти.

Постепенно неорганизованные группы энтузиастов стали объединяться. Так, в 1988 г. был создан Всесоюзный координа-

онный Совет представителей поисковых отрядов, а в 1989 г. была проведена первая Всесоюзная «Вахта Памяти», которая предназначалась для розыска и перезахоронения погибших в годы войны. В 1991 г. поисковое движение оформилось юридически в самостоятельную организацию «Народная память о защитниках Отечества». В январе 1993 г. официальные права поисковиков были установлены федеральным законом, в котором был определен порядок проведения поисково-полевых работ, а также способы финансового и технического обеспечения экспедиций [1].

В 2013 г. было создано Общероссийское общественное движение по увековечиванию Памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России». Движение на сегодняшний день объединяет более 42 тысяч поисковиков различных возрастов в составе 1 428 поисковых отрядов [2]. Региональные отделения открыты в 82 из 85 субъектов РФ.

В 2000 г. в поселке Яшкино Кемеровской области был образован поисковый отряд «Земляк». В том же году его коллектив прошел обучение на Международной учебно-тренировочной «Вахте Памяти», проходившей на территории Темкинского района Смоленской области. В 2008 г. сводный поисковый отряд Кемеровской области (далее – СПОКО) «Земляк» получил статус областного отряда, объединив в себе больше 1000 людей из различных районов и городов Кемеровской области. В настоящее время в составе «Земляка» насчитывается более 15 поисковых отрядов Кузбасса, в том числе и поисковый отряд «Фрегат», о котором речь пойдет ниже [3].

В 2002 г. с целью необходимости развития патриотического воспитания молодежи в Чистогорской школе был создан военно-патриотический клуб «Фрегат». Спустя десяток лет, в 2013 г. по инициативе М.А. Ткачук на базе ВПК был образован поисковый отряд с одноименным названием. С момента своего создания поисковый отряд «Фрегат» на ежегодной основе в рамках

Всероссийской акции «Вахта Памяти» ведет работы на территории *респ. Карелия по местам боев Советско-финской и Великой Отечественной войн*. В основном раскопки сосредоточены в Суоярвском и Питкяранском районах Карелии.

Отметим, что на территории *респ. Карелия* на сегодняшний день насчитывается 423 воинских захоронения, в которых покоятся 57 122 бойцов и командиров Красной Армии. Из этого огромного числа восстановлено порядка 51 631 имен погибших. Однако по данным Центрального архива Министерства обороны РФ на Карельском фронте в военное время погибло до 250 000 чел., из которых половина – пропавшие без вести [4].

Поисковый отряд «Фрегат» за годы работы побывал на 6-ти «Вахтах Памяти» в *респ. Карелия*, из которых в 2013, 2014, 2018 гг. экспедиции состоялись в Суоярвском районе. В этих экспедициях под руководством заместителя директора по внеурочной деятельности «Чистогорской СОШ» М.А. Ткачук принимали участие старшеклассники этой школы. Результатом работы отряда стали поднятые останки бойцов, а также именные вещи.

Описывая проделанную в 2014 г. работу в Летописи отряда «Фрегат», ученица 10 класса «Чистогорской СОШ» Алина Жумаева вспоминала: «Запомнился раскоп <...>, когда под огромным валуном нашли не докопанные кем-то до нас останки. Зацепили и поняли, что нужно выворачивать валун. А там солдатские ботинки. 57 штук. И все с останками...» [5. С. 10].

Позднее вести летопись отряда продолжили более юные его участники, например, в 2018 г. ученица 9 класса «Чистогорской СОШ» Татьяна Стрельницкая, отмечала наиболее яркое событие этой экспедиции: «11 августа – самый богатый на работу день <...> большой раскоп, в котором нашли останки красноармейцев, а также девушки – санитарки, предположительно её флакон от духов, медицинская шина, осколки снарядов» [6. С. 8]. Отме-

тим, что все найденные в ходе экспедиций останки были перезахоронены в респ. Карелия.

Остальные экспедиции, были сосредоточены в Питкяранском районе. Так сложились обстоятельства, что «Вахта Памяти» в 2016 г. состоялась без школьников. 11 августа, открыв оконце во мху, Андрей Кузьминов (второй руководитель «Фрегата») достал магазин к автомату ППШ, поясной ремень. Дальше доставал из болота: шинель-скатку, полевую сумку с документами. В сумке были обнаружены: газеты, коробка с карандашами, опасная бритва, ложка, кошелек, а также письмо найденного бойца жене и сыну (без адреса). Позднее найденная сумка с документами была отправлена на экспертизу в следственный отдел г. Петрозаводск. К сожалению, в результате экспертизы, имя бойца не удалось установить.

«Вахта Памяти» в 2019 г. в Питкяранском районе стала особой для отряда «Фрегат». В одном из раскопов, была найдена медаль «За боевые заслуги», а также останки трех бойцов, с одним из них была вышеуказанная медаль. Руководители поискового отряда передали номер найденной медали в военкомат респ. Карелии, благодаря чему и удалось установить имя владельца. Им оказался *Зуев Прокопий Васильевич*, уроженец Иркутской области.

Приведём некоторые сведения из восстановленной его биографии. В июле 1941 г. П.В. Зуев был призван военкоматом Качугского района в ряды РККА. Всю войну прошел в составе 363 сп 114 сд 7-ой армии Карельского фронта. 21 июня 1944 г. принял участие в Свирско-Петрозаводской операции, а уже 26 июня 1944 г. за успешное участие в операции был награжден медалью «За боевые заслуги». В последствии в его наградном листе, так был описан его подвиг: «Стрелка 2 стрелковой роты ефрейтора Зуева наградить за то, что он при форсировании реки Свирь Ленинградской области 21 июня 1944 г. под сильным огнем пуле-

метов противника форсировал реку и ворвался в траншею противника, и этим самым помог выбить противника из занимаемых позиций». 6 июля 1944 г. П.В. Зуев пропал без вести в Питкяранском районе [7].

После нахождения его останков, родственники П.В. Зуева решили, что солдат будет покоеиться на ветеранском кладбище. В 2019 г. боец был перезахоронен со всеми почестями в г. Братск Иркутской области [8].

Таким образом, в 2013–2019 гг. у поискового отряда «Фрегат» состоялось 6 «Вахт Памяти» в результате, которых было поднято 90 бойцов, 10 доборов (добор – фрагментарные костные останки, обнаруженные на местах раскопов) и 1 именной боец. Итоги работы поискового отряда можно обобщить в табл. 1, 2.

Таблица 1

Результаты работы за 2013–2019 гг. поискового отряда «Фрегат»

	Вахта Памяти – 2013 г.	Вахта Памяти – 2014 г.	Вахта Памяти – 2015 г.	Вахта Памяти – 2017 г.	Вахта Памяти – 2018 г.	Вахта Памяти – 2019 г.	Итого
Состав отряда	8 чел.	8 чел.	4 чел.	2 чел.	7 чел.	7 чел.	36 чел.
Поднято бойцов	21	42	1	6	8	12	90 бойцов
Доборы					6	4	10 доборов
Именной боец						Зуев Проконий Васильевич	1 установ. имя

Соотношение результатов Вахт Памяти

Общероссийское общественное движение «Поисковое движение России» 2013–2019 гг.	СПОКО «Земляк» 2013–2019 гг.	Поисковый отряд «Фрегат» 2013–2019 гг.
Поднято останков более 120 000 солдат и офицеров	Поднято 274 останков бойцов	Поднято 90 останков бойцов
Установлено более 6000 имён и судеб защитников Отечества	Установлено имя 1 бойца: Зуев Прокопий Васильевич	Установлено имя 1 бойца: Зуев Прокопий Васильевич

Для соотношения результатов экспедиций Поискового Движения, «Земляк» и отряда «Фрегат» приведена табл. 2, в которой можно просмотреть какой вклад сделан Поисковым отрядом «Фрегат» за 6 лет работы.

За прошедшие семь лет, среди предметов, найденных поисковым отрядом «Фрегат», были не только останки бойцов, но и настоящие военные трофеи, например, советские и немецкие мины, осколки и хвостовики снарядов, множество пуль, гранат, диски от ППШ, личные вещи бойцов. Все эти предметы составляют экспозицию «Памяти павших...» музея «Чистогорской СОШ» Новокузнецкого района. Кроме того, «Фрегат» сотрудничает с музеем г. Новокузнецка и музеем г. Юрги, передавая им найденные в Карелии экспонаты. Поисковый отряд ведет активную поисковую, архивно-исследовательскую, волонтерскую и добровольческую деятельность.

Таким образом, Поисковое движение – это крайне сложный процесс, объединяющий в себе не только сохранение культурно-исторической памяти, увековечивание павших воинов и патрио-

тическое воспитание молодежи, но и является элементом формирования новой гражданской идентичности для современного жителя Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 14 января 1993 г. N 4292–1 «Об увековечивании памяти погибших при защите Отечества» // Документы системы ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/1583840/> (дата обращения: 09.03.2021).
2. Общероссийское общественное движение по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» // Поисковое движение России. URL: <http://rf-poisk.ru/page/230/> (дата обращения: 08.03.2021).
3. Сводный поисковый отряд Кемеровской области «Земляк». URL: https://zemlyak-kem.ucoz.ru/index/o_nas/0-4 (дата обращения: 09.03.2021).
4. Килин Ю.М. База данных «Безвозвратные потери частей и соединений Карельского фронта 1941–1945 гг.». Поиск по базе данных // Карельский фронт: Исторический сайт. URL: <http://www.front.karelia.ru/site/bd> (дата обращения: 09.03.2021).
5. Архив музея «Чистогорской СОШ» Новокузнецкого района Кемеровской области. – Летопись поискового отряда «Фрегат», 2014 г.
6. Архив музея «Чистогорской СОШ» Новокузнецкого района Кемеровской области. – Летопись поискового отряда «Фрегат», 2018 г.
7. Зуев Прокопий Васильевич // Обобщенный банк данных «Мемориал» и «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie39400175/ (дата обращения: 10.02.2021).
8. В Братске с почестями проводили воина, который пропал без вести 75 лет назад // Наш Братск – Информационный портал Братска. URL: <http://www.nashbratsk.ru/news/39750/> (дата обращения: 10.03.2021).

Н.М. Таскаев

КОММЕМОРАТИВНЫЕ НАРРАТИВЫ УЧАСТНИКОВ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ КАК ЧАСТЬ МЕМОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПОБЕЖДЁННЫХ

Автор поднимает проблему победы «белых» в борьбе за культурную память о Гражданской войне. Для решения проблемы осуществляется анализ ключевых концептов, отраженных в эго-документах участников антибольшевистского движения в Сибири. Выдвигается гипотеза о том, что анализируемые тексты являются коммеморативными нарративами, сообщающими мемориальную стратегию «белых» героический трагизм.

Ключевые слова: Гражданская война; антибольшевистское движение; мемуары и дневники, мемориальная политика

Гражданская война в России происходила не только на полях сражений, но и в идеологическом пространстве [1. С. 7]. Здесь противостоящие стороны стремились стигматизировать друг друга при помощи слова [1. С. 7]. «Белые», потерпев поражение на полях сражений, тем не менее выиграли в борьбе за культурную память о Гражданской войне [1. С. 8].

Возникает вопрос: почему парадоксальная победа проигравших была возможна?

Нарративы, созданные участниками антибольшевистского движения, выполняли коммеморативную функцию не только, потому что являлись свидетельством былого, но и потому что были частью мемориальной политики побеждённых. Выявление специфичных черт стратегии репрезентации прошлого в текстах, написанных участниками антибольшевистского движения, позволит до определенной степени объяснить парадокс победы проигравших.

Нашим эмпирическим материалом будут эго-документы некоторых участников Белого движения в Сибири. Для концептосферы, которую мы видим в данных текстах, характерна распространённость образного компонента. При этом его наибольшая плотность присуща ключевым концептам. Так, метафоры и эмотивы используются для семантического наполнения концепта революции.

В дневнике Иосифа Ильина образный компонент концепта революции наполнен эмотивами. После неудачного выступления Л.Г. Корнилова автор отмечает в дневнике, что на сердце стало неопишимо горько из-за осознания упущенного шанса [2. С. 224], что Россия пропала [2. С. 237]. На следующий день автор описывает своё апатичное состояние и завершает запись мыслью о том, что всё стало бессмысленным и никчёмным [2. С. 237]. Далее мы видим, что политика большевиков, направленная на дегуманизацию офицеров, вызывала мрачные чувства отвращения, тоски, страха за близких [2. С. 242], полной беспомощности [2. С. 246].

Революция убила прежнюю Россию. Мы видим метафорическое структурирование природы «мёртвой» России. Отмечается, что на всем лежала печать неизъяснимой грусти и обреченности. Умерла Волга, вокзал, мост и пристань [2. С. 293]. Всё вокруг находилось в трагичной и тягостной дымке, всё стало чужым и враждебным [2. С. 286]. С приходом революции всё умерло [2. С. 288].

В воспоминаниях Г.К. Гинса присутствует интертекстуальный фрагмент, отсылающий к роману Ф.М. Достоевского «Бесы». Автор пишет, что программа «светлой личности», заключающаяся в ликвидации дворянского сословия, царского режима, обобществлении частной собственности, уничтожении таких институтов, как церковь и брак, реализовалась в России. Теперь вокруг происходят убийства и мерзости, творимые революцио-

нерами, которым русская общественность не даёт отпор. Уничтожаются культурные сокровища, установилась деспотическая революционная власть, создавшая рабство, основанное на социалистической идее равенства [3. Т 1. С. 41].

Ключевым в эго-документах является также концепт врага. Для семантического наполнения образного компонента характерно номинативное разнообразие. Так, К.В. Сахаров использует следующие номинации для обозначения большевиков: «зловещий призрак кровавого интернационала», «костлявый смеющийся скелет, сидящий на чудовищном животном», «социалистическая зараза» [4. С. 117], «хищные крючковатые руки интернационала», «всемирный Шейлок» [4. С. 144], «кучки святотатцев» [4. С. 25], «иуды» [4. С. 156], «гидра интернационала» [4. С. 86], «апостолы» социализма и насадители на земле нового рая» [4. С. 214].

Примечательно, что концепт врага включает в себя не только большевиков, но и внутреннего врага, тыл. Так, в тексте А.П. фон Будберга присутствует концепт атаманщины. Образный компонент концепта включает в себя структурные метафоры: «читинский нарыв» [5. С. 8], «читинское болото и его вздорные лягушки» [5. С. 14], «гнилые нарывы» [5. С. 15], «белый большевизм» [5. С. 217].

Понятийный компонент составляют признаки «атаманщины»: во-первых, комиссаровская психология, скрывавшаяся за патриотизмом и преувеличенной показной ненавистью к большевикам [5. С. 15]. Во-вторых, деструктивная деятельность в тылу, выражавшаяся в грабежах и убийствах, насилии. В-третьих, своим произволом атаманщина дискредитировала антибольшевистское движение в глазах населения России, тем самым она помогала большевикам [5. С. 16].

Проанализируем образный компонент концепта Белого движения. Образ А.В. Колчака является его неотъемлемой частью. Г.К. Гинс подчёркивает, что образ адмирала и Белого движения

должны восприниматься нераздельно [3. Т 1. С. 6]. Используя структурную метафору, автор подчеркивает, что А.В. Колчак сделал всё возможное в борьбе против «красных» и прошёл свой крестный путь [3. Т 1. С. 6]. С помощью эмотивов делается акцент на чрезвычайно трагическом, мученическом, скорбном и печальном образе Верховного правителя [3. Т 1. С. 9].

Примечательно, что Белое движение характеризуется как исключительно русское явление. Так, мы видим, что антибольшевистские силы наделены чертами былинной, мифической «русскости». К.В. Сахаров отмечает, что Русь объединилась для того, чтобы уничтожить «полчища большевиков» [4. С. 7]. «Белые» питали горячую любовь к России и ненависть ко всему большевистскому, они отличались выносливостью и несмотря на отсутствие нужного обмундирования героически боролись с «красными» [4. С. 27]. В среде «белых» царил идиллия, выражавшаяся в сплоченности, добросовестной службе, вере в справедливость, духе равенства и доверия [4. С. 27]. «Русскость» предполагала религиозность. Белые именуются «полчищами новых крестоносцев», направившими все усилия, приносившими себя в жертву ради победы над большевизмом, который стремился уничтожить христианскую культуру [4. С. 156]. Русский народ искал спасения в церкви, участвовал в великопостных богослужениях в ожидании воскресения былой Руси [4. С. 87].

Проанализировав ключевые концепты, отраженные в эго-документах участников Белого движения в Сибири, мы можем изложить полученные выводы. Во-первых, для концептов: «революция», «враг», «Белое движение» характерна распространённость образного компонента, включающего в себя эмотивы и структурные метафоры, которые придают рассматриваемым текстам суггестивность.

Во-вторых, лейтмотивом семантического наполнения ключевых концептов является трагичность. Так, революция представ-

лена как трагедия России, водворившая в социальное, политическое и духовное пространства бессмысленность, никчёмность, мрак, тоску, отвращение, ужас, страх, грусть, обречённость, смерть, рабство, деспотизм, разрушение культуры. Концепт врага, распространяющийся как на большевиков, так и на внутреннего врага в лице атаманщины, также передаёт трагизм, с одной стороны, борьбы с могущественным врагом, олицетворявшим темные, злые силы, с другой стороны, трагизм удара в спину, предательства. Концепт «Белого движения» способствует самоуратизации, основанной на героизации участников Белого движения. Но героизм этот сопряжён с трагически тяжелыми условиями борьбы.

Таким образом, мы предполагаем, что эго-документы, являясь коммеморативными нарративами, сообщали мемориальной политике проигравших трагизм совместного страдания и жертвенности. Задачи, стоявшие перед коллективной памятью побеждённых, побуждали её носителей рефлексировать, артикулировать собственную интерпретацию Гражданской войны, обращающую горечь поражения в политическую мифологию, основанную на героическом трагизме. Коммеморативный потенциал трагедии проигравших оказался сильнее, чем радость победивших.

Отметим, что выдвинутая нами гипотеза может получить ещё больше обоснований в случае расширения корпуса анализируемых источников. Написанные участниками антибольшевистского движения тексты могут быть условно поделены на несколько волн коммеморативных нарративов. В рамках каждой волны могут быть выделены и проанализированы ключевые концепты. На основании полученных конструкторов может быть реализован компаративный анализ нескольких волн коммеморативных нарративов. Полученные выводы позволят углубить наше понимание парадокса победы проигравших и мемориальной политики антибольшевистского движения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: Осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 268 с.
2. Ильин И.С. Скитания Русского офицера: дневник Иосифа Ильина 1914–1920. М. : Русский путь, 2016. 480 с.
3. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. 1. Пекин : Общество Возрождения, 1921. 327 с.
4. Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. 324 с.
5. Будберг А. Дневник белогвардейца. М. : АСТ, 2001. 336 с.

УДК 2-562

У.В. Ястребова

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ СИЦИЛИИ КАК ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Положение религиозного праздника в современной культуре Сицилии неоднозначно, однако, как форма эмоционально-символической деятельности он не теряет свою уникальную специфику. Что позволяет говорить о феномене праздника, в котором тесно переплетены народные и христианские традиции, а также сохраняются, пусть актуализируемые в театральной форме, ритуалы с элементами мимесиса. Рассматривая памятники в честь святых покровителей как объекты культурного наследия, автор пытается решить проблему определения их специфики, выявления их значимости и восприятия.

Ключевые слова: культ, политеизм, христианство, мимесис, памятник культуры

Культура Сицилии – синтез множества культур, в котором используются различные виды актуализации исторического и культурного наследия. Традиция, обусловленная исторически, географическими, климатическими особенностями, пред-

ставляет собой один из главных инструментов конструирования исторической памяти и транслирует ценностно-смысловые характеристики культуры.

Вплоть до сегодняшнего момента перед разного рода исследователями остаются открытыми вопросы, что стоит в основе особой религиозности сицилийцев, какие механизмы трансляции культурной памяти используются, можно ли говорить о политеистичности в праздничной обрядовости, и где еще можно найти политеистические мотивы в культуре Сицилии. «Рядовые» верующие на Сицилии, которых мы можем условно назвать носителями христианского нормативного сознания, выражают в своем сознании и демонстрируют в поведении элементы, которые не свойственны существующей ортодоксальной системе христианских норм. Этот процесс есть постоянный источник становления и сохранения коллективного сицилийского религиозного сознания.

Хронологические рамки данного исследования ограничиваются началом XXI века (второе десятилетие).

Предмет исследования – религиозные традиции в культуре Сицилии.

Цель исследования – рассмотреть один из способов актуализации христианского религиозности в культуре современной Сицилии – праздники в честь святых покровителей городов.

Для достижения поставленной цели кратко описан социокультурный контекст представленного периода, изучена проблематика и специфика исторических процессов, проведено интервьюирование среди населения данного региона.

Обосновать теоретическую сущность христианского наследия в культуре современной Сицилии, объяснить ее механизмы, руководствуясь каким-то одним принципом, невозможно. Сицилия – регион, являющийся частью языческой, античной, христианской (католической) культур, а также византийской и гло-

бальной христианской культуры. То обстоятельство, что политические мотивы в праздничной культуре данного острова, а также в других явлениях повседневной жизни, не рассматривались российскими исследователями отдельно от истории Италии в целом, обусловили отсутствие целостного определения механизмов актуализации, которые, на наш взгляд, могут в своей основе иметь не только лишь христианское наследие.

Если в качестве примера рассмотреть христианские праздники в честь святых на Сицилии, мы увидим, что изначально святые являлись «ответственными» за типично сицилийские проблемы – их просили остановить засуху, землетрясения, предотвратить голод и эпидемии, излечить от тяжелой болезни, когда уже нельзя ждать помощи средствами земными. Поэтому в агиографических рассказах о святых ярко выражен именно момент заступничества в трудных обстоятельствах, которые обусловлены природной стихией, хотя, конечно, этим они не ограничиваются [1. Р. 259].

Так как память культуры разнообразна, ее единство существует лишь на некотором уровне и подразумевает наличие частных «диалектов памяти», соответствующих внутренней организации коллективов, составляющих мир данной культуры [2. С. 200]. Здесь мы обращаемся к книге Уго Фабиетти, Роберто Малигетти и Винченцо Метера, где авторы рассматривают контакты между культурами, циркуляцию символов и моделей поведения, образов мышления, и в результате исследования приходят к выводу, что все вышеперечисленное могут происходить путем установки и принятия, после переосмысления в контекстах, отличных от первоначальных [3. Р. 14]. В каждом случае они могут приводить в действие миметические процессы, которые заключаются в проявлениях «уравнивания» и «имитации» символов и практик по отношению к компонентам другой культуры. Миметические процессы разного типа могут проявляться как на практическом, так и символическом уровнях.

Необходимо помнить, что практический и символический уровни всегда связаны в человеческом поведении. Мимесис – это действие, в котором план поведения и чувства абсолютно неразличимы. Из классической этнологии известны ритуалы, цель которых – благоприятствовать росту скота, хорошему результату уборки урожая, наступлению дождя и т.д., и в них прослеживается тенденция подражать поведению животных, наряжаться в костюмы в виде какого-нибудь растения или животного, разливать воду, чтобы вызвать дождь и т.д. Здесь прослеживается сходство с христианской праздничной культурой современной Сицилии, в которой сохраняются, пусть актуализируемые в игровой и театральной формах, ритуалы с элементами мимесиса.

Следуя Уго Фабиетти, Роберто Малигетти и Винченцо Метера, мы соглашаемся, что ритуальный мимесис по большому счету не ставит целью присвоение человеком взятной силы; с помощью миметических ритуалов человек стремится придать значение своему бытию по отношению к природе и взятным силам [3. Р. 26]. Миметические ритуалы (как и многие другие типы ритуалов) являются «драмами» постановки, нацеленными на видение мира.

Говоря об истории самого культа святых, то он возник в поздней античности и на протяжении тысячелетия являлся неотъемлемой частью христианской истории. По замечанию Питера Брауна, для понимания христианского культа святых недостаточно проводить параллели с язычеством и его прообразами [4. С. 11]. Дело в том, что христианство предоставило человеку прошлой эпохи новую схему отношений между мертвыми и живыми, человеческим и божественным. Так, П. Браун соотносит античный культ героев с христианским культом мучеников, акцентируя внимание на разницу ролей героя античности и христианского мученика, выражающую способность к заступ-

ничеству за простых смертных. Нерушимая грань между богами и людьми в противовес христианского мученика – «друга Бога» обличает бессмысленность исследования христианского феномена мученичества как этапа развития языческого культа героев. В античную эпоху подчеркивалась пропасть между богами и людьми, которая существовала как следствие бессмертия одних и смертности других [4. С. 16].

Практическая часть нашего исследования заключалась в проведении интервьюирования среди местного населения исследуемого региона (апрель 2020 года) в опросе участвовало 9 участников из таких городов, как Пьедимонте-Этнео, Лингуагlossa и Джардини-Наксос, расположенные в восточной части острова Сицилия, неподалеку от вулкана Этна. Возраст участников варьируется от 18 до 56.

Согласно рис. 1, в современной Сицилии поддерживается память о многих святых, количество которых не ограничивается вышеупомянутыми пяти, о чем говорит список канонизированных святых и церквей, посвященных им. О многообразии святых можно судить в том числе по рис. 2, который отображает упомянутых респондентами имена святых. Примечательно, что даже при небольшой выборке не обнаружилось повторений в ответах. Естественно, их количество превышает указанные в ответах имена, и большая выборка ответов, вероятно, отразила бы больше святых.

Основными механизмами накопления и передачи религиозных знаний являются семья и церковь, что отражается в ответах участников (рис. 2). Большинство респондентов узнали о святых из рассказов родителей и родственников, однако значительное влияние оказали на информированность о святых церковная школа и религиозные праздники, что подчеркивает их роль в формировании определенных представлений у людей, а также коллективного религиозного сознания.

Историю какого святого Вы знаете лучше всех?

- Sant 'Agata / Св. Агата
- San Pancrazio/ Св. Панкратио
- San Gerardo /Св. Джерардо
- San Francesco /Св. Франческо
- San Nicola /Св. Николай
- San Ignazio /Св. Игнацио
- San Luigi /Св. Луиджи
- San Egidio/ Святой Эгидий

Рис. 1

Как Вы узнали об этом святом?

- В семье (из рассказов родителей, родственников)
- В церковной школе через изучение катехизиса
- Участие в религиозных праздниках
- Святой является покровителем родного города

Рис. 2

Почему история жизни данного(-ой) святого(-ой) кажется вам интересной?

- Его/ее стория является частью истории моего города, страны
- Совершенные святым/святой чудеса
- Нет точного ответа

Рис. 3

История какого(-ой) святого(-ой) является самой известной?

- Св. Агата
- Св. Панкратий
- Св. Франциск Ассизский
- Св. Николай
- Сан Дженнаро
- Сан Пакратио
- Франциск из Паолы

Рис. 4

Что касается распространенности историй о святых, то согласно рис. 5, мы можем судить об их разнообразии.

**Какая история о святом(-ой), на ваш взгляд,
самая распространённая в культуре
современной Сицилии?**

Рис. 5

Показательно, что на этот вопрос у респондентов нет единого мнения. Может быть, речь идет о разном понимании участвующих в опросе касательно формулировки вопросов, в которых необходимо указать самого известного и самого распространенного в культуре в настоящее время святого, так как следует учитывать, что Римско-Католической церковью было необходимо «снизить» количество почитаемых святых на Сицилии, сделав акцент на значимых фигурах св. Агаты (покровительнице Катании и всей Сицилии) и св. Розалии (покровительница г. Палермо). Таким образом, распространенность святого/святой благодаря влиянию церкви и известность благодаря популярности среди людей имеют под собой не одинаковые основания, но все же обладают схожим элементом. Тот факт, что у участников на вопрос «История какого святого является самой известной/самой распространенной?» нет единого мнения на этот счет, может говорить о том, что в той культурной среде, в которой живут респонденты, присутствует многообразие

святых и предпочтение отдается не определенному святому/святой, а нескольким.

Также был задан вопрос, где чаще всего можно увидеть образы святых (рис. 6). Ответы показывают, что все еще остается значимой атрибутика религиозных праздников, но видна и растущая роль Интернета.

Где чаще всего появляются изображения святых в современной культуре? (вопрос с множественным выбором ответа)

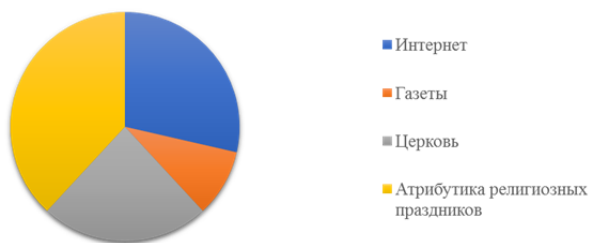

Рис. 6

Сохранение памяти и поддержание традиций – ведущие мотивы проведения праздников в честь святых, по мнению участников опроса (рис. 7). Однако один из респондентов указал экономический мотив, а также встретился ответ: «Праздники проводятся по зову сердца участвующих в них».

Можно говорить о единстве взглядов на проблему значимости религиозных праздников (рис. 9). Так, большинство по-прежнему считает, что праздники в честь святых являются значимой частью современной культуры Сицилии. Однако, участвуют в праздниках 4 из 9 участников (рис. 8).

Анализируя вышесказанное, можно заключить, что ответы респондентов на ряд вопросов выявляют в некоторой мере новые тенденции (почти единогласное осознание значимости праздников в честь святых при половине утвердительных отве-

тов на вопрос «Участвуете ли Вы в религиозных праздниках?»), а также побуждают рассматривать уже сложившиеся представления с новой точки зрения. Тем не менее, мы считаем поспешным делать однозначные выводы на основе ответов малого количества участников опроса, однако, в процессе исследования появились новые вопросы, в том числе про роль церкви в трансляции религиозных знаний.

С какой целью проводятся праздники в честь святых?

- Экономические и религиозные мотивы
- Потому что данные религиозные праздники имеют долгую историю в культуре Сицилии
- Так как новые поколения должны знать истории святых
- По зову сердца
- Чтобы почтить память святых
- Потому что святые являются покровителями городов
- Чтобы сохранять и транслировать старые традиции

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

На основании анализа специальной литературы и привлечения результатов опроса заключается, что христианские праздники на Сицилии имеют глубокие корни в истории острова и продиктованы не только верой, влиянием церкви, но и многовековой историей, так как сицилийцы – народ с ярко выраженной религиозной составляющей. Однако данная ситуация существует наравне с тем, что новые поколения не считают себя верующими, усиливаются настроения принадлежать Католической церкви только номинально, лишь отдавая дань традициям христианской культуры.

Праздники в честь святых покровителей городов являются механизмом трансляции культурной памяти. Как практический и символический уровни переплетаются в человеческом поведении, так и в праздничной культуре современной Сицилии сохраняются, пусть актуализируемые в игровой и театральной формах, ритуалы с элементами мимесиса.

В связи с этим можно утверждать, что интерес к праздникам в честь святых может выступить в качестве основы для реактуализации сакрального прошлого, что может служить механизмом поддержания идентичности, существующей системы смыслов, которые формируются в определенной парадигме памяти-забвения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Golinelli P. *Agiografia e culture popolari*. Bologna : CLUEB, 2012. 448 p.
2. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн : Александра, 1992. С. 200–202.
3. Fabietti U., Malighetti R., Matera V. *Dal tribale al globale. Introduzione all'antropologia*. Milano : Mondadori Bruno, 2012. 257 p.
4. Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М. : РОССПЭН, 2004. 207 с.
5. Canta C.C. *La religiosita in Sicilia: Indagine sulle tipologie religiose e culturali*. Caltanissetta-Roma : Salvatore Sciascia Editore, 1995. 27 p.

СЕКЦИЯ V. ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАСТОЯЩЕГО И ПРОШЛОГО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 373

М.А. Варгач

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: БЕДА ИЛИ ПРОРЫВ В БУДУЩЕЕ

Данная статья посвящена исследованию актуальности цифровизации российской системы школьного образования. Автор выявляет причины реализации цифровизации школьного образования и ключевые задачи, которые необходимо решить для получения желаемых результатов, а также тенденции развития цифровизации в российских школах отдалённых регионов. Также в статье приводятся итоги всероссийского социального опроса, специально проведённого в рамках данного исследования.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая школа, школьное образование, информационные технологии

XXI век нельзя представить без цифровизации: внедрение информационных технологий происходит в разных сферах жизни общества, включая и образование.

Союз цифровых технологий и образования является взаимовыгодным: обучение становится более эффективным, доступным, гибким и дешёвым, оно перемещается из традиционных классных комнат в неинституциональные учебные среды (МООС, образовательные платформы, соцсети, видеоконференции и пр.). Цифровизация образования приводит к повышению спроса на образование, независимо от возраста, в виду

стоимости образовательных курсов и доступности получения знаний из любой точки мира.

С внедрением цифровых технологий в сфере школьного образования роль учителя постепенно трансформируется в роль наставника-куратора, ориентирующего ребёнка в соответствии с его запросами и приоритетами и максимально индивидуализирующего траектории обучения школьников, что также требует изменения мировоззрения учителей и их профессионального развития [1. С. 5].

Цифровизация образования – довольно трудоёмкий процесс, так как он подразумевает не столько простой перевод учебного материала в цифровой формат, сколько переход на электронную систему обучения, создание новых методик обучения и преподавания, а также внедрение инструментов предоставления информации пользователям и интеграцию информационно-коммуникационных технологий в консультационные услуги и профориентации.

«Цифровая школа» – важный этап на пути реализации программы «Цифровая экономика» [2]. Ещё в 2017 году президент РФ Владимир Путин подчеркнул, что развитие цифровой экономики в России жизненно важно для перехода страны к новому технологическому укладу и созданию высокотехнологического производства, для достижения чего необходимо подготовить кадры. И поскольку знания, получаемые в университетах и школах, быстро устаревают, то создаются электронные курсы, благодаря которым работники могут повышать свою квалификацию. Следовательно, российское образование необходимо форматировать под задачи «цифровой экономики» [3].

Кризис COVID-19 значительно ускорил внедрение цифровых технологий в сфере школьного образования: этот процесс становится неизбежностью, к которой люди адаптируются. Процесс адаптации нелёгок: минимум – нельзя потерять систему

образования, а максимум – её нужно развивать. В отличие от остальной части мира, цифровое обучение сопровождается стабильным финансированием, процент проникновения электронных учебников достигает больше 50% (восточноазиатские страны) и реализовано множество стартапов, внедрение цифровых технологий в российское образование, к сожалению, отстаёт от мировых трендов. Российский рынок цифрового образования пока находится на начальной стадии формирования и только начинает своё становление, а большинство проектов выстроены вокруг методик преподавания, а не технологических решений. Глобальный эксперимент-проект «Цифровая образовательная среда» (цель эксперимента – апробация цифровой образовательной среды и обеспечение возможности её постоянного использования на всей территории РФ) начал реализовываться только с сентября 2020 года. Хотя многие родители пока не поддерживают внедрение такого проекта на постоянной основе, они охотно принимают идеи «цифровизации уроков и методик преподавания» (использование презентаций, интерактивных панелей, обучающих видео и пр.) [4].

Также важно учесть тот факт, что цифровизация образования в большинстве случаев исключает такие вопросы, как «формирование личности» и «построение полноценного человека». На фоне разговоров о личностно-ориентированном образовании происходит технологизация процесса образования, в задачи которого в «цифровом» формате входит необходимость передать знания. Задача формирования личности и полноценного человека рассматривается здесь в малых процентах (в чём и выигрывает традиционный формат школьного обучения). Следовательно, цифровизация школьного образования предоставляет переформатирование метода подачи материала, но не заменяет всю школу от парт, доски с мелом и одноклассников до классовых походов в музеи, театры и пр.

Конечно, не у всех российских учеников есть на текущий момент возможность работы онлайн. Поэтому «цифровая школа» является не тотальной заменой традиционной школы, а её дополнением – открытым образовательным пространством в школе, из любого места которого школьник может в любое удобное время выйти в интернет и провести лабораторные работы, выполнить домашнее задание, а также разрабатывать и реализовывать собственные проекты.

Успешная трансформация школьного образования в цифровой формат имеет несколько задач, которые общество и государство должны решить на пути к этой цели. Крайне актуальны ключевые вопросы относительно материальной инфраструктуры: не все государственные школы могут позволить себе дополнительный бюджет для закупки планшетов, интерактивных досок и современных компьютеров, так как процесс госзакупок сложен, а финансирование часто недостаточно. Отдалённые регионы РФ сталкиваются с такой проблемой, как отсутствие возможности подключения к широкополосному интернету: де-факто школы подключены, но скорость интернета не позволяет пяти и более ученикам заниматься онлайн; также наблюдается нехватка техники или обучение по устаревшим приборам.

Для решения обозначенных проблем необходимо развивать механизмы привлечения государственных и частных инвестиций в образование. Есть два возможных пути привлечения капитала: 1) традиционный – перераспределение госрасходов в пользу инновационных проектов и 2) современный (приоритетный) – развитие государственно-частного партнёрства, к чему регионы и бизнес готовы. Также необходимо развивать фундаментальные исследования в области когнитивных наук и изучать возможное влияние «цифры» на детей разных возрастов [5].

Другими важными задачами являются внедрение цифровых программ (т.е. создание, тестирование и применение учебно-

методических материалов с использованием IT-технологий), развитие онлайн-обучения и постепенный отказ от бумажных носителей информации, развитие системы универсальной идентификации ученика, повышение навыков преподавателей в сфере цифровых технологий и пр. [6].

Важно не только применять цифровые технологии (воспроизведение книжного материала в виде интересных и нестандартных презентаций), но и использовать их возможности для решения инфраструктурных вопросов (создание единой системы контроля и управления доступом в школах, электронных оплат в столовых, электронных журналов и дневников), облегчения рутинной деятельности учителей и педагогов (проверка работ, отчётность, мониторинг), персонализации обучения (реализация помощи при учебных затруднениях, разнообразие учебных материалов, выбор траектории обучения) и повышения мотивации школьников (интерактивные обучающие материалы, игровой формат уроков и пр.) [7].

Есть ли польза использования гаджет вместо стопки учебников? Некоторым нравится традиционный формат обучения с книгой и возможностью перелистывания страниц. Однако в условиях перевода информации в цифровой формат, век «скучных параграфов и заданий» уходит, геймификация и динамичная визуализация де-факто стали обязательными и общераспространёнными методическими инструментами. Современная, переданная молодёжным языком-сленгом, визуализация информации из учебников является выигрышной, так как она моментально решает проблему с привлечением внимания учеников к занятиям, а также гораздо интенсивнее вовлекает учеников в процесс обучения и обеспечивает лучшее качество освоения необходимого материала.

В рамках исследования актуальности цифровизации школ в феврале-марте 2021 года автором был проведён всероссийский

социальный опрос с использованием социологического инструментария (интерактивной электронной анкеты), в котором приняли участие ученики частных и государственных школ, колледжей и лицеев из Московской, Белгородской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской, Томской и Новосибирской областей.

Анализ полученных ответов на вопрос о понимании учебного материала показал, что только 16% респондентов понимают материал и не нуждаются в дополнительных занятиях с репетиторами, 34% респондентов более подробно разбирают темы самостоятельно/с репетитором, 16% респондентов совсем не интересуются уроками, а остальные 30% выступили за увеличение длительности уроков для более детального изучения тем. И только 4% опрошенных решаются задавать учителю дополнительные вопросы после урока.

Почти 50% респондентам нравятся школьные уроки, в то время как 32% считают их скучными, а 18% вообще не понимают, чем они занимаются на занятиях. Ровно 50% респондентов воспринимают действующие методики обучения по книгам посредственными, 30% респондентам они определённо нравятся, а 20% опрошенных считают их вовсе скучными.

Мы также задали вопрос «Что ученики хотели бы изменить в школьных уроках?». Результаты показывают, что наиболее желанными для школьников являются следующие изменения: обучение на «молодёжном» языке, создание школьной программы с использованием ИТ, проведение уроков в цифровой форме с использованием компьютеров и интерактивных досок вместо книг.

По итогам ответа на вопрос «Как ученики лучше запоминают информацию – с помощью книги или интерактивной доски?» выяснилось, что только 33% опрошенных поддерживают традиционное обучение с книгой и доской с мелом, в то время как 67% респондентов поддержали интерактивную панель. Относительно того, «какие уроки ученикам больше нравятся – тради-

ционные с книгами или инновационные с IT-технологиями?» результаты оказались следующими: 72% опрошенных поддержали идею проведения уроков с использованием интерактивных панелей, а также представления информации с помощью обучающих видеороликов, забавных мемов и игр.

Итоги опроса показывают: детям нравится новизна и игровой формат, что может быть реализовано через переход от книги к интерактивной доске, использование забавных презентаций, обучающих видео, игр и мемов.

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровизация российских школ сегодня является важным процессом на пути формирования цифровой экономики России и прорыва в будущее. Проекты приобщения школ к цифровому формату постепенно внедряются, что позволяет школьникам идти в ногу со временем. Использование современных информационных технологий в стенах школы и форматирование электронных образовательных курсов сегодня является более перспективным сценарием, чем использование традиционных методов обучения по книге. Главное – уметь использовать IT-технологии (проектирование курсов и образовательных программ с учётом запросов обучающихся к содержанию материала, форматам и технологическим решениям) и делать процесс обучения с помощью гаджетов, интерактивных панелей, мемов, тематических презентаций, игр и обучающих видео любопытнее и желаннее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малаева П.Ю., Ерохина Е.В. Цифровизация в современном мире // Инновационная экономика и современный менеджмент. 2021. № 1 (32). С. 4–7.
2. Паспорт национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (дата обращения: 03.04.2021).

3. Цифровая экономика даст шанс России на рывок в будущее // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4390974> (дата обращения: 03.04.2021).

4. 1 сентября 2020 г. в школах начнётся глобальный эксперимент по цифровизации образования // Образование в Москве. URL: https://obrmos.ru/go/go_scool/news/go_go_scool_news_zifr_exp.html?cmtx_page=2 (дата обращения: 03.04.2021).

5. Цифровое образование: инвестиции в будущее // Информационно-аналитическая система Росконгресс. URL: <https://roscongress.org/sessions/tsifrovoe-obrazovanie-investitsii-v-budushchee/discussion/> (дата обращения: 03.04.2021).

6. Семь задач цифровизации российского образования // РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5d9ccba49a7947d5591e93ee> (дата обращения: 03.04.2021).

7. Цифровизация образования: гаджеты вместо стопки учебников // Информационное агентство 1-LINE. URL: <https://1line.info/interviews/obshchestvo-obrazovanie/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-gadzhety-vmesto-stopki-uchebnikov.html> (дата обращения: 28.03.2021).

УДК 323

Ю.М. Дубынина, М.И. Щербатов

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА КИТАЯ: ПРЕИМУЩЕСТВА, НЕДОСТАТКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье проанализирован процесс становления системы социального кредита Китайской Народной Республики, а также ее современное состояние, преимущества и недостатки программы для Китая и обозначены перспективы развития системы, отмечаются особенности системы, обуславливающие ее противоречивый характер.

Ключевые слова: Китай, Система социального кредита, цифровизация, контроль, КПК

Сегодня, в эпоху становления информационного общества и развития технологий, Китай, как одна из развивающихся стран,

совершила большой рывок в области цифровизации и автоматизации всех сфер общественной жизни. Это автоматизация оборудования на фабриках, формирование цифровой экономики, и т.д. Для того, чтобы контролировать новые процессы и вовремя предотвращать возникающие угрозы, Коммунистическая партия Китая (КПК) ищет способы контроля граждан.

Для этого была разработана система социального кредита, или система социального рейтинга, которая сегодня реализуется в Китае. Основная задача данного проекта – создание единой общенациональной базы данных, в которой китайским гражданам будет присвоен идентификационный номер и их те или иные поступки будут оцениваться по балльной системе.

Несмотря на то, что первые мысли о создании и реализации этой системы были выражены Председателем КНР Цзян Цземинем в 2002 г. [1], нужно понимать, что для этого были исторические предпосылки, которые формировались еще в Древнем Китае.

Основа системы социального рейтинга заключается в учении Конфуция о создании «идеального гражданина», и в трактатах, которые помогли сформировать будущие рейтинги. Одним из них было произведение Лю Шао «人物志» («Учение о человеческом существе»), созданное в период Троецарствия. В основе его труда лежала классификация талантов человека с целью их эффективно-практического применения для отбора кандидатов на государственную службу, что сыграло роль в процессе становления экзаменационной системы. Уже тогда, в период «Троецарствия», была создана первая система «Девяти рангов». Позже система была преобразована в «Кэцзюй», положенную в основу нынешней системы подбора кадров в государственные структуры.

С приходом к власти КПК, система анализа и оценки людей была распространена на все слои общества.

В XX веке была создана система «檔案» («Дананг»), которая фиксирует «показатели и отношения» практически для всех

граждан. Сегодня эта система также используется, но, так как в Китае активно идут процессы цифровизации, все персональные реестры перешли в цифровые форматы. В «檔案» («Дананг») учитываются различные показатели: от оценок в школе до отношения сослуживцев.

Современный «檔案» («Дананг») станет частью системы социального рейтинга, которая разрабатывается сегодня.

В 2010 году в провинции Сычуань впервые была протестирована система социального рейтинга, где учитывалась уже не только кредитная история граждан, но и снимались баллы за нарушение моральных норм и административные правонарушения. Люди делились на ранги A–D, где высокий ранг давал определенное преимущество (упрощение юридических процедур, льготы), а на низкий ранг накладывались санкции.

В 2014 году Госсоветом официально был опубликован документ «О планировании строительства социального кредита (2014–2020)» [2]. Согласно этому документу, каждый гражданин и компания Китая к 2020 году будут отслеживаться и оцениваться системой социального рейтинга. Рейтинг будет в свободном доступе и каждый сможет узнать, насколько его визави «идеален».

В 2021 году рейтинговая система была официально закреплена, после чего в СМИ [3] по всему миру стала распространяться информация о полном тоталитарном контроле за гражданами, где люди станут полностью зависимы от рейтингов, не смогут общаться с теми, у кого балл ниже, что приведет к развитию неравенства в обществе.

Рейтинговая система, продемонстрированная в СМИ [3] – это баллы в приложениях, например, Alipay, где считывается информация о покупках, отзывах продавцов, вычисляется какие товары и на какие суммы приобретаются. Имея высокий рейтинг, гражданин может получить займ без документов с минимальным процентом, расплачиваться за товар после получения и т.д.

На данный момент не существует одной определенной координированной системы социального кредита. Часть программ разрабатывают местные органы власти, другая часть создается частными компаниями, например, Sesame Credit (Alibaba).

Sesame Credit располагает огромным объемом данных – от сайтов электронной коммерции до финансовых продуктов (Taobao, Alipay), благодаря которым он собирает собственные баллы пользователей от 350–950. Эти оценки основаны на ряде факторов, включая историю платежей людей, их контакты и поведение в интернете.

С 2015 года Sesame Credit сотрудничает с компанией онлайн-знакомств Baihe, чтобы люди могли связать свой профиль знакомств с их кредитным счетом. Одна из особенностей этой программы состоит в том, что она включает в себя "черный список" на основе подсчета баллов. Однако, программа необязательна, и пользователи могут ее не использовать.

Таким образом, на данном этапе рейтинговая система существует исключительно внутри определенных программ, где собирается информация о платежеспособности гражданина или компании. По словам представителей КПК, система социального рейтинга будет развиваться и в будущем станет контролировать больше сфер общественной жизни, учитывая моральную составляющую жизни и деятельности граждан наравне с финансовой.

Несмотря на антиутопичность, которую показывают иностранные СМИ [4], система имеет как плюсы, так и минусы. Система социального рейтинга имеет ряд определенных преимуществ:

1. Контроль. Сегодня Китай является самой густонаселенной страной в мире. Для достижения своих целей КПК должна свети к минимуму проблемы контроля над населением, снизить риск внутренних социальных волнений, сконцентрировать силы

на достижении поставленных перед собой целей (например, пятилетнего плана). Поэтому система социального кредита может помочь Китаю направить огромное население в том направлении, к которому он хочет стремиться.

2. Борьба с низким доверием и ограниченной кредитной информацией о каждом гражданине. Большинство граждан не имеют кредитной истории. Таким организациям, как банки, трудно оценить, кому можно доверить погашение кредита, который они могут выдать. Исходя из этого, система выходит за рамки финансовой достоверности и отслеживает юридические нарушения физических лиц [5].

3. Личная безопасность. Повышается уровень личной безопасности граждан, потому что понижается уровень как серьезных, так и мелких правонарушений [6]. Это происходит благодаря контролю действий граждан через камеры, которые расположены по всему Китаю.

4. Прозрачность бизнеса. Одна из целей внедрения системы заключается в создании справедливой и предсказуемой бизнес-среды. Система и возможная с ее помощью онлайн проверка упрощают выявление ненадежных компании и партнеров. Задача проекта – обеспечить большую прозрачность решений, принимаемых любым местным органом власти, что приведет к созданию равных условий для предприятий с иностранными инвестициями в Китае.

5. Новаторство. Для Китая эта система является прорывом в цифровой сфере. Китай можно считать новатором в области шифрования больших баз данных и цифрового обеспечения человеческой жизнедеятельности.

Также данная система имеет определенные недостатки:

1. Отсутствие свободы. Система социального рейтинга ограничивает права и свободы человека. Фактически это лишение граждан Китая права на частную жизнь. Возможно, в будущем

это приведет к тотальному контролю граждан: утрата права на частную жизнь, потому что это несовместимо с идеологией правящей партии [7. Р. 69–78].

2. Коррупция. Процедурная логика системы социального кредита заключается в сборе множества фрагментированных данных, объединяемых в централизованную базу. В этот процесс будут вовлечены разные лица, принимающие решения, что приведет к коррупции. До введения системы социального кредита существовали ограниченные стимулы для подкупа полицейского, который, например, дает какой-либо штраф – в системе социального кредита этот штраф может повлиять на рейтинг гражданина, поэтому повышается стимул дать взятку, чтобы выйти из него.

3. Предвзятость алгоритмов. Данная система создана людьми, поэтому содержит человеческие предубеждения, именно человек на уровне алгоритма программирует разделение на “хорошее” или “плохое” поведение. К примеру, видеоигры – это негативная черта в системе, но это неоднозначное мнение.

Китайская система социального рейтинга имеет определенные перспективы по заявлению Народного Банка Китая и Государственного Совета Китая. Народный банк Китая заявил, что с помощью этой системы стремится укрепить информационную безопасность. На совещании Государственного Совета Китая был представлен отчет о повышении качества кредитных бюро и содействию межотраслевому и географическому обмену соответствующей кредитной информацией, такой как финансы и коммунальные услуги [8]. Также система потенциально способна повысить эффективность мер, принятых в отношении выявления, регистрации, сбора, обмена, раскрытия, наказания и восстановления кредита ненадежного поведения, защиту частной жизни [9].

Таким образом, можно проследить историческую нить предпосылок, ведущую к созданию этой системы. Нынешняя систе-

ма на первых этапах развития была призвана регулировать кредитно-денежную ситуацию в стране, но сейчас КПК начала уделять внимание моральным ценностям и поступкам граждан. На данный момент Китай успешно реализовывает данный проект, благодаря новейшим технологиям. Дальнейшие перспективы развития системы социального рейтинга также тесно связаны с активной цифровизацией всех сфер жизни. Можно предположить, что с дальнейшим развитием процессов цифровизации новые стимулы и возможности получит и развитие системы социального рейтинга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Full Text of Jiang Zemin's Report at 16th Party Congress // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/3698_665962/t18872.shtml (access date: 26.03.2021).
2. Planning outline for the construction of a social credit system (2014–2020) // China Copyright and Media. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/> (access date: 26.03.2021).
3. Open Sesame: Social Credit in China as Gate to Punitive Measures and Personal Perks // What's on Weibo. URL: <https://www.whatsonweibo.com/open-sesame-social-credit-in-china-as-gate-to-punitive-measures-and-personal-perks/> (access date: 26.03.2021).
4. China's new 'social credit system' is a dystopian nightmare // New York Post. 2019. 19 may.
5. 筑牢社会信用体系“基础桩” // 人民日报海外版 // www.gov.cn. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2020-12/26/content_5573465.htm (access date: 26.03.2021).
6. Mistreanu S. Life inside China's Social Credit Laboratory. The party's massive experiment in ranking and monitoring Chinese citizens has already started // Foreign Policy. URL: <https://foreign-policy.com/2018/04/03/life-inside-chinas-social-credit-laboratory/> (access date: 26.03.2021).
7. Engelman S., Mo Chen, Fischer F., Chingyu Kao, Grossklags J. Clear Sanctions, Vague Rewards: How China's Social Credit System Currently Defines "Good" and "Bad" Behavior // FAT* '19: Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. 2019. January. P. 69–78.

8. 国务院政策例行吹风会“完善失信约束制度健全社会信用体系有关情况”文字实录// 沟通交流 // www.gov.cn. URL: <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/4153394/index.html> (access date: 26.03.2021).
9. 国常会：完善失信约束制度 健全社会信用体系// 经济参考报 // www.gov.cn. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2020-11/27/content_5565503.htm (access date: 26.03.2021).

УДК 001.18

Г.А. Кулигин

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДИГИТОЦЕН» В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению нового антропологического концепта «дигитоцен». Автор анализирует различные интерпретации данного феномена в российском и зарубежном дискурсе, пытается выявить общие черты и дать единое определение.

Ключевые слова: дигитоцен, антропология, цифровизация, цифровое искусство, дизайн

В настоящее время многие исследования требуют междисциплинарного подхода, так как научные работы создаются на стыке различных направлений, например, технологии и искусства. Возникающие в таких условиях концепты требуют научного осмысления и обоснования, выработка которых зачастую занимает длительное время. Пока же такое осмысление не произошло, подобные концепты часто становятся предметом фальсификации. К данной категории можно отнести дискурс о дигитоцене (digitus (лат. “палец”) + antroposean (“человек”)).

Существует множество определений данного термина, каждое из которых имеет расплывчатую формулировку, что в итоге приводит к затруднениям в его интерпретации. Так как концепт

"дигитоцена", на мой взгляд, способен наиболее точно отразить состояние взаимодействия цифрового и аналогового миров, назрела необходимость предложить более точное его терминологическое значение.

В европейских исследованиях термин "дигитоцен" впервые был использован в работе теоретика новых медиа Ю. Парикка "Антропобцен" в 2014 году. Он рассматривал "дигитоцен", как часть эпохи антропоцена: "Мы живем в цифровую эпоху, когда отношения между сетью и офлайн могут положительно повлиять на все, от неравенства до изменения климата, но также могут иметь отрицательные последствия в этих сферах — «антробетическое»" [1]. В своей работе Ю. Парика отмечает, что необходимо оценивать влияние технологий не только на окружающую среду, но и на культуру в целом. Активное распространение технологий приводит к необходимости переосмыслить политику, этику, человеческое и экологическое право. "Дигитоцен" употребляется в контексте критики корпоративных и человеческих желаний как геофизической силы. Данная отсылка является аргументом в пользу реальности существования концепта "дигитоцена" не только в дискурсе геологии, но и в исследовательском поле культурной антропологии.

В 2016 году цифровой антрополог Т. Боеллсторфф в своей статье о значении онтологического поворота, процитировал Ю. Парика, добавив к определению "дигитоцена" дополнительные смыслы: "Это действительно важно, и осмысление реальности этого вопроса формирует, как, к лучшему или к худшему, мы в технологиях трансформируем наши реальные миры" [2]. Данный термин был использован в контексте привлечения внимания к проблеме дереализации цифрового мира. Боеллсторфф через цифровую антропологию обращает внимание на проблему взаимодействия технологий и человека в цифровую эпоху. В своей работе он подтверждает необходимость использования

термина “дигитоцен” в антропологическом дискурсе, в частности в тех его темах, которые касаются взаимодействия человека и современных технологий.

Также стоит обратить внимание на труд социолога Б. Браттона, “Стык: программное обеспечение и суверенитет”, где он представляет шестиуровневую модель мегаструктуры (пользователь, интерфейс, адрес, город, облако и земля), которая, соединяя в себе все технологические системы, способна создать “планетарный компьютер” – мир, в котором все будет организовано с полным переосмыслением этических и политических взглядов. Браттон предлагает конкретную модель построения политической географии, адаптированной к эпохе вычислений планетарного масштаба. Она работает изнутри наружу, от технологии к управляющим системам: “Как мы связываем инфраструктуру в континентальном масштабе, всепроникающие вычисления в городском масштабе и внешние интерфейсы в перцептивном масштабе, как мы можем исследовать, их переплетения и как мы могли бы строить, жить общаться между собой и управлять нашими мирами, используя эти технологии” [3]. Таким образом, становится ясно, что технологический и аналоговый мир сегодня находятся в таком сильном взаимодействии, приостановить или отменить которое человечество уже не способно. Все что ему остается — это пытаться контролировать и организовывать данное взаимопроникновение. В рамках интерпретации термина “дигитоцена”, работа Браттона раскрывает проблему масштабности влияния цифровых технологий на реальный мир. Например, британское издание The Guardian провело исследование, в котором выяснило, что даже простое использование электронной почты приводит к огромным затратам электроэнергии. Все начинается с потребления энергии компьютером и заканчивается обработкой данных в масштабных data-центрах. В течение всего процесса в итоге происходят выбросы

углерода в атмосферу, что в свою очередь создает парниковый эффект и ухудшает нашу среду обитания.

После рассмотрения данного концепта с научной точки зрения, становится ясно, что интересуют таких специалистов как антропологи, социологи и медиа теоретики. Однако не только исследователи используют термин “дигитоцен” в своих работах. Описание возможных последствий активного развития цифровых технологий и их влияния на окружающую среду, можно проследить в работах и проектах современных художников, дизайнеров и урбанистов. В 2020 году французский музей “La Gaîté Lyrique” совместно с американским художником Э.Р. Бернштейном разработали проект, главной целью которого была визуализация и продвижение концепта “дигитоцен” в массы [4]. Этот факт обращает внимание на то, что теперь не только наука пытается понять и описать происходящие в нашем мире сплетение аналогового и цифрового миров, но и искусство тоже.

Стоит отметить, что подобно антропологической концепции “дигитоцена”, в современном искусстве так же существуют направления, пытающиеся описать взаимодействие физического и цифрового миров, например, “Новая эстетика”. Данное направление было основано Д. Бридлом как ответ на возрастающую видимость цифровых технологий в аналоговом мире. Как пример можно рассмотреть работы Боми Парк, который представил серию интерьерных предметов в стиле “пиксель-арт”, а также работы голландского художника и дизайнера Себастьяна Брайковича, который представил интерьерные элементы, используя концептуальный подход “искажение цифрового” [5]. Как и “дигитоцен” в науке, “Новая эстетика” в искусстве пытается осмыслить влияние технологий на все человечество в целом и на отдельно взятого индивида в частности.

В российском дискурсе исследуемый нами термин получил активное развитие благодаря цифровому искусству. Один из

вариантов формулировки принадлежит урбанисту и цифровому художнику В. Смахтину: “Дигитоцен – это дискуссия о постантропоцене, дискуссия о технологиях” [6]. Здесь автор акцентирует внимание на том, что данная эпоха следует за антропоценом, что противоречит мнению американских исследователей, которые считают, что “дигитоцен” является частью антропоцена. В одной из онлайн лекций В. Смахтин определяет “дигитоцен” путем представления различных примеров смешения технологий: использование облачного хранилища, которое на самом деле не является “облачными”, а имеет более физический облик способный влиять на окружающую среду. Так же он обращается к работам в области цифрового искусства. Например, к проекту “Тегга0”, авторы которого при помощи искусственно-го интеллекта наделяют лес правом выбора для выживаемости и способности распоряжаться собой как капиталом. Другим примером является проект “Netless”, который поднимает вопрос: “Могут ли распределенные системы существовать вместе?” [7]. Работа представляет собой цифровую сеть, использующую общественный транспорт в качестве носителя информации.

Все вышперечисленное является примером того, как соединения “цифрового” и “аналогового” способны влиять на окружающую среду, экономику и культуру в целом.

Хотелось бы отметить последнее определение, которое предлагает архитектор Э. Хайман: “Дигитоцен – это ускоренная реакция на кризис позитивизма и информационной эры. Цифровое и аналоговое настолько интегрированы, что оба понятия не могут существовать отдельно” [8].

Все предложенные российскими исследователями интерпретации имеют схожее значение и не противоречат друг другу. Данная особенность позволяет концепту развиваться в особом направлении – современном цифровом искусстве и иметь подкрепление в виде проектов в данной области.

Анализ исследований зарубежных теоретиков в области цифровой антропологии, социологии и новых медиа, а также работ российских цифровых художников, позволяет сформулировать наиболее актуальное определение исследуемого концепта. Дигитоцен – это зарождающаяся часть эпохи антропоцена, описывающая постоянное взаимодействие аналогового и цифрового миров, которое имеет постоянное влияние на современное общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Parikka J. *The Anthroscene* Minneapolis: University of Minnesota. Press, 2014. 68 pp.
2. Boellstorff T. For Whom the Ontology Turns: Theorizing the Digital Real // *Current Anthropology*. 2016. Vol. 57, № 4. P. 387–407.
3. Bratton B.H. *The Stack: On Software and Sovereignty*. Cambridge : The MIT press, 2015. 528 p.
4. Berstein E.R. *Digitocene* // Eric Ross Bernstein. URL: <https://ericrossberstein.com/digitocene/> (access date: 12.01.2021).
5. «Новая эстетика» и дизайн // Berlogos. URL: <http://www.berlogos.ru/article/novaya-estetika-i-diza> (дата обращения: 28.01.2021).
6. TERVALS EDUCATION: Вадим Смахтин «Что такое Дигитоцен?» // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hGvOWwA6tfY> (дата обращения: 08.01.2021).
7. NetLess // k0a1a. URL: <https://k0a1a.net/netless/> (access date: 07.02.2021).
8. Киберфест 12 – Лекция Эдуарда Хаймана – Что такое Дигитоцен? // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sb5JcD1jIz4> (дата обращения: 08.01.2021).
9. Долгов А.Ю. Социальные и гуманитарные науки перед вызовами антропоцена // *Социология*. 2017. № 3. С. 113–123.
10. Соловьев А.В. Новая эстетика информационной эпохи: искусство как база данных // *NOMOTHETIKA: Философия. Социология*. 2009 № 8 (63). С. 50–55.
11. Булатов Д. Новое состояние живого: к вопросу о технобиологическом искусстве // *Художественный журнал «Moscow Art Magazin»*. 2012. № 85. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/12/article/160> (дата обращения: 08.01.2021).
12. Sterling B. An essay on the new aesthetic // *Wired*. URL: <https://www.wired.com/2012/04/an-essay-on-the-new-aesthetic/> (access date: 08.01.2021).

Н.Ю. Сорокин

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОШЛОГО И ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В работе рассматривается проблема цифровизации прошлого, подчеркивается важность сохранения архивного наследия, анализируются возможности Digital History, проекты по цифровизации массивов документов. В контексте вопроса о репрезентации прошлого уделяется особое внимание проблеме исторической памяти.

Ключевые слова: Историческая память, цифровизация, Digital History, оцифровка, архивные материалы

Вопросы о репрезентации прошлого связаны с изучением феномена исторической памяти гуманитарными науками. Тема исторической памяти начала занимать умы ученых примерно со второй половины XX века, благодаря классическим исследованиям П. Нору, М. Хальбвакса, а также Я. Ассмана, А. Ассман, Д. Лоуэнталя и т.д.

Эта проблема актуальна сегодня по многим причинам. Первая из них – это стремление исследователей изучить, как соотносятся между собой наука история и историческая память. Первопроходцем в деле исследования феномена исторической памяти по праву считается Морис Хальбвакс. По мысли Хальбвакса, память человека делится на индивидуальную и коллективную. «С одной стороны, воспоминания человека вписываются в рамки его личности. С другой стороны, он может вести себя как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания затрагивающие эту группу» [1]. История является формой коллективной памяти. При этом коллективная (социальная) память и история не могут быть приравнены друг к другу. Это происходит потому, что история, будучи перечислением произошедших фактов и событий (такой она предстает перед

глазами обывателя), не является одновременно исторической памятью по той причине, что история начинается с того момента, с которого прекращает свое существование традиция. В данном случае история понимается как форма исторического нарратива о прошлом. Традиция же представляет собой некую часть прошлого постепенно исчезающую, из-за вымирания её носителей. Соответственно, можно сделать вывод о том, что история начинает обращать к себе внимание лишь тогда, когда исторические нарративы уходят из нынешней действительности, а историческая память больше не способна поддерживать саму себя.

Второй вопрос состоит в том, что историки по-разному понимают значение термина «историческая память». Так, например, российский ученый Л. П. Репина считает, что это — «одно из измерений индивидуальной и коллективной / социальной памяти, это память об историческом прошлом или, вернее, его символическая репрезентация» [2]. В свою очередь исследователи И.М. Савельева и А.В. Полетаев указывают на то, что у некоторых ученых историческая память может быть интерпретирована и «как индивидуальная память о прошлом, как коллективная, если речь идет о группе, и как социальная, когда речь идет об обществе» [3. С. 190]. Большая часть ученых склоняется к мнению, что историческая память – это способ репрезентации прошлого.

Третья важная причина в актуальности изучения исторической памяти состоит в том, что основой для её изучения послужило развитие постмодернизма во второй половине XX века. Одним из исследователей, испытавших влияние постмодернизма является известный французский историк Пьер Нора. Обращение к исторической памяти – это обращение к Прошлому. Прошлое единственный источник сведений для исторической науки. Пьер Нора занимался изучением истории и памяти, и также создал концепцию «мест памяти», иначе «территория па-

мнению Пьера Нора является средством сохранения следов прошлого и его значение очень велико.

Архив – место хранения документальных остатков прошлого. Поэтому, неудивительно, что среди мирового научного сообщества сегодня проявляется повышенное внимание к глубокому изучению вопросов архивного наследия. С.О. Шмидт, крупный отечественный источниковед, писал: «возрастающий интерес к богатствам архивов – это залог возрастания роли архивов в формировании общественного сознания, исторической памяти народа» [5. С. 93]. Итак, архивы необходимы, в особенности, если мы говорим о прошлом отстоящем от нас на несколько поколений. Однако, в современную информационную эпоху актуализируется проблема цифровизации их содержимого (включая музеи и библиотеки). Проблемы, связанными с применением цифровых технологий для сохранения прошлого, занимается научное направление под названием Digital History или цифровая история. В контексте изучения исторической памяти эта проблема становится ещё актуальней, поскольку в условиях использования потенциала данного научного направления историк может улучшить возможности по репрезентации прошлого. Л.И. Бородкин с опорой на мнение других специалистов определяет данный термин как «область разработок, призванных усовершенствовать работу историков с помощью цифровых

технологий» [6. С. 18]. Его возможности очень высоки. Это использование сетевых ресурсов для создания специализированных сайтов различных научных организаций и интернет-порталов, а также мультимедийных проектов. Кроме этого, существуют разнообразные виртуальные выставки музейных ценностей. Далее это могут быть своеобразные просветительские лекции, выкладываемые в Интернет на безвозмездной основе с целью популяризации истории. Разумеется, сюда можно ещё включить использование компьютерных технологий для оцифровки и последующей машинной обработки всевозможных архивных материалов.

Существуют различные научные классификации направлений цифровой истории. Бородкин приводит классификацию Пола Л. Артура, освещающую различные области применения цифровых технологий. Первая категория – это использование 3D-технологий для моделирования. Так, например, в проекте Калифорнийского университета была создана 3D-модель римского форума. Помимо этого, существует возможность представления исторической информации на картах с использованием географических информационных систем. Следующая категория – это создание электронных энциклопедий, словарей, атласов и т.д. с открытыми базами данных. Третье из представленных научных направлений Digital History представляет собой применение сетевых медиа технологий и нелинейных форматах, например, проект университета Южной Калифорнии The Labyrinth Project. И, наконец, четвертая категория по Артуру – это возможность использования социальных медиа, с привлечением широкого круга интернет-пользователей. Сюда входят Flickr, YouTube, Google Maps, Blogs, Del.icio.us, Netvides и т.д. Эти приведённые направления исследований позволяют реализовать сохранение мирового культурно-исторического наследия. Впрочем, Бородкин указывает, что это далеко не единственная классификация, принятая в науке.

Говоря об оцифровке архивных материалов, стоит подчеркнуть, что научное направление в чьем ведении она находится, имеет большое значение для гуманитарных дисциплин. По мнению, Т.А. Бочаровой и П.Е. Ермаковой оцифровка может быть спонтанной, когда исследователь «выписывает» нужную цитату и систематической, когда «оцифровывается комплекс документов, создается информационная система» [7. С. 3]. Существуют различные проекты по оцифровке документов, например, зарубежные: «Европеан», стартовавший в 2008 году и семязычная мировая цифровая библиотека «WDL» (американский проект) с 2009 года [8]. Они позволяют переводить в цифровой формат миллионы документов. Глобальным проектом является также программа ЮНЕСКО «Память мира». Он нацелен на создание электронных копий архивных музейных и библиотечных фондов и предоставление возможности массовому пользователю ознакомиться с любым значимым историческим документом или артефактом, связанным с той или иной исторической эпохой и персоналиями. Если же говорить об отечественных проектах цифровизации, то тут приходится отметить отсутствие единого подхода к процессу оцифровки архивных собраний.

Подводя итоги, нужно сказать, что феномен Digital History, а также связанный с ним феномен исторической памяти привлекает все большее внимание в отечественной исторической науке. Можно ожидать, что с течением времени стоящий перед учеными круг проблем и вопросов будет только расширяться и увеличиваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 18.03.2021).

2. Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.
3. Савельева С.М., Полетаев А.В. Феномен памяти. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 476 с.
4. Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция–память. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. 328 с.
5. Шмидт С.О. Архивы и историки-любители // После 75 : сборник статей. Российский государственный гуманитарный университет. М., 2012. С. 648–656.
6. Бородкин Л.И. Digital History применение в сохранении историко-культурного наследия? // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исследованиях и образовании. 2012. № 1. С. 14–21.
7. Бочарова Т.А., Ермакова П.Е. Технологии оцифровки в гуманитарных исследованиях // Материалы научно-практической конференции. Тогу старт: Фундаментальные и прикладные исследования молодых. Хабаровск, 23–25 апреля 2020 г. Хабаровск : Тихоокеанский гос. ун-т, 2020. С. 132–135.
8. Краткий обзор проектов оцифровки архивных документов и имеющейся нормативно-методической базы // Федеральное архивное агентство. URL: http://archives.gov.ru/index.php?q=documents/rekomend_el-copy-archival-documents/razdel-1.shtml (дата обращения: 26.03.2021).

УДК [070.431.2:316.774]:004.9

В.В. Шейбак

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ

В статье изучены положительные и отрицательные стороны цифровой трансформации современного общества, акцентируется внимание на изменениях в традиционных видах деятельности в период пандемии covid-19, связанных с применением цифровых технологий. Отмечаются наиболее успешные технологические тренды. Опираясь на одно из принятых определений понятий «цифровизация» и «цифровая трансформация», высказывается предположение о непосредственной связи между внедрением новых цифровых технологий и здоровьем граждан, переведенных в период самоизоляции на удаленную работу и дистанционное обучение.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая эпоха, цифровая трансформация, интернет-технологии, дистанционное обучение, удалённая работа

Современное общество находится в постоянной трансформации, переходя на другой уровень развития и меняя ценностные ориентиры. Сегодня основной ценностью в любой сфере человеческой жизнедеятельности является информация, особенно связанная с личностью человека. Это подразумевает использование разных видов данных, в том числе и персональных, применительно к социальным и иным сферам деятельности людей. Кроме того, технологический прогресс в области электроники стремительно развивается, привнося в жизнь современного общества всё новые технические средства. Благодаря этому цифровая трансформация даёт преимущества в работе ведущих компаний, стремящихся освоить новые рынки. Существуют разные взгляды на понимание сущности понятия «цифровая трансформация». Так, под цифровой трансформацией можно понимать модификацию бизнеса посредством изменения стратегии, моделей, операций, продуктов, маркетингового подхода и целей путем принятия цифровых технологий [1]. Главная цель – ускорение продажи и роста бизнеса. Применительно к социально-экономическим системам под цифровой трансформацией понимается полное их преобразование – от концепции до форм функционирования. В этом случае цель цифровой трансформации в том, чтобы отвечать на запросы общества. Но выбор цели цифровой трансформации сугубо субъективен и определяется лицами или коллективом, в чьей компетенции находится решение данной задачи [2]. Однако в период пандемии covid-19 этот процесс начал распространяться и на другие сферы жизнедеятельности общества, часто напрямую не связанные с бизнесом [3]. Очевидно, что цифровизация, как внедрение современных цифровых технологий в различные сферы производства и соци-

альной жизни общества, именно в период пандемии covid-19 получила активное развитие [4]. Так, наиболее успешными в это время стали следующие технологические тренды: онлайн-торговля, роботизированная доставка, электронные и бесконтактные платежи, онлайн-развлечения, телемедицина.

Самые большие изменения претерпели традиционные виды деятельности, например, образование, которые в период пандемии covid-19 вынуждены были применить удалённый график работы или дистанционное обучение. Кроме очевидных преимуществ, таких как предотвращение распространения инфекции, отсутствие необходимости тратить время и средства на дорогу, наибольшая гибкость графика работы, в этом процессе наблюдаются и отрицательные моменты. Так, отсутствие личного общения делает социализацию людей менее активной, что влияет на их поведение и восприятие окружающей действительности. Как считает руководитель отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАН С. Ениколопов, в связи с этим увеличилось число людей, подверженных тревожности и другим психологически дискомфортным состояниям [5].

В связи с карантинными мерами миллионы учащихся и студентов перешли на дистанционное обучение. Помимо освоения новых технологических процессов, сопровождающих этот переход, например, внедрение программ для организации видеоконференций, таких как платформа, разработанная компанией Zoom, важным аспектом успешности выполнения данной задачи стало должное обеспечение обучающихся и учителей техническими средствами. В связи с протяжённостью нашей страны и неравномерным покрытием сети Интернет возможности бесперебойно осуществлять дистанционное обучение отсутствуют в ряде регионов, что нашло отражение в большом количестве жалоб граждан в разные инстанции. Кроме того, учёные активно обсуждают негативное влияние большого количества времени,

проведённого за экраном монитора компьютера, на неокрепшую психику детей младшего школьного возраста. Вместе с тем подчёркивается и отрицательное влияние на зрение длительного использования гаджетов [6].

Период пандемии covid-19 выявил и другой негативный фактор, связанный с вынужденным переходом на альтернативный традиционному способу получения образования: дистанционное обучение снизило качество знаний школьников, что не раз отмечалось общественностью и педагогическим сообществом [7]. Согласно данным Минздрава РФ за 2020 год, 80% российских школьников столкнулись с проблемами с психикой после самоизоляции и дистанционного обучения, 70% школьников стали реже гулять, а каждый второй испытывает головные боли и ухудшение сна. И лишь 10% учащихся сумели адаптироваться к ситуации без потерь для собственного здоровья [8].

Резюмируя сказанное, можно предположить, что, во-первых, цифровые технологии не могут пока заменить полноценное обучение посредством личного общения ученика и учителя. Во-вторых, несомненно, наблюдается негативное влияние дистанционного обучения на здоровье обучающихся, что находит отражение в статистических данных медицинских учреждений страны. Более того, выпущенные Минздравом и Минпросветом новые санитарно-гигиенические нормы свидетельствуют о недопустимости полного перехода на дистанционное обучение. Как отмечается в документе, «на сегодняшний день нет научных исследований, которые подтверждают безопасность полного перевода школьников на ежедневное онлайн-обучение. Многочисленные исследования подтверждают, что бесконтрольная работа на компьютере (взаимодействие с электронным устройством) приводит к выраженному утомлению организма детей, так как она связана со зрительным, статическим, умственным и психологическим напряжением» [9].

В нашей стране наиболее активным проводником политики всеобщей цифровизации не только на финансовом рынке, но и в других сферах общественной жизни, является Публичное акционерное общество «Сбербанк России». Его руководство проявляет интерес к сфере образования в нашей стране, внедряя в него цифровые технологии, и, часто высказываясь на этот счёт, создаёт подразделения, которые напрямую никак не связаны с банковским делом. Так, руководитель одного из них, научной лаборатории нейронаук и поведения человека, А. Курпатов в январе 2020 года на форуме в Давосе открыто рассказал об отрицательных последствиях внедрения цифровизации в образование: «Когда мы говорим о цифровизации, мы говорим обычно о цифровизации бизнес-процессов государственного управления, образования... Я бы хотел говорить о том, как изменились человеческая психология, его психика, и как меняется наш мозг в данной ситуации, когда мы цифровизуем, по сути дела, уже человека... Мы то, какую информацию мы потребляем» [10]. Учитывая активность, проявляемую руководством Сбербанка в отношении сферы образования, например, внедрение в школах некоторых регионов пилотного проекта «Ладочки» [11], можно предположить: оно прекрасно понимает, что за детьми будущее, а, управляя процессом образования, можно в перспективе управлять и теми, кто является «потребителем» рынка цифровых технологий. По мысли руководителя Сбербанка Г. Грефа, высказанной им на экономическом форуме в Санкт-Петербурге, «как только простые люди поймут основу своего я, самоидентифицируются, управлять, то есть манипулировать ими будет чрезвычайно тяжело» [12].

Несомненно, понимание сути вещей и самоидентификация людей школьного возраста происходят постепенно и во многом благодаря чтению книг. Анализируя прочитанное, человек учится рассуждать, понимать, соотносить, тренирует мышление и

другие психические процессы, которые невозможно развить, опираясь исключительно на цифровые технологии. В этом контексте А. Курпатов, являясь дипломированным психотерапевтом, сетует на жалобы родителей школьников о массовом снижении интереса к чтению книг, поскольку «цифра» уничтожает бумажные книги. И далее он продолжает, что «мы сейчас, по сути дела, переживаем фундаментальную трансформацию. Мы переезжаем из галактики Гутенберга в галактику Цукерберга. Из цивилизации текста, системного мышления, мы переходим в цивилизацию зрительных образов, где нет ни аналитического мышления, ни системного» [13]. Вероятно, из данного высказывания следует, что представители руководства Сбербанка всё же осознают опасность массового и единовременного внедрения цифровых технологий в сферу образования, хотя в период пандемии covid-19 стало особенно удобно проверять на практике подобные технологии, оправдывая их быстрое и повсеместное внедрение требованиями момента. Заметим, часто цифровые технологии предполагают получение личных данных людей, например, упомянутый выше проект «Ладочки» предусматривает сбор персональных данных детей и их родителей [14].

Причины такого поведения со стороны крупной корпорации, вероятно, зародились задолго до возникновения ситуации с пандемией covid-19. Так, автор пока не вышедшей в нашей стране книги американская исследовательница Shoshana Zuboff, говоря о внедрении цифровых технологий и сборе с их помощью данных о клиентах, считает, что «хотя некоторые из этих данных применяются для улучшения продукции или услуг, остальные декларируются в качестве поведенческих излишков, вводятся в перспективные производственные процессы, известные как «машинный интеллект», и превращаются в базу прогнозирования, которая предвосхищает то, что вы будете делать сейчас, в ближайшее время и позже» [15. С. 15].

Очевидно, процесс изменения технического состояния общества начался в 1964 году, когда компания IBM анонсировала первое семейство компьютеров, «предназначенных для охвата всего спектра применения с разной степенью производительности, но с одним и тем же набором команд» [16]. В рамках государства информационная революция проходит несколько этапов: автоматизация, цифровизация и цифровая трансформация. На первом этапе предполагается «внедрить IT-решения, повторяющие имеющиеся процессы» [17]. Далее начинается этап улучшения всех процессов, их оптимизация, сбор и анализ данных для принятия дальнейших решений. Заключительный этап предполагает рождение новых моделей деятельности, соединение возможностей технологий и традиционной сферы деятельности, что в свою очередь приводит к появлению новых продуктов и процессов с принципиально иными качествами. Применительно, например, к органам власти это сводится к тому, что трансформация затронет не только сам орган власти, но и широкий круг граждан, имеющих с ним дело. То же самое касается и других отраслей, корпораций и учреждений. Всем им необходим будет обмен данными по различным направлениям деятельности людей, что включает в себя и персональные данные человека.

Из этого следует, что вопрос обеспечения безопасности и сохранности персональных данных миллионов людей будет актуальным на протяжении всего периода цифровизации в разных сферах жизни общества. Государство делает шаги в этом направлении, например, принимая такие юридические документы как «Положение о безопасности информационных систем личных данных» [18], однако, до сих пор на высоком государственном уровне подчеркивается, что данный вопрос в полной мере не решён [19]. И пока он не решён кардинально, мы можем отнести вышеназванный фактор к негативной стороне процесса цифровизации.

Таким образом, в период пандемии covid-19 наступил, на наш взгляд, наиболее благоприятный момент для активного внедрения цифровизации в жизнь общества. Процесс цифровизации, начавшийся до пандемии covid-19, очевидно таит в себе, как любое общечеловеческое явление, положительные и отрицательные черты. И только обществу выбирать, по какому пути пойти: «Человеку приходится жить в постоянно меняющейся среде и принимать решения об интерпретации многозначной информации всех уровней – от сенсорных стимулов до языка и коммуникации в целом, что зависит от разных видов контекста» [20. С. 683].

ЛИТЕРАТУРА

1. Хомякова С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне // Молодой учёный. 2019. № 41 (279). С. 9–12.
2. Кудбиев Ш. Методологические аспекты цифровой трансформации // International scientific review. 2020. С. 20–35.
3. Тимофеев А. Все онлайн: как коронавирус помог цифровизации // Газета.ru 2020. 10 апр.
4. Даниелян М. Цифровизация и covid-19: 10 технологических трендов в период пандемии // Rights Business Standard. URL: <https://rbs.partners/mediatsentr/tsifrovizatsiya-i-covid-19-10-tekhnologicheskikh-trendov-v-period-pandemii> (дата обращения: 19.03.2021).
5. Веденева Н. Учёные бьют тревогу: сохранение «удалёнки» может быть опасным: Дело может дойти до насилия // Московский комсомолец. 2020. 16 авг.
6. Губернаторов Е. Пандемия коронавируса // РБК 2020. 19 мар.
7. Просина Т. Дистанционное обучение // Учительская газета. 2020. 29 окт.
8. В Минздраве выяснили, что дистанционное обучение подорвало здоровье 80% российских школьников // Эксперт. 2020. 14 сент.
9. Новые санитарно-гигиенические рекомендации от Минздрава и Минпросвета свидетельствуют: полный переход на дистанционное электронное обучение недопустим! // РИА Катюша. 2020. 28 апр.
10. Скопина О. Под улыбкой Грефа. Цифровизация превратит школу в конвейер дураков // Информационное агентство. Красная весна. URL:

<https://rvs.su/statia/pod-ulybkoy-grefa-cifrovizaciya-prevratit-shkolu-v-konveyer-durakov> (дата обращения: 20.03.2021).

11. О проекте Ладочки // Ладочки. Система питания. URL: <https://ладочкидети.рф> (дата обращения: 20.03.2021).

12. Афанасьев С. Греф боится. Откровения Германа Грефа: «Власть народа – это страшно» // Российский писатель. URL: <https://rospisatel.ru/gref-boitsja.htm> (дата обращения: 20.03.2021).

13. «Эпидемия цифрового аутизма». Известный психиатр Курпатов рассказал в Давосе, как смартфоны уничтожают интеллект человека и дал советы как от этого спастись // Страна.ua 2020. 13 февр.

14. Ладочки. Система безличного питания в школах. Что это такое? // Яндекс. Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/nedomat/ladoshki-sistema-bezlichnogo-pitaniia-v-shkolah-chto-eto-takoe-5e258e343d5f6900b0ad6d90> (дата обращения: 20.03.2021).

15. Zuboff S. The age of the surveillance capitalism. The fight for a human future at the new frontier of power. New York : Nchette Book Group, 2019. 724 p.

16. Алейник Н. Что такое цифровизация // Rusbase. 2019. 11 дек.

17. Этапы цифровой трансформации. Через что вам придется пройти // Рамблер. 2019. 15 дек.

18. Положение о безопасности информационных систем личных данных // Российская газета. 2007. 21 нояб.

19. Астафьев А. Мишустин заявил о важности сохранения персональных данных граждан // Аргументы и факты. 2020. 15 дек.

20. Черниговская Т.В. [и др.] Мозг человека и многозначность когнитивной информации: конвергентный подход // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 4. С. 675–686.

СЕКЦИЯ VI. ВОСТОЧНЫЕ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ДЕМИСТИФИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

УДК 327.82: 94

С.Н. Александров

АМЕРИКАНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРИСУТВИЕ КАК ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ КАЗАХСТАНОМ СТРАТЕГИИ МНОГОВЕКТОРНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (1991–2001 гг.)

На примере анализа экономического присутствия США в Казахстане в 1990-х гг. рассматривается сюжет из истории американо-казахстанских отношений. Целью данного исследования является выявление причины привлечения правительством Казахстана американского нефтяного бизнеса. Автор приходит к выводу, что американское экономическое присутствие в Казахстане было взаимовыгодным, так как отвечало интересам обеих стран. Результатом привлечения США в регион стало ослабление позиций России и Китая.

Ключевые слова: США, Казахстан, многовекторная внешняя политика, экономическое присутствие, геоэкономика

Распад СССР в декабре 1991 г. стал одним из крупнейших событий XX в. Для властей новых независимых государств (ННГ) исчезновение единой державы ознаменовало начало кардинальных преобразований в их странах. В первую очередь это означало переход к демократическому типу устройства государства и смену экономической системы хозяйствования. После обретения независимости правительство Казахстана начало предпринимать первые меры по осуществлению перехода от

плановой к рыночной модели экономики. Молодому государству предстояло структурно выстроить народное хозяйство, в основе которого теперь должен был лежать капитализм, что представляло собой настоящий вызов для руководства страны, так как переход пришлось совершать в условиях социально-экономического кризиса: прекращение существования единой валютной зоны, разрушение единства хозяйственных связей между бывшими частями СССР, ускоренный рост безработицы и уровня цен на товары и услуги [1. С. 244].

В 1990-х гг. ближайшим торговым партнёром Казахстана оставалась Российская Федерация, но по целому ряду причин правительство среднеазиатской республики всячески добивалось ослабления своей экономической зависимости от России. Основной причиной было негативное восприятие России как колонизатора казахского народа: были сильны опасения, что экономическая зависимость станет зависимостью политической. Стремительно развивающийся соседний Китай также не полностью подходил для Казахстана на роль основного торгового партнёра из-за своих территориальных притязаний к среднеазиатской республике. Экономическое сближение с такими соседями как Турция и Иран, также не виделось беспроигрышным вариантом для Казахстана в силу пантюркистских настроений в Турции и большого влияния ислама в Иране.

Недружественное – в представлении казахстанского правительства – окружение Казахстана подталкивало властей республики к выработке такого внешнеполитического курса, который обезопасит страну от внешних посягательств и обеспечит её независимость. Это стало предпосылкой для выбора в качестве внешнеполитической доктрины стратегии «многовекторной внешней политики» [2. С. 98]. Такая стратегия предполагала, что Казахстан придерживается принципов международного сотрудничества, добрососедства и уважения территориальной це-

лостности других государства [1. С. 250]. В первые годы независимости эта стратегия не была реализована правительством Казахстана в полной мере, однако некоторые её особенности мы можем обнаружить и в 1990-х гг., например, установление и развитие американо-казахстанских отношений.

Американо-казахстанские отношения были официально установлены 25 декабря 1991 г., когда США признали независимость Казахстана. Уже в январе 1992 г. США открыли в Алма-Ате своё посольство. Белый дом был заинтересован в необратимости распада СССР в связи, с чем предпринимали последовательные меры, закрепляющие независимость бывших советских республик, поэтому признание Казахстана не продемонстрировало особое отношение к республике со стороны Вашингтона. Однако – очень скоро – в США начали выстраивать свой подход в отношении Казахстана в силу наличия у последнего стратегического ракетно-ядерного вооружения. Также особый подход начал дорабатываться после обнаружения богатых нефтяных залежей на шельфах Каспийского моря недалеко от казахского побережья. Ключевые интересы США в отношении Казахстана были схожи с национальными интересами казахской республики, что позволило начать выстраивать крепкие двусторонние отношения. Помимо государственных органов, таких как «Агентство США по международному развитию» и «Корпуса мира», а также различных НКО и НПО задачами которых были укрепление казахстанского энергетического рынка и поддержка экономических реформ, в Казахстан пришли представители американских бизнес-структур.

Для развития и регуляции экономических взаимоотношений между странами был подписан ряд нормативно-правовых актов. В части экономического взаимодействия между США и Казахстаном в мае 1992 г. было подписано Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций, которое в январе 1994 г. всту-

пило в силу. В середине 1990-х гг. была подписана Казахстанско-Американская декларация по торговому, инвестиционному и экономическому сотрудничеству. В 1996 г. начал действовать двусторонний договор об избежании двойного налогообложения между США и Казахстаном. В ноябре 1997 г. с момента подписания вступила в силу программа действий по экономическому партнёрству между Республикой Казахстан и Соединёнными Штатами Америки.

Правительство Казахстана было заинтересовано в привлечение прямых инвестиций для развития национальной экономики: в стране не хватало собственных внутренних ресурсов для планомерного восстановления разрушенных отраслей. Экономика Казахстана остро нуждалась в финансовых вливаниях, в противном случае кризисное состояние начала 1990-х гг. могло обернуться дефолтом, который казахстанские власти, стремящиеся сохранить независимости страны, допустить не могли. Наиболее перспективной отраслью для привлечения инвестиций была нефтяная промышленность, развитие которой было потенциально способно стать в будущем основой экономики Казахстана.

В свою очередь США были готовы инвестировать в Казахстан, так как Белый дом хотел укрепить свои позиции в регионе посредством своего экономического присутствия. Американские инвестиции могли стать рычагом влияния на политику казахстанского правительства, поскольку в случае несогласия с официальным Вашингтоном Казахстан рисковал остаться без финансовой поддержки. Также среди негласных задач Вашингтона было намерение вывести Казахстан из российской зоны влияния, поэтому инвестиции в экономику постсоветской республики были взаимовыгодным начинанием.

Совпадение интересов Казахстана и США нашло своё воплощение через капиталовложения последних в нефтяную отрасль среднеазиатской республики. На казахстанский рынок за-

шла ТНК «Шеврон», став флагманом американского бизнеса в Казахстане. В 1993 г. была образована ТОО «Тенгизшевройл», где среди стран-учредителей помимо Казахстана с долей в 20% и российской компании «ЛукАрко» с 5% были США, представленные «Шеврон» – 50% и «ЭксонМобил» – 25%. В учреждённом в 1997 г. консорциуме компаний «Карачаганак Петролиум Оперейтинг Б.В.» доля «Шеврон» составляла 18%. В 1998 г. в Казахстане была открыта «Шеврон Интернэшнл Петролеум». В 2000 г. в Казахстане начинает работать «Норт Каспиан Оперейтинг Компани Н.В.», где доля «ЭксонМобил» составляла 16,81%.

Вашингтон интересовали не только нефтяные запасы, которые потенциально можно было направить в страны Запада, но и возможность начать формировать казахскую элиту в прозападном направлении. В качестве отдельной перспективы Белый дом видел потенциал для ослабления позиций Ирана и России в регионе путём влияния на маршруты транспортировки нефти по трубопроводам. Примером такой геэкономической политики стало строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан всесторонне поддерживаемое США. Предполагалось, что нефть из казахстанских месторождений Тенгиз и Кашаган танкерным способом будет перевозиться через Каспий для загрузки мощностей нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан в обход России и Ирана [3. С. 28].

Американский крупный бизнес был представлен и в неэнергетических секторах экономики Казахстана. Например, в 1993 г. табачная компания «Филип Морис» приобрела акции АО «Алматинской табачной компании» в результате чего была образована ТОО «Филип Морис Казахстан». Эта компания производила сигареты международных марок, как для внутреннего потребления, так и для экспорта в другие страны региона. В 1993 г. представители американской холдинговой компании «Chase Manhattan Corporation» объявили об учреждении совместного с

Казахстаном инвестиционно-банковского предприятия. Целью предприятия было привлечение инвестиции в республику, а также предоставление казахстанским компаниям доступа к международным рынкам капитала. С 1994 г. в Казахстане работает «Ситибанк», ставший одним из крупнейших иностранных инвесторов в стране.

Непосредственно сам товарооборот с США не являлся жизненно важным приоритетом для Казахстана, так как по своим показателям он не входил в первую десятку. Некоторая доля всего экспорта из Казахстана предназначалась и для США. Казахстан поставлял такие товары как: кремний, уран, титановая губка, тантал, феррохром, арматура и стальной прокат. На импорт из США в Казахстан шло различное оборудование, транспортные средства и электроника. В среднем импорт превышал экспорт в два раза.

В целом экономическое сотрудничество между США и Казахстаном являлось отражением их политического сотрудничества. Исключительно экономические интересы между странами были второстепенными в двустороннем взаимодействии. Правительство Казахстана было заинтересовано в том, чтобы США стали их партнёром и вышли на казахстанский рынок. Укрепление позиций Вашингтона в регионе не давало бы России и Китаю существенно влиять на политику среднеазиатской республики. Для США экономическое присутствие в Казахстане также в первую очередь служило делу обеспечения американской национальной безопасности. Американские инвестиции в нефтяную промышленность удовлетворили интересы обоих государств, став платформой их взаимодействия в будущем. Однако в отношении Казахстана всё ещё действовала поправка Джексона-Вэника, что позволяет сделать вывод о некоторых противоречиях между странами, которые всё же не удалось преодолеть.

Таким образом, американское экономическое присутствие в Казахстане является примером воплощения стратегии многовекторной внешней политики Казахстана, целью которой было не допустить излишнего усиления одной из держав, заинтересованных в регионе. Предоставив доступ американским нефтяным ТНК к нефтяным месторождениям Каспия, Казахстан обезопасил себя от угрозы усиления позиций России и Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ханова И.Е. Республика Казахстан. Очерк политической и экономической истории // Труды института постсоветских и межрегиональных исследований. 2019. Вып. 2: Казахстановедение. С. 217–258.

2. Троицкий Е.Ф. Внешняя политика Казахстана: формирование и развитие (1992–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 337. С. 96–99.

3. Заславский И. Дело труба: Баку-Тбилиси-Джейхан и казахстанский выбор на Каспии. М. : Ин-т евразийских исследований, 2005. 192 с.

УДК 504.064.47

Е.М. Бабынцева

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПЕРЕРАБОТКИ МУСОРА В КИТАЕ: 1990-е гг. – 2020 г.

Каждый день образуется огромное количество отходов, поэтому их переработка является актуальной темой во всем мире и особенно в Китае. Актуальность исследования заключается в том, что, сейчас в Китае идет процесс строительства экологической цивилизации, правительство выделит миллиард юаней на экологические проекты, в том числе и на развитие сферы переработки. Предметом исследования является процесс развития сферы переработки мусора в Китае. Цель статьи – рассмотреть процесс изменения системы.

Ключевые слова: переработка мусора, мусорные свалки, мусоросжигание, классификация мусора, вторичная переработка

Для начала необходимо дать определение термину “переработка отходов”. Переработка отходов – это способ взаимодействия с отходами, который преследует цель безопасного уничтожения (сжигание или захоронение) или вторичного использования энергии, материалов или сырья, полученных в результате процесса переработки [1].

Развитие отрасли по переработке мусора в Китае берет свое начало в 1990-х гг. До этого времени процесс утилизации мусора не был никак систематизирован. В основном отходы размещались на свалках в пригородах.

С 1990-х гг. начали развиваться 2 основных способа утилизации мусора: мусоросжигание и захоронение на санитарных свалках. Сначала активнее всего развивалась утилизация на санитарных свалках. Министерство строительства КНР проектировало размещение свалок и устанавливало нормы по безопасной эксплуатации и обслуживанию полигонов, которые с каждым годом ужесточались. Несмотря на строгие нормы, данный вид утилизации отходов имеет много минусов: опасные вещества просачиваются через слои защитной мембраны, тем самым вызывая загрязнение почвы и грунтовых вод; количество отходов растет, поэтому необходимо увеличивать количество свалок и расширять их площадь; рост количества нелегальных свалок.

Тем не менее, захоронение отходов до сих пор является одним из основных способов утилизации мусора. По состоянию на 2017 год, 53% городских бытовых отходов в Китае было переработано на свалках [2].

Параллельно с этим развивается мусоросжигание как способ утилизации отходов. С начала своего развития до 2010-х гг. данный метод утилизации был не очень популярен, так как сжигание мусора вызывало загрязнение воздуха в близлежащих районах. Когда люди узнавали, что рядом с их домом планируется строительство мусоросжигательного завода, они объединя-

лись и устраивали забастовки: например, в 2006 году в Пекине люди устроили забастовку против строительства мусоросжигательного завода Люлитун [3].

После забастовок, устроенными жителями, правительство Китая сосредоточилось на продвижении этого вида утилизации отходов путем популяризации научных фактов влияния мусоросжигания на экологию. При правильном использовании современных технологий концентрация вредных веществ в воздухе не превышает допустимых значений. К тому же, содержание свалок обходилось компаниям очень дорого, поэтому отрасль сжигания отходов начинает активно развиваться. Новые заводы строятся в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Шэньчжэне, Сямыне, постепенно внедряются новейшие технологии. В 2013 году в Китае было построено 166 мусороперерабатывающих заводов с общей суточной мощностью 158 500 тонн [4].

С развитием мусоросжигания как способа утилизации разрабатывалось соответствующее законодательство. Первый «Стандарт по контролю загрязнения при сжигании бытовых отходов» был опубликован в 2000 году. В котором были прописаны технические требования к выбору места строительства и эксплуатации, допустимые нормы выбросов и меры контроля [5]. В ходе развития данной отрасли стандарты пересматривались и ужесточались. С 2016 года вступил в силу новый стандарт, нормы выбросов в котором были приближены к европейским [6].

Экологическая повестка ставит необходимость поиска альтернативных источников энергии. К ним можно отнести не только ветряные мельницы или солнечные батареи, но и мусор. Получение энергии из отходов активно развивается не только в Китае, но и во всем мире. Например, в странах Европы. Этот способ получения энергии считается одним из экологически чистых. В результате сжигания образуется пар, который потом преобразуется в энергию [7].

По некоторым данным, первые заводы, работающие на свалочном газе, появились еще в 1990-е гг. Тем не менее, основное развитие эта отрасль получила в 2013 г. после того, как было опубликовано «Заключение Государственного совета по ускорению развития отраслей энергосбережения и защиты окружающей среды». В нем предлагалось превратить отрасль по охране окружающей среды в новую отрасль национальной экономики, что подчеркивало важность получения энергии из отходов [8]. В 2020 году в Китае было построено уже 480 заводов, производящих энергию из мусора [9].

Еще одним важным шагом для формирования системы переработки мусора стало введение обязательной сортировки. Это было необходимо для более качественной утилизации и переработки. 18 сентября 2017 года Госсовет КНР одобрил «План внедрения системы классификации бытовых отходов». Согласно этому плану к 2020 году в 46 городах Китая должна быть разработана классификация и система раздельного сбора мусора (в соответствии с местными условиями), дополнена нормативно-правовая база, введены меры поощрения и наказания [10]. В 2018 году было опубликовано «Уведомление об ускорении классификации бытовых отходов в некоторых ключевых городах». По заявлению пресс-секретаря Национальной комиссии по развитию и реформам Мэн Вэя сортировка в этих городах достигла около 87% [11].

Планируется, что к 2025 году города на уровне префектур и выше по всей стране будут иметь системы сортировки мусора.

Согласно «Плану внедрения системы классификации бытовых отходов», бытовые отходы в Китае подразделяются на 4 категории: 1) пищевые отходы (остатки пищи, кости, корни и листья овощей, кожура); 2) перерабатываемый мусор (пластик, бумага, стекло, металл и ткань); 3) опасные отходы, то есть отходы, которые содержат тяжелые вещества, вредные для здоро-

вья человека, или отходы, наносящие фактический или потенциальный вред окружающей среде (батарейки, люминесцентные лампы, ртутные термометры, некоторые бытовые приборы, лекарства с истекшим сроком годности); 4) другой мусор, в эту категорию входит все те отходы, которые не попадают ни в одну из трех вышеперечисленных категорий (туалетная бумага, пластики, окурки, коробки от пищевых продуктов) [12].

Классификация мусора позволяет активнее развиваться отрасли вторичной переработки. Вторичная переработка – это переработка материалов, которые потом можно использовать в производстве других товаров. Обычно этими материалами являются пластик, стекло, бумага, электротехника, металл и шины. В целом, с 2017 по 2018 год переработка этих материалов выросла на 11% [13], а, например, количество переработанного пластика выросло на 8% (с 16,9 млн тонн до 18,3 млн тонн) [14]. Однако количество вторично переработанных материалов не такое уж и большое, по разным данным оно составляет от 4% до 15% от общего количества [15].

Подведем некоторые итоги всему сказанному выше. Во-первых, долгое время система утилизации мусора была представлена мусоросжигательными заводами и санитарными свалками. Сейчас делается основной упор на мусоросжигание, так как этот способ достаточно дешевый и при использовании самых передовых технологий почти безвредный. Во-вторых, в настоящее время правительство Китая продвигает систему раздельного сбора отходов для дальнейшей переработки мусора и вторичного использования материалов. В-третьих, мусор в Китае считается не просто отходами, а неэффективно используемым ресурсом. Сейчас идет активное развитие получения энергии из отходов и вторичной переработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Повторная переработки отходов, варианты обращения с ними // Musorish. URL: <https://musorniy.ru/opredelenie-termina-pererabotka-othodov/> (дата обращения 26.01.2021).
2. 2020年中国垃圾分类发展历程及概况分析 (Процесс разработки и анализ классификации отходов в Китае по состоянию на 2020 год) // 北极星固废网. URL: <http://huanbao.bjx.com.cn/news/20210107/1127824.shtml> (дата обращения 19.02.2021).
3. 北京六里屯垃圾焚烧厂被否决 居民曾强力重建 (Строительство Пекинского мусоросжигательного завода Люлитунь было отклонено из-за протеста жителей) // 腾讯新闻. URL: <https://news.qq.com/a/20110209/000031.htm> (дата обращения 07.10.2020).
4. 2015年生活垃圾焚烧发电行业现状 (Состояние отрасли энергетической утилизации бытовых отходов в 2015 году) // 中国产业信息. URL: <http://www.chyxx.com/industry/201512/364670.html> (дата обращения 07.10.2020).
5. 生活垃圾焚烧污染控制标准2000版 (Стандарт по контролю загрязнения при сжигании бытовых отходов от 2000 года) // 百度文库. URL: <https://wenku.baidu.com/view/63fcc6e51fd9ad51f01dc281e53a580217fc501c.html#> (дата обращения 08.10.2020).
6. 《生活垃圾焚烧污染控制标准(GB 18485-2016)》(Стандарт по контролю загрязнения при сжигании бытовых отходов) // 原创力文档. URL: <https://max.book118.com/html/2015/1011/27077422.shtml> (дата обращения 01.04.2021).
7. Энергия из отходов: новейшие технологии против мусора // Ростех. URL: <https://rostec.ru/news/energiya-iz-otkhodov-zelenye-tehnologii-protiv-musora/> (дата обращения 19.02.2021).
8. 生活垃圾焚烧发电国家政策整理 (2000年——2016年) (Национальная политика в области производства электроэнергии от сжигания бытовых отходов 2000–2016 гг.) // 北极星固废网. URL: <http://huanbao.bjx.com.cn/news/20170310/813150-3.shtml> (дата обращения 08.10.2020).
9. 垃圾发电走向蓝海 (Производство электроэнергии на основе мусорных отходов все больше распространяется) // 北极星固废网. URL: <http://huanbao.bjx.com.cn/news/20210219/1136703.shtml> (дата обращения 19.02.2021).
10. 生活垃圾分类制度实施方案 (План внедрения системы классификации бытовых отходов) // 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/30/content_5182124.htm (дата обращения 09.10.2020).

11. 国家发改委：全国46个重点城市生活垃圾分类小区覆盖率已达86.6% (Национальная комиссия по развитию и реформе: степень охвата сообществ по классификации бытовых отходов в 46 ключевых городах страны достигла 86,6%) // 北极星固废网. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1686218174428391676&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.03.2021).
12. 垃圾分类 (Сортировка отходов) // 百度百科. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%9E%83%E5%9C%BE%E5%88%86%E7%B1%BB/2904193?fr=aladdin> (дата обращения: 18.02.2021).
13. 中国再生资源回收行业发展白皮书 (Белая книга о развитии китайской промышленности по переработке вторичных ресурсов) // 搜狐. URL: https://www.sohu.com/a/290941798_120087980 (дата обращения: 20.02.2021).
14. 中国再生资源回收行业发展报告 (2019) (Отчет от 2019 г. о развитии индустрии вторичной переработки возобновляемых ресурсов Китая) // 中华人民共和国商务部. URL: <http://tftz.mofcom.gov.cn/article/ztzzn/201910/20191002906058.shtml> (дата обращения: 03.04.2021).
15. Отходы в Китае: темная сторона экономического благополучия // Магазета. URL: <https://magazeta.com/china-waste-management/> (дата обращения: 15.03.2021).

УДК 930.2:77

Н.С. Белозерцева

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ИНДИЙЦЕВ В ЭКРАНИЗАЦИЯХ МАХАБХАРАТЫ

Производимый анализ экранизаций сакрального текста Махабхараты с позиции религиозного историзма позволяет увидеть, как индийцы с помощью внешней трансформации священных образов эпоса актуализируют свои этико-религиозные представления, благодаря чему сохраняется религиозно-историческая память индийского народа. Тем самым это общество, будучи современным, является примером для мирового сообщества по сохранению собственной исторической памяти.

Ключевые слова: Махабхарата, религиозно-историческая память, кинематограф, актуализация образов

Век глобализации и цифровизации сопровождается процессами унификации и стандартизации. В связи с чем, встаёт вопрос: как сохранить историческую память и идентичность, при этом оставаясь всегда современным. В этом смысле очень интересен опыт Индии, которая, сохраняя древнюю традицию, обновляется на каждом витке истории. Центральным произведением для понимания процессов, протекающих в индийском обществе, отражающим менталитет жителей Индостана, является Махабхарата, именуемая также Пятой Ведой.

Данный эпос – важнейшее произведение для понимания того, как сами индийцы осознают себя в истории. Её изучение крайне актуально в современной науке, поскольку рассматриваемый текст по сей день продолжает оказывать решающее воздействие на менталитет индийского общества и становится ответом на многие вопросы для современных людей других стран. Махабхарата является продуктом традиции и способствует её трансляции сквозь века. Она была создана высшими кастами древнеиндийского общества как ответ на исторический вызов, что способствовало сохранению Индии как мирового субъекта по сей день.

Для изучения воздействия древней индийской традиции на современность выбор пал на кинематограф неслучайно. Он обусловлен тем, что кинематограф является синтезом множества искусств, а также его функциями в обществе. М.И. Жабский пишет, что кинематограф – это «зеркало и молот преобразования общественной действительности» [1. С. 9]. Благодаря такому многогранному виду искусства, создатели экранизаций эпоса с помощью интерпретации священных образов Махабхараты актуализировали древнейшие этико-религиозные представления (о предназначении человека, истинных ценностях бытия и т.д.) в индийском обществе, что способствовало сохранению особенностей менталитета и исторической памяти этого народа в кризисные моменты истории Индии. Следовательно, для изучения

действия древней традиции в современности нужно проанализировать то, как создатели фильмов производили актуализацию священных образов. Для этого необходимо проследить трансформацию главных героев древнего произведения.

Итак, основными персонажами эпоса являются: мужчины – Кришна, Бхишма, Дроначарья, Видура, Панду, Пандавы (Юдхиштхира, Бхимасена, Арджуна, Накула и Сахадева), Абхиманью являются положительными персонажами, а Дхритараштра, Дурьодхана, Шакуни, Карна – отрицательными; женщины – Сатьявати, Амба (Шикханди), Гандхари, Кунти, Драупади. В женских образах нет однозначно отрицательных персонажей. На всех этих образах построено не только действие древнего текста, но и традиционное воспитание множества поколений индийцев.

Махабхарата с санскрита переводится на русский язык как «Великая битва потомков Бхараты». Герман Ольденберг однажды сказал о ней: «В «Махабхарате» дышат единая душа Индии и душа каждого индийца в отдельности [2. С. 38]. Древний эпос состоит из восемнадцати книг. Основной сюжет посвящён вражде двух родов клана Куру – Пандавов и Кауравов, которые друг другу приходится двоюродными братьями. Точкой невозврата в этом конфликте становится проигрыш Пандавов в ритуальной игре в кости и последовавшее за этим разделение их жены Драупади в зале собрания. Это событие приводит к восемнадцатидневной битве на Курукшетре (поле Куру). Перед началом сражения из-за сомнений Арджуны великий Кришна, который в этой битве стал колесничим Партхи (одно из имён Арджуны), являет свою божественную сущность земному другу, что и описано в Бхагавадгите вместе с его наставлениями и ответами на вопросы царственного лучника. Победу в итоге одержали пятеро братьев Пандавов.

Экранизации Махабхараты в Индии начинаются с выходом в свет в 1965 году на хинди фильма режиссёра Бабухая Мистри.

Данный фильм длится два часа тридцать девять минут и сорок четыре секунды. Появляется это произведение в беспокойное для Индии время. В 1964 году умирает Джавахарлал Неру. В правительстве активизируются партийные и политические противоборства, что в итоге привело страну к глубокому экономическому кризису середины 60-х гг.

Также помимо внутренних негативных изменений Индия испытывала воздействие общемирового процесса начавшейся сексуальной революции. Возникли серьёзные перемены в обществе, которые были свойственны всем странам в тот период. Карл Юнг писал о них в своём эссе «Трансцендентальная функция»: «Благодаря индустриализации огромные группы населения были оторваны от своих корней и собраны вместе в крупных центрах. Эта новая форма существования – со своей массовой психологией и социальной зависимостью от колебаний рынка и оплаты труда – произвела на свет индивида, который нестабилен, незащищен и внушаем» [3. С. 24].

Важнейшим ответом на исторические вызовы становится в силу своей авторитетности экранизация великого эпоса Махабхарата. Надо сказать, сюжет фильма по сравнению с эпосом довольно упрощён, все герои обозначены близко к тексту, узнаваемы, но, на наш современный взгляд, очень символичны. В данной версии Махабхараты большее место уделено «индийским танцам и дракам» по отношению к отведённому времени для основного текста эпоса и в сравнении с последующими экранизациями. В контексте ситуации, сложившейся в стране и за её пределами, требовался незамедлительный ответ индийского общества на исторический вызов времени, поэтому, некоторые персонажи (Сатьявати, Шантану, Бхишма, Шикханди (Амба)) и связанные с ними подробности, не имеющие принципиального значения, были выведены из произведения.

Образ Драупади, как и в эпосе, отражает символ чести и достоинства женщины. Данный персонаж показан выпукло и име-

ет гиперболическую форму, что, на мой взгляд, также является ответом на вызов сексуальной революции, так как необходимо было сохранить традиционную роль женщины в индийском обществе.

Этот фильм адресован людям с ещё сильным мифологическим сознанием, что становится очевидно по «скромной» подаче эмоциональных сцен, в которых нет акцента на переживания персонажей, не производятся уточнения, как именно то или иное событие воспринимается героем или героиней. Ясно, что зритель, знакомый с текстом эпоса, и так понимает, что имеется в виду.

Махабхарата 1965 года заканчивается поражением на поле боя Дурьодханы и восшествием на престол Хастинапура Юдхишхиры. Примечательно, что не показаны муки совести Юдхишхиры по поводу убийства своих грешных братьев, что имеет место, как в эпосе, так и в последующих киноверсиях. Изображается только его восседание на престоле, через что, как мне представляется, утверждается сильное единое государство при едином правителе, что, несомненно, важно было для Индии 60-х, поскольку к тому моменту не прошло ещё и 20 лет, как были собраны княжества этой страны в единое государство не без усилий со стороны того же М. Ганди, Дж. Неру и других.

Данный фильм сыграл свою роль в сохранении индийского социума. В этой стране не было тех разрушительных последствий из-за сексуальной революции, которые были на Западе. Как пример таких последствий, можно вспомнить демографический кризис, который поставил под угрозу само существование западного общества, я уже не говорю о получивших широкое распространение опасных венерических заболеваниях. Очень показательным то, что после 1965 года в Индии наступает стабилизация в связи с подписанием мирного договора с Пакистаном.

Следующая экранизация Махабхараты выходит в свет в октябре 1988 года – это сериал, состоящий из 94 серий, продолжи-

тельность которых колеблется от 31 минуты до 45 минут. Показ этого сериала длился до июля 1990 года. Сериал буквально «взорвал» экраны и стал одним из самых успешных телепроектов Индии. Образы этого сериала сделаны так же, как и в предыдущей версии, символично, но более объёмно, нежели в экранизации 1965 года, где в основном присутствуют узнаваемые поведенческие схемы.

Для Индии период показа сериала стал переходным. Правительству пришлось менять экономическое устройство в своей стране под систему всеобщего мирового хозяйства, поскольку от первоначального типа ведения хозяйства, которое было прежде в Индии, отказалась сама та страна, которая этот тип создала, объявив его неправильным и безнадёжным, и начала у себя перестройку. Но, несмотря на первоначальное улучшение экономических показателей, индийская традиционная ментальность испытывала в этот период колоссальное давление. Благодаря экономическому «открытию» Индии в неё хлынул поток западной массовой продукции, а вместе с тем, и культуры. Происходит дестабилизация в обществе, так как проводимая либерализации экономики, не способствующая социальной гармонизации, привела многих к обнищанию, к усилению стратификации и межрелигиозным распрям. В связи с этим в фильме производится актуализация образа Бхишмы, как хранителя традиции. Этому образу в данной версии уделено больше внимания, чем Кришне. Это и неудивительно, поскольку при изменении исторической ситуации, угрожающей сохранению национального менталитета, Индия отвечает изменением подачи священных образов Махабхараты, как можно будет увидеть вновь и вновь.

Также обращает на себя внимание и персонаж Рассказчик-время (которого нет ни в тексте эпоса, ни в других экранизациях), утверждающий текучесть и постоянную смену эпох. Он однозначно способствовал более спокойному принятию зрителями

происходивших изменений. Через образы Шакуни и Дурьодханы, даже без мельчайших подробностей эпоса, создатели сериала показывали все пороки, свойственные людям. Насколько они омерзительны, к каким результатам приводит несправедное поведение, а также демонстрируется насколько недостойно для человека поддаваться этим порокам. В итоге все Кауравы и Шакуни погибают мучительной смертью.

Следующий образ, который узнаваем не только в Индии, но и далеко за её пределами, это главный персонаж эпоса – Васудева Кришна. Его жизнеописание в сериале даётся близко к тексту Махабхараты, изображаются самые яркие моменты, которые отражают божественность Кришны. В эпизодах с Кришной можно проследить, как режиссёром данного произведения производится актуализация всех наилучших качеств человеческой личности, в которой воплощается божественное предназначение. Образ Кришны являет собой время перемен, если в тексте Махабхараты это смена эпох Двапара-юги и Кали-юги, то и экранизация в переходное время тоже знаменует собой принятие соответствующих историческому периоду перемен, после которых должно прийти благоденствие. Таким образом, в умах и сердцах зрителей формируется необходимая способность к созидательному труду, та самая индийская ментальность, которая влияет на сохранение религиозно-исторической памяти народа.

Итак, совершенно очевидно, что в каждой сложной исторической ситуации правящие круги Индии, твёрдо стоящие в традиции, с помощью такого сильного идеологического инструмента воздействия на массы, как кинематограф для того, чтобы дать ответ на очередной вызов времени, намеренно прибегают к трансформации священных образов Махабхараты, тем самым производя их актуализацию. С особой очевидностью это становится заметно при рассмотрении киноверсий в хронологической

последовательности. Эта актуализация способствует трансляции древнейших представлений, которые формируют ментальность данного народа и помогают сохранить его религиозно-историческую память.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социология и кинематограф / под ред. М.И. Жабского. М., 2012. 600 с.
2. Дандекар Р.Н. От вед к индуизму: 'волюционирующая мифология. М. : Восточная литература, 2002. 286 с.
3. Юнг К.Г. Эссе. Трансцендентальная функция // CarlJung.ru. URL: <https://carljung.ru/Library/TransFunc.htm> (дата обращения: 16.03.2021).

УДК 94(620)“20”

П.А. Домбровский

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ ЕГИПТА В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

В статье изучается попытка произведения политической модернизации Египта, как необходимого фактора для выхода из социально-экономической стагнации, в ходе революционных событий 2010–2014-х гг. Выделяются аспекты поражения данной инициативы и возвращения египетского государства к относительно привычному укладу жизни к концу обозначенного хронологического периода.

Ключевые слова: арабская весна, Египет, модернизация, политическая сфера, контркультура

К началу второго десятилетия XXI века страны арабского мира подошли со значительным количеством социально-экономических проблем, сдерживающих развитие всего региона [1]. Параллельно волны модернизации евразийских и североамериканских пространств выдвигали новых лидеров мирового эко-

номического устройства, определяли факторы жизнедеятельности человечества в условиях набирающей обороты динамической и ориентированной на мощную конкуренцию реальности.

Уже на рубеже XX–XXI столетий оказалась заметной тенденция, при которой выживаемость государств в условиях нового международного порядка может быть обеспечена исключительно через модернизацию всех сфер жизни общества. Последующие события 2000-х гг. это подтвердили и еще больше связали их с научно-техническим прогрессом.

Однако далеко не во всем мире мы можем говорить о данной тенденции модернизации. Египет, как и практически все прочие страны арабского региона, подошел к новому десятилетию с достаточно большим количеством внутривнутриполитических проблем. Здесь стоит отметить, что, в целом, они в большинстве своем являются одинаковыми для всей мусульманской Северной Африки. Однако непосредственно египетский пример в контексте событий, произошедших в регионе в первой половине второго десятилетия XXI века, является одним из наиболее показательных и интересных для рассмотрения, учитывая потенциал экономического развития данной страны в купе с ее отношениями с западным миром.

Египет, как и его арабские соседи, оказался не готов к динамике бурного развития мира. По всей стране наблюдалось отставание по научно-техническим показателям [1]. Это крайне негативно сказывалось на социально-экономическом развитии египетского общества и его вовлеченности в международные дела [2].

Продолжающаяся уже достаточно длительный промежуток времени стагнация приводила к следующим положениям:

1. Снижение общего уровня грамотности населения, что в купе с незначительным количеством светских учебных заведений в стране замедляло научно-инновационные процессы [1].

2. Возрастание уровня безработицы (особенно в среде молодежи) [2].

3. Становление крайне высокого разрыва в доходах среди египетского населения [3].

Причинами данных явлений стали непомерные показатели коррупции в стране, кумовство на всех уровнях государственного аппарата, клановые взаимоотношения в высших эшелонах власти и полная консервация бюрократической системы от каких-либо реформ [2]. Собственно, как видно, данные причины относятся, скорее, к кластеру политических. Иными словами, источник указанного положения дел находился в политической сфере общества, где господствовал крайне застоявшийся авторитарный режим.

Однако, учитывая все эти позиции, в чем мог проявиться потенциальный ответ на вопрос о способе выхода Египта из данного кризиса? Корень проблемы находился непосредственно в господствующем политическом режиме, который на протяжении двух последних десятилетий до указанного хронологического периода сопротивлялся необходимости реформирования.

Выходом из данного застоя видится именно модернизация политической сферы – реорганизация ее на принципах либерализма и демократии, что могло способствовать свободному развитию всего египетского общества в духе здоровой конкуренции. При этом данный вариант в обязательном ключе должен был предполагать внедрение данных принципов в остальные сферы жизни населения. Одновременно вкупе с исламскими нормами, направленными на накопление знаний и благословляющих постоянное обучение [1], могла появиться возможность и для совершенствования образовательной и научной отраслей.

На почве указанных выше социально-экономических проблем в египетском обществе (как и во всем арабском мире) сформировалась собственная контркультура. Особенно в среде

молодого поколения, недовольного текущим положением дел в стране, которые не могли удовлетворить их запросы в личностной реализации. Параллельно культивированию недовольства и дальнейшей кооперации протестных сил стал способствовать приход в Египет таких социальных сетей, как Facebook и Twitter, что повлияло в итоге на их будущий массовый потенциал [4].

Ключевой общей идеей сформировавшейся к 2010 году контркультуры стало непосредственно то самое стремление кардинальным образом модернизировать политическую сферу страны. Однако, как видится, внимание революционно настроенной общественности в большинстве своем было нацелено именно на определенном и конкретном типе перемен, что в долгосрочной перспективе, как показала дальнейшая практика, не могла полноценно обеспечить как какую-либо модернизацию, так и защиту достижений революции.

Главный вопрос здесь – каким образом достичь желаемого обновления?

Безусловно, в случае с полностью законсервированной авторитарной верхушкой, чьи коррупционные и традиционалистские принципы господствовали во всех общественных институтах, единственным способом совершить какую-либо реорганизацию оставалось протестное движение. Непосредственно это было продемонстрировано в ходе относительно мирных революционных событий так называемой «Арабской весны» в течение 2011 года, в результате которых действующий президент Египта Х. Мубарак подал в отставку [5], потеряв поддержку в том числе со стороны важной для государственной власти военной верхушки [3].

Однако особенность конкретно египетского феномена контркультуры в тот момент заключалась непосредственно в направленности исключительно против данной фигуры. Х. Мубарак действительно представлялся для значительной части населения главным виновником социально-экономического кризиса в

стране [3], на его свержение протестные массы возлагали большие надежды. С учетом этого, как видится, основной когнитивной установкой протестующих стал именно принцип завязывания всей кризисной системы на одном человеке, смена которого должна (якобы) неминуемо привести к изменениям широкого характера [6].

Данный фактор является крайне важным в деле произведения революционных попыток реорганизации государства. От него исходят дальнейшие целеполагание, долгосрочное единство контркультурных масс, а также их способность воздействовать на действительно системные рычаги влияния. В случае с Египтом президент Х. Мубурак, как видится, не оказался тем самым нужным «рычагом» в том качественном виде, в каком его власть и авторитет в стране находились на момент конца 2010 года [3].

Произведение модернизации египетской политической системы требовало непосредственно выработки решения относительно участия в политике военной верхушки, которую возглавлял в те годы министр обороны Абд аль-Фаттах ас-Сиси. Именно данный элемент являлся поддерживающим звеном для всего авторитарного государственного строя [3]. Его высшие кадры имели свои собственные интересы в текущем положении дел и всеми силами старались удержать выгодный для них режим [7. С. 653–657].

Учет этого «рычага» со стороны основной массы протестующих произведен не был, что в условиях египетского общества не могло способствовать процессу модернизации. Военное руководство, как показала дальнейшая практика, просто не могло позволить ее совершить, опасаясь потери собственного влияния на страну, вследствие чего тормозилось её целостное реформирование и делался упор на традиционализм вкупе с развитием опасения ко всему западному (особенно в свете истории колониализма в Африке и напряженных отношений между арабским миром и Западом в первом десятилетии XXI в.) [8].

Иными словами, можно сказать, что непосредственно данный аспект стал причиной дальнейшей контрреволюции в 2013 году. Это может свидетельствовать о существовавшей тогда необходимости перед контркультурой в первостепенном нивелировании влияния военного руководства на политическую сферу общества через усиление революционного нажима на неё.

Однако в дальнейшем на незначительное время к власти приходит М. Мурси, член консервативной исламистской организации «Братья-мусульмане», который был избран на фоне господства в контркультурной среде идеи изменения конкретно фигуры политического лидера. Как следствие вышеуказанных негативных факторов, помешавших удержанию достижений «Арабской весны» в Египте, данная персона продержалась недолго у власти. Фактически через год президент был свергнут в ходе военного переворота, вскоре его место займет Абд аль-Фаттах ас-Сиси (будет избран весной 2014 года) [7. С. 653–657].

Данный переворот окончательно разобщил негативно настроенную общественность, ранее старающуюся единым фронтом повлиять на реорганизацию политической системы. Однако параллельно завершались наиболее активные фазы «Арабской весны» по всему региону, что также влияло на общий фон усталости египетского народа от революционных событий.

В результате данного фактора вновь укрепляется власть военных, чему также способствуют гонения на «Братев-мусульман», объявленных террористической организацией [7. С. 653–657]. В обществе со стороны правительства происходит культивирование идеи восстановления порядка и его защиты, что способствует возрастанию популярности бывшего министра обороны и производству жестких военных разгонов демонстраций сторонников запрещенной партии [9].

Собственно, общая совокупность данных факторов привела к окончательному свершению контрреволюции и подавлению ду-

ха «Арабской весны» в Египте [10]. Образовавшаяся контркультура, несмотря на достаточно массовый и единый свой характер на старте революционных событий, не смогла довести свои цели до конца. В целом, можно сказать, что с учетом господствующего подхода к политической модернизации они изначально вряд ли были обречены на успех, о чем также говорит общая статистика по региону (в основном только в Тунисе смещение политического режима имело успех).

ЛИТЕРАТУРА

1. Синецкий Н.С. Проблематика освоения технологических инноваций арабским обществом // Челябинский гуманитарий. 2010. № 4 (13). С. 96–100.
2. Курбанов М.А. Арабская весна – возвращение к истокам? // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2013. № 4. С. 300–309.
3. Києва А.В. «Арабская весна»: причины и вероятные последствия // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 121–130.
4. Желтов В.В., Желтов М.В. Интернет и «Арабская весна» // Социогуманитарный вестник. 2012. № 2 (9). С. 85–95.
5. Mubarak Resigns – Friday 11 February // The Guardian: News Blog. URL: <https://www.theguardian.com/world/blog/2011/feb/11/egypt-hosni-mubarak-left-cairo> (access date: 20.03.2021).
6. Egypt protests – Friday 11 February // The Guardian: News Blog. URL: <https://www.theguardian.com/world/blog/2011/feb/11/egypt-protests-mubarak> (access date: 20.03.2021).
7. Роган Ю. Арабы. История. XVI–XXI вв. / пер. с англ. И. Евстигнеевой. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 784 с.
8. Синецкий Н.С. «Арабская весна» как бифуркационная точка современной арабской цивилизации // Челябинский гуманитарий. 2012. № 3 (20). С. 85–88.
9. Kingsley P. Egypt's Rabaa massacre: one year on // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/16/rabaa-massacre-egypt-human-rights-watch> (access date: 20.03.2021).
10. The Arab spring: made in Tunisia, broken in Egypt // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/jan/16/leader-2-arab-spring-tunisia-egypt> (access date: 20.03.2021).

А.А. Зайцев

РЕФОРМЫ РАДЖИВА ГАНДИ КАК ПЕРЕХОДНЫЙ ЭТАП ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

В статье даны результаты исследования, посвящённого экономическим и социальным реформам, проведённым Радживом Ганди. Эти реформы рассматриваются прежде всего, как новый этап модернизации экономики Индии, переход от социалистических экспериментов Неру-Ганди к масштабной либерализации. На основании материалов исследования выделяются основные мероприятия, оценки и характеристики данных реформ в обозначенный период.

Ключевые слова: экономическая модернизация, династия Неру-Ганди, Индия, Раджив Ганди, либерализация, научно-технический прогресс

В 2021 году исполнится 30 лет со дня гибели Раджива Ганди, шестого премьер-министра Индии и представителя известной индийской династии Неру-Ганди, правившей в стране с момента обретения независимости в 1947 году. В постколониальной истории Индии одна из самых известных в мире семейств, или как выражаются многие историки, династий – Неру-Ганди сыграла немалую роль, особенно в экономической модернизации страны. Правление Раджива Ганди, последнего представителя данной семьи на посту премьер-министра Индии, отличается прежде всего тем, что проводимые им реформы и мероприятия стали предтечей последующей эпохи либерализации экономики, которая началась в Индии сразу после его смерти, поэтому его политику можно считать переходной эпохой в постколониальной истории Индии, и именно об этом будет сказано в данной статье.

Сразу стоит отметить, что постколониальная экономическая история Индии традиционно делится на 2 периода: период

License Raj (термин придуман Ч. Раджагопалачария, оппонентом Джавахарлала Неру), или выражаясь более привычным языком, период плановой экономики, который совпадает со временем правления семьи Неру-Ганди и период либерализации, который начался в 1991 г. и продолжается по сей день. Первый период характеризуется социалистическими преобразованиями в экономике, который начал проводить Джавахарлал Неру с 1950-х гг. и продолжила после его смерти его дочь Индира Ганди, а именно пятилетними планами экономического развития и жёстким государственным регулированием промышленного производства, а также замкнутостью индийского рынка вследствие ограничения импорта иностранной продукции и акцентировании внимания на развитие внутреннего потребления. Однако к середине 1980-х годов социалистические преобразования в индийской экономике не дали нужных результатов и уже не отвечали требованиям времени, поэтому ещё Индира Ганди задумывалась о начале либеральных преобразований в экономике для улучшения важнейших экономических показателей, в частности она отменила государственный контроль над ценами на продовольствие. Окончательный же отход от построения в Индии социалистической экономики произошёл уже при её сыне и преемнике, Радживе Ганди.

Раджив Ганди вступил в должность премьер-министра Индии 31 октября 1984 года сразу после убийства её матери Индиры Ганди телохранителем-сикхом, и в течение всего премьерского срока (до 1989 года) занимался преобразованиями в экономике. Целью данных реформ было построить «Индию XXI века», для достижения которой нужны были сокращение государственного контроля, упрощение режима международной торговли, ослабление ограничений на импорт и снижение импортных пошлин [1. С. 338]. Раджив Ганди не считал экономическое планирование эффективным и способствовавшим экономическому разви-

тию страны. При этом он не отказался полностью от строительства социалистической модели экономики в стране, было провозглашена задача обеспечить экономическое развитие на основе социальной справедливости при «ограничении игры рыночных сил и свободы частного корыстолюбия и жадности» через войну с нищетой, сокращение разрыва в доходах богатых и бедных и устранение социального и экономического неравенства [2. С. 393]. Однако мысль о переходе в XXI век превалировала над социалистической риторикой.

Прежде всего, правительство Раджива Ганди ослабило контроль государства над производством промышленных товаров и ограничения на импорт, за этим последовало снижение некоторых налогов. Затем началось сокращение предоставления промышленных лицензий, с помощью которых контролировалось производство, а предприятия, входящие в государственный сектор экономики, получили больше самостоятельности. В результате, улучшилась деловая активность Индии. В результате либерализации индийские фирмы начали сотрудничать с иностранными предприятиями для производства широкого ряда товаров. Свободный ввоз и вывоз товаров, оборудования, ресурсов безусловно оживили индийскую экономику. Промышленное производство придерживалось постоянного ежегодного прироста в среднем на 8,5%, особенно ускорило производство товаров народного потребления (оно увеличилось вдвое), что связано с их резко увеличившимся спросом, а экономический рост в целом составлял в среднем около 6% в год, темпы роста доходов на душу населения составили 3,7% в год, активизировался импорт в Индию иностранной продукции. Быстрыми темпами рос средний класс, численность которого, по некоторым оценкам, достигла 100 млн. человек [2. С. 394]. Раджив Ганди стал первым премьер-министром Индии, который открыто выказывал свое предпочтение рынку в ущерб планированию, которое было

характерно для правления Джавахарлала Неру и Индиры Ганди, и пытался извлечь из этого всё самое лучшее, чем впоследствии займется П. В. Нарасимха Рао и его правительство в начале 1990-х годов.

Однако реформы Раджива Ганди в экономике имели и свои недостатки. Интересы бизнеса стали соприкасаться с интересами крупных индийских чиновников, что привело к росту коррупции и взаимного обогащения обеих сторон [2. С. 394]. Кроме того, открытие индийского рынка и рост импорта привели к крупным убыткам индийских производителей, росту долгов, а также к росту дефицита индийского бюджета. Причинами считаются большие заимствования извне: «Скорость увеличения государственных заимствований был больше, чем рост ВВП, что ведёт к росту соотношения доходов от долгов. Бюджетный дефицит, увеличивающийся несмотря на показатели роста заимствований – важное отражение исполнения правительством своих финансовых обязанностей» [3. С. 302], а также рост расходов на оборону. Начались экономические проблемы из-за перенасыщенности рынка товаров, цены стали сначала падать, а затем стремительно расти, и правительству Раджива Ганди пришлось вернуть протекционистские меры в 1988 году, в частности были повышены акцизы, наложена пошлина в 10% на авиаперевозки, увеличились налоги на роскошь. Многие специалисты, в частности С. С. Джилл, видели в причине отката от либерализации не только финансовые проблемы, но и идеологические, поскольку имидж Р. Ганди не соответствовал идеям его партии. «Репутация Раджива как культовой фигуры среднего класса не отвечала традиционному образу партии Конгресса как партии угнетенных. Встревоженная серией поражений на выборах в ассамблею, партия теперь гораздо больше боялась утратить свой идеологический имидж» [1. С. 341].

Кроме того, в целях построить «Индию XXI века» Раджив Ганди занялся внедрением достижений научно-технического

прогресса в Индии. Он поддерживал производство компьютеров в стране, сократил налоги на импорт комплектующих, поддерживал внедрение новой техники в офисах, банках, на железной дороге и других учреждениях, задумывался над производством собственного программного обеспечения. В стране массово распространились телефоны, спутниковая связь, цветные телевизоры, видеомэгафоны и другие электрические товары. Также Раджив Ганди активно поддерживал космические и атомные исследования. Эти реформы впоследствии способствовали превращению Индии в одну из ведущих стран по производству компьютерного оборудования и программного обеспечения, развитию ИТ-сектора в экономике. Раджив Ганди также активно вёл социальную политику: он пытался сделать питьевую воду доступной всем индийским деревням, быстро повысить уровень грамотности и использовать новые технологии в образовании, для чего учредил Открытый университет Индиры Ганди, который сегодня является крупнейшим в мире по числу студентов, запустил программы повсеместной иммунизации для детей и беременных женщин, планировал «белую революцию» по аналогии с «зелёной революцией» Индиры Ганди для снабжения населения молоком и молочными продуктами посредством увеличения поголовья молочных коров и ликвидации болезней домашнего скота, занимался проблемами окружающей среды, в частности, очищению Ганга, открыл семь региональных культурных центров в стране для содействия творческой деятельности населения [1. С. 329]. Проведённая технологическую революция оказала положительный эффект на развитие Индии вместе с проведёнными в стране реформами: «Государственные предприятия, сельское хозяйство, программы развития сельских районов, усиление национальной безопасности, борьба с бедностью, планирование семьи, земельные реформы, специальные программы для женщин, детей и молодёжи, жильё для всех, ре-

шительны шаги для благополучия отдельных каст и племён, защита окружающей среды и т. д. были областями, в которых Раджив Ганди работал во время своего премьерства и придал актуальности многим формам национального развития» [4. С. 82]. Однако специалисты считают, что Раджив Ганди чересчур увлёкся внедрением технологий в страну, упрекали его в одностороннем взгляде на прогресс, поскольку без развития образования и науки успешное внедрение технологий невозможно. «Раджив ставил непропорциональный акцент на технологии как двигателе развития. Если она должна была сыграть критическую роль в промышленном росте, она оказывала мало влияния на другие аспекты экономики, которые равно воздействовали на экономическое благосостояние и рост» [1. С. 343]. Также они считают, что узконаправленный взгляд Раджива Ганди на прогресс в экономике и социальном развитии Индии привели к замедлению экономического роста в конце 1980-х годов и снижению производства, которое ускориться уже после его смерти в 1991 году.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что правление Раджива Ганди в Индии было переломным в её постколониальной истории. Индия отказалась от идей социализма и государственного регулирования экономики и начала переходить к эпохе либерализации, которая идёт вплоть до настоящих дней. Индия становилась одной из ведущих технологических держав мира и страной со стремительным экономическим ростом, хотя это проходило не без проблем и трудностей. Тем самым, благодаря Радживу Ганди Индия перешла к новому этапу своей истории, который продолжается уже 30 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джилл С.С. Династия Ганди [Текст]. Серии «Исторические силуэты» / пер. с англ. Г.В. Зрянина. Ростов н/Д : Феникс, 1997. 397 с.

2. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М. : ИВ РАН, 2010. 910 с.
3. Balakrishnan P. Economic Consequences of Rajiv Gandhi // Economic and Political Weekly. 1990. Vol. 25, № 6. P. 301–304.
4. Agarwal M. Rajiv Gandhi. L.: Diamond Pocket Books, 2004. 177 p.

УДК 930.85

С.М. Ожогина

АКТУАЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО АРХЕТИПА В ЭПОХУ ГУПТ

Рассматриваемый период Древней Индии выделяется особыми явлениями, значимо повлиявшими на весь ход дальнейшей истории этой страны. Возможность современных исследований исторического процесса с точки зрения религиозного историзма открывает новые грани понимания изученных событий благодаря развитию «теории архетипов» К. Юнга, что ярко выражено в актуализациях культурного архетипа, отражающих влияние нуминозных (сакральных) факторов культуры на ход истории в целом, в частности, на историю Индии.

Ключевые слова: культурный архетип, древнеиндийская цивилизация, актуализация, религиозный историзм

В связи с современной многозначностью и изначально отмеченной К. Юнгом трудной определяемостью понятия «архетип» [1. С. 71] данная тема обладает особой актуальностью в наше время, когда границы стран и культур стираются, как и подчас их собственные знания о своём прошлом. При этом Индия и в наши дни может представить живое понимание своей древней культуры, активно проявляющей созидательное начало в строительстве современности во всех её аспектах.

В контексте последних исследований [2. С. 289–291] выделяется отмеченная Юнгом априорная мифологичность архетипических представлений [3. С. 68], и встаёт вопрос об актуализа-

ции культурного архетипа, дающей возможность исследователю рассмотреть его проявления в историческом процессе, ведь именно она способствует «включению культурного опыта в новые исторические реалии» [4. С. 254–263]. К. Юнг определял актуализацию архетипа не только как «шаг в прошлое», но и как перспективу грядущего [5. С. 244]. В итоге ход истории с точки зрения архетипического содержания культуры предстаёт чередой актуализаций архетипа, формирующих менталитет и национальный характер народа. Таким образом, с пониманием архетипа как мифологемы особую значимость приобретают слова Э. Кассирера: «Не история определяет для народа его мифологию, а, напротив, – мифология историю» [6. Т. 2. С. 17]. В качестве примера такой актуализации культурного архетипа древнеиндийской цивилизации весьма примечательной представляется эпоха Гупт.

С IV в. н.э. и до середины VI в. н.э. в долине Ганга существует империя Гупт. Территориально она была меньше империи Маурьев, но при этом настолько более яркой, что именно её считают внесшей наибольший вклад в развитие Индии.

Главной проблемой этого периода индийской истории была идеологическая борьба между традиционным религиозно-философским учением и нетрадиционными школами, особенно могущественным буддизмом. Однако, в итоге буддизм «уходит» из Индии, чему безусловной причиной стало отсутствие властной поддержки со стороны влиятельных кшатриев и состоятельных торговцев. Таким образом, встаёт вопрос о внутренних причинах такой его «несамостоятельности». И в этой связи обращают на себя внимание два фактора: процессы, протекавшие в сангхе, и укоренённость ритуала в ведийско-брахманистском религиозном мире. На мой взгляд, причина «падения» буддизма в Индии в этом противостоянии, имеющем явно архетипический характер.

Как свидетельствуют буддийские источники, сангха, созданная по принципам организации древнеиндийских республик и существовавшая «на средства светских приверженцев учения» [7. С. 149], на первых порах провозглашала абсолютное религиозное равенство людей. Но постепенно общиной стали руководить только последователи Будды, происходившие из знатных и богатых родов, а что касается уже их учеников, то весь период ученичества они фактически были их слугами.

Таким образом, варновое и имущественное неравенство, против которых звучали гневные проповеди Будды, на деле всё больше становились неотъемлемой частью жизни общины.

Исходя из классической концептуализации архетипа, его актуализация может осуществляться только при наличии безусловной и всеобъемлющей власти «нуминозности» (сакральности), о которой не могло быть и речи при вопиющей непоследовательности руководства сангхи, чьи действия мало отличались от отторгаемого социумом поведения ортодоксальных жрецов, но сильно расходились с их собственными провозглашаемыми ими идеалами. Так буддизм проявил себя очень слабым конкурентом для традиционного брахманизма с его сакральной ритуализированностью.

Необходимо отметить, что именно ритуал и был тем камнем преткновения (причём, ещё с поздневедийского периода), который осложнял жизнь древним индийцам. Против него кардинально выступали представители всех «неортодоксальных» течений. С глубокой древности культовые жертвоприношения, а затем и символические действия, выражавшие поклонение богам, пронизывали жизнь верующего ведийца, наполняя пониманием сопричастности с миром сакральным. Таким образом, вся жизнь человека была жёстко ритуализирована, посвящена богам и регламентирована, строго придерживаясь трансляции древних сакральных представлений, на чём основывалась (и до сих пор

во многом основывается) историческая и культурная память индийского социума. Это было некоей социальной системой (прежде всего сансары), и с ней пытался «состязаться» буддизм.

В чём же причина устойчивости этой системы? На мой взгляд, ответ на этот вопрос в функции регулирования социума, присущей культурному архетипу. В таком случае на первый план выходит вопрос поведенческого образца. У М. Элиаде читаем: «Деяние обретает смысл, реальность исключительно в том случае, когда оно повторяет изначальное, образцовое действие» [8. С. 8]. Итак, для того, чтобы добиться надлежащего поведения необходимо иметь такие поведенческие образцы, которые прямо и недвусмысленно побуждали бы к соответствующим осмысленным поступкам. Всеми этими качествами обладают действия мифологических персонажей. Авторитетность же этих образцов заключается в их сакральности («нуминозности»). Противостоящие брахманизму учения выдвинули на первый план этические проблемы, но без присутствия в предложенных решениях «нуминозного» компонента, соответствующего изначальному, не смогли удовлетворить духовные запросы древнеиндийского общества в полной мере. Ортодоксальное учение также не сдавало своих позиций, – брахманизм подвергался реформации в соответствии с велениями времени. Необходимо было новое учение, которое бы затмило всё, что было до него. И таким учением стала Бхагавадгита.

Появление Бхагавадгиты как исторического памятника относят обычно к 4–2 столетию до н.э. Это часть шестой книги «Махабхараты», которую вместе с «Рамаяной» считают энциклопедией мифологии индуизма. Повествование Бхагавадгиты начинается с обозначения *этической проблемы*: Арджуна, чьим колесничим был сам Кришна, отказывается воевать против своих родственников. Как он может убить своих братьев, друзей, учителя? Но Кришна разъясняет воину новую этическую доктрину – *доктрину о незаинтересованном действии*.

В Гите содержится система аксиологических норм всей индуистской идеологии. И, прежде всего, в ней решается вопрос «нуминозности», столь необходимый архетипу культуры. В образах Кришны и Арджуны актуализируется *архетип обожествлённого героя*, причём теперь для него здесь нет помех из-за смертного человеческого естества в виде государственных мужей кланов Маурьев и Гупт. Кришна и Арджуна – полностью «нуминозные» эпические герои. Сам же Кришна является не чем иным, как одной из аватар Вишну. Таким образом, и Вишну, долго «боровшийся» за место в индийском пантеоне, своего «добился», – произошла полная актуализация его архетипа. Свадхарма в Гите также получает абсолютную «стратегию», и обычному индийцу теперь становится совершенно ясно, как идти по жизненному пути к индуистскому освобождению, что ещё раз подтверждает актуализацию архетипа в социальном аспекте.

Высокий стиль и творческое совершенство религиозно-философского учения Бхагавадгиты – не единственное выражение актуализировавшегося архетипа культуры. К этому со всей определённой также относится и творчество Калидасы, произведения которого стали вершиной классической поэзии Индии на санскрите, отразив «золотой век» древнеиндийской классической культуры. Прежде всего, судить об эпохе, в которой жил творец, всегда следует по его творениям. Сформировавшийся к периоду Гупт жанр эпоса, развитое классическое театральное искусство Индии, существовавшее с середины I тысячелетия до нашей эры, основанные на обрядовых традициях народа, привели к созданию жанра драмы, где блистал талант Калидасы [9]. Исследователи всех времён называют его произведения «символом возрождения творческих сил народа». Творения Калидасы стали ещё одним выражением актуализировавшегося архетипа. Впоследствии целое направление в индийской литературе вырастет из той основы, которую заложил Калидаса

в своих работах. Это ещё раз доказывает архетипичность, согласно Карлу Юнгу, его поэтической деятельности, несущей в себе заряд мощной творческой энергии, ведь «великий художник – это человек, умеющий извлекать эту энергию и передавать древнее очарование архетипов через современное ему искусство» [10].

Таким образом, поиски гармонии, оптимизм, образная техника и множество других составляющих, как Бхагавадгиты, так и творчества Калидасы, которые нет возможности рассмотреть в данной работе, указывают на одно энергетическое ядро, являющееся истоком созидательной силы, формировавшей и эти произведения, и древнюю культуру Индии во всех её аспектах.

Итак, период, называемый в истории Индии эрой Гупт, был и в самом деле временем актуализации культурного архетипа этой страны. Идеологическая борьба между брахманизмом и вышедшими из шраманского периода течениями увенчалась не просто победой традиции, но созданием нового религиозно-философского направления на ведийско-брахманистской основе, которое мы теперь именуем индуизмом. На мой взгляд, буддизм «ушёл» из Индии, будучи неспособным актуализировать в себе культурный архетип Индии, так как он содержал существенные черты вадизма-брахманизма, ставшего истоком индуизма, и при этом ему противостоял. Архетипы этических исканий и обожествлённого героя, длительное время «шедшие» к своей актуализации, предельно выразились в Бхагавадгите. Скреплявшая индийское общественное сознание «архетипичность» индийского ритуала, простиравшаяся от древнейшего архаичного понимания единства с природой до осознания человека как части этого ритуала в качестве символической жертвы, нашла также своё предельное выражение в Бхагавадгите.

Социально-религиозные устремления индийского общества, сначала выразившиеся в создании ритуала жертвоприношения,

очень быстро сформировали устойчивые сословия – варны. К концу древнего периода данный процесс полностью стабилизировался, что дало известную устойчивость индийскому социуму даже при отсутствии сильного государства, и это оказалось крайне важно в условиях ослабления, а затем и полного падения имперской власти в Магадхе. В этом проявилась регулирующая функция культурного архетипа в его социальном аспекте, внутренние процессы развития которого требуют дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг К.Г. Психология архетипа ребёнка. Структура психики и процесс индивидуации. М. : Наука, 1996. 269 с.
2. Мони́на Н.П. Культурный архетип: современные подходы к осмыслению феномена // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 2 (27). С. 248–249.
3. Юнг К.Г. Психологические типы. М. : Прогресс-Универс, 1995. 716 с.
4. Колчева Э.М. Понятие «культурный архетип» как инструментальный анализа национального искусства // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 254–263.
5. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М. : Прогресс-Универс, 1996. 244 с.
6. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М. ; СПб., 2002. 280 с.
7. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М. : Восточная литература, 2000. 496 с.
8. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб. : Алетейя, 1998. 258 с.
9. Калидаса // Библиоман. URL: <http://biblioman.org/authors/kalidasa/> (дата обращения: 14.03.2021).
10. Юнг К.Г. Психология и поэтическое творчество // Книгионлайн. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=116411> (дата обращения: 21.03.2021).

Д.С. Самбук

ЯПОНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРИНЯТИЯ «8 ПУНКТОВ» С. АБЭ. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Освещаются механизмы реализации, промежуточные итоги и перспективы японо-российских отношений в области науки и образования в условиях введения «8 пунктов» С. Абэ. Итоги, которые будут представлены, ограничиваются 16 сентября 2020 г., днём сложения полномочий С.Абэ. Эти результаты можно считать промежуточными, так как действующий премьер-министр Японии и его кабинет продолжили осуществление Политики «8 пунктов».

Ключевые слова: Россия, Япония, наука, образование, итоги, перспективы

В настоящее время наблюдается всё большая тенденция на академическое сближение Японии и России, так как университеты обеих стран ориентированы на улучшение позиций в международных рейтингах, на интернационализацию и повышение качества науки и образования. Общность целей и взглядов на академическую сферу стали одной из причин утверждения Плана из «8 пунктов».

«8 пунктов» премьер-министра Японии С.Абэ – это стратегия экономического развития между Россией и Японией в области градостроительства, медицины, малого и среднего бизнеса, диверсификации промышленности, передовых технологий, энергетики, промышленного развития Дальнего Востока, в сфере двусторонних гуманитарных обменов на различных уровнях. План был принят в ходе японо-российской встречи на высшем уровне 6 мая 2016 г. в г. Сочи [1]. Именно последний пункт позволил ускорить и вывести на государственный уровень развитие академических отношений двух стран.

В рамках реализации данной политики Университетами Хоккайдо и Ниигата была создана платформа формирования кадров для сотрудничества в области экономики и гуманитарных обменов. Цель данной платформы – это структурирование и применение знаний и опыта участников японо-российского межвузовского сотрудничества, и подготовка специалистов для осуществления Плана из «8 пунктов» [2]. В состав секретариата платформы входят Университет Хоккайдо и МГУ им. Ломоносова в качестве «центральных офисов» в своих странах. От них информация распространяется к «региональным офисам» [3].

В 2009 г. стали осуществляться встречи ректоров японских и российских вузов с целью стимулирования университетских обменов. В ходе форума в октябре 2016 г было объявлено о создании Ассоциации вузов России и Японии (далее Ассоциация), а в декабре 2016 г. был подписан меморандум об её учреждении. Изначально в Ассоциации состояло 42 вуза, сейчас их насчитывается уже 54. На данный момент состоялось 2 съезда, а следующий планируется на сентябрь 2021 г. [4].

На первом заседании Ассоциации был сформирован студенческий союз. Цель союза – развитие университетского сотрудничества с учётом взглядов студентов через выбранный ими формат. Основной деятельностью данной организации является проведение студенческих форумов, обмен информацией в социальных сетях, проведение мероприятий для укрепления связей между студентами вузов двух стран. В организацию входят: действительные члены (студенты вузов-членов Ассоциации), ассоциированные члены (студенты вузов, не состоящих в Ассоциации), почётные члены (выпускники российских и японских вузов) [5].

Ассоциацией было учреждено 8 специализированных секций, соответствующих направлениям Плана из «8 пунктов». Специализированные секции – это отделения, в которые входят пред-

ставители предприятий, академических и административных сфер России и Японии. В рамках данной программы вузы обеспечивают взаимодействие с научно-исследовательскими учреждениями, компаниями и властными структурами в целях профессионального совершенствования студентов. Деятельностью секций управляют вузы-координаторы. Во всех отделениях должно присутствовать не менее одного университета с каждой стороны [6]. Подобные виды взаимодействий можно разделить на три группы: вуз – вуз; вуз – коммерческое предприятие; регион – регион. Они могут осуществляться как среди вузов-участников Ассоциации, так и среди отдельных университетов.

На уровне вуз – вуз взаимодействия могут идти в направлении заключения договоров о стратегическом партнерстве: меморандум о межвузовском сотрудничестве между Научно-техническим университетом Нагаока и МГУ им. Ломоносова (2019 г.) [7. С. 53]. Сотрудничество может осуществляться по программам двусторонних образовательных обменов: 3-месячная программа студенческой мобильности «ESD Global Partnership» с переносом зачётных единиц между Университетом Хоккайдо и СахГУ [7. С. 66]. Практикуются программы двойных дипломов: программа двойного диплома между ГАУГН и Международным университетом КИБИ [8]. Также осуществляются совместные научные проекты: совместное изучение химического состава растений Алтайского края и определение их ДНК Университетом Канадзава и АлтГУ [7. С. 22].

Сотрудничество вузов с коммерческими предприятиями может выражаться в производственных практиках студентов: практика в компании JVTA для российских студентов вузов-партнеров Токийского университета международных исследований [7. С. 67]. В рамках данного направления сотрудничества представителями бизнеса могут читаться лекции, проводиться семинары: японо-российский семинар, проводимый компанией

Mitsui & Co., Ltd. В нём участвуют студенты Токийского университета международных исследований и его российские вузы партнёры. [7. С. 68]. Также, осуществляются экскурсии на предприятия: посещение делегацией из Университета Канадзава компании ООО «Ниссан Мэнүфэкчиринг Рус» в России (2019 г.) [7. С. 17].

Важными составляющими в осуществлении гуманитарных обменов являются межрегиональное сотрудничество и побратимские соглашения, то есть связи на уровне регион–регион. Они заключаются для установления сотрудничества в различных областях: от промышленности и медицины до науки и культуры. 28 сентября 2018 г. между г. Нагато и г. Сочи было заключено побратимское соглашение. Более того, 13–14 мая 2019 г. в Москве было проведено заседание Совета губернаторов Японии и России. В данном мероприятии приняли участие 8 губернаторов с японской стороны и 19 глав регионов с российской. Также проводятся совместные форумы при участии вузов, представителей регионов и иных властных структур. Так, в г. Екатеринбург (2019 г.) был проведен «Форум 100+», посвящённый выставке высотного и уникального строительства [7. С. 34]. Кроме того, 29 июня 2019 г. В. В. Путин и С. Абэ объявили о проведении Года российско-японских и японо-российских межрегиональных обменов. [9. С. 16].

Таким образом, в рамках Политики «8 пунктов» с 2016 по 2020 гг. активно увеличивалось количество программ обмена для студентов и ученых при поддержке правительства Японии. Начиная с 2016 г., количество участников программ студенческих обменов из Японии в Россию увеличилось с 581 чел. до 781 чел., а из России в Японию с 684 чел. до 771 чел. в год. Годовое количество участников программ мобильности для учёных увеличилось с 1293 чел. до 1617 чел. со стороны Японии, и с 622 чел. до 721 чел. со стороны России. [10]. Несмотря на то,

что развитие между нашими странами в академической сфере идёт сравнительно небольшими темпами, показатели, студенческой мобильности, межрегиональных и побратимских соглашений неуклонно растут, следовательно, политика России и Японии в данном отношении движется в позитивном направлении. Также факт того, что действующий премьер-министр Японии продолжил осуществление Плана из «8 пунктов», говорит о том, что в будущем образовательное сотрудничество может не только сохранить, но и увеличить темпы своего роста. ТГУ в будущем также может увеличить число связей с Японией, вступив в Ассоциацию, или продолжив индивидуальное сближение с японскими вузами.

ЛИТЕРАТУРА

1. План сотрудничества из 8 пунктов // Посольство Японии в России. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html> (дата обращения: 25.03.2021).
2. Human Resource Development Platform for Japan – Russia Economic Cooperation and Personnel Exchange (HaRP Program) // Hokkaido University. URL: <https://www.global.hokudai.ac.jp/research-and-education/education-programs/inter-university-exchange-project/harp/> (дата обращения: 25.03.2021).
3. Система управления // Платформа подготовки кадров для японо-российского экономического сотрудничества и гуманитарных обменов. URL: Режим доступа: <https://russia-platform.oia.hokudai.ac.jp/ru/overview-ru/operation-scheme-ru> (дата обращения: 25.03.2021).
4. Ассоциация вузов России и Японии // Платформа подготовки кадров для японо-российского экономического сотрудничества и гуманитарных обменов. URL: <https://russia-platform.oia.hokudai.ac.jp/ru/association-ru/about-association-ru> (дата обращения: 25.03.2021).
5. Студенческий союз // Платформа подготовки кадров для японо-российского экономического сотрудничества и гуманитарных обменов. URL: <https://russia-platform.oia.hokudai.ac.jp/ru/student-union-ru/about-union-ru>, свободный (дата обращения: 25.03.2021).
6. Специализированные секции // Платформа подготовки кадров для японо-российского экономического сотрудничества и гуманитарных обменов.

URL: <https://russia-platform.oia.hokudai.ac.jp/ru/section-ru/special-section> (дата обращения: 25.03.2021).

7. Годовой отчёт за 2019 учебный год // Платформа подготовки кадров для японо-российского экономического сотрудничества и гуманитарных обменов. URL: https://russia-platform.oia.hokudai.ac.jp/wp-content/uploads/2021/03/2019_a_report_ru.pdf (дата обращения: 25.03.2021).

8. Программа двойного диплома // Государственный академический университет гуманитарных наук. URL: <https://gaugn.ru/ru-ru/faculties/oriental/center/doubledegree> (дата обращения: 25.03.2021).

9. Ход реализации «Плана сотрудничества» из 8 пунктов октябрь 2019 // Посольство Японии в России. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/common/file/8-point-plan-ru.pdf> (дата обращения: 25.03.2021).

10. Японо-российские связи // Платформа подготовки кадров для японо-российского экономического сотрудничества и гуманитарных обменов. URL: <https://russia-platform.oia.hokudai.ac.jp/ru/cooperation-status-ru> (дата обращения: 25.03.2021).

УДК 327

М.Ю. Сурков

МОХАММАД НАХШАБ И «ДВИЖЕНИЕ ПОКЛОНЯЮЩИХСЯ БОГУ СОЦИАЛИСТОВ»: ПЕРВЫЕ ШАГИ ИСЛАМСКОГО СОЦИАЛИЗМА НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ ИРАНА

В 1940-е гг. в Иране возникла организация «Движение верующих социалистов», руководителем которой стал Мохаммад Нахшаб. Его теоретическая деятельность сопровождалась политической активностью: поддержкой Национального фронта д-ра Моссадыка. В период борьбы за национализацию иранской нефти М. Нахшаб считал, что Иран может развиваться только по пути исламского социализма: демократии, опирающейся на таухид и нравственность. Его идеи повлияют на Али Шариати.

Ключевые слова: Мохаммад Нахшаб, Мосаддык, исламский социализм, Али Шариати

В феврале 2021 г. в Иране отметили 42-ю годовщину Исламской революции, перевернувшей как расклад сил в регионе, так и жизнь самих иранцев; отметили, несмотря на последовательное отношение к Ирану как к неизменно враждебному государству со стороны США, последним штрихом к которой стала политика *maximum pressure* администрации Д. Трампа [1. Р. 56]; отметили во многом благодаря модернизационному импульсу, который не затихает с момента первых преобразований шаха Резы Пехлеви. Исследователи выделяют три этапа иранской модернизации: начальный (создание новых отраслей промышленности, железной дороги, современной армии, правовой системы) в 1920–1930-е гг.; этап «Белой революции» (преобразования в сельском хозяйстве, создание тяжелой промышленности, перевооружение армии) в 1962–1979 гг. [2. С. 63] и современный, на который пришлось восстановление экономики и развитие модернизационных проектов предыдущего этапа, которые в идейном плане были представлены «ориентацией на Запад» (гарбгерайи), «западничеством» (гарбзадеги) и «неприятием Запада» (гарбсетиизи) [3. С. 32–33]. При этом, связующим звеном между первым и вторым этапами выступает попытка поставить развитие страны под национальный контроль во время премьерства д-ра Моссадыка ровно 70 лет назад, что отвечало национальным устремлениям иранского народа к самостоятельному определению своих приоритетов и суверенитету, в том числе экономическому. Ведь первые два этапа модернизации проходили при активном участии как иностранных капиталов, так и иностранных специалистов, где Иран выступал в роли послушного ученика, а уже третий – постреволюционный – этап проходит под лозунгом «экономики сопротивления», когда Иран самостоятельно реализует многие экономические проекты, а к другим государствам и, в частности, к России, он обращается как равноправный партнер.

В исламской революции принимали активное участие организации левой направленности, среди которых звучали идеи о создании исламского социализма [4. С. 44–45]. Однако это было не первое участие мусульман-социалистов в политической жизни. В период борьбы д-ра Мосаддыка и «Национального фронта» за национализацию нефтяной промышленности мощную поддержку ему оказывали не только коммунисты партии «Туде» и шиитское духовенство, но и сочетавшее в себе черты как первых, так и вторых «Движение верующих социалистов» (Нехзат-е Ходапарастан-е сусалист – НХС), главным теоретиком которого был Мохаммад Нахшаб. Он не так известен, как более молодые его соратники, но его называют первым иранцем, который «пытался свести воедино шиитский ислам и европейский социализм» [5. Р. 463], тем самым продемонстрировав иранским интеллектуалам возможность «среднего пути».

М. Нахшаб (по некоторым данным, настоящая фамилия – Меканик [6. Р. 276]), родившийся в Тегеране в 1923 г., еще обучаясь в Дар оль-Фонуне стал интересоваться политикой, в 1943 г. поступил на юридическое отделение факультета права и политических наук Тегеранского университета, окончив его в 1945 г. В период «политического и интеллектуального оживления» [7. Р.45], наступившего после ввода войск союзников, возникло «Общество верующих социалистов» (Джамийат-е Ходапарастан-е сусалист, ДХС) через слияние кружка учеников М. Нахшаба в университете с кружком студентов инженерного факультета Тегеранского ун-та Дж. Аштияни. Участники собраний отказались от употребления алкоголя, табака, собирались вместе на молитвы.

В 1945 г. ДХС превратилось в «Движение верующих социалистов» (НХС) с выраженным «религиозным характером» [8. С. 47]. В 1950 г. группа вошла в социал-демократическую партию «Иран» (возглавляемую А. Салехом), при этом стараясь не

утратить ислам как основу идеологии. В 1950 г. М. Нахшаб вошел в состав Центрального совета партии. Тем не менее, единство позиций левых мусульман и либеральных социал-демократов не могло быть вечным, и в 1952 г. «НХС» вышло из «Ирана» и создало организацию «Общество свободы иранского народа» (ДжАМА), которая стала выпускать газету «Мардом-е Иран» (Народ Ирана) и всемерно поддерживать «Движение за национализацию нефтяной промышленности Ирана»; эта организация имела и региональные отделения (в Ширазе, Мешхеде и др.), и в них работали, в частности, А. Шариати, К. Сами и Х. Пейман. Во время углубления разногласий между аятоллой Кашани и доктором Мосаддыком М. Нахшаб и его организация встали на сторону премьера. ДжАМА тоже просуществовала до переворота, в ходе которого ЦРУ и МИ-6 способствовали свержению премьер-министра [9. С. 285]. М. Нахшаб после 28 мордада 1332 г. (традиционное название событий августа 1953 г. в Иране) попал в тюрьму (с ним были арестованы также М.Т. Шариати и его сын Али), после освобождения уехал в США по стипендии ООН на обучение, где работал в ООН и одновременно получил PhD в области госуправления в Университете Нью-Йорка, а потом стал представителем Национального фронта в Конфедерации иранских студентов, которую он покинул в 1960 г. Умер 9.09.1976 г. в Нью-Йорке.

Свои идеи М. Нахшаб изложил в 5 работах («Материалист»; «Раздор церкви и материализма»; «Что такое партия?»; «Иран на пороге больших перемен»; «Словарь социальных терминов»), стараясь в них сблизить социалистические идеи и ислам, который он подразделял на два вида: ислам-орудие в руках угнетателей и ислам, объединяющий угнетенных [10. С. 190]. Его идеи можно уместить в формулу «политическая и экономическая демократия плюс нравственность». Он критически относился как к опыту Запада, так и к советскому эксперименту, и утверждал,

что несмотря на то, что западные демократии обвиняют коммунистов в попирании нравственности, в своей политике они не уделяют должного внимания уважительному отношению к человеческим ценностям; указывал на противоречие между риторикой о правах человека и реальной политикой превращения азиатских и африканских стран в сырьевые придатки и рынки сбыта европейских держав, отсылая к египетским событиям 1956 г. и войне за независимость Алжира. М. Нахшаб неустанно повторял, что социализм без демократии и демократия без социализма не достойны существования. При этом его идеи были проникнуты мыслью: ислам необходимо освободить от предрассудков, а социализм – от материализма, который он считал основным недостатком социалистических идей, так как детерминизм материалистически рассматриваемого развития лишает человека идеала; теорию пяти ступеней развития он считал ненаучной и всегда отстаивал разнообразие путей развития для общественных организмов, а также приоритет надстройки (культуры, идеи, познания) над базисом, приводя в своей статье «Каков же стимул преобразования масс?» в газете «Мардом-е Иран» в качестве примера ситуацию интеллектуальной революции, которую совершил пророк Мухаммед: «В эпоху Пророка арабы тоже питались финиками, передвигались на верблюдах, но смогли поставить на колени Иран и Рим. Верно, средства производства на Аравийском п-ове не изменились, но с появлением Мухаммада изменилась сама мысль арабов, и вместо идолопоклонничества вера в Бога привлекла их умы, и именно эта интеллектуальная революция повлекла за собой революцию социальную, которая перенесла арабов на многие века вперед» (цит. по.: [10. С. 184]).

Политический ислам в работах М. Нахшаба предстает в виде совокупности трех пунктов: возрождения религиозной идентичности в свете политической и социальной деятельности, осно-

ванной на единобожии и исламской нравственности; очищения современности от атеистических, детерминистских и недемократических оснований; организация ислама относительно современности и подъём социальных движений, борющихся за единобожие и нравственность [10. С. 179]. Тех, кто не стремится улучшить свой моральный облик, он сравнивал с джиннами из суры «Ограды» (аят 179): «у них сердца, которыми они не понимают, глаза, которыми они не видят, уши, которыми не слышат» (пер. И. Ю. Крачковского). Надо отметить, что М. Нахшаб полагал, что ислам может через политическое действие может возглавить революционную борьбу против тирании, которая будет отличаться от марксистской классовой борьбы участием в процессе свободной воли действующих лиц, приобретая характер джихада, направленного против власти господствующего в Иране класса [10. С. 194]. В статье «Иран на пороге социальной революции» он утверждал, что социализм может обеспечить процветание обществу после прихода к власти национального социалистического правительства посредством «плановой, управляемой экономики, направляющей человеческую деятельность на общественное благо» (цит. по: [11]).

Идейное наследие М. Нахшаба заслуживает подробного изучения как оригинальная концепция, которая обозначит дальнейший путь интеллектуального развития антимонархических сил в Иране: отход от крайних проявлений социалистической идеологии в сторону сближения двух, казалось бы, противоположных позиций – социализма и шиитского ислама. Наиболее ярко проявится этот метод в выступлениях и работах Али Шарияти, который, опираясь на идеи М. Нахшаба, предложит в качестве альтернативы «треугольнику угнетения»: зар – зур – тазвир (золото – сила – ложь) «треугольник освобождения»: азади – барабари – ирфан (свобода – равенство – духовность) [6. Р. 281].

ЛИТЕРАТУРА

1. Benjamin D., Simon S. America's Great Satan. The 40-Year Obsession With Iran // Foreign Affairs. November/December. 2019. Vol. 98, № 6. P. 56–66.
2. Мамедова Н.М. Иран в канун 40-летия Исламской революции // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 7. С. 63–71.
3. Салар-Кясраи М. Типология религиозных направлений в Иране от конституционной революции и до исламской // Идейные процессы в Иране. М. : Садра, 2017. С. 29–60.
4. Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. 557 с.
5. Abrahamian E. Iran between Two Revolutions. Princeton, 1982. 561 p.
6. Mahdavi M. Iran: Multiple Sources of a Grassroots Social Democracy? // Iran's Struggles for Social Justice. Palgrave Macmillan, Cham., 2017. P. 271–288.
7. Axworthy M. Revolutionary Iran. A History of the Islamic Republic. Penguin, 2019. 544 p.
8. Раванди-Фадаи Л.М. Политические партии и группировки Ирана. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2010. 216 с.
9. Алиев С.М. История Ирана. XX в. М. : Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. 648 с.
10. Бозорги И., Нозари И., Джебраили Н. Исследование отношений ислама и современности в политической мысли Мохаммада Нахшаба // Исторические записки исследовательского института гуманитарных наук и культурных исследований. 2017. Весна-лето. № 1. С. 175–203.
11. Сахараблу П. Идейные последователи Нахшаба // Теджарат-е фарда. 2013. Ноябрь-декабрь. № 70. URL: <https://cutt.ly/QxXehwL> (дата обращения: 26.03.2021).

УДК 339.1–051

А.В. Цацына

«ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»: ОБРАЗ МАГРИБСКОГО ТОРГОВЦА

В статье описывается и анализируется образ магрибского торговца эпохи средневековья по сборнику арабских сказок «Тысяча и одна

ночь». Образ магрибского торговца изучается через призму представлений и стереотипов арабов Востока о нем, проводится сравнительный анализ магрибских и арабских купцов. Определяется роль фигуры магрибского торговца в социально-экономических взаимоотношениях Машрика и Магриба периода средневековья.

Ключевые слова: торговые меньшинства, магрибские торговцы, «чужак», «Тысяча и одна ночь», Машрик и Магриб

Проблематика «торговых меньшинств» играет важную роль как в исследовании экономики, так и этнических обществ на разных этапах исторического развития. Одним из малочисленных народов Арабского мира в период раннего средневековья являются торговцы-евреи, по-другому называемые магрибинцами или магрибскими торговцами. Несмотря на то, что магрибские торговцы представляли собой этническое меньшинство, их роль в странах Арабского мира того времени была велика, а положение в обществе особым.

Данная тема раскрывается в трудах многих отечественных исследователей. Одними из ярких научных работ в этой области являются книги В.И. Дятлова [5] и Ю.Л. Слёзкина [6]. Среди работ зарубежных ученых особо выделяются труды А. Грейфа, Н. Стиллмана, Ш.Д. Гойтейна, а также Д. Эдвардса и Ш. Огилви.

Проблема «чужака» является одной из основных в средневековом обществе Арабского мира и в том числе затрагивает отношения жителей средневекового Машрика и Магриба. В своих работах, посвященных данной проблематике, Г. Зиммель чаще всего называет «чужаками» торговцев. «Чужака» нельзя назвать «странником», поскольку первое понятие имеет пространственную проекцию и в нем заключается особый тип поведения людей, которые, в отличие от странников, «сегодня приходят и завтра остаются» [1. С. 9]. Выделяются особые качества чужака как социального типа, к которым относятся анонимность, дистанция и сдержанность. Чужак включен в какое-либо общество и одновременно отстранен от него. Фигура чужака вызывает в

обществе тревоги и страх перед новыми соседями и конкурентами в поисках работы. С другой стороны, благодаря постоянному противопоставлению «свои – чужие» отношения в обществе строятся на комфорте и предсказуемости [1. С. 9].

Для арабов того времени магрибинец – это «чужак» в третьей степени – пришелец, еврей и торговец. Обычно в массовых представлениях традиционного общества торговец – фигура не очень положительная, однако это не относится к представлениям жителей Машрика об образе своего, арабского купца. В связи с этим, сравнительный анализ того, каким для арабов предстает торговец «свой» и «чужой», покажет более полноценную картину средневекового общества Арабского мира с его социальной, экономической и культурной составляющими. В число исследовательских задач входит анализ образа арабского купца и магрибского торговца, основанный на сборнике сказок «Тысяча и одна ночь». Осуществляется сравнительный анализ двух данных образов, по полученным результатам делаются выводы.

Стоит уделить внимание главному источнику, на котором основывается всё представленное в статье исследование – книге «Тысяче и одной ночи». Сборник сказок не является произведением одного конкретного автора – выражаясь словами переводчика с арабского М.А. Салье, «коллективным творцом является весь арабский народ» [2. С. 5]. Сегодня мы знаем «Тысячу и одну ночь» как «собрание сказок на арабском языке, объединенных обрамляющим рассказом о жестоком царе Шахрияре, который каждый вечер брал себе новую жену и на утро убивал ее». Однако история возникновения книги до сих пор остается загадкой, так как «истоки ее теряются в глубине веков» [2. С. 5].

Первые письменные сведения были обнаружены в сочинениях историка Аль-Масуди и библиографа Аи-Надима – багдадских писателей X в. Они говорили об арабском собрании сказок как о хорошо и давно известном произведении. Гипотезы о про-

исхождении источников, наполняющих произведение, и самих составляющих сборник историй многочисленны. На своей исторической родине разные социальные слои относились к «Тысяче и одной ночи» неодинаково. Например, сказки всегда пользовались популярностью в широких народных массах, но «представители мусульманской схоластической науки и духовенства, блюстители “чистоты” классического арабского языка» не скрывали своё презрение к ним. Представители арабской интеллигенции иначе смотрят на сказки Шахразады. Они в полной мере признают большую художественную и историко-литературную ценность сборника, «литературоведы Объединенной Арабской Республики и других арабских стран углубленно и всесторонне изучают его» [2. С. 5].

На протяжении всего повествования Шахразады в сказках «Тысяче и одной ночи» перед читателями периодически возникает образ магрибинца. Чтобы понять, кого называли «магрибинцем» и «магрибским торговцем», следует обратиться к истории. Магриб (в переводе с арабского – «запад») – регион в Африке, включающий Тунис, Алжир, Марокко, а также Ливию, Мавританию, Западную Сахару [3. С. 658]. В X в. торговцы-евреи переселялись из неустойчивых в политическом отношении окрестностей Багдада в Тунис, который в то время назывался Магрибом – мусульманским западом – и подчинялся Фатимидскому халифату. С 972 г. центром шиитского арабского государства становится Каир, и еврейские торговцы, которые приезжали из Магриба, стали именоваться магрибскими [3. С. 658].

В историях сборника арабских сказок мы встречаем разных магрибинцев – одних называют хаджи – мусульман, которые совершили паломничество в Мекку [7]; других – колдунами; третьих – торговцами и так далее. Однако важно отметить, что существует несколько версий того, кого на Арабском Востоке именовали «магрибинцем». С одной стороны, так назывались

все жители одноименной территории, в том числе арабы. Культурные различия между арабами Машрика и Магриба были значительны – вплоть до очень разных диалектов. Поэтому на землях Машрика даже арабы-магрибинцы могли идентифицироваться как чужаки. С другой стороны, могло быть и так, что на территориях Машрика, где и формировался корпус сказок «Тысяче и одной ночи», с магрибинцами отождествлялись именно евреи Магриба, которые были особенно активны в торговом деле. Таким образом, жители Арабского Востока определяли магрибинцев как чужаков «в кубе», то есть как выходцев из далекой и культурно чужеродной территории (хотя и арабской, и мусульманской), как евреев и торговцев.

Примечательно, что в рассказах магрибинец не получает имени, хотя играет весомую роль во многих произведениях. Чаще всего выходцев из Магриба, в том числе и торговцев, называют именем нарицательным, по месту их происхождения, то есть «магрибинец». Перед тем, как начать описывать образ торговца из Магриба, необходимо обратиться к истории и понять этническое и национальное происхождение магрибских торговцев как таковых. Из обширного еврейского населения магрибские торговцы представляли собой меньшинство и выделялись как особая социальная идентичность. А. Грейф пишет: «Нам неизвестно, сколько именно магрибских торговцев действовало в XI в., но мы знаем, что их было не так уж мало: в 175 документах упоминается 330 имен. Большинство магрибских торговцев вкладывались в товары стоимостью от нескольких сотен до нескольких тысяч динаров – это были значительные суммы в те времена, когда ежемесячные расходы семьи среднего класса в Фустате составляли от двух до трех динаров» [З. С. 658]. Этим словам мы находим подтверждение в сказках Шахразады, о чем будет говориться далее.

Для того, чтобы обрисовать образ торговцев из Магриба и Машрика, проводится сравнительный анализ этих фигур на

примере сказок «Тысяче и одной ночи». Так, во многих сказках главным героем является богатый купец Арабского Востока – идеальный образ честного и смелого человека и, что играет очень значимую роль в период раннего средневековья, правоверного мусульманина. Зачастую купцы Машрика показываются в наилучшем свете – добросердечными, расчетливыми, умными, дальновидными, имеют предпринимательскую смекалку, предстают в ярких образах неугомонных купцов и предприимчивых авантюристов.

В некоторых сказках магрибские торговцы показаны как богатые люди, с которыми по-настоящему выгодно сотрудничать и которых необходимо завлечь для процветания и финансового благополучия. Часто магрибинцы являются колдунами. Это добавляет образу магрибского торговца образованности, ведь магии и алхимии обучались по книгам и писаниям, что было недоступно неграмотному человеку. В определенных сказках негативный образ магрибинца отображается особенно ярко. Хитрый колдун, алчный волшебник, готовый на все ради могущества и богатства – нередко магрибинец становится главным антагонистом, воплощает в себе истинное зло, которое, однако, героям удается победить.

Сравнивая фигуры купца и магрибского торговца важно отметить, что купцы во многих сказках являются главными героями, в то время как магрибские торговцы играют второстепенные роли, о чем свидетельствует то, что им не даются имена. Купцы – уважаемые обществом люди. Магрибинцы также в некоторых сказках признаются богатыми, влиятельными, образованными специалистами в сферах торговли и магии, однако из-за последнего пункта не редко люди средневекового Востока относятся к ним с опаской и настороженностью. Торговцы из Магриба считаются «чужаками», а потому нередко предстают злыми, хитрыми, колдунами и волшебниками.

При анализе образа магрибского торговца важно понимать, что Арабский мир в эпоху раннего средневековья представляет собой традиционное общество, разделенное на сословия, касты и другие жесткие группы. Стоит отметить, что это общество имеет характеристики патриархальности, неподвижности сфер жизни, в нем отсутствует предпринимательство в экономическом смысле. Именно поэтому такое общество нуждается в чужаке как посреднике, ведь, как утверждает немецкий ученый Георг Зиммель: «...Лишь торговля делает возможными безграничные комбинации, интеллект находит в ней все новые возможности идти дальше и открывать новое, которые едва доступны непосредственному производителю с его меньшей подвижностью и ориентацией на лишь медленно увеличивающийся круг покупателей. Торговля всегда способна принять в себя больше людей, чем первичное производство, и потому она – самое место для чужака» [1. С. 9]. Торговец из Магриба, как человек по определению кочующий, идеален для такой роли. При этом магрибский торговец – фигура крайне неоднозначная, олицетворяющая предпринимательский мир в непредпринимательском. Магрибинец воспринимается как чужак, но его роль важна, он полезен, поскольку выполняет жизненно важную функцию торговли, обмена и посредничества.

Таким образом, магрибские торговцы в средневековый период играют важную роль в развитии торговых, финансовых и социальных отношениях между странами Арабского мира, являясь связующим звеном в экономической сфере, а также в сфере обмена информацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиммель Г. Экскурс о чужаке // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб. : Владимир Даль, 2008. С. 9–14.

2. Салье М. Тысяча и одна ночь. М. : Эксмо, 2019. 544 с.
3. Большой Российский энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энцикл., 2009. 1887 с.
4. Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2006. 106 с.
5. Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? : симбиоз, конфликт, интеграция в странах Араб. Востока и Троп. Африки. М., 1996. 253 с.
6. Слёзкин Ю.Л. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М., 2007. 512 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. инт «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.).

УДК 94 (510.2)

А.И. Чернолуцкая

ШЭНЬЧЖЭНЬ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УСПЕХА

Статья посвящена анализу развития особой экономической зоны Шэньчжэня – одного из наиболее известных символов китайской политики модернизации, экономических реформ и внешнеэкономической открытости. Выделены основные этапы становления данной территории. Рассмотрены определенные особенности развития Шэньчжэня на ключевых этапах своего становления.

Ключевые слова: специальная экономическая зона, Шэньчжэнь, инновационная модель развития, экономический рост, Китай

В китайском государстве до середины XX века большая часть населения проживала в селах, и как следствие не замечалось особого экономического роста в виду того, что Китай фактически еще жил по условиям традиционного общества. В послевоенные годы после введения программы «Политика реформ и открытости» китайское общество начало переживать быструю трансформацию, как в экономической, так и социальной сферах. Образ жизни большинства населения изменился, люди спешили переселиться из отдаленных сельских районов в городские по-

селения. Значительная часть сельских земель, расположенных в расширяющейся городской зоне, была передана местной власти для городского развития [1. С. 1737]. Правительство направляло свои силы на развитие и расширение городских поселений, а также на создание особых экономических зон (далее – ОЭЗ), которые способствовали бы быстрому экономическому развитию Китайской Народной Республики.

Автором был выбран город Шэньчжэнь, как объект исследования в дальнейшей работе, так как именно в этом городе начались одни из первых главных преобразований в устройстве городской среды, после введения политики реформ и открытости. Шэньчжэнь является отличным примером, показывающим, как происходила трансформация небольшого поселения в крупную городскую агломерацию.

Шэньчжэнь был разделен на два условных административных района: зону ОЭЗ и зону, не входящую в ОЭЗ. После введения реформ и проведения политики открытости в 1980 году именно район ОЭЗ Шэньчжэня стал первой такой территорией, где проводились все преобразования. С момента создания ОЭЗ в Шэньчжэне наблюдался быстрый рост промышленного сектора. Поэтому государственными органами власти стал разрабатываться план по привлечению иностранных инвестиций на данные территории.

Благодаря своей пространственной близости к Гонконгу, Шэньчжэнь привлек большое количество инвесторов оттуда с начала 1980-х годов. Этот процесс позволил Шэньчжэню быстро перейти на путь индустриализации, кроме того ускоренная урбанизация привела к резкому увеличению численности населения, а также увеличению площади городской застройки [1. С. 1741]. Население г. Шэньчжэня исходя из статистических данных возросло с 35 тыс. (1974 г.) до 12,5 млн (2020 г.) [2. С. 1]. Создание ОЭЗ, с вытекающими из этого последствиями,

привело к тому, что ОЭЗ Шэньчжэня было принято Центральным Правительством поделить на условные зоны, каждая из которых отвечала за развитие определенных аспектов жизни.

“Генеральный план ОЭЗ 1982 года” – являлся первым планом планирования Шэньчжэня. Этот план предполагал многоцентровую кластерно – поясную городскую структуру, состоящую из кластера Наньтоу, кластера Лоху-Шанбу и кластера Шатоцзяо [3. С. 1]. Три кластера были соединены главной магистралью – дорогой Шеннан с запада на восток. Данный план во многом стал основой и современной структуры развития города.

Лухо-Шанбу эта зона являлась главным сухопутным портом, граничащим с Гонконгом, откуда поступали крупные инвестиции. Спустя несколько лет масштабы развития в данном кластере не реализовывались в таком количестве, какими они были запланированы в первоначальном плане. Данный район по большей части заселяли небольшие компании, которые не приносили столь значительных финансовых вливаний в экономику государства.

Район Наньтоу должен был, как и Лухо-Шанбу стать центром привлечения внутренних инвестиций, ввиду его выгодного местоположения. Как раз именно данный кластер показал значительные экономические успехи, а вместе с открытием порта в 1984 г. торговые потоки начали увеличиваться, что способствовало быстрому экономическому росту.

На начальном этапе расширения г. Шэньчжэня в 1980-х годах у Центрального Правительства была поставлена задача обеспечить территорию транспортной инфраструктурой, позволяющей успешно развивать город. Были разработаны планы по строительству дорог, обеспечению населения водой и электроэнергией, системой канализации и т.п. Можно сказать, что принятая политика, нацеленная на привлечение иностранных инвестиций, получение первичных знаний о введении торговли и всем сопутствующим вещам, была реализована.

В 1986 г. был принят новый план развития городской среды, в данном плане было добавлено два новых кластера: Хуацяочэн, Футянь. Территория кластера Хуацяочэн была определена под развитие промышленности, туризма и торговли; кластер Футянь должен был стать новым городским центром с административными и коммерческими функциями. Таким образом, городская агломерация Шэньчжэня постепенно увеличивалась вместе с принятием новых планов развития и административных законов, осваивались все новые земельные территории, и застраивалось все больше участков.

Генеральный план 1986 г. во многом превзошел свои ожидания, на выделенных в программе территориях наблюдался быстрый экономический рост, рост промышленных предприятий и населения. Данный скачок развития привел к тому, что возник дефицит земли для построения новых крупных предприятий, не хватало места для организации новых поселений для местных жителей, так как частые стихийные бедствия привели к быстрому истощению почв и жилищ в этих местах. ОЭЗ представляли собой уже не просто районы проведения различных экспериментов по переводу системы хозяйствования на рыночные рельсы, не только «площадку» отработки тех или иных инноваций в сфере внешнеэкономической открытости Китая, а принципиально важную и весомую составную часть внешнеэкономического комплекса КНР [4. С. 52].

В конце 80-х – начале 90-х гг. была принята новая Концепция «Стратегия развития Шэньчжэня». Промышленные предприятия, сельское хозяйство планировалось переместить на территорию новых областей. После этой стратегии одним из отличительных черт развития в Шэньчжэне в начале 1990-х годов стала интенсивная и широко распространенная земельная застройка в уезде Баоань. Однако возникало множество проблем с освоением новых территорий, они были связаны и с географическими

особенностями данных земель, с застройками предприятий и жилищ, проведением инфраструктуры. Все это привело к тому, что в конце 90-х годов была принята стратегия долгосрочного планирования, которая определяла план развития Шэньчжэня до 2010 года.

Государственным аппаратом в 2000 году был принят «Генеральный план Шэньчжэня 1996–2010 гг.». Согласно плану, дальнейшее развитие должно было происходить уже не в случайном состоянии, а область развития будет разделена на западную, центральную и восточную ось с образованием «иерархической городской сети» [3. С. 6]. Было выделено девять основных кластеров, которые являлись основными застроенными территориями и сосредотачивали производство. Дальнейшее разрастание Шэньчжэня должно было происходить как раз за счет данных кластеров, которые развиваясь, давали бы «энергию» для роста соседним территориям.

С началом 2000-х годов городское строительство резко увеличилось, возросло количество строительных проектов, была обновлена система инфраструктуры. В целом намечалось превратить Шэньчжэнь в многофункциональный интернациональный город Азиатско-Тихоокеанского региона с развивающимися финансами, торговлей, транспортом, информационной сферой, туризмом, высокотехнологичными разработками и современной рыночной экономикой [4. С. 52].

В 2006 году стал разрабатываться план развития Шэньчжэня на следующее десятилетие. Авторы стратегии развития решили акцентировать внимание и силы на территории, которые не входили в особую экономическую зону Шэньчжэня. Было принято сделать похожую иерархическую модель развития с двумя центрами Цяньхай и Футянь-Лоху, каждый из которых отвечал за определенную сферу, в котором должен был развиваться. В новом плане была поставлена цель, сделать территории, не вклю-

чѐнных в ОЭЗ, частью городской агломерации Шэньчжэня, путем строительства новых площадок для введения бизнеса, хозяйства, выстраивания транспортной инфраструктуры.

Созданные Центральным Правительством стратегии развития показали, как за короткий срок при грамотном распределении сил и возможностей возможно из территории со сложными природными условиями создать успешно развивающуюся территорию. К такому успеху в развитии данной территории можно отнести и заслугу муниципальных властей, которые создавая и обнародовав специальные законодательные акты, способствовали индустриализации и урбанизации Шэньчжэня. К примеру, В 2007 году муниципальное правительство Шэньчжэня обнародовало документ «Пути для ускорения развития экономики и размещения штаб-квартир в Шэньчжэне», в котором говорится, что любая компания, которая создает свою штаб-квартиру в Шэньчжэне или переезжает в него, получит поддержку правительства в финансировании, использовании земли, человеческих ресурсов, а также в упрощении связанных с этим процедур [5. С. 28]. Власти постоянно разрабатывают все новые акты, способствующие привлечению иностранных инвестиций в данный регион, но помимо законодательных проектов органами власти совместно с частными предпринимателями проводятся мероприятия, где возможно познакомиться с достижениями различных компаний, заключить сделки или подписать договора с инвесторами. В дополнении к этому, стремясь привлечь иностранные инвестиции и привлечь больше иностранных компаний, Шэньчжэнь инициировал ряд шагов, направленных на то, чтобы сделать город более дружелюбным к бизнесу. Они включают в себя рационализацию административных требований и делегирование процесса принятия решений на более доступные уровни в отношении утверждения лицензий на предпринимательскую деятельность, государственных закупок и финансовых каналов [5. С. 29].

За последние несколько лет рост Шэньчжэня превзошел многие города Китая по уровню экономического развития. Многие исследователи и сами китайские органы власти считают Шэньчжэнь символом успеха политики открытости и внешнеэкономической деятельности. Данный регион выступал как площадка для внедрения инноваций, заключения торговых сделок, также примером ведения политики на территориях с особыми экономическими условиями для предпринимателей и местных жителей. Стоит заметить, что изучение процесса становления и развития Шэньчжэня имеет огромное значение для всего мирового общества, так как на основании полученных данных можно сформировать определенные выводы и подчеркнуть какие-то моменты, которые могут привести к повторению такого же успеха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lai Y., Chan E., Choy L. Village-led land development under state-led institutional arrangements in urbanising China: The case of Shenzhen // *Urban Studies*. 2017. Vol. 54, № 7. P. 1736–1759.
2. Shenzhen Population 2021 // *World Population Review*. URL: <https://world-populationreview.com/world-cities/shenzhen-population> (access date: 30.03.2021).
3. Huang L., Xie Y. The plan-led urban form: A case study of Shenzhen // 48th ISOCARP Congress China Academy of Urban Planning & Design. 2012. URL: <https://www.pdfFiller.com/jsfiller-desk20/?requestHash=c22496863c5ee234df36232b252bd0e92b148c75d1573d7ac1114d152c8534e6&projectId=799556879&loader=tips#b2aa699fa9483af4b2131f78b489e120> (access date: 30.03.2021).
4. Портяков В.Я. Шэньчжэнь: история успеха // *Проблемы дальнего востока*. 2011. № 6. С. 45–61.
5. Yi Z., Hazel K. The story of Shenzhen: Its Economic, Social and Environmental Transformation // *United Nations Human Settlements Programme*. Kenya, 2019. 141 p.

СЕКЦИЯ VII. ЗАПАД НА ПЕРЕПУТЬЕ: АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

УДК 008 (091)

О.К. Базайкина

КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ИТАЛИИ В ИТАЛЬЯНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (1945–2017)

В статье исследуются ключевые образы движения Сопротивления в Италии, отраженные в итальянском кинематографе. Подобраны и проанализированы фильмы, в которых показано разнообразие режиссерских точек зрения на героев движения Сопротивления. В отечественной историографии тема движения Сопротивления в итальянском кинематографе практически не исследовалась.

Ключевые слова: движение Сопротивления, Италия, итальянский кинематограф

Движение Сопротивления в Италии (1943–1945 гг.), партизанская война, или же, как сейчас принято называть ее в итальянской историографии, гражданская война, – по праву считается кульминационным периодом антифашистской борьбы. Другое название движения Сопротивления – второе Рисорджименто, как его называли участники, в том числе и Пальмиро Тольятти [1. С. 243]. Такое название указывает на важность этого периода итальянской истории для граждан Италии.

Если литература о движении Сопротивления ограничивается преимущественно периодом 1940–1960-х годов, когда были созданы самые значительные произведения художественной литературы о данных событиях, то кинематограф продолжает экс-

плуатировать эту тему и в настоящее время (один из последних фильмов – фильм режиссера Тавиани «Радуга», снятый в 2017 году). Было создано множество фильмов о движении Сопротивления, с разных сторон отразивших события того времени.

Ряд работ итальянских исследователей был сконцентрирован на региональной тематике (М. Комелло [2], Н.С. Оноффри [3]). Итальянская историография движения Сопротивления перекликается с кинематографом: два известных фильма посвящены движению Сопротивления в Риме и Неаполе.

Первым по значимости и вторым по времени создания фильмом о движении Сопротивления является «Рим, открытый город» (Roma città aperta), режиссер которого – Роберто Росселлини (Roberto Rossellini). Фильм был снят в 1945 году по горячим следам нацистского господства в городе, захваченном немцами. Раффаэле Миале в киножурнале Квинлан (Quinlan) называет «Рим – открытый город» Конституцией, принятой прежде конституционного собрания, рассказом о народе, который вооружается против нацифашизма [4]. Этот фильм опередил научную литературу Италии, в которой лишь сравнительно недавно начали появляться работы о роли Церкви и католиков в движении Сопротивления. В фильме показана положительная роль католического духовенства в движении Сопротивления, представителем которого является священник дон Пьетро. Как он заявляет в фильме: «Тот, кто борется за справедливость и свободу – друг Церкви» [5]. Особый акцент Росселлини сделал на участии детей в движении Сопротивления.

Аналогии с фильмом Росселлини могут быть проведены при анализе фильма Нанни Лоя «Четыре дня Неаполя» [6]. Фильм 1962 года, снятый режиссером Нанни Лоем, повествует о четырех днях в жизни итальянского города Неаполь, с 27 по 30 сентября 1943 года, когда население восстало против немецких войск, оккупировавших город в течение Второй мировой войны.

Население города вело уличные бои с немецкими войсками, пока 1 октября к Неаполю не прибыли войска союзников. Как и в фильме «Рим – открытый город», в нем показана роль детей в движении Сопротивления, также он полон патриотического пафоса. Берлинская ежедневная газета «Дер Абенд» (“Der Abend”) писала об этом фильме в таком ключе: «В Италии снимается слишком много антинемецких фильмов. [...] Жертвы варваров – всегда прекрасные итальянские девушки и юноши, которые сражаются за свободу» [7. Р. 64]. В фильме показана жестокость нацистов, которые за то, что «итальянцы их предали», решили публично казнить ни в чем не повинного итальянского моряка.

Фильм Валентино Орсини «Корбари» (1970) посвящен созданию партизанских республик во время движения Сопротивления. Главный герой фильма – реально существовавшая персона: итальянский партизан Сирио (или Сильвио) Корбари (1923–1944). Он действовал в провинции Эмилия-Романья, с 1943 года, и был убит в 1944 году. В фильме подробно описывается жизнь партизанского отряда. Несмотря на то, что более ранние фильмы о движении Сопротивления допускали классовый аспект партизанского движения, «Корбари» идет дальше в изображении партизана как классового борца. Фильм подтверждает тезис выдающегося итальянского историка Клаудио Павоне о том, что движение Сопротивления в Италии было еще и классовым в некоторых аспектах.

«Корбари» – единственный фильм о движении Сопротивления, который посвящен созданию партизанских республик. В фильме произносится фраза: «Сопротивление – это политический Ренессанс!» [8]. В фильме партизаны показываются с хорошей стороны (жителям Треньяно отдавали их кредитные обязательства, их призывали рвать долговые расписки; все частные долги и банковские кредиты были аннулированы за один день), а буржуазия показана предавшей идеалы Италии.

Концепт «преданного Сопrotивления» вызвал много дебатов в 1970-е годы. Леворадикальная критика потерянных возможностей движения Сопrotивления и предполагаемый провал левых партий воспользоваться возможностями, предлагаемыми партизанским движением в преддверии поражения фашизма в 1945 году, были одними из постоянных дискуссий дня. Фильм Валентино Орсини отражает эти веяния в политической жизни Италии.

Фильм «Обратная сторона войны» («Il partigiano Johnny») (2000) был снят по роману Беппе Фенольо «Партизан Джонни», который был отдан в печать уже после смерти автора. Фильм содержит много эпизодов, имеющих высокое моральное и в то же время спорное значение. Так, в самом начале фильма профессор говорит, что недостаточно хотеть стать партизанами и уметь стрелять, требуется сознательность [9]. В фильме сделан акцент на жестокость партизан-коммунистов. Так, в фильме они убивают сдавшегося карабинера, и это бессмысленное убийство. При первом же удобном случае, Джонни, разочаровавшийся в коммунистах, переходит в лагерь бадольянцев. Но и бадольянцы его разочаровывают: «А кого сегодня расстреляли?» – «Двоих наших, за грабеж и изнасилование» [9].

Тем не менее, Джонни верен своим идеалам Сопrotивления. Неважно, вместе с кем воюет Джонни: коммунистами или бадольянами, – он осознает важность борьбы с нацифашистами. В этом и заключается ценность фильма «Обратная сторона войны». Когда был снят фильм, Италия, начиная с 1980-х годов переживала фазу кризиса ценностей и упадка, которые заменялись стремлением к приятному времяпрепровождению и анти-ценностям (*intrattenimento o non-valori*), поэтому зрители и, прежде всего, молодежь восприняли фильм без особого энтузиазма [10].

Один из выдающихся фильмов XXI столетия продвижение Сопrotивления, – «Тот, кто придет» (“L’uomo che verrà”), снятый режиссером Джорджо Диритти в 2009 году.

Этот фильм, прежде всего, отличается интересным взглядом на психологию маленького ребенка, переживающего драму войны и движения Сопротивления в том числе. Ведь родные главной героини погибли во многом из-за партизан, которых искали нацисты. Гуманизм режиссера в фильме проявляется через размышления девочки, отраженные в школьном сочинении: есть немцы, есть повстанцы, есть фашисты, которые кричат. «Многие люди хотят убивать других людей, но я не понимаю, почему?» [11] – пишет Мартина. Жестокость войны и нацистов как ее непременной части показана в таких сценах, как увод скотины со двора бедных крестьян, игра детей в расстрел, бросание гранаты в невинных людей, стоявших в церкви. Режиссер снял фильм в духе «Рима, открытого города» или «Четырех дней Неаполя», показав войну в духе жесткого реализма.

Партизаны в фильме показаны практически таким же злом, как немцы. В то же время, показана непреложность выбора партизаном участия в движении Сопротивления: «- Вы здесь, потому что там фашисты и немцы. И это ваш дом, где ваша семья! И когда видишь немца, ты не должен бежать, а должен воевать с ним» [12].

Примечательно, что основные участники фильмов о движении Сопротивления в Италии – это партизаны и их враги – германские национал-социалисты. Образ же итальянского фашиста значительно реже эксплуатируется в итальянском кинематографе. Образ нациста в кинематографе, как правило, довольно упрощен, показана их жестокость по отношению к партизанам и местным жителям Италии. В то время как образ партизана различается от фильма к фильму. Показаны не только партизаны-освободители, но и партизаны-угнетатели, партизаны-реформаторы, дети и католические священники как партизаны и обычный народ городов Италии, на короткое время, пока он сражался с нацистами, ставший партизанами.

Таким образом, тема движения Сопротивления играет значительную роль в итальянском кинематографе. Творческие решения режиссеров фильмов о Сопротивлении отличаются разнообразием. Порой в них много пафоса и политических веяний своего времени, как в фильмах «Корбари» и «Четыре дня Неаполя», однако во все значительные фильмы о Сопротивлении заложена любовь к отечеству и мысль о героизме народа Италии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тольятти П. Новое Возрождение Италии // Спасти Италию! 1922–1945: Антифашистская борьба и движение Сопротивления в Италии в документах, воспоминаниях участников. письмах, исторических исследованиях. М. : Политиздат, 1990. С. 243.
2. Comello M. Covo di banditi. Resistenza a Cumiana tra cronaca e storia. Pinerolo : Alzani Editore, 1998. 258 p.
3. Onofri N.S. Bologna combatte (1940–1945) dalla dittatura alla libertà. Roma : Sapere Edizioni, 2003. 176 p.
4. Meale R. Roma città aperta di Roberto Rossellini // Quinlan: rivista di critica cinematografica. URL: <https://quinlan.it/2020/04/25/roma-citta-aperta/> (access date: 10.01.2021).
5. Рим, открытый город (Roma città aperta, реж. Р. Росселлини, 1945).
6. Четыре дня Неаполя (Quattro giornate di Napoli, реж. Н. Лой, 1962).
7. Speranza P. Un film «marcatamente antitedesco»: la Germania di Bonn contro Le Quattro Giornate di Napoli // L'onda della libertà. Le Quattro Giornate di Napoli tra storia, letteratura e cinema. Napoli : Edizioni Scientifiche Italiane, 2015. P. 63–79.
8. Корбари (Corbari, реж. В. Орсини, 1970).
9. Il partigiano Johnny (dir. G. Chiesa, 2000).
10. Gregoretti U. «Il partigiano Johnny» (It. 2000) di Guido Chiesa // Rivegauche-filmecritica: magazine di cinema e arte. URL: <https://rivegauche-filmecritica.com/2020/04/25/il-partigiano-johnny-it-2000-di-guido-chiesa/> (access date: 15.01.2021).
11. L'uomo che verrà (dir. G. Diritti, 2009).

П.Ю. Белкина

ФЕНОМЕН ВИШЕГРАДСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье рассматривается феномен Вишеградского сотрудничества и его современное состояние. На основе официальных документов стран Вишеградской группы и Европейского Союза выявляются основные общие интересы и их противоречия. Наличие различных интересов по ряду ключевых вопросов политики, а также конкуренция стран в области экономики позволяет говорить о недостаточно стабильном сотрудничестве.

Ключевые слова: Вишеградская группа, Польша, Венгрия, Чехия, Словакия

Деятельность Вишеградской группы (В4) на европейской арене стала проявлением нового кризиса единогласия в Европейском Союзе (ЕС). Совместная позиция четвёрки по ряду вопросов вступает в противоречие с общей позицией ЕС. Сложившаяся ситуация говорит о назревающем противоречии между евроскептиками во главе с Вишеградской группой, выступающими за сохранение национального суверенитета, и еврооптимистами, стремящимися к усилению наднациональных органов власти. Исследование Вишеградской группы необходимо для понимания того, какие новые угрозы несет существование региональных объединений внутри ЕС углублению интеграционных процессов внутри последнего.

Для того чтобы понять, насколько перспективным является Вишеградское сотрудничество, обратимся к таким сферам сотрудничества, как экономика, внешняя политики и политика в рамках ЕС. Данные три направления являются наиболее показательными в контексте ВГ.

После вступления стран четверки в ЕС оборот их взаимной торговли увеличился, а с 2014 г. в торговом обороте между

большинством стран наметилась негативная тенденция [1]. Особенно заметен спад в торговле со странами четвёрки Словакии, которая стала более ориентирована на рынки других стран Европы. Такой поворот связан со вступлением последней в зону евро и ее ориентация на страны ядра. На 2018 г. наиболее тесные торговые отношения связывали Чехию и Словакию, что обусловлено их длительным нахождением в составе одного государства. Кроме того, для этих двух стран характерны более тесные экономические связи и с другими партнёрами по блоку. В то же время внешняя торговля Польши и Венгрии ориентирована вовне Вишеградской группы. Среди ведущих торговых партнёров Польши из стран четвёрки фигурирует только Чехия, а Венгрия сохраняет более тесные торговые связи со Словакией. Стоит отметить, что традиционным для всех стран партнёром остаётся Германия. Также значительная доля международной торговли приходится на Австрию, Францию, Италию и Великобританию. Неевропейские страны **не** входят пятёрку основных торговых партнёров для стран Вишеградской группы.

Внешнеполитические интересы стран региона зачастую расходятся по ключевым вопросам внешней политики, о чём можно судить по анализу внешнеполитических стратегий. К основным проблемным вопросам можно отнести дальнейшие перспективы сотрудничества с НАТО и США и отношения с Россией.

Наиболее радикальной является позиция Польши [2]. В её национальной внешнеполитической стратегии Россия представлена в качестве главного нарушителя равновесия в Европе и источника угрозы безопасности. Позиции Чехии [3] и Словакии [4] более сдержанны. Чешская сторона подчёркивает значение России как одного из основных экономических партнёров и говорит о необходимости преодоления нестабильности в отношениях и налаживании партнёрства. Словакия также имеет более гибкую позицию в связи с тем, что Россия остаётся ведущим партнёром

в области энергетики [5]. Наиболее позитивные отношения с Россией остаются у Венгрии [6], что не раз служило поводом для критики со стороны партнёров по Вишеградской группе [7].

Что же касается вопроса о сотрудничестве с США и НАТО, то страны В4 в целом разделяют общую позицию, видя в них источник стабильности и безопасности в Европе. В то же время они стремятся к усилению европейской составляющей безопасности. Стоит отметить менее восторженную Венгерскую позицию относительно НАТО. Для неё Альянс остаётся значительным, но не основным партнёром [6].

В отношении европейской политики, как отмечает Я. Грошковский, страны четвёрки имеют общую позицию относительно их членства в ЕС, но каждая из них преследует собственные цели и имеет особую позицию относительно европейской политики [6. P.72]. Так, для Польши в европейской политике остаются приоритетными вопросы безопасности и Восточное партнёрство, а также контроль над институциональными реформами, Словакия больше заинтересована вопросами реформирования еврозоны, Чехия – вопросами усиления внутреннего рынка, а Венгрия в первую очередь втянута в европейскую политику относительно национальных реформ.

Отношение к Вишеградском формату сотрудничества также во всех странах разное. Наибольшее значение данному формату придаёт Венгрия [6], которая видит В4 в качестве приоритета своей внешней политики. В политике Чехии [3] и Словакии [4] Вишеградское сотрудничество также занимает значительное место, но уступает двусторонним отношениям с партнёрами по блоку. Основной целью сотрудничества остаётся усиление роли четвёрки в ЕС и сотрудничество в экономических секторах экономики (энергетика, транспорт, бюджетная политика ЕС). Все три страны готовы либо к расширению группы, либо к работе в формате В4+. Несколько иной является позиция Польши. Стра-

на является неформальным лидером Вишеградской четвёрки, что в последние годы пытается оспорить Венгрия. Несмотря на своё положение в ЕС, Польша также поддерживает сотрудничество со странами четвёрки, но выставляет другие приоритеты. Для неё сотрудничество необходимо, прежде всего, в вопросах Восточного партнёрства и политики безопасности. Одним из ключевых направлений сотрудничества является создание региональной боевой группы.

Несмотря на большое число разногласий по вопросам внешней политики, значительным остаётся и ряд общих интересов стран. Речь идёт о сотрудничестве со странами Западных Балкан (лидером данного процесса является Венгрия), политика Восточного партнёрства (его инициатором и мотором является Польша), энергетическая политика и политика в отношении урегулирования миграционного кризиса, когда страны В4 совместно выступили против систем обязательного перераспределения беженцев. Именно последний стал своим образом толчком к оживлению сотрудничества и росту популярности В4.

Рассмотрев интересы стран в разных областях политики и экономики, можно сделать вывод о том, что современное состояние Вишеградской группы больше походит именно на временный политический союз, нежели на стабильную региональную группировку. Существующие разногласия и противоречия, как в экономической, так и в политической сфере не позволяют говорить о четвёрке как об эффективном долговременном объединении. Период охлаждения после 2004 г., а затем подъём активности группы, связанный с миграционным кризисом, свидетельствуют о том, что страны готовы проводить общую политическую линию только в отношении ряда вопросов, в то время как спорные вопросы выносятся за рамки работы группы. Говоря о перспективах развития Вишеградской группы, стоит учитывать возможности изменения политической конъюнктуры в странах-

участниках. До тех пор, пока они будут восприниматься как нарушители демократических норм и ценностей, пока они не войдут в ряд наиболее развитых стран ЕС, у них будет основа для сотрудничества. Насколько же заметны они будут на европейской арене, будет зависеть в большей степени от кризисных ситуаций внутри ЕС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Trade in goods by top 5 partners, European Union // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/trade/trade_2018/ (access date: 01.07.2019).
2. Polish Foreign Policy Strategy 2017–2021 // Ministry of Foreign Affairs Republic of Poland. URL: <https://www.gov.pl/attachment/869184c0-bd6f-4a20-b8af-a5c8190350a1> (access date: 07.08.2019).
3. Concept of the Czech Republic's Foreign Policy // Ministry of the Foreign Affairs of the Czech Republic. URL: https://www.mzv.cz/jnp/en/foreign_relations/policy_planning/concept_of_the_czech_republic_s_foreign.html (access date: 07.08.2019).
4. Slovak Foreign and European Policy Agenda in 2015 // Ministry of Foreign and European Affairs of the Slovak Republic. URL: https://www.mzv.sk/documents/30297/2568657/150108_SK_Foreign_Policy_Agendadoc.pdf (access date: 07.08.2019).
5. From where do we import energy and how dependent are we? // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-2c.html> (access date: 06.07.2019).
6. Hungary's national security strategy 2012 // Ministry of Foreign Affairs of Hungary. URL: <https://www.eda.europa.eu/docs/default-source/documents/hungary-national-security-strategy-2012.pdf> (access date: 07.08.2019).
7. Hungary's Orban Gets Cold Shoulder in Poland After Russian Deal // Bloomberg. 2015. 19 febr.
8. Groszkowski J. European policies of the Visegrad countries // International issue and Slovak foreign policy affairs. 2013. Vol. 22, № 1–2. P. 71–90.

Д.В. Дементьев

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ДЕЛЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

В статье рассматривается взаимодействие России и Германии в процессе согласования и реализации инициатив по урегулированию украинского конфликта на фоне серьезных разногласий в оценке событий 2014 года – присоединения Крыма к Российской Федерации и начала вооруженного конфликта в Донбассе.

Ключевые слова: миссия ОБСЕ, «Нормандская четверка», Контактная группа, «Минские соглашения», «Формула Штайнмайера»

Актуальность изучения украинского вопроса в российско-германских отношениях обусловлена тем, что с началом конфликта отношения России с Германией, главным партнером на Западе, и с Западом в целом оказались в состоянии серьезного кризиса. На сегодняшний день преодоление этого кризиса во многом зависит именно от урегулирования ситуации в Украине.

С обострением ситуации в юго-восточных регионах Украины после смены власти в Киеве в феврале 2014 г., Германия выступает с инициативой создания наблюдательной миссии ОБСЕ для формирования объективной картины происходящего в регионе на фоне существования неподтвержденных слухов о положении там русскоязычного населения и передвижениях российских войск в Крыму [1].

А. Меркель получила поддержку данной инициативы со стороны В. Путина, однако страны Запада и Россия разошлись в видении будущей миссии в Совете ОБСЕ. Запад выступает за распространение мандата миссии на всю территорию Украины, включая Крым, против чего решительно выступает Россия (18 марта 2014 г. подписан указ о вхождении полуострова в РФ) [2].

Главную роль в достижении компромисса с Россией в Совете ОБСЕ сыграла Германия в лице А. Меркель и министра иностранных дел – Ф.-В. Штайнмайера [3], [4], [5]. Благодаря дипломатическим усилиям, сторонам удалось достичь консенсуса 21 марта 2014 г. – формально мандат миссии был распространен на всю территорию Украины, но были определены первоначальные районы дислокации наблюдателей, в число которых не вошел Крым [6].

К лету 2014 года конфликт на юго-востоке Украины перерос в полномасштабные военные действия. А. Меркель и Ф. Олланд, видя в России одну из сторон конфликта, незаконно аннексировавшую Крым и поддерживающую сепаратистов юго-востока Украины, способствуют началу диалога между Москвой и Киевом. На полях празднования 70-летия высадки союзных войск в Нормандии (6 июня 2014 г.) лидеры России, Украины, Германии и Франции впервые совместно обсудили ситуацию на юго-востоке Украины, что привело к формированию «Нормандской четверки» [7].

Германия в диалоге с Россией продвигает идею создания контактной группы по урегулированию конфликта в составе Украины, России и ОБСЕ [8]. С точки зрения России, данный подход является подменой понятий, так как Москва не является стороной конфликта, а Киеву необходимо вести диалог со своими юго-восточными регионами [9].

Вопрос создания контактной группы долгое время был одной из основных тем контактов А. Меркель и Ф.-В. Штайнмайера с В. Путиным и С. Лавровым. Сторонам вновь удалось достигнуть компромисса – Контактная группа была создана в июне 2014 г., в неё вошли Россия – за что выступал Запад (в том числе Германия и Украина), Украина, ОБСЕ и представители ЛНР и ДНР – за что выступала Россия.

Главным итогом работы Контактной группы стала разработка и подписание «Минского протокола» (5 сентября 2014 г.),

предусматривающего установление режима прекращения огня и шаги по политическому урегулированию конфликта [10].

Однако подписание документа не остановило боевые действия. В феврале 2015 на фоне очередного обострения, А. Меркель и Ф. Олланд едут в Киев и Москву для переговоров об урегулировании. Итогом их миротворческой инициативы стала выработка и согласование «Нормандской четверкой» в ходе саммита в Минске (11–12 февраля 2015 г.) более подробного документа – «Комплекса мер по выполнению Минских соглашений», и его подписание членами Контактной группы [11]. А. Меркель и В. Путин подчеркнули большую роль друг друга в достижении компромисса в Минске [12], [13].

В соответствии с Минскими соглашениями [14], Верховной радой были определены территории, на которые распространяется закон об особом статусе Донбасса, однако предусмотренного договоренностями вступления закона в силу не произошло – в него были внесены поправки о вступлении в силу только после проведения в регионе местных выборов в соответствии с украинским законодательством и международными стандартами. Это вызвало серьезные разногласия между Украиной и ЛНР, ДНР, Россией и завело Минский процесс в тупик.

Выход был найден Ф.В. Штайнмайером. 2 октября 2015 г. он предложил компромиссную схему вступления закона об особом статусе в силу («Формула Штайнмайера») – вступление закона в силу в день проведения местных выборов на временной основе, а на постоянной – после их признания со стороны ОБСЕ [15]. Однако выборы в регионе так и не были проведены, на фоне чего ЛНР и ДНР проводят собственные (11 ноября 2018 г.) и формируют свои органы власти.

Что касается реализации Минских соглашений – Россия и Германия признают, что на сегодняшний день не была достигнута их «нулевая точка» – прочное перемирие, после которого

должно начаться политическое урегулирование [16]. По мнению российской стороны, именно Украина, при попустительстве Запада (в том числе Германии), намеренно срывает режим прекращения огня и отторгает юго-восточные регионы, не желая переходить к реализации политической части соглашений – предоставлению особого статуса Донбассу [17]. В связи с этим Россия «с пониманием относится» к проведению в ЛНР и ДНР собственных выборов [18] и принимает ряд законов, направленных на поддержку жителей республик – о признании документов ЛДНР, безвизовом режиме, упрощенном получении гражданства РФ [19, 20].

Германия возлагает основную ответственность за выполнение Минска на Россию, аргументируя это тем, что Россия развязала конфликт, вторгнувшись на территорию Украины, оккупировав и аннексировав часть территории. Германия обвиняет Россию в поддержке и прямом влиянии на сепаратистов, нарушающих режим прекращения огня и препятствующих доступу ОБСЕ на контролируемые ими территории [21]. На фоне отсутствия прочного перемирия Германия считает справедливым отказ Украины от обсуждения шагов по политическому урегулированию [22]. Также Германия считает нарушением Минских соглашений фактическое признание Россией выборов в ЛДНР и документов самопровозглашенных республик [23], [24].

Таким образом, несмотря на абсолютно разные позиции Германия и Россия активно взаимодействуют по вопросу украинского конфликта. Германия, видя в России непосредственного участника конфликта, способствует её «втягиванию» в процесс урегулирования: благодаря усилиям Германии удастся установить прямой диалог между властями Украины и России, вследствие чего появляется «Нормандская четверка» и Контактная группа при участии России. Также благодаря посредничеству и гибкой позиции Германии неоднократно удавалось достичь вза-

имоприемлемых решений между Москвой и Киевом: размещение миссии ОБСЕ; выработка и подписание Минских соглашений; принятие «Формулы Штайнмайера». Россия же, участвуя в урегулировании, подчёркивает исключительно внутриукраинский характер конфликта и воспринимая себя не как его участницу, а как посредника и представителя интересов юго-восточных регионов Украины. Будучи готовой идти на компромисс с Западом по вопросам урегулирования ситуации в Донбассе, Россия отказывается от какого-либо обсуждения статуса Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Regierungspressekonferenz vom 3. März // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungspressekonferenz-vom-3-maerz-845474> (datum der bewerbung: 15.03.2020).
2. Выступление и ответы на вопросы сенаторов С. Лаврова // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/69394 (дата обращения: 15.03.2020).
3. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel in Berlin // Die Bundeskanzlerin. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzlerin-merkel-798926> (datum der bewerbung: 18.03.2021).
4. Ich kann in unserer Politik keine Schwäche erkennen // Auswärtiges Amt. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/140323-bm-wams/261082> (datum der bewerbung: 18.03.2021).
5. Комментарий МИД РФ в связи с решением о развертывании на Украине Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavatelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/69258 (дата обращения: 22.03.2021).
6. Размещение Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ на Украине // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. URL: <https://www.osce.org/ru/pc/117108?download=true> (дата обращения: 02.02.2020).
7. Барабанов И. От Нормандии до Берлина // Коммерсант. 2016. 24 окт.

8. Regierungspressekonferenz vom 3. März // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungspressekonferenz-vom-3-maerz-845474> (datum der bewerbung: 15.03.2020).

9. Пресс-конференция С. Лаврова по итогам переговоров с госсекретарем США Дж. Керри // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbS3/content/id/70650 (дата обращения: 06.02.2020).

10. Минский протокол // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. URL: <https://www.osce.org/ru/home/123258?download=true> (дата обращения: 18.01.2020).

11. Regierungspressekonferenz vom 6. Februar // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungspressekonferenz-vom-6-februar-843640> (datum der bewerbung: 21.03.2020).

12. Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem französischen Präsidenten Hollande am 12. Februar 2015 // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-franzoesischen-praesidenten-hollande-am-12-februar-2015-843864> (datum der bewerbung: 23.03.2020).

13. Пресс-конференция по итогам российско-венгерских переговоров // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/47706> (дата обращения: 22.03.2021).

14. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4804> (дата обращения: 22.03.2021).

15. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/54439> (дата обращения: 07.04.2020).

16. Пресс-конференция по итогам встречи В. Путина с А. Меркель // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/54439> (дата обращения: 07.04.2020).

17. Интервью С. Лаврова МГТРК «МИР», 10 мая 2017 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2750818 (дата обращения: 10.03.2021).

18. Кремль «относится с пониманием» к выборам в ЛНР и ДНР // Коммерсант. 2018. 12 нояб.

19. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Швеции М.Вальстрём, Москва, 21 февраля 2017 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации.

URL: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2654869 (дата обращения: 10.03.2021).

20. Путин заявил о гуманитарном характере предоставления гражданства РФ для жителей Донбасса // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/6372144> (дата обращения: 18.03.2021).

21. 8726-е заседание Вторник, 18 февраля 2020 года, 15 ч 00 мин Нью-Йорк // Организация Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.8726> (дата обращения: 10.03.2021).

22. Rede von Außenminister Sigmar Gabriel zur Eröffnung der Konferenz: Making Conventional Arms Control Fit for the 21st Century // Die Bundesregierung. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/292264> (datum der bewerbung: 07.04.2020).

23. Regierungspressekonferenz vom 20. Februar // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungspressekonferenz-vom-20-februar-844192> (datum der bewerbung: 18.04.2020).

24. Regierungspressekonferenz vom 26. April 2019 // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungspressekonferenz-vom-26-april-2019-1603560> (datum der bewerbung: 18.04.2020).

УДК 94(436)»20»:329.055.1(436)

А.В. Ефремов

ЭВОЛЮЦИЯ АВСТРИЙСКОЙ ПАРТИИ СВОБОДЫ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

В статье рассматривается идейная эволюция Австрийской партии свободы, одного из крупнейших и авторитетнейших представителей современных европейских крайне правых сил, анализируются причины успехов и провалов партии.

Ключевые слова: Й. Хайдер, Х.-К. Штрахе, АПС, крайне правые политические партии, миграционная проблема

Начало XXI в. прошло под знаком изменения привычной политической картины в Европе, усиления правых политических сил. Миграционная проблема предоставила прекрасную возможность европейским партиям правого политического спектра

четче донести свои идеи до потенциальных избирателей, крайне недовольных существующим порядком вещей. В результате, мы наблюдаем в XXI в. значительный рост популярности правых партий, которые использовали сложившуюся ситуацию ради своего возвращения в большую политику. Как итог, в сегодняшней европейской реальности, феномен правого движения прочно укоренился и наиболее ярко он проявил себя в Австрии, где основным выразителем идей сильного национального государства стала Австрийская партия свободы (далее – АПС).

Несмотря на то, что официально партия существует с 1956 г., она не находилась в центре австрийской политической жизни, хотя и успела побывать младшим партнером по правительственной коалиции с Социал-демократической партией Австрии (далее – СДПА) в 1983–1986 гг. Эволюция началась весной 1986 г. на съезде АПС лидер каринтийского отделения АПС Йорг Хайдер смог успешно организовать смещение предыдущего главы партии Норберта Штегера и стать новым председателем австрийских крайне правых [1].

1980-е гг. стали для АПС периодом естественной смены поколений, поворотные события которого представляли собой уход из активной политики пожилых носителей ультраправых взглядов, и их активное замещение молодыми на тот момент времени адептами радикальных идей, не только не порвавшими с завуалированным нацистским наследием, но также энергично пытавшимися найти для него новые опоры в австрийской общественной жизни.

Хайдер был ярким политиком, уверенность в себе которого расценивалась многими наблюдателями как высокомерие. Он являлся выходцем из националистического крыла партии и неоднократно вызывал споры своими неоднозначными заявлениями о правильном месте Австрии в немецком культурном пространстве. В 1988 г. Хайдер даже назвал Австрию «идеологиче-

ским уродством» [2]. После того, как он взял в свои руки бразды правления АПС в 1986 г., партия добилась значительных успехов как на общенациональных, так и на региональных выборах. К примеру, на провинциальных выборах в марте 1989 г. в Каринтии, АПС лишила Австрийскую народную партию второго места среди самых сильных партий, и Хайдер был избран губернатором провинции, использовав голоса сторонников АНП [3].

Эти выборы создали первый прецедент, когда губернатором австрийской провинции был избран не член какой-либо из двух ключевых партий. В июне 1991 г. после скандала, вызванного заявлением Хайдера во время дебатов о том, что политика занятии Третьего рейха представляла собой позитивную модель [4], АНП и СДПА объединились, чтобы выразить вотум недоверия Хайдеру, и, впервые в истории Второй австрийской республики, губернатор провинции был вынужден уйти в отставку до окончания срока полномочий.

Хайдер не позволил этой неудаче создать проблемы своей партии. На трех провинциальных выборах осенью 1991 г. Хайдер привел АПС к выдающимся результатам, доказав, что австрийские избиратели все чаще были готовы голосовать за альтернативу двум основным партиям страны [4].

Основной политической идеей Хайдера было его желание резко сократить количество иностранцев, которым разрешалось жить в стране. Данная идея Хайдера стала основной причиной принятия закона 1991 г., который постановил, что иностранные рабочие не могут составлять более 10 % рабочей силы. В 1993 г. этот потолок был снижен до 9% [4].

При Хайдере партия прошла путь от своего наихудшего результата на выборах – 5% в 1983 г. до рекордных 26,91% в 1999 г., опередив АНП (26,91%) на 400 дополнительных голосов и заняв вторую ступеньку политического пьедестала после СДПА (33,15%) [5]. Следующим шагом АПС стало достижение

договоренности с АНП, хотя основные министерские портфели были распределены среди членов АНП.

23 апреля 2005 г. руководство АПС перешло к Хайнцу-Кристиану Штрахе, лидеру влиятельного венского отделения партии. Штрахе, по профессии зубной техник, активно участвовал в политической жизни страны с 1991 г. Через 10 лет в 2001 г. он был избран в венский парламент. В 2004 г. политик сменил Гильмара Кабасана посту лидера отделения АПС в Вене. Штрахе считался учеником Хайдера, но выступил против своего учителя на фоне усиления разногласий внутри партии в январе 2005 г. [6. С. 71].

Штрахе изменил политический дискурс АПС, сделав партию менее радикальной, более открытой и демократичной при сохранении популистской риторики, которая, тем не менее, резко отличалась от хайдеровской.

В 2011 г. делегаты съезда АПС в г. Граце приняли новую редакцию партийной программы, максимально отвечающей требованиям современности [7. С. 109].

Назвав себя «социально ответственной партией», АПС не откасалась от традиционного дискурса, подтвердив свое видение Австрии как неотъемлемой «части немецкого лингвистического и культурного сообщества». В документе декларировалась поддержка концепции «Европы свободных народов и отечеств», а также интересов нацменьшинств [8].

Однако евроскептицизм АПС никуда не делся. Партия провозгласила своей целью борьбу за европейскую конфедерацию суверенных государств, за примат христианских ценностей над ползучей исламизацией и за искоренение диктата евробюрократии [8].

Партия больше не давала поводов для перманентных обвинений в антисемитизме, но почти сразу же подверглась критике в СМИ за жесткую антитурецкую позицию, выраженную слова-

ми: «Вена никогда не станет Стамбулом» [9. С. 71]. Сам Штрахе никогда не выступал против Турции как страны и всегда подчеркивал, что его, как лидера АПС, не устраивает желание этого государства стать членом Европейского Союза. По его мнению, Турция не имеет никакого отношения к Европе и «не принадлежит к ней ни исторически, ни географически, ни культурно» [10. С. 8]. Иначе, считал Штрахе, Европа имеет все шансы превратиться в «евразийское или евроафриканское образование» [10. С. 8].

Следует отметить, что эволюция АПС была вызвана не только изменением текущей политической обстановки, но и некоторой сменой массовой базы и состава партии – в политику пришло новое поколение, для которого Третий рейх был уже просто прошлым, не имевшим сколько-нибудь значимой личной окраски [11. С. 17].

Очевидно, что второй взлет популярности АПС в 2000-е гг., был связан как с уходом Хайдера, так и с усилением общеевропейского миграционного кризиса. Чтобы не остаться вечными оппозиционерами, часть руководства партии взяла курс на создание партии нового образца, когда крайне правые полностью разделяют идеи демократического сообщества и сильное государство давно представляют не как диктатуру, а как патерналистскую конструкцию, способную гарантировать и отстоять экономическую, социокультурную и национальную безопасность своих граждан. В тоже время в вопросах о миграции и евроинтеграции партия во многом сохраняла и даже усиливала радикальную риторику эпохи Хайдера [12. С. 265].

В заключение необходимо подчеркнуть, что Хайдер стал автором идеологического каркаса АПС и направил партию по новому идейному пути, подержанному широким кругом избирателей. С именем же Штрахе связан очередной этап партийной эволюции, где основной упор был сделан на демократичность и умеренность, которые позволили привлечь новый электорат.

Можно констатировать, что оба лидера, пусть и в разное время, создали современный феномен АПС, сделавший партию неотъемлемой частью австрийского политического ландшафта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Йорг Хайдер // TimeNote. URL: <https://timenote.info/ru/iorg-Hajder> (access date: 15.03.2021).
2. Немецкий национализм в Австрии // Wikipedia.org URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Пангерманизм_в_Австрии#:~:text=Пангерманизм%20в%20Австрии%20\(нем.,немецкоязычного%20населения%20Австро-Венгерской%20империи](https://ru.wikipedia.org/wiki/Пангерманизм_в_Австрии#:~:text=Пангерманизм%20в%20Австрии%20(нем.,немецкоязычного%20населения%20Австро-Венгерской%20империи). URL: (дата обращения: 17.03.2021).
3. Freedom Party of Austria // GlobalSecurity.org. URL: <https://www.global-security.org/military/world/europe/at-political-parties-fpo.htm> (access date: 17.03.2021).
4. Йорг Хайдер цитаты // Цитаты известных личностей. URL: <https://ru.citaty.net/avtory/iorg-khaider/?o=new> (дата обращения: 15.03.2021).
5. Austria: the 1999 parliamentary elections and the European union members' sanctions // Boston college. Ever to excel. URL: https://www.bc.edu/content/dam/files/schools/law/lawreviews/journals/bciclr/25_1/04_TXT.htm (access date: 17.03.2021).
6. Швейцер В.Я., Степанов А.И., Юданов Ю.И. Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе. М. : Весь мир, 2009. 544 с.
7. Швейцер В.Я. Австрийская партия Свободы: путь во власть // Современная Европа. 2018. № 2. С. 105–114.
8. Parteiprogramm der Freiheitlichen Partei Österreichs (FPÖ) // Manfredhaimbuchner.at. URL: https://www.fpoee-ooe.at/wp-content/uploads/2011_graz_parteiprogramm_web.pdf (datum der bewerbung: 17.03.2021).
9. Шнирельман В.А. Мигранты, ксенофобия и социальная память – пример Австрии // Новое прошлое. 2018. № 2. С. 64–84.
10. Химшиашвили П. «Это станет концом европейских идей» – Хайнц-Кристиан Штрахе, лидер Австрийской партии свободы // Ведомости. 2013. 7 окт.
11. Свечникова С.В., Ефремов А.В. Австрийская партия свободы в XXI в.: идеология и практика, // Ученые записки Орловского государственного университета. 2020. № 3 (88). С. 16–21.
12. Свечникова С.В. Эволюция Австрийской народной партии под влиянием современного миграционного кризиса // Межкультурный диалог и вызовы

современности: другость и инаковость в своем и родном. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (19–21 апреля 2019). Орёл, Комрат, 2019. С. 264–268.

УДК 172.3

К.А. Котович

ИСЛАМОФОБИЯ ВО ФРАНЦИИ: ТРУДНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В данной статье показаны особенности трактований термина «исламофобия» и истоков его появления во Франции. На основании сравнений мнений исследователей арабского происхождения с французскими авторами был сделан следующий вывод: данные авторы определяют «исламофобию» чаще всего как «вид расизма», однако первые видят истоки данного явления в колониальном прошлом Франции, а вторые отвергают это суждение, выдвигая собственные версии.

Ключевые слова: Франция, исламофобия, мусульмане, колониализм

На сегодняшний день исламофобия является актуальной проблемой во французском обществе. 16 октября 2020 г. Самюэль Пати, учитель средней школы, был убит мусульманским беженцем из Чечни Абдуллахом Анзоровым в пригороде Парижа. По данным следствия, мотивом убийства стал факт демонстрации учителем карикатур на Пророка Мухаммеда из выпусков Шарли Эбдо на уроке «свободы слова» в школе [1]. Несколько дней спустя тысячи французов вышли на манифесты в поддержку С. Пати; мусульмане в ответ провели серию демонстраций с призывами к борьбе против исламофобии, которые периодически происходят и по сей день. Подобные события происходят во Франции не первый раз, вследствие чего французские экспертное сообщество задает вопрос: «исламофобия» это термин, используемый для осуждения дискриминации мусульман и обо-

значающий расизм, или это инструмент, запрещающий любую критику ислама?

Французский социолог и политолог Винсент Гейсер считает, что для определения значения термина «исламофобия» его следует рассматривать в специфике национального контекста, то есть данное явление имеет отличающиеся причины и последствия в разных государствах. По мнению В. Гейсера, исламофобия во Франции – это религиофобия, существующая отдельно от арабофобии, ненависти к выходцам из Магриба, ксенофобии и расизма [2]. Другими словами, совершая акты исламофобии, французы защищают свои католические ценности от чуждых им религии и культуры. Как представляется, в случае с французским обществом данное определение имеет место быть: по данным Обсерватории секуляризма (парижской комиссии, консультирующей правительство по вопросам секуляризма) в 2019 г. всего 37% от общего населения Франции считали себя верующими, и эти цифры продолжают падать, но практически половина французов заявила о своей связи с католической культурой [3].

Французский историк Николя Лебур, специализирующийся на националистическом радикализме в Европе, считает исламофобию – новым видом «альтерфобии» (от фр. «altérophobie») [4]. Смысл концепции «альтерфобии» Н. Лебура заключается в том, что в основе расизма и всех его проявлений лежат фундаментальные мифы и научные факты, которые позволяют индивиду отделить себя от «чужих» в определенном обществе [4]. Другими словами, в каждом определенном историческом контексте может существовать свой определенный тип альтерофобии, к примеру, антисемитизм, расизм по отношению к чернокожему населению, исламофобия, арабофобия и т.д. Проявление альтерофобии во французском обществе по Н. Лебуру – антисемитизм на рубеже XIX–XX вв., связанный с делом Дрейфуса, а также исламофобия сегодня [4]. Из данного определения можно

сделать вывод, что автор считает исламофобию – проявлением расизма. Интересно отметить, что многие европейские авторы склонны считать исламофобию именно расизмом, отталкиваясь от того, что мусульмане обладают определенными характерными маркерами (одежда, поведение и так далее), которые позволяют считать их представителями одной условной расы, которую иногда называют «расой по духу» [2], несмотря на различность их биологических рас, национальностей, происхождения и даже ветвей ислама, которые они исповедуют.

Так, можно сделать вывод, что некоторые французские исследователи считают, что исламофобия все же существует, и используют данный термин для обозначения расизма по отношению к мусульманам. Тем не менее, говоря о французском обществе в целом, важно отметить, что консенсуса в этом вопросе нет. Некоторые члены французских левых партий отстаивают разделение данного термина на два: «исламофобия» и «антимусульманский расизм» [5]. В данном случае первый термин трактуется как право на критику ислама, которое должно существовать в светском обществе, а последний как неприемлемые проявления расизма, против которых необходимо бороться. Члены французских правых партий, в свою очередь, вообще не поддерживают использование термина «исламофобия», предлагая запретить публичную практику и демонстрацию мусульманской культуры [6].

Французские мусульмане также склонны считать исламофобию проявлением расизма. Так, Комитет по борьбе с исламофобией (CCIF), некоммерческая организация, созданная во Франции в 2003 г., дает на своем официальном сайте следующее определение: «Исламофобия, определяемая как все акты дискриминации или насилия в отношении отдельных лиц или учреждений по причине их реальной или предполагаемой принадлежности к исламу, является приемлемым [прим.: во фран-

цузском обществе] выражением расизма, не произносящим его названия» [7]. Как представляется, определение данного Комитета термина «исламофобия» крайне схоже с объединением мусульман в одну «расу по духу», о чем писали вышеуказанные исследователи.

Однако, если точки зрения значения «исламофобии» авторов арабского происхождения и французских в целом близки, то вопрос об истоках исламофобии вызывает серьезные разногласия. Большинство авторов арабского происхождения, исследующие феномен «исламофобия» на примере французского общества, считают, что данный термин и явление появились впервые именно во Франции или как минимум во французском языке. Главный аргумент в пользу данной точки зрения – это французское колониальное прошлое и особенности положения мусульманских подданных Франции в этот период. Мусульмане утверждают, что: «Франция “враждовала” с арабо-мусульманским миром со времен начала колонизации Алжира в 1830-х... Исламофобия, христианская по своей природе, возникла в духе крестового похода, расцвела во время колониальной экспансии и, после периода латентности, восстановилась с “войной с террором”» [8].

Худа Асаль, также исследователь арабского происхождения, разделяет данную точку зрения, считая, что истоки исламофобии лежат в средневековом ориентализме, характеризовавшегося борьбой между мусульманами и христианами, во время которой последние отвергали ислам, считая его иррациональным и отсталым [2]. Автор утверждает, что само слово «исламофобия» принадлежит именно французам – уже в начале XX в. появились работы французских колонизаторов, в которых впервые использовался данный термин в контексте исследования различных сфер жизни мусульман в колониальной империи Франции.

Франко-ливанский автор Ибрагим Табет, исследующий историю отношений Франции и Ближнего Востока, видит истоки

исламофобии в колониальной эпохе. И. Табет приводит слова французского философа Вольнея, жившего на рубеже XVIII–XIX вв., о том, что «ислам и деспотизм идут рука об руку, причем последний является прямым следствием духа Корана» [9]. Однако в отличии от авторов, указанных выше, И. Табет считает, что с распадом колониальных империй начался диалог между Западной и Восточной цивилизациями, характеризующийся религиозной терпимостью, вследствие чего исламофобия начала терять свою актуальность. В этой связи автор подчёркивает, что на сегодняшний день исламофобия вновь набирает обороты в Европе, так как радикальный ислам, террористические организации и их деятельность значительно омрачают облик ислама в глазах европейцев. И. Табет подчёркивает, что большинство мусульман, живущих во Франции, придерживаются ее модели секуляризма, тем не менее страх перед радикальным исламом заставляет французов думать, что даже умеренные мусульмане не поддаются ассимиляции. Точка зрения И. Табета кажется наиболее объективной, так как автор обращает свое внимание не только на прошлое, но и на существующие сегодня во Франции угрозы.

Таким образом на основе данных высказываний можно сделать вывод, что авторы арабского происхождения считают, что исламофобия во Франции, появилась в средние века и начала активно проявляться в XVIII в. во время колониальной экспансии. Однако, по мнению В. Гейссера этот термин быстро вышел из употребления в 1920-х гг., вновь став используемым только после теракта 11-го сентября [10]. Особенностью данной ситуации является то, что после 2001 г. «исламофобия» стала активно обсуждаемым термином не только во Франции, но и во многих других странах Запада. В целом французики авторы не склонны признавать тесную связь между колониальным прошлым Франции и появлением исламофобии. В работах данных исследователей чаще всего можно встретить версию о том, что это явле-

ние возникло во время Иранской революции 1978–1979 гг. в качестве определения имамами категории женщин, отказавшихся носить хиджаб [2, 5]. В данном случае исламофобия имеет значение «страха мусульман перед исламом», что еще раз подчеркивает неоднозначность самого термина.

Подводя итоги сравнения трактований термина «исламофобия» авторами арабского происхождения и французскими, можно заключить, что обе группы авторов склонны определять данное явление как вид расизма. Тем не менее эта точка зрения не является единственной и общепринятой: дискуссии и споры ведутся не только между французами и мусульманами, но и различными исследователями во всем мире. Также спорным является вопрос о связи между французским колониализмом и исламофобией. В случае с Францией данная неопределенность влечет за собой важные последствия: это затрудняет изучение проявлений исламофобии, в следствие чего часть населения склонна считать исламофобами как индивидов, критикующих ислам, так и тех, кто совершает нападения на мусульман или мечети. Данная ситуация влечет за собой социальную напряженность и столкновения между защитниками «Свободы. Равенства. Братства», главных ценностей Пятой республики, и борцами за права мусульман, считающими, что во Франции каждый имеет право на свободу верования. В обозримом будущем данные противоречия вряд ли будут решены – они требуют от президента Франции Э. Макрона осторожности в действиях во внутренней политике (которые некоторые мусульманские лидеры уже считают исламофобными) и, вероятно, сотрудничества с французским мусульманским сообществом, результатом которого стал бы консенсус в трактовании такого спорного термина, как «исламофобия».

ЛИТЕРАТУРА

1. Sept interpellations dans l'enquête sur l'assassinat de Samuel Paty // Le Point. URL: <https://cutt.ly/ekrzDCb> (date de l'accès: 24.01.2021).
2. Asal H. Islamophobie: la fabrique d'un nouveau concept. État des lieux de la recherche // Sociologie. 2014. Vol. 5. P. 13–29.
3. Rapport personnel des français à la religion // Observatoire de la laïcité. URL: <https://cutt.ly/bxd2kOg> (date de l'accès: 25.02.2021).
4. Husson L. Stéphane François, Nicolas Lebourg, Histoire de la haine identitaire. Mutations et diffusions de l'altérophobie // Questions de communication. 2017. № 32. P. 412–414.
5. Comment l'islamophobie déchire la gauche française // Le Monde. URL: <https://cutt.ly/px2InQO> (date de l'accès: 29.03.2021).
6. Marine Le Pen propose l'interdiction du voile dans les espaces publics // Agence International de Presse Coranique. URL: <https://cutt.ly/7x2P507> (date de l'accès: 29.03.2021).
7. Manifeste // CCIF. URL: <https://cutt.ly/IzanPTW> (date de l'accès: 7.02.2021).
8. Hajjat A. et Mohammed M. «Islamophobie»: une invention française // Hypothèses. URL: <https://islamophobie.hypotheses.org/193> (date de l'accès: 20.02.2021).
9. Tabet I. Aux origines de l'islamophobie // L'Orient le Jour. URL: <https://cutt.ly/rx2DXjx> (date de l'accès: 22.03.2021).
10. Haddad M. «Vincent Geisser, La nouvelle islamophobie » // Open Edition Journals. URL: <https://cutt.ly/ex2FmJ6> (date de l'accès: 29.03.2021).

УДК 321, 321.8, 327, 327.7, 329

Ю.В. Менищикова

ДЖОН МЭЙДЖОР И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ЕС В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1990–1997 гг.

Статья посвящена проблеме формирования европейской идентичности в Великобритании в период премьерства Дж. Мейджора (1990–1997 гг.). Этот сюжет стал актуальным с связи с выходом Соединенного Королевства из ЕС. Сделан вывод о том, что тори, несмотря на усилия интегрировать Великобританию в союз, своей риторикой и по-

литикой в отношении сообщества затруднял формирование идентичности ЕС у британцев – противостоял «мягкой силе» Евросоюза, что стало причиной Брексита уже на начальном этапе существования объединения.

Ключевые слова: Джон Мейджор, европейская идентичность, ЕС, «мягкая сила», политика идентичности

Политику идентичности можно рассматривать как «мягкую силу», то есть силу государства, основанную на привлекательности национальной культуры, ценностей и внешней политики [1. С. 476]. Европейский союз использует «мягкую силу», целенаправленно формируя у граждан стран-участниц объединения европейскую идентичность. Это чувство призвано сплотить европейцев в рамках ЕС и является одним из ключевых условий существования самого Евросоюза.

Европейская идентичность конструируется двумя способами – как культурная и как гражданская. Культурная идентичность – категория, в основе которой лежит общая история, культура, географическое положение европейских стран, традиционные европейские ценности, например, демократические нормы права, равенство и толерантность. Гражданская идентичность или идентичность ЕС – политическое понятие, которое опирается на наднациональные институты и руководящие органы Евросоюза, гражданство ЕС, проведение общей политики. Сообщество идет, преимущественно, по второму пути, делая упор на формирование гражданской идентичности у жителей стран-участниц объединения.

Политика идентичности как «мягкой силы» может встретить сопротивление в национальных государствах. Это ярко продемонстрировала Великобритания выходом из ЕС, который состоялся 31 января 2020 г. Решение о Брексите было принято британцами на референдуме 23 июня 2016 г. Согласно данным мирового исследовательского агентства Pew Research Center, граждане Великобритании считают подрыв национальной самоиден-

тификации одной из ключевых причин выхода их государства из Евросоюза [2]. Брексит продемонстрировал несформированность идентичности ЕС у британцев, для которых значение национального самосознания оказалось выше.

На процесс конструирования идентичности большое влияние оказывает деятельность отдельных политиков. Дж. Мейджор, премьер-министр Великобритании в 1990–1997 гг., был сторонником интеграции, но стремился проводить политику в этом направлении согласно концепции «Великобритания – сердце Европы» [3]. Консерватор видел в Евросоюзе средство продвижения британских интересов в региональной и мировой политике [4]. Расширение Сообщества при этом должно было проходить в условиях уменьшения централизма, усиления субсидиарности, возможности надлежащего контроля над Еврокомиссией, расширения дерегулирования, создания действительно открытого рынка товаров и услуг [3].

7 февраля 1992 г. Соединенное Королевство во главе с Дж. Мейджором подписало Маастрихтский договор и вступило в Европейский союз. Позиция Британии в лице нового главы кабинета в отношении соглашения заключалась в следующем: «Никакого федерализма. Никаких обязательств по единой валюте. Никакой Социальной Главы. Никакого преимущества Сообщества по внешним и внутренним делам, а также обороне» [4]. Это отвечало интересам островного государства, но противоречило намерениям союза сформировать у граждан стран-участниц объединения идентичность ЕС.

Великобритания отказалась участвовать в еврозоне. Еще в ноябре 1990 г. на заседании Палаты общин глава правительства утверждал, что введение единой валюты неприемлемо для Британии [5]. Евро – одна из основ существования ЕС. Участие в еврозоне представляло угрозу для экономической независимости Великобритании. Именно по этой причине, в первую оче-

редь, страна отказалась от введения единой валюты. Дж. Мейджор утверждал, что Единый центральный банк и денежно-кредитная политика ЕС лишили бы национальное правительство и парламент ключевых рычагов экономической политики [4]. Это разрушило бы конкурентное преимущество Великобритании – низкое налогообложение. В единой валюте премьер-министр также видел ослабление демократии [4]. Фунт стерлингов, в свою очередь, является национальным символом Соединенного Королевства и выступает элементом британской идентичности. Защита валюты Англии способствовала усилению национального самосознания, а решение отказаться от введения евро препятствовало развитию у британцев чувства принадлежности к ЕС, поскольку евро является одним из его ключевых компонентов.

С целью сохранить экономическую независимость Великобритании, во главе с Дж. Мейджором, также отказалась от Социальной главы договора, которая увеличила бы издержки для британских работодателей и повысила безработицу. Этот шаг также сократил возможности объединения укрепить среди граждан островного государства идентичность ЕС.

Дж. Мейджор был против расширения полномочий Европейского парламента и Европейской комиссии [4], поэтому настаивал на отказе от термина «федеральный» и на включении в договор концепции «субсидиарности», принципа, согласно которому ЕС должен действовать только тогда, когда национальное государство не может справиться самостоятельно. Это было необходимо для того, чтобы внешняя или внутренняя политика Великобритании не перешли под контроль Брюсселя. Действия в этом направлении должны были ограничить влияние наднациональных институтов и руководящих органов Евросоюза. Вместе с тем, это укрепляло национальную идентичность британцев, так как проведение общей политики под руководством ЕС

нацелено на укрепление европейской самоидентификации у граждан стран-участниц сообщества.

Дж. Мейджор четко понимал, что у жителей Соединенного Королевства существуют опасения потерять национальную идентичность. В июне 1992 г. 71% британцев говорили о том, что не чувствуют себя европейцами, предпочитая национальную идентичность [6]. Своей риторикой политик поддерживал такой настрой британцев в отношении союза. Он утверждал, что национальные интересы не должны быть сметены риторикой о единстве. Дж. Мейджор полагал, что сообщество должно было признать национальную самобытность жителей, входящих в него стран [7].

Осуществление такого курса было несовместимо с «мягкой силой» ЕС, которая выражалась в целенаправленном формировании у граждан стран-участниц объединения европейской идентичности. Таким образом, можно говорить о том, что в 1990-х гг. государственная власть в Британии, во главе с Дж. Мейджором, своей риторикой и политикой в отношении ЕС оказывала сопротивление проникновению «мягкой силы» Евро-союза в страну. Обостренное чувство британцев своей национальной идентичности было опорой в этом противостоянии, а поэтому целенаправленно укреплялось и подчеркивалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харитоновна Е.М. «Мягкая сила» и идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М. : Весь Мир, 2017. С. 476–480.
2. Omkar J., Evans J. British attitudes on national identity and religious minorities not unique in EU // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/02/19/british-attitudes-on-national-identity-and-religious-minorities-not-unique-in-eu/> (access date: 16.03.2020).
3. Press Release – Prime Minister’s Comments on the Maastricht Treaty – 19 June 1992 // Sir John Major KG CH Prime Minister of Great Britain and Northern

Ireland 1990–1997. URL: <http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/press-release-prime-ministers-comments-on-the-maastricht-treaty-19-june-1992/> (access date: 16.11.2020).

4. Major J. The Autobiography. NY : Harpercollins Pub Ltd, 2020. 774 p.

5. PMQT – 29 November 1990 // Sir John Major KG CH Prime Minister of Great Britain and Northern Ireland 1990–1997. URL: <http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/pmqt-29-november-1990/> (access date: 11.02.2020).

6. Eurobarometer 37 // Public Opinion in the European on the European community. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb37/eb37_en.htm (access date: 22.11.2019).

7. Mr Major's «Europe and the World Speech» – 7 September 1992 // Sir John Major KG CH Prime Minister of Great Britain and Northern Ireland 1990–1997. URL: <http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-europe-and-the-world-speech-7-september-1992/> (access date: 11.02.2020).

УДК 327

Э.Э. Минор

РАЗВИТИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В ЕВРОПЕ И БУДУЩЕЕ «СЕВЕРНОГО ПОТОКА – 2»

Строительство газопровода «Северный поток 2» началось еще в 2016 году. С того времени руководителям проекта пришлось столкнуться с целым рядом проблем, в том числе с конфликтами с другими странами. Теперь у «Северного потока 2» появилась новая угроза – стремительное развитие возобновляемых источников энергии. В статье проанализированы шансы альтернативных источников энергии заместить природный газ и как это может отразиться на проекте «Северный поток 2».

Ключевые слова: северный поток 2, природный газ, экология, глобальное потепление, возобновляемые источники энергии, зеленый газ

Поставки российского газа в Европу начались еще в 1967 году. С тех пор экспорт газа лишь увеличивался – в 2017 году «Га-

зпром» поставил в 22 европейские страны 194,4 млрд м³ газа [1]. После того, как Евросоюз сократил собственную добычу природного газа, спрос на импорт сразу же вырос [2]. К тому же сжиженный природный газ (СПГ) из США имеет слишком высокую стоимость [3]. Это привело к строительству нового газопровода. А после успешного запуска «Северного потока» появилась необходимость в строительстве его близнеца – «Северного потока 2». Он, как и его предшественник, свяжет российскую компанию «Газпром» и потребителей Европы напрямую и обеспечит надежные поставки российского газа. Главными проблемами, связанными с реализацией проекта, стали проблемы с одобрением строительства со стороны Еврокомиссии, несогласие с проектом стран Прибалтики, а также Украины и США [4]. Но в последнее время наблюдается бурное развитие возобновляемых источников энергии, что также может стать угрозой для газопровода «Северный поток 2» [5].

В конце XIX века шведский физик Сванте Август Аррениус заявил о том, что накопление углекислого газа в атмосфере приведет к потеплению на Земле [6]. И он был прав – если с 1980 г. по 2000 г. глобальный индекс температуры суши и океана повысился лишь на 0,13°C, то с 2001 по 2020 гг. этот индекс повысился на 0,48°C и на данный момент составляет уже 1,02°C [7]. Как известно, сжигание ископаемого топлива (природный газ, нефть, уголь) является самой главной причиной выброса углекислого газа (CO₂) в атмосферу – в 2019 году в результате промышленной деятельности человека было выброшено более 35 миллиардов тонн углекислого газа в атмосферу [8]. В связи с этой информацией о загрязнении окружающей среды и неутешительными прогнозами ученых в последнее время все больше внимания привлекает так называемый «зеленый рост» – рост экономик в результате использования современных и экологически чистых технологий, например, альтернативных источни-

ков энергии [9]. К этому конечно относятся возобновляемые источники энергии – энергия из источников, которые являются неисчерпаемыми. Это энергия солнечного света, ветра, энергия волн, приливов и отливов и так далее. Развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) происходит достаточно быстро – страны-лидеры стараются отходить от неэкологичных источников в пользу ВИЭ. Если в 2010 году ВИЭ составляли лишь 22,13% в производстве электроэнергии, то в 2020 году их доля составила уже 38,2% [10]. По прогнозам ученых, доля ВИЭ будет лишь расти – к 2050 ожидается, что мощности альтернативных источников электроэнергии будут составлять почти 50% от всех мощностей в мире [11]. Главным же лидером в развитии возобновляемых источников энергии является Евросоюз. Общая доля ВИЭ в Европе растет и составила 38% в 2020 г, в то время как доля ископаемых источников энергии продолжает снижаться и в 2020 году была уже меньше доли ВИЭ – 37% [10, 12].

Становится очевидно, что такое развитие ВИЭ сильно повлияет на газовую промышленность. На сегодняшний день природный газ остается одним из самых распространенных видов топлива, но, как уже было сказано выше, приводит к эмиссии CO_2 [10]. В связи с его неэкологичностью по сравнению с альтернативными источниками энергии, его использование в Европе уже было сокращено [10]. Однако, если использование угля в Европе с 2015 года снизилось вдвое, то использование природного газа сократилось лишь на 4% [13]. По некоторым исследованиям, в ближайшее время, до 2030 года, природный газ останется одним из главных источников энергии. Главным образом потому, что отказ от угля идет более быстро и решительно, как и отказ от ядерной энергетики [14]. В июле 2020 года Германия приняла закон об отказе от использования бурого и каменного угля до 2038 года. При этом, канцлер Германии Ангела Меркель на своем выступлении на Всемирном экономическом форуме в

2019 году подтвердила намерение прекратить использование угля и ядерной энергии. К тому же, Ангела Меркель упомянула, что природный газ будет играть более важную роль еще на протяжении нескольких десятилетий, а закупать газ Германия будет «конечно же, у России» [15, 16]. С повышением интереса к «зеленой энергии», появились также новые формы природного газа – так называемый «зеленый газ». Что касается России, то в конце 2020 года заместитель министра финансов России Владимир Колычев заявил, что времена ископаемого топлива прошли и экономика движется в сторону ВИЭ. На данный момент доля ВИЭ в российском энергетическом балансе составляет меньше 1% [17] (по сравнению с 50,2% в Германии) [18]. Таким образом, в будущем природный газ сможет существовать наряду с ВИЭ и дополнять их. Также возможно его частичное или полное замещение более экологичным зеленым газом.

В свете вышеизложенных данных, возникает вопрос о целесообразности газопровода «Северный поток 2». К имеющимся проблемам добавилось перенасыщение европейского рынка газом. А главной проблемой стала пандемия коронавируса, в результате которой были введены значительные ограничения и локдауны, что привело к снижению экспорта на 7,9% в 2020 году [19]. Несмотря на это, зима 2020–2021 гг. выдалась очень холодной для Европы – именно это позволило «Газпрому» резко увеличить экспорт природного газа. В целом же эксперты Rystad Energy считают, что до 2040 года мировой спрос на газ увеличится на 24%, при этом политика европейских стран в области экологии ведет к тому, что после 2024 года потребление газа в Европе будет снижаться [20]. Тем не менее, стоит вспомнить слова начальника отдела экономики посольства ФРГ в России Маттиаса Денера о том, что «Северный поток 2» является очень важным проектом для Германии и, даже на фоне перехода на ВИЭ, он будет актуальным как минимум до 2050 г. [21]. Ис-

пользование газопровода рассматривается как «сопровождающий проект» к переходу на ВИЭ, то есть пока наращиваются мощности ВИЭ, природный газ будет играть очень важную роль. Но даже и после того, как ВИЭ будут составлять бóльшую часть источников энергии, газ будет востребован – например, как дополнение к ВИЭ и как возможная подстраховка, т.к. в производстве возобновляемой энергии наблюдается нестабильное поступление – «бывают перепады, и именно электростанции, работающие на природном газе, могут хорошо переключаться с высокого потребления на низкое, что позволяет стабилизировать систему подачи электричества», объяснил Маттиас Денер [21].

Таким образом, судя по всему вышеизложенному, можно сделать вывод, что в ближайшее время газопровод «Северный поток 2» действительно имеет шансы на успешный ввод в эксплуатацию и поставки природного газа в Европу до 2050 года, когда ЕС перейдет на климатически нейтральную экономику. По прогнозам самого «Газпрома» потребление газа будет лишь расти и уже к 2040 году достигнет до 1,3 трлн м³, что, конечно же, является очень благоприятным развитием для «Северного потока 2» [22]. Конечно, прогнозы о том, как долго природный газ будет необходим Европе, делать пока рано. В докладе Европейской экономической комиссии ООН «Как природный газ может поддержать внедрение возобновляемых источников энергии» 2019 г, говорится о том, что наибольший вклад газ принесет в течение следующих десятилетий, то есть поможет Европе при переходе на ВИЭ, после этого же отойдет на задний план и «позволит ВИЭ взять верх» [14]. При таком развитии, газопровод «Северный поток 2», да и его предшественник «Северный поток 1» смогут также перестать эксплуатироваться после 2050 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Транспортировка // Газпром Экспорт. URL: <http://www.gazpromexport.ru/projects/transportation/> (дата обращения: 15.03.2021).
2. Евросоюз: Добыча газа в странах ЕС в ближайшие 12 лет по прогнозам сократится на 43% // Neftegaz. URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/240036-evrosoyuz-dobycha-gaza-v-stranakh-es-v-blizhayshie-12-let-po-prognozam-sokratitsya-na-43/> (дата обращения: 14.03.2021).
3. Медведев: американский газ обойдется Европе на 40% дороже российского // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2018/10/19/784179-gaz> (дата обращения: 14.03.2021).
4. Какие проблемы остаются у «Северного потока-2» // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/11/12/5dc92ef09a794748d9e2b961> (дата обращения: 14.03.2021).
5. Хохлов А. Возобновляемые источники энергии: новая революция или очередной пузырь // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/343591-vozobnovlyаемые-istochniki-energii-novaya-revolyuciya-ili-ocherednoy-puzyr> (дата обращения: 14.03.2021).
6. Рождение «глобального потепления» // Социальный компас. URL: <http://www.socialcompas.com/2016/04/19/rozhdenie-globalnogo-potepleniya/> (дата обращения: 14.03.2021).
7. Global Temperature // Nasa: Global climate change. URL: <https://climate.nasa.gov/vital-signs/global-temperature/> (access date: 15.03.2021).
8. Climate change and coronavirus: Five charts about the biggest carbon crash // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/science-environment-52485712> (access date: 15.03.2021).
9. Егорова М.С. Развитие возобновляемых источников энергии – мировой опыт и российская практика // Вестник науки Сибири. 2013. № 3. С. 146–150.
10. European Electricity // Ember. URL: <https://ember-climate.org/data/european-electricity/> (access date: 14.03.2021).
11. Широкомасштабное развитие возобновляемых источников энергии и его влияние на рынок электроэнергии и сетевую инфраструктуру // UNECE. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-01/RUSUNECE_14.11.20.pdf (дата обращения: 15.03.2021).
12. Rising Renewables // Ember. URL: <https://ember-climate.org/project/eu-power-sector-2020/#renewables> (access date: 16.03.2021).
13. Европейская энергетика озеленилась // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4661999> (дата обращения: 16.03.2021).

14. How Natural Gas Can Support the Uptake of Renewable Energy // United Nations Economic Commission for Europe. Geneva : United Nations, 2019. 27 p.

15. Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur 49. Jahrestagung des Weltwirtschaftsforums am 23. Januar 2019 in Davos // Die Bundeskanzlerin. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-49-jahrestagung-des-weltwirtschaftsforums-am-23-januar-2019-in-davos-1572920> (datum der bewerbung: 17.03.2021).

16. Европа отказывается от угля, но Россия не верит в потерю рынка // Deutsche Welle. URL: <https://p.dw.com/p/3PjBM> (дата обращения: 17.03.2021).

17. Россия берет курс на возобновляемые источники энергии // RCC. URL: <http://rcc.ru/article/rossiya-beret-kurs-na-vozobnovlyaemye-istochniki-energii-77732> (дата обращения: 17.03.2021).

18. Доля ВИЭ в электрогенерации Германии впервые превысила 50% в I полугодии // Национальная Ассоциация нефтегазового сервиса. URL: <https://nangs.org/news/renewables/dolya-vie-v-elektrogeneratsii-germanii-vpervye-prevysila> (дата обращения: 17.03.2021).

19. Газпром в 2020 г. снизил экспорт газа в Европу на 8%, на внутренний рынок – на 7% // Neftegaz.ru. URL: <https://neftegaz.ru/news/Trading/665886-gazprom-v-2020-g-snizil-eksport-gaza-v-evropu-na-8-na-vnutrenniy-rynok-na-7/> (дата обращения: 17.03.2021).

20. Мир столкнется с очередным «газовым бумом» // Прайм. URL: <https://1prime.ru/energy/20210114/832810078.html> (дата обращения: 19.03.2021).

21. Посольство Германии объяснило важность «Северного потока – 2» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201030/gazoprovod-1582371213.html> (дата обращения: 19.03.2021).

22. Спрос на природный газ в долгосрочной перспективе будет расти // Газпром. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2020/december/article521404/> (дата обращения: 20.03.2021).

О.А. Михайлова

АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА 1899–1902 гг. КАК ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ В ИСТОРИИ БРИТАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

В данной статье рассматривается вопрос о смене внешнеполитического курса Великобритании на рубеже XIX–XX вв., а также взаимосвязь данного процесса и колониальной политики государства, наиболее явно прослеживается на примере англо-бурской войны 1899–1902 гг. Статья затрагивает проблему дипломатических отношений Великобритании с другими государствами и особенности их трансформации в данный период.

Ключевые слова: Англо-бурская война, британская колониальная политика, британская дипломатия, международные отношения, политика «блестящей изоляции»

Англо-бурская война 1899–1902 гг. – вооруженный конфликт между Британской империей и бурскими республиками Трансвааль и Оранжевой, являвшийся частью колониальной политики Великобритании в конце XIX – начале XX вв. Причины противостояния были вполне очевидны: территории независимых бурских республик располагали весьма привлекательной ресурсной базой, которая еще до развертывания военных действий активно осваивалась уитлендерами, – преимущественно английскими «искателями наживы», предпринимателями и богатыми капиталистами. Кроме того, бурские государства имели такое географическое положение, которое позволило бы Англии создать сплошную цепь своих колониальных владений по линии Каир–Кейптаун, присоединив эти территории. Поводом к данной «ресурсной» войне [1. С. 2] стало стремление уитлендеров получить политические права, чему вполне закономерно препятствовали правительства Оранжевой республики и республи-

ки Трансвааль. Получив права, уитлендеры обрели бы возможность оказывать достаточно значительное влияние на политическую жизнь бурских государств, что вкупе с экономическим контролем и сосредоточением в руках английских предпринимателей всех производственных сил на данных территориях, вероятно, позволило бы Англии частично реализовать свои амбиции и без военного столкновения. Тем не менее, английская дипломатия не стремилась к компромиссу, затягивая переговоры и вынося на обсуждение каждый раз новые условия, на соблюдение которых бурские республики не могли согласиться. Английское правительство ожидало краткосрочной победоносной войны, которая усилила бы позиции Великобритании в процессе колониального передела мира. Примером реализации подобной цели мог послужить успех США в испано-американской войне 1898 г. Итак, Великобритания «хотела» развязать войну, и, одержав победу и присоединив новые территории, вновь подтвердить свой лидерский статус в колониальном мире. Однако в период подготовки к войне в правительственных кругах росло осознание необходимости предварительно добиться невмешательства в конфликт других государств. Этот момент можно считать переломным в процессе перехода Англии от политики «блестящей изоляции» к концепции заключения необходимых экономических и военно-стратегических союзов.

Главным соперником Англии на Африканском континенте была Германия, еще в 1884 г. заключившая с Трансваалем торговый договор [2. С. 58] и выразившая поддержку правительству президента республики Крюгера после английского вторжения 1895 г., известного как «рейд Джеймсона». Тогда германский император Вильгельм Второй в телеграмме президенту Крюгеру поздравил его и его народ с «восстановлением мира» собственными силами [3. С. 20]. В послании Вильгельма Второго подчеркивался тот факт, что Трансвааль смог справиться с

внешней агрессией без помощи других держав, следовательно, Германия поддерживала независимость Трансвааля и, вполне вероятно, могла бы встать на защиту суверенитета государства в случае необходимости. Таким образом, германская угроза престижу британского империализма вызывала наибольшее опасение в сложившейся ситуации, поэтому прийти к консенсусу с Германией было крайне важно для Англии.

30 августа 1898 года было подписано англо-германское соглашение о разделе португальских колоний в Африке. По его условиям, Англия и Германия обязывались в случае необходимости совместно предоставить Португалии заем, взамен получив залог в виде португальских колониальных владений, также Германия должна была отказаться от дальнейшего участия в делах бурских республик [2. С. 58]. Этот договор носил чисто формальный характер, и никогда не был воплощен в реальность. В данном случае Англия стремилась заключить такое соглашение, которое позволило бы ей, *ничего не теряя*, избавиться от возможного соперника в дальнейшей борьбе за колонии. Однако подобная хитрость не увенчалась успехом, и в 1899 г. премьер-министру Солсбери пришлось вновь уступить при разделе островов архипелага Самоа. Германия получила два острова из архипелага Самоа, другие же два острова этого архипелага были переданы США. Взамен Англия приобрела острова Тонга, часть Соломоновых островов и небольшую территорию на границе англо-германских владений в Того, в Африке. Таким образом, и в данном соглашении Англии удалось извлечь свою выгоду и присоединить новые территории. Как мы видим, английское правительство не стремилось идти на уступки даже в условиях, когда дипломатическая изоляция переставала быть «сознательным выбором» [4. С. 117] и превращалась в угрозу для дальнейших действий государства на международной арене. На тот момент внешнеполитическая линия Великобритании все еще

тяготела к обособленности, и первые попытки заключения соглашений с Германией не были успешными, поскольку для Англии было явно более важно отстоять собственные интересы и удержать контролируемые ей территории, чем уступить, но попытаться полностью устранить возможный конфликт.

11 октября 1899 г. буры, понимая, что приготовления со стороны Британской империи еще не завершены, первыми объявили войну. Война была затяжной и кровопролитной, она резко отличалась от всех предыдущих вооружённых конфликтов XIX в. [3. С. 3] Здесь применялись новые типы военной техники и вооружения, проявлялись существенные изменения в тактике и стратегии [3. С. 4], впервые для стеснения бурского партизанского движения создавались концентрационные лагеря. Жестокость средств достижения цели привлекла внимание мировой общественности, ход боевых действий освещался в прессе множества государств, в том числе и Российской империи. И тем не менее, Англии удалось выйти из войны победителем: 31 мая 1902 г. был подписан Феринихингский мир, положивший конец независимости республик Трансвааль и Оранжевой. Бурские государства в сложившихся условиях осуждения мировой общественностью действий британского правительства надеялись на помощь со стороны великих держав, однако, несмотря на очевидное сочувствие, никто из них не вмешался в конфликт, боясь угрозы собственным интересам. «Соперники» Англии на международной арене стремились воспользоваться ситуацией, и в период англо-бурской войны реализовывали собственные территориальные и дипломатические амбиции (например, России удалось добиться определенных успехов в Персии и Афганистане). Стоит также отметить, что невмешательство Германии в англо-бурскую войну не было показателем разрешения противоречий между государствами, конфликт продолжал назревать, что впоследствии стало одной из причин Первой мировой войны.

Англо-бурская война нанесла серьёзный удар по международному престижу Британской империи [5. С. 68], по сути, став «началом конца» британского империализма как такового. В период войны стало еще более очевидным, что политическую изоляцию Великобритании с трудом можно назвать действительно «блестящей». Постепенно нарастала угроза континентального союза против Англии. Перспектива остаться в полном дипломатическом одиночестве в таких условиях выглядела устрашающей для Британской империи, поэтому в правительственных кругах начались многочисленные дискуссии по данному вопросу. Известна речь, произнесенная накануне войны, в 1898 г., министром колоний Чемберленом: «Великие державы Европы объединяются в союзы, <...> и пока мы будем стоять вне этих союзов, мы можем в любой момент столкнуться с враждебной нам коалицией держав настолько могущественной, что даже не самый проницательный политик не смог бы созерцать это без определенного чувства беспокойства» [4. С. 118]. В этом смысле Чемберлен был оппонентом премьер-министра Солсбери, который, в свою очередь, продолжал настаивать на состоятельности политической изоляции Англии. К тому же, Чемберлен был сторонником заключения союза именно с Германией, что также не поддерживал Солсбери [5. С. 98]. Однако, по мере развития событий, стало понятно, что заключение союзных договоров является необходимой мерой для сохранения благосостояния государства.

Если в течение англо-бурской войны основной фокус внимания британского правительства был сосредоточен на отношениях с Германией, являвшей собой наибольшую угрозу для колониальной политики Великобритании, то впоследствии дискуссия о выборе возможного союзника обрела более широкий характер, что так или иначе привело к заключению союзных договоров с Японией в 1902 г., с Францией в 1904 г., с Россией в

1907 г., и к дальнейшему складыванию Антанты. Англо-бурская война, казалось бы, исключительно колониальная, таким образом стала неким «маркером», продемонстрировавшим необходимость смены дипломатического курса Британской империи наиболее явно. Одержав победу в данном военном конфликте, Англия в то же время вынуждена была столкнуться с осуждением со стороны мирового сообщества. Война положила конец как активной экспансионистской политике государства, так и знаменитой «викторианской эпохе» как таковой, в определенном смысле «отравив конец жизни» самой королеве Виктории и наложив заметный отпечаток на дальнейшее правление ее сына, Эдуарда VII [6. С. 69]. Таким образом, ожидания Англии в контексте англо-бурской войны не были оправданы, более того, по сути, вступив в конфликт, Англия «добилась» диаметрально противоположных результатов. В данном случае цель определенно не оправдала средства: получение новых территорий не укрепило могущества Британской империи и существенно не повлияло на экономическое развитие государства (производство на данных территориях процветало и до войны). Важнейшим «позитивным» следствием конфликта стало именно осознание британским правительством важности международного сотрудничества.

Итак, в XX веке участие в экономических и политических союзах в целом стало фактором, демонстрирующим престиж государств на международной арене, чем впоследствии пользовалась и Великобритания, внешнеполитический курс которой претерпел значительные изменения. Однако в настоящее время можно вновь говорить о росте стремлений Великобритании к политической обособленности, что подтверждает и окончательный выход государства из Европейского Союза в 2020 г. Таким образом, в наши дни дипломатическая линия государства, вполне очевидно, постепенно меняется в сторону «изоляции» и сознательного неучастия в международных союзах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воропаева Н.Г. Англо-бурская война в донесениях российских дипломатов и военных агентов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 23 с.
2. Царев А.С. Англо-бурская война и позиция Германии // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2010. С. 54–60.
3. Дроговоз И.Г. Англо-бурская война 1899–1902 гг. Мн. : Харвест, 2004. 400 с.
4. Цыганова И.В. Разногласия в кругах британской политической элиты по вопросу отказа страны от курса «блестящей изоляции» и проблеме выбора союзника // Актуальные вопросы современной науки и практики. Материалы II Международной научно-практической конференции. Казань, 2020. С. 116–127.
5. Гелла Т.Н. Вопросы внешнеполитической ориентации Великобритании в зеркале политических дискуссий в британском обществе на рубеже XIX – начала XX вв. // Британия: История, культура, образование. Сборник статей по материалам международной научной конференции / отв. ред. А.Б. Соколов. Орел, 2018. С. 95–104.
6. Заболотный В.М. Англо-бурская война 1899–1902 гг.: начало упадка Британской империи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2011. № 3. С. 63–83.

УДК 32

Е.Н. Мокрецова

ПРОРОКИ ПРОШЛОГО: Л.Н. ТОЛСТОЙ И ДЖ. РЕСКИН. ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

Автором проанализированы социально-политические концепции Л.Н. Толстого и Дж. Рескина, выделены актуальные для обоих авторов положения, среди которых ключевое место занимает общественный идеал традиционного общества. Охарактеризовано влияние Дж. Рескина на творческое наследие Толстого.

Ключевые слова: Дж. Рескин, Л.Н. Толстой, критика индустриального общества, христианская этика, классическая политэкономия, традиционное общество

Обращение к образам традиционной культуры и хозяйства – частый ответ на вызовы истории. Миф о «естественном человеке» вдохновлял утопистов и социальных мыслителей даже в XX веке, когда вернуться к традиции уже было невозможно. Но настоящий пик интереса к традиционному обществу наблюдается в социально-политических трудах XIX века. Утопические сочинения с критикой общества модерна мы найдем у Р.Саути, проповедь гильдейского социализма – у У. Морриса, идеализацию русской крестьянской общины – у Бакунина и Герцена. Это стало неизбежной реакцией на разочарование в техническом прогрессе, стандартизацию жизни, отмирание традиционной морали и атомизацию людей. Именно тогда стало очевидно, что модернизация не решает социальные проблемы, а приумножает их. Джон Рескин и Лев Николаевич Толстой стали пророками прошлого в эпоху, когда все человечество устремилось в будущее. Судьбы и творчество двух авторов связаны, на их красноречивом примере можно проследить важные культурные и мировоззренческие тенденции индустриальной Англии и России.

Сегодня фигура Джона Рескина мало популярна в России, но российским современникам его идеи были отлично известны. Не последнюю роль в популяризации его взглядов сыграл Лев Толстой. Как следует из личной переписки [1. Т. 86. С. 188], Толстой интересовался творчеством Рескина приблизительно с 1885 года и читал его в оригинале. Вплоть до конца жизни (последнее упоминание о Рескине датируется 1908 годом) [2. Т. 19. С. 96] Толстой цитирует английского мыслителя, вновь и вновь возвращается к нему после моментных разочарований, видит в нем единомышленника и соратника в борьбе против зол промышленной эпохи.

В Предисловии к сочинению Рескина «Воспитание. Книга. Женщина.» (1899) Толстой указывает: «Рёскин пользуется в Англии известностью, как писатель и художественный критик, но

как философа, политико-эконома и христианского моралиста его замалчивают в Англии так же, как замалчивают Матью Арнольда и Генри Джорджа в Англии и Америке» [3. Т. 31. С. 96]. Писатель называет Рескина «одним из замечательнейших людей не только Англии и нашего времени, но и всех стран и времен» и отмечает подлинно революционную силу социальной критики Рескина, которая «до основания разрушает» все учения «ортодоксальных экономистов». К английскому философу Толстой обращался не только за изящным словом или убедительным аргументом, но и в моменты духовного смятения [4. Т. 54. С. 108]. Рескин являл для Толстого личный пример, был вдохновителем, порой наставником.

Лев Толстой много сделал для того, чтобы наследие «величайшего писателя Англии» [5. Т. 42. С. 412] стало общественным достоянием. Переводом Рескина занимался друг писателя Л.П.Никифоров, а публикацией – собственное издательство Толстого «Посредник».

«Посредником» также издавались сборник «Мысли мудрых людей на каждый день» (1903) и «Круг чтения» в двух редакциях – 1906 и 1908 года. Содержание работ представляет собой дидактическое собрание цитат и рассказов на каждый день, которые Лев Толстой тщательно отбирал на протяжении двадцати лет.

Часть афоризмов и публицистики была представлена русскому читателю впервые. При переводе иностранного текста Толстой толковал его по-своему, свободно прощался с некоторыми словами или фрагментами и придерживался принципа, сформулированного в одном из писем к В.Г. Черткову: «Надо только как можно смелее обращаться с подлинником: ставить выше Божью правду, чем авторитет писателя» [6. Т. 89. С. 101]. Вольная интерпретация и одностороннее воспроизведение обезличивали идеи, пересказанные в «Круге чтения» и «Мыслях мудрых людей».

Например, переделке подверглась сказка Рескина «Король Золотой реки»: из нее были выхолощены мотивы протестантской морали [7, С. 104]. Толстой корректировал не только содержание, но и язык оригинала: стремился к большей ясности, буквальности, вырезал сложные образы и метафоры. Так сказка Рескина лишилась главного магического персонажа, но сохранила близкий Толстому¹ сюжет – поиск воды во время засухи.

Несмотря на религиозные разногласия, Толстой находил в творчестве Рескина подтверждение собственным мировоззренческим постулатам. По цитируемости английский философ превосходит других авторов, упомянутых в «Круге чтения» [7, С. 105]. Рассмотрим, какие идеи сближали двух мыслителей.

Общим местом стала критика массового фабричного производства. Для Джона Рескина данную тему можно выделить как ведущую на протяжении всего творчества: его протест против механизации искусства и труда являлся одновременно протестом против расчеловечивания художника и работника [8, С. 301]. Толстой ставит данную проблему в трактате «Так что же нам делать?» (1886) и особенно подробно в статье «Рабство нашего времени» (1900). Последнюю он предваряет объемными эпиграфами Роберта Оуэна и отрывком из «Камней Венеции» (1851) Джона Рескина. «Давить в них [людях] бессмертные души, души их и превращать в гниющие обрубки младенческие ростки их человеческого разума, употреблять их мясо и кожу на ремни для того, чтобы двигать машинами, – вот в чем истинное рабство» – цитирует Толстой Рескина и выводит собственную формулу рабства, которое держится на «трех узаконениях: о земле, о податях и о собственности» [9, Т. 34, С. 172]. В статье «Что такое религия и в чем сущность ее?» (1902) писатель снова

¹ Речь идет о засухе в Поволжье и последовавшем за ней голоде в 1873 и 1891–1892 гг.

вспоминает Рескина и указывает: «Нет спора в том, что очень хороши броненосцы, железные дороги, книгопечатание, туннели, фонографы, рентгеновские лучи и т. п. Всё это очень хорошо, но хороши также, несравненно ни с чем хороши, как говорил Рескин, жизни человеческие, которые теперь безжалостно миллионами губятся для приобретения броненосцев, дорог, туннелей, не только не украшающих, но уродующих жизнь» [10. Т. 35. С. 174].

Идеал организации общества писатели видели в повороте к доиндустриальному, ручному труду. Для Толстого это в первую очередь возвращение к крестьянской пахоте, к земле, избавление от излишеств цивилизации и умеренная свободная жизнь. Для Рескина, вдохновителя движения Уильяма Морриса «Искусства и ремесла», этот идеал означает эстетическое превосходство ремесленного производства над промышленным штампом. Эти идеи воплотились в детище Рескина, организованной на его личные средства и общественные пожертвования Гильдии Святого Георгия – ремесленной и крестьянской коммуне для английских рабочих. Земельный вопрос хоть и стоял на повестке, но никогда не был центральным для Рескина (возможно из-за специфики капитализма в Англии). В одном из черновиков романа «Воскресенье» встречаем упоминание политэкономической теории Рескина. В характеристике Нехлюдова, в котором воплотилось представление Толстого о добродетельном человеке, который должен, а главное может исправлять свои ошибки, читаем: «Предметы эти [политическая экономия] интересовали его, и онъ читаль Прогрессъ и бѣдность Джорджа и Рёскина Fors Clavigera и Grown of wild olive, и тутъ ему надо было, какъ несомнѣнныя истины, заучивать и пересказывать на экзаменахъ тѣ подраздѣленія и опредѣленія, которыя, по его мнѣнію, по крайней мѣрѣ были совершенно и несомнѣнно опровергнуты этими обоими писателями» [11. Т. 33. С. 19].

Толстой обращался к Рескину, рассуждая об искусстве (этой теме посвящен цикл статей и трактатов), однако эстетическая теория русского писателя, полностью опирающаяся на его представления о «добре» и «зле», грешила опрочением. Так и Джон Рескин, в молодости прославив адвокатом новой английской эстетики и врагом академизма, в конце жизни не сочувствовал модернистским течениям и не был готов отступить от догматических представлений о прекрасном и полезном, о чем свидетельствует случай с Уистлером¹.

Для Рескина и Толстого нравственное неизменно превалирует над эстетическим, их теории «морального» искусства означают скорый закат классической культуры и предчувствие эпохи, где культура будет свободна от этики. Отчаянная и наивная попытка воззвать к христианским идеалам сегодня прочитывается нами как утопизм, современникам же она казалась то голосом старой доброй морали, то морализаторством.

Разумеется, Рескин и Толстой «соглашались» не во всем. Первый хоть и сделался к концу жизни радикалом, оставался торирадикалом [12]: государственничество и национализм представляли незыблемые положения в социальной критике Рескина. Решение рабочего вопроса он видел через методы социального государства и настаивал на том, что сильные мира сего должны опекать слабых, нести за них ответственность. Протест против государства и ненависть к патриотизму Толстого не могли бы примириться с политическими ценностями англичанина.

Но все же ни Рескин, ни Толстой не были и не старались стать социальными революционерами. Их можно описать как

¹ В 1875 г. англо-американский художник-символист Джеймс Уистлер подал судебный иск на Джона Рескина, за то, что авторитетный критик «оклеветал» его работу. Публичный процесс превратился в насмешку над «ретроградством» Рескина, а победа Уистлера надолго подкосила душевное здоровье его оппонента.

реформаторов сознания, и заметить, как сильно пренебрегали они историческими, естественно-научными аргументами, как нетерпимы был к оппонентам и иногда еще более несправедливы к друзьям. В конце жизни оба уже не признавали полумер, не верили, что существует что-то за пределами «абсолютного правильного и доброго» и «абсолютно вредного и злого».

Лев Толстой и Джон Рескин говорили на языке христианской этики о вопросах классового неравенства, дегуманизации индустриального труда, невежества рабочих. Они попытались доказать, что социальную справедливость следует искать в прошлом, и, оказавшись несовременными, тем не менее остались в истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Письмо 175. Д.П. Маковицкому // Л.Н. Толстой. Полный сборник сочинений : в 90 т. М. : Худ. лит., 1954. Т. 68. 305 с.
2. Толстой Л.Н. Письма. 73. В. Г. Черткову. 1886 г. Февраля 22. Москва // Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 22 т. М. : Художественная литература, 1984. Т. 19. 459 с.
3. Толстой Л.Н. Предисловие к сборнику мыслей Джона Рёскина «Воспитание. Книга. Женщина» // Л.Н. Толстой. Полный сборник сочинений : в 90 т. М. : Худ. лит., 1954. Т. 31. 324 с.
4. Толстой Л.Н. Из дневника за 1901 г. // Л.Н. Толстой. Полный сборник сочинений : в 90 т. М. : Худ. лит., 1954. Т. 54. 715 с.
5. Толстой Л.Н. Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца. Сочинение крестьянина Т. Бондарева // Л.Н. Толстой. Полный сборник сочинений : в 90 т. М. : Худ. лит., 1957. Т. 42. 752 с.
6. Толстой Л.Н. Письмо 807 к В.Г. Черткову // Л.Н. Толстой. Полный сборник сочинений : в 90 т. М. : Худ. лит., 1957. Т. 89. 273 с.
7. Тулякова А.А. Джон Рескин в «Круге чтения» Л. Толстого: о творческой истории легенды «Большая Медведица (Ковш)» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 97–110.
8. Мокрецова Е.Н. Джон Рёскин: У истоков политического радикализма британии // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, рос-

сийской и всеобщей истории нового и новейшего времени. М. : Политическая энциклопедия, 2019. С. 300–302.

9. Толстой Л. Н. Рабство нашего времени // Л.Н. Толстой. Полный собрник сочинений : в 90 т. М. : Худ. лит., 1952. Т. 34. 625 с.

10. Толстой Л.Н. Что такое религия и в чем сущность ее? // Л.Н. Толстой. Полный собрник сочинений : в 90 т. М. : Худ. лит., 1950. Т. 35. 709 с.

11. Толстой Л.Н. Начало второй незаконченной редакции «Воскресения» // Л.Н. Толстой. Полный собрник сочинений : в 90 т. М. : Худ. лит., 1935. Т. 33. 496 с.

12. Мокрецова Е.Н. Джон Рёскин как социально-политический мыслитель // Русская политология. 2019. №. 3 (12). С. 103–107.

УДК 94(74/79)

А.В. Папян

ПРОБЛЕМА ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ ОРЕГОНСКОЙ МЕТОДИСТСКОЙ МИССИИ СРЕДИ МИССИОНЕРОВ (1834–1844 гг.)

Рассматривается различие взглядов миссионеров методистской миссии в стране Орегон в период с 1834 по 1844 гг. Анализируется ряд источников личного происхождения, раскрывающих персональный взгляд миссионеров на проблему пути развития. По мнению автора, центральное противоречие в позиции миссионеров составляла разница в определении понятий «цивилизация» и «христианизация». Автор полагает, что идеологический разлад вкупе с внешними факторами имел негативные последствия.

Ключевые слова: страна Орегон, христианизация, цивилизация, индейцы, миссионеры

Проект методистской миссии в стране Орегон был утвержден Советом Методистской церкви еще в 1832 г. Целью методистской миссии была поставлена христианизация индейцев, проживающих в стране Орегон. В 1834 г. была открыта первая миссия в долине Уилламетт. Уже к 1842 г. методистская миссия в Орегоне имела 6 отделов миссии, однако большинство из них уже к

1844 г. были закрыты и покинуты, некоторые были проданы. Миссией также была выстроена определенная инфраструктура, состоящая из мельницы, кузницы, школы и прочих построек.

Несмотря на внешне успешную деятельность, среди миссионеров существовали разногласия, мешавшие эффективному взаимодействию. Основной причиной для них был вопрос о способе взаимодействия с индейцами для их лучшей индоктринации. По отношению к вопросу кристаллизовались три позиции, которые представляли: 1) Джейсон Ли, суперинтендант миссии; 2) Джозеф Фрост, один из миссионеров, глава миссии Клэтсон; 3) Элайджа Уайт, медик миссии и позже суб-индейский агент.

Все три пастора оперировали двумя центральными понятиями, на основе которых они выстраивали свое мнение, – это определения «христианизация» и «цивилизация». Исходя из того, какой процесс должен предшествовать другому, у миссионеров формировалась целостное представление о характере развития миссии.

Позиция Джейсона Ли лежала в основе политики миссии по отношению к индейцам, так как Ли был суперинтендантом. Ли четко выражал свою приверженность идее спасению души, и уже результатом обращения в «истинную веру» приходит цивилизация. Джейсон Ли исходил из того, что человек нехристианского миропонимания не может устроить быт цивилизованного человека. Так, он писал: «Единственный эффективный способ привести их [индейцев] к познанию истины – это, прежде всего, нести им Евангелие Иисуса Христа, а цивилизация и хозяйственная экономика последуют реформации сердца и жизни» [1. Р. 363]. Из этого следует, что Джейсон Ли ставил индейцев в качестве первого и самого важного объекта миссии, и выступал за христианизацию индейцев, видя в ней необходимое условие всех будущих реформ индейцев.

Роберт Лоуэнберг в своей статье «Новые доказательства, старые категории: Джейсон Ли в роли зилота» отмечал, что прав-

ление (англ. – the Board) напечатало список обращенных индейцев на основе отчета миссионера Генри Перкинса, работавшего в Даллесе, но данный список был раскритикован Ли, и правление признало ошибку. Этот инцидент демонстрирует позицию Ли относительно обращенных индейцев, он не верит статистике, так как Ли заинтересован в качественном изменении жизни индейцев, а не в их формальном статусе верующих.

Косвенным подтверждением приоритета христианизации над цивилизацией у Джейсона Ли также является его изначальное нежелание брать женщин в миссию, так как понимал, что цивилизация будет устроена в данном регионе лишь годы спустя.: «Я в полной мере осознавал, что даже если бы мы преуспели в нашем предприятии, годы должны пройти, прежде чем мы сможем быть окружены женским обществом, и поэтому решил не вступать ни в какие обязательства до того, как покину цивилизованный мир, решение это свято соблюдалось» [2. Р. 408].

Более сбалансированной позицией обладал Джозеф Фрост. Фрост указал на ошибку, из-за которой, как он считал, цель миссии стала обречена на провал – это непонимание процессов, происходивших как в головах индейцев, так и на просторах их обитания. Миссионеры верили, что индейцев к желанию постичь Бога белого человека привела искренняя вера, что это Божье провидение, однако они не понимали, что имели дело с совершенно другими существами (beings), как сказал Фрост: «Миссионеры... были введены в заблуждение, не имея достаточного представления о существах, с которыми им приходилось иметь дело, чтобы понять тайный ход их притязаний» [3. Р. 233]. Он продолжал, что «несомненно, это одна, если не самая большая причина, почему церковь была вынуждена поставить неправильную оценку перспектив христианизации и цивилизации туземцев того региона, и теперь должна осознать последствия, а именно: разочарование и сожаление».

У Джозефа Фроста было иное видение картины процесса христианизации индейского населения Орегона. Он полагал, что случаи кражи индейцами еды и другой собственности, обман с их стороны, безразличие к христианству и потребительское отношение к нему (индейцы сделают, что им скажут за еду и принадлежности быта и т.д.) – все это являлось больше следствием их незнания закона Божьего, а не веры. Так, он писал: «И до тех пор, пока они не почувствуют, что осуждены Законом Божьим, как они могут почувствовать свою нужду во Христе? Похоже, что они считают белого человека существом другого порядка. И они радуются, если им удаётся получить от него вещество обманным путём, воровством или любыми нечестными способами; и ничто, кроме страха наказания, не мешает им совершать масштабные злодеяния» [4. Р. 360].

В представлении Фроста индейцы мыслят другими категориями. Картина мира белого человека восточного побережья США – это продукт Западной цивилизации, он оперирует совершенно другими категориями: Бог и природные силы, рыночные отношения и потlach и т.д. Мы полагаем, что Фрост осознавал и видел это, и поэтому считал, что без цивилизации невозможно проводить христианизацию. Фрост говорил о том, что на бытовом, повседневном уровне индейцы не принимают правила христианского общежития, а без принятия этих правил невозможно обращение к Богу. Так, он писал: «Преступления любого рода превалируют среди язычников. Однако это не так уж и удивительно, так как они не знают ни Бога, ни Его законов» [Ibid. Р. 365].

Квинтэссенцией взглядов Фроста являлась идея об одновременном установлении гражданских и религиозных институтов путем постижения и принятия условного набора правил, основанных на законе Божьем, и в то же время углубление в религиозные догмы, учение церкви и т.д. Фрост полагал, что законы

цивилизации основаны на христианской культуре, и пропаганда и внедрение последнего вместе с законами Божьими – это одно дело, отличающееся только степенью погружения (в мир реальный и мир сакральный). Так, он писал: «Законы Цивилизации и христианства должны идти рука об руку. Бог рукоположил одного, как и другого, и там, где одно не соблюдается, другое не может процветать. Покажите мне страну, где гражданское право, основанное на слове Божьем, не соблюдается, и я покажу вам страну, в которой Евангелие развивается мало, если вообще развивается. Судебная власть беспристрастно орудует законами своей страны, полагая, что эти законы должны быть, чем они есть» [Ibid. P. 366]. Таким образом Фрост обосновывал суждение о равноправности гражданских и религиозных институтов, утверждая, что они все основаны на законе Божьем, а значит не могут быть разделены в своем исполнении.

Отличный взгляд имел Элайджа Уайт, с которым у Джейсона Ли были непростые взаимоотношения как раз из-за проводимой политики миссии [5. P. 197]. Уайт был сторонником первостепенности процесса цивилизации. Уайт вернулся в Орегон уже как руководитель одного из первых больших караванов через Орегонскую тропу и как суб-индейский агент федерального правительства.

В представлении Уайта основной проблемой коренного населения являлось отсутствие у них законов цивилизации. Здесь можно провести параллель со взглядами Фроста, однако Уайт полагал, что религиозные убеждения придут вслед за установлением гражданских институтов. С его точки зрения, должны существовать материальные предпосылки для принятия христианства, поэтому в первую очередь стоит прививать образ жизни западного человека. Так же, как и Фрост, он понимал, что миссионеры, когда принимали решение о создании миссии, не понимали сути обращений индейцев – они искали стабильности и процветания, какое есть у белых людей с их белым Богом.

Привычки кочевания, отсутствие понимания законов жизни миссионеров – вот проблема, которую артикулировал Уайт [6. Р. 175]. Стоит также отметить, что Уайт видел развитие миссии исключительно в контексте цивилизации, отчасти это убеждение объясняется его должностью индейского агента, решающего споры гражданского характера. Однако Уайт занимался внедрением правил общежития белого человека для того, чтобы удовлетворить потребности индейского населения, чтобы их материальная культура, уровень их общественных отношений позволили им понять суть священного писания. Это и есть причина, по которой он ратовал за церкви, мельницы, школы и т.д., которые формировали соответствующее идейное пространство, сочетание всех видов взаимодействий. Так, он писал: "Влияние миссии на некоторое время глубоко ощущалось в колонии, и через нее была заложена широкая основа для развития цивилизации и литературы. Были возведены церкви и мельницы, введены стада, расширены фермы, построен институт в Орегоне ...но эта [школа] осуществлялось по более обширному плану, и было ценным приобретением для страны» [Ibid. Р. 124]. Деятельность Уайта можно охарактеризовать как первично гражданскую, он видит цель деятельности миссии в развитии базы цивилизационной.

Вышеперечисленные положения влияли на текущие дела миссии, что приводило к многим проблемам. Одной из таковых являлась языковая проблема. Несмотря на наличие переводчиков, многие миссионеры проявляли почти мистическую веру в силу слова, полагая, что Евангелие было достаточно сильным, чтобы преодолеть языковые барьеры. Так Ли, защищая Орегонскую миссию, утверждал, что жаргон «чинук» полезен для проповедей, однако преподобный Джон Фрост выражал обратную мысль, что жаргон «совершенно недостаточен, чтобы с помощью него [индейцы] могут узнать религиозные истины» [7. Р. 173; 6. Р. 360].

Еще одним ярким примером противостояния относительно развития миссии является конфликт между Джейсоном Ли и Элайджей Уайтом, суть которого лежала в вопросе трате денег на больницу. Уайт в отсутствие Ли заставил Дэвида Лесли, суперинтенданта работы, потратить на строительство больницы больше денег, чем было одобрено Ли, у которого было другое применение этим деньгам [5. Р. 197].

Таким образом, взгляды методистов были основаны на том, что процесс формирования христианской идентичности у индейского населения должен был проходить не только с помощью проповеди христианских идей, но и с помощью внедрения цивилизованного образа жизни, его быта и институтов. Однако разногласия миссионеров относительно первичности одного из процессов вместе с другими внешними и внутренними проблемами привели к упадку методистской миссии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Loewenberg R.J. New Evidence, Old Categories: Jason Lee as Zealot // *Pacific Historical Review*. 1978. Vol. 47, № 3. P. 343–368.
2. Lee J. Diary of Reverend Jason Lee-III // *The Quarterly of the Oregon Historical Society*. 1916. Vol. 17, № 4. P. 397–430.
3. Lee D., Frost J.H. *Ten Years in Oregon*. New York : J. Collord, printer, 1844. 233 p.
4. Pipes N.B. *Journal of John H. Frost, 1840–1843* // *Oregon Historical Quarterly*. 1934. Vol. 35, № 4. P. 348–375.
5. Bancroft H.H. *History of Oregon*. San Francisco : History Co., 1886. 197 p.
6. Allen A.J. *Ten years in Oregon: travels and adventures of Doctor E. White and Lady*. Ithaca, N.Y. : s.n., 1848. 175 p.
7. Whaley G.H. *Oregon and the Collapse of Illahee*. University of North Carolina Press, 2010. 320 p.

А.В. Патрик

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ – ОБЩЕСТВА ПОБЕДИВШЕГО ФЕМИНИЗМА?

Автор рассматривает гендерную политику, осуществляемую в скандинавских странах с 1960-х гг. по настоящее время. В статье ставится вопрос о том, можно ли назвать эти страны обществами победившего феминизма. Особое внимание уделяется историческим предпосылкам, определившим лидирующее положение Швеции, Норвегии и Дании по уровню гендерного равенства. Анализируются как общие для всех трех государств механизмы, так и уникальные для каждого.

Ключевые слова: скандинавские страны, гендерная политика, равенство, законодательство, феминизм

Феминизм со времени его возникновения волнует людей по всему миру. Нельзя отрицать тот факт, что борьба женщин за свои права повлияла на политическое, экономическое и социальное устройство современных государств. Однако важно отметить, что на данный момент существуют государства, которые еще далеки от абсолютного равенства полов, но есть и те, что преуспевают в этом отношении. К таковым относятся скандинавские страны.

Актуальность данного исследования обусловлена тесной сопряженностью феминистской повестки с политической, экономической и культурной сферами жизни общества, что позволяет говорить о том, что степень разрешимости гендерных проблем является одним из ключевых показателей уровня развития государства. Поскольку скандинавские страны лидируют по гендерному равенству, необходимо понять, какие факторы способствуют этому именно в этом регионе. В рамках исследования рассматривается период с 1960-х гг. по 2010-е гг. Нижняя граница объясняется тем, что именно в это время в Европе начина-

ет распространяться вторая волна феминизма. Верхняя граница обусловлена непрекращающимся ростом индекса гендерного равенства в указанных государствах. Целью настоящего исследования является изучение предпосылок успешного решения гендерной проблематики в скандинавских странах с 1960-х гг. по 2010-е гг. Стоит также отметить, что в данной статье под обществом победившего феминизма автор понимает такую модель социального устройства, в рамках которой установилось гендерное равенство во всех сферах жизнедеятельности людей.

К скандинавским странам мы относим Швецию, Норвегию и Данию. Все три государства являются социал-демократиями. Во многом именно этот факт определил причины установления гендерного равенства, поскольку в данном случае государство выступает регулятором и гарантом социальных прав для каждого гражданина. Говоря о единых предпосылках установления равенства в указанных странах, стоит отметить, что главную роль играет наличие модели государства всеобщего благосостояния. Эта модель характеризуется тем, что принцип равных возможностей институализирован, развита система социальной поддержки, она хорошо финансируется и охватывает широкие слои населения, а также гарантируется обеспечение занятости населения [1. С. 43].

Среди общих предпосылок необходимо выделить также активную деятельность феминистских организаций в период второй волны, распространявшейся в Европе с 1960-х по 1990-е гг. Так, например, социалистическая *Grupp 8*, основанная в 1968 г., стала центральным элементом второй волны феминизма в Швеции.

Теперь обратимся к уникальным особенностям рассматриваемых стран. Начать стоит со *Швеции*, поскольку это государство лидирует среди всех скандинавских стран [2. С. 9]. Правительство этого государства заявляет о том, что является первым феминистским правительством в мире. Это означает, что вопро-

сы гендерного равенства являются приоритетными для данного государства [3]. Сложившаяся ситуация обусловлена работой особого национального шведского механизма, который включает в себя следующие компоненты: создание системы квот, развитое законодательство по правам женщин, наличие специализированных государственных структур по делам равенства.

Изначально шведская социал-демократия стремилась построить концепцию «народного дома», которая включала в себя идею государства, где никто не пользуется привилегиями. Благодаря этому в Швеции закрепилась идея равенства полов [4. Т. 18. С. 65]. Тем не менее, до 1970-х гг. движение к гендерному равенству в государстве было медленным. В 1971 г. было отменено совместное налогообложение супругов, после чего гендерная политика в Швеции начала развиваться быстрыми темпами. В 1974 г. были введены специальные квоты, которые резервировали за каждым полом 40% рабочих мест. Введение квот увеличило уровень занятости женщин, сократилась разница в оплате труда. На данный момент какой-либо системы квот на рабочие места нет.

К оформившемуся на сегодняшний день законодательству в Швеции пришли не сразу. В 1980 г. была объявлена незаконной гендерная дискриминация на рабочем месте. Особо результативным с точки зрения принятия новых законов стал период 1990-х гг. В 1991 г. был принят закон о гендерном равенстве, который регламентировал запрет дискриминации по гендерному признаку во всех сферах. В 1998 г. вступил в силу действующий закон о насилии в отношении женщин [5].

Третий элемент шведского механизма – специализированные структуры. В 2007 г. было создано Министерство интеграции и гендерного равенства. В 2009 г. в Швеции был назначен омбудсмен по вопросам равенства. Кроме того, с 1995 г. на региональном уровне к административному бюро лена приставлен региональный эксперт по этим вопросам. В 2018 г. было создано

Шведское агентство по гендерному равенству. Таким образом, мы видим, что Швеция действительно имеет разветвленную сеть органов, занимающихся гендерными проблемами.

Норвежская модель имеет иной вид. Среди особенностей, способствовавших установлению гендерного равенства в этом государстве, следует выделить систему квот, значительный вклад феминистского движения, глубокие связи с ООН.

В Норвегии значительную роль играла религия. Это способствовало тому, что норвежцы более традиционно относились к институту семьи. Гендерная политика учитывала указанную особенность. Вопросами равенства занималось Министерство по делам детей и семьи. В парламентском законе, который устанавливал направления работы по достижению гендерного равенства на период 1990-х гг., основное внимание было сконцентрировано на политике в отношении детей, а также на повышении экономической независимости женщин. Этот закон показал, что главной сложностью в обеспечении равенства является несоответствие личных интересов женщины и интересов ее семьи [1. С. 215].

Следующей особенностью было квотирование. Этот инструмент часто использовался норвежскими политиками. Правительственный план действий по гендерному равенству в 1981 г. рекомендовал шире использовать систему квот в сфере образования и политики. Однако в области занятости использовать систему квот было запрещено. В 1988 г. Норвегия ввела положение, которое регламентировало минимальное представительство обоих полов в комитетах и советах в размере 40% [6. С. 141–142].

Феминистское движение в Норвегии было наиболее активным в сравнении с другими государствами Скандинавии. Феминистки внесли значительный вклад в формирование многих законов. Лозунги, выдвинутые ими на демонстрациях 1970-х гг.,

хоть и позднее, но были приняты правительством в качестве основы для законодательства [7. Т. 21. С. 351].

Отметим также, что Норвегия является убежденным сторонником ООН. Государство заинтересовано в том, чтобы продвигать те идеи, которые способствуют укреплению международного правопорядка. Одной из таких идей является улучшение положения женщин. С начала 1970-х гг. норвежское правительство продвигало соответствующие инициативы ООН. Так, первые местные комитеты по вопросам равенства были созданы именно в рамках подготовки к Международному году женщин, объявленному организацией [1. С. 222].

Ситуация в *Дании* заметно отличается. По индексу гендерного разрыва на 2020 г., Дания заняла 14 место в рейтинге [2. С. 9]. Исследователи связывают отставание Дании от Швеции и Норвегии с тем, что в государстве вопросы, касающиеся сексуального насилия, дискриминационной рекламы и проституции, не обсуждаются [8. С. 50]. Однако власти прилагают усилия по решению проблемы и делают упор на сферу занятости и политическое участие женщин.

С 1970-х гг. правительство Дании создавало законы, которые боролись с гендерным неравенством в трудовой и политической сферах. В 1976 г. в силу вступил закон, который предписывал равную оплату труда за равный труд. В середине 1990-х гг. он был дополнен: было закреплено обязательство выплачивать равные зарплаты в частном секторе. В 1978 г. были приняты акт о равных возможностях для мужчин и женщин и акт о равном подходе к мужчинам и женщинам при их приеме на работу и об отпуске по беременности [9. С. 73].

В середине 1980-х гг. власти в Дании обратили внимание на дисбаланс в государственных комитетах. Проблема была решена в 1985 г., когда был принят закон о равенстве при назначении членов общественных комитетов, и все официальные комитеты

были переизбраны поровну. В 1990 г. был принят еще один закон, который гарантировал равные возможности полов при получении исполнительных должностей в органах общественного правления. Таким образом, основной целью датского правительства было достижение гендерного баланса в органах власти [9. С. 73].

Выше мы указали исторические предпосылки установления гендерного равенства в скандинавских странах. Несмотря на то, что Швеция, Норвегия и Дания ежегодно занимают высокие места в рейтингах по названному показателю, многие эксперты и СМИ отмечают, что нельзя говорить о том, что равенство полов в них обеспечено в полной мере. Все еще существуют проблемы, которые этим государствам предстоит решить. Например, проблему малого представительства женщин на руководящих постах в частном секторе, сохраняющийся разрыв в оплате труда, имеющиеся трудности по совмещению семейной жизни и карьеры [10]. Таким образом, на вопрос о том, являются ли скандинавские страны обществами победившего феминизма, мы не можем дать однозначно положительный ответ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы / пер. с англ. под общ. науч. ред. Е. Мезенцевой. М. : Идея-Пресс, 2000. 312 с.
2. Global Gender Gap Report 2020 // The World Economic Forum. Electronic data. 2020. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (access date: 25.03.2021).
3. A Feminist Government // Government Offices of Sweden. Electronic data. Stockholm, 2021. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (access date: 25.03.2021).
4. Lewis J., Åström G. Equality, Difference, and State Welfare: Labor Market and Family Policies in Sweden // *Feminist Studies*. 1992. Vol. 18, № 1. P. 59–67.
5. Gender equality in Sweden // Sweden. URL: <https://sweden.se/society/gender-equality-in-sweden/> (access date: 25.03.2021).

6. Воронина О.А. Гендерное равенство как структурный элемент государственной политики в Скандинавских странах // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2014. № 4. С. 133–151.

7. Skjeie H., Siim B. Scandinavian Feminist Debates on Citizenship // International Political Science Review. 2000. Vol. 21, № 4. P. 345–360.

8. Орлова И.А. «Государственный феминизм» в странах Скандинавии: история и современность // Арктика и Север в контексте развития международных процессов : материалы II Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и молодых ученых, Архангельск, 17 апреля 2019 года. Архангельск, 2019. С. 47–51.

9. Штылева М.В. Реализация политики гендерного равенства в странах Северной Европы // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 67–80.

10. The «paradox» of working in the world's most equal countries // BBC. URL: <https://www.bbc.com/worklife/article/20190831-the-paradox-of-working-in-the-worlds-most-equal-countries> (access date: 25.03.2021).

УДК 94 (4)

Ю.П. Понов

МЕСТО США В КОНЦЕПЦИИ «ЕВРОПЕЙСКОГО МИРНОГО ПОРЯДКА» В. БРАНДТА

Цель данного исследования состоит в выявлении места Соединенных Штатов Америки в концепции «европейского мирного порядка» канцлера ФРГ В. Брандта. Рассмотрены основополагающие элементы данной концепции. Установлено, что Соединенным Штатам выделяется место во всех основополагающих элементах концепции. Выявлено, что В. Брандт отводил США ключевую роль в создании единого европейского пространства, а также в обеспечении порядка и безопасности в Европе.

Ключевые слова: европейский мирный порядок, американо-германские отношения, В. Брандт, ФРГ, США

Деятельность канцлера ФРГ Вилли Брандта в исторической науке и в воспоминаниях современников характеризуется как

многогранная [1. S. 7–11]. Его политические взгляды отражали стремление к созданию единой Германии, укреплению европейской безопасности, переходу к разрядке напряженности между Востоком и Западом.

Благодаря его деятельности, внешняя политика ФРГ в 1969–1974 г. претерпела значительные изменения. В том числе это связано с реализацией «новой восточной политики» (по-немецки *Ostpolitik*), которая заключалась в нормализации отношений со странами-участницами Восточного блока (СССР, ГДР, ПНР, ЧССР). Однако существовала и обратная сторона политического курса правительства В. Брандта. Она включала в себя отношения с США и странами Западной Европы (по-немецки *Westpolitik*), в том числе в рамках Организации Североатлантического договора (НАТО), а также разработку «европейского мирного порядка».

Большое количество работ отечественных исследователей посвящено изучению «новой восточной политики» и ее отдельных аспектов. Однако американо-германским отношениям, а также концепции «европейского мирного порядка» уделено гораздо меньше внимания. Несмотря на общеевропейскую направленность идеи В. Брандта, ее реализация подразумевала тесное взаимодействие с США. Таким образом, представляется целесообразным проанализировать место Соединенных Штатов в концепции «европейского мирного порядка» В. Брандта. Основным источником исследования является книга В. Брандта «Мирная политика в Европе», в которой подробно излагается данная концепция [2].

Анализ сущности концепции «европейского мирного порядка» раскрывает несколько основополагающих элементов. В первую очередь, концепция предполагала создание в долгосрочной цели единого европейского пространства, под которым подразумевалось нечто большее, чем просто объединение за-

падной части Европы. Вторым важным элементом являлось налаживание отношений и дальнейшее взаимодействие со странами Восточной Европы, включая СССР. Данный вектор уже осуществлялся в рамках «новой восточной политики». Эти два направления в совокупности создавали еще один элемент, который заключался в решении «германского вопроса» [3. С. 74]. В. Брандт подразумевал, что создание единого европейского пространства путем разрядки приведет в долгосрочной перспективе к объединению двух германских государств. В свою очередь, без объединения Германии, по мнению В. Брандта, было невозможно полное устранение противоречий между Востоком и Западом.

В основе концепции «европейского мирного порядка» находится теория конвергенции различных идеологических систем. По мнению В. Брандта, капитализм и коммунизм постоянно трансформируются. Их эволюция приводит к идентичным проблемам в социально-экономической сфере. Это приводит к взаимодействию двух систем. Однако их полное и продуктивное взаимодействие возможно лишь при условии сохранения стабильности в международном положении [3. С. 74–75].

Большое место в своей концепции В. Брандт уделял Соединенным Штатам. После Второй мировой войны США внесли решающий вклад в создание свободной демократической Германии. По мнению В. Брандта, ФРГ, в первую очередь, являлась преемницей идеи свободы, реализованной в Соединенных Штатах, и только потом – американским союзником и партнером. Канцлер также отмечал, что помощь США в восстановлении экономики стран Европы была велика, и всей Европе следовало бы относиться к этому с уважением [2. Р. 12].

Размышления В. Брандта можно разделить на несколько категорий, которые обозначают место США в его концепции. Первая категория относится к мировой повестке дня того вре-

мени – усилению стран Азии, Африки и Южной Америки. В. Брандт подчеркивал, что США необходимо учитывать интересы этих стран, так как некоторые из них могут внести изменения в международную политику [2. Р. 7–10]. Ярким примером для того времени являлась Китайская Народная Республика, в отношении которой ФРГ также проводила активную политику [4].

Канцлер осуждал действия Соединенных Штатов во Вьетнаме и утверждал, что ФРГ не является сателлитом США в решении данной проблемы. Он считал, что единой Европе необходимо вместе США найти способы преодоления вьетнамской трагедии. Брандт предостерегал коллег из Соединенных Штатов: «Чем ближе мир, тем больше усиливаются те, кто не желает этого. Запад не должен попасть в ловушку, расставленную теми коммунистами, для которых напряжение является причиной существования и которые хотели бы использовать напряжение, чтобы обуздать других коммунистов, которые, как и некоторые из нас, убеждены, что необходимо уменьшить устаревшую конфронтацию между Востоком и Западом» [2. Р. 7–18].

В. Брандт считал, что страны Азии, Африки и Южной Америки будут выстраивать отношения с Европой с учетом того, как на это отреагируют США. В этом плане происходило слияние США и Западной Европы в единый субъект. Брандт полагал, что Соединенным Штатам следовало проводить в странах Азии, Африки и Южной Америки более осторожную политику, в противном случае это могло негативно отразиться на их отношениях с Европой, и, следовательно, на европейском порядке.

Вторая важная категория касается вопроса военного присутствия США в Европе, в целом, и в ФРГ, в частности. В. Брандт, затрагивая данный вопрос, отмечал, что ФРГ является преемницей американских идей, союзником США и экономическим партнером [2. Р. 77–78]. Такая последовательная аргументация приводилась небезосновательно. В правительстве ФРГ суще-

ствовали разные точки зрения по поводу военного присутствия США на немецкой территории. В 1973 г. федеральный министр по особым поручениям Э. Бар дал интервью, в котором предположил, что политика разрядки приведет к нейтральному статусу объединенной Германии и ослаблению позиций Североатлантического альянса и Организации Варшавского договора (ОВД) на территории Германии, и, возможно, всей Европы [5. Р. 860–880].

В. Брандт понимал, что Соединенные Штаты опасались перспективы чрезмерного усиления Германии. Он старался рассеять данные опасения аргументами о том, что единая Европа не является «третьей силой» в международных отношениях, что ФРГ ничтожно мала по сравнению с США, и не имеет такого военного и ядерного потенциала, каким обладают США [2. Р. 36, 54, 80]. С начала 1960-х гг. ФРГ активно стремилась получить доступ к ядерному оружию, для чего поддерживала инициативу создания многосторонних ядерных сил (МЯС) в Североатлантическом альянсе. Однако в связи с тем, что США потеряли интерес к данному проекту, а доктрина Хальштейна постепенно утрачивала свою актуальность на фоне назревающей политики разрядки, правительство ФРГ акцентировало внимание на сознательном распределении ядерной ответственности среди государств-членов Североатлантического альянса [6. С. 99–102]. В. Брандт осознавал, что в условиях советско-американского ядерного паритета Соединенные Штаты отстаивали собственные жизненно интересы в западной части Европы, одновременно обеспечивая безопасность ФРГ.

В своей книге канцлер отмечал, что ядерное «сдерживание» «не помогает, а лишь поддерживает напряжение» [2. Р. 43]. Этот важный тезис получил продолжение с подписанием ФРГ Договора о нераспространении ядерного оружия. Тем самым и европейская разрядка приобрела реальные очертания. Так или иначе, американское присутствие, по мнению канцлера, было необхо-

димо, пока не наступит разрядка и не будет создана по-настоящему единая Европа. Именно поэтому военное присутствие США является одним из ключевых элементов «европейского мирного порядка» в Европе.

Третья важная категория соотносится со второй. В. Брандт рассуждал о форме и стратегии Североатлантического альянса. Он утверждал, что цели НАТО должны фокусироваться на Европе, так как на ее территории находится источник напряженности и противоречий между Западом и Востоком. Обосновывая идею «европейского мирного порядка», В. Брандт подчеркивал, что ФРГ не может стоять между Востоком и Западом в одиночестве. Поэтому свобода Бонна требует прочной связи с Североатлантическим альянсом [7. Р. 14–16].

С другой стороны, В. Брандт представлял себе НАТО как динамичную структуру, которая должна изменять формы и методы взаимодействия в соответствии с определенными вызовами. Страны-участницы НАТО, считал Брандт, могут выступать с различными идеями и мнениями в отношении политики Альянса. В этом также мог бы заключаться динамизм данной структуры [2. Р. 86–89]. Таким образом, канцлер ФРГ признавал важность Североатлантического альянса для ФРГ, а значит, и для Европы в целом. Однако для реализации «европейского мирного порядка» альянсу необходимо было придать более динамичную форму, постепенно перемещаясь с Атлантики в Европу.

Из анализа концепции канцлера ФРГ В. Брандта можно выделить три основных категории, которые так или иначе обозначают место США в «европейском мирном порядке».

Первая категория связана с отношениями государств Азии, Южной Америки и Африки с Соединенными Штатами. Взаимоотношения этих государств в значительной мере могут повлиять на порядок и расстановку сил в Европе. Вторая категория поднимает вопрос о военном присутствии Соединенных Штатов в

Европе. Благодаря ряду аргументов, канцлер ФРГ обосновал значимость нахождения американских войск как в своей стране, так и в Европе в целом. Третья категория относится к форме и структуре НАТО. Данная категория подчеркивает ведущую роль США в Альянсе. В то же время В. Брандт размышлял над изменением формы и методов взаимоотношений внутри НАТО.

Таким образом, США занимали ключевое место в концепции «европейского мирного порядка» В. Брандта. В концепции прослеживается определенный прагматизм. Прежде всего это связано с общемировой повесткой дня того времени, которой являлась разрядка международной напряженности в Европе. США, с одной стороны, выступали гарантом политики разрядки, с другой стороны, играли ключевую роль в обеспечении безопасности в Европе.

Место и роль Восточного блока в «европейском мирном порядке» отдельно не обозначаются. Отношения со странами Варшавского договора характеризуются в книге Брандта лишь общими словами. Также не говорится о роли США в создании объединенной Европы. Брандт ограничивает место США вопросами обеспечения безопасности Европы. Размышления В. Брандта о «европейском мирном порядке» не остались лишь академическим сочинением западногерманского политика. Значительная их часть была переработана и реализована в политике СДПГ в более поздний период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bahr E. Willy Brandts europäische Außenpolitik. Berlin : Schriftenreihe der Bundeskanzler-Willy-Brandt-Stiftung, 1999. 54 p.
2. Brandt W. A Peace Policy for Europe. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1969. 225 p.
3. Авдеенко Е.Г. Концепция «Европейского мирного порядка» В. Брандта // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. – 2013. № 36 (327). С. 73–79.

4. Akten zur auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1975. 1. Januar bis 30. Juni 1975 // München: Institut für Zeitgeschichte. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119994> (дата обращения: 28.04.2021)

5. Hahn W. West Germany's Ostpolitik: The Grand Design of Egon Bahr // Orbis. Foreign Policy Research Institute. 1973. № 16. P. 859–880.

6. Борисова К.А. Эволюция политики ФРГ в отношении проблемы распространения ядерного вооружения в 1960-е г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 5. С. 86–102.

7. Brandon D. Willy Brandt's Eastern Policy // Worldview. 1970. № 13. P. 14–16.

УДК 93

А.С. Стыценко

НОВЫЙ ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ ПОСЛЕ ПОТСДАМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В исследовании рассматриваются новостные публикации в советских газетах с 18 июля по 30 сентября 1945 года. На основе этого исследуется новый образ Германии, формирующийся в первое время после окончания Великой Отечественной Войны.

Ключевые слова: Потсдамская конференция, советская пресса, послевоенная Германия

Послевоенное урегулирование Берлинского вопроса стало важнейшим направлением внешнеполитической деятельности СССР. Этот вопрос давно находится в фокусе внимания истории международных отношений. Тем не менее, такой важный аспект, как формирование общественного мнения в Советском Союзе относительно происходивших в Германии трансформаций до сих пор не привлекал внимание исследователей.

Во второй половине лета 1945 г. проходила Потсдамская конференция. В ее повестку вошли вопросы, которые относи-

лись к переустройству побежденной Германии. Такие как: реорганизация политической жизни немцев на миролюбивой и демократической основе, военно-экономическое разоружение Германии, возмещение материального ущерба, нанесенного другим странам, наказание нацистских военных преступников, деятельность которых обернулась неисчислимыми бедствиями и страданиями для всего человечества. Сама конференция очень важна, она расставила точки над *i* в вопросах, связанных с Германией и Берлином в частности. Итоги конференции предопределили внешнеполитическую обстановку в Европе и мире на ближайшее время, вплоть до начала холодной войны.

18 июля 1945 г. «Правда» и «Известия» написали о прибытии И. В. Сталина и В. М. Молотова в Берлин [1, 2] и об открытии конференции глав трех великих держав, союзников по антигитлеровской коалиции [3, 4]. Помимо конференции представителей верховного руководства стран-победителей, вышло сообщение о совещании представителей антифашистских демократических партий в Берлине [5, 6]. В совещании приняли участие представители ЦК КПГ, ЦП (Центрального Правления) СДПГ, правления христианско-демократического союза и представители правления либерально-демократической партии. Представителями всех четырех партий было принято решение о создании объединённого комитета антифашистско-демократических партий, перед которым ставились задачи о сотрудничестве в ликвидации пережитков гитлеризма и остатков нацистской идеологии, за перестройку страны на антифашистско-демократической основе.

Важным шагом на пути мирного урегулирования в Германии и отражении этого в советской прессе было создание судебных органов в советской зоне оккупации Берлина [7, 8].

В центральной советской прессе было опубликовано заявление советского коменданта Берлина генерал-полковника Горба-

това [9, 10]. В заявлении говорилось о том, какие действия были предприняты для восстановления Берлина после войны и как это проводилось [9, 10].

В начале августа 1945 года пресса СССР писала об итогах Берлинской (Потсдамской) конференции. Главной повесткой конференции был Берлинский вопрос, по которому было достигнуто соглашение, в котором говорилось о политических и экономических принципах координированной политики союзников в отношении побежденной Германии в период союзного контроля [13–15]. Говорилось о том, что страны-союзники не нацелены уничтожать немецкий народ и намереваются дать народу подготовиться, чтобы в дальнейшем осуществить восстановление своей прежней жизни на демократической и мирной основе. И со временем германский народ должен занять полноправное место среди других мирных народов [13–15]. В газетах было опубликовано соглашение целиком, со всеми принципами, политическими, экономическими, с информацией о репарациях, с вопросами о германском флоте и торговых судах, город Кёнигсберг признавался советским вместе с прилегающей территорией, говорилось и о суде над военными преступниками. Все это показывало крайне высокую значимость данной конференции и ее итогов, как для внешней политики СССР, так и для формирования отношения к Германии у советского населения. Было показано, что необходимо решить какие-то задачи в Германии, направить немецкий народ на правильный путь и помочь ему в восстановлении [13–15].

Проходили заседания союзной комендатуры Берлина, на которых рассматривались различные вопросы по послевоенному регулированию дел. В начале осени, как и обычно это происходит, начинаются занятия в школах. В Германии этот учебный год был первым после войны и для начала обучения надо было подготовиться. Отменить учебники, изданные при диктатуре

НСДАП, подготовить учебные планы, на работу пригласить лиц из демократических антифашистских слоев германского народа, имеющие должную общеобразовательную подготовку и желающие работать в качестве преподавателей в начальных и средних школах [16, 17]. Реформа школьного образования отражала переход к мирной жизни в Германии, где запрещались издания периода диктатуры нацизма.

Публикации в советских газетах о выходе приказа о восстановлении деятельности учреждений искусства на территории СОЗ (Советской Оккупационной Зоны). При этом стояли задачи об освобождении искусства от нацистских, расовых, милитаристских идей. Об использовании искусства в идеологической борьбе с фашизмом, ознакомление и взаимодействие с ценностями русской и мировой культуры. Так же запрещалось устройство каких-либо художественных выставок без уведомления и разрешения немецкого управления народного образования или его местных органов [16, 17].

Газеты СССР писали о различных действиях советской администрации на территории Германии, о проводимых реформах и мероприятиях, нацеленных на восстановление жизни после войны, тем самым формируя новое отношение к Германии и ее населению. Это отношение выражалось в помощи решения различных вопросов, в формировании нового образа возрождающейся Германии, как мирного государства.

Итоги Потсдамской конференции, на которой представители СССР, США и Великобритании решали различные внешнеполитические задачи, связанные с Германией, дали ответ на проблемные вопросы, а советское население одобрительно отнеслось к этим итогам, о чем пресса и написала. Исходя из этого, можно говорить о том, что конференция, проходившая в непосредственной близости от Берлина – в Потсдаме была очень важным моментом в формировании отношения у граждан Стра-

ны Советов к Германии после Великой Отечественной войны. Она давала вектор развития для реорганизационных действий на территории Германии, показывая читателям советских газет назидательную миролюбивую нацеленность СССР на решение вопросов, возникших в Германии после войны. Это и формирует у людей отношение к Германии уже не как к противнику, а как к стране, которая желает восстановиться после войны. И задача СССР и союзников по антигитлеровской коалиции – это задать направление развития для Германии и для немцев после войны. Вот такое отношение сформировалось у советских читателей газет к началу октября 1945 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прибытие в Берлин И.В. Сталина и В.М. Молотова // Известия. 1945. 18 июля.
2. Прибытие в Берлин И.В. Сталина и В.М. Молотова // Правда. 1945. 18 июля.
3. Открытие Конференции Глав трех Великих Держав в Берлине // Известия. 1945.
4. Открытие Конференции Глав трех Великих Держав в Берлине // Правда. 1945. 18 июля.
5. Совещание представителей антифашистских демократических партий в Берлине // Правда. 1945. 19 июля.
6. Совещание представителей антифашистских демократических партий в Берлине // Известия. 1945. 19 июля.
7. Создание судебных органов в советской зоне оккупации Берлина // Известия. 1945. 24 июля.
8. Создание судебных органов в советской зоне оккупации Берлина // Правда. 1945. 24 июля.
9. Заявление генерал-полковника Горбатова на пресс-конференции в Берлине // Правда. 1945. 2 авг.
10. Заявление генерал-полковника Горбатова на пресс-конференции в Берлине // Известия. 1945. 2 авг.
11. Сообщение о Берлинской Конференции Трёх Держав // Известия. 1945. 3 авг.

12. Сообщение о Берлинской Конференции Трёх Держав // Литературная газета. 1945. 3 авг.
13. Сообщение о Берлинской Конференции Трёх Держав // Правда. 1945. 3 авг.
14. О подготовке немецких школ к учебным занятиям // Известия. 1945. 14 сент.
15. О подготовке немецких школ к учебным занятиям // Правда. 1945. 14 сент.
16. В штабе советской военной администрации // Известия. 1945. 26 сент.
17. В штабе советской военной администрации // Правда. 1945. 26 сент.

УДК 94(73)

Е. С. Тодыков

МЕСТО ФРГ В ПОЛИТИКЕ США ПО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЮ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Цель данного исследования заключается в определении основных этапов политики Соединенных Штатов по нераспространению ядерного оружия в отношении ФРГ. Уделено внимание проблеме создания Многосторонних ядерных сил и их влияния на внешнеполитические доктрины ФРГ и США. Автором была проанализирована смена курса Вашингтона по отношению к Бонну в рамках подписания Договора о нераспространении ядерного оружия. Результатом исследования стало выделение трёх этапов данной политики, а также выявление эволюции внешнеполитического курса Соединенных Штатов в рамках ядерного контроля ФРГ.

Ключевые слова: США, ФРГ, ядерное оружие, политика нераспространения, НАТО, МЯС

После Второй мировой войны проблема ядерного оружия, и в том числе его нераспространения, заняла важное место в американской политике. В одной из своих книг – «Ядерное оружие и внешняя политика» – известный американский государственный деятель Г. Киссинджер высказал опасение, что многие государ-

ства смогут в дальнейшем получить доступ к ядерному оружию. Это, в свою очередь, по мнению Киссинджера, усложнило бы систему международных отношений и привело к усилению угрозы ядерной войны [1. Р. 45]. В Европе многие государства стремились получить доступ к ядерным технологиям, чтобы повысить значение своей страны. Примером такого стремления стала стратегия западногерманского руководства, но остальные страны не были готовы смириться с таким потенциальным усилением ФРГ.

В рамках Оккупационного статуса предписывалось разоружение и демилитаризация военных структур Германии, а также связанных с ними областей научных исследований [2]. В плане «сдерживания» Германии важно также отметить, что французским правительством 24 октября 1950 г. был предложен «План Плевена», который подразумевал создание Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) при участии немецких военных контингентов, которые должны были быть сосредоточены среди других военных формирований [3. С. 272].

Следует выделить основные этапы политики США по отношению к ФРГ в рамках политики нераспространения ядерного оружия. Первый этап, продолжавшийся с 1953 г. по 1961 г., связан с внешнеполитическим курсом администрации Д. Эйзенхауэра и вопросом о создании Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Второй период, длившийся с 1961 г. по 1969 г., ассоциируется с проблемой создания Многосторонних ядерных сил (МЯС). Третий период, охватывающий 1969–1974 гг., во многом характеризуется разрядкой международных отношений и Новой восточной политикой ФРГ; также данный этап связан с разработкой, подписанием и ратификацией Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Данная периодизация определена автором исходя из того, что разными администрациями США предлагались различные способы решения проблемы «сдерживания» ядерных устремлений ФРГ.

Западногерманское правительство смогло быстро восстановить экономику своей страны, заняв важное место в оборонном потенциале НАТО, так как именно Западная Германия рассматривалась как территория основного «поля боя» в противостоянии с СССР. Так, в 1950 г. Дж.Ф. Даллес заявлял о том, что ФРГ должна стать плацдармом Западного блока перед лицом советской угрозой. Исходя из этого, руководство Бонна рассчитывало, что бундесвер будет укомплектован по образцу всех ведущих держав НАТО. Однако страны Запада скептически относились к военному усилению недавно побежденного государства [4. С. 111–135].

Значимые меры в политике в области нераспространения ядерного оружия предложило правительство Д. Эйзенхауэра, который выступил с важной речью об использовании атомной энергии в мирных целях – «Атом ради мира». Президент заявил о невозможности дальнейшей эскалации конфликта между двумя сверхдержавами в связи с колоссальной разрушительностью ядерного оружия, а также внес предложение о создании организации, в рамках которой будут урегулированы вопросы по развитию мирной атомной энергетики [5]. В США также рассчитывали, что создание западноевропейскими странами Евратома позволит уменьшить их заинтересованность в разработке собственных национальных ядерных программ, что будет способствовать развитию режима ядерного нераспространения [6]. С помощью Евратома, по мнению американских политиков, можно было предотвратить развитие немецкого национализма и милитаризма. Хотя в ФРГ полностью и не отказались от перспективы разработки своего ядерного оружия, немецкие лидеры осознавали, что в Вашингтоне заинтересованы в политике нераспространения ядерного оружия.

В дальнейшем правительство Бонна настаивало на предоставлении ФРГ ядерного оружия, особенно такая позиция про-

явилась в так называемом «меморандуме генералов» от 20 августа 1960 г. Немецкое командование заявляло о том, что, если бундесвер не будет оснащен современным ядерным оружием, Европа будет открыта для вторжения с Востока [7. Р. 105–107]. В 1956 г. в НАТО считали, что на случай начала военных действий в Европе там следует разместить ракеты с американскими ядерными боеголовками для совместного использования по системе «двойного ключа» [8. Р. 124–131]. В рамках переговорного процесса в НАТО в 1957 г. был принят военно-стратегический план МС-70, по которому бундесвер мог в перспективе получить доступ к ядерному оружию [9].

Важнейшим шагом администрации Эйзенхауэра стала подготовка и дальнейшая попытка реализации «плана Норстэда», по которому американские вооруженные силы должны были разместить ракеты средней дальности (РСД) на территории Европы под совместным контролем с НАТО. [10. Р. 162–167]. Данный план не был реализован, так как он не соответствовал закону Макмагона 1946 г., ограничивающему сотрудничество в ядерной сфере с другими странами.

Американской администрации удалось нивелировать провал «плана Норстэда» и к августу 1960 г. рабочей группой во главе с бывшим советником госсекретаря США Р. Боуи был разработан план МЯС. Данный проект исключал наземное базирование РСД, так как ракеты должны были размещаться на пяти атомных подводных лодках, находившихся в ведении НАТО. Такая политика США была связана с необходимостью заинтересовать правительство ФРГ совместным управлением ограниченным количеством ядерного оружия и исключить возможное военное ядерное сотрудничество Бонна с Парижем [11].

С приходом к власти правительства Дж. Кеннеди в 1961 г. вопрос о совместном использовании ядерного оружия несколько видоизменился, так как президент заявлял о том, что такая по-

литика может привести к децентрализации контроля над опаснейшим оружием. Однако в 1962 г. на парижской сессии НАТО государственный секретарь США Д. Раск подтвердил положительное отношение США к проекту МЯС [12. Р. 315–321]. Разработка МЯС была продолжена в годы президентства Л. Джонсона, окружение которого было заинтересовано в развитии проекта по созданию надводного флота кораблей-ракетоносцев, управляемых с помощью смешанного командования. В рамках такого сотрудничества можно было сдерживать ядерные требования Западной Германии, так как дальнейшая разработка национального вооружения рассматривалась как нежелательная политика по отношению к НАТО [13]. Роль неядерных государств в МЯС, таких как ФРГ, не означала, что они получают доступ к ядерному оружию, так как принятие решения о его использовании оставалось за руководством США [14].

Проект по созданию МЯС НАТО был временно приостановлен руководством США в декабре 1964 г. А в 1965 г. был создан комитет по вопросам нераспространения ядерного оружия, который указывал на опасность продолжения ядерной гонки. Внимание американского руководства сместилось с МЯС в сторону разработки ДНЯО. Л. Джонсон определил новые перспективы развития североатлантического сотрудничества – руководство коллективных ядерных сил должно придерживаться принципа нераспространения ядерного оружия. Также в НАТО активно обсуждалась идея о начале развития переговорного процесса между Востоком и Западом, что нашло отражение в «докладе Армеля» 1967 г. [15].

В итоге при президенте Р. Никсоне, исходя из новых целей внешней политики США и интенсификации сотрудничества по линии Восток-Запад, а также учитывая политику социал-либеральной коалиции во главе с В. Брандтом, американскому руководству удалось не только сдержать «ядерные требования»

западногерманских лидеров, но и приобщить важнейшего европейского партнера к политике по нераспространению ядерного оружия. Результатом стало присоединение ФРГ к ДНЯО в 1969 г. [16]. При этом в рамках подписания ДНЯО неядерным государствам, в том числе ФРГ, разрешалось использовать атом в мирных целях. Помимо этого, по настоянию неядерных держав в текст Договора была включена IV статья, исходя из которой стороны обязались вести переговоры «об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о Договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем» [17]. Таким образом, правительство Соединенных Штатов, несмотря на устремления ФРГ в ядерной сфере, смогло включить Западную Германию в политику нераспространения ядерного оружия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kissinger H., Dean G. Nuclear weapons and foreign policy. N.Y. : Harper for the Council on Foreign Relations, 1957. 476 p.
2. Оккупационный статус о разграничении полномочий и ответственности между будущим германским правительством и Союзной контрольной комиссией, 10 мая 1949 г // 100(0) ключевых документов. URL: <https://www.1000dokumente.de/index.html?l=ru> (дата обращения: 11.03.2021).
3. Родович Ю.В. ФРГ и планы создания европейской армии: история и современность // *Via in tempore. История. Политология*. 2019. № 46 (2). С. 271–278.
4. Фененко А.В. Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. № 1. С. 111–135.
5. Речь президента Соединенных Штатов Дуайта Эйзенхауэра на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 8 декабря 1953 года // Организация объединенных наций. URL: <https://www.un.org/ru/ga/iaea/eisenhower-2.htm> (дата обращения: 11.03.2021).
6. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968. Vol. XI. Arms Control and Disarmament // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v04/d193> (access date: 11.03.2021).

7. Manke D. *Нуклеарная Митеркинг: Die Bundesrepublik Deutschland in der atlantischen Allianz 1954–1970*. Berlin, 1972. P. 105–107.
8. Heuser B. *NATO, Britain, France and the FRG: nuclear strategies and forces for Europe, 1949–2000*. Hampshire : Palgrave Macmillan, 1997. 273 p.
9. FRUS 1955–1957. Vol. XIX. National Security Policy // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v19/d151> (access date: 11.03.2021).
10. Jordan R. *Cold-War NATO Supreme Commander: Airman, Strategist, Diplomat*. N. Y. : St. Martin's Press, 2000. 329 p.
11. FRUS 1958–1960. Vol. VII. Part 1. Western European Integration and Security, Canada // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v07p1/d264> (access date: 11.03.2021).
12. *NATO Strategy Documents: 1949–1969* / ed. by W.G. Pedlow. Brussels : NATO, 1997. 421 p.
13. FRUS 1964–1968. Vol. XI. Arms Control and Disarmament // Office of the Historian. URL: <https://www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v11/d56> (access date: 11.03.2021).
14. FRUS 1964–1968. Vol. XI. Arms Control and Disarmament // Office of the Historian. URL: <https://www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v11/d140> (access date: 11.03.2021).
15. FRUS 1964–1968. Vol. XV. Germany and Berlin // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v15/d46> (access date: 11.03.2021).
16. FRUS 1969–1976. Vol. E–2. Documents on Arms Control and Nonproliferation // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve02/d35> (access date: 11.03.2021).
17. Договор о нераспространении ядерного оружия // Организация объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 11.03.2021).

А.И. Шевелев

ГЕНРИ СОЛЛИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА РАБОЧИХ КЛУБОВ И ИНСТИТУТОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 60-е гг. XIX века

В данной статье рассматривается история создания первых рабочих клубов Великобритании и учреждение Союза рабочих клубов и институтов в 1862 году, а также изучения влияния на деятельность Союза личности Генри Солли и его анализ его управления Союзом в качестве секретаря.

Ключевые слова: История Англии, 60-е гг. XIX века, рабочие клубы, рабочее движение, досуг

Промышленная революция в Англии стала причиной увеличения и развития рабочего класса в стране. Постепенно социальные реформаторы осознавали важность рабочих как социального класса и стали обращать свое внимание на их проблемы, среди которых часто выделялись плохие условия труда и быта, политическое бесправие, безнравственность и малообразованность. Движение чартистов усилило интерес к проблемам рабочих и обсуждение способов их разрешения.

Закон о всеобщем начальном образовании был принят только в 1870 году, поэтому до него среди взрослого мужского населения отмечался низкий уровень образованности, в 1870 году каждый пятый мужчина в Англии и Уэльсе был безграмотным [1. Р. 120].

Фабричное законодательство 1850 года устанавливало шестидесятичасовую рабочую неделю, тем самым увеличивая свободное время рабочих. Поэтому важной проблемой для социальных реформаторов стал низкий уровень досуга. Главным развлечением рабочих были походы в питейные заведения, из чего следовал большой уровень потребления алкоголя и пьян-

ства среди населения. Некоторыми современниками отмечалась безнравственность жизни рабочих.

В связи с вышеизложенными проблемами стали появляться рабочие институты, которые были прообразом рабочих колледжей и целью которых было только обучение рабочих без организации их досуга, читальные залы, а позднее и клубы как попытки их разрешить, а также приобщить рабочих к более высокой культуре. Необходимо отметить, что название этих организаций, «рабочие клубы», было выбрано не случайно. Как и клубы, которые организовали представители аристократии и среднего класса для себя, рабочие клубы должны были объединить рабочих для совместного общения, развлечений и самообразования [2. Р. 190].

Стоит отметить, что часто первые клубы терпели неудачи в вопросах привлечения большего числа рабочих к себе, потому как ими двигали морализаторские побуждения [3. Р. 120]. В подавляющем большинстве клубов были строго запрещены алкоголь и курение. Также в них уделялось большое внимание занятиям по изучению Библии.

Именно в этих условиях начал свою деятельность Генри Солли, бывший священник Униатской Церкви и один из главнейших идеологов клубного движения. Генри Солли родился в Лондоне 17 ноября 1813 года. Его родители воспитали его в духе пуританской морали. В 1829 Г. Солли поступил в Университетский колледж Лондона, где с большим успехом осваивал математику и классические языки. Его отец, Исаак Солли, был предпринимателем и хотел, чтобы сын пошел по его стопам, поэтому вскоре Генри Солли стал работать на отца и помогать ему в введении ряда дел, касающихся купли-продажи кораблей. Г. Солли не нравилась эта работа, а вечера он проводил в литературных и дискуссионных клубах [4. Р. 18]. Вскоре Солли бросил работу в конторе отца и стал искать место, где он смог бы

проявить свои ум и энергию. Уже в это время он видел несправедливости мира, нищету, в которой жили люди и хотел хоть как-то помочь изменить ситуацию к лучшему. Это привело к тому, что в 1840 году он стал священником Унитарийской Церкви. Во многом это было связано с тем, что унитариянство в то время было зациклено не на богословских спорах, а на решении действительных человеческих проблем, которые требовали социальных улучшений. Его привлекала забота о людях в приходской общине. Многие священники унитарийской Церкви стремились также участвовать в общественно полезной работе [4. Р. 18]. При помощи унитарийцев создавались школы для детей из бедных семей, строились публичные библиотеки и парки. Он был священником 22 года, за которые сменил 5 приходов. В 1862 году вместе с основанием Союза клубов и институтов он начал активно заниматься клубной деятельностью и поэтому сложил с себя сан священнослужителя.

В начале июня 1862 года в Лондоне состоялось ежегодное собрание Национальной Ассоциации социальных наук, в которой приняло участие большое количество социальных реформаторов и общественных деятелей. На конференции Генри Солли беседовал с Монктоном Майлнзом, главой секций, на которой Солли выступал с докладом. В разговоре он высказал мнение о необходимости создания общества, которое могло бы дать при помощи распространения просвещения отпор питейным заведениям. После окончания заседания к нему подошли чиновники и члены Парламента, выразившие желание помочь в создании такого общества [5. Р. 189]. 14 июня 1862 года в помещении Общества по предложению законодательных поправок в Ватерлоу Плейс состоялось собрание, на котором был торжественно открыт Союз рабочих клубов и институтов. Генри Солли, став секретарем Союза, написал документ, в котором были оглашены все основные принципы и план деятельности Союза клубов и

институтов [6. Р. 14]. Главной целью являлась помощь рабочим в создании клубов и институтов, где они могли бы общаться, умственно развиваться и отдыхать. Союз был необходим для содействия организациям в их развитии, а также для консолидации клубов в их деятельности. Также фактически в этом документе признается конкуренция за рабочих с пабами и прочими питейными заведениями.

На посту секретаря Союза Генри Солли пытался привлечь к его деятельности людей из аристократии, чтобы получать от них финансовую помощь, а также чтобы репутация таких видных в обществе людей смогла бы заинтересовать широкие круги общественности и обратить их внимание на деятельность Союза. Ему почти удалось убедить Уильяма Гладстона, будущего премьер-министра Великобритании, стать Вице-президентом Союза. Также он довольно легко убеждал разных герцогов сделать пожертвования в пользу Союза клубов и институтов. Свои пожертвования сделал и принц Уэльский, будущий король Эдуард VII. Самым значимым будет 1866 год, за который Генри Солли удалось собрать 1125 фунтов пожертвованиями [6. Р. 21].

Также Генри Солли на посту секретаря Союза клубов и институтов занимался активной деятельностью в области продвижения создания клубов по всей стране. Союз распространял огромное количество листовок. Солли сотрудничал со многими газетами. Также он много путешествовал по всей стране, общаясь во время этих поездок с рабочими, представителями просветительских обществ, религиозных организаций, тред-юнионов и обществ взаимопомощи. Если в первый год было проведено сорок таких встреч, то в следующие года секретариата Солли их число достигала ста. Также на этих заседаниях, где Солли рассказывал о клубной деятельности, часто присутствовали члены парламента, священнослужители, мэры городов и просто влиятельные люди.

Именно Генри Солли разрешал политические проблемы, с которыми сталкивались рабочие клубы. Он требовал соблюдать принцип нейтралитета по отношению к политическим партиям, движениям и религиозным организациям, тред-юнионам и забастовкам, так как они могли посеять раздор среди членов клуба. Однако сам Генри Солли считал дискуссии приемлемой и, более того, полезной для самих членов клуба, только если ее тема не приведет к вражде или воспалит уже существующие спорные моменты [7. Р. 226]. Также Г. Солли скептически относился к рабочему самоуправлению в клубах, считая необходимым опеку над клубами со стороны представителей среднего и высшего класса. В важном вопросе о продаже алкоголя в стенах клубов Г. Солли хотя и был строгим противником продажи алкоголя, ему все равно приходилось считаться с распространенным среди его коллег мнением, что алкоголь можно продавать в допустимых пределах, поскольку клубы, которые продавали его хоть и в небольшом количестве, были популярны в рабочей среде [3. Р. 128].

В 1867 году Генри Солли ушел в отставку с поста Секретаря основанного им союза. Он остался в Совете Союза, но не стал стремиться к личному контролю созданной им организации. Солли активно занимался пропагандой и другой полезной деятельностью, часто ездил в клубы в других городах Англии, но в Совете доминировала другая точка зрения на развитие Союза, что он должен на какое-то время остановиться с постоянными расширениями и начать все более интенсивно развиваться изнутри. Так, например, в бюджетной сфере Генри Солли планировал и дальше опираться на членские взносы попечителей и пожертвования благотворителей, в то время как его коллеги все чаще говорили о необходимости больше развивать самокупаемость и независимость от подобных нестабильных по своему характеру доходов. В Совете, хотя и не без споров, было приня-

то заявление об отставке Генри Солли. По его словам, Его уход с поста Секретаря был связан не только с экономией средств Союза, он не хотел дальнейшего развития конфликта между ним и другими членами Союза, а также считал свою работу невозможной, поскольку существует такое расхождение во взглядах между ним и его коллегами.

Таким образом мы можем увидеть, как развивался Союз рабочих клубов и институтов и с какими проблемами пришлось столкнуться Генри Солли в качестве первого секретаря организации. Из объединения для помощи лондонским рабочим клубам союз вырос в крупную клубную сеть, которая уже в XX веке стала важной частью британской индустрии развлечений и досуга, теряя свою популярность в последней четверти столетия из-за социальных изменений в британском обществе и увеличении способов проведения досуга. В 1867 году в Союз входило примерно 300 клубов, в которых числилось почти 50000 членов. В своем последнем отчете Генри Солли отмечал, что всем движениям на раннем этапе сопутствует множество проблем и различные неудачи, на которых последующим поколениям деятелей таких движений куда легче учиться. Именно Генри Солли необходимо было решать проблемы молодой организации такие как отношение к политическим партиям, рабочим организациям, вовлечение рабочих в управление клубами, «пивной вопрос», финансирование Союза и его план развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Stone L. Literacy and Education in England 1640–1900 // *Past & Present*. 1969. № 42. P. 69–139.
2. Cherrington R.L. The development of working men's clubs: a case study of implicit cultural policy // *International Journal of Cultural Policy*. 2009. Vol. 15, № 2. P. 197–199.
3. Price R.N. The Working Men's Club Movement and Victorian Social Reform Ideology // *Victorian Studies*. 1971. Vol. 15, № 2. P. 117–147.

4. Woodroffe K. The irascible reverend Henry Solly and his contribution to Working Men's clubs, charity organization, and «Industrial Villages» in Victorian England // Social Service Review. 1975. Vol. 49, № 49. P. 15–32.

5. Solly H. «These eighty years»: or, the story of an Unfinished Life. London, 1898. Vol. 2. 590 p.

6. Hall B.T. Our fifty years: the story of the working men's club and institute Union. London, 1912. 434 p.

7. Solly H. Working men's social clubs and educational institutes. London, 1967. 320 p.

УДК 327.7

А.Е. Ядренкина

СИСТЕМА Д'ОНДТА В ЕВРОПЕЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ: ВЫНУЖДЕННАЯ МЕРА ИЛИ «ТЕМНАЯ СТОРОНА» ДЕМОКРАТИИ

Статья рассматривает систему Д'Ондта в качестве метода распределения руководящих постов между политическими группами и ее соответствие демократическим ценностям. Метод Д'Ондта – вынужденная мера для Европейского Парламента, так как система дает преимущество большим политическим партиям, но и предоставляет минимальный процент наименьшим группам. Данный выбор определен многозадачностью парламента, количеством политических групп, каждая из которых стремится получить больше влияния.

Ключевые слова: система Д'Ондта, демократия, избирательная система, Европейский Союз, Европейский Парламент

«Демократия – наихудшая форма правления, если не считать всех остальных» – сказал Уинстон Черчилль [1. С. 347]. Демократия на сегодняшний день не приобрела сакральный характер, а наоборот часто подвергается критике. Наличие этой критики не означает, что демократический режим – это зло. Современное общество – сложный многокомплексный организм, который, с одной стороны, должен стремиться к гармонии и стабилизации

отношений между различными акторами, что демократия как раз как инструмент политического стабилизатора осуществляет. С другой стороны, заметно оптимистичный образ демократии, созданный лишь в сравнении с другими политическими режимами в виде авторитаризма, тоталитаризма, теократии, может наталкивать на мысль, что демократия – лишь очевидное «меньшее зло» из всех предложенных человечеству. Афоризм фактически применим к реалиям европейской демократии, в частности вопрос касается справедливости системы принятия решений в Европейском Парламенте.

Система, которая будет описана в статье, называется «система Д’Ондта» и является методом распределения руководящих должностей в Европейском [2. С. 34]. На данном этапе важно пояснить, что распределение мандатов приходится лишь на руководящие должности, например, посты председателя Европейского парламента, председателей комитетов политических групп. [3. С. 14]. Этот факт обусловлен значимостью постов в Европейском парламенте и, соответственно, важностью их получения той или иной политической группой. Рассматривая пост председателя Европейского парламента, необходимо понимать, что именно этот человек имеет полномочия открывать пленарные заседания, проводить голосование за принятие законопроекта, а также представляет Европейский парламента [4]. Также необходимо обратить внимание на избирательный срок председателя. Он составляет два с половиной года. Этот срок установлен, чтобы обеспечить принцип сменяемости власти. Однако смысл кроется не только в соблюдении этого принципа, а в том, чтобы расширить «поле для торга» по системе Д’Ондта, а, то есть увеличить шансы закрепить данный мандат за определенной политической партией.

Система была названа в честь математика и юриста Виктора Д’Ондта и данное наименование метода используется в Европе.

В США метод известен как метод Джефферсона, который очень с ним схож [5. Г. 4. § 4.1.3]. Стоит также подчеркнуть, что рабочие методы избирательной системы были закреплены в Акте об избрании представителей в Европейский парламент всеобщим прямым голосованием [6. Статья 1. Приложение 2].

Суть метода можно рассмотреть с двух точек зрения: математического и политического. Если изучать первый вариант, данный метод является математической системой усреднения с использованием делителей. Конкретнее – обычный делитель с 1,2,3 заменяется на 1,3,5,7, чтобы партии с меньшими голосами смогли получить свой мандат, то есть суть метода в последовательности распределяемых мест. Формула расчета: $V / S + 1$, где V – это количество общих голосов, S – это число полученных мандатов [7. Г. 4. § 4.1.3]. То есть последовательность распределения мандатов меняется со сдвигом в пользу политических групп с меньшим политическим весом в сравнении с самой крупной партией. В итоге, ясен принцип – дать мандат в тот момент тем, у кого «цена» мандата будет выше. Политическую суть метода очень четко подчеркнул Б. А. Велихов, который сравнил систему с аукционом, а также отметил, что политические группы оплачивают мандаты своими голосами, и каждый следующий «товар» получает именно та партия, которая может предложить самое большое количество голосов из расчета на один мандат [8. Г. 4. § 4.1.3].

Также существуют другие методы перераспределения мандатов. Например, метод Делителей Империи, метод Хэйра – Нимейера, метод Сент-Лагю. Для оценки справедливости распределения мандатов есть два численных критерия: индекс Лусмора – Хэнби, показывающий сумму модулей разности доли мандатов, которые получает каждая партия; критерий степени неравенства партий, заключенный в сумме модулей разности «цены» мандатов для каждого списка от средней «цены» манда-

та [9. С. 170]. Исследовав показатели различных избирательных систем, можно утверждать, что метод Делителей Имперали является самым недемократичным, который действует в пользу партий с наибольшим весом; метод Хэйра-Нимейера и метод Сент-Лагю считаются «золотой серединой», так как они благоприятствуют политическим группам с наименьшим весом, что наделяет методы элементами демократичности. Таким образом, понятно, что парламент не может склониться к абсолютному доминированию в виде метода Имперали, но и не имеет возможности не дать преимущества в виде мандатов самым влиятельным партиям. В сравнительной характеристике система Д'Ондта занимает место «нерадикального покровителя» партий-лидеров, выделяя из списка групп крупные партии, предоставляя большее количество мандатов, но также и дает самый минимум для малых групп в отличие от метода Имперали, который абсолютно обделяет маленькие политические группы мандатами. Тем не менее, следует отметить, что элемент непропорциональности свойственен всем формулам расчета, так как нет ни одной системы, которая дала бы одинаковое количество мандатов всем политическим группам.

Рассматривая конкретно систему Д'Ондта в Европейском парламенте, важно понимать взаимосвязь принципа равенства голосов, количества мандатов и числа политических групп. В контексте парламентской фрагментации, которая обуславливается большим количеством партий, невозможно обеспечить полную пропорциональность в распределении мест. Теоретически можно представить такой вариант развития, однако в таком случае целое число мандата станет дробным, что усложняет математические расчеты и работу парламента. Также это приведет к замедлению процесса выработки работоспособной системы и формированию стабильного большинства [10. С. 4]. Таким образом, метод Д'Ондта является инструментом перераспределения

мандатов между политическими группами в Европейском парламенте, который в обычной жизни напоминает торги или аукцион. У кого больше цена – тот и победил. Демократична ли эта система? Простой и одновременно сложный вопрос. Если исходить из определения демократии как политического режима, в котором учтены мнения всех представителей и отражены в реальных результатах их деятельности, то ответ – нет [11. Г.1. С. 7]. Однако если учитывать всю сложность функционирования работы в Парламенте и необходимость следования демократическим ценностям, которые так важны для европейцев, ответ – возможно. Последний ответ базируется на наблюдении, которое показало, что уровень «демократичности» метода Д’Ондта возрастает с тем, как возрастает количество мандатов, представленных для распределения в Европейском парламенте.

Соответственно, подводя итоги исследования данного вопроса, необходимо понимать современные стремления Европы к демократии при условии многоуровневого устройства такого важного интеграционного объединения, как Европейский союз. При углубленном рассмотрении метода Д’Ондта с учетом идеализированных целей и реальных возможностей вытекает логичный вывод о том, что система является «заложником» между двумя описанными компонентами и выступает в качестве вынужденной меры избирательной системы. Конечно, демократичный вариант развития перераспределения мандатов подразумевает исключения покровительства в чью-либо сторону. Тем не менее, это невозможно ввиду многих рациональных причин, поэтому при выборе любого метода избирательной системы члены политических групп Европейского парламента столкнутся с отклонениями от «канонов» демократии не в свою пользу. Партии с наименьшим политическим весом вынуждены выбрать стратегию заключения избирательных пактов, которые дают больше шансов на получение мандатов, а также носят некий предпре-

деляющий характер распределения мест в Парламенте, что и обуславливает сравнение метода Д'Ондта с аукционом [12. С. 52]. В данном случае корректное описание всей проблематики вопроса будет звучать так: «Демократия настолько хороша, что в реальной жизни невозможна в чистом ее проявлении».

ЛИТЕРАТУРА

1. Runciman D. The Confidence Trap: A History of Democracy in Crisis from World War I to the Present-Revised Edition. Princeton : Princeton University Press, 2017. 393 p.

2. Gallagher M. Proportionality, disproportionality and electoral systems // Electoral studies. 1991. Vol. 10, № 1. С. 33–51.

3. Мирошников С.Н. Институты Европейского Союза: структура, функции, процесс принятия решений : учеб. пособие / под ред. В.П. Зиновьева, А.Г. Тимошенко. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. 142 с.

4. European Parliament: Organisation and rules // The President. URL: <https://www.europarl.europa.eu/aboutparliament/en/organisation-and-rules/organisation/the-president> (access date: 04.03.2021).

5. Любарев А.Е. Избирательные системы: российский и мировой опыт. М. : Новое Литературное Обозрение, 2016. 787 с.

6. Council Decision of 25 June 2002 and 23 September 2002 amending the Act concerning the election of the representatives of the European Parliament by direct universal suffrage, annexed to Decision 76/787/ECSC, EEC, Euratom // EUR-lex. Access to European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32002D0772&qid=1617442233041> (access date: 05.03.2021).

7. Любарев А.Е. Избирательные системы: российский и мировой опыт. М. : Новое Литературное Обозрение, 2016. 787 с.

8. Любарев А.Е. Избирательные системы: российский и мировой опыт. М. : Новое Литературное Обозрение, 2016. 787 с.

9. Любарев А.Е. Распределение мандатов между партийными списками на региональных выборах в России // Политическая наука. 2019. № 1. С. 165–185.

10. Poptcheva E.M. Understanding the D'Hondt method. Allocation of parliamentary seats and leadership positions // Briefing, European Parliamentary Research Service. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637966/EPRS_BRI\(2019\)637966_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637966/EPRS_BRI(2019)637966_EN.pdf) (access date: 09.03.2021).

11. Hyland J.L. Democratic theory: the philosophical foundations. Manchester : Manchester University Press, 1995. 280 p.

12. Pilet K. The selection of candidates for the European Parliament by national parties and the impact of European political parties // European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2009/410683/IPOL-AFCO_ET\(2009\)410683_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2009/410683/IPOL-AFCO_ET(2009)410683_EN.pdf) (access date: 10.03.2021).

СЕКЦИЯ VIII. ГОРОДСКАЯ И СЕЛЬСКАЯ ИСТОРИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 94(470)

Л.Э. Алехина

СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ УРАЛА В 1990-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКРЫТЫХ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)

Статья посвящена исследованию социальной общности жителей уральских закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), градообразующие предприятия которых относятся к ядерному оружейному комплексу России. Историческая реконструкция этой темы тесно связана с проблемами развития всего российского социума в период активных общественных трансформаций 1990-х годов.

Ключевые слова: социальная общность, социальные характеристики населения, закрытые города, закрытое административно-территориальное образование (ЗАТО), ядерный оружейный комплекс, Урал

Атомные закрытые города представляют собой специфическое социально-территориальное пространство, имеющее ряд отличительных особенностей: принадлежность к ядерному оружейному комплексу, физическую изолированность, установление особого режима безопасного функционирования и охраны государственной тайны. В настоящее время на территории Российской Федерации насчитывается 10 населенных пунктов, находящихся в ведении Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и имеющих юридический статус «закры-

того административно-территориального образования» (ЗАТО). 5 из них расположены на Урале: Озерск, Снежинск, Трехгорный (Челябинская область), Лесной и Новоуральск (Свердловская область) – 1.

С момента создания и в процессе развития ЗАТО под воздействием различного рода режимных, административных, экономических и социокультурных факторов на территории этих населенных пунктов складывалась особая социальная общность, отличающаяся от стандартной модели социума малых городов нашей страны. В период активных политических, экономических и социокультурных трансформаций 1990-х годов атомные закрытые города стали ареной разнообразных и противоречивых социальных процессов. Изучение этих процессов позволит лучше понять те явления, которые происходят на территории российских атомных ЗАТО в настоящее время.

Развитие первоначального «социального ядра» населения атомных закрытых городов и первые проявления специфических особенностей социальной среды напрямую были связаны с деятельностью градообразующих предприятий. Традиционная система комплектования кадрового состава режимного предприятия предусматривала строгий многоуровневый отбор работников. Отличительной чертой населения закрытых городов являлся высокий уровень образования и «концентрация» кадров научно-технической интеллигенции и других специалистов. Высокий образовательный и интеллектуальный уровень, демонстрируемый практически во всех возрастных группах, определял и традиционно высокие социальные запросы населения [1. С. 20–21].

За пару десятилетий на территории атомных закрытых городов из различных исходных частей сформировалось локальное сообщество, привлечение новых больших масс людей прекратилось, социальная структура стала более стабильной и однород-

ной. Дальнейшее развитие происходило в основном за счет местных и окрестных людских ресурсов [2. С. 88]. Исследователи фиксируют значительные изменения в картине миграционного потока в атомные ЗАТО в 1990-е годы. В. А. Тихонов отмечает, что, если до 1990 г. жители «открытых» городов составляли более 80% прибывших, то в начале 1990-х в миграционном потоке преобладали местные жители, получившие профессиональное образование за пределами родного закрытого города и решившие вернуться обратно (примерно 2/3 прибывших) [3. С. 7].

Государство, оставаясь несмотря на конверсию производства основным заказчиком градообразующих предприятий, продолжало и в 1990-е годы оказывать значительное влияние на процессы, протекавшие на территории атомных ЗАТО. Однако активные

изменения российской действительности рассматриваемого периода грозили разрушением сформировавшихся и устоявшихся в советское время структур стабильной социальной организации закрытых городов. Падение уровня доходов и качества жизни значительной части населения ЗАТО в 1990-е годы привело к снижению привлекательности закрытых городов в глазах людей. Большинство жителей считали, что их финансовое состояние ухудшилось в период с 1992 по 1999 годы: в разных ЗАТО такой ответ дали от 85 до 96% респондентов [3. С. 10].

В целом, опираясь на существующие исследования [3–6], можно выделить ряд факторов, негативно влиявших на жизнедеятельность и перспективы развития атомных закрытых городов в рассматриваемый период:

1. Уменьшение числа занятых на градообразующих предприятиях. Этот процесс, потенциально приводящий к снижению численности населения закрытых городов, являлся также причиной изменения «квалификационного состава» жителей ЗАТО: снижалось количество инженерно-технических работников,

увеличивалось число занятых в таких отраслях, как торговля, строительство и транспорт.

2. Отъезд из ЗАТО наиболее активной части населения (в основном молодежи).

3. Устаревание инженерной инфраструктуры ЗАТО, что влияло на качество жизни и снижало их привлекательность для населения.

В условиях социальной, экономической и политической турбулентности на повестке дня встал вопрос о дальнейшем существовании и развитии ЗАТО. Вне закрытых городов статус этих административно-территориальных образований воспринимался скорее как советский пережиток, а их открытие – как элемент демократизации. Однако у большинства местных жителей подобные инициативы не находили поддержки, поскольку закрытость создавала своеобразное ощущение защищенности. Кроме того, закрытость позволила в качестве константы самоопределения сохранить понятие «родной город» [4. С. 12]. В «Программе развития системы образования г. Новоуральска на период до 2005 года...», разработанной в 2000 г., можно найти следующие формулировки, описывающие горожан: «В городе сложилось ... сообщество, имеющее свои традиции. ... У жителей города сформировано чувство “Мы – новоуральцы”» [7. Ф. 37. Оп. 1. Д. 42. Л. 51]. Четко прослеживается наличие такого критерия идентичности как сходство ценностных ориентаций населения атомных закрытых городов. Так, в частности, относительное единство взглядов жителей Озерска, схожесть их культурных стереотипов отражают результаты большинства соцопросов, касающихся широкого спектра вопросов – от деятельности местных средств массовой информации до организации и проведения массовых городских мероприятий [См.: 4. Ф. 3. Оп. 1. Д. 74].

В период активных разноректорных изменений общность жителей уральских атомных ЗАТО, как и прежде, сохранила

слабую дифференцированность, и как следствие – высокую степень солидарности. Обозначенные характеристики существенно отличаются от описания практики взаимодействия в социальной среде большинства российских городов в 1990-е годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковригина В.А. Особенности социальной среды в закрытых административно-территориальных образованиях // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 5. С. 19–23.
2. Плюснин Ю.М. «Свой» и «чужие» в русском провинциальном городе // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. 22, № 3. С. 60–93.
3. Tikhonov V. Russia's Nuclear and Missile Complex. The Human Factor in Proliferation. Washington D.C. : Carnegie Endowment for International Peace, 2001. 125 p.
4. Константинова А.Г. Бинарная оппозиция «свой – чужой» в реалиях закрытых атомных городов 1990-х годов (на примере закрытых административно-территориальных образований Урала) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 1–2. С. 9–13.
5. Константинова А.Г. Эмиграция из закрытых административно-территориальных образований атомной промышленности в 1990-е годы: тенденции и последствия // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. № 4. С. 45–50.
6. Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. Новые тенденции в развитии закрытых административно-территориальных образований (на примере ЗАТО атомной промышленности) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. Т. 7, № 6. С. 120–131.
7. Муниципальное казенное учреждение Новоуральского городского округа «Городской архив».
8. Муниципальный архив Озерского городского округа.

И.В. Баранова

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НЕМЦЕВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ – ОРИЕНТАЦИЯ НА ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГЕРМАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

При организации немецкой благотворительности в Санкт-Петербурге применялся опыт осуществления подобной деятельности на территории Германских государств. Благотворительность немецкой диаспоры в городе на Неве была направлена на поддержку различных социальных групп, а также заключала в себе меры направленные на предупреждение бедности. По аналогии с благотворительными учреждениями, созданными на территории Германских государств, в Санкт-Петербурге были основаны союзы для помощи бедным, общества диаконис, Дом трудолюбия, Евангелическое общество молодых людей и иные организации.

Ключевые слова: немецкая благотворительность, немцы, Санкт-Петербург, Германские государства, социальная помощь

Санкт-Петербург в XIX – начале XX века считался одним из крупнейших благотворительных центров Российской империи [1. С. 119]. Благотворительная деятельность в городе включала в себя и иностранную благотворительность, в частности немецкую. В Санкт-Петербурге создавались благотворительные общества, в состав которых входили как германские подданные, так и выходцы из Германии, ставшие подданными Российской империи. Немецкие благотворительные общества оказывали разностороннюю помощь лицам, нуждающимся в материальной и духовной поддержке.

В жизни Санкт-Петербургских немцев особое значение имела церковно – приходская благотворительность. Некоторые благотворительные организации при общинах были созданы наподобие

бие уже существовавших на территории немецких земель. В качестве примера можно привести «Женский Союз помощи бедным» при Петрикирхе. В октябре 1843 г. пастор кирхи Св. Петра в Санкт – Петербурге Г.Г. Фроман в присутствии еще одного пастора и прихожан сделал доклад о “Союзе для попечения бедных и больных”, созданном Амалией Зивекинг в Гамбурге. В результате при общине Св. Петра был организован женский Союз помощи бедным по образцу гамбургского союза [2. С. 138]. Данный союз помощи, созданный при Петрикирхе – одна из первых организаций в сфере немецкой церковно – приходской благотворительности, которая на постоянной основе осуществляла благотворительную деятельность. До создания данного союза помощь нуждающимся оказывалась лишь разовыми акциями. Участие в деятельности союза принимали различные слои населения, оказывая безвозмездную помощь больным и нуждающимся. Союз помощи бедным помимо оказания материальной помощи, создал «Объединение швей», предоставляющее работу малоимущим женщинам, имеющим навыки и опыт в швейном деле. Как отмечает Т.Н. Таценко, по аналогии с гамбургским союзом пастор Лампе в 1887 году при общине Св. Петра основал союз для попечения и лечения бедных и больных. Членами союза были 19 врачей, которые приходили к больным и раздавали лекарства. Пастор Лампе навещал больных, оказывая им духовную поддержку.

При лютеранских общинах и медицинских учреждениях Санкт-Петербурга образовывались общества сестер милосердия, называемые обществами диаконис. Сестры милосердия ухаживали за больными и могли осуществлять уход за детьми, если при медицинских учреждениях функционировали детские приюты. Одна из таких диаконий существовала при Евангелической больнице, руководителем общины сестер милосердия являлся пастор церкви при этой больнице. В помощь ему назначалась

начальница сестер милосердия. Согласно с уставом диаконии: «Сестры милосердия никакого содержания не получают. За то община принимает на себя попечение о сестрах милосердия как во время их службы, так и в случаях неспособности их к труду, вследствие болезни или старости» [3. Л. 176]. По свидетельству Э. Мюнстенберга институт диаконии получил широкое распространение в Германии, где в конце XIX века несли службу около 20 000 диаконов [4. С. 112].

В Санкт-Петербурге при медицинских учреждениях, созданных выходцами из немецких земель, служили как сестры милосердия, так и братья милосердия. В качестве примера учреждения, в котором служили братья милосердия можно привести приют хроников для мужчин в Лесном корпусе. В 1903 г. при приюте было создано заведение диаконии, в котором получали образование не только местные ухаживающие за больными, но и желающие стать сестрами или братьями милосердия из других евангелических учреждений. Завершающее обучение воспитанников происходило в приюте Св. Стефания в Ганновере. «Постояльцам приюта оказывали помощь братья Ганноверского приюта (богадельни) Св. Стефания» [5. С. 231]. Данный факт помогает проследить преемственность и связь с немецкой благотворительностью.

При организации немецкой благотворительности в Санкт-Петербурге применялась Эльбердфельская система призрения бедных. Данная система была создана в 1852 г. в немецком городе Эльбердфельде и предусматривала оказание социальной поддержки обездоленным людям, чтобы те не оказались на «дне» общества» [6. С. 58]. При применении Эльбердфельдской системы изучались условия жизни бедных и причины бедности, принимались меры к предупреждению и устранению таковой. Из немецкой благотворительности была перенята традиция личного участия благотворителей в деле попечения, что особенно

было важно для оказания помощи детям. Попечители препятствовали развитию профессионального нищенства, так как были хорошо осведомлены об истинных целях нуждающихся. Благотворительными обществами и учреждениями составлялись сметы и отчеты по всему делу призрения бедных, позволяющие контролировать расходование средств по назначению. При организации российской благотворительности денежная отчетность не имела системного характера.

В Санкт-Петербурге действовали организации преследовавшие задачи предупреждения бедности путем предоставления нуждающимся лицам работы. Несколько видов подобных учреждений функционировало на территории Германских государств. В немецких землях для помощи бродягам существовали три вида призрения: странноприимные рабочие дома, рабочие колонии и продовольственные станции. Что касается рабочих домов, то они создавались как с принудительным трудом, так и на добровольной основе. Побывав в Германии и изучив опыт организации рабочих домов, О.О. Буксгевден принял участие в создании на территории Российской империи схожих работных домов, в которых был задействован добровольный труд. Такие дома получили название домов трудолюбия. получивших название Домов Трудолюбия. Один из таких домов был создан при его участии в Санкт-Петербурге по инициативе пастора евангелическо-лютеранской церкви Св. Марии Альберта Мазинга и получил название Евангелический дом Трудолюбия [7. С. 49].

С 1896 года в городе на Неве существовала гостиница «Zur Heimat» (ночлежка по образцу ночного приюта, основанного в 1854 году в Бонне для пристанища ремесленников). Из Германии был перенят опыт организации посреднической конторы для приискания мест прислуге. «Что касается форм предупредительной помощи нуждающимся, то она применялась пока лишь в виде содействия по приисканию мест прислуге. С этой целью

в С. – Петербурге с 1 августа 1901 года была учреждена посредническая контора, организация которой была скопирована с Мюнхенской городской конторы» [8. С. 145].

Особое внимание при организации немецкой благотворительности уделялось заботе о подрастающем поколении и молодых людях. В Петербурге для молодых людей было создано Евангелическое общество молодых людей, перенятое из германского опыта организации благотворительности. Его целью было предупредить религиозное падение и не дать молодежи встать на ложный путь. Данное общество входило в состав «Союза Евангелических обществ молодых людей в России» С началом Первой мировой войны в качестве повода для закрытия общества послужило обвинение в том, что «Означенное общество... вступило в связь с существующими в Германии подобными учреждениями, получая при посредстве Генерального Секретаря Всемирного Союза денежные восполнения» [9. С. 165].

Механизмы социальной помощи, ориентированные на опыт организации благотворительности в немецких городах, успешно функционировали в городе на Неве. Немецкие благотворительные общества способствовали созданию и развитию учреждений, соприкасающихся со сферой благотворительности. Немецкая церковно-приходская благотворительная деятельность помимо нравственной поддержки и наставления на путь истинный, способствовала решению вопросов сохранения здоровья прихожан, касающихся медицины и вопросов воспитания и попечения детей, касающихся педагогики. Немецкие благотворительные общества привнесли в Россию традицию фундаментальной благотворительности, существовавшую на их исторической родине.

При организации благотворительности в настоящее время может быть применена практика благотворительной деятельности прошедших столетий. Исследование применения опыта функционирования немецкой благотворительности, при органи-

зации благотворительности немцев в Санкт-Петербурге имеет не только теоретическое значение, но и может быть применено на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобровников В.Г. Благотворительность и призрение в России. Волгоград : ВолгГТУ, 2000. 208 с.
2. Таценко Т.Н. Гамбург и евангелическо-лютеранские общины Санкт-Петербурга // Санкт-Петербург-Гамбург. Балтийские побратимы. СПб., 2007. С. 131–147.
3. Центральный Государственный Исторический Архив города Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 569. Оп. 13. Д. 1129.
4. Мюнстерберг Э. Призрение бедных: Руководство к практической деятельности в области попечения о бедных. СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1900. 332 с.
5. Вернер А.В. Из истории Лютеранских приходов Санкт-Петербургской губернии // Немцы в России. Петербургские немцы. Российская академия наук. СПб., 1999. С. 231.
6. Иванова Е.В., Иванова Ж.Е. Зарубежный опыт социальной работы в рамках российской благотворительности. М., 2001. 145 с.
7. Баранова И.В. Благотворительность немцев в Санкт-Петербурге: вклад пастора А. Мазинга в создание и организацию деятельности «Евангелического дома Трудолюбия» // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С 48–53.
8. Благотворительность в России. СПб. : Типо-литография Н.Л. Ныркина, 1907.
9. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 367 а.

М.М. Дунаевская

**«ТРУДИЛИСЬ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ!»:
СТУДЕНЧЕСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
И ГОРОД В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В статье, с применением материалов томской периодической печати, рассматривается общественно-городская жизнь студенчества Томского государственного университета в годы войны. При работе с данными источниками был применен историко-описательный метод, метод «плотного описания». В результате охарактеризована повседневность студентов университета в условиях тылового города в военное время, при которых особое внимание уделялось оказанию помощи фронту, городской промышленности и сельскому хозяйству.

Ключевые слова: студенчество, Томский государственный университет, Великая Отечественная война, помощь фронту

В отечественной историографии, начиная с 50-х г. XX в. изучаются вопросы, посвященные высшему образованию в период Великой Отечественной войны. В данных работах рассматривались: организация учебного процесса, подготовка специалистов, научные исследования образовательных коллективов, их бытовая жизнь и помощь фронту. Однако, крайне редко анализируется студенчество как отдельная социальная группа, хотя именно советская учащаяся молодежь являлась основной рабочей силой того времени. Таким образом, в центре внимания данного исследования рассматривается студенчество Томского государственного университета как самостоятельный элемент в системе высшего образования в рамках ее общественной значимости помощи тылу и фронту.

В исследовании использовались разнообразные исторические источники: материалы периодической печати (газета «Красное

знамя»), источники личного происхождения (воспоминания), делопроизводственные материалы (приказы ректора).

С началом Великой Отечественной войны значительная часть томского студенчества ушла на фронт. Для оставшихся же студентов условия учебной и научной деятельности кардинально изменились в связи с необходимостью оказания повсеместной помощи и поддержки страны. На первый план вышли задачи содействия фронту, помощи промышленности города, медицине и сельским предприятиям. Буквально с первых дней войны студенты и студентки включились в работу по дальнейшему укреплению экономической и оборонной мощи страны. На митингах, которые состоялись во всех вузах и техникумах Томска, обучающимися было принято решение – провести летние каникулы на промышленных и строительных объектах и сельскохозяйственных работах [1. С. 1].

Традиционным для того времени было обращение следующего типа:

«Мы, студенты группы 1-С первого Сибирского университета, отказываемся от каникул и остаёмся в Томске для того, чтобы встать на рабочие места наших товарищей, ушедших на фронт. Будем работать штукатурами, чернорабочими, плотниками, столярами и т.д. Стахановской работой поможем, товарищи, нашей родной Красной Армии в ее героической борьбе с кровожадным врагом! Студенты: З. Мерзлякова, И. Замосковцев, Г. Осинцев, Л. Кожевникова» [2. С. 2].

Движение приняло массовый характер. Вузовские комитеты ВЛКСМ превратились в боевые штабы. Ими была проведена масштабная организационная работа по обеспечению занятости студентов в условиях военного времени. Так, уже с первых чисел июля около 400 студентов университета устроились строителями, а также на заводы и в пригородное хозяйство Томторга. Ключевым аспектом в их распределении являлся принцип спе-

циализации для максимального достижения производительности труда [1. С. 1].

В рамках оказания помощи местному сельскому хозяйству коллектив университета принял решение участвовать в летних сельскохозяйственных работах. Студенты, преимущественно девушки, выезжали в пригородные колхозы, чтобы помочь им своевременно закончить прополку, сеноуборку и хлебоуборку [3. С. 2]. Многие работали и на подсобных хозяйствах предприятий. Вплоть до 15 октября 1941 г. более 400 студентов и сотрудников находились в колхозах Томского, Кожевниковского и Туганского районов Новосибирской области. Эта практика сохранилась и в последующие военные годы [4. С. 2]. Такие выезды сопровождалась организацией культурно-массовых мероприятий, параллельно осуществлялась политико-просветительская деятельность среди местного населения.

Сельскохозяйственные работы имели сезонный характер, поэтому студенты университета были больше задействованы в городских производственных работах. В частности, они трудились в качестве монтеров, слесарей и мастеров на Томской электростанции [6. С. 2].

С августа 1941 г. во время проводимых воскресников студенты городских вузов принимали активное участие в прокладке новых дорог.

С осени 1941 г. в город стали прибывать эшелоны, на которых из европейской части страны эвакуировали оборудование промышленных предприятий. Его следовало ввести в эксплуатацию в максимально короткие сроки и наладить производство военной продукции для нужд фронта. В связи с этим, работники университета принимали активное участие в строительстве железнодорожных путей к соответствующим промышленным корпусам, где и разместились эвакуированные предприятия. Так, 11 сентября 1941 г., по инициативе студентов транспортного

университета, началось строительство железнодорожной ветки от Томска-II до Северного военного городка, где был размещен завод «Шарикоподшипник», эвакуированный из Москвы. Дорогу планировали закончить к годовщине Октябрьской революции. Были проведены митинги с призывом выйти на строительство 12 октября. В этот день на работы вышло 600 студентов из всех вузов города [7. С. 2].

Многие студенты начинали трудиться на создаваемых предприятиях, например, на заводе № 355 (тогда он находился в главном корпусе ТГУ), весовом заводе, заводе «Шарикоподшипник» и Томском электромеханическом заводе [8. С. 1].

В мае 1943 г. началось строительство новой тепловой электростанции (ГРЭС-2) в районе Томск-I. Так, 12 числа на строительство вышли обучающиеся университета, мединститута и ряда других учебных заведений. «Личный труд на стройке электростанции – патриотический долг. Все – на строительство электростанции!» – таковы были лозунги присутствовавших коллективов, осознавших значение ее строительства для дальнейшего роста промышленности Томска [9. С. 2].

Часто студенты сами брали инициативу в свои руки и отправлялись на добровольные работы. Так, 14 декабря 1943 г. I курс историко-филологического факультета, II курс факультета географии вместе с III и IV курсами геолого-почвенного факультета вышли расчищать снег на дороге в районе станции Томск-I. Впоследствии приказом ректора университета им была объявлена благодарность [5. С. 204].

Однако не все студенты осознавали всю серьезность положения военного времени. Некоторые избегали участия в строительстве и работах в колхозах и на предприятиях, «прикрываясь медицинскими справками» [10. С. 86]. По распоряжению ректора университета Я.Д. Горлачева деканам факультетов было предписано выявлять и отчислять таких студентов [5. С. 202].

Во время войны университетами большое внимание уделялось шефству над госпиталями. С первых дней боевых действий Томским университетом были организованы курсы медсестер и две санитарные дружины. На них сразу же записывались студентки и научные работницы. В течение четырёх месяцев, начиная с 1 июля 1941 г., курсантки изучали новые для них дисциплины: санитарно-химическую защиту, рецептурную фармакологию, хирургию с основами травматологии, инфекционные заболевания и др. Члены санитарных дружин посещали лекции по оказанию первой помощи, уходу за ранеными и пострадавшими от токсичных веществ, транспортировке раненых и т.д. [11. С. 1].

Студентки, прослушавшие медицинские курсы, начинали работать в госпиталях Томска, один из которых находился в здании по проспекту Кирова, 15 (ныне – кинотеатр «Октябрь»). Им приходилось дежурить у тяжелораненых больных, наблюдать за ними во время переливания крови, очищать глубокие и гнойные раны, делать перевязки [12. С. 161–162]. Для раненых солдат организовывался досуг в различных формах – беседы, лекции, концерты и т.д.

Наряду с этим, проводились сборы денежных средств на строительство боевых самолетов. В 1942/43 учебном году преподавателями и студентами университета было объявлено о сборе средств на постройку авиаэскадрильи «За Родину». На всех факультетах и в общежитиях были проведены митинги, и одновременно происходил денежный сбор. Суммарно студентами было собрано 45.000 рублей, минимальный взнос составил 100 рублей. [13. С. 1]. К концу дня 21 января 1943 г. было собрано более 200 000 рублей. Коллектив университета послал телеграмму И.В. Сталину о своем участии в сборе средств на эскадрилью сибирских самолетов [14. С. 1].

В это же время, в феврале 1943 г., было собрано 201 545 рублей на строительство самолетов «Томский университет». Как и в

прошлый раз, коллектив университета сообщил о своих успехах И.В. Сталину, который поблагодарил их в ответной телеграмме [15. С. 1].

Преподаватели и студенты собирали теплые вещи для бойцов, отправляли им посылки и подарки (таблица) [16. С. 14–15].

**Сбор вещей и денежных средств коллективом
Томского государственного университета в период
Великой Отечественной войны**

Учебный год	Количество собранных вещей и денежных средств
1941/1942	4 635 теплых вещей
1942/1943	I семестр – 500 теплых вещей и 100 книг; II семестр – 413 теплых вещей, посылок на сумму 50 000 рублей
1943/1944	Родарки на сумму 2 360 рублей воинам 79-й Сибирской гвардейской дивизии

Таким образом, в эти трудные годы, когда работа всех учреждений города и области, всех слоев населения выражалась в разнообразных формах всенародного движения в помощь фронту – «Все для фронта, все для победы!», студенчество как молодая рабочая сила, приняло в нем самое активное участие, помогая промышленности города, медицине, сельским предприятиям. Студенты Томского университета постоянно проявляли себя в этом деле, о чем свидетельствуют неоднократные упоминания их успехов на страницах газеты «Красное Знамя» за разные годы военного периода. Помимо физической помощи, они оказывали и морально-материальную поддержку фронту, работая в госпиталях, собирая деньги на постройку военной техники и на отправку подарков для солдат.

В целом, все эти действия носили патриотический характер, который был обусловлен непосредственным участием и контролем со стороны партийных и комсомольских организаций, а также – всей идеологической составляющей СССР. Однако нельзя отменить факт, что именно народная помощь и поддержка внесли значительный вклад в достижение Победы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поддержать инициативу студенчества // Красное Знамя. 1941. 2 июля.
2. Крепкий тыл обеспечит победу на фронте // Красное Знамя. 1941. 26 июня.
3. На работу // Красное Знамя. 1941. 29 июня.
4. Томилова В. Бригада университета в колхозе // Красное Знамя. 1943. 22 авг.
5. Ульянов А.С. Томский государственный университет в годы Великой Отечественной войны. Томск, 2007. 258 с.
6. Филиппов К. Высокая производительность // Красное Знамя. 1941. 3 июля.
7. Пахомов М. На строительстве дороги // Красное Знамя. 1941. 14 окт.
8. Студенты пришли на заводы // Красное Знамя. 1941. 23 нояб.
9. Строительство электростанции в Томске // Красное Знамя. 1943. 12 мая.
10. Евсеев М.П. Вспоминая первые годы Истфака // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008. С. 86.
11. Евсеев М.П. Жены научных работников – слушатели курсов медсестер // Красное Знамя. 1941. 4 июля.
12. Соловьева В.А., Палагина В.В. Из воспоминаний студентов историко-филологического факультета Томского университета военных лет // С верой в Победу! Томский университет в годы Великой Отечественной войны. Томск, 2005. С. 161–162.
14. Прилипка. Студенты – фронту // Красное Знамя. 1943. 23 янв.
15. Спирин М. 200.000 рублей от университета // Красное Знамя. 1943. 22 янв.
16. Сталин И. гор. Томск. государственный университет им. Куйбышева. Ректору тов. Горлачеву Я.Д. // Красное Знамя. 1943. 25 февр.
17. Фоминых С.Ф., Ульянов А.С. Томский университет в годы войны // С верой в Победу! Томский университет в годы Великой Отечественной войны. Томск, 2005. С. 14–15.

М.Н. Дулякин

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ ДО ВЫХОДА УСТАВА О ССЫЛЬНЫХ 1822 г.

Проведен анализ развития правовой базы уголовной ссылки в Российской империи до выхода Устава о ссыльных 1822 г. Автор приходит к выводу – до появления в 1822 г. Устава о ссыльных данный вид наказания был представлен в российском уголовном праве в виде частных законоположений, носивших прецедентный характер.

Ключевые слова: Сибирь, ссылка, каторга, государственная политика, уголовное законодательство

В последние годы в исторической и юридической литературе поднимается вопросы, какое влияние имела ссылка на экономическое и социальное развитие Сибири. Чтобы ответить на эти вопросы необходимо проследить этапы становления ссылки как элемента карательной политики. В данной статье проводится анализ российского законодательства в области ссыльной политики до появления первого систематизирующего документа – Устава о ссыльных 1822 г.

Ссылка в Сибирь на протяжении многих веков являлась основным элементом карательной политики российского государства. Важной стороной этого процесса являлось юридическое оформление и правовое регулирование ссылки и каторги в имперском законодательстве. Этот процесс, как и сама система подобного наказания, постоянно развивался и совершенствовался.

В древнейшем русском праве первые упоминания о ссылке как виде наказания встречаются в судебниках Российского государства конца XV – начала XVI в., в соответствии с которыми за серьезные преступления в качестве наказания полагалась смертная казнь, а за менее важные – ссылка в «украинные и понизо-

вые» города. Прообразом ссылки на поселение является «выбытие вон из земли», вошедшее со времен Ивана IV в понятие опалы, представлявшее собой расселение жителей какого-либо города или местности целыми семьями по другим городам. В качестве примера можно сослаться на практику «вывода» сосланных бояр после присоединения Новгорода и Пскова к Москве.

Во второй половине XVI столетия в практику входит уже ссылка в определенное место, например, «в украинные города – Севск, Курск и другие по указу» 1582 г., когда ссылка выступает преимущественно как политическая мера.

Первое законодательное упоминание о ссылке в Сибирь встречается в Соборном уложении 1649 г.: в главе «О посадских людях» было определено наказание тем, кто будет пойман в самовольном оставлении своего места жительства: «А будет они впредь начнут за кого закладываться и называться чьими крестьянами, или людьми, и им за то чинить жестокое наказание, бить их кнутом и ссылать в Сибирь на житье на Лену». Здесь же имеется определение места каторжных работ в системе уголовных наказаний, которое предусматривало отправку преступников после тюремного заключения «в кандалах работать на всякие изделия, где государь укажет» [1. Т. 1. С. 56.2].

Присоединение Сибири открыло новый край для ссылки и дало правительству возможность воздерживаться от смертной казни и «членовредительных» наказаний, способствуя в то же время заселению и освоению новых земель. Таким образом, Сибирь стала местом массовой ссылки и каторжных работ, и продолжала оставаться им на протяжении нескольких веков. Неслучайно, у большинства жителей Российской империи понятие «Сибирь» ассоциировалась исключительно с местом ссылки.

Данное наказание особенное развитие получает в XVII в. С этого времени ссылка в Сибирь на каторгу и поселение приобрело общий законодательный характер. Посредством удале-

ния в Сибирь преступников (политических и уголовных, в равной степени) правительство решало сразу две задачи: карательную и колонизационную.

В течение второй половины XVII в. ссылка как уголовное наказание получает дальнейшее законодательное развитие в указах, которые в прецедентном порядке регулировали ссылку в Сибирь. Так, в грамоте от октября 1673 г. содержится требование о строгом надзоре за сосланными в Сибирь «изменниками и клятва преступниками» Запорожского войска, в указах от 10 сентября 1679 г. и 17 ноября 1680 г. вводилась ссылка преступников в Сибирь «на пашню с женами и детьми на вечное жительство» взамен отсечения им рук и ног, указом от 21 января 1691 г. запрещалось возвращение ссылных из Сибири без именного указа [1. Т. 1. С. 562]. Ссылка сопровождалась принудительными работами, но конкретизации в данном вопросе не обозначалось. Это приводило к массовым нарушениям режима: побегам, воровству, убийствам и другим нарушениям. В результате чего ссылных начали клеймить (Указ 1698 г.) [1. Т. 1. С. 1004]. Ссылные использовались для выполнения буквально любых задач – от строительства до освоения новых земель и создания пашенного сельского хозяйства.

В Соборном уложении в качестве места ссылки указывались только прибрежные районы реки Лены. Однако в последующие годы география таких поселений значительно расширилась. Документы тех лет позволяют определить города и окрестности, в которые направлялись ссылные: «Кроме Сибири... Архангельск (по Отписке 1649 г.), Холмогоры (по Выписке из дела о бунте Степана Разина), Устюг (по делу 1682 г.), Чаронда, Пустозерск (по Грамоте 1684 г.), Новгород (по Грамоте 1651 г.), Казань (по Указу 1664 г.), Симбирск (по делу 1682 г.), Самара (по Указу 1689 г.), Уфа (по Грамоте 1678 г.), Астрахань (по Грамотам 1666 и 1677 г.), Курск (по Указу 1686 г.), Азов (по Указам 1696, 1699 гг.), Пермь (по Грамоте 1684 г.)» и др. [2. Т. 3. С. 335].

В XVIII в. происходит дальнейшее развитие нормативной базы сибирской ссылки. Связано это было прежде всего с возросшим экономическим значением региона для империи в целом. Открытие и начавшаяся разработка даурских серебряных рудников, развитие горнорудной промышленности в Нерчинске, и, как следствие – дефицит рабочих рук – повлекли за собой появление целого ряда указов об отправке осужденных на каторгу на сибирские казенные заводы. Параллельно с этим идет постепенное расширение перечня преступлений, наказанием за которые следует ссылка в Сибирь. К таковым стали относиться нищенство, побег солдат, членовредительство и бродяжничество.

Каторжные работы как наказание, альтернативное смертной казни, и использование слова «каторга» происходит в правление Петра I. Изначально под которой подразумевалась отдача на тяжелые принудительные работы по строительству портов и крепостей. В частности, в указе 24 ноября 1699 г. в качестве наказания посадским людям за взятки было определено: «И тем людям... сказать смерть и положить на плаху, а от плахи подняв, бить, вместо смерти, кнутом без пощады и сослать в ссылку в Азов с женами и с детьми, и быть им на каторгах в работе» [2. Т. 3. С. 427].

В Сибири каторжные работы начинаются с начала XVIII в., с открытием даурских рудников и горных работ в Нерчинске. В Указе 1704 г. Петр I предписывал: «тех, которые кроме вышеописанных вин, по законам достойны смерти (за убийство, воровство, измену и бунт) бить кнутом и, запятив новыми пятнами, послать в вечную каторгу» [3. Т. 4. С. 95].

В 1714–1720 г. указами Петра I отдельным категориям преступников каторжными работами заменялась смертная казнь. Петр I понимал, что для обустройства государства и выполнения его указов нужны рабочие руки. Осужденные на каторжных работах отбывали срок или находились пожизненно. Согласно

Указу 1720 г. первые имели возможность свободного общения с семьями, а женам вторых разрешалось повторно выходить замуж или постригаться в монахини, поскольку их мужья отлучались навечно и как бы умирали для них.

Во второй половине XVIII в. продолжается практика использования каторжных работ вместо смертной казни. Указом от 29 марта 1753 г. смертная казнь была заменена вечной ссылкой: кто был приговорен к политической смерти, того после телесного наказания и вырезания ноздрей вместо плахи и виселицы приговаривали к вечной ссылке с рассмотрением в Сенате, а обвиняемые в «воровствах и разбоях» после телесного наказания и вырезания ноздрей «сосланы имеют быть в ссылку вечно» без рассмотрения в Сенате [4. Т. 13. С. 468].

Первая попытка распределения работ по важности преступлений была сделана лишь при императоре Павле I. Указом 1797 г. преступники были разделены на три разряда: первый следовало отсылать в Нерчинск и в Екатеринбург на работу в рудники на добычу золотых и серебряных руд и драгоценных камней; второй разряд – в Иркутск на местную суконную фабрику, а за отсутствием на фабрике рабочих мест – на поселение, третий разряд – осужденных в смирительные и рабочие дома и другие казенные работы, отсылать к крепостным строениям; но это различие не представляло чего-либо точно определенного; так, в следующем же году было разъяснено, что в крепостные работы можно направлять только мужчин, осужденных в рабочие дома на большие сроки [5. Т. 24. С. 780].

В XVIII в. было положено начало административному (вне-судебному) принудительному переселению – административной ссылке в Сибирь. Указ от 13 декабря 1760 г. разрешил помещикам ссылать в Сибирь своих крепостных крестьян, уличенных в «непристойных продерзностных поступках», а также предоставил крестьянским и посадским (затем мещанским) общинам

право приговаривать к ссылке «непотребных и вредных обществу людей» и бродяг на поселение в Сибирь. Сенатский указ от 6 августа 1762 г. предписывал выдавать ссыльно поселенцам безвозмездно хлеб и лошадей для посева, предоставлять возможность сопровождать суда с провиантом и т.д. Вводя эти меры, государство преследовало цели заселения и освоения региона, поскольку ссылать по приговорам помещиков и общин разрешалось только «годных к крестьянской и другой работе» мужчин не старше 45 лет, а семейных – с семьями [6. Т. 16. С. 39].

Во времена Екатерины II поселение снова появляется как самостоятельное наказание, с ярко выраженным стремлением к колонизации Сибири. Правительство предписывало наделять ссыльных землями, предоставлять им семена для посева и инвентарь для обработки почвы, освобождать на первое время от податей. Ссыльные сажались на казенную пашню, а неспособные причислялись к селениям старожилов. Однако эта система не была четко организована. Кроме этого, ссылка страдала отсутствием «правильной организации», что приводило к страшным беспорядкам на месте и делало призрачными все предположения правительства о колонизации азиатской окраины.

Таким образом, анализ российского законодательства позволяет проследить развитие ссылки и каторги. До появления в 1822 г. Устава о ссыльных данный вид наказания был представлен в российском уголовном праве в виде частных законоположений, носивших прецедентный характер. Каторжные работы сложились как альтернатива смертной казни и наказание за наиболее опасные для государства и подданных преступления. Ссылка в Сибирь как вид уголовного наказания, имевшая цель устрашения преступников, в дальнейшем трансформируется в наказание с экономическими задачами – территориального и хозяйственного освоения новых территорий Сибири, чему способствовало появление и административной ссылки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. (далее – ПСЗРИ-1). СПб., 1835. Т. 1. С. 1029.
2. ПСЗРИ 1. СПб., 1840. Т. 3, ч. 1. С. 690.
3. ПСЗРИ 1. СПб., 1840. Т. 4, ч. 1. С. 881.
4. ПСЗРИ 1. СПб., 1840. Т. 13, ч. 1. С. 957.
5. ПСЗРИ 1. СПб., 1840. Т. 24, ч. 1. С. 869.
6. ПСЗРИ 1. СПб., 1840. Т. 16, ч. 1. С. 1016.

УДК 94(47).084.3

М.К. Карначев

ЖИЛИЩНЫЕ РЕКВИЗИЦИИ В ТОМСКЕ В 1918–1919 ГОДАХ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА

В статье рассматривается роль жилищных реквизиций Чехословацкого корпуса в Томске. Выявлено представление о военнослужащих легиона, сложившееся в начале Гражданской войны. Изучены факты жилищных реквизиций под нужды Чехословацкого корпуса в Томске. Проанализирована трансформация образа легионеров. Сделан вывод о влиянии данного фактора на изменение образа представителей легиона в глазах жителей Томска.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, Томск, Чехословацкий корпус, жилищный вопрос, реквизиции

В изучении Чехословацкого корпуса сегодня внимание уделяется не только военным и политическим аспектам, но и истории повседневности – работы Е.П. Серапионовой [1], [2], ряд исследований технической помощи легионеров на территории России в годы Гражданской войны [3,4]. Это представляется актуальным и важным для истории данного периода в Сибири, позволяет расширить проблемное поле, переосмыслить извест-

ные сюжеты. Целью работы мы ставим выявить особенности влияния жилищных реквизиций на трансформацию образа чехословаков.

В середине июля 1918 года в столицу губернии прибыли две чешские роты, тогда же ожидалось появление ещё 4000 человек [5. С. 3]. Ко второй половине 1918 года в Томске была расквартирована 2-я чешская дивизия [6. С. 103]. Вместе с частями в городе стали появляться и сопутствующие им организации: лазареты и госпитали. Чехи были и среди слушателей эвакуированной Академии Генерального штаба. Участие корпуса в свержении советской власти и фактор этнической близости обусловили положительное отношение населения к иностранному военному формированию, которое поддерживалось официальными лицами и газетами с целью сохранения значительных военных сил для борьбы с большевиками. Комплементарное мнение жителей пресса формировала ещё до прихода эшелонов легиона [7. С. 2] и продолжила после июня 1918 года. Военнослужащие наделялись положительными чертами в соответствии с принадлежностью к славянам и положением, которое они заняли после падения власти большевиков. Легионеры неоднократно участвовали в парадах, которые сопровождалась случаями братания [8. С. 3]. Представители корпуса присутствовали на торжественных политических мероприятиях, принимали участие в работе разных съездов, конференций и совещаний. Для чешских частей, расположившихся в Томске, в течение 1918 года организовывались сборы средств [9. С. 3].

К моменту появления частей корпуса в городе уже сложилась напряженная жилищная ситуация. После начала Первой мировой войны тыловой Томск стал пополняться населением, что вызвало рост цен на жильё при ухудшении его качества. После февраля 1917 года началось выселение старых квартирантов, новым помещения сдавались за повышенную плату [10. С. 143].

Невзирая на борьбу арендаторов за свои права, к сентябрю снять любой вид жилья стало практически невозможно [10. С. 143]. Установление советской власти принципиально не изменило ситуацию, наблюдалось только медленное ухудшение квартирного вопроса.

Первоначально легионеры старались находить жильё путём аренды помещения через объявления в газетах [11. С. 4]. Многие части сосредотачивались на вокзалах Томск-I и Томск-II. Затем начались реквизиции. Главным образом, под постой брались здания разных учебных заведений [6. С. 103]. Школа Томского государственного университета была перемещена в здание Духовной семинарии [12. Л. 67]. Чешский госпиталь расположился в здании Томского политехнического училища [13. С. 3]. Было реквизировано женское епархиальное училище, при занятии которого применили «силу» [6. С. 104]. За освобождение здания первой мужской гимназии от чешского лазарета ходатайствовали директор, педагогический совет, родительский комитет и представители самоуправления, но по итогам нескольких разбирательств было принято решение о выселении всех её работников, проживавших там после передачи госпиталю [14. Л. 6, 18]. Уже в июле 1918 года поднимались вопросы об отсутствии квартир [15. С. 3], в августе ситуация была признана кризисной [16. С. 3]. В дальнейшем общее состояние городской среды ухудшалось: продолжилось прибытие военных формирований, с середины 1919 года начался наплыв беженцев. По данным на 13 ноября 1919 года, в городе без учета воинских чинов и лиц, не имевших продовольственные карточки, находилось 211.825 человек [17. С. 3]. Распространялись эпидемии и антисанитария. 23 августа 1919 года в «Сибирской жизни» была опубликована анонимная статья «Почему?», где автор задавал вопрос о неиспользовании под размещение вновь прибывающих Красных казарм и женского епархиального училища [18. С. 3],

занятых чехами (в статье они, однако, не назывались). Реквизиции легиона создавали сразу две проблемы. Во-первых, не давали полностью заселять большие помещения типа казарм, во-вторых, не давали использовать по назначению занятые учебные заведения. Еще большее ухудшение наступило с прибытием в город частей русской армии. Помещения, первоначально предназначенные для них, занимались чехами [6. С. 103–104], что вынуждало реквизировать иные [19. С. 3]. С постепенным откатом фронта на восток в Томск потянулись многочисленные беженцы. Прибывавшие в город уплотняли квартиры [20. С. 1], что вызывало неблагоустройство и антисанитарию. Вместо использования готовых к принятию людей помещений приходилось выделять средства на строительство новых домов [21. С. 1]. Так, фактор реквизиций легиона наряду с переполненностью города сыграл роль в том, что жилищная проблема к осени 1919 года стала катастрофической.

С созданием русских частей формирования корпуса перестали принимать активное участие в боевых действиях, перейдя в тыл. Их поведение вызывало у населения ненависть, доходившую до клича «Бей жида и чеха. Спасай Россию...» [6. С. 104]. Трансформация отношения фиксируется и в Томске. В мае стали вестись разговоры о постепенной эвакуации корпуса из России, следствием чего стало недовольство, выразившееся в идее возвращения чехов на фронт [22. С. 2] и распространении слухов о восстании чешских частей [23. С. 1]. 26 июля 1919 года в «Сибирской жизни» была опубликована статья профессора Аносова «Об отношении к иностранцам», где автор указывал на раздражение обывателей из-за пребывания легионеров не на фронте, их критику, тайную вражду и недоверие [24. С. 3]. К сентябрю вариант ухода чехов из Сибири стал реальностью. Нежелательность эвакуации была выражена в материале от 17 сентября [25. С. 2], скрытое недовольство проступало в статье А.В. Адрианова «К уходу чехов» [26. С. 3].

Таким образом, занятие чехами помещений, которые полностью не использовались, хотя способны были вместить больше людей, служило фактором кризисной ситуации в городе, что усиливало озлобление против легионеров населения, недовольного их нахождением в тыловых районах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серапионова Е.П. К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в.* СПб., 2011. С. 120–136.
2. Серапионова Е.П. Словаки в России в годы Первой Мировой и Гражданской войн (состояние историографии и проблемы исследований) // *Запад–Восток.* 2017. № 10. С. 79–87.
3. Дмитриев Н.И. К вопросу о роли чехословацкого корпуса в хозяйственной жизни белого Востока России // *История белой Сибири : тезисы IV научной конференции (6–7 февраля 2001 года).* Кемерово, 2001. С. 155–158.
4. Захаров А.М. «Теход»: хозяйственно-техническая деятельность Чехословацкого корпуса на территории России в 1918–1920 гг. // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* 2019. Т. 20, № 1. С. 266–270.
5. Прибытие чехов в Томск // *Сибирская жизнь.* 1918. 18 июля.
6. Сахаров К.В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. М., 2018. 501 с.
7. Адрианов А.В. Чехо-словаки – наши братья // *Сибирская жизнь.* 1917. 28 июля.
8. Чехословацкий эшелон в Томске // *Сибирская жизнь.* 1918. 6 июня.
9. В пользу раненых чехо-словаков // *Сибирская жизнь.* 1918. 19 июня.
10. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь Томска в 1917–1919 гг. // *Вестник НГУ. Серия: История, филология.* 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 141–150.
11. Дома. Квартиры. Дачи // *Сибирская жизнь.* 1919. 18 янв.
12. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1362. Оп. 3. Д. 35.
13. К эвакуации чехов // *Сибирская жизнь.* 1919. 27 нояб.
14. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 118.
15. Жилищный вопрос // *Сибирская жизнь.* 1918. 14 июля.
16. Квартирный кризис // *Сибирская жизнь.* 1918. 10 авг.
17. Количество населения в Томске // *Сибирская жизнь.* 1919. 13 нояб.
18. Почему? // *Сибирская жизнь.* 1919. 23 авг.

19. Пистой войск // Сибирская жизнь. 1919. 1 мая.
20. Аносов И.И. К «уплотнению» квартир» // Сибирская жизнь. 1918. 7 сент.
21. Жилищная политика // Сибирская жизнь. 1919. 5 февр.
22. К выступлению чехов // Сибирская жизнь. 1919. 25 июля.
23. К слухам о восстании в чешской армии // Сибирская жизнь. 1919. 27 июня.
24. Аносов И.И. Об отношении к иностранцам // Сибирская жизнь. 1919. 26 июля.
25. К уходу чехо-словаков из Сибири // Сибирская жизнь. 1919. 17 сент.
26. Адрианов А.В. К уходу чехов // Сибирская жизнь. 1919. 30 сент.

УДК 93

Т.С. Креницына

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ВЫБОРГА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ И ПРАКТИК

Статья посвящена градостроительному развитию города Выборга в советский период (1944–1991 гг.). На основании широкого круга исторических источников предложена периодизация советского градостроительства в Выборге, позволяющая проследить трансформацию архитектурно-строительных подходов и практик на присоединенных территориях.

Ключевые слова: советское градостроительство, Выборг, городские исследования, историческая урбанистика

Градостроительный облик города Выборг базируется на архитектурных традициях 4 государств – Германии, Швеции, Финляндии и России. Архитектурное наследие города в досоветский период обстоятельно изучено как в отечественной, так и в зарубежной историографии, в то время как советский период (1944–1991 гг.) описан недостаточно [1].

О различных аспектах советского градостроительства, главным образом, в контексте истории и защиты исторических па-

мятников, в основном говорили сопричастные развитию города люди: Ю.Л. Косенкова посвятила диссертационное исследование вопросам послевоенной архитектурной трансформации [2], Д.П. Фридлянд – один из создателей генерального плана 1986 года – осветил в обзорной статье трансформацию городского пространства Выборга во второй половине XX века [3]. Финские и российские участники комитета ICOMOS, изучающие историю отдельных памятников архитектуры, концентрировали свое внимание на вопросе сохранения памятников культурного наследия города [4], равно как и сотрудники проектных институтов, которые говорят о степени разрушения городского пространства в современную эпоху [5]. Однако рассмотрение вопроса трансформации архитектурных практик невозможен без изучения основополагающих документов градостроительной жизни города – генеральных планов застройки Выборга (1947/1952 [6]; 1963 [7] и 1986 [8]) – которые позволяют рассмотреть город как пример градостроительной конвергенции и напластования архитектурных стилей, проследить преемственность работы советских архитекторов с деятельностью их финских коллег предшествующего периода.

Специфика градостроительной истории состоит в том, что под ней традиционно понимается изучение опыта архитектурных и градостроительных решений, рассматривающих город как систему развития территории. С исторической точки зрения важным является понимание подготовительных этапов профессиональной деятельности градостроителя. В силу того, что градостроительная деятельность затрагивает социальные, экономические, инженерные, демографические и другие аспекты, изучение советского опыта генерального планирования в Выборге предполагает многоаспектность и междисциплинарный анализ. Потому рассмотрение исторических источников градостроительной истории Выборга возможно только в комплексе и

включает, помимо генеральных планов [9], анализ нормативно-правовых, ведомственных, делопроизводственных документов [10, 11], кино и фотоматериалов [12], а также материалов устной истории [5] и историографических источников [3].

Анализ комплекса исторических источников позволяет нам предложить периодизацию градостроительной истории города.

I этап – восстановление разрушенной в результате войны городской застройки. В этот период было разработано 2 проекта планировки города Выборга. Однако проект 1947 года, выполненный архитекторами Ленинградского отделения «Горстройпроекта» В.Н.Талепоровским и Ф. И. Милюковой, так и не был реализован. Город вплоть до 1952 года развивался по временным инструкциям. В 1952 году Ленинградским институтом «Гипрокоммунстрой» был выполнен «Проект планировки и застройки г. Выборга», который стал первым весомым шагом к регулярному строительству в Выборге. Этот документ, фактически, предопределил развитие Выборга до 1963 года в качестве районного промышленного центра, работающего в поддержку Ленинградскому промышленному району. Особое внимание к промышленности не случайно – она, не без оснований, рассматривалась как главный градообразующий фактор, обеспечивающий экономическую стабильность в регионе, базу для его дальнейшего развития.

II этап – разработка генерального плана Выборга 1963 г., созданного институтом «Ленгипрогор» (архитектор В.Я. Фогель). Данный план предлагал иной подход к градостроительной практике и функциональным задачам городского пространства: он предусматривал развитие Выборга не только как промышленного центра, но и как курортно-санаторной зоны Северо-Запада страны. Его реализация повлекла за собой массовую застройку города типовыми многоквартирными домами, что позволило несколько ослабить остроту жилищного вопроса. Особенностью

генерального плана В.Я. Фогеля являлась разработка функциональных зон. Подобное разделение территорий города, вкупе с выносом промышленных предприятий из селитебной зоны и исторического центра города, фактически стали первыми шагами к созданию в будущем проекта зон охраны и основой для градостроительства позднего советского периода.

III этап – разработка генерального плана 1986 года, выполненного авторским коллективом Выборгского филиала института «Ленгражданпроект» (архитекторы Д.П. Фридлянд, Н.А. Ли), который развил и детализировал основные положения предыдущего генерального плана. Важным шагом, косвенно связанным с проблемой сохранения исторического облика города стала разработка «Схемы планировки и потенциального развития города Выборга», принятая в составе предложений по созданию свободной экономической зоны в Выборге. Безусловно, свободная экономическая зона была чрезвычайно трудным для реализации, амбициозным проектом, который в условиях политической и экономической нестабильности конца 1980-х – начала 1990-х гг. не мог быть реализован должным образом. Реальным ее достижением стал вынос транзитного автотранспорта за пределы исторического центра города с помощью создания трасс Большого и Малого обходов.

В данном случае, если даты принятия генеральных планов можно охарактеризовать как основные вехи градостроительной истории, то архивные данные позволяют существенно уточнить данную периодизацию, выделив внутри эпохи советского градостроительства в Выборге период функционального межевания городских территорий (первые попытки можно отнести к периоду реализации Проекта 1952 года, окончательно же функциональное определение территорий было зафиксировано генеральном плане 1963 года) и период организации еще более мелкого концептуально-территориального деления с необходимо-

стью выделения особых охранных зон (генеральный план 1986 года и сопутствующие проекты). Таким образом, генеральные планы, вкпе с многочисленными архивными материалами и документами, а также материалами устной истории и историографическими источниками, представляют собой чрезвычайно репрезентативный комплекс данных, свидетельствующих и позволяющих уточнить градостроительную историю города Выборга во второй половине XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров Е.В., Криницына Т.С. Историографический обзор советской градостроительной истории Выборга // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций: сборник статей. Брянск :Курсив, 2017. С. 149–159.
2. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства: автореф. дисс. ... д-ра архитектуры. М., 2000. 53 с.
3. Фридлянд Д.П. Застройка Выборга второй половины XX в // Страницы Выборгской истории. СПб. : Европейский дом, 2004. С. 683–702.
4. Common Heritage: The Multicultural heritage of Vyborg and its preservation. Proceeding of international seminar 13–14.02.2014 at The Alvar Aalto library in Vyborg. Helsinki, 2015. 264 p.
5. Интервью с Ж.А. Хватовой, Т.А. Ступневой, Н.А. Ли // Личный архив Криницыной Т.С.
6. Проект планировки и застройки г. Выборга. 1952 год // Архив института «Ленгражданпроект».
7. Генеральный план г. Выборга. 1963 год // Архив института «Ленгражданпроект»
8. Генеральный план г. Выборга. Основные положения проекта. Пояснительная записка. Том 1: 1986 год // Личный архив Н.А. Ли.
9. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. 388.
10. Центральный Государственный Архив Историко-политических Документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф.24.
11. Ленинградский Областной Государственный Архив (далее – ЛОГАВ). Ф. Р-437.
12. ЛОГАВ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2.

А.А. Мاستрюкова

ФОРМИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНОГО ОБРАЗА ГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В.М. КРЕССА В 1991–1996 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКОЙ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ)

В статье рассматривается первый период формирования корпуса глав регионов – 1991–1996 годы. Установленная должность главы администрации заменила председателей исполкомов. Новым лидерам необходимо было не только способствовать вхождению региона в рыночную экономику, но и понять свои роль и место в новой системе. Цель исследования – выявить образ главы администрации В.М. Кресса, создаваемый и транслируемой прессой Томской области.

Ключевые слова: глава администрации, региональная исполнительная власть, образ губернатора, Томская область, томские газеты

Губернатор занимает центральное место в регионе, он руководит Администрацией области, распределяет обязанности между подчиненными и контролирует их деятельность. В начале 1990-х годов еще не было точного понимания роли губернатора в области. Конституция 1993 года не решила вопроса с организацией местной власти, в 1995 году был принят закон, согласно которому все главы должны избираться населением. В связи с этим представляется важным показать образ губернатора в эпоху перемен, каким его транслировала пресса.

В августе 1991 г. в томской прессе был поставлен вопрос о недоверии председателю местного облисполкома О.Э. Кушелевскому. Президиум областного Совета постановил: «...предложить исполнение его обязанностей председателю облсовета Виктору Мельхиоровичу Крессу» [1]. До своего назначения главой администрации Виктор Кресс не поддержал ГКЧП, вышел из состава КПСС и обозначил свою позицию по поводу продол-

жения деятельности: «... нужен народу, и прежде всего сельскому... Буду нести свой крест до конца» [2]. В этом же докладе Виктор Кресс обозначил свое происхождение: «человек, выросший в большой рабочей репрессированной семье» [2]. Далее образ «работающего губернатора» будет транслироваться в прессе, как ключевое звено, отличающее томского губернатора от других.

Формирующийся образ губернатора прослеживается через постановления главы администрации Томской области, публикации после «кресс-конференций» – пятничных встреч журналистов с представителями областного Совета и главой администрации [3], интервью, опубликованные доклады.

Распоряжения в обозначенный период были сфокусированы на помощи наиболее зависимым от государства отраслям экономики, незащищенным слоям населения и введении новых правил регулирования частного предпринимательства. В них мы видим приоритетное направление экономики, нуждающееся в этом, – сельское хозяйство. Постановления могли касаться как конкретных предприятий (например, «Об оказании помощи Бакчарскому опорному пункту северного садоводства» [4]), так и всей сферы сельского хозяйства. В марте 1996 года вышел законодательный акт, направленный на увеличение закупок зерна у местных производителей и предотвращение роста цена на хлеб за счет снижения ставок на ссуды для государственного заказчика и частных предприятий.

В мае 1992 года выходят два постановления, направленные на социальную защиту работников бюджетных организаций и работников учреждений народного образования [6] с комментариями управления народного образования области, где отмечалось, что это только первые шаги на пути улучшения материального состояния работников. В дальнейшем образование станет одним из приоритетных направлений для губернатора, работу по которому он продолжит и как член Совета Федераций.

Стоит отметить постановления главы администрации, в которых обозначалось выполнение указов Президента. Традиционно такие документы носили дублирующий характер: «Во исполнение Указа Президента Российской Федерации «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» аналогичное решение принял глава администрации Томской области» [7]. Оно определяло процедуры, связанные с земельными отношениями. Но в распоряжении «О реабилитации жертв политических репрессий» [8], в котором должен дублироваться Закон РСФСР говорится следующее: на выполнение закона в полном объеме необходимы средства из республиканского центра, но они не поступили, а возможности местного бюджета позволяют выполнить только часть закона. Таким образом, губернатор не только «на бумаге» старался выполнить поручения Москвы, но и оценивал возможности местного бюджета, чтобы законы реализовывались на практике.

Здесь стоит обратить внимание на взаимоотношения Центра и Главы администрации, поездки в Москву не были частым явлением для В.М. Кресса до его избрания членом Совета Федерации. Обычной целью поездок В.М. Кресса в Москву было получение дополнительных средств для реализации проектов в Томской области. В ноябре 1993 года у Виктора Кресса была восьмидневная командировка в Москву. Главе администрации удалось получить 13 млрд рублей на погашение затрат СХК, как он отметил «деньги просят все, а дают тем, кто настойчивее» [9]. На Совете Министров он выступил с критикой отсутствия четкого регулирования в законодательстве, обратил внимание на необходимость государственной поддержки сельского хозяйства, предложил варианты помощи селу. Губернатор продолжает линию заботы о сельском хозяйстве и на уровне центра, и на уровне региона.

Стоит отметить, что Виктор Кресс видел решение проблем не только с помощью поездок в Москву. Он говорил о важности

региональных совещаний по наиболее актуальным проблемам аграрного, военно-промышленного, топливно-энергетического комплексов, о необходимости на местах обсуждать вопросы социальной защиты, здравоохранения, науки и культуры [10]. В пример приводит семинар по вопросам приватизации, который прошел в Томске и помог решить множество вопросов. В 1994 году В.М. Кресс стал представителем координационного совета межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» [11].

Важными для формирования образа В.М. Кресса как руководителя представляются его ответы журналистам по личным вопросам. На вопрос о том, каким видится ему образ современного политика, Виктор Кресс отвечает, цитируя Л.Н. Толстого, «порядочным» [12].

После сессий Областного Совета, Глава администрации проводил обязательные встречи с журналистами, где рассказывал о степени эффективности работы Совета. Губернатор поднимал вопрос о выполненных решениях, принятых на прошлой сессии, и о том, как продвигалась работа на нынешней сессии. При этом он часто обращал внимание на скорость выполнения и принятия решений, иногда скорость работы своих подчиненных его не устраивает. Проверку эффективности работы можно увидеть, как в специальных поездках по районам Томской области, так и в представлении отчетов подчиненных.

Виктор Кресс характеризует себя так: «По складу характера, жизненному опыту мне ближе исполнительская работа, люблю, чтобы день прошел и что-то осталось “в сухом осадке”» [13]. В этом же интервью журналистка подмечает, что любой вопрос, заданный главе администрации, он сводит к работе, и не получается создать его портрет. Виктор Кресс рассказывает историю своей семьи (украинские немцы), о своем детстве, карьере (начал с агронома тепличного хозяйства), прочитанных книгах,

но о чем бы он ни говорил линия честной, добросовестной работы присутствует постоянно.

После каждой поездки в Москву глава администрации рассказывал журналистам о своих достижениях или неудачах в Москве: перечислял свои вопросы и суммы денежных средств, которые необходимы для решения конкретных задач, и результат поездки. Если предложение не было связано с финансовым вопросом, то указывалось точное количество проектов и какие из них приняты к реализации.

Стоит отметить отношение к СМИ, как главному инструменту открытости, гласности: «Жизнь показывает, что любители красоваться в средствах массовой информации часто сами не очень-то умеют работать. А тех, кто действительно «пашет», порой трудно заставить выступить в прессе. Но делать это необходимо» [14]. После победы на выборах губернатора Томской области в 1995 году, он поделил управление на три блока. Блок перспектив развития области, блок работы с кадрами, средства массовой информации [15] стал под руководством В.М. Кресса.

Если задают вопросы о том, каких сотрудников Виктор Кресс набирает в свою команду, то он отмечает важное качество – работоспособность и о постоянном развитии навыков тоже упоминает: «без системы их обучения и переобучения функционирование органов власти затруднительно» [16]. При этом команда губернатора остается в тени в этот период, брать на работу своих конкурентов по выборам он отказался, он занимает центральное место не только по должности, но и по присутствию в СМИ.

Таким образом, ядром в образе губернатора становится работоспособность. Его появление в прессе обусловлено необходимостью информирования населения о его достижениях, напоминание о себе происходило через формальные поздравления с профессиональными праздниками, а вместе с постановлениями администрации это создавало впечатление, что Глава областной

администрации постоянно присутствует в публичном пространстве. Виктор Кресс прекрасно осознавал важность взаимодействия с прессой, как с инструментом демонстрации своей эффективности в конкретных решениях.

Традиционные семейные ценности для главы администрации играют большую роль, в регионе губернатор – глава семьи, которому необходимо развивать свое хозяйство. Для него союзниками в развитии области являются Москва, соседние регионы, коммерческие предприятия, он старается заполнить «дом» всем необходимым. Пословица «хлеб – всему голова» – непреложная истина, которая транслируется им не только из-за кризиса в стране, но и исходя из его происхождения, воспитания, образования.

Образ губернатора Виктора Кресса в прессе формируется следующим: человек, добившийся всего своим трудом (выходец из простой семьи, получивший образование и работающий всю жизнь), стремящийся к развитию себя и региона, с опорой на традиции, но не с консервативностью. У него одинаковые требования к себе, к главам районов и к населению – необходимость эффективно работать. Он, безусловно, в этот период хозяин области, который сам ищет наилучший путь развития для региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кризис власти // Томский вестник. 1991. 9 авг.
2. Кресс В. Простят ли демократы председателю совета его партийность? // Красное знамя. 1991. 18 сент.
3. Жилавская И. Кто живет на одну зарплату? // Томский вестник. 1992. 29 мая.
4. Помощь северному саду // Красное знамя. 1993. 12 авг.
5. Стимул к своему зерну // Красное знамя. 1996. № 85.
6. Кресс В. Постановление администрации Томской области от 08.05.92 г. // Красное знамя. 1992. 12 мая.

7. Земельный передел // Красное знамя. 1992. 29 янв.
8. Постановление администрации Томской области «О выполнении Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий»» // Красное знамя. 1992. 7 июля.
9. После возвращения из Москвы // Красное знамя. 1993. 10 нояб.
10. Москва далеко, а без нее не все удастся решить на месте // Красное знамя. 1993. 10 нояб.
11. Губернатор станет // Красное знамя. 1994. 19 июля.
12. Иванов С. Не изменять себе // Томский вестник. 1993. 4 дек.
13. Счастливая Н. Виктор Кресс: «Хлеб человеку нужен каждый день, и в переходный период тоже» // Томский вестник. 1993. 10 июля.
14. Губская Н. Виктор Кресс: «У меня внутренняя потребность – советоваться» // Красное знамя. 1994. 29 янв.
15. Выгон С. Губернатор Виктор Кресс: ««Крылья не выросли, но чувствую себя увереннее» // Красное знамя. 1995. 30 дек.
16. Никифоров С. Власть изматывает только тех, у кого ее нет... // Красное знамя. 1995. 16 нояб.

УДК 271.22-9

К.С. Пастухов

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ СЕЛЬСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ ТУВЫ НА РУБЕЖЕ 1950–1960-х гг.

В статье рассматриваются хозяйственные практики староверов Тувы и оценивается их роль в сохранении идентичности старообрядцев. Источниками выступают документация Национального архива РТ (Ф. 346). Представленные данные показывают староверов как сотрудников промхозов, дают сведения об объемах добытой ими «таежной продукции». Высказано предположение о связи между инвестиционными вложениями в организацию промыслов и успешной интеграцией старообрядцев в новую экономическую систему.

Ключевые слова: старообрядцы, промысловая экономика, адаптация, промхоз, Тува

Современными исследованиями российского предпринимательства выявлен его «нецивилизованный характер». Специалисты объясняют это трудностями адаптации образцов западной хозяйственной этики к российским реалиям и связывают с тем, что она возникла в других социальных и экономических условиях и имеет длительную историю развития. Поэтому ее механический перенос, в том числе законодательным путем, не дает положительных результатов [1. С. 7].

Данный предпринимательский и хозяйственный кризис способствует обращению исследователей к российскому прошлому и поиску позитивных примеров «корректной» деловой культуры, которая бы соответствовала российской социально-экономической специфике. В качестве такой западная и отечественная историографическая традиция рассматривают старообрядчество – конфессия смогла создать собственную хозяйственно-этическую систему и стала средой, из которой в дореволюционный период вышли выдающиеся предприниматели, торговцы и промышленники.

А.В. Бородкин считает, что приход к власти большевиков ознаменовал окончание «золотого века» российского старообрядчества и уничтожение его оригинальной экономической модели [2]. Действительно, резкое изменение экономической, политической, социальной и идеологической основы государства поставило перед старообрядцами новые вызовы. Если раньше необходимость выплаты двойной подати стимулировала их активную экономическую деятельность, то свержение монархии и изменение идеологии государства аннулировали прежние образцы поведения. Сформировавшиеся за несколько веков практики и модели поведения перестали выполнять свою главную функцию – гарантировать «спасение истинной веры и христианской души». Неблагоприятный контекст и нарастающее давление со стороны советских государственных институтов напря-

мую мотивировали ревнителей старой веры к созданию новых адаптационных практик.

Вопрос о способности староверия к эффективной экономической деятельности в советский период мы рассмотрим на примере сельских старообрядческих общин, локализованных на территории Тувы.

Особенности хозяйственной деятельности староверов Тувы в 1950–1960-е гг. до сих пор не становились предметом специального изучения. Полагаем, что изучение как методов адаптации конкретных сообществ, так и специфических «сибирских» черт старообрядческой экономики даст возможность лучше понять систему русской хозяйственной этики в целом. Старообрядцы активно участвовали в хозяйственном освоении таежной Сибири, стремясь уйти в недоступные для официальных властей территории [3]. Особенности миграционного поведения старообрядцев отмечал ещё заведующий устройством русского населения в Урянхайском крае М.В. Шкунов: «Беспокойный элемент из поселщиков не живет подолгу на одном месте и текуч как вода в стремлении к периферии района русских поселений» [4. С. 20]. Исследователь бассейна реки Енисей В. Родевич, впоследствии – профессор Ленинградского политехнического института, также отмечал важный процесс: «Русским усинцам в долине Уса становится тесно, они идут в Урянхай, а на их место двигаются минусинские крестьяне и переселенцы» [10. С. 169].

М.П. Татаринцева установила, что одним из факторов переселения ревнителей старой веры в районы Тувы являлось широкое распространение в среде российского и сибирского крестьянства легенды о Беловодье как комплекса представлений о неведомой благодатной земле, в которой еще нет служителей антихриста (официальных органов власти) [5]. «В ней земли тучные, дожди теплые, солнышко благодатное, пшеница сама собою круглый год растет – ни пахать, ни сеять, – яблоки, арбузы,

виноград, а в цветистом большетравье без конца, без счету стада пасутся – бери, владей. И эта страна никому не принадлежит, в ней вся воля, вся правда искони живет, эта страна диковинная», – писатель В.Я. Шишков так отражает данную легенду [6. С. 38].

Современными исследованиями доказано, что переселение в незнакомый большей части русских крестьян-колонистов Урянхайский край (Туву – в настоящее время) прошло для староверов успешно: уже в начале XX века они смогли создать здесь самодостаточное хозяйство, выработать инструменты поддержания этноконфессиональной и социальной идентичности [7].

Цель данной работы – определить хозяйственные практики староверов, позволявшие сохранять свои общины в условиях изменения государственного статуса Тувы и, соответственно, ее экономической и культурной политики в отношении представителей христианских конфессий.

Источниковой базой являются делопроизводственные и статистические документы, выявленные в Национальном архиве Республики Тыва (Ф. 346): «Отчёт по обследованию мест для организации промхозов в Тоджинском и Каа-Хемском районах Т.А.О» [8]; «Охотхозяйственный отчет Госохотинспекции Тувоблисполкома (1959–1961 год)» [9]. Они показывают, что к середине XX века комплексные (земледельческо-промысловые) хозяйства староверов не только переориентируются на промысловую деятельность, но и органично встраиваются в систему промхозов.

Перейдем к анализу архивных дел для аргументации этого тезиса. «Отчёт по обследованию мест для организации промхозов в Тоджинском и Каа-хемском районах Т.А.О» включено Положение от 26 октября 1957 года о создании промхозов в Каа-Хемском и Тоджинском районах, где определено их основное назначение – обеспечение рационального использования сырьевых ресурсов и увеличения добычи пушнины и иных продуктов

«таежного кормящего ландшафта» [8. Л. 15]. На наш взгляд, этот документ стал основой советской политики по интеграции староверов в хозяйственную жизнь республики.

Далее рассмотрим специфику организации промхоза для лучшего понимания его устройства. Промхоз – это хозрасчетное, комплексное промыслово-охотничье хозяйство по управлению заготовок Тувоблпотребсоюза. Его основными задачами являлись: проведение работ по увеличению запасов охотничье-промысловых животных, охране и расселению зверей и птиц, их систематическому учету; заготовка пушнины, мяса диких съедобных зверей, пернатой дичи, рыбы и пр.; организация сборов и переработки кедровых орехов, дикорастущих плодов и ягод, грибов, меда, воска лекарственно-технического сырья. Реализация заготавливаемой и вырабатываемой продукции промхоза осуществлялась по нарядам и указаниям управления заготовок. Таким образом, создание промхозов на традиционной территории проживания староверов было прямым инструментом привлечения их к выполнению государственного плана по заготовкам.

«Охотхозяйственный отчет Госохотинспекции Тувоблисполкома за (1959–1961 год)» дает информацию об итогах промысловой деятельности старообрядцев в структуре промхоза. Можно утверждать, что ревнителю старой веры успешно адаптировались к промхозному устройству.

Об этом говорят перечисление охотников из старообрядческих поселений Ужеп и Эржей (Соломенников И.Г., Рукавицын И.И., Соломенников В.Г., Балачугов П.Д., Жуланов Ф.А.) и указание средней стоимости добытой ими пушнины: в 1960–1961 она равнялась 10 тыс. руб. в год на одного охотника [9. Л. 21]. Высокие показатели эффективности в документе объясняются личной заинтересованностью охотников и наличием пушного зверя.

Еще одним показателем успешной адаптации старообрядцев является выделение в 1960 году на охотхозяйственные меропр-

ятия 125 800 руб., из которых фактические затраты составили 122 866 руб. [9. Л. 21]. В документе приводятся такие статьи расходов, как обучение молодых охотников, завоз охотников в отдалённые уголья, постройка охотничьих избушек и пункта по дообработке пушнины, проведение разведки и пробных отстрелов. На обеспечение охотхозяйственных мероприятий в 1961 год планировалось выделить еще 89 200 руб. в старых деньгах [9. Л. 21].

На этом месте важно упомянуть денежную реформу 1961 г., в результате которой в стране было произведено изменение масштаба цен, укрупнение денежной единицы в десять раз и соответственно пересчёт цен, тарифов, ставок, окладов, пенсий и пособий.

Статистические данные свидетельствуют об успешности охотхозяйственной деятельности промхоза, поскольку организация инфраструктурного обеспечения и инвестиционные вложения прямо указывают на его рентабельность.

Включение сельских староверов в систему заготовок, происшедшее под давлением советских институтов, обнаруживает важную черту: их хозяйственные практики, нацеленные на использование ресурсов идейно чуждого политического строя для решения задачи по самосохранению, не утратили своей эффективности в условиях социалистической экономики. Это является свидетельством высокой адаптивности старообрядческой социокультурной системы, которая во многом способствовала сохранению старообрядчества в Туве до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керов В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004. 658 с.
2. Бородкин А.В. «Труд духовный» и «труд достойный». Эволюция старообрядческой экономической модели во второй половине XVII – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2010. № 2. С. 5–15.

3. Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников. Томск, 2007. 414 с.
4. Родевич В.М. Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисей). СПб., 1910. 206 с.
5. Татаринцева М.П. Старообрядцы в Туве: историко-этнографический очерк. Новосибирск, 2006. 216 с.
6. Шишков В.Я. Алые сугробы // Красная Новь. 1926. Кн. 10. С. 38–64.
7. Стороженко А.А. Хозяйственная адаптация старообрядцев на территории Тувы в начале XX века // Кочевые цивилизации народов центральной и северной Азии: история, состояние, проблемы : сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Красноярск : Изд-во КГПУ, 2010. С. 261–267.
8. Национальный архив Республики Тыва (далее – НАРТ). Ф. 346. Оп. 1. Д. 33.
9. НАРТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 50.
10. Рукописный отдел Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Урянхайский край, 1915. 60 с.

УДК 930

М.С. Полугородний

СТУДЕНЧЕСТВО ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Студенчество ТГУ накануне Великой отечественной войны г представляет интерес для воссоздания истории первого в Азиатской России вуза. Это важно в деле патриотического воспитания современной молодежи, так как многие учившиеся в те годы затем приняли участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и внесли свой вклад в Победу.

Ключевые слова: Студенчество, ТГУ, высшее образование, 1930, Великая Отечественная война

Одним из главных предметов изучения повседневной жизни студенчества Томского государственного университета (далее – ТГУ) в предвоенный период (1935–1941 годы) является харак-

теристика материального положения студентов, возрастной и социальный состав, а также бытовое и жилищное обеспечение.

Структурированные сведения о студенчестве можно обнаружить в монографии П.А. Зайченко «Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева» (Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960). В ней приводятся сведения о количественном, социальном составе студентов ТГУ в середине 1930-х гг. В общих чертах рассматривается организация учебного процесса, участие студентов в общественной работе, занятиях наукой [1. С. 354–360, 364–366, 378]. В монографии В.И. Голикова дана информация, связанная с занятиями студентов, когда в 1936/37 учебном году в университете, был введен новый порядок военного обучения студентов в соответствии с новыми установками Наркомата обороны и Комитета по делам высшей школы при СНК о порядке прохождения военной подготовки в вузах [2. С. 125–128].

В предвоенные годы университет стал местом получения высшего образования для тех слоев населения, которые ранее не имели к высшему образованию доступа в силу происхождения или материального положения.

Предоставленные государством возможности обусловили рост числа студентов в постреволюционный период. Так, в 1936 г. на 4 факультетах университета (физико-математическом, биологическом, химическом, геолого-почвенно-географическом) обучались 1692 человека [3. Л. 10.], а в сентябре 1940 г. их численность выросла до 2097 человек [4. Л. 15]. Увеличение контингента студентов произошло благодаря открытию при университете заочного отделения [5. Л. 123.].

Около 50% студентов, поступивших в ТГУ, являлись выпускниками общеобразовательных школ, и их студенческий возраст варьировался от 17 до 23 лет [6. Л. 9]. Возрастная группа от 23 до 30 лет составляла 45% числа всех студентов. Возрастная группа студентов, чей возраст был свыше 30 лет состав-

ляла всего 5% [7. Л. 9.]. Такая разница в возрасте объясняется тем, что часть студентов приходила с рабочих мест и была вынуждена начинать обучение с рабочих факультетов (рабфаков).

О составе студенчества ТГУ в целом и по факультетам в частности на начало 1939 г. можно судить по табл. 1 [7. Л. 9].

Таблица 1

Количество, происхождение и партийность студентов

Факультет	1-4 курс 1939 г.	Муж	Жен.	ВКП(б)	ВЛКСМ	Рабочие	Служащие	Крестьяне
Биофак	336	77	259	4	134	138	85	113
Химфак	305	120	185	2	111	136	73	96
ГПГ	511	333	178	11	186	146	136	229
Физмат	480	347	133	8	179	158	96	226
Всего	1632	877	755	25	610	578	390	664

К концу 1930-х годов преобладающей социальной категорией в студенческой среде являлись выходцы из крестьянской среды – 40,69%. При этом доля представителей из рабочих составляла 35,42%, служащих – 23,9%. Большая часть из них была беспартийной.

В составе студентов преобладали этнические русские. При этом представители других национальностей, в том числе коренных народов Сибири, были в меньшинстве.

Такое количество студентов нужно было обеспечить всем необходимым для успешного прохождения учебного процесса,

стимулировать и мотивировать учиться. Одной из насущных проблем студенчества ТГУ было состояние материального обеспечения. В связи с этим рассмотрение студенческого финансового положения является важнейшей частью для определения уровня материально-бытовой устроенности студентов в это время.

Таблица 2

Национальный состав студентов ТГУ 1935–1936 гг. [8. Л. 6]

Национальность	Русские	Украинцы	Евреи	Поляки	Немцы	Буряты	Корейцы	Татары	Чуваши
Кол-во	1249	72	43	11	3	10	11	19	10
Национальность	Латыши	Мордва	Эстонцы	Армяне	Шорцы	Казахи	Хакасы	Зыряне	Ойроты
Кол-во	4	6	3	3	2	1	2	2	1

Бюджет студента в 1930-е гг., как правило, составляли стипендия, подработка и деньги, присылаемые родителями. С интеграцией высшей школы в социалистическое соревнование и процесс строительства коммунистического общества в механизм начисления стипендии была введена следующая позиция – размер стипендии зависел от курса и результатов обучения. При хорошей успеваемости размер стипендии 55–115 рублей. Отличники получали 65–135 рублей [9. Л. 17]. В 1939–1940 гг. постановлением СНК был учрежден ряд именных стипендий [10.

Л. 17]. Условиями для их получения становились занятия наукой, успешная учеба и общественно-политическая работа. Наиболее отличившиеся студенты могли рассчитывать на получение Сталинской стипендии в размере 700 рублей в месяц [11. От 14.11.1937].

Перед началом Великой Отечественной войны процент обеспечения студентов стипендий составил от 80 до 95%.

В подтверждение важности получения стипендии приведем цитаты из писем студента Геолого-почвенно-географического факультета Сергея Витальевича Попова: «Стипендию я получил ещё 25 сентября. Получили мы, формально, 130 р., вернее не формально, а в приказе говорится, что первый курс обеспечивается стипендией в 130 р. Короче говоря, я получил 106 р. 10 р. вычли за облигации. 13 р. 50 к. вычли за квартиру. Пока дают стипендию всем одинаково, не принимая в счёт успеваемости» [12. От 06.10.1938]. Лишение возможности получать эти деньги означало для студента большие трудности. «Самым же важным является то, что я потерял стипендию – пишет С.В. Попов. Правда, это сейчас не так страшно, как раньше, т.к. 1–15 мая мы кончим сдавать госэкзамены и будем направлены на работу. Поэтому без стипендии придется продержаться 2–3 месяца. А если учитывать, что сейчас из стипендии очень много вычитают, то я потерял всего 300–350 р.» [13. От 05.01.1941]. Студент был вынужден совмещать учебу и работу: «Хочется надеяться, что мне хватит зарплаты на питание, если же не хватит, то продам пимы. Работать приходится 3–4 часа, с 5-ти до 8–9-ти ч. вечера. Работа физическая – ношу дрова для печей главного корпуса университета» [14. От 18.10.1940]. Часто его письма родным родным в Омск начинались с обсуждения темы еды, а потом уже всего остального. «Здравствуй, Люсенька! – писал он сестре. – Получил оба твои письма. За сахар большое тебе спасибо. Но сейчас для меня самым желанным из продуктов является хлеб. Сейчас

только что пришел из столовой и письмо пишу ещё под влиянием этого посещения» [15. От 15.05.1940].

На основании таких высказываний, уникальных в своём роде (других студенческих писем предвоенных лет не сохранилось), становится понятно, что материальное положение студентов было весьма скромным. Им нужно было тратить время на подработку, выполняя простую, но тяжелую физическую работу. Студенты получали скромные средства от родственников. Однако стоит отметить, что с учетом трат за квартиру и одежду студенческая стипендия была огромным подспорьем для самостоятельной жизни.

Одной из основных бытовых проблем студенчества в 1930-е гг. оставалась отсутствие жилья. Первое благоустроенное, хорошо оборудованное и лучшее вузовское общежитие в Сибири было построено в августе 1935 г. [16. Л. 167]. Оно стало и первым в Томске 5-этажным жилым зданием, которое его обитатели любовно называли «пятихаткой».

Во второй половине 1930-х гг. основная масса иногородних студентов была обеспечена жильем. Из 1532 студентов с 1938 по 1939 учебный год, в общежитиях и арендуемых частных комнатах проживало 1261 человек. Однако уже в 1939 г. Томский университет имел 4 общежития: на улице Никитина (пятиэтажное здание), Советской (д. 106) на 180 человек Никитина (д. 17) на 180 человек и на Садовой (д. 29) на 20 человек [17. Л. 88].

Интересно отметить, что университет смог выделить небольшое отдельное общежитие для семейных студентов и даже наделить их огородами, однако имелись проблемы с отоплением, так как в общежитиях было печное отопление, требовавшее заготовки дров.

В 1936 г. комитет ВЛКСМ университета занялся бытом семейных студентов, 3-го сентября комитет, заслушал отчет «комсомолки-матери» Ржанниковой. Было решено заслушать не-

сколько таких отчетов, после чего провести совещание жен студентов. Для подготовки к совещанию проверили работу детских яслей и провели учет матерей-студенток.

Таблица 3

Сравнительная таблица успеваемости за сессии в 1930-е гг. [18. Л. 24]

Годы	Фактически сдающие	Сдано все предметы	Не явились	Круглые отличники	Отличники, хорошисты	Имеют хотя бы 1 долг
1936–1937	1010	222	789	26		
1937–1938	1207	207	207	154		60
1938–1939 зимняя	1540	1268	188	200	203	105
1938–1939 летняя	1508	1412	68	182	427	28

Таким образом, постройка общежитий решила вопрос о месте проживания большого числа студентов, но здания, выполненные в архитектурном стиле «конструктивизм», имели ряд изъянов. Общая и одна на всех столовая, ванная и туалет общий на весь этаж, минимум личного пространства и обобществленный быт лишали жильцов личного пространства, ограничивали их частную и интимную жизнь. Но все же студенты в массе своей теперь могли сконцентрироваться на учебе, не тратя время поиск жилья и денег на его оплату. Качественное повышение успеваемости в последние предвоенные годы было бы невоз-

можно без решения бытовых проблем студентов. Успешное освоение учебных дисциплин давало возможность претендовать на повышенную стипендию.

Например, по итогам зимней сессии 1938–1939 учебного года из 96 студентов, получивших 135 задолженностей, только восемь были отчислены за неуспеваемость и двое оставлены на второй год.

Как итог всех действий со стороны улучшения жизни студентов в 1939 году имелся значительный рост отличных и хороших оценок – 609 человек или 71,4% [19. Л. 25]. Неудовлетворительных оценок только 0,5% и неявка на экзамен по неважным причинам 0,7% [19. Л. 25].

Участие студентов ТГУ в общественной жизни отвечало государственной задаче вовлечения молодежи в политическую повестку. Специфическим явлением тех лет были «политбои». Они проводились как внутри вуза, так и между различными комсомольскими организациями города. Один из таких «боев» состоялся 6 апреля 1934 г. между университетом и артиллерийской школой, в котором от каждой стороны участвовало по 500 человек [20. От 11.04.1974].

Жизнь студенчества ТГУ накануне Великой Отечественной войны определялась ситуацией, в которой находилась страна к концу 1930-х годов. В предвоенные годы в стенах университета повседневная жизнь студенчества складывалась из учебы, общественной жизни и обеспечения себя в бытовом плане. Бытовые условия для студенчества были весьма сложные, часто студентам приходилось совмещать работу и процесс образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Томск, 1960. С. 354–360, 364–366, 378.

2. Голиков В.И. В едином строю: История военной кафедры, факультета военного обучения Томского государственного университета (1926–2006). Томск : Изд-во НТЛ, 2006. С. 125–128.
3. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1909.
4. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 17. Д. 321.
5. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 17. Д. 64.
6. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1908.
7. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1909.
8. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 955.
9. ГАРФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 4; Постановление СНК СССР от 10 февраля 1933 N 181 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3860.htm (дата обращения: 21.03.2021).
10. Постановление СНК СССР от 20 декабря 1939 N 1320 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3860.htm (дата обращения: 21.03.2021).
11. Газета Сталинец. 1937. 14 нояб.
12. Письмо студента С.В. Попова от 6 октября 1938 г. // Музей истории ТГУ.
13. Письмо студента С.В. Попова от 5 января 1941 г. // Музей истории ТГУ.
14. Письмо студента С.В. Попова от 18 октября 1940 г. // Музей истории ТГУ.
15. Письмо студента С.В. Попова от 15 мая 1940 г. // Музей истории ТГУ.
16. Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Томск, 1960. С. 167.
17. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 955.
18. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 955.
19. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 955.
20. Мы учились в ТГУ. Томск-Свердловск. 1984. С. 6.

В.А. Строкольский

ОБРАЗ ЭСЕРА-ТЕРРОРИСТА В «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» И «РУССКИХ ВЕДОМОСТЯХ» НА ПРИМЕРЕ ПОКУШЕНИЯ НА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА (4 ФЕВРАЛЯ 1905 г.)

В статье рассматриваются особенности общественного мнения по отношению к эсерам и их террористической деятельности в периодической печати Российской империи. Автор приходит к выводу, что «Русские ведомости» уникальны описанием внешнего облика эсера и их лаконичной характеристики и подробностями теракта. «Московские ведомости», кроме этого, самобытны тем, что дают емкую оценку эсерам, приводят широкий анализ революционной ситуации в стране и предлагают выход из нее. В обоих изданиях присутствуют важные мелкие детали, отсутствовавшие в каждой газете по отдельности.

Ключевые слова: эсер; революционер; образ; покушение; террор; газета; периодическая печать

В данной статье поднимается проблема восприятия редакторами и авторами статей «Московских ведомостей» и «Русских ведомостей» террористических актов, совершенных эсерами.

Периодическая печать – один из немногих показателей общественных настроений на тот момент; в то же время она охватывает лишь малую часть публичной сферы. Содержание газет зависит от редакторской субъективности, идеологических взглядов авторов, и, несомненно, проправительственного курса.

«Московские ведомости» являлись старейшим периодическим изданием правого толка, принадлежавшем Московскому университету, которое неоднократно выступало против революционно-либеральных сил, в частности, в годы редакторства М.Н. Каткова и потому ориентировались в большей мере на консервативно настроенных людей. В рассматриваемый период редактором-издателем газеты являлся В.А. Грингмут – историк и публицист, сторонник монархизма.

«Русские ведомости» являлись газетой либеральной направленности, делали акцент на обличение проблем российского общества, «держались точки зрения народных интересов», отчето нацелены на более широкую читательскую аудиторию [2]. Редактором в данный период был публицист В.М. Соболевский. Таким образом, газеты отражали две стороны проправительственного курса – охранительную и реформаторскую.

В работе будет определена репрезентация образа эсера двумя газетами, выявлены характеристики социалистов-революционеров, а также будет проведено сопоставление изданий друг с другом по следующим критериям: внешний образ эсера, речь на допросе, оценка действиям террористов. Также будет выявлена специфика газет.

Образ эсера долгое время не освещался в отечественной историографии из-за существовавших в советское время жестких методологических рамок. Если и давалась им какая-то оценка, то она была сугубо негативного характера, поскольку за эсерами закрепился образ врагов коммунистической партии (А.В. Луначарский, В.Н. Мещерякова и др.). Советская историография всячески умаляла значение эсеров в политической жизни страны. Начиная с 1960–1970-х гг. стала даваться более взвешенная оценка эсерам как политических союзников большевиков (К.В. Гусев, В.Г. Хорос).

Период «перестройки» и распад СССР позволили историкам активно исследовать образ эсера с различных позиций: эволюция общественного мнения о террористах, в том числе об эсерах (Ю.А. Давыдова, А.П. Кошкин); отношение к эсерам рабочих и крестьян центра России перед Октябрьской революцией (А.И. Юрьев); рассмотрение феномена революционного терроризма с точки социально-психологических или социокультурных факторов путем анализа биографий эсеров (А.И. Пилипенко) и исследование ментальности и субкультуры эсера на основе

его писем (Э.Р. Кадиков); поведение эсеров на судебных процессах (С.В. Мосолкин, М.И. Леонов); исследование эволюции образа эсера через произведения искусства (А.Ю. Суслов).

Таким образом, научная актуальность сводится к тому, что в исторической науке не было осуществлено систематическое исследование образа эсера-террориста в периодической печати. Заполнение данного пробела даст нам более полное представление об эсерах, об их мотивах и т.д.

Автор научной работы рассмотрит восприятие редакторами и авторами газетных статей одного из ключевых террористических актов центра России: убийство великого князя Сергея Александровича 4 февраля 1905 г. эсером Иваном Каляевым.

«Русские ведомости» охарактеризовали покушение как «страшное событие» и «кровавое происшествие». В газете продемонстрирован внешний образ «преступника»: «[эсер] был одет в поддевку», «на вид ему немного более 25 лет; он – блондин с худошавым лицом, без бороды, с усами». Указано состояние террориста после совершенного преступления: «После взрыва у него оказались лицо и правая рука окровавленными, а поддевка разорвана»; «При задержании при нем был револьвер системы Браунинга с 7-ю зарядами, денег 16 руб. и паспорт на имя витебского мещанина, нигде не прописанный». В номере газеты кратко описана речь Каляева на допросе: «[эсер] отказался назвать свое звание и фамилию» [11].

Немного иной внешний образ предстает перед нами в «Московских ведомостях»: «Убийца был одет рабочим; он среднего роста, приблизительно 30 лет от роду, русский, с небольшими усами. *На лице у него оказались незначительные царапины*» [12]. По какой-то причине автор газетной статьи умолчал истинное состояние эсера после взрыва, указав, что его раны были несущественными. Вероятно, это было сделано намеренно, чтобы показать, насколько серьезно пострадали другие люди (в

частности, великий князь и кучер) от террористического акта, когда как сам эсер – нет. Тем самым редакция, скорее всего, сократила действительность. Так о серьезном ранении Ивана Каляева можно узнать в одном из его писем: «Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висели клочья, и вся она обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти, хотя было несколько долгих мгновений, когда никого не было вокруг» [13]. Таким образом, «Русские ведомости» в этом аспекте оказались объективнее. В остальном же образ идентичен, лишь по-разному интерпретирован.

«Московские ведомости» показали причину обнаружения правоохранителями пистолета: «Он хотел было защищаться и опустил руку в карман за револьвером, но, к счастью, это движение было замечено, и злодей был обезоружен» [12]. Исходя из «Русских ведомостей» кажется, что полицейские просто его нашли при осмотре. Видимо, это тоже намеренный ход для того, чтобы показать непротиводействие эсера жандармам.

Также в университетской газете отмечено нерусское происхождение террориста, исходя из его акцента (действительно, Иван Каляев – поляк), а также, что он на допросе назвал себя «членом русской революционной партии» [12].

В «Русских ведомостях» отсутствует какая-либо оценка действиям преступника и произошедшей трагедии.

«Московские ведомости» же предлагают емкий анализ произошедшего. Общественности досадно от очередного «чудовищного злодеяния». В газете высказана мысль, что такими действиями революционеры «покрывают позором» всю страну [12].

Общественные настроения выразились скорее не в страхе, а в «искреннем негодовании против всех сеятелей смуты и крамольников, забывших Божеские и человеческие законы» [12].

Редактор говорит о напрасности преступных деяний: они хоть и «поражают ужасом», но никак не наставляют людей, не

приводят к правильному пониманию и осознанию проблемы терроризма в стране [12].

В газете указано, что эсеры выбрали Сергея Александровича в качестве жертвы, поскольку тот был верен консервативным идеалам своего отца, не шёл на компромисс с «врагами России», а также за его роль «надежнейшего советника» Николая II [12].

«Московские ведомости» указывают на недостатки образовательной системы, поскольку вузы стали своего рода «притонами революционной пропаганды». Дозволение политических преступлений – пренебрежение «заповедям Господним», – отмечается в газете [12].

Допуская революционный террор, люди тем самым «привели Россию на край гибели». Редактор ожидает «возрождения» страны – проведение политики по искоренению революционеров и предотвращению терактов, как это было после удачного покушения на Александра II [12].

Однако политика уступок («жалкого бессилья») в пользу революционно настроенных сил, по мнению газеты, – не выход из политического кризиса, а лишь послабление со стороны государства, которое влечет за собой ещё большие требования со стороны левых сил [12].

П.В. Торопов, отмечает, что главная цель революционеров («подлых врагов России») – террор населения и правительства, с помощью которого они требуют уступок в свою пользу. По словам Л.В. Геники, цель «злобного заговора» – «низвержение и разрушение многовековой России» [12].

Итак, эсеры ассоциировались периодической печатью в данный период, в первую очередь, со злом (отсюда оценка их как злодеев, а их действий как злодеяний, злобного заговора). Газеты постоянно называют социалистов-революционеров преступниками. Их деятельность, по мнению печати, является преимущественно деструктивной, отсюда соответствующая цель эсе-

ров – уничтожить устоявшиеся нормы жизни. Общественное мнение оценивает действия революционеров как крамолу. Автором газетной статьи П.В. Топоровым их деятельность обозначена как террористическая. Газеты называют эсеров врагами России. Периодическая печать высказывала мысль о том, что эсеры отступили от Бога и нравственных законов. Виною всему – недостатки образовательной системы, ведущие к появлению таких деятелей.

Стоит отметить особенности описания данных периодических изданий. «Московские ведомости» уникальны своей риторикой: дается подробная и очень резкая оценка происшествию и действиям эсеров-террористов, газетные статьи зачастую имеют нравоучительный характер, они задают контуры для возможного противодействия проблеме терроризма. Примечательно, что университетская газета, анализируя причины революционного террора, указывала на изъяны государственной системы (неудачная политика Николая II, плохая система образования). На взгляд автора статьи, это очень смелый ход со стороны консервативной печати.

«Русские ведомости» не анализируют проблему террора в стране, не предлагают каких-либо альтернатив методам эсеров, отсутствует конструктивный анализ революционной ситуации в стране.

В обеих газетах присутствует внешний образ эсера, по которому читатели могут опознать преступника: возраст, пол, одежда, социальное положение и т.д. Оценка эсеров-террористов в «Русских ведомостях» ограничивается только общими фразами как «преступник», «злодей» [11]. «Московские ведомости» же дают большее количество эмоциональных характеристик по отношению к эсеру и совершенному покушению.

Таким образом, «Русские ведомости» уникальны описанием внешнего облика эсеров и их лаконичной характеристики, а

также подробностями терактов. «Московские ведомости», кроме этого, самобытны тем, что дают емкую оценку эсерам, приводят широкий анализ революционной ситуации и предлагают выход из нее. В обоих изданиях присутствуют важные мелкие детали, отсутствовавшие в каждой газете по отдельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Московские ведомости // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2233329 (дата обращения: 15.04.2021).
2. Русские ведомости // Энциклопедия Всемирная история. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/ruskiie_vedomosti (дата обращения: 15.04.2021).
3. Назаров В.В. Идеология партии социалистов-революционеров в советской историографии // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2013. № 32. С. 121–127.
4. Кошкин А.П., Давыдова Ю.А. Эволюция общественного мнения о терроризме в России // ЦИТИСЭ. 2017. № 4. С. 9.
5. Юрьев А.И. Отношение к эсерам и большевикам крестьян и рабочих центра России накануне Октябрьской революции 1917 г // Вопросы отечественной истории. 2014. С. 98–101.
6. Пилипенко А.И. К вопросу о социокультурном облике тамбовских эсеров // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 4. С. 43–47.
7. Кадиков Э.Р. К вопросу о субкультуре и ментальности русского революционера (на основе писем омской эсерки Т.И. Безверховой) // Омский научный вестник. 2009. № 4. С. 38–41.
8. Мосолкин С.В. Создание образа «героя-террориста» в ходе политических процессов над эсерами в 1905 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. № 4. С. 28–36.
9. Леонов М.И. Эсеры-террористы на политических процессах // Модернизация культуры: знание как инструмент развития. 2019. С. 205–208.
10. Суслов А.Ю. Эсеры и меньшевики в историческом сознании Российского общества: эволюция образа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 3. С. 15–19.
11. Москва. 5 февраля // Русские ведомости. 1905. 5 февр.

12. Мученическая кончина Великого князя Сергея Александровича. Кровь, вопиющая к небу. Политика уступов. Растерянность или сплочение? Чего ждет Россия // Московские ведомости. 1905. 5 февр.

12. Последние письма И. Каляева. Письма к товарищам // Викитека – свободная библиотека. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Письма_к_товарищам_\(Каляев\)/1905](https://ru.wikisource.org/wiki/Письма_к_товарищам_(Каляев)/1905) (дата обращения: 15.04.2021).

УДК 94(571.53/.54)

В.В. Ткачев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ИРКУТСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.

В исследовании поднимается проблема участия городской общественности в формировании художественной жизни Иркутска во второй половине XIX – начале XX вв. Анализируются источники периодической печати, которые описывали участие иркутян в организации городских мероприятий. Цель данного исследования заключается в том, чтобы показать каким образом городское общество проводило художественные выставки, лекции и другие события, которые можно отнести к художественной жизни.

Ключевые слова: История Сибири, Иркутская губерния, городская культура, художественная жизнь, периодическая печать, общественное мнение

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Иркутске можно наблюдать процесс приобщения городского общества к искусству через художественные мероприятия. Необходимость в организации подобных событий, жители видели через потребность в получении образования, новых знаний. Иркутск обладал интеллектуальным, творческим потенциалом, который необходимо было поддерживать и развивать. Таким образом, общественность стремилась через публичные выставки заинтересовать го-

рожан искусством, историческими событиями, природными богатствами сибирских регионов.

Историю формирования художественной жизни в Иркутске изучали многие сибирские исследователи. Они собирали уникальный архивный материал: отчёты, протоколы, статистические данные, воспоминания и письма мастеров, коллекционеров. Подробно рассматривали историю создания собраний живописи сибирских музеев. По данной теме известны научные труды П.Д. Муратова, А.Н. Турунова, А.Д. Фатьянова, Т.Г. Ларевой, Ю.П. Лыхина и других. Каждый исследователь раскрывает механизмы развития разных художественных школ, направлений, но в целом историческим работам не хватает широты и глубины познания темы о том, каким образом городское общество участвовало в процессе формирования художественной жизни Иркутска во второй половине XIX – начале XX вв.

Важное место в организации просветительских мероприятий занимала деятельность общественных организаций. Во второй половине XIX – начале XX вв. создаются объединения, которые проводили разные выставки: Общество распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, Общество любителей музыки и литературы, Иркутское общество художников и другие [1]. В публичных выставках участвовали известные жители Иркутска, коллекционеры: В.П. Сукачев, Р.С. Пророков, Н.П. Ераков, А.Е. Эверт, Я.Д. Фризер, М.Я. Лейбович и другие [2]. Они организовывали мероприятия, выделяли денежные средства, определяли помещения и помогали мастерам. Таким образом, городское общество стремилось развивать художественную жизнь Иркутска. Многие мероприятия освещались в региональной периодической печати.

Региональная периодическая печать знакомила своих читателей с актуальными новостями, принятыми законами, решениями, выдвигал на обсуждение социальные, культурные вопросы.

Особенно было важно представить читателям уникальные события, которые проводились впервые: выставки, встречи со столичными художниками [3. С. 16]. Такие мероприятия вызывали в городском обществе большой интерес и продолжительно обсуждались. В этом случае стоит поднять проблему приобщения иркутян к художественной жизни и участие общественности в мероприятиях.

Во второй половине XIX – начале XX вв. выпускались такие газеты, как «Иркутские губернские ведомости», «Восточное обозрение», «Сибирь», «Сибирский еженедельник» и многие другие [4; 5]. Периодическая печать отражала на своих страницах участие городского общества в художественных мероприятиях. Так в газете «Восточное обозрение» писали об открытии важных для горожан художественных выставок. 14–23 апреля 1900 г. в статье писали о том, что в зале Общественного собрания г. Иркутска состоялась художественная выставка имеющих в городе произведений искусства. Организацией выставки занимался А.П. Боголюбский и другие представители кружка любителей живописи, образовавшегося при Обществе любителей музыки и литературы в 1899 г. В экспозиции были представлены работы как отечественных, так и зарубежных художников: И.К. Айвазовского, М.М. Антокольского, А.Г. Варнека, А.И. Корзухина, К.Е. Маковского, С. Тончи, Л. Хофелиха, Р. Шульце, польских ссыльных С. Вронского и Ю. Беркмана, лейтенанта Ф.М. Белкина и др [6]. Также указывалось, что в результате проведения выставки появилась возможность и местным художникам продемонстрировать свои творческие способности в разных направлениях искусства. Были представлены работы таких мастеров, как Н.И. Верхотурова, М.И. Зязина, А.И. Кузнецова, В.Г. и И.Г. Шешуновых. Данный фрагмент из статьи показывает исследователю, что проведение важного для городского общества события, вызвало большой интерес у посе-

тителей. Редактор через статистику говорит о том, что выставка горожанам понравилась. За первые три дня экспозицию посетили более 550 человек. Организаторы и мастера составили подробный каталог.

Статья из газеты «Иркутские губернские ведомости» от 1903 г. сообщала то, что жители Иркутска стали интересоваться результатами культурных событий Петербурга и Москвы. Автор пишет: «В настоящее время все художественные выставки в Петербурге подводят итоги своей деятельности. Число посетителей было больше всего на академической и передвижной выставках, на которых продано по 18 тысяч входных билетов на каждой, не считая почётных, абонементных и других посетителей. Выставка петербургских художников в пассаже также привлекла много публики, особенно благодаря инцидента с картиной художника Бунина. Московская выставка «Мира Искусств» по числу посетителей заняла 4 место. Продажа картин на всех выставках шла очень слабо. В Академии художеств продано картин всего на 12 тыс., у общества петербургских художников – на 15 тыс. рублей» [7]. В номере освещались новости и из Гамбурга. Сообщалось то, что в данный период проходила выставка художественной фотографии. Прислано около 1500 фотографических снимков, в большинстве которых применяются новейшие усовершенствования в фотографии. Особенно много было исполненных различными способами цветных фотографий.

Газета «Иркутские губернские ведомости» также отмечала резкий рост интереса городского общества к зарубежной живописи. В номере от 28–29 мая 1902 г. сообщалось то, что в зале Общественного собрания г. Иркутска эффективно работала выставка французских гобеленов. В экспозиции были представлены цветные и однотонные гобелены. Они были «исполнены или в подражание старинным знаменитым гобеленам или сделаны по образцу картин знаменитых художников» [8]. Данная вы-

ставка получилась яркой, интересной, что многие известные иркутяне желали покупать гобелены для своих домов. Владельцы таких работ стремились не только их приобрести, но и больше узнать о творчестве художников. Таким образом, происходил процесс приобщения городского общества к произведениям иностранных мастеров.

Номер 3478 газеты от 1903 г. сообщал о том, что будет проходить выставка картин зарубежных мастеров. В конце автор статьи отметил: «Словом по богатству картин выставка обещает вызвать богатый интерес» [9]. Это говорит о том, что городское общество проявляло интерес к художественной жизни запада. С 28 октября по 17 ноября 1903 г. в общественном собрании работала выставка картин современных французских художников, прибывшая из Парижа. Демонстрировалось около 200 произведений не менее 100 авторов, перечисленных в изданном к выставке, но не дошедшем до нас каталоге. В газете упоминались такие имена, как Бриомон, Ж. Вальбек, Р. Вессиер, Ж. Гаванэ, Р. Генкур, С. Дарье, Лусьен Декав, Р. Дюмон, А. Кауфман, Ж. Корно, Ф. Косто, Аарош, А. Леклюз, А. Лорье, Ф. Лубиз, Мандель, Ж. Монтрэ, Г. Моран(ь), В. Парадес, Пикар, Планк, А. Прателла, Ш. Прево, Ж. Ренар, Сануэ, О. Тирар, Ф. Тьери, А. Шабла, Ш. Шутен и многие другие. Выставка имела большой успех и активно обсуждалась городским обществом. Учитывая пожелания публики, её директор Жюль Рацковский (Рачковский) дважды переносил срок окончания работы выставки. Более трети экспонировавшихся картин было приобретено иркутянами. После Иркутска выставка работала в Порт-Артуре и, на обратном пути, в Томске [10].

Таким образом, особенности развития общественного мнения, ценностные ориентиры в художественной жизни возможно проследить через источники периодической печати. Использование особого системного подхода при анализе статей сибир-

ских газет позволил рассмотреть основные формы приобщения горожан к искусству, выделить определенные трудности. Так по инициативе губернской власти и жителей региона реализовывались крупные выставки-продажи, проводились экскурсии и лекции. Авторы статей представляли статистические данные, которые говорили о том, что происходил рост интереса общественности к художественной жизни во второй половине XIX – начале XX вв. Также данное исследование позволило определить определённые трудности в процессе приобщения иркутян к искусству. В результате подготовки и реализации просветительских мероприятий организаторы сталкивались с экономическими, социальными трудностями. Не хватало финансовых средств для необходимого оформления выставок, не было специального помещения для демонстрации работ и отсутствовало определённое количество технических работников, которые помогали в реализации проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 197. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.
2. ГАИО. Ф. Р-3518. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.
3. Фатьянов А.Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. 192 с.
4. Открытие выставки картин // Иркутские губернские ведомости. 1911. 5 янв.
5. Хроника. Открытие выставки картин // Иркутские губернские ведомости. 1906. 10 дек.
6. Художественная выставка // Восточное обозрение. 1900. 14–23 апр.
7. Литература. Наука. Искусство // Иркутские губернские ведомости. 1903. 16 апр.
8. Анонс. Местная хроника // Иркутские губернские ведомости. 1902. 28 мая.
9. К предстоящей выставке картин // Иркутские губернские ведомости. 1903. 18 июля.
10. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

В.С. Халимочкин

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС В ЛЕНИНГРАДЕ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Продовольственная проблема в годы перестройки была одной из основных и самых болезненных. В статье рассмотрена тема продовольственного кризиса Ленинграда в перестройку, проанализирована динамика процессов роста дефицита в городе. Продовольственная ситуация является важнейшей составляющей повседневности ленинградцев того времени, а также одной из главных причин изменений общественных настроений в Ленинграде.

Ключевые слова: перестройка, продовольствие, Ленинград, дефицит, талоны

Теме дефицита продовольствия в стране и отдельных городах уделяется несправедливо мало внимания в историографии. «По исследовательской литературе сейчас гораздо лучше можно представить времена сталинских карточек и торгсинов» [1. С. 634]. В докладе я рассмотрю проблему продовольственного кризиса Ленинграда в перестройку, пути его решения, предлагаемые стоящими у власти в городе коммунистами и депутатами Ленсовета, попытаюсь проследить влияние дефицита на социальные и политические изменения в городе.

Продовольственный дефицит – проблема, появившаяся задолго до перестройки. Об этом свидетельствуют следующие факты. До середины 1980-х г. действовали постановления Совета Министров СССР, которые устанавливали нормы отпуска промтоваров и продтоваров в одни руки [2. С. 189]. В ряде регионов страны применялась продажа по предварительным заказам. Например, в Йошкар-Оле такая форма была введена еще в 1970 г. на продукцию животноводства. Жители Ивановской области ещё в 1979 г. писали председателю Совмина СССР А.Н. Косыгину: «Население нашего города голодает ... Нет у

нас ни мяса, ни масла, ни молока» [2. С. 190]. Уже в 1980-е годы в ряде областей вводятся продуктовые карточки. Иркутск, по сообщениям газеты «Советская торговля», в 1982 году уже второй год сидел на талонах [2. С. 187]. В северной столице с удовольствием к началу перестройки была куда более благоприятная ситуация, чем по всей России, поскольку Ленинграду выделялось преимущество при распределении рыночных фондов, которое осуществлял Минторг СССР.

Первые два года перестройки дефицит в Ленинграде продолжал усугубляться: с прилавков исчезла консервированная кукуруза, диетический хлеб, граждане жаловались на нехватку сухарей и сушек [3]. Пресса постоянно писала о перебоях в транспортировке продовольствия, о простом продуктов на базах железнодорожных узлов.

1987–1988 гг. – время усиления кондитерского и мясного кризиса в Ленинграде, исчезновения с прилавков ещё большего количества видов продовольствия, время первых талонов на сахар, расцвета предварительных заказов. Их в 1987 году было уже 29 млн, в 1988 г. стало 33,8 млн, в 1989 г. – 38,4 млн заказов [4. С. 65]. В 1988 г. пресса писала об исчезновении с прилавков конфет «Белочка», зефира и мармелада. Статистика подтвердила данные прессы. Из предприятий, не выполнивших в 1988 году план по прибыли, наименьший процент выполнения продемонстрировали Кондитерский комбинат имени Самойловой (84,4% выполнения плана) и I-й кондитерский комбинат (89,4%) [5. Л. 38].

В обком КПСС приходили письма о «чёрном мясе» в магазинах, с прилавков пропали «охотничьи колбаски». Из общепитов города пропали пельмени, граждане отмечали, что и в магазинах их тоже давно уже нет [6]. При этом в 1988 году среднестатистическое потребление мяса в Ленинграде равнялось 93 кг в год, что было значительно выше среднего уровня по России и СССР (67 кг и 62 кг в год соответственно).

Что касается потребления молока, то в Ленинграде среднедушевой показатель равнялся 447 кг в год при общероссийском в 344 кг. Среднедушевое потребление картофеля равнялось 77 кг в год (ниже, чем по РСФСР на 32 кг). Такая же ситуация складывалась с хлебопродуктами: в Ленинграде – 95 кг, в РСФСР – 119 кг [5. Л. 39].

Наиболее острый этап продовольственного кризиса перестройки в стране начался в 1989 г. Тогда были введены талоны на основные продовольственные товары в соседних с Ленинградом Псковской и Новгородской областях, визитные карточки в республиках Прибалтики [7. Л. 1]. В 1989 году продовольственный кризис резко обострился и в Ленинграде. «Перебои в поставках заставили облизполком с 1 июня 1989 г. ввести талоны на чай (по 100 г на жителя), а затем на сахар» [4. С. 66]. Расчеты по фондам мяса на IV квартал 1989 года показывали, что в Ленинграде имеется возможность обеспечивать каждого жителя ежемесячно: мясом – 2 кг, колбасными изделиями – 1,8 кг, мясными консервами – 2 банки [7. Л. 2].

Статистика показывает увеличение потребления жителями Ленинграда продовольственных товаров в 1989 году: мяса – 94 кг на душу населения в год, хлеба и хлебопродуктов – 102 кг, молока и молочных продуктов – 469 кг [7. Л. 83]. Эти данные объясняются тем, что приобретение товаров осуществлялось заранее и про запас вследствие нарастающего дефицита.

Говоря о политических итогах усиления продовольственного кризиса в 1989 году в Ленинграде, наиболее важным из них стало поражение пятерых из шести баллотировавшихся членов бюро Обкома КПСС на выборах народных депутатов СССР.

28 декабря 1989 года вышло постановление секретариата Ленинградского обкома КПСС «О повышении ответственности коммунистов-руководителей за обеспечением населения продовольствием». В постановлении отмечается, что в последнее вре-

мя все заметнее проявляются негативные тенденции, в том числе, касающейся недопоставок продовольствия из отдельных регионов в централизованные фонды. Подобные факты ведут к ухудшению снабжения населения необходимыми продуктами питания, возрастанию социальной напряженности, что является недопустимым. Перед коммунистами-руководителями Ленгорпрома Ю.А. Максимовым и Главного управления торговли Ленгорисполкома В.А. Зелинским были поставлены задачи по наведению строго порядка в этом важном деле, повышению ответственности коммунистов-руководителей за порученные им участки работы [8. Л. 1].

К 1 января 1990 г. организации Главного управления торговли пришли с запасами товаров на 600 млн руб. (что составляло 27,4 дня). В этих условиях ГУТ поставило перед руководителями города вопрос о возможности введения в Ленинграде визитных карточек. И с 10 января 1990 г. жители города могли купить отдельные виды товаров только в случае предъявлении паспорта с ленинградской пропиской, впоследствии горожанам были выданы визитные карточки. «Уже 19 февраля 1990 г. исполком Ленсовета вынес решение об отмене талонов на чай и туалетное мыло (сохранив их на сахар)» [4. С. 66].

9 февраля 1991 года несколько десятков директоров встретились с руководителями города. Их аргументом было повысить розничные цены на продовольствие, установить над ним контроль и одновременно организовать четкую и действенную систему социальной защиты населения. Были претензии к российскому и союзному правительству за то, что тормозят с экономической реформой, боятся повышения цен. Причина этого виделась в том, что свежи были события в Вильнюсе.

«С 1 июля 1990 года перевели на талонную систему алкоголь. На один талон полагались 1 бутылка водки и 2 бутылки вина» [4. С. 67]. Осенью 1990 года М. Ю. Герман писал об этом

в своих воспоминаниях: «Во тьме светятся ларьки: цветы, сигареты, сигареты, цветы и ничего более. В магазине только банки с морской капустой» [9. С. 647].

С 1 декабря 1990 г. в городе была введена карточная система. «По ним [талонам] можно было купить: мясо и мясопродукты – 1,5 кг; колбасы и колбасных изделий – 1 кг; масло сливочное – 0,5 кг; масло подсолнечное – 250 г; яиц – 10 шт.; крупы и макаронных изделий – 1 кг, муки – 0,5 кг» [1. С. 639]. Система обеспечения Ленинграда продовольствием была двухуровневой: она включала в себя продажу продуктов по государственным ценам и свободную продажу рыночным ценам.

Товары не доходили до покупателя не только из-за продовольственного дефицита, но очень часто по причине плохой транспортировки. Не стоит недооценивать этот фактор. В Ленинграде подобную ситуацию можно было наблюдать с хлебом. «Единственный в городе перевозчик хлеба – объединение грузового автотранспорта № 7 – оказался в тяжёлом положении, метилась тенденция оттока опытных водителей». С 30 декабря 1990 года по 3 января 1991 года на станциях Ленинградского железнодорожного узла оказалось неразгруженными 3 тыс. вагонов – это значительно выше нормы. Клиенты с предприятий просто не приезжали их получать [10].

По данным официальной статистики в 1990 г. в Ленинграде было произведено: рыбной продукции – 113,8 тыс. т (94,7% от произведённого 1989 г.), 72,1 тыс. т мяса (88,1% от 1989 г.), 120,6 тыс. т колбасных изделий (95,2%), 5,4 тыс. т жирных сыров (94,8%). Резко сократилось производство творога (на 50%), плодоовощных консервов (на 45,7%), растительного масла (на 84,7%) [11. С. 26–28]. На фоне усиления продовольственного кризиса упал рейтинг депутатов Ленсовета. Их экономическая политика в январе 1991 года вызывала положительные эмоции у 41% опрошенных ленинградцев.

С 1 февраля 1991 года яйца стали отпускаться без талонов [12]. В феврале 1991 года без талонов начинает реализоваться соль. Со 2 апреля 1991 года после переоценки продовольственные товары подорожали. В апреле 1991 года сохранились мартовские нормы отпуска продовольствия [13]. Многие фабрики отправляли товары на склады, ожидая повышения цен.

В целом в 1991 году производство продовольственных товаров упало на 11,2% [14. С. 70]. В сопоставимых ценах товарооборот предприятий Ленинграда по продовольственным товарам в 1991 г. составил 94,4% от уровня 1990 г. [15. Л. 166–167].

1991 год запомнился небывалым увеличением цен, при этом они ещё не были отпущены. Средние годовые цены в 1991 г. увеличились: на картофель – в 2,7 раза, на молоко – в 3 раза, на яйца – в 2,4 раза, на мясо – в 3,5 раз [14. С. 131]. Самый резкий скачок цен был в ноябре-декабре 1991 г.

Окончательно ситуация с наполнением рынка товарами решилась уже после перестройки: система распределения по карточкам была отменена 1 мая 1992 года. Тогда проблемы нехватки продовольствия сменилась проблемой нехватки денег на их приобретение, но вскоре и эта проблема была решена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карнаухов С. Похороны еды: заметки о продовольственной корзине 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007. № 84. С. 634–652.
2. Твердюкова Е.Д. Практика нормированного снабжения в СССР в 1980-е годы // Вопросы истории. 2020. № 5. С. 185–194.
3. Глаз Е.В. Продаже не бывает // Вечерний Ленинград. 1985. 2 декабря.
4. Твердюкова Е.Д. Потребительский рынок Ленинграда периода перестройки: торговля и распределение // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2015. Т. 6. С. 63–69.
5. Центральный Государственный Архив Историко-политических Документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 243. Д. 19.
6. Матвеев А. Станет ли вкуснее колбаса? // Смена. 1988. 6 августа.

7. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 243. Д. 32.
8. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 249–1. Д. 528.
9. Герман М.Ю. Сложное прошлое. СПб. : Печатный двор, 2005. 696 с.
10. Коновалова Н. Клиенты бастуют – так можно оценить работу получателей грузов в первый день января // Ленинградская правда. 1991. 3 января.
11. Социальное развитие населения Ленинградской области и Ленинграда в 1990 году. Л. : Госкомстат РСФСР Ленингр. обл. и гор. упр. статистики, 1991. 49 с.
12. Аграфенин А. Плюс «пожарный» талон // Ленинградская правда. 1991. 30 янв.
13. Аграфенин А. Цены новые, товары старые // Ленинградская правда. 1991. 29 марта.
14. Санкт-Петербург в зеркале статистики. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1993. 134 с.
15. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7082. Оп. 4. Д. 335.

УДК 378.4:331.424.4

А.Е. Чабина

«ДЕШЕВАЯ» СТУДЕНЧЕСКАЯ СТОЛОВАЯ В ГОРОДСКОМ ЛАНДШАФТЕ ТОМСКА

В статье на материалах периодической печати рассматривается история открытия «дешевой» столовой для студентов в дореволюционном Томске. Освещается, как под влиянием потребностей студентов происходит расширение функционала столовой и приобретение новых, несвойственных ей функций. Дается оценка внутреннему устройству «дешевой» столовой, качеству пищи и уровню обслуживания.

Ключевые слова: студенты, дешевая столовая, благотворительное общество, Томский университет, Томск

Городская среда находится в постоянной трансформации в силу различных причин и факторов. Одним из наиболее знаковых элементов томской городской среды уже на протяжении последних двух веков является Томский университет. В настоя-

щее время существует ряд исследований, посвященных научной и образовательной деятельности университета, но его “третья роль” стала предметом специального изучения относительно недавно. Следует обратить внимание на работу Э.В. Галажинского «Третья роль университетов, или роль вузов в региональном развитии», в которой указывается на участие университета в формировании городской среде путем взаимодействия с бизнес элитой и региональной властью [1]. В статье Н.А. Медушевского, О.В. Перфильевой «Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе», раскрывается не только дефиниция третьей роли университета, но и приводятся примеры с выполнением этих функций [2]. В публикации С.М. Косенка «Создание научно-экспертного сообщества как проявление третьей роли университета при реализации политики регионализации системы высшего образования» обосновывается необходимость образования университетского научно-экспертного сообщества, которое позволит развить городской округ с экологической стороны. Например, проводить экологические экспертизы оценке биоразнообразия и качества среды для нефтедобывающих компаний [3]. Однако все эти работы относятся к современному этапу развития университетов и городской среды, в то время как высшие учебные заведения в дореволюционный период остаются за рамками исследований.

В настоящей статье организация «дешевой» столовой для студентов рассматривается в контексте становления городской среды Томска как университетского города.

Первая столовая при университете открылась вместе с учебным заведением, но судя по официальным отчетам правления около 75% студентов не могли позволить себе пользоваться ее услугами в связи с бедственным материальным положением [4. С. 2]. Университетская столовая не отпускала бесплатных обедов, хотя значительное число студентов, приехавших в Томск из

других регионов, были «крайне нуждающимися и нередко голодающими» и не могли рассчитывать на материальную поддержку своих семей [5. С. 4].

Для решения проблемы Томское благотворительное общество предложило открыть «дешевую» столовую с доступными ценами и бесплатными блюдами для таких студентов. Одновременно предполагалось, что это даст дополнительные рабочие места женщинам, владеющим навыками приготовления пищи, и будет способствовать распространению кулинарных знаний [6. С. 3].

Столовая была организована на частные пожертвования горожан и при активном участии Общества попечения о начальном образовании [6. С. 3]. Организатором столовой выступил томский книгоиздатель, будущий почетный гражданин Томска П.И. Макушин [7. С. 16].

10 января 1891 г. состоялось ее торжественное открытие в частном доме Сечкиной. Церемония проходила в присутствии начальника губернии Г.А. Тобизена, председателя благотворительного общества М.А. Гилярова, полицмейстера, городского головы и других почетных лиц города [8. С. 3].

Столовая могла вместить только 30 человек, поэтому в том же году она переехала в здание, выстроенное специально для нее на пожертвования и позволяющее вместить около ста студентов. Сборами средств на постройку занимался член Томского благотворительного общества И.В. Ефимов, которому за три месяца при участии московских и петербургских знакомых удалось собрать 6600 руб. Размеры здания были следующими: «...В длину 9 сажень и в ширину 6 сажень, с залом для столоующихся в 100 квадратных аршин, с просторной приспособленной кухней, помещениями для заведующего столовой, прислуги и разными кладовыми» [4. С. 2].

В столовой зачастую работали сами студенты под руководством членов Томского благотворительного общества, которые

сформировали специальную комиссию для наблюдения за работой ее сотрудников. Нередко сами студенты объединялись в рабочие артели. Подчеркнем, что состав артелей назначался на основе выборов [9. С. 3].

Следует осветить также режим работы «дешевой» столовой, которая функционировала ежедневно: «...С 1 ч. до 5 дня и в праздники с 1 часу до 4 ч. дня» [10. С. 2].

Перечень стандартных блюд «дешевой» столовой г. Томска

Год	Стоимость	Блюдо
1907	10 копеек	Суп
	13 копеек	Жаркое
	3 копейки	Каша
	2 копейки	Молоко
1909	10 копеек	Суп
	3 копейки	Каша
	3 копейки	Молоко
	13 копеек	Котлеты

Стоимость блюд определялась затратами на продукты. Например, цена пшеничной муки на томском рынке составляла 65 коп. за 1 пуд, яйца куриные за сотню – 65 коп., за сотню огурцов – 20 коп., крупа гречневая – 70 коп. и, наконец, за ведро картофеля – 8 коп., но приготовленные в столовой они существенно теряли в цене [4. С. 4].

Материальное положение самой столовой варьировалось от благополучного до крайне убыточного, так, «в декабре месяце

вследствие отъезда многих учащихся из города на каникулярное время столовая дала убыток свыше 1 000 руб.» [11. С. 3].

Для выхода из затруднительного финансового положения в столовой регулярно проводились благотворительные литературно-музыкальные вечера, целью которых был сбор средства на предоставление бесплатных блюд нуждающимся студентам. В их программу входили «красивые номера музыки, пения и декламации, впервые исполняемые в Томске», а желающих еще привлекали объявлениями такого рода: «После концертного отделения имеют быть танцы до 3 ч. ночи» [12. С. 4]. Ещё одной акцией в пользу студенческой столовой было устройство спектаклей, сборы от которых шли на благоустройство самого здания [5. С. 4]. Эти мероприятия были достаточно успешными. Например, литературно-музыкальный вечер, проходивший пятого февраля в здании «дешевой» столовой под руководством В.Г. Балдовскаго, принес в ее пользу 149 руб. [13. С. 4].

Помимо этого, студенты в столовой нередко устраивали политические сходки, где распевались «нелегального содержания песни («Сбейте оковы», «Марсельеза» и т. п.), читались прокламации и произносились речи», направленные против самодержавия. Такие собрания не ускользали от взоров полиции: здание окружалось, участников арестовывали и допрашивали. Причем жандармы информировали попечителя учебного округа о том, какой именно учащийся был задержан [14. С. 83].

Обратим внимание на формальную сторону работы «дешевой» столовой, в частности, уровень обслуживания. Публикации в газете «Томская жизнь» показывают, что он был не всегда приемлемым: «Нас просят отметить грубость прислуги студенческой столовой, которая не стесняется наносить студентам грубость потому, что столовая устроена «для бедняков», с которыми стесняться нет надобности» [15. С. 3]. Еще одной проблемой стало качество еды. В ответ на жалобы столовая комиссия

проводила анкетирование студентов, которые практически единодушно отмечали приемлемый уровень обедов [16. С. 3].

Кроме того, студенты отмечали нарушения санитарно-гигиенических условий, например, в “часы пик” загрязненность помещений увеличивалась до такой степени, когда «многие из них предпочитали неудобству хождения столоваться дома или довольствоваться сухомяткой, что, понятно, обходилось дороже» [17. С. 3]. Тем не менее, все эти изъяны в значительной степени компенсировались доступностью столовой: обеды здесь отпускались по низким ценам, а блюда были сытными и здоровыми [4. С. 1].

В заключении, подчеркнем, что работа «дешевой» столовой для студентов в Томске стала одной из форм влияния университета на городскую среду. Ее необходимость была очевидна, поскольку большая часть студентов не обладала достаточными финансами для посещения университетской столовой. Практически сразу после открытия она стала рассматриваться не только как помещение для обедов, но и место, где можно провести досуг, организовать сбор пожертвований или даже выступить с политическими заявлениями. Таким образом, уже студенты университета оказали влияние на трансформацию ее внутреннего пространства и систему организации, меняя их в соответствии со своими потребностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галажинский Э.В. Третья роль университетов, или роль вузов в региональном развитии / Э.В. Галажинский // Социально-гуманитарные молодежные проекты университетов – местному сообществу: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 25–26 октября 2012 года. Томск, 2013. С. 54–59.

2. Медушевский Н.А., Перфильева О.В. Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Исто-

рия. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 3 (5). С. 19–31.

3. Косенок С.М. Создание научно-экспертного сообщества как проявление третьей роли университета при реализации политики регионализации системы высшего образования // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) : сборник статей, Чебоксары, 12–14 октября 2017 года. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2017. С. 74–79.

4. Местная хроника // Томский справочный листок. 1894. 14 авг.

5. Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1908. 17 февр.

6. Местная Хроника // Сибирский вестник. 1891. 11 янв.

7. Томский университет: 135 лет в истории России (1878–2013 гг.) / под ред. С.Ф. Фоминых, Е.М. Игнатенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 282 с.

8. Дешевая столовая // Сибирская жизнь. 1902. 6 дек.

9. Хроника // Утро Сибири. 1915. 11 марта.

10. Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1914. 13 сент.

11. Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1916. 23 янв.

12. Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1909. 15 февр.

13. Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1909. 4 февр.

СЕКЦИЯ IX. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ: ОТ ИСТОЧНИКА К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

УДК 902/904

А.В. Гладущенко

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПЕРИОД 1917–1941 гг.

В статье дано обобщённое представление о сложном периоде 1917–1941 гг. в истории формирования системы охраны памятников археологии, когда происходило кардинальное изменение политического устройства государства и идеологических установок в обществе. В качестве основного источника привлекаются законодательные акты, историографические данные. Исследование позволяет проследить динамику организации системы охраны и использования археологического наследия.

Ключевые слова: археологическое наследие; охрана памятников; законодательные акты, археологическое обследование территорий; экспедиция

На протяжении не многим более ста лет наша страна пережила два глобальных перелома, один из которых связан с падением Российской империи. Изучение опыта охраны объектов культурного наследия в период становления новой государственности, понимание причин и следствий происходивших процессов является актуальным и в настоящее время.

В результате событий октября 1917 г. и прихода к власти партии большевиков в России произошло коренное изменение

политического устройства государства и социокультурного ландшафта. На Втором всероссийском съезде советов 26.10.1917 г. было сформировано правительство – Совет Народных Комиссаров (СНК), в структуру которого вошла Государственная комиссия по просвещению (Наркомпрос) во главе с А.В. Луначарским. Помимо народного просвещения в ведении комиссии находились вопросы охраны памятников.

Согласно «Декрету о земле» [1], последующему декрету ВЦИК «О социализации земли» [2] земли, вместе с находившимися на них постройками, переходили в распоряжение волостных земельных комитетов. Дальнейшая законотворческая деятельность органов власти также была направлена на установление государственного контроля за собственностью.

С созданием весной 1918 г. в структуре Наркомпроса Археологического подотдела (АПО), и образованием в начале 1919 г. Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) формируется административная и научная база будущей системы охраны археологического наследия [3].

Принятый в сентябре 1918 г. декрет «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» [4] продолжил формирование законодательной базы в области охраны культурного наследия. Все организации и частные лица, занимавшиеся оценкой и торговлей предметами старины, подлежали регистрации. Без предварительного разрешения органов Наркомпроса запрещалось перемещение данных предметов через границу.

По декрету от 5.10.1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» [5] собственники предметов старины, в том числе археологических, были обязаны составить опись коллекции и получить охранную грамоту, фактически они становились только их хранителями [6].

Нестабильностью политической и экономической ситуации в стране обуславливается противоречивость законодательства и мероприятий по охране памятников искусства и старины в этот период. Происходит формирование основ государственной политики и становление системы охраны памятников, пресекается вывоз культурных ценностей за пределы страны. Вместе с тем национализация и вывоз в центр наиболее ценных предметов из частных коллекций зачастую приводила к их уничтожению как памятников культуры.

В условиях разрушенной Гражданской войной экономики, голода, становления новой системы управления государством движимые культурные ценности рассматривались новой властью и как объекты, нуждающиеся в защите и охране, и как один из возможных источников финансирования для решения острых социальных, экономических, политических проблем.

По завершении эпохи военного коммунизма, перехода к НЭПу в начале 1920-х гг. изменяется государственная политика по охране культурного наследия. В основу были положены принципы хозяйственного контроля, самокупаемости, бюджетной экономии. В результате децентрализации бюджета страны финансирование расходов на содержание памятников и музеев легло на местный бюджет, что повлекло значительное сокращение ассигнований на содержание и, как следствие, закрытие многих из них. По декрету от 7.01.1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» [7] обязанность по охране возлагалась на местные исполнительные комитеты. Инструкцией Наркомпроса «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы» [8], в июле 1924 г. был определен перечень типов охраняемых памятников, предусматривалась каталогизация музейных археологических коллекций.

К началу 1930-х гг. после перехода от НЭПа к индустриализации, коллективизации и установления административно-

командной системы управления, идеологизации всех сторон жизни общества наступает переломный момент и в отношении государства к культурному наследию. Одним из источников финансирования индустриализации становится продажа за рубеж музейных ценностей [9].

Не избежали подобной участи археологические и этнографические коллекции. В 1929 г. в Москве Наркомторгом была организована контора «Новоэкспорт» для сбора и организации экспорта коллекций. В сибирском регионе заняться данной работой было поручено новосибирскому Обществу изучения Сибири [10. С. 13.].

По мнению современника событий, председателя этнологического отделения ГАИМК, археолога А. А. Миллера данная деятельность может быть коммерчески успешной только при кладочислительских методах, что недопустимо для ученых [10. С. 31].

Тем не менее, летом 1930 г. состоялось 3 археологических и 5 этнографических экспедиций. География экспедиций охватывала районы Нарыма, Хакассии, Алтая, Минусинска, Красноярска. Собранный материал был отправлен в Москву. Позднее часть коллекций была продана в Турцию, оставшиеся материалы остались в музеях Москвы и Санкт-Петербурга. Экспорт коллекций не оправдал ожиданий организаторов, данная деятельность была признана порочной [10. С. 77].

В начале 1930-х гг. государственная политика становится очень жесткой. Происходит идеологизация всех сфер жизни общества, разворачивается промышленное строительство. Итогом двухлетних переговоров Академии наук и Госплана СССР о необходимости проведения на будущих строительных площадках систематических археологических исследований стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10.02.1934 г. «Об охране археологических памятников» [11], по которому устанавливался необходимый объем работ по научному изучению памятника

при его попадании в зону строительства. Определялись научные учреждения для проведения данных работ и порядок финансирования. Постановление законодательно закрепило обязательность проведения спасательных археологических работ.

В 1932–1937 гг. археологические экспедиции работали на затопляемых территориях строительства крупнейших ГЭС и водных каналов [12]. Исследование археологических памятников проводилось и при строительстве метро [13].

Интенсивные новостроечные проекты выявили основные проблемы деятельности археологов в области охраны памятников. В условиях нехватки кадров, сжатых сроков, отводимых строителями на полевые исследования, перегрузки сотрудников при подготовке отчетов катастрофически не хватало времени на «спокойное» научное осмысление материала [14].

С середины 1930-х гг. изменение геополитической обстановки, возрастающая внешняя угроза актуализировали воспитание патриотизма, возвращение к исторической тематике. Однако исторические события трактовались в рамках действующей на тот момент идеологической парадигмы. В этот период были репрессированы многие ученые, деятели культуры и искусства – носители подлинной культуры.

Характеризуя данный период памятникоохранительной деятельности, нужно отметить его динамичность и противоречивость. В числе первоочередных принимаются нормативно правовые акты, направленные на сохранение культурного наследия, формируются органы и система охраны, принимаются практические шаги по сохранению культурного наследия. Вместе с тем происходило идеологическое ранжирование в отношении памятников культуры, что привело к утрате значительного количества культурных ценностей. В условиях голода и интенсивной индустриализации страны многие ценности вынужденно были проданы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декрет II Всероссийского съезда Советов (О земле) // КонсультантПлюс : надежная правовая поддержка. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5303/> (дата обращения 02.04.2021).
2. Декрет ВЦИК «О социализации земли» // КонсультантПлюс : надежная правовая поддержка. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5328/> (дата обращения 02.04.2021).
3. Сорокина И.А. Первые советские инструкции по проведению полевых исследований памятников археологии (1927): к истории создания // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20, № 3 (2). С. 537–543.
4. Декрет СНК РСФСР от 19 сентября 1918 «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» // КонсультантПлюс : надежная правовая поддержка. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18616#005412822307705434> (дата обращения: 02.04.2021).
5. Декрет СНК РСФСР от 05 октября 1918 «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» // КонсультантПлюс : надежная правовая поддержка. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17462#09133647224994299> (дата обращения: 02.04.2021).
6. Сорокина И.А. Археология в законодательстве первых десятилетий советской власти/ Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 587–591.
7. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 07.01.1924 «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» // КонсультантПлюс : надежная правовая поддержка. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17069#0027720779773002135> (дата обращения: 02.04.2021).
8. Постановление Наркомпроса РСФСР «Инструкция об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы» (утв. Президиумом ВЦИК 07 июля 1924) // КонсультантПлюс : надежная правовая поддержка. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18714#026901729486937076> (дата обращения: 02.04.2021).
9. Бурдин Е.А. Охрана объектов культурного наследия в СССР (1917–1991 гг.): учебно-методическое пособие. Ульяновск : УлГПУ, 2013. 51 с.
10. Китова Л.Ю., Вдовин А.С. Судьбы историко-культурного наследия народов Сибири (Из истории организации экспорта археологических и этнографических коллекций в 1920–1930-гг. Кемерово, 2018. 175 с.
11. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 февраля 1934 г. «Об охране археологических памятников» // КонсультантПлюс : надежная правовая под-

держка. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=24166#04915483968444674> (дата обращения: 02.04.2021).

12. Личак Н.А. Система охраны памятников России во второй половине 1930-х годов // Научные ведомости. 2010. Вып. 16, № 19 (90). С.2 02–208.

13. Полякова М.А. Охрана культурного наследия России: учебное пособие для вузов. М. : Дрофа, 2005. 271 с.

14. Смирнов А.С. Сохранение археологического наследия России. История и проблемы // Российская археология. 2002. № 4 С. 50–59.

УДК 94:069(571.16)

И.А. Голев, Ю.В. Лобанова

КОЛЛЕКЦИЯ МЕМОРИАЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ Г.Э. ИОГАНЗЕНА В МУЗЕЕ ИСТОРИИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Впервые в музееведческой литературе приводится характеристика персональной коллекции Г.Э. Иоганзена (1866–1930), выдающегося орнитолога, фенолога, профессора Томского университета. Через подлинные музейные предметы, хранящиеся в Музее истории ТГУ, авторами дано представление о личности и занятиях профессора Иоганзена.

Ключевые слова: Музей истории ТГУ, Г.Э. Иоганзен, Музейное дело ТГУ, персональная коллекция, история ТГУ

Изучение коллекций университетских музеев имеет особо важное значение, недаром графиня П.С. Уварова, предложившая свою классификацию музеев, на первое место поставила именно университетские коллекции [1. С. 1]. Музейное собрание Томского государственного университета является одним из самых крупных в стране при этом его изучение ограничивается лишь несколькими статьями [2–9]. Считаю возможным продолжить начатое и дать характеристику составу коллекции профессора Томского университета, зоолога Германа Эдуардовича Иоганзена, хранящуюся в Музее истории ТГУ.

Уроженец Омска, выпускник Дерптского университета Герман Иоганзен оказался в Томске в 1893 г. и прожил в нем большую часть жизни. Живя и работая в Томске Иоганзен преподавал в Томском Алексеевском реальном училище, на Сибирских высших женских курсах, в Томском Технологическом институте и в Императорском Томском университете, профессором кафедры сравнительной анатомии и зоологии которого он стал в 1921 г. Наиболее значительных результатов в научной деятельности Г.Э. Иоганзен достиг, сотрудничая в Зоологическом музее Томского университета, сначала в качестве консерватора, а позднее и заведующего. Совершая экспедиции по территориям Сибири и Дальнего Востока, Иоганзен собрал уникальные зоологические коллекции, которые по сей день являются основополагающими в Зоологическом музее ТГУ [10. С. 172–173]. Будучи равнодушным к собирательству и сохранению памятников культурного наследия, Иоганзен пополнял фонды других музеев, не связанных со спецификой его работы. Так, в 1907 г. он доставил в Археологический музей Императорского Томского университета, этнографические материалы алтайцев и шорцев из Музея Алтайского горного округа, в их числе были три шорских бубна [11. С. 38]. Кроме того, Г.Э. Иоганзен получил известность, занимаясь фенологией – наукой о влиянии смены времен года на живую природу. Он проводил фенологические наблюдения в Университетской роще, на даче в Городке (совр. с. Тимирязевское), со временем Иоганзен стал жить в Городке постоянно и оборудовал там биологическую станцию. В подневных записях Иоганзена отмечались температура, осадки, прилет и отлет птиц, начало цветения растений и другие природные явления. Все свои фенологические наблюдения он обязательно фиксировал в дневнике, а затем публиковал их в томских газетах и сборниках статей, давно ставшие библиографической редкостью заметки Иоганзена опубликованы уже в наши дни одним из авторов этих строк [12].

Получив представление о многогранной личности Г.Э. Иоганзена, мы можем перейти к характеристике его персональной коллекции, хранящейся в Музее истории ТГУ.

Первые предметы, принадлежавшие Г.Э. Иоганзену, поступили в фонд музея в 1997 г. История передачи коллекции связана с именем В.В. Кафановой – вдовы Б.Г. Иоганзена, сына Германа Иоганзена. В 2000 г., в дополнение к уже существующему фонду, В.В. Кафанова передала в музей ещё несколько предметов, принадлежавших профессору Иоганзену.

Фонд Г.Э. Иоганзена в Музее истории ТГУ насчитывает более трехсот единиц хранения. Состав фонда достаточно разнообразен, в него входят материалы как характеризующие научные занятия Г.Э. Иоганзена, так и предметы бытового характера.

К первым, несомненно, следует отнести два микроскопа, представленные в экспозиции, отдельно хранящиеся коробочки с деталями для микроскопа, планиметр (прибор, позволяющий измерять площадь на карте), оптический прибор, лупу, геодезический транспортир и другие предметы. Помимо этого, в музее хранятся подлинные предметы зоологической коллекции – два чучела птиц (Щурка и Зяблик) и рога. Стоит отметить, что спустя более сто лет после сбора и изготовления чучела птиц находятся в удовлетворительной сохранности, которая обеспечивалась потомками профессора до передачи в музей. Уникальными памятниками, по нашему мнению, являются две карты окрестностей города Томска, выполненные Г.Э. Иоганзенем, они позволяют проследить территорию его фенологических наблюдений и орнитологических сборов.

Коллекция предметов бытового назначения представлена в музее более полно. В числе этих памятников настенные часы, фоторамки, портмоне, две небольшие вазочки, бритвенный набор, подсвечник, измельчительный прибор и другие вещи. Интересными в собрании представляются предметы канцеля-

рии, в частности письменный набор, перья для письма, дырокол, папки и коробки для хранения бумаг. Наиболее интересным нам представляется деревянный нож для разрезания бумаги, ручка которого декорирована и на ней вырезана человеческая фигура. В постоянной экспозиции музея представлены предметы мебели, принадлежавшие Иоганзену: книжный шкаф, деревянный столик и тумбочка, кроме того, отдельно в фондах содержится тумба-этажерка.

Огромный интерес представляет фонд фотографий Г.Э. Иоганзена, в который входят персональные фотопортреты профессора, семейные фотографии, архитектурные фотографии, фотографии, сделанные во время экспедиций и другие.

Помимо всего прочего, в фонде Иоганзена хранится интересное собрание открыток. В коллекции большое количество почтовых открыток с видами городов, в их числе Рим, Берлин, Рига, Владивосток и многие другие. Другим сюжетом, изображенным на открытках, является анималистический, причем на этих открытках изображены птицы, нам представляется, что профессор Иоганзен недаром сохранял эти открытки, ведь главным интересом его научных поисков являлась орнитология. Необыкновенный интерес представляет открытка петербургской художницы Е.П. Лебедевой «На посту», на ней изображен маленький мальчик в армейской форме с винтовкой в руках, нужно сказать, что открытка была издана в годы Первой мировой войны и выглядит как призыв к ее прекращению. Открытка прислана Герману Иоганзену с припиской «передать Бодо Германовичу», четырехлетнему на тот момент сыну Г.Э. Иоганзена, будущему профессору ТГУ. Личные коллекции нередко могут сказать много о человеке, одна из открыток, хранящихся в фонде, показывает простоту и отменное чувство юмора, нашего героя, что находит подтверждение и в воспоминаниях о профессоре и прозвище «наш профессор», данное ему, говорит о многом. Речь

идет об открытке, присланной в Томск в 1913 г. Открытка имеет изображения с обеих сторон, с одной стороны на ней изображена девушка, наливающая пиво из бочки в кувшин, очевидно, перед этим разлив его содержимое четырем солидным любителям напитка, которые видны на заднем плане. Другая сторона открытки снабжена картинкой, на которой очень тучный и солидный мужчина залпом до дна выпивает кружку пива, а справа на него смотрят три удивленных мужчины, кружки которых заполнены до краев.

Подлинным памятником является доска с автографами друзей Г.Э. Иоганзена, круглая вырезка в верхнем левом углу с надписями: «TOMSK» «SIBIRIEN» «GORODOK» «1910», позволяет говорить о том, что доска висела на стене в доме семьи Иоганzenов и, очевидно, наиболее близким и почетным гостям предлагалось оставить на ней свое имя с датой посещения гостеприимного дома. На доске остались отметки многих известных томичей того времени, наиболее известными из них являются ботаник П.Н. Крылов и геолог М.А. Усов, сегодня доска может стать ценным историческим источником для определения профессиональных контактов томской интеллигенции начала XX в.

Стоит отметить, что материалы из коллекции Германа Иоганзена активно используются в просветительной работе музея, в частности в социальных сетях. Кроме того, предметы из собрания нередко используются в исследовательской работе, так, уже в нескольких работах в направлении Visual Studies, развиваемом в Томске под руководством Н.М. Дмитриенко, приводились вещественные памятники из коллекции Иоганзена.

Фонд Г.Э. Иоганзена в Музее истории Томского государственного университета имеет громадную культурную и научную ценность, его изучение позволяет охарактеризовать бытовые условия проживания и интересы университетского сообщества столетней давности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уварова П.С. Областные музеи. [М., 1890]. 28 с.
2. Чернова И.В. О поступлении коллекции М.В. Миловзорова в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ // Труды Музея археологии и этнографии Сибири имени В.М. Флоринского Томского государственного университета / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 1. С. 13–18.
3. Дмитриенко Н.М. У истоков музейного дела в Томске // Труды Томского областного краеведческого музея / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 178–187.
4. Некрылов С.А. Фоминых, С.Ф., Черняк Э.И. и др. Начало формирования музейных и ботанических коллекций первого в Азиатской России университета // Томские музеи: сборник документов и статей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 3–40.
5. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 81–90.
6. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 67–76.
7. Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М. И.П. Кузнецов-Красноярский – историк и музеевед // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 157–163.
8. Караченцев И.С. Циркуляры Западно-Сибирского учебного округа как источник изучения законодательной деятельности в области музейного дела Императорского Томского университета (1886–1916 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 37. С. 212–219.
9. Голев И.А. Вклад Г.Н. Потанина в формирование фондов Ботанического музея Императорского Томского университета // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сборник материалов Международной молодежной научной школы-конференции. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2020. С. 336–342.
10. Профессора Томского университета: Биографический словарь / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
11. Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 1 / отв. ред. Н.А. Томилов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 343 с.

12. Падает редкий снег, днем проглядывало солнце: фенологические заметки Германа Иоганзена / И.А. Голев // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 34–65.

УДК 908

Д.Б. Дунаев

РАБОТА СЫКТЫВКАРСКОЙ ПРИСТАНИ СЕВЕРНОГО ПАРОХОДСТВА В ГОДЫ ВОВ

В данной статье изучается работа сыктывкарской пристани в годы войны. Важно выяснить, какое место занимала сыктывкарская пристань в деле поставок ресурсов и эвакуации людей и материальных ценностей с прифронтовых территорий. К тому же важным моментом является выяснение положения работников в годы войны и изучение материально-технической базы пристани. Эти факторы определенным образом влияли на грузо- и пассажироперевозки через пристань «Сыктывкар».

Ключевые слова: речной флот, война, транспорт, Сыктывкар, пристань

Речной флот в Коми крае на протяжении столетий занимал ключевое место в хозяйственной жизни региона. Вдоль рек исторически происходило расселение народа, а это приводило к тому, что основной товаропоток и пассажиропоток шел по рекам. С давних времен Усть-Сысольск (с 1930 года Сыктывкар) играл важную роль в транзите товаров с востока на запад из-за выгодного расположения на стыке двух рек – Вычегды и Сысолы. После революции значение пристани несколько не снизилось, а даже возросло. Положение дел стало меняться к середине XX века, когда была введена в строй железная дорога, которая связала Воркуту с центром России. Однако, до того момента, когда основные грузоперевозки переориентировались на жд транспорт, на плечи работников речного флота легла тяже-

лейшая ответственность – обеспечить бесперебойную работу речного транспорта в военное время.

Итак, пристань «Сыктывкар», которая подчинялась Северному управлению Северного речного пароходства в последние довоенные месяцы вела обычную работу по подготовке и осуществлению навигации в 1941 году. В пристани планировалось провести фотовыставку в честь 20-летия Коми АССР «Было – стало», которая так и не состоялась из-за начавшейся войны [1. Л. 26].

К 1941 году к пристани были приписаны 13 пароходов: Красноборск, Микунь, Ухта, Пропагандист, Комилес, Колхозник, Комиколхозник, Шексна, Вымь, Иртыш, Сысола, Комилесоруб, Бакунин, Речник [2. Л. 10]. Основные судоремонтные работы велись в затоне Красный водник. Также ремонтными пунктами числились Зеленец и Сыктывкар.

Речной флот Коми АССР до войны занимался вопросами укрепления ПВО, перевозкой грузов и пассажиров. В частности, пристань «Сыктывкар» сотрудничала с конторами лесосплава. Необходимо было решать, как текущие вопросы – ремонт судов, поиск и подготовка кадров, транспортировка, так и стратегические вопросы – решение проблемы квалификации кадров, ввод в строй новых верфей, строительство новых кораблей, обновление материально-технической базы. Самая важная проблема – нехватка кадров и нехватка квалифицированных кадров. В товарной конторе работало 18 человек (из них лишь 1 имел среднее образование), в материальном складе работало 4 человека (все без среднего образования), багажное отделение – 1 человек (без образования).

Людям приходилось обучаться на местах, либо приходилось раньше времени заканчивать обучение, так как отрасли по-прежнему не хватало работников. Можно сделать вывод, что работа, проведенная с целью повысить уровень образования и

повысить качество работы в речном флоте, в частности организация ФЗУ и иных училищ, к 40-ым годам результатов пока не дали.

Однако все эти вопросы кроме военных стали второстепенными после того, как началась Великая Отечественная война. 5 июля 1941 года выходит приказ, согласно которому все учреждение, в том числе и пристань «Сыктывкар» должны были за счет своих мощностей готовить отряды МПВО [3. Л. 42]. Согласно приказу наркома речного флота, организовать окраску деревянных поверхностей специальными веществами зданий, сооружений, судов речного флота [3. Л. 45]. От начальника пристани «Сыктывкар» также потребовали составить примерный план восстановительных работ, т.е. теоретические допускаясь ситуация, при которой авиация противника будет совершать настолько глубокие рейды в глубь территории СССР. Например:

План № 1. При частичном разрушении: Строевого леса 60 м³; Пиломатериалы 50 м³; Гвозди 60 кг; Кованные гвозди 160 кг; Болты 100 кг; Работников – 400 человеко-смен.

План № 2. Полное разрушение. Для восстановления 4 складов и 1 навеса:

Строевой лес – 120 м³; Пиломатериалы – 272 м³; Гвозди – 250 кг; Кованные гвозди – 100 кг; Рабочая сила – 800 человеко-смен; 245 лошадей.

Еще одним важным моментом при подготовке к потенциальному военному конфликту была подготовка запасных частей, в особенности затемнителей. При чем затемнители занимали важное место в системе ПВО речного флота, они позволяли делать корабли менее заметными для самолетов противника. Также требовалось проверить количество групп самозащиты, проверить как ведется подготовка, в том числе и тренировка в противогазах [4. Л. 45].

Вместе с тем, ряд проверок в первые два года войны выявили многочисленные нарушения [5. Л. 11]. Согласно проверке, кон-

тингент не знает инструкций, регулярно нарушает режим. В результате подобного отношения к делу на одном из объектов сгорела баня, ущерб оценен в 5000 рублей. Один из охранников оставил оружие в сторожке и пошел «стирать носовой платок» [6. Л. 64]. Ужесточались наказания за нарушения рабочей дисциплины: «Все работники замеченные в нарушении дисциплины должны быть привлечены к ответственности и наказаны» [7. Л. 46].

Пристань не избежала и такого явления как поиск шпионов в тылу. Из сообщения начальника Северного управления речного пароходства: «На пристани Сыктывкар работает еврей 1910 года Минкендорф Мойжа Симинович. Он отказался от включения в состав военнообязанных по причине того, что его родственники граждане Польши, и он сам бы хотел получить гражданство этой страны. Решение – предпринять меры по отношению, к этому очевидно настроенному антисоветски гражданину» [5. Л. 11]. Буквально сразу же началась проверка работников пристаней. В ходе проведенной работы было выявлено следующее: «обнаружено 3 поляка без документов: на п\х Пушкин (военнопленные) 2 чел.; на п\х «Ношуль» военнопленный поляк 1 чел.».

При проверке личных дел и сверке фактического состава пристаней с реальным количеством работников было выявлено, что в Сыктывкаре работает 625 человек – без документов 355. 50% человек официально не трудоустроенные и могли быть кем угодно. «...отсюда ясно, что при такой постановки дела совершенно не исключена возможность проникновения на пристань и п\х СУРПа различного рода шпионов и диверсантов, засылаемых к нам в тыл органами Гестапо [8. Л. 35]. Несмотря на то, что Коми АССР находилась в тылу, угроза проникновения шпионов воспринималась серьезно.

Под грифом «совершенно секретно» проходила вся документация, которая касалась маршрутов пароходов и перевозимого груза, это коснулось всего СРП, в том числе и Коми АССР. Для

того, чтобы данные о перевозках не попали в руки противника было принято решение о введении шифра. Причем данный шифр менялась примерно раз в полгода. Один из примеров такого шифра:

Начальнику пристани «Сыктывкар»: Ерш – пассажирские суда, занятые на военных перевозках; Карась – буксирные суда; Сазан – несамоходный флот; Лось – эвакуированного населения; Зубр – эвакуированное имущество; Буйвол – пассажирские суда на эвакуации; Носорог – буксирные паротеплоходы; Слон – несамоходный флот, занятый на эвакуации населения [9. Л. 94].

В начале войны армия остро нуждалась в ресурсах. Интересно, что согласно протоколу от 20.07.1942 года работников пристани «Сыктывкар», даже обязали ограничить использование бумаги из-за нехватки ресурсов [10. Л. 25]. В годы войны корабли пристани доставляли в пункты доставки призывников, а также лошадей с повозками и машины. Пароходы доставляли в Котлас грузы и людей как из самого Сыктывкара, так и из других населенных пунктов бассейнов рек Вычегда и Сысола. «Заявка. 7.05.1942 г. Доставить в Красную армию лошадей в количестве 60 шт. из Сыктывкара до Котласа» [11. Л. 26].

Также в 1941–1942 гг. пароходами пристани было эвакуировано оборудование Кольской базы Академии наук – 60 т; геологического оборудования – 635 т; Ниндышская судоверфь – 261 т.

Всего же за 1942 году корабли пристани перевезли 643 т грузов и 4941 призывников, в 1943 году – 3913 т грузов, в 1944 году – 210 т. По транспортировке людей сводных данных нет.

В армию и флот от пристани «Сыктывкар» было отправлено в 1941 году – 175 человек, 211 человек в 1942 году, 67 человек в 1943–1944 гг. работников лесной конторы пристани с 1942 по 1944 год – 91 человек. От затона Красный водник с 1941 по 1943 гг. – 98 человек. Пристань находилась в сложном положении. Несмотря на возможность бронирования сотрудников, во

флоте постоянно происходило изменение количества сотрудников, что усложняло деятельность организации по бесперебойной поставке людей и грузов в армию. Достаточно посмотреть на таблицу.

Сводная таблица численности работников пристани «Сыктывкар»

Год	Всего работников	Плавсостав	Военнообязанных	Призывников
1.0.1943	1189	388	196	
1.04.1943	1270	350	211	
1.04.1944	1227	294	246	73
1.07.1944	1092	375	191	117
1.01.1945	1103	355	197	152

Таким образом, мы видим, что на протяжении последних двух лет войны происходило постоянное изменение численности работников. Важно указать, что часть уходила на фронт, часть демобилизованных возвращалась. Также часть работ на флоте носила сезонный характер, что тоже приводила к постоянной корреляции численности.

Итак, работа флота в годы войны была напряженной. На примере пристани «Сыктывкар» становится ясно, какие задачи приходилось решать речникам. Транспортировка грузов (повозок, машин, оборудования, лошадей), перевозка людей (эвакуированных и призывников), осуществление перевозок гражданского населения между поселками. Стоит добавить, что ради военных перевозок приходилось жертвовать гражданским населением. Также производился текущий и капитальный ремонт флота и объ-

ектов пристани. Обучение контингента пристани ПВО и подготовка материально-технической базы в рамках ПВО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Коми (далее – НА РК). Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 4/с.
2. НА РК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 136.
3. НА РК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 4/с.
4. НА РК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 136.
5. НА РК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 2.
6. НА РК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 2.
7. НА РК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 136.
8. НА РК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 136.
9. НА РК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 136.
10. НА РК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 2.
11. НА РК. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 2.

УДК 902/904(571.1/.5)

В.В. Жуков

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКИХ ГОРОДОВ СИБИРИ: ОТ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ К АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ОТКРЫТИЯМ

В данной работе кратко рассматривается история исследования трех западносибирских городов: Мангазеи, Томска и Тары, внесших значительный вклад в освоение Сибири. Проанализированы взгляды родоначальников сибирского городоведения на значение и уровень развития городов, а также изменение подходов к их изучению в связи с проведением археологических исследований.

Ключевые слова: сибирское городоведение, Мангазея, Томск, Тара, археологические исследования

Изучение русского города Сибири начали историки, опиравшиеся на письменные документы – грамоты, указы, отписки, записные книги и проч., а также материалы, собранные учёными-путешественниками и участниками экспедиций XVIII в. При том, что родоначальники сибирского городоведения Г.Ф. Миллер [4], П.Н. Буцинский [1, 8], П.М. Головачёв [5] обозначили значимость русских городов в исторической судьбе Сибири как опорных и регулирующих центров «заселения новых уездов русскими», их социально-экономический уровень не был должным образом оценён, и города представляли как военно-оборонительные пункты или торгово-промышленные фактории.

Именно такой представлена в трудах историка-архивиста П.Н. Буцинского Мангазея – полярный город на Крайнем Севере. Опираясь на имеющиеся данные, автор приходит к выводу, что Мангазея представляла из себя не больше, чем торгово-промышленный город, где едва ли не единственным промыслом была добыча меха драгоценного соболя [1. С. 69]. В тексте цитируемых П.Н. Буцинским источников кроме охотников-аборигенов, торговцев, городских ставленников и служилых людей не упоминаются никакие другие ремесленники, постоянно проживавшие в городе [1. С. 48–49], что привело исследователя к выводу о торговом характере Мангазеи, где вели обмен с местными аборигенами, и куда местные племена сдавали ясак (состоял преимущественно из шкурок соболя).

Новую страницу в изучении Мангазеи открыли археологические исследования, начало которым в 1946 г. положил советский этнограф и археолог В.Н. Чернецов. Проведя разведку памятника, В.Н. Чернецов сделал вывод, что в городе проживали помимо охотников и ремесленники, работа которых была направлена на нужды местного населения, поразительно широкий для своего места и времени размах имела в Мангазее торговля.

На следующем этапе исследований в Мангазее в 1968–1970, 1973 гг. М.И. Беловым, О.В. Овсянниковым, В.Ф. Старковым были проведены широкомасштабные археологические раскопки. Богатая коллекция предметов, выявленные капитальные постройки дали основание для вывода о значительной численности постоянного населения и их занятиях: «В городе жили ремесленники-промысловики, занимавшиеся извозом, ежегодной рыбной ловлей, охотой на дичь, сапожники, косторезы и даже литейщики» [2].

Исследования, продолженные в 2000-х гг. Г.П. Визгаловым, С.Г. Пархимовичем, подтвердили и расширили ранее полученные данные о бытовых и хозяйственных занятиях местного населения, представили Мангазею XVII в. городом с достаточно развитой экономикой [3].

Результаты мангазейских экспедиций открыли широкие перспективы для сибирского археологического городоведения. В свете археологических источников, дополненных письменными данными, Мангазея предстает не просто пунктом сбора ясака и торговли, но «непашенным» русским городом, сыгравшим значительную роль в освоении сибирского Заполярья. Благодаря археологии раскрывается значение Мангазеи для изучения позднесредневековой русской культуры.

К истории Томска и его уезда в 1730–1740-х гг. обратился Г.Ф. Миллер, опираясь на разнообразные письменные документы и опросы местного населения. Он отметил благоприятные условия для развития земледелия, рыбного промысла и меньшую актуальность охоты вследствие уменьшения драгоценного соболя [4. С. 67–68]. Г.Ф. Миллер выделил военное и дипломатическое значение Томска, его торговую роль, чему способствовало благоприятное расположение – на пути, откуда шли выходы из Восточного региона в Тобольск [4. С. 73].

В начале XX в. оценку развития Томска дал П.М. Головачев. Считая, что сравнительно небольшие размеры городов, мало-

численность населения, отсутствие дифференцированности между промыслами, занятие землепашеством и крестьянами, и служилыми людьми, П.М. Головачев делает вывод: сложно понять, где кончается сибирский город и начинается деревня [5. С. 3]. Описывая экономический быт Томска, П.М. Головачев утверждал, что торговля в городе была настолько невыгодна, что приходилось бросать это дело, а слабое развитие сельского хозяйства в Томске связано с небольшим количеством крестьян [5. С. 167].

Первые профессиональные раскопки средневекового Томска провел В.И. Матющенко 1968 г. [6. С. 28]. В 1980–2000-х гг. раскопки Томска продолжила М.П. Чёрная, когда и был проведен основной объем археологических исследований и получены впечатляющие результаты, во многом изменившие прежние представления об историко-культурном облике города [7. С. 7].

Археологические данные подтверждают и расширяют представление о Томске XVII–XVIII вв. как полифункциональном городском центре со значительным административно-политическим потенциалом, с развитым для своего времени ремеслом, промыслами, торговлей, земледелием и животноводством. Археологические материалы дали основания для реконструкции исторического облика Томского кремля, его оборонительной системы, восстановления воеводской усадьбы – резиденции главного должностного лица администрации разрядного города [6, 7].

Первыми исследователями Тары были Г.Ф. Миллер, составивший ее описание в своей «Истории Сибири» [10. С. 303–305], а также П.Н. Бущинский, который отметил оборонительную роль Тары от набегов Кучума и ее экономическое значение для добычи соли и развития пашни [8. С. 145, 149]. П.Н. Бущинский отметил крайне плодородную почву в окрестностях города и неумелых крестьян, которые эту землю не могли правильно об-

работать. Достаточно скудно он пишет о торговле, предполагая, что если она и была, то находилась в руках служилых людей, а не посадского населения [8. С. 150–151].

Новую страницу в исследовании Тары с 2010-х гг. открыли археологические раскопки под руководством С.Ф. Татаурова и М.П. Черной. Археологические данные позволяют говорить о развитии в Таре ремесел, промыслов, торговли. Будучи пограничным городом, в котором военная составляющая играла значительную роль, в Таре, тем не менее, прослеживаются отношения с другими странами, что подтверждают находки китайского фарфора, рейнских сосудов, европейского стекла, футляра от компаса, турецких курительных трубок, перстней, принадлежащих выходцам из польских земель [9. С. 2].

Проведенный анализ позволяет заключить, что археологические исследования, безусловно, стали важной вехой в исследовании сибирских городов. Они вводят в научный оборот уникальный материал, отражающий бытовые, хозяйственные занятия населения и социокультурный облик городов, поднимают уровень сибирского городоведения на новую ступень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645). Харьков : Б. и., 1893. 66 с.
2. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. : Наука, 1981. 152 с.
3. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург-Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.
4. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск : Наука, 1988.
5. Головачёв П.М. Томск в XVII веке: Материалы для истории города. Томск : Б. и., 1910. 169 с.

6. Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.

7. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске, 1660–1760 гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д-Принт, 2015. 275 с.

8. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков: Б. и., 1889. 345 с.

9. Чёрная М.П. Историко-культурный облик Тары: археологическая версия // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века : материалы междунар. науч. конф., Москва, 31 окт. – 1 нояб. 2018 г. М., 2018. С. 104–108.

10. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. Т. 2. 638 с.

УДК 903.53 (470.26)

А.В. Ковалева

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КУРГАННОЙ КУЛЬТУРЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ В БРОНЗОВОМ И РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКАХ

В статье рассматриваются особенности погребального обряда в курганной культуре Юго-Восточной Прибалтики во II-I тысячелетиях до н.э., выявляются основные этапы и векторы развития обряда погребения в культуре самбийских курганов и сменившей её культуре западно-балтийских курганов.

Ключевые слова: Юго-Восточная Прибалтика, культура самбийских курганов, культура западно-балтийских курганов, погребальный обряд, восточнопрусская археология

На территории Юго-Восточной Прибалтики, включающей в себя Калининградскую область и северо-восточную часть Польши, курганная культура появляется на ранних стадиях эпохи поздней бронзы (XIII–XII вв. до н.э.). Памятники этого периода в основном представлены курганами с ингумациями и многочисленными кладами или отдельными предметами из бронзы

или камня, найденными в различных местах [1. С. 89]. В позднем бронзовом веке культура активно развивается, получая новые импульсы от соседних культур, в частности, лужицкой. С началом II стадии периода поздней бронзы на данную территорию проникает быстро распространившийся по всей средней и северной Европе обряд трупосожжения, который будет господствовать здесь на протяжении тысячи лет. Возникшая культура, большинство памятников которой концентрировалось на Самбийском полуострове, получила название культуры самбийских курганов.

Культура западно-балтийских курганов формируется на данной территории в конце эпохи бронзы, объединяя культуру самбийских курганов с мазурско-варминской группой лужицкой культуры, в результате синтеза которых формируется яркий и самобытный культурный комплекс, имеющий связи как на западе с вислинской культурой лицевых урн (поморской культурой) [1. С. 197], так и на севере с раннегерманскими культурными группами [2. С. 180].

Выделить культуру западно-балтийских курганов из сходной с ней культуры самбийских курганов позволяет ряд отличительных черт, проявившихся в раннежелезном периоде (сер. V в до н.э.): сравнительно монолитная керамика и распространение курганной архитектуры на всей территории Юго-Восточной Прибалтики вплоть до Латвии и Западной Беларуси.

Важно заметить, что поселения данной культуры практически не изучены: немецкие археологи, работавшие в Восточной Пруссии до Второй Мировой войны, исследовали только погребальные памятники, а в послевоенный период в Калининградской области всего трижды проводились раскопки памятников курганной культуры. Таким образом, подробное рассмотрение погребального обряда сегодня является ключевым в изучении данной культуры.

Можно выделить несколько основных элементов погребального обряда, требующих отдельного рассмотрения: в первую очередь, каменная архитектура курганов, структура и особенности погребений, а также погребальный инвентарь.

Архитектура курганов и формы погребений. Самые ранние курганы представляют собой чаще всего бесструктурный каменный или земляной холм, в центре которого располагается одно или несколько погребений с ингумациями, зачастую помещенными в деревянные ящики. Примером такого погребения может служить курган в Сосновке (бывш. Гросс-Лабеннен) [1. С. 90; 3. С. 11–14; 4. С. 157]. Предположительно, мертвых хоронили в вытянутой позе на спине, по оси восток-запад головой к западу, или же по оси север-юг [2. С. 191–193]. Насыпь кургана была опоясана одним или несколькими концентрическими каменными венками.

Примерно в середине XII века до н.э. начался процесс перехода к обряду кремации, однако, первоначально погребальные ямы еще сохраняли вытянутую овальную форму погребения с труположением, внутри которой на остатках погребального костра находилось безурновое кремационное погребение [5. С. 121–123]. Этот период был сравнительно недолгим, и во втором этапе позднего бронзового века можно говорить о расцвете курганной архитектуры.

Классическим типом курганов этого периода является тип III по типологии Карла Энгеля (у Мирослава Хоффмана тип II), особенно характерный для Самбийского полуострова: в центре кургана погребальная камера из расколотых каменных плит с одним или несколькими урновыми погребениями внутри, окруженная так называемой «каменной стеной» [6. С. 39–51; 2. С. 229] или «каменным панцирем» из нескольких (максимально – восьми) слоев камней и опоясанная одним или несколькими каменными венками [1. С. 82].

К началу раннего железного века в курганной архитектуре осуществился почти полный переход к так называемым «семейным» курганам с каменными ящиками. Археологи связывают это явление с возрастающей ролью семьи как самостоятельной в экономическом и культурном плане социальной структуры [2. С. 255]. Курганы по-прежнему содержат один или несколько концентрических каменных колец, ограничивающих радиус каменной, земляной или каменно-земляной насыпи, в центре которой помещаются кремационные погребения в прямоугольном каменном ящике. Часто один и тот же курган используют на протяжении длительного времени, вставляя дополнительные каменные ящики в разных местах и на разной глубине [5. С. 121–123].

К этому же времени относится появление и так называемых постпогребений, или впускных погребений: это отдельные кремационные погребения, встроенные в насыпь более раннего кургана, или же располагающиеся у его подножия. Нередко они обозначались круглыми или полукруглыми каменными венками небольшого диаметра или просто скоплением камней [1. С. 92].

Для стадии перехода к римскому времени (I – нач. IV вв до н.э.) характерны выродившиеся формы курганов или же свободные захоронения без погребальных урн: кальцинированные кости заворачивались в кусок материи или кожи [5. С. 121–129].

Некоторые исследователи проводят параллели между погребальными обрядами носителей культуры западно-балтийских курганов и эстиев, считая традицию последних сооружать каменные ящики в грунтовых могильниках архаической формой, уходящей корнями в каменные ящики курганов эпохи раннего железа [7. С. 54].

Погребальный инвентарь.

Украшения и изделия из бронзы. В целом погребальный инвентарь курганной культуры можно разделить на три группы. Первую из них, самую раннюю, составляют изделия, импорти-

рованные из унегицкой культуры, или же подражающие ей [2. С. 174].

Во вторую группу входят импорты из областей предлужицкой культуры, а также местные изделия. Сюда, прежде всего, относятся так называемый вид топоров – Рандбайль и боевые топоры-молоты нортикенского типа [2. С. 184], а также особого рода наконечники копий и браслетов. Существование этих уникальных типов инвентаря свидетельствует о наличии в Восточной Пруссии собственного бронзолитейного производства. Кроме того, топоры типа Рандбайль и молоты-топоры типа Нортикен встречаются в Скандинавии, северной Германии и Польше, что говорит о наличии торговых связей Восточной Пруссии с ее соседями уже в этот период [1. С. 200–207].

В третью группу можно отнести заимствования из поморской культуры, и формы, испытавшие на себе ее влияние. Во второй стадии позднего бронзового века в курганах встречаются изделия из бронзы, которые частью восходят к вислинским формам, частью образуют характерные самбийские особые типы: шлифованные мотыги, а также янтарные украшения в форме скрипичного мостика.

В раннем железном веке среди погребального инвентаря встречаются многообразные декоративные иглы, браслеты и петлевые перстни. Уникальным самбийским типом является появившийся в конце бронзового века топор Тьюлинбайль с изогнутой ручкой [1. С. 227–228].

Однако, несмотря на наличие собственных уникальных форм инвентаря, бронзолитейного производства, обширной торговли янтарем [5. С. 133], ранний железный век на данной территории тесно связан с бронзовым, и проникновение металла было настолько медленным, что часть исследователей рассматривают его как позднейший бронзовый век [1. С. 197; 2, С. 92].

Керамика. Первая стадия позднего бронзового века характеризуется ярко выраженным дефицитом керамики, которая встреча-

ется в курганах лишь спорадически и напоминает сильно выродившиеся кубковые формы конца позднего неолита [1. С. 197].

С распространением обряда кремации происходит быстрый переход к урновым погребениям. Погребальная керамика этого времени происходит по большей части из лужицкой сферы [1, С. 196], также прослеживается и влияние предшествующей тшинецкой культуры [2, С. 186]. В курганы помещаются непосредственно погребальные урны с обожженными костями, и сосуды-приставки: чаши, миски и небольшие горшки [5. С. 108].

В раннем железном веке можно говорить о формировании самобытной керамической традиции культуры западно-балтийских курганов, отличительной чертой которой являются шаровидные днища. Такая керамика появляется еще в первой фазе позднего бронзового века, но спорадически, а преобладают там плоскодонные сосуды. Важно отметить, что ни в лужицкой, ни в поморской культурах круглодонные сосуды не встречаются, за исключением зон, граничащих с Юго-Восточной Прибалтикой. Древнейшие шаровидные сосуды по типу и орнаменту относятся к лужицким стилевым элементам, а затем испытывают на себе влияние вислинской культуры лицевых урн (поморской культуры), о чем свидетельствует наличие на сосудах штемпельного и стропильного орнаментов [1. С. 212]. Лицевые урны встречаются только на территориях, граничащих с поморской культурой.

Также распространены крышки шапочного типа и плоские овальные крышки, которыми накрывались погребальные урны. Часто в крышках встречаются отверстия, которые могли служить для выхода дыма, или же имели сакральный смысл и служили для выхода души [5. С. 108].

Таким образом, в своем развитии погребальный обряд курганной культуры в бронзовом и раннем железном веках проходит несколько этапов:

Стадия I – 1-й этап позднего бронзового века (1400–1150 гг. до н.э.) – характеризуется становлением самобытной восточно-балтийской культуры посредством видоизменения заимствованных из других культур форм. Господствуют погребения с ингу-мациями и бессруктурные курганные насыпи. Металлический инвентарь и керамика раннего периода позднего бронзового века.

Стадия II – 2-й этап позднего бронзового века (1150–550 гг. до н.э.) – переход к погребальному обряду кремации, отличается господством в керамике лужицких стиливых элементов. Господствуют курганы с развитой архитектурой и каменными стенами. Среди погребального инвентаря ярко выделяются местные формы.

Стадия III – ранний железный век (550–100 гг. до н.э.) – в этот период господствующее влияние на развитие восточно-прусской культуры оказывает вислинская культура лицевых урн (поморская культура). Преобладают курганы с каменными ящиками и постпогребения. В керамике активно проявляются стиливые особенности культуры лицевых урн.

Стадия IV – позднелатенская (100 г до н.э. – 1 г н.э.) – для этого периода характерно влияние восточногерманских и центральноевропейских культур. В основном представлен курганами выродившихся форм или отдельными погребениями. Преобладает коническая или ситуполоподобная керамика латенского типа.

В своей периодизации Карл Энгель называет период с XIII в. до н.э. до рубежа эр «эпохой курганов» [1. С. 196], и имеет для этого достаточно оснований. Несмотря на ощутимые влияния соседних культур: лужицкой, поморской, латенской, курганная культура Юго-Восточной Прибалтики в эпоху бронзы и раннего железа оставалась самобытной, с ярко выраженным погребальным комплексом, распространяя свое влияние на всю территорию региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Engel C. Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Königsberg, 1935. Т. 1. 347 p.
2. Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w.n.e. Olsztyn. 1973. 588 p.
3. Engel C. Typen ostprussischen. Hügelgräber, 1962. 50 p.
4. Hoffmann M.J. Źródła do kultury i osadnictwa południowo-wschodniej strefy nadbałtyckiej w I tysiącleciu p.n.e. Olsztyn, 1999. 404 p.
5. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929. 406 p.
6. Hoffmann M.J. Kultura i osadnictwo południowo-wschodniej strefy nadbałtyckiej w I tysiącleciu p.n.e. Olsztyn, 2000. 279 p.
7. Кулаков В.И. Архаические формы обрядности в погребальных традициях эстиев // Журнал фронтирных исследований. 2019. № 2 (14). С. 52–60.

УДК 904(571.1/.5)"16/18"

Г.А. Кондратенко

ТИПЫ СТЕН РУССКИХ ГОРОДОВ И ОСТРОГОВ СИБИРИ КОНЦА XVI – XVIII вв.

В данной статье рассматриваются типы стен сибирских городов и острогов, их конструктивные особенности на материалах памятников, подвергшихся археологическому исследованию Братского острога, Тобольска, Умревинского острога, Мангазеи, Саянского острога, Томска. Подчёркивается важность археологических источников в изучении оборонительных систем сибирских городов и необходимость использования комплексного подхода.

Ключевые слова: острожные и рубленые стены, городни, тарасы, археологические данные, комплексный подход

Актуальность изучения оборонительных сооружений русских городов и острогов Сибири конца XVI – XVIII в. определяется тем, что они формировали их исторический облик и обеспечивали выполнение силовой, защитной функции. Накопленный столетиями строительный и военно-инженерный опыт был реа-

лизован в Сибири во множестве вариантов укрепленных конструкций, в том числе стен – главного элемента оборонительной системы. Типы стен сибирских городов и являются предметом анализа данной статьи.

Для исследования оборонительных сооружений необходимо опираться на комплексную базу данных – письменных, изобразительных, археологических. Никакой вид исторического источника в отдельности не обладает исчерпывающей информацией, но их синтез позволяет восстановить разнообразие укреплений и понять, как выглядел средневековый город в глазах современников.

Мощный импульс изучению укреплений дали археологические раскопки, позволившие получить информацию, которой нет в других источниках – об устройстве отдельных элементов сооружений, приёмах обработки, конструктивных деталях и т.д. Письменные и графические источники дополняют картину прошлого историческими лицами, участвовавшими в строительстве, датами построек и ремонтов, верхними частями построек, которые не фиксируются археологически. Таким образом, комплексное исследование позволяет создать пусть и не исчерпывающую, но целостную и исторически адекватную реконструкцию утраченного памятника.

Наиболее значимые и продуктивные раскопки оборонительных сооружений проводились в таких местах как Мангазея, Томск, Тобольск, Братский, Умревинский, Саянский остроги. Исследования дали массив археологического материала, который обладает предельной конкретностью, позволяет различить такие детали оборонительных сооружений, установление которых по другим видам источников возможно лишь приблизительно: 1) точное местоположение оборонительных сооружений; 2) планировку; 3) точные размеры объектов; 4) конструктивные особенности.

Простейший тип оборонительных стен – острожные – из вкопанных и заострённых сверху брёвен, которые зачастую называют частоколом. Различают два вида острогов: стоячий из вертикальных бревен и косой – из бревен, поставленных с наклоном внутрь. Острожные стены могли иметь один, два и более рядов, а также дополнительные укрепления, когда вдоль острога с внутренней стороны ставился помост для организации «верхнего боя». Одним из главных преимуществ помоста является усиление устойчивости стены. Сочетание земляного вала с острожной стеной повышало обороноспособность, но требовало большой затраты труда и большого количества рабочей силы. Иногда использовали существующие земляные укрепления местных городков. Дополнительным укреплением острожных стен служили «брусяные иглы» – горизонтально расположенные сверху стен заострённые брёвна, которые мешали осаждавшим штурмовать стены с помощью лестниц.

Остроги как тип фортификации были широко распространены, поскольку для их возведения не требовалось большого количества времени и специальных строительных навыков, а также из-за отсутствия у возможных врагов «пушечного боя».

Во время раскопок Братского острога (1957 г.) были обнаружены остатки острожных стен, местами расположенные в два и три ряда. Были заложены шурфы разных размеров с целью выявления не только конструкции стен, но также и дополнительных укреплений. Были обнаружены остатки стоячего острога, дополнительно укрепленного двумя рядами брёвен, удерживающих основную стену. Вскрытые в траншеях остатки стен позволяют говорить о едином плане возведения крепостных стен [1. С. 218–219].

Остатки ранних острожных стен середины XVII в. найдены при археологических исследованиях г. Тобольска. Стена сооружена из толстых брёвен лиственницы, поставленных встык в

специально вырытую траншею с подгонкой друг к другу [2. С. 59]. Также, в ходе археологических раскопок были обнаружены основания столбов, вкопанных по одному, а местами и по два. Надо полагать, что они являлись опорами пристроенного к тыну помоста, с которого в случае необходимости было удобно и наблюдать за неприятелем, и обстреливать его [3. С. 83]. Для этих целей в стене были вырублены бойницы. Благодаря археологическим исследованиям мы имеем реконструкцию в виде трёхмерной компьютерной модели Гобольских укреплений.

Обширный материал был получен в ходе раскопок острожных стен Умревинского острога. Были обнаружены остатки южной и западной тыновых стен. В западной стене зафиксировано 87 брёвен, поставленных в канавку и составлявших четыре непрерывных ряда тынин [4. С. 18]. Для сооружения тына использовались как целые, так и расколотые на две части брёвна [5. С. 38]. Авторы раскопок связывают применение полубрёвен с разными периодами существования и ремонта тыновых сооружений. Можно предположить, что применение расколотых брёвен вызвано экономией древесины и времени для строительства/ремонта. Вместе с тем полубрёвна уменьшали толщину острожных стен, снижали их и без того недостаточно высокий оборонительный потенциал.

Более развитый тип оборонительных стен – рубленые. Данные стены устроены из бревен, которые уложены друг на друга продольной частью. Брёвна соединяются по углам врубками одно в другое. Есть две разновидности рубленых стен – тарасы и городни. Тарасы представляли две параллельные стены, отстоящие друг от друга на полторы-две сажени (3,2–4,27 м) и соединенные между собой перерубами с промежутком в одну-две сажени (2,13–4,27 м). Узкие клетки заполнялись землей с камнями, а широкие оставались полами. Они предназначались для защитников крепости, хранения боевых припасов. В каждой из

них обычно было сделано по две бойницы и дверь, чтобы попасть внутрь крепости. Городни, в отличие от тарас, это отдельно стоящие срубы, поставленные вплотную друг к другу. Такая конструкция имела существенные недостатки: места соединения срубов сильнее подвергались воздействию осадков и загнивали. Стена, составленная из отдельных, не связанных между собой срубов, давала неравномерную осадку, искривлялась, некоторые срубы проседали, в настилах и крышах над стенами появлялись перепады и провалы. Городни значительно уступали тарасам по конструкции.

Остатки рубленых стен были обнаружены в ходе археологических исследований Мангазейского кремля в 1968–1972 гг. Хорошая сохранность дерева позволила проследить систему мангазейских военно-оборонительных сооружений и выявить сочетание вертикальных острожных стен и рубленых городен, что, возможно, свидетельствует о нескольких этапах в строительстве кремля [6. С. 11]. Интерпретировать этапы можно только с помощью письменных источников, что подтверждает необходимость использования комплексного подхода в изучении поздних памятников. Конструкция стен Мангазейского кремля имеет интересную конструкцию, она составлена из двух- реже трёхчастных городен. То есть каждая городня являлась шести- или пятистенком. Предположительно, данные стены являются примером переходного типа стеновой конструкции, в которой сочетались техники городен (отдельные звенья-срубы приставлялись друг к другу) и тарас (двойная стена с перерубами и жестким сочленением звеньев-клетей). Данное сочетание компенсировало очевидный недостаток техники городен, при которой срубы в местах стыка загнивали, давали разную осадку и ломали общую линию стены [7. С. 128].

Рубленые тарасные стены выявлены при раскопах Саянского острога. Стена, построенная в технике тарас обнаружена на

большей части северной стены со стороны берега р. Енисей. Продольные стены тарасов, для возведения которых использовали бревно диаметром 20–30 см, стояли на расстоянии 6 м друг от друга, поперечные перерубы – через 5–6 м [8. С. 190].

Стены тарасной конструкции, как показали археологические исследования, окружали Томский кремль. Раскопки позволили восстановить особенности их конструктивного устройства [Там же. С. 132]. Тарасные стены Томского кремля имели несомненную особенность: нижняя часть тарас была закопана в траншеи, что придавало стенам устойчивость, предохраняло откосы горы, на которых они стояли, от осыпания. Под углами срубов и середины стен располагались фундаментные столбы – «стулья». Полученная срубно-свайная конструкция и закапывание тарас в землю обеспечивали долгосрочную службу оборонительных укреплений. Раскопки позволили уточнить размеры тарас: 2,6–3,1×3,6–4 м, установить которые по имеющимся картографическим и изобразительным источникам из-за расхождения в них данных было невозможно [9. С. 143]. Выявленные в ходе раскопок конструкции ранее не были известны из письменных и иных источников, благодаря археологии, мы теперь знаем о них.

Раскопки свидетельствуют, что фортификация на осваиваемых сибирских землях продолжала традиции русского оборонного творчества и являлась её неотъемлемой частью. Археологических исследования показали высокий потенциал в выявлении особенностей стеновых конструкций городов и острогов Сибири, в определенной мере восполнили неполноту и неточность письменных и изобразительных данных. Вместе с тем для создания более полных и достоверных реконструкций оборонительных сооружений необходим комплексный подход и синтез источников, что вошло в повседневную практику археологических исследований в изучении наследия прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин А.В. Братский острог // Советская археология. 1961. № 2. С. 213–226.
2. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
3. Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных Тобольских укреплений на мысу Чукман // Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2012. С. 76–91.
4. Бородовский А.П., Горохов С.В. Археологические исследования тына, ворот и некрополя Умревинского острога // Баландинские чтения. Т. XI. Новосибирск, 2016. С. 18–23.
5. Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН; НГПУ, 2009. 244 с.
6. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход / под ред. М.И. Белова. Л. : Гидрометеиздат, 1980. 166 с.
7. Чёрная М.П. Некоторые проблемы изучения археологического наследия русского населения Сибири // Русские старожилы : материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследия народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2000. С. 127–130.
8. Скобелев С.Г. Стены Саянского острога // Вестник НГУ. Серия: История и филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 187–193.
9. Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.

УДК 904

В.А. Смердова

НАХОДКИ ТКАНИ И КОЖИ В ПОГРЕБЕНИЯХ ТРОИЦКОГО (НАГОРНОГО) КЛАДБИЩА Г. ИЖЕВСКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2019–2020 гг.)

Исследование посвящено описанию фрагментов тканей, найденных в погребениях Троицкого (Нагорного) кладбища, в ходе спасательных археологических раскопок в 2019–2020 гг. Данные интерпретации, полу-

ценные при описании имеющихся фрагментов, дают информацию об их прошлом применении и как о составляющей части костюма с его украшениями.

Ключевые слова: Троицкое (Нагорное) кладбище, погребение, ткань, описание, погребальный обряд

После основания в 1807 г. Ижевского оружейного завода, одноименный рабочий поселок стал развиваться, что повлекло за собой приток населения, активное строительство и, соответственно, расширение границ поселка. В начале XIX века границы Ижевского поселка вплотную подошли к первому кладбищу на Красной (Михайловской) горке, поэтому в 1810 г., после пожара Михайловской церкви, было принято решение открыть новое Троицкое кладбище за восточной чертой заводского поселка [1. С. 276]. Троицкое (Нагорное) кладбище функционировало до 1928 г., пока город опять «не подошел» вплотную к нему. Последние захоронения на кладбище относятся к 1932 г. [2–3].

В 2007 г. в связи со строительством нового ледового корпуса на территории спортивного комплекса и, естественно, Троицкого (Нагорного) кладбища сотрудниками Удмуртского государственного университета впервые были проведены археологические спасательные раскопки. Позже последовали исследования в 2008, 2009, 2013–2015, 2017–2020 гг. [4–10]. Всего за 10 лет было выявлено и изучено 2632 погребения с останками более чем 3500 человек. Согласно исследованиям, умерших хоронили вытянуто на спине, головой на З, руки располагали на грудной клетке. В числе сопровождающего погребального инвентаря могли быть нательные крестики, медальоны и образки, иконы, свечи, а также серьги, кольца, монеты. В некоторых могилах (155 экз. = 5,8%) были обнаружены остатки одежды – фрагменты ткани, обуви, пуговицы [11. С. 56–57].

В 2019–2020 гг. были исследованы 65 могил (погр. 2568–2632). В 7 захоронениях были обнаружены остатки ткани и ко-

жи. В данном исследовании приводится описание найденных остатков и их возможная интерпретация.

Одно из интересных погребений № 2573 было исследовано в 2019 г. [10. С. 5]. В захоронении были обнаружены остатки женского костяка, до 50–55 лет (определение И.Р. Газимзянова, г. Казань). На костях левой ноги были выявлены остатки ткани. После очистки этих остатков оказалось, что перед нами фрагменты нескольких разных видов ткани.

Описание сделано по образцу О.В. Орфинской [12. С. 106]:

Ткань № 1.

Сохранились 2 фрагмента, размерами: 24×34 и 12×26 см.

Визуальная характеристика цвета: нити серо-голубого и коричневого цветов. Описание узора на ткани: узкие полосы шириной 2 мм. Интервал между ними – 8 мм. Имеется два вида полосок – одна шириной 2 мм, а через 4–5 мм полоска в 0,5 мм. Структура ткани: в работе участвует одна система нитей основ и одна система нитей утка. Переплетение полотняное.

Основа: нить х/б серо-голубого цвета с сильной Z-круткой, толщиной 1 мм.

Уток: нить х/б коричневого цвета со средней Z-круткой, толщиной 1 мм.

Плотность нитей в ткани: 9/9 н/см.

Кромка: присутствует.

На фрагменте присутствуют несколько красных пятен и следы металлических предметов, которые, по нашим предположениям, могли являться клепками.

Учитывая, что фрагменты ткани были найдены непосредственно на костях ног, структуру плательной ткани и наличие кромки, то, скорее всего, эти 2 куска ткани являлись частью фартука.

Ткань № 2.

Сохранились 2 фрагмента, размерами: 6,5×12 и 6,5×5 см. Визуальная характеристика цвета: нити черного цвета. Узор отсутствует.

Структура ткани: в работе участвует одна система нитей основ и одна система нитей утка. Переплетение полотняное.

Основа: нить х/б черного цвета со слабой Z-круткой, толщиной 0,5 мм.

Уток: нить х/б черного цвета со слабой Z-круткой, толщиной 0,5 мм.

Плотность нитей в ткани: 12/12 н/см.

Кромка: отсутствует.

У фрагмента ткани концы были загнуты со всех сторон, то есть он пришивался концами внутрь. Исходя из этого можно сделать предположение, что данный фрагмент мог исполнять функции нашивного пояса.

Ткань № 3.

Сохранился 1 фрагмент, размером 36×32 см [10. С. 5]. Визуальная характеристика цвета: нити горчичного, жёлто-зелёного, серо-зелёного и серо-коричневого цветов. Описание узора на ткани: 4 двойные полосы, ширина 1 двойной – 3,5 см. Ширина одинарной полосы – 1,5 см. Цвет полос – серо-коричневый. Расстояние между полосами – 0,5 см.

Структура ткани: в работе участвует одна система нитей основ и одна система нитей утка. Переплетение полотняное.

Основа: нить х/б желто-зелёного и горчичного цвета со слабой Z-круткой, толщиной 1 мм.

Уток: нить х/б серо-зелёного цвета со слабой Z-круткой, толщиной 1 мм.

Плотность нитей в ткани: 10/8 н/см.

Кромка: отсутствует.

На фрагменте фиксировались небольшие низки красного бисера и полосы тесьмы (Ткань № 4). Там же была найдена небольшая (диаметр – 1,3 см) монетовидная подвеска.

Согласно рисунку ткани, а также кромке с двух сторон, можно предположить, что этот фрагмент ткани являлся полотенцем.

Такие полотенца до сих пор используют в погребальной практике для опускания гроба в могильную яму. И, казалось бы, это полотенце тоже могли так использовать и просто оставить в могиле. Но, учитывая, что оно было украшено тесьмой и расшито бисером, то, скорее всего, оно было уложено в могилу или в качестве сопутствующих вещей, или в качестве дополнения к одежде.

На данный момент, найдены аналогии подобному ношению полотенца лишь у некоторых групп удмуртских женщин. Что касается найденной монеты, то можно предположить, что она являлась частью погребального обряда, так как, например, у закамских удмуртов женщинам часто могли привязывать серебряные монеты, чтобы они могли справиться себе свадьбу.

Ткань № 4.

Сохранились 2 фрагмента тесьмы, размерами: 1,5×3,5 и 1,5×6 см. Визуальная характеристика цвета: нити темно-коричневого, бежевого и оранжево-коричневого цвета. Описание узора на ткани: узкая полоса по центру.

Структура ткани: в работе участвует одна система нитей основ и одна система нитей утка. Переплетение полотняное.

Основы: нить х/б со слабой S-круткой, толщиной 1 мм.

Уток: нить х/б со слабой S-круткой, толщиной 1 мм.

Плотность ткани: 9/7 н/см.

Кромка: ширина 2 мм, цвет темно-коричневый и бежевый.

Таким образом, можно предположить, что у умершей был фартук, а полотенце было прикреплено к поясу или уложено рядом с ногами.

В погребении № 2627 (мужское, от 50–55 лет) в районе стоп было обнаружено 2 крупных куски ткани. После очистки этих кусков оказалось, что перед нами пара обуви. Обувь состоит из стельки, запятника, носочной части и сопутствующих им фрагментов кожи.

Стелька имеет длину 29,5 см. Материал – войлок. По форме имеет округлую пятку и заостренный, удлинённый носок. Заметна двойная прошивка по краю. Фрагмент имеет с одной стороны дополнительный кусок войлока (8×9 см), а с другой – фрагмент кожи. Оба совпадают с носочной частью.

Запятак, размером 34х6 см, сохранился с загнутым прошитым краем и войлочной подкладкой. Материал – войлок и сукно. Визуальная характеристика цвета – нити черного цвета.

Структура ткани – в работе участвует одна система нитей основ и одна система нитей утка.

Основа – нить со слабой круткой, толщиной – 0,8 мм.

Утка – нить со слабой круткой, толщиной – 0,8 мм.

Следующий фрагмент является носочной частью обуви. Он сохранился размером – 12,5×11,5 см. Имеется идентичная войлочная подкладка и двойной прошитый край, расстояние между линиями прошивки – 7 мм. Материал – войлок и сукно. Структура ткани имеет такой же вид.

4 фрагмент также является носочной частью и имеет длину 18,5 см. Материал – войлок и сукно. Имеется маленький прошитый край со стороны широкого бока и прошитый край с крупными дырками, расстояние между ними – 2 см. Помимо этого, присутствуют следы от сгибов.

Скорее всего, на ноги умершего была одета короткая суконная обувь.

В погребении № 2612 (пол и возраст не определены) в районе ног был найден плюш и 2 полоски темно-коричневого цвета. Структура плюша – мягкая, ворсистая. На нем имеются мелкие вкрапления голубого цвета. По структуре ткани и цвету, можно сделать предположение, что данный фрагмент играл роль обивки гроба.

В погребении № 2582 (пол и возраст не определены) было найдено несколько фрагментов кожи, длиной по 10 см, 6 см и

меньше. На среднем фрагменте заметны дырки – след от прошивки.

В погребении № 2630 (костяк не сохранился) также были найдены 3 маленьких фрагмента кожи. Все имеют заостренный край. Один имеет след от прошивки по краю, на другом имеются дырки по прямой линии. У каждого фрагмента есть ровные края.

В погребении № 2589 (ребенок, около 10 лет), в районе ступней, были найдены 2 деревянных каблука, закругленных с внешней стороны, высотой 3 см.

В погребении № 2599 (женщина, 30–35 лет) также в районе стоп были найдены фрагменты кожи. Вероятно, аналогично являлись частью обуви.

Таким образом, можно сказать, что в захоронениях, изученных в 2019–2020 гг., больше всего сохранились фрагменты обуви – суконки, туфли (?) на каблуках и тапки на кожаной подошве. Уникальна находка фартука и полотенца. Рассмотренные образцы, а также не изученные пока находки тканей и кожи из могил, раскопанных в 2007–2017 гг., помогут восстановить погребальный костюм ижевца XIX – начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Храмозданная грамота на обращение кладбищенской часовни в церковь во имя Св. Троицы от 20 марта 1782 г // ЦГА УР. Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской губернии. Вятка, 1914. С. 276.
2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. 245. Оп. 1. Д. 7125.
3. ЦГА УР. Ф. 475. Оп. 1. Д. 351.
4. Архив Института истории и культуры народов Приуралья (далее – ИИКНП). Бернц В.А. Отчет об археологических исследованиях Троицкого (Нагорного) кладбища в г. Ижевске УР, проведенных в 2013 году. Рукопись.
5. Архив ИИКНП. Ф. 2. Цыгвинцева Т.А. Отчет об охранных археологических работах (спасательных раскопках) выявленного ОКН «Троицкое (Нагорное) кладбище г. Ижевска», проведенных летом-осенью 2015 г. в г. Ижевск УР

6. Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 520. Пастушенко И.Ю. Отчет об археологических исследованиях Троицкого (Нагорного) кладбища в г. Ижевске УР, проведенных в 2008 г.

7. Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 521. Пастушенко И.Ю. Отчет об археологических исследованиях Троицкого (Нагорного) кладбища в г. Ижевске УР, проведенных в 2009 г.

8. Пастушенко И.Ю. [и др.] Исследования Троицкого кладбища // Археологические открытия – 2007. М., 2010. С. 376–378.

9. Карпушкина О.А. [и др.] Спасательные раскопки на Троицком (Нагорном) кладбище Ижевска // Археологические открытия в Удмуртии – 2017. Ижевск, 2018. С. 12–13.

10. Перевозчикова С.А., Черных Е.М. Спасательные археологические работы на территории Удмуртской республики // Археологические открытия в Удмуртии – 2019. Ижевск, 2020. С. 4–7.

11. Соловьева Э.Д. Троицкое кладбище XIX–XX вв. как источник по истории Ижевска : маг. дис. Ижевск, 2013.

12. Орфинская О.В. Терминологический аппарат для описания узорных шелковых тканей Средневековья в музейных коллекциях. М., 2019. С. 106.

УДК 93/94

М.Ю. Чупин

**«ЖУТКО ВАМ НА ПОРОГЕ АЗИИ!»:
ОРИЕНТАЛИСТСКИЕ И ЭВОЛЮЦИОНИСТСКИЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЧИНОВНИКА
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
В.Л. КИГНА (ДЕДЛОВА)**

Реконструированы представления писателя и чиновника Переселенческого управления В.Л. Кигна (Дедлова) о территории Российской империи и её народах. Азиатских «иностранцев» Кигн характеризует как «отсталых» в рамках ориенталистской оппозиции цивилизованная «Европа» и неразвитая «Азия». Русские крестьяне также характеризуются как отсталые, но в рамках другой эволюционистской оппозиции «образованное общество» и «русский народ». В.Л. Кигн призывал образованное общество к ускоренной цивилизации крестьян.

Ключевые слова: В.Л. Кигн, Российская империя, Переселенческое управление, ориентализм, эволюционизм

Территория Российской империи в результате её расширения на Восток оказалась расположена в двух частях света: Европе и Азии. Картографирование окраинных территорий потребовало уточнить северную границу между ними, чтобы вписать империю в географические представления, сформировавшиеся еще в эпоху античности [1. С. 205, 206]. В петровскую эпоху, благодаря в том числе В.Н. Татищеву граница между Европой и Азией была закреплена по Уральскому хребту [1. С. 209–211], хотя в качестве иных границ рассматривались также Волга и Енисей. Эта граница наполнялась не только географическим, административным, но и культурным содержанием. Деление территории на освоенные и «дикие», «развитые» и «отсталые» влияло и на восприятие населения, на них проживающего. Среди авторов, обратившихся к описанию культурных границ внутри российского населения, можно выделить писателя и чиновника Переселенческого управления В.Л. Кигна.

Реконструкция представлений В.Л. Кигна о территориях Российской Империи и её народах через понятия «ориентализм» и «эволюционизм» является целью настоящего исследования. По одному из определений Э. Саида ориентализм – «это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии «Востока» и (почти всегда) «Запада» [2. С. 10]. По Саиду, «Восток не является инертным фактом природы» [2. С. 12], он сконструирован европейцами как свой «другой» [2. С. 15]. Мы рассмотрим один из аспектов ориентализма – «отставание» восточных народов, представление, относящееся к популярному в то время линейному эволюционизму [3. С. 163]. Саид в этой связи пишет о дарвинизме, который оказал воздействие на ориентализм [2. С. 39, 40, 67]. Нам близко замечание Н. Найта, что ориентализм «не следует воспринимать как «универ-

сальную модель»», в которую можно вписать всех интеллектуалов, обращающихся в «Востоку» [4. С. 239]. Применение концепта «ориентализм» к Российской империи имеет свою специфику, так как она была одновременно и субъектом, и объектом колонизации. Азиатские территории при этом воспринимались, скорее, как интегрируемое продолжение России, а не колонии, и управлялись в соответствии с этими представлениями [5. С. 11]. Это не исключает наличие колониальных ситуаций в Российской империи и заимствования колониальных идей.

В.Л. Кигн (1856–1908 гг.) родился в семье немецкого дворянина и белорусской дворянки, но впоследствии идентифицировал себя как русского. Он окончил Юридический факультет Санкт-Петербургского университета, служил в Земском отделе МВД, а затем в Переселенческом управлении. Кигн стал одним из составителей справочников об Азиатской России для переселенцев. Во время службы он побывал в Оренбургской, Тургайской областях и в Тобольской губернии. В.Л. Кигн известен как популярный в своё время писатель с псевдонимом Дедлов, был другом А.П. Чехова [6].

Источником для реконструкции его представлений могут служить путевые очерки – «Переселенцы и новые места» 1894 г.

В.Л. Кинг обращается к описанию Азиатской России, чтобы указать образованному обществу на недостатки России Европейской. Посыл книги «Переселенцы и новые места» заключается в призыве содействовать экономическому и культурному развитию «мужика» в Европейской России, а не только переселять его в Азию, где он сохранит «первобытные» способы хозяйствования. В случае переселения русских крестьян на Азиатские окраины, по мнению Кигна, может произойти вытеснение русских из Европы: «немец», ведущий «*Drang nach Osten*», «должен вытеснить нас из Европы, а мы должны уйти в Азию, где и одичаем» [7. С. 3, 4]. В Азии же, на его взгляд, «достаточно военной, казачьей колонизации» [7. С. 4].

Будучи принципиальным противником запрещения переселения, он тем не менее «далеко не в восторге, ни от переселенцев, ни от «новых мест» [7. С. 5, 6]. Для него переселение – это «бегство от необходимости культурного роста», а «теснота не в малоземелье, а в необходимости перехода от первобытного хозяйничанья на девственной почве к более сложному хозяйству» [7. С. 102]. Его взгляды на причины переселения были схожи с представлениями об относительном и абсолютном малоземелье ведущего специалиста по переселению и аграрному вопросу того времени А.А. Кауфмана [8. С. 179, 180].

В работе прослеживаются ориенталистские представления об отсталой Азии и её народах. Так, В.Л. Кигн сравнивает Оренбург с Дамаском: «И тот, и другой стоят на рубеже культуры и варварства. От обоих на запад хорошие дороги, – у Оренбурга железная, у Дамаска шоссейная, – оседлое население, христианство, «Европа»; а на восток – безграничные степи, кочевники, степные табуны, овцы, верблюды, мусульманство». В.Л. Кигн характеризует как «отсталых» не только «инородцев», но и русских крестьян. По признаку культурности В.Л. Кигн, противопоставлял русского мужика русскому дворянину, американцу и немцу, но сближал его с «инородцами». По мнению В.Л. Кигна, из этнической принадлежности, а точнее из этнической истории переселенца, вытекают его колонизационные качества [9. С. 192]. Так, крестьяне, переселившиеся в Азиатскую Россию, где они могут не интенсифицировать хозяйство, «возвращаются в состояние шестнадцатого столетия», становясь «полу-зверем, подобным киргизу и обнимающимся с ним» [7. С. 135]. Это не исключает конфликтности местных народов и крестьян-переселенцев. Конфликты казахов и переселенцев тоже описаны в травелогe [7. С. 50]. Отмечается воинственность «киргизов» [7. С. 50] и их непривлекательная внешность [7. С. 35], что вписывается в ориентальное восприятие. Упоминание перехода «кир-

гиз» к земледелию [7. С. 17] можно интерпретировать как факт развития (а не отсутствие прогресса, внеисторичность, которые приписывались азиатским народам).

Однако взгляд Кигна на крестьянина и «киргиза-инородца» двоякий. Другие характеристики крестьян черпаются из классической отечественной литературы, когда крестьянин «до такой степени человек, что прямо завидуешь ему, даешь себе обещание подражать ему» [7. С. 35]. «Киргиз» В.Л. Кигн вместе с башкирами называет «благородными нациями» [7. С. 17]: «Киргизское сердце – «вовсе простое»: все за чистую монету принимает, – и хлеб-соль, и поклоны, и радость [7. С. 50]. Здесь мы видим тоже ориенталистский образ «благородного дикаря».

В.Л. Кигн подводит читателей к выводу о необходимости более интенсивного культуртрегерства не столько в отношении «инородцев», но прежде всего в отношении русского крестьянина: «Мы цивилизуем, мы цивилизуемся, но надо идти еще скорей, еще скорей». «Именно теперь мы переживаем критический момент. Не в Петербурге, не в Москве решаются теперь будущие судьбы России, а в глухих деревнях, русских, мордовских, татарских, башкирских» [7. С. 54]. Отсталость населения у В.Л. Кигна не связана с расой, нацией или территорией проживания, она позиционируется как преодолимая в будущем. Элементы расовой теории присутствуют в травелогe, но В.Л. Кигн считает, что в родстве (смешении) русских, мордвы, татар «нет ничего худого», так как татары «люди вполне русские» [7. С. 110], в чём прослеживаются русификаторские взгляды. С другой стороны, отсутствие ориентализации татар связано не только со смешением с русскими и вхождением в состав русского народа, но и с их немонгольским происхождением: «Татарин, вошедший в состав великоросса, совсем не монгол. Он и в основе своей тюрк...» [7. С. 110]. Указания на отсталость русского крестьянина, татар, мордвы можно было бы интерпретировать как «внутренний ори-

ентализм». Но В.Л. Кигн не использует по отношению к русским крестьянам азиатские или восточные номинации, в этническом плане В.Л. Кигн считает себя и крестьян одним целым – русскими. «Отсталость» здесь не совпадает с «ориентализацией», крестьянин является «другим» в оппозиции образованное русское общество – русский народ (по Я. Коцониусу) [10. С. 13, 14].

Работа «Переселенцы и новые места» направлена на образованное общество, которое В.Л. Кигн хочет побудить цивилизовать крестьян. Но этот травелог можно рассмотреть с другой стороны: как служащие на окраинах чиновники воспринимали места своей службы. Своеобразный «страх» перед «дикими» территориями Азиатской России, отсутствие необходимой для образованного человека инфраструктуры (дорог, больниц, библиотек и т.д.) [7. С. 8, 10, 24, 53, 79] могли играть существенное значение в отборе чиновников.

Таким образом, в травелог В.Л. Кигна «Переселенцы и новые места» имеют место ориенталистские представления об отсталости народов Азиатской России, впрочем, преодолимой. Но для него важнее показать отсталость народов и России Европейской. Оппозиция «мы» и «они» (другие) в случае крестьян Европейской России проходит не по границе Европа-Азия, а, скорее, по линии «образованное общество» и «народ». В.Л. Кигн «пугает» читателей не только «дикостью» Азиатской России и ее населения, но и «отсталостью» русского крестьянства, усугубляющейся в процессе переселения, призывает к их ускоренной цивилизации. Будучи популярным писателем и чиновником, он мог наряду с другими деятелями культуры привнести вклад в «мобилизацию» общества к ускоренной «цивилизации» прежде всего русских крестьян (а потом уже народов Азиатской России, возможно, в отдалённой перспективе) с целью решения проблем аграрного кризиса, голодных лет и эпидемий. Подобными мероприятиями по поднятию культурного уровня в Азиатской России наряду с переселением крестьян

ян занималось и Переселенческое управление путём издания справочной литературы, организацией опытных показательных полей и т.д. Служащие Переселенческого управления должны были быть готовы служить вдали от культурных учреждений, оперативной прессы, что служило фактором отбора чиновников, готовых терпеть эти лишения для просвещения народа и улучшения его жизни. Подобная модернизация (вестернизация), на наш взгляд, в связи с недостаточным признанием субъектности этносов не могла быть гармонично согласована с культурными традициями, что станет фактором их частичной утраты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бассин М. Россия между Европой и Азией. Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. М. : Новое изд-во, 2005. С. 277–301.
2. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции. СПб. : Русский мир, 2006. 636 с.
3. Клейн Л.С. История антропологических учений. СПб. : Издательский дом СПбГУ, 2014. 744 с.
4. Найт Н. О русском ориентализме: Ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. М. : Новое изд-во, 2005. С. 324–341.
5. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вев. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. 577 с.
6. Скибина О.М. Русская идея Кигн-Дедлова // Мужская работа. Быть сильным в правде. 2018. № 53. URL: <http://www.menswork.ru/?q=content/русская-идея-кигн-дедлова> (дата обращения: 20.03.2021).
7. Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места: путевые заметки. СПб. : М.М. Ледерле и К, 1894. 202 с.
8. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб. : Типография т-ва «Общественная Польза», 1905. 349 с.
9. Суворова Н.Г. Этнографическая выставка В.Л. Дедлова: новый образ российского переселенца на сибирской окраине // Переселенцы и новые места. Панорама Сибири. М. : Граница, 2008. С. 189–199.
10. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1914. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 313 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Станислав Николаевич, аспирант 2 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующий кафедрой востоковедения ТГУ В.П. Румянцев.
E-mail: *gaarane91@mail.ru*

Алехина Лидия Эдуардовна, студентка 1 курса филиала Московского инженерно-физического института (Лесной); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин МИФИ А.Г. Константинова.
E-mail: *alfijasharafullina@rambler.ru*

Артамов Михаил Дмитриевич, студент 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р полит. наук, профессор кафедры политологии ТГУ Н.Г. Щербинина.
E-mail: *artmisha18@gmail.com*

Афанасьева Дарья Андреевна, магистрант 1 года обучения Самарского национального исследовательского университета (Самара); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения СНИУ Л.Н. Попкова.
E-mail: *russiandeadsoul@gmail.com*

Бабынцева Елизавета Михайловна, студентка 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры востоковедения ТГУ Л.А. Андропова.
E-mail: *babyntseva@gmail.com*

Базайкина Ольга Константиновна, магистрант 2 года обучения Кубанского государственного университета (Краснодар); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России КубГУ О.В. Ратушняк.
E-mail: *obazajkina@mail.ru*

Баранова Ирина Владимировна, аспирантка 3 года обучения Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).
E-mail: *ir4enok.88@mail.ru*

Белкина Полина Юрьевна, аспирантка 3 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой политики ТГУ С.Н. Мирошников.

E-mail: *polina.belkina.vot@gmail.com*

Белозерцева Надежда Сергеевна, выпускница Томского государственного университета (Томск).

E-mail: *loveestlive@yandex.ru*

Бугрева Кристина Игоревна, студентка 2 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ Н.В. Трубникова.

E-mail: *k.bugreva@mail.ru*

Варгач Мария Александровна, студентка 1 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ Д.С. Коньков.

E-mail: *vargach.maria@gmail.com*

Васильев Арсений Николаевич, студент 3 курса Российского государственного гуманитарного университета (Москва); науч. рук. – канд. ист. наук, научный сотрудник Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова Основные сведения РГГУ Д.Д. Беляев.

E-mail: *vasilev.brk@gmail.com*

Васильева Анастасия Константиновна, студентка 2 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политологии ТГУ А.И. Щербинин.

E-mail: *anastasiavasiliva01@mail.ru*

Вишнякова Ева Геннадьевна, студентка 3 курса Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск); науч. рук. – канд. ист. наук, заведующий кафедрой мировой экономики, международных отношений и права НГУЭУ Д.А. Борисов.

E-mail: *eva.vishnyakova00@mail.ru*

Гадельшин Рустам Ренатович, студент 4 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ТГУ Е.В. Попова.

E-mail: *gadelshin.mvp@gmail.com*

Геворкян Ануш Артаваздовна, студентка 2 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории ТГУ П.П. Румянцев.

E-mail: *anushgevorgyan71@mail.ru*

Герасимов Максим Вячеславович, магистрант 2 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ Д.Н. Шевелев.

E-mail: *gerasim.maks@mail.ru*

Гладушенко Александр Владимирович, магистрант 2 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующая кафедрой археологии и исторического краеведения М.П. Чёрная.

E-mail: *moryak-forever@mail.ru*

Глинкин Виталий Сергеевич, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры востоковедения Томского государственного университета (Томск).

E-mail: *glinkinvs@yandex.ru*

Голев Иван Александрович, магистрант 1 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия ТГУ Н.М. Дмитриенко.

E-mail: *ivan.golev.2016@mail.ru*

Гуревич Даниил Игоревич, студент 4 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политологии ТГУ А.И. Щербинин.

E-mail: *danil.gurewitch@yandex.ru*

Дементьев Денис Вячеславович, магистрант 1 года обучения Кемеровского государственного университета (Кемерово); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений КемГУ Р.С. Селезнев.
E-mail: *denisotor@yandex.ru*

Домбровский Павел Алексеевич, магистрант 1 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры востоковедения ТГУ О.В. Хазанов.
E-mail: *paschad2009@mail.ru*

Дубинина Юлия Михайловна, студентка 3 курса Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск); науч. рук. – канд. ист. наук, заведующий кафедрой мировой экономики, международных отношений и права НГУЭУ Д.А. Борисов.
E-mail: *richijuly@gmail.com*

Дудина Виктория Алексеевна, студентка 3 курса Сибирского федерального университета (Красноярск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории СФУ Е.В. Голубева.
E-mail: *dudina2000bika00@mail.ru*

Дунаев Дмитрий Борисович, преподаватель института истории и права Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар).
E-mail: *dimitrio94@mail.ru*

Дунаевская Мария Максимовна, магистрант 2 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории ТГУ С.А. Некрылов.
E-mail: *maria.dunaevskaya@yahoo.com*

Дуплякин Максим Николаевич, магистрант 1 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории ТГУ П.П. Румянцев.
E-mail: *makmaks4@gmail.com*

Дуэрдун Цзясына, аспирант 1 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры антропологии и этнологии ТГУ Е.В. Нам.
E-mail: *duerdun@yandex.ru*

Ефремов Александр Владиславович, студент 4 курса Орловского государственного университета (Орел); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения ОГУ С.В. Свечникова.
E-mail: *yefremovalex@yandex.ru*

Жуков Владислав Витальевич, студент 4 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующая кафедрой археологии и исторического краеведения М.П. Чёрная.
E-mail: *vlad.mazur99@gmail.com*

Зайцев Андрей Алексеевич, магистрант 1 года обучения Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории ННГУ М.И. Струкова.
E-mail: *andrey.zaytsev1998@yandex.ru*

Игнатъев Даниил Васильевич, студент 2 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории ТГУ Е.Е. Дутчак.
E-mail: *zer11zer@mail.ru*

Карелина Виктория Викторовна, студентка 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – преподаватель кафедры востоковедения ТГУ Д.В. Громова.
E-mail: *karelinaviktoria885@gmail.com*

Карпачев Максим Константинович, студент 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ, заведующий отделом рукописей и книжных памятников НБ ТГУ К.А. Конев.
E-mail: *smolso@yandex.ru*

Келлер Любовь Ивановна, аспирантка 3 года обучения Омского государственного университета (Омск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории и политологии ОмГУ В.Г. Рыженко.
E-mail: *l.i.keller@mail.ru*

Ковалева Анна Владимировна, студентка 4 курса Балтийского федерального университета (Калининград); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента БФУ Э.Б. Зальцман.

E-mail: *anny-kovaly@yandex.ru*

Колеватова Юлия Сергеевна, студентка 4 курса Марийского государственного университета (Йошкар-Ола); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики МарГУ Е.В. Суслов.

E-mail: *julia.kolevatova@yandex.ru*

Кондратенко Григорий Алексеевич, студент 4 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующая кафедрой археологии и исторического краеведения М.П. Чёрная.

E-mail: *grisha.kondratenko@yandex.ru*

Кориневский Юрий Александрович, студент 3 курса Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва); науч. рук. – канд. социол. наук, доцент института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС В.А. Эпштейн.

E-mail: *korinevski2015@yandex.ru*

Корнилов Константин Евгеньевич, студент 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры востоковедения ТГУ С.В. Вольфсон.

E-mail: *tsu031810kk@gmail.com*

Котович Ксения Анатольевна, студентка 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующая кафедрой новой и новейшей истории и международных отношений ТГУ Е.В. Хахалкина.

E-mail: *xeniya.cat.ovich@gmail.com*

Креницына Таисия Сергеевна, аспирантка 3 года обучения Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры источниковедения истории России СПбГУ Е.В. Петров.

E-mail: *taisiakrinityna@gmail.com*

Кулеш Семен Алексеевич, студент 3 курса Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск); науч. рук. – канд. ист. наук, заведующий кафедрой мировой экономики, международных отношений и права НГУЭУ Д.А. Борисов.
E-mail: *sem.kulesh@mail.ru*

Кулигин Глеб Анатольевич, магистрант 1 года обучения Дальневосточного федерального университета (Владивосток); науч. рук. – канд. ист. наук, старший преподаватель школы цифровой экономики ДВФУ А.А. Антонова.
E-mail: *kuligin.ga@students.dvfu.ru, kuligin553@gmail.com*

Леонтьева Арина Сергеевна, студентка 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, ассистент кафедры антропологии и этнологии ТГУ А.А. Садырин.
E-mail: *arinapetrakova729@gmail.com*

Лобанова Юлия Вячеславовна, студентка 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ, заведующий отделом рукописей и книжных памятников НБ ТГУ К.А. Конев.
E-mail: *lobanovayulia15@gmail.com*

Лыкова Алена Алексеевна, аспирантка 3 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения ТГУ А.С. Шевляков.
E-mail: *alena.lykova.1995@mail.ru*

Македонов Дмитрий Александрович, студент 1 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – ассистент кафедры политологии ТГУ А.Ю. Краснопёров.
E-mail: *mitya.makedonov@yandex.ru*

Малюгин Антон Олегович, студент 4 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории ТГУ Е.Е. Дутчак.
E-mail: *mao-11@yandex.ru*

Мананникова Анна Геннадьевна, студентка 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ Н.В. Трубникова.
E-mail: *AnytaManannikova@gmail.com*

Марцев Никита Павлович, студент 1 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – ассистент кафедры политологии ТГУ А.Ю. Краснопёров.
E-mail: *crankcamarada@mail.ru*

Мастрюкова Анастасия Александровна, аспирантка 1 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ Д.Н. Шевелев.
E-mail: *mastryukovaa@mail.ru*

Менщикова Юлия Валерьевна, аспирантка 2 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующая кафедрой новой и новейшей истории и международных отношений ТГУ Е.В. Хахалкина.
E-mail: *menshchikova.yu@mail.ru*

Минор Эрика Эдуардовна, студентка 2 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой политики ТГУ С.Н. Мирошников.
E-mail: *erika.x508@gmail.com*

Михайленко Елизавета Ивановна, аспирантка 2 года обучения Омского государственного университета (Омск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения ОмГУ Н.Г. Суворова.
E-mail: *elizaveta-mihailenko@mail.ru*

Михайлицина Елена Александровна, аспирантка 3 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующий кафедрой истории и документоведения ТГУ В.Н. Кудряшев.
E-mail: *mihailicina@mail.ru*

Михайлова Ольга Александровна, студентка 3 курса Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени СПбГУ В.Н. Борисенко.
E-mail: *mikhaylova_ol01@mail.ru*

Мокрецова Екатерина Николаевна, студентка 4 курса Московского государственного университета (Москва); науч. рук. – канд. ист. наук, профессор кафедры истории социально-политических учений МГУ К.М. Андерсон.
E-mail: *galatara@mail.ru*

Огнев Даниил Алексеевич, преподаватель Кемеровского президентского кадетского училища (Кемерово); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории ТГУ В.В. Шевцов.
E-mail: *danielognev@yandex.ru*

Ожогина Светлана Михайловна, магистрант 2 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры востоковедения ТГУ О.В. Хазанов.
E-mail: *ozhoginasm@mail.ru*

Падалко Семен Сергеевич, магистрант 1 года обучения Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры этнографии и антропологии СПбГУ И.И. Верняев.
E-mail: *semenpadalko14@gmail.com*

Папян Андроник Варданович, студент 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений ТГУ Л.Н. Смолякова.
E-mail: *papyanandronik@gmail.com*

Пастухов Константин Сергеевич, студент 2 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории ТГУ Е.Е. Дутчак.
E-mail: *kotik2001pks@mail.ru*

Патрик Алина Евгеньевна, студентка 1 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующая кафедрой новой и новейшей истории и международных отношений ТГУ Е.В. Хахалкина.
E-mail: *alina_patrik@mail.ru*

Пискунова Александра Евгеньевна, магистрант 2 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры антропологии и этнологии ТГУ И.Г. Поправко.
E-mail: *alexpiskunova@mail.ru*

Полугородний Михаил Сергеевич, магистрант 1 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории ТГУ С.А. Некрылов.
E-mail: *polugorodniy@inbox.ru*

Попов Юрий Павлович, аспирант 1 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений ТГУ О.Г. Лекаренко.
E-mail: *jasonic.popov@gmail.com*

Савина Екатерина Владимировна, аспирантка Тульского государственного университета (Тула); науч. рук. – д-р полит. наук, директор института гуманитарных и социальных наук ТулГУ И.А. Батанина.
E-mail: *ekaterina.savina.1993@gmail.com*

Самбук Данила Сергеевич, студент 1 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – старший преподаватель кафедры востоковедения ТГУ Н.О. Ооржак.
E-mail: *ivan.dany1@mail.ru*

Сафарметова Нелли Александровна, ученица 10 класса Томского гуманитарного лицея (Томск); науч. рук. – учитель ТГЛ В.А. Гайдашова.
E-mail: *kittennell@mail.ru*

Скоробогач Никита Игоревич, аспирант 3 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории ТГУ Л.И. Шерстова.

E-mail: *skorobogach_nikita@mail.ru*

Смачных Владислава Евгеньевна, студентка 3 курса Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск); науч. рук. – канд. ист. наук, заведующий кафедрой мировой экономики, международных отношений и права НГУЭУ Д.А. Борисов.

E-mail: *smac-vlada@yandex.ru*

Смердова Валерия Андреевна, студента 2 курса Удмуртского государственного университета (Ижевск); науч. рук. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник института истории и культуры народов Приуралья УдГУ С.А. Перевозчикова.

E-mail: *lerasmerdova@mail.ru*

Сметанина Изабелла Сергеевна, студентка 2 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории ТГУ И.А. Дунбинский.

E-mail: *b_smetanina@mail.ru*

Сорокин Никита Юрьевич, студент 3 курса Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); науч. рук. – д-р ист. наук, заведующий кафедрой истории России с древнейших времён до XX века СПбГУ А.Ю. Дворниченко.

E-mail: *niki-s@mail.ru*

Строковский Владислав Андреевич, студент 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории ТГУ В.В. Шевцов.

E-mail: *kemerovo40@gmail.com*

Стыщенко Алексей Сергеевич, студент 3 курса Российского государственного гуманитарного университета (Москва); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент, заместитель декана исторического факультета РГГУ П.А. Алипов.

E-mail: *Stytisa@mail.ru*

Сурков Максим Юрьевич, аспирант 2 года Уральского федерального университета (Екатеринбург); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России УрФУ К.Д. Бутров.

E-mail: *maksim.surkov@urfu.ru*

Сюй Цзюнь, аспирант 2 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры востоковедения ТГУ Е.В. Савкович.

E-mail: *xujun@mail.ru*

Таскаев Николай Михайлович, студент 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ, заведующий отделом рукописей и книжных памятников НБ ТГУ К.А. Конев.

E-mail: *taskaev.kol@gmail.com*

Терлецкий Владислав Александрович, магистрант 1 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политологии ТГУ А.И. Щербинин.

E-mail: *kraylog@gmail.com*

Ткачев Виталий Викторович, аспирант 1 года обучения Иркутского государственного университета (Иркутск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России ИрГУ В.П. Шахеров.

E-mail: *vitaliy.tkachev.96@mail.ru*

Тодыков Егор Сергеевич, аспирант 1 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений ТГУ О.Г. Лекаренко.

E-mail: *EgorKem42@rambler.ru*

Устюжанцева Ольга Валерьевна, магистрант 1 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры антропологии и этнологии ТГУ И.Г. Поправко.

E-mail: *olgvust@gmail.com*

Халимочкин Владимир Сергеевич, студент 3 курса Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры новейшей истории России СПбГУ М.Ф. Польшов.
E-mail: *st069388@student.spbu.ru*

Цацына Аллана Вячеславовна, студентка 3 курса Иркутского государственного университета (Иркутск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ В.И. Дятлов.
E-mail: *tsatsyna.a@mail.ru*

Целева Полина Ивановна, магистрант 1 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, заведующая кафедрой антропологии и этнологии ТГУ О.В. Зайцева.
E-mail: *klngtttr2017@mail.ru*

Чабина Анна Евгеньевна, студентка 2 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории И.А. Дунбинский.
E-mail: *cabinaanna99@gmail.com*

Чернолуцкая Алина Игоревна, магистрант 1 года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры востоковедения ТГУ Е.В. Савкович.
E-mail: *cher.alina22@gmail.com*

Чупин Максим Юрьевич, магистрант 1 года обучения Омского государственного университета (Омск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения ОмГУ Н.Г. Суворова.
E-mail: *maxim.chupin.1998@gmail.com*

Шевелев Антон Игоревич, студент 2 курса Российского государственного гуманитарного университета (Москва); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания РГГУ Л.П. Репина.
E-mail: *shevelant@yandex.ru*

Шейбак Виктор Викторович, студент 3 курса Оренбургского государственного университета (Оренбург); науч. рук. – д-р филол. наук, доцент кафедры журналистики ОГУ Т.М. Жаглова.

E-mail: *vitsh99@yandex.ru*

Щербатых Марина Ильинична, студентка 3 курса Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск); науч. рук. – канд. ист. наук, заведующий кафедрой мировой экономики, международных отношений и права НГУЭУ Д.А. Борисов.

E-mail: *sherbatyh99m@gmail.com*

Ядренкина Анна Евгеньевна, студентка 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой политики ТГУ С.Н. Мирошников.

E-mail: *yadr2000@gmail.com*

Янга Мартинез Мишель Вероника, магистрант 2 года Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ТГУ М.В. Подрезов.

E-mail: *michellellangamartinez@gmail.com*

Ястребова Ульяна Викторовна, студентка 4 курса Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); науч. рук. – д-р филос. наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики СПбГУ Л.Е. Артамошкина.

E-mail: *st064931@student.spbu.ru*

Научное издание

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕГОДНЯ: НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ ПРОШЛОЕ,
НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ**

**Сборник материалов XVI Всероссийской
(с международным участием) научной конференции студентов,
магистрантов, аспирантов и молодых ученых
(Томск, 21–23 апреля 2021 г.)**

Выпуск 16

Издание подготовлено в авторской редакции

Оригинал-макет А.И. Лелюю
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 16.09.2021 г. Формат 70×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 38,3. Усл. печ. л. 35,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 4788

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907442-29-0

